

В. И. Чернышев

СВИДЕТЕЛЬ

**Важнейших лиц, идей и событий Русской
Истории и Культуры
в течение 75 лет (1950 – 2024)**

Книга первая: ВСТРЕЧИ и СУДЬБЫ

**ХРЕСТОМАТИЯ ПО МОТИВАМ РУССКОГО
ПРОБУЖДЕНИЯ, НАПИСАННАЯ МОИМИ ДРУЗЬЯМИ.
Я – ТОЛЬКО ЕЕ СОСТАВИТЕЛЬ**

СЕМЬ ЧАСТЕЙ и ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура как Метафизика жизни

Часть 1. Великая русская художница	с. 5
Часть 2. Ода памяти	с. 40
Часть 3. Черный квадрат Малевича	с. 153
Часть 4. Русские гении	с. 176
Часть 5. Светочи русского самосознания	с. 223
Часть 6. Суриков как свидетель	с. 356
Часть 7. Пред лицем всевидящих	с. 362

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ Статья

Сия книга посвящена в значительной степени моим *ближним* (*Казимир, Юрий Борисович, Гелиан, Саша Михайлов, Н.И.Калягин, Н.П.Ильин, Т.А.Шумовский* ... и я поразился, насколько они все достойны. Однако более значительное место в ней занимают известные деятели культуры и науки, многие из которых вызывают в обществе споры и отторжение. Но все мы соединены словно бы некой высшей силой в *коллектив авторов*, и хотя решающим был мой личный выбор, мой вкус – но сначала я принял и вкус и мнения одной узкой группы, чтобы она стала более представительной: Солженицына, Шафаревича, Солоухина, Ильи Глазунова, Дудинцева, Распутина, они выбрали Василия Белова, Леонида Бородину, даже Ст.Куняева Сборники "Вехи" и "Из под глыб" вошли в наш круг сами вместе с историей и Русской интеллигенцией.

**Санкт-Петербург.
июнь 23 – февраль 25**

Солженицына в своё время поразила мысль о том, что **всё случающееся с человеком неизбежно похоже на него самого** (из книги "Контрапунктом" Хаксли). Он стал проверять это на своей жизни и поразился меткости замечания. Многие "случайности", действительно, всегда плод, **отпечаток природы человека**, с которым они происходят.

Интересно, что по этому поводу сказал бы сейчас сам Солженицын? *Рассуждения, что **каждый народ заслуживает своей судьбы**, я от него слышала. А **каждый человек**?*

Н. А. Решетовская «В СПОРЕ СО ВРЕМЕНЕМ»
(Воспоминания). ГЛАВА I. Война

ОПАСНЕЙШЕЕ ЗАМ ДО ВЕЧЕРНЕЙ

Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку – каждый выбирает для себя.
Юрий Левитанский

**Товарищество писателей в Петербурге
Секция критики и литературоведения
Союз писателей России**

Цицерон

Федор Тютчев

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»

Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

ХРЕСТОМАТИЯ

Российской духовной свободы

Кроме моих собственных воспоминаний и размышлений я размещаю здесь не только цитаты, но и большие отрывки из текстов друзей и знакомых (а иногда и незнакомых) авторов, о которых я пишу. Это чаще всего люди, вызывавшие во мне восхищение или по крайней мере значительный интерес, с некоторыми из них я даже дружил, увы, не обо всех написал. *Их мы читаем, о них разговариваем, спорим, их цитируем – вправе ли?* Но об этом странно спрашивать, мы и о Боге спорим и о нем пишем и на него ссылаемся – и всё без спору, так же приводим отрывки из общеизвестных книг.

Я их читатель и Свидетель, и они свидетели обо мне, косвенно или прямо. Так что сия книга – наша общая, я – ее зачинщик, они – соучастники: в наибольшей степени **Вл. Солоухин**, его жена **Роза (Рая) Свидетелева**, **Глазунов** (и его жена **Нина Александровна Виноградова-Бенуа**), **Солженицын**, **Шафаревич**, **Дудинцев**, **Зинаида Серебрякова-Лансере** (своими картинами), **Юрий Перепелкин** (своими музыкальными вечерами), **Горбачкий**, **Гневушев**, **Людмила Петровна Жукова** (актриса ТЮЗа), **Н. П. Ильин**, **Н. И. Калягин**... **С. П. Залыгин**, академик **Лихачев**, академик **Рыбаков**, **Валентин Иванов**... **Казимир Лавринович**, **Саша Михайлов**... игумен (архимандрит) **Авраамий**... *имена же и остальных Ты знаешь, Господи!*

Далеко не всех я назвал, но да не будем чрезмерными...

Главный редактор
В. И. Чернышев

Радзивилловская летопись

Ответственный Редактор Маргарита Кукушкина, Редактор Г.М.Прохоров,
при участии А. А. Амосова и академика Д. С. Лихачева.

(издательство «Глаголь», издатели – отец и сын Чернышевы)

Одна из самых знаменитых книг отечественного книгоиздания

ПОЗДНЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

По характеру я **не обвинитель**, тем паче не жесток, и вначале я писал о Зиночке Лансере, с которою связано мое собственное **чудо** – самое возвышенное, чистое, таинственное: ночью во сне она мне сказала, что я найду от нее подарок, я бесцельно до полуночи блуждал по городу – и вдруг в связке газет в трамвае нашел альбомчик в сафьяновом переплете с ее первой акварелью. Ее я в своем очерке восхвалял и защищал, так же пытался защищать крестьян и в безобразном их «Пугачевском» бунте – и против своей воли пошел за Солженицыным, Шафаревичем, Глазуновым, Солоухиным в их беспощадном обвинительном натиске... да и житейский опыт (как бы лично мне ни помогал народ) склонил чашу осуждения за: **ВИНОВЕН!** Помещичьи усадьбы все до единой **сожгли**, храмы все до единого в деревне **разрушили**, кровавому палачу **поклонились**, реки **замутили**, леса **переломали**, от своих крестьянских гениев: Есенина, Клюева, Павла Васильева, Варлама Шаламова – **отреклись**, из всей безобразной стаи сталинских коршунов возненавидели лишь того, кто попытался **искупить** хоть что-то из личной вины и освободил крестьян от **крепостного колхозного** права, а теперь еще **ругают** и тех, кто **смеет обвинять палачей!** А свидетелем моей правоты является **чудо, которому и НЕ возразить!** (см. с.35)

Часть 1.
ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ ХУДОЖНИЦА
Серебрякова Зинаида Евгеньевна

Счастье, Трагедия. Забвение и Слава.

«ДЕВИЧИЙ АЛЬБОМ» НАЧАЛА ВЕКА

Муся Лансере 1900
(из альбома)

Зина Лансере 1900
(из альбома)

Евгений Лансере (Альбом)

Автопортрет. Карандаш. 1900

СЧАСТЬЕ

Зинаида Лансере появилась на свет в декабре 1884 года в родовом имении Нескучное Курской губернии.

Ее мать **Екатерина Николаевна Бенуа-Лансере** (1850, Санкт-Петербург – 1933, Ленинград) была художником-графиком и происходила из рода потомственных франко-итальянских художников и архитекторов: дочь Камиллы Альбертовны Кавос и архитектора **Николая Леонтьевича Бенуа**, старшая сестра архитектора **Леонтия Николаевича Бенуа**, художников **Альберта Николаевича** и **Александра Николаевича Бенуа**; в 1874 вышла замуж за скульптора **Евгения Александровича Лансере**, которому помогала в работе. Член-учредитель Первого дамского художественного кружка (1882). Мать художников **Евгения Евгеньевича Лансере**, **Зинаиды Евгеньевны Серебряковой (Лансере)**, архитектора **Николая Евгеньевича Лансере**.

«(Катя)...возбуждала во мне какое-то особое чувство, которое я не знаю как назвать иначе, нежели как словами “художественный восторг”. Катя считалась вообще очень хорошенькой, я же в ней видел прямо-таки свой идеал.

Копировали обе мои сестры, а Катя даже до того успела в этом, что копировала на заказ в Кушелевской галерее картины разных сладковатых художников середины XIX в., иногда же она решалась пробовать свои силы и на передаче картин более трудных. Знаменитая в те дни «Украинская ночь» Куинджи (это было, когда Катя была уже замужем) прогостила у Лансере года два, не то потому, что собственник «Ночи» пожелал иметь дубликат, не то потому, что сама Катя пожелала «поучиться» на таком образце» (**Александр Бенуа. Мои воспоминания**).

Отец Зинаиды **Евгений Александрович Лансере** прославился как скульптор-анималист. Он умер, когда девочке едва исполнилось два года.

Дяди, старшие братья, друзья дома Лансере – **все** занимались живописью и увлекались рисованием.

Первыми вдохновителями и учителями Зинаиды были дядя Шура - художник и художественный критик **Александр Николаевич Бенуа** (1870-1960), младший сын, самый известный из детей Николая Леонтьевича – художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «**Мир искусства**», автор книги «**Мои воспоминания**» и дядя Берта - художник, архитектор и академик **Альберт Бенуа**.

Преемственность великой династии художников и творческая атмосфера в доме Лансере (теплые и беззаботные семейные посиделки, домашние спектакли, чтение вслух и игра на фортепиано в кругу родных и друзей дома) определили личность и судьбу девочки. Она с детства приучилась к тому, что рисовать и писать кистью – это так же естественно, как и дышать.

Зимовали в большой квартире деда архитектора **Николая Леонтьевича Бенуа** в Санкт-Петербурге неподалеку от **Марининского театра**, а на лето отправлялись в любимое Нескучное.

Николай Леонтьевич Бенуа (1813-1898) – один из наиболее выдающихся архитекторов второй половины XIX столетия, сочетавший в творчестве таланты выдающегося архитектора и отменного графика. Основатель художественной династии **Бенуа-Лансере-Серебряковых**.

Первые шаги Серебряковой на поприще живописи связаны с пейзажами – видами Курской губернии, где находилась родительская усадьба Нескучное. С ранних лет Зинаида помогала крестьянам собирать урожай в поле и в саду, поэтому и рисовать начала природу.

В 1900 году Зинаида выпустилась из женской гимназии и поступила в петербургскую **Академию художеств**, учеба в которой будущей художнице не нравилась. Скоро она сменила Академию на художественную школу известной меценатки княгини **Марии Тенишевой**, а затем стала посещать мастерскую знаменитого портретиста Осипа Бразза. Познакомившись с талантливой художницей **Анной Остроумовой-Лебедевой** во время путешествия по Италии в 1902 -1903 годах, Зинаида Лансере окончательно перестала сомневаться в правильности выбранного пути – она решила заниматься живописью самостоятельно, без участия более опытных наставников.

Замуж Зинаида вышла за своего двоюродного брата Бориса Серебрякова - сына сестры отца. Православная церковь подобные союзы не поощряла, поэтому требовалось специальное разрешение. И все же в 1905 году нашелся священник, который *уладил* дело.

Сразу после свадьбы молодые отправились в Париж, где начинающая художница стала брать уроки живописи в легендарной Академии де ла Гранд Шомьер. Однако Серебрякова хотела вернуться в Нескучное – только там она чувствовала себя по-настоящему счастливой. *«...Полная простота, почти убожество, почти тоска и уныние, и все же счастьем жизни веет от этой комнаты, и в ней ведет свою игру, резвится и смеется ласковая молодость»*, – писал Александр Бенуа об атмосфере деревенского быта в имении.

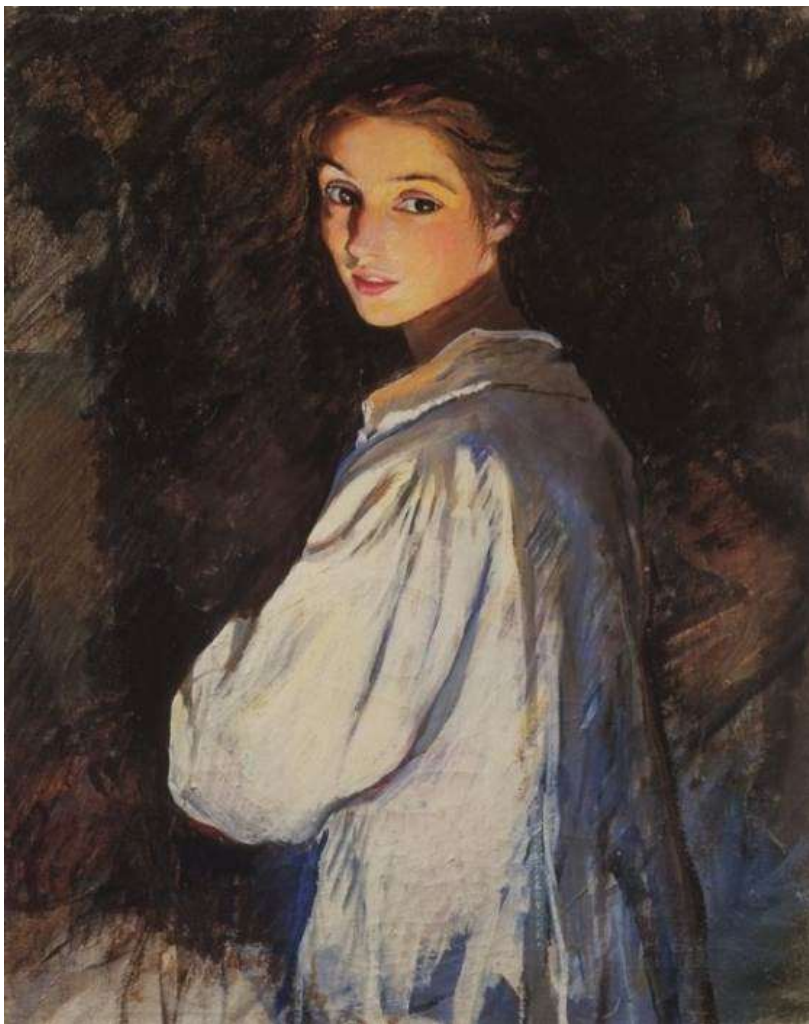

Уборка хлеба

В имени Серебряковы стали родителями: в 1906 году родился первенец Евгений, через год – второй сын, Александр. Борис работал инженером путей сообщения и по долгу службы пропадал в командировках порой по полгода. Художница в это время воспитывала детей и неустанно работала – одна из самых известных ее картин этого периода – этюд «Уборка хлеба», где крестьянки дружно трудятся в поле в ярко-красных и синих сарафанах и кипенно-белых рубахах.

Портрет Бориса Серебрякова. 1913. Частное собрание

Девушка со свечой

*За туалетом. Автопортрет. 1909.
Государственная Третьяковская галерея, Москва*

Эта картина сделала ее знаменитостью.

«Я решила остаться с детьми в Нескучном... Мой муж Борис Анатольевич был в командировке, зима в этот год наступала ранняя, все было занесено снегом – наш сад, поля вокруг, всюду сугробы, выйти нельзя. Но в доме на хуторе тепло и уютно, и я начала рисовать себя в **зеркале...**» – вспоминала она потом.

Брат Серебряковой, Евгений, написал ей, что скоро в Москве откроется выставка «Мир искусства» и ей непременно нужно что-нибудь выставить, – она послала две работы: «За туалетом» и «Зеленя. Осенью» (1908). Работы Серебряковой получили хвалебные отзывы критиков и живописцев, и вскоре были приобретены Советом **Третьяковской галереи**. *«Автопортрет Серебряковой, несомненно, самая радостная вещь... Здесь полная непосредственность и простота: истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное ...»* – вспоминал Александр Бенуа.

В своих работах Серебрякова предпочитала изображать природу, невинные детские игры, красивое и здоровое женское тело. Последнему она посвятила еще одну монументальную картину – «Баня» (1913), в центре сюжета которой банный день крестьянок, пишет критик. Но крестьянок ли? Мир ее Природы *не только объективен*, в центре его **Зеркало**, что и делает изображение природы столь возвышенно субъективным и привлекает внимание зрителя.

Баня
1913

Купальщица
1911

ГРМ

А. Г. Венецианов. *Купальщицы* холст,
масло, 52 × 36 см, 1829, ГРМ)

Родились еще двое детей – девочки Татьяна и Екатерина. Одна из ее самых известных работ этого периода – портрет детей «**За завтраком**» (1914). Мирная домашняя сцена на картине контрастировала с надвигающейся на Россию бедой – в это время уже шла **Первая мировая война**.

За завтраком (За обедом?). 1914 Государственная Третьяковская галерея,

Но Зеркало отгораживает семью художницы и ее дом от действительности и утверждает, охраняет ее домашнюю счастливую жизнь от того будущего, когда Зеркало, возможно, разобьется.

Однако это будущее уже в настоящем, посмотрите, **как серьезны и тревожны лица детей?!**

Почти фламандская неподвижность (внутри которой может быть и таится динамика), но чисто русская неуверенность, предчувствие роковых перемен.

И они не заставили себя ждать слишком долго...

ТРАГЕДИЯ. Грянула роковая **Революция**, погубившая такое великое множество народа и саму Россию, революция, которую до сих пор многие восхваляют.

Невзирая на отсутствие материалов для работы и *жизнь впроголодь*, художница продолжала трудиться. В этот период она создала одну из самых своих известных картин – «Беление холста» (1917).

Обыденная крестьянская работа на ее полотне превратилась в ритуал, а образы крестьянок получили классическую статность, плавность движений.

В этих женщинах, по замыслу Серебряковой, заключена душа вечной России. За счет низкого горизонта и величавости фигур они скорее похожи на античных богинь, чем на работниц в поле.

Беление холста. 1917. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Революция 1917 года застала Серебрякову в родовом имении Нескучное – рухнул спокойный устоявшийся усадебный быт, надежды на выставки за рубежом, каникулы на крымском побережье. Соседние имения разорялись восставшими крестьянами – *находиться в Нескучном тоже уже было небезопасно.*

Рухнул дворянский и Пушкинский (христианский) Миф о взаимной любви рабов и рабовладельцев, миф о Савельиче, барышне-крестьянке, сельской идиллии, пейзажах и Дубровском, подобии средневекового Робин-Гуда.

Новое время воскрешало Пугачева, только в еще более страшном обличье, с Хлопушей в кожаной куртке и с маузером на боку.

Окрестные крестьяне, правда, любили приветливую молодую женщину, часто рисовавшую их прямо в поле, куда она с мольбертом приходила даже раньше их. Однажды они пришли к ней в дом, уговаривая ее уехать из хутора, так как оставаться в нем с детьми было опасно. Если бы у нас было оружие, говорили они, мы бы вас защитили, но у нас нет оружия.

Борис уехал в командировку в Сибирь, потом отправился в Москву, куда его пригласили в качестве специалиста по дорожному строительству. Почта работала плохо, писем от мужа художница практически не получала.

В отчаянии она писала брату Николаю: *«...я здесь в безумном беспокойстве – вот 2 месяца, что не имею ни строчки от Бори, это так страшно, что я с ума схожу. В августе он писал часто, и письма доходили, а с 28-го никаких известий нет».*

В начале 1919 года из Оренбурга наконец-то приехал Борис Серебряков, перевез семью из Нескучного в Харьков и снова отправился на поиски работы. В марте этого же года он умер у художницы на руках от сыпного тифа – заразился по пути домой из командировки. Серебрякова овдовела в 36 лет, как и ее мать. Ее мужу было 39 лет, как и отцу художницы, когда тот умер.

Началась другая жизнь в голодном Харькове – теперь, с четырьмя детьми на руках, ей не на кого было полагаться. Писать в это время было тяжело, но Зинаида нашла в себе силы взяться за уголь и карандаш: масляные краски стали непозволительной роскошью.

В это же время до семьи художницы дошла весточка из Нескучного – **родовое имение разорено и сожжено.**

Карточный домик. 1919. Гос. Русский музей, СПб.

Серебрякова взялась рисовать таблицы исторических находок для археологического музея при Харьковском национальном университете, что позволяло хоть как-то прокормить детей и мать. В это время художница написала свое самое мрачное произведение «Карточный домик» (1919 года) – на холсте изображены ее осиротевшие дети. Карточный домик, который они строят, рассыпается, как рассыпался мир *Бенуа-Лансере-Серебряковых*, Зинаиды Гиппиус, Мережковского, Бунина, Ходасевича, Марины Цветаевой, Иванова-Разумника.

Оставаться в Харькове стало невозможно – не было ни заказов, ни поддержки близких. В декабре 1920 года художница решила перевезти семью в Петроград – осели на Никольской улице, в квартире деда Николая Бенуа.

«Поселились в трех комнатах, поставили „буржуйку“. В остальных комнатах приходилось ходить в пальто. Под мастерскую была отведена небольшая комната с балконом, ее легче было отапливать», – вспоминала дочь художницы Татьяна Серебрякова.

«Ах, так горько, так грустно сознавать, что жизнь уже позади, что время бежит, и ничего больше, кроме одиночества, старости и тоски, впереди нет, а в душе еще столько нежности, чувства. Я в отчаянии, все так безнадежно для меня. Хотя бы уехать куда-нибудь, забыть в работе, видеть небеса, природу». Письмо Серебряковой к Галине Тесленко. Петроград, 28.02 1922.

*Балетная уборная. Снежинки. 1923.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург*

Большевистская власть хоть и не отобрала квартиру, но подселила в комнаты – к счастью, искусствоведа Сергея Эрнста и художника Дмитрия Бушена – неразлучные друзья и оба страстные балетоманы. Старшая дочь Татьяна начала посещать балетные занятия в Мариинке, и у Серебряковой появилась серия балетных сцен, намеченных пастелью. Ее юные танцовщицы, готовящиеся к выступлениям, невесомы, **невинны**, грациозны и в то же время серьезны. И здесь снова появляется **Зеркало**.

Но в 1924 году Серебрякова окончательно осознала, что в Советской России у нее нет ни перспектив, ни надежды обеспечить семью. Единственная возможность хоть как-то существовать – писать портреты на заказ, но это случалось редко. Художница решила, что выход один – ехать во Францию и работать там. В Париже уже жил дядя Зинаиды Александр Бенуа.

ФРАНЦИЯ. 1924–1957

«Если бы Вы знали, дорогой дядя Шура, как я мечтаю и хочу уехать, чтобы как-нибудь изменить эту жизнь, где каждый день только острая забота о еде (всегда недостаточной и плохой) и где мой заработок такой ничтожный, что не хватает на самое необходимое. Заказы на портреты страшно редки и оплачиваются грошами, продаваемыми раньше, чем портрет готов».

Александр Бенуа. Петроград, 1923 год.

В России художница оставила 74-летнюю мать и всех детей: Женю, Сашу, Тату и Катю - их советская власть не отпустила с матерью.

Серебрякова рассчитывала уехать на время, но судьба сложилась так, что в эмиграции художница провела больше половины жизни – 43 года.

Зарабатывать деньги живописью в Париже оказалось не просто: Публика становилась все равнодушнее к творчеству художницы – не было денег на квартиру и мастерскую, порой даже нечем было заплатить натурщикам.

«На пятки наступал авангард...» – но в этом ли дело? Разве Стравинский мешал Рахманинову?

В 1925 году Серебряковой с помощью дяди Александра Бенуа удалось добиться выезда в Париж младшего сына Александра, а в 1928 году – младшей дочери Екатерины.

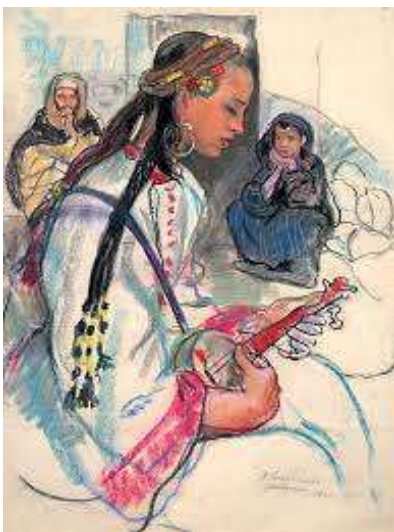
В Париже Серебрякова дружила с семьей Бенуа, художниками Константином Сомовым и Дмитрием Бушеном, искусствоведам Сергеем Эрнстом. Лето проводила во французской Ривьере, Провансе, Бретани, ездила к родственникам в Англию и Швейцарию, вновь посетила Италию. Для экономии снимала только дешевое деревенское жилье.

В 1928 году удача улыбнулась художнице. После выставки «Старое и новое русское искусство» в Брюсселе она получила предложение от бельгийского барона Броуэра написать портреты членов его семьи. Затем барон оплатил два ее путешествия в Марокко в 1928 и 1932 году с условием – после возвращения художницы он выберет из ее марокканских этюдов те, что ему понравятся.

Александр Бенуа: *«Пленительная серия марокканских этюдов, и изумляешься, как в этих беглых набросках (про-изводящих впечатление полной законченности) художница могла так точно и убедительно передать душу Востока».*

Серебрякова ответила: «Меня поразило все здесь до крайности. И костюмы самых разнообразных цветов, и все расы человеческие, перемешанные здесь, – негры, арабы, монголы, евреи (совсем библейские). Я так одурела от новизны впечатлений, что ничего не могу сообразить, что и как рисовать».

Художница организовала парижскую выставку своих марокканских работ, которая собрала множество восторженных отзывов, но продать ничего не удалось. Не удивительно: ее душа отражалась в другом зеркале, *заглянем в ее мир и к ней в душу.*

Девочка в розовом.

Из Марокканского цикла

Марокко. 1932 Бумага, пастель. Частная коллекция

Марокканский цикл работ

In the kitchen. Portrait of Katya. Zinaida Serebryakova

Денег по-прежнему не хватало, хотя дети Серебряковой тоже работали не покладая рук: Саша делал декорации для кино, а Катя мастерила восковых кукол. Но в России ее детям и матери было еще хуже. *Они все время недоедали, квартиру возле Маринки, в которой жили четыре поколения семьи Бенуа, «уплотнили» – теперь они втроем ютились в одной комнатухе.* Но матери ее было еще хуже... но не будем растревлять сердце, русскому народу в СССР было еще хуже, но может быть и поделом...

ОТТЕПЕЛЬ. 1957–1967

Вплоть до 1940 года Серебрякова оставалась гражданкой СССР, надеясь на воссоединение с семьей. Но во время оккупации Франции фашистами ей грозил концлагерь за связь с СССР. Чтобы получить нансеновский паспорт – международный документ, удостоверяющий личность беженца, – ей пришлось отказаться от советского гражданства. А это означало прекращение переписки с родными, оставшимися в Советской России.

В 1957 году постоянный представитель СССР при ЮНЕСКО и посол СССР во Франции передали художнице предложение от правительства вернуться «домой». Но Серебряковой было уже за 70, и она практически не писала. На переезд художница не решилась.

В мае 1960 года её старшей дочери Татьяне **разрешили (кто – Бог разрешил? О, времена, о нравы! – разрешил, вообще говоря, Хрущев – которого за то ли ненавидит русский народ, что он якобы виноват в крушении СССР в 1990 году и в том, что способствовал превращению России из ТЮРЬМЫ в некое подобие нормальной страны?)** посетить мать в Париже после 36 лет разлуки!

Татьяна к тому времени уже стала известным театральным художником во МХАТе.

После свидания она обратилась в правление Союза художников СССР с просьбой организовать выставку произведений матери на родине. И вскоре в скромную парижскую квартиру Серебряковой с важной миссией приехали влиятельные советские художники – отобрать работы для персональной выставки в СССР.

Выдающаяся художница не верила происходящему, хотя собственноручно набивала подрамники и осторожно прикладывала к ним картины. Ведь долгие десятилетия до ее живописи никому не было дела. Не верила она и тогда, когда работы были отправлены на родину, когда уже была готова афиша к выставке. Художница боялась не оправдать ожиданий, боялась, что ее найдут скучной и банальной.

В 1965 году открылись сразу три ее выставки – в Москве, Киеве и Ленинграде; подготовка к ним заняла пять лет. Зинаиде Серебряковой было уже за 80, и она ждала вестей о реакции публики. И дождалась. **Успех был оглушительным** – забытая, она стала знаменитой. Музеи скупали ее картины, а альбомы выпускались миллионными тиражами. Наконец-то её картины увидели те, кто только слышал о ней. *Но разве это отменило Разлуку длиною в полжизни – разлуку с детьми, с матерью, с Россией?*

Портрет Кати. 1934

Жатва 1915

МИСТЕРИЯ и ЖИЗНЬ. Зинаида Серебрякова – великая русская художница, при этом она художница народная. Талант она получила от родителей, которые его получили от своей первой родины – Италии, судьбу она получила от России. Судьба ее была горестной, но одинаковой со всем тем в русском народе, что в нем было честного, духовного, талантливого, справедливого. Не может быть, что **кровавый каток**, который по России прокатился, оправдывают только дети и внуки злодеев, тех, кто сжигал дворянские поместья, их книги, их библиотеки (как библиотеку Блока), кто расстреливал невинных и невинных, кто их мучил и охранял в тюрьмах.

И все же революцию – как пожар, как каток – ее сатрапов, ее участников, ее палачей, тех кто выкорчевывал из России не только дворян, но и интеллигентов и священников, происходящих из простого народа – оправдывает большинство народа, и я не пойму, почему. Что они от революции получили? Убито и изгнано большинство талантливых – неужели только ненависть к тем, кто нас превосходит по уму и таланту, причина оправдания самых жестоких репрессий по отношению к десяткам миллионов людей, которые были в истории? А ведь большинство известных людей предреволюционной поры не дворянского происхождения! Генерал Корнилов из семьи унтер-офицера, таков же и Деникин, простого происхождения Шалапин и Горький, великая певица Вьяльцева, Варя Панина, а вот Жуков и Андропов из богатеев, да еще и с *картавинкой* – но поклонники Сталина разве прощают эту особенность современной оппозиции?

Ну а чем оправдывают сталинисты беспощадный террор против кулаков? Мои собутыльники из кулаков, но Сталина любят, а Хрущева ненавидят... Тендряков и Твардовский из кулаков, у Шукшина расстрелян отец – но разве сталинисты их гонят на Запад?

Ладно, оставим это, превращение русского человека в советского иррационально, ненависть к французской революции, но любовь к ее Гильотине – тоже.

Зинаида Серебрякова прожила трудную жизнь, была *счастлива и признана в ее начале*, вкусила немного счастья и достаточно славы даже в конце, и была она человеком мягким и прощающим несправедливости, из всех ее картин льется свет, даже *печаль*, которою окутаны лица её детей – *светла*. Она никого не осуждает. И я думаю, что в основе ее творчества нечто загадочное, она – бессознательный мистик. И хотя я мистик сознательный, но в своем мистицизме мы сходимся, и неудивительно, что мы прикасались друг к другу, как прикасаются иногда корни кустарников и ветви деревьев. Она оказала большое влияние на мою жизнь. Я был на ее выставке 1965 года в Ленинграде в Академии художеств, но это еще не все. На эту выставку я пригласил свою знакомую, как и я, студентку университета, в течение трех лет перед этим мы не встречались и моя суровая подруга сказала моим друзьям, что она во мне разочаровалась и думает, что *ничего хорошего из меня уже не выйдет*. Картины Зинаиды Лансере нас примирили, да я еще принес с собой томик стихов Марины Цветаевой, и прямо с выставки мы пошли в Загс...ну, не совсем... *мы решили обвенчаться...* И так с тех пор она хотя во мне иногда и разочаровывается, но терпит. Но это еще не все. Через три года была еще одна

выставка художницы, мы снова внимали музыке небес, и так как в душе моей сияли чувства признательности и любви к прекрасной художнице и ее детям, то ночью она мне приснилась (хотя в это время ее уже не было в живых) и сказала, чтобы я утром ехал в город и искал от нее подарок в знак ее добрых ко мне чувств. И я отправился в город, исходил и изъездил его вдоль и поперек, ближе к полуночи возвращался на трамвае, расстроенный, а подарка еще не нашел. В тамбуре стоял мужичонка с пакетом старых газет и затрепанных книжек, как оказалось, он хотел эту связку продать за 11 копеек, чтобы выпить полкружки пива, и душа его тоже уже изнемогала. В 90-е годы я эту историю уже описывал и напечатал в журнале Мфра, поэтому буду краток.

Мне тогда уже приходилось соприкасаться с *иными мирами*, не буду утверждать, как апостол Павел, что приходилось бывать на третьем небе, тем более на седьмом, не буду себя причислять и к *межзвездным скитальцам*, но так как меня любят дети (а они ангелы), *ничто человеческое мне не чуждо* (и я иногда делаю глупости), совсем не богат и не слишком беден, в меру образован, не глуп и не слишком умен, не умираю от скромности но не бахвалюсь, считаю себя умеренно счастливым и слегка несчастным – то я понял, что больше мне уже ничто *не светит*, отдал мужичку единственные 11 копеек, выскочил из трамвая и в ближайшей подворотне разорвал пакет. Там оказался гимназический Альбом, принадлежавший Мусе (Марии Лансере), в нем были две акварели (Муси и Зины) и множество рисунков и стихов их гимназических друзей и подруг и даже их великих родственников Бенуа и Лансере.

Альбом этот позже побывал на выставке Зинаиды Серебряковой в Русском музее, я его дарил выдающемуся коллекционеру живописи Серебряного века М. А. Гневушеву, получил его назад, терял, нашел... и вот теперь присоединяю к своей статье те самые две акварели.

Я думаю, что многим обязан великой художнице и прекрасной женщине за ее милость ко мне: ибо благодаря ее картинам я помирился с М. и она меня простила и за то, что из меня ничего не вышло, и за то, что вряд ли что-то путное выйдет и в будущем. Но всемирная слава пришла к Зинаиде Лансере тогда, когда ей уже исполнилось 80 лет, будем же и мы великодушны к судьбе.

Четвертое колено Лансере / Lancerau – рода, происходящего от попавшего в плен офицера наполеоновской армии Поля (Пауля) Лансере и дочери вестфальского барона фон Таубе...

10/5. Евгений Евгеньевич (23.08/04.09.1875, Павловск – 13.09.1946, Москва). График и живописец, народный художник РСФСР (1945 г.).

11/5. Николай Евгеньевич (14/26.04.1879, С.-Петербург – 06.05.1942, Саратов). Архитектор, график, декоратор, педагог и историк искусства. Член общества «Мир искусства». 02.03.1931 г. был арестован. В 1932 г. осужден Коллегией ОГПУ по статьям 58-6 и 58-11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания с заменой на 10 лет ИТЛ. Заключение отбывал в ОТБ-12 на строительстве Большого дома в Ленинграде. 26.01.1942 г. осужден ОС НКВД СССР по статье 58-6 УК РСФСР и приговорен к 5 годам лишения свободы. **Умер в Саратовской тюрьме № 1** 06.05.1942 г. Посмертно реабилитирован ВТ ЛВО 04.11.1957 г.[25]

12/5. Софья Евгеньевна (1880 – до 1964).

13/5. Екатерина Евгеньевна (1882–1921).

14/5. Мария Евгеньевна (1883–1961).

15/5. Зинаида Евгеньевна Серебрякова

Дети: **Евгений Борисович Серебряков** (1906–1990), архитектор; **Александр Борисович Серебряков** (07.09.1907, имение Нескучное Белгородского уезда Курской губ. – 10.01.1994, **Париж**), живописец, график, декоратор, похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа; **Тат. Бор. Серебрякова** (1912–1989), заслуженный художник РСФСР, замужем за Валентином Филипповичем Николаевым (1900–1988), у них сыновья: Иван Валентинович (р. 1940) и Анатолий Валентинович (1946 – 1970-е) Николаевы, оба художники; **Ек. Бор. Серебрякова** (р. 1913/1914), художница.

Мария Евгеньевна Лансере (Муся) (1883 - 1961) – сестра Зинаиды Лансере, видимо, они учились в одной гимназии и во многом у них был один круг общения, судя по ее акварели, была талантлива как художник, но о ней в интернете я ничего не нашел.

Еще немного генеалогии.

По одной из легенд, майор французской армии Поль Лансере в 1812 году был ранен при Бородино и попал в русский плен. Влюбился в балтийскую немку, баронессу Ольгу Карловну фон Таубе, и остался в России. С французского фамилия Лансере переводится как «копье».

Сын Поля, Людвиг Александр (1815–1869), инженер путей сообщения, служил полицмейстером судоходства на реке Цне в Тамбовской губернии. Именно в тех краях он встретил полячку Элеонору Антоновну Яхимовскую, которая стала его женой. 12 августа 1848 года у супругов родился сын **Евгений**.

Клан Бенуа происходил так же, как и Лансере, от *французских эмигрантов*. Но в России Бенуа оказались несколько раньше. Кондитер Луи-Жан Бенуа покинул родину в 1794 году. При дворе Павла I он служил царским метрдотелем и женился, кстати, тоже на немке, фрейлен Гроппе.

Как Евгений Лансере познакомился с Екатериной Бенуа? С Лансере она познакомилась в рисовальных классах. Их роман начался в 1874 году.... Далее читатель уже всё обо всех знает. Интересно то, что у представителей рода Лансере-Бенуа нет ни одной капли русской крови, однако они все ни французы ни итальянцы ни немцы, а **«чистокровные» русские**. Загадочна русская душа! *Загадочен и русский народ!*

... В интернете есть рассказ о **Марии** и **Софье Лансере**. ... Девушки – прямые потомки уважаемой династии **Лансере** – Бенуа – Кавос, а также *двоюродные внучки художницы Зинаиды Лансере*.

В гримерной

За кулисами (?)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Всемирная слава

Три дня живу в интернете, просматривая то, что говорят и пишут о Зинаиде Серебряковой, династии Лансере-Бенуа и трагичности русской жизни. Великой русской художницей ее называют многие, никто не высказывает даже мелких критических замечаний, на заборах интернета чисто, словно они засыпаны снегом или их побелили.

Солженицын как-то высказал такое замечание, что в тюрьме представители всех народов нашей России (то есть инородцы) помогают *своим* или хотя бы им сочувствуют, только русские бывают ожесточены против своих: может быть, еще не окончилась в душах Гражданская война, не все дворянские усадьбы сожжены, не все храмы порушены (из старых, а ныне построено много новых, их не трогают).

К нашей святой художнице, не рисовавшей мощи святых, но своих детей, крестьянский труд, себя и других представительниц искусства, и много полуобнаженной «женской натуры» не пристала ни одна соринка – может быть и впрямь это потому, что в ней и ее семейных не было ни одной капли русской крови, хотя по чистоте восприятия и передачи *природы и души человека* она безукоризненно русская – если рускостью считать неумение оскорблять постороннего человека, часто беззащитного. Я сам много горячусь, обличаю хамство русской власти и силы, государственные притеснения и несвободы, но я ведь не перехожу на личности, не говорю, что тот или иной имя рек дурак или злодей, я только цитирую Толстого, что «собрались злодеи» и над нами измываются – и все же боюсь, что на меня обрушится шквал негодования за то, что я допускаю, что ... впрочем, ладно...

Зинаида Лансере – зеркало нашей души, но всеобщей жизни, и тем более изнанки жизни в ее творчестве нет. Может быть она зеркало не нашей души, а только своей и своей семьи? И это не умаляет ее творчества, есть множество субъективных философий, в которых философ или художник всматривается внутрь себя и в самом себе находит ответы на наши общие вопросы, таков метод рассуждений Сократа и Платона, иногда Достоевского, даже часто Солженицына, и у живописцев таков метод Левитана, Куинджи, Малевича, а у композиторов – Баха и Бетховена. Я постигаю наш общий мир точно так же, только не могу понять природы зла – но зла в картинах Зинаиды Лансере нет.

Она смотрит на мир в зеркало, в котором этот мир должен отражаться, но отражается преимущественно сама художница, даже когда она создает портреты других людей. Вот, например, портрет Анны Ахматовой, я был сначала в недоумении, кого она изобразила, Анну или Зинаиду? Значит, в каждой из них есть и та и другая! После триумфального возвращения в Россию мода на Серебрякову стала даже чрезмерной – ей подражали молодые художницы не только в манере письма, но и в манере одеваться и укладывать волосы. Репродукции ее картин стали украшать стены многих домов советской интеллигенции, а коллекционеры приобретали полотна за баснословные суммы.

У художницы-эмигрантки наконец-то отлегло от сердца: ее картины вернулись на родину. Белое движение потерпело поражение, но она победила.

19 сентября 1967 года Зинаида Серебрякова скончалась в возрасте 82 лет. Она похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Великой русской художницей называют ее сегодня все, кто о ней пишет.

О ее горестной судьбе выписываю следующие строки: «Судьба и Революция разлучили ее с матерью и детьми, с трудом к ней вырвались из России двое детей, двое других ждали встречи с ней 36 лет, а со своей матерью увидеться ей уже не удалось. Только людоедское правительство могло превратить великую страну в синтез казармы и тюрьмы и измываться над людьми без причины и цели. Что же представляет собою народ, который защищает и оправдывает такое правительство? Не надо подсчитывать количество погибших и убитых, надо ответить на вопрос: *«Почему мать не пускали к детям, а детей к матери?»*»

Анна Ахматова (?) Zinaida_Serebryakova_self-portrait_as_Piero_(1911)

Шестьдесят лет я пытаюсь понять, что соединяет и разделяет Личность и Народ, есть ли между ними родственные черты, какие я нахожу у евреев, немцев, французов и англичан, но у русских все национальные особенности сосредоточены в подчинении и почитании Государства и Цезаря, но не в уважении к человеку. Конечно, есть и у нас выдающиеся личности: конструктор Королев, маршал Мерецков, поэты Гумилёв и Павел Васильев, Цветаева и Ахматова, народные мстительницы Софья Перовская и Вера Засулич, верные жены декабристки Александра Муравьева (сестра **декабриста** З. Г. Чернышёва), Мария Волконская, Екатерина Трубецкая ... – но не их народ ценит и любит, не о них слагает он песни.

Песни народ слагает о грозном царе Иване Васильевиче, о соколах ясных Ленине и Сталине, об удалых разбойниках Стеньке Разине и Емельяне Пугачеве (хотя, правда, влачить ли покорно тысячелетнее рабство?) – но не поет народ песен о верных женах и честных мужьях! И все же... Встречаю в отзывах на ее творчество - *«прекрасная и гениальная художница!»* – и слезы мои о сгоревшей Руси не так горьки. А и из моего народа многие пели берущие за душу песни – дождемся ли мы, что новое беспамятство сгинет?

Семья. Париж

Окрестности усадьбы

posterlux-serebryakova_zinaida_evgenevna_1884_1967-serebr_4
In the kitchen. Portrait of Katya. Zinaida Serebryakova

Аvtoportret
zinaida_evgenevna_1930

main-serebriakova01

serebriakova-girl.1922-s

posterlux-serebryakova_zinaida_serebr_8

tata

ЧУДО КАК ЧАСТЬ ЖИЗНИ

Были блаженные времена – двадцать лет тому назад. Да, это было в 1968 или 1969 году. В Петербурге – в то время Ленинграде – состоялась чуть ли не первая выставка художницы Зинаиды Серебряковой, урожденной Лансере. До сих пор мы были лишены возможности знать художников ее круга, вообще художников Серебряного века русского искусства – лишены, наверное, на 50 лет.

И вот 1968 год. Выставка в Академии Художеств. Лето. Я прихожу на эту выставку. Конечно, я был просто потрясен. До этого у меня не было особого пристрастия к живописи.

Я любил музыку, любил литературу, но к живописи был равнодушен. Я, конечно, видел, как все, "Запорожцев", "Мишек в лесу", но это все меня не трогало – производило точно такое же впечатление, как послевоенные ковры с Алenuшкой и братцем Иванушкой. Это было украшательством, но не было чем-то, что переворачивает душу. И к живописи я относился фактически как к некоему прикладному искусству. У меня не было ощущения, что это искусство того же рода, что литература и музыка – то есть искусство, которое говорит о душе человека.

И вот, кроме жанровых, бытовых картин – выставка была очень большая – я вижу автопортрет Серебряковой. Это меня остановило и задело, потому что я увидел не просто красивую женщину, которую можно увидеть на фотографии – я увидел женщину, которая разговаривает сама с собой, смотрясь в зеркало. Я как будто открыл дверь и вошел (она меня не видит) и застал ее перед зеркалом. И сколько хочу – столько и могу на нее смотреть. И она существует только для меня. Она ко мне не поворачивается, она меня не видит, но я знаю, что она, как будто, не против, чтобы я на нее смотрел, потому что она же себя изобразила для всех.

Это – прекрасная женщина из прошлого, женщина, одухотворенная тем светом, который сейчас уже померк. Эта женщина сидит перед зеркалом в прекрасном платье, в окружении прекрасных вещей, в богатой квартире. Может быть, в те времена это – квартира среднего интеллигента, художницы, но по нынешним временам эта квартира была роскошной, богатой.

Я был потрясен. И я влюбился в нее еще и как в женщину. Не только в художницу, не только в искусство – она меня покорила, вот эта русская женщина с итальянской фамилией и корнями, с карими и какими-то продолговатыми глазами. Она меня потрясла, и я ушел почти пьяный.

[Примечание 2023 года: Ее предок – французский офицер 1812 года.]

Я купил, выходя из Академии Художеств, набор открыток. Пришел домой, открытку с автопортретом поставил на столик, кажется, даже выпил с горя, что от художницы я отделен пропастью, и лег спать.

И вот ночью я оказываюсь в потустороннем мире. И вижу сон. И во сне приходит Зинаида Серебрякова и говорит:

– Ну что ж, мой дорогой, я, конечно, знаю – ты влюбился не в меня – знаменитую художницу, ты влюбился в тот образ, который был шестьдесят лет тому назад (да, потому что автопортрет – это около 1912 года, то есть 62 года прошло), но я тронута тем, что ты в меня влюбился. И я решила тебе послать знак того, что ты меня тронул.

Я проснулся. Сияет солнце. Это был июньский или июльский день. Помоему, девять часов утра. Будничная квартира. Но я твердо знаю, что только что со мной разговаривала необыкновенная женщина, и действительно будет знак ее внимания ко мне. И не просто внимания – знак некоторой близости. Она сказала, что встретится со мной из прошлого – придет ко мне та, которая была 60 или больше лет тому назад, та, которая мне и понравилась.

Я выпил чаю, оделся, и уверенный в том, что все будет так, как мне приснилось, вышел на улицу. Я пошел пешком по Большому проспекту Васильевского острова (жил я на 21-й линии). Сел где-то в троллейбус, поехал. Я не знал, куда я должен идти. куда я должен ехать. Вышел из троллейбуса, сел в трамвай. И только около полуночи мое внимание привлек мужчина, стоящий в тамбуре трамвая – с перепоя, небритый, грязный, со связкой каких-то бумаг. Я его спросил, что это за бумаги.

– Да вот, везу в утильсырьё.

А надо сказать, что один килограмм макулатуры стоил в утильсырьё две копейки, связка была килограмма четыре. Значит, он должен был получить 8 копеек. Кружка пива в ларьке стоила тогда 22 копейки. То есть у него не хватало на кружку пива. Я ему говорю:

– Давай, я тебе дам на кружку пива и ты мне отдашь всю связку.

Он понял, что на пиво не хватит, да еще приемный пункт может быть закрыт... В полночь-то!!! И сказал:

– Согласен.

Я ему отсчитал ровно 22 копейки, поскольку у меня денег было в то время не намного больше. Может быть, еле-еле я эти копейки и наскреб. Он вышел радостный, а я стою с этой связкой и чувствую, что вот именно в ней что-то и есть – как раз тот самый символ, знак, то самое "нечто", о чем говорила Зинаида Серебрякова. Я побоялся эту связку раскрывать в дороге. Приехал с нею домой, развернул (она была завернута в какие-то старые газеты), развязал бечевку и стал доставать старые, никому не нужные книги 50-х годов, школьные тетрадки... Пачка тончает, тончает... Я верю, я не сомневаюсь, и – вдруг, о чудо! – я вижу – открываю – маленький альбомчик в сафьяновом переплете, чуть-чуть потертый... Ну совершенно, как если бы зимой, на льду, я увидел чуть-чуть завядшую алую розу. Я прижал этот альбом к сердцу и боюсь раскрыть. Потом, в конце концов, открыл.

На первой странице было написано "Нашей дорогой Мусеньке". Как потом выяснилось, это Мария Лансере. Я стал перелистывать страницы дрожащими руками. Почерк был еще полудетский – вероятно 15-16-17-летние девочки записывали в этот альбом стихи, посвященные своим подругам, друзьям, стихам от друзей, то есть альбом – общий, принадлежал он Мусеньке, но писали все ее товарищи по классу, может быть, по соседним классам – вероятно, тогда мальчики и девочки учились в разных гимназиях. В общем, это был ее альбом, в котором кто-то признавался ей в любви, кто-то просто писал от души. Часто встречались стихи Надсона, Тургенева, Пушкина, Лермонтова. Были и рисунки. И вдруг, где-то на середине – я с трепетом переворачиваю очередную страницу...

Кстати, страницы были проложены папиросной бумагой. И вот, переворачиваю страницу, переворачиваю папиросную бумагу – акварель, подпись: *"Мария Лансере"*.

Фамилию Лансере я знал. Правда, не знал, что у Зины Лансере была сестра по имени Мария. И как старый картежник, я затаил дыхание – боюсь перевернуть следующую карту, то есть следующую страницу. ... Я перекрестился и открываю... Там – еще одна акварель. Удивительная, нежная, романтическая, и почерк уже зрелой художницы (а ей было тогда 16 лет!). Подпись – "Зинаида Лансере"...

Это – первая ее работа из всех известных ныне. Я потом этот альбом представил на выставку в Русский музей. ...И вот эта работа мастера – 16-летней девочки-гимназистки – пришла ко мне через 65 лет после создания! ... Я его обожал как что-то

мистическое, только мне посланное. У меня был громадный старинный книжный шкаф, и в одном из отделений его среди книг этот альбом и хранился. И ... что же я сделал? У меня был друг, Михаил Андреевич Гневушев, известный коллекционер рисунков, акварелей первой трети XX века, прекрасный человек. И я ему подарил этот альбом. Михаил Андреевич описал, изучил его, представил его на очередной выставке художницы.

А после его смерти его вдова мне его вернула. И если сегодня в нашем журнале я смогу воспроизвести некоторые рисунки из него, думаю – я таким образом пошлю запоздалый привет замечательной художнице и очаровательной женщине – Зинаиде Лансере.

Журнал Мтра, №1, 1995 г.

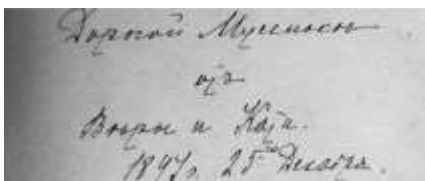

ПОКАЯНИЕ. В декабре 1965 года я женился, летом мы с нею, тогда еще невестой, ходили на выставку Зинаиды Серебряковой в Академию Художеств (в церкви которой позже крестили нашу двухлетнюю внучку), в сентябре я подарил ей самодельный томик стихов Марины Цветаевой, напечатанных на машинке, познакомил с друзьями, мои друзья склонили ее на мою сторону, и она решила выйти за меня замуж. Время, конечно, еще не всё прояснило, всего-то 60 лет прошло, но пока, уверяет, еще не раскаялась. А я наконец понял главное, в чем сокрушаюсь, но поздно уже менять. Притча о человеке, **закопавшем талант**, была написана обо мне. Я думал, что мое предназначение – *смотреть на красоток, сочинять им стихи, писать рассказы (про любовь)* – но от меня требовалось учить их математике (именно это я умел лучше всего) и *спасать остатки русской культуры от исчезновения*. Что-то между прочим я и спас – мимо многого прошел как преступник. Осенью 65-го года я был учителем в **Старой Ладоге**, выпивал с бывшим красноармейцем 18 года, он рассказал мне, что **зарывал в яму монастырскую библиотеку**, мы с ним **собирались** ее отрыть, но у меня еще не было ни дома ни семьи, и только через сорок лет ее *отрыла* Археографическая комиссия Университета (благодаря моим рассказам).

В декабре 65 года мы поселились на Набережной Макарова, однажды во дворе я споткнулся. Вместе с дворничихой мы выкопали **Учебник физики 1812 года** – таких книг конечно в хранилищах (если они еще не все расхищены) много, но тогда я впервые узнал, как писали наши предки, язык сего учебника был изящнее языка Пушкина. После сего я и мой друг Казимир (под влиянием Юрия Борисовича Перепелкина) стали бегать по ларькам утильсырья в поисках старых книг.

В июле 1968 (?) года, когда мне явился сей чудный Альбом, о котором идет речь, однажды в полночь мы не могли открыть квартиру на 23 линии (которую снимали), так как испортился замок, и я спустился во двор искать какую-нибудь железяку. Из подвала струился свет, от порога были настелены доски, вокруг было озеро горячей воды и в нем плавало множество листов бумаги. Железяку мне дали, уходя, машинально я схватил сложенный в восемь листов длинный лист бумаги, сие оказалась рукопись перевода поэмы Альфреда Мюссе, сделанная Буниным. Позже в коридоре Государственного архива в Москве ее у меня выхватил какой-то старичок, убежал и закрылся на ключ, так что она не пропала. (А что там еще плавало в этом озере, какие сокровища, мы уже не узнаем, даже я *жил – как во сне*). Правда, до марта 70-го года из летящего мимо я кое-что спас, рукопись воспоминаний жены Нижинского, австрийской принцессы (подарил Перепелкину); Карту железных дорог Российской империи, книгу («ренегата» Каутского с автографом Троцкого, его двоюродного брата), «Воскресение» Толстого с правкой, внесенной "Софочкой" (как пояснила мне **Блоковская «Незнакомка»**, с которой я познакомился у Юрия Борисовича, когда ей было *всего-то 80 лет ...*) – всё сие забрали чекисты после моего ареста в 70 году. Кстати, знаком я был и с несостоявшейся невестой Керенского знаменитой **Елизаветой Тиме...** Но **многое я не спас**, или бежал за поездом; или хотя уже взбирался в 75 году на чердак дома в *Лопасне*, где ранее жила генеральша Ланская, но меня заторопили *девочки*, которые затащили меня на танцы, (через 20 лет там нашли черновики Пушкина!!!)...

**ДЕВИЧИЙ
АЛЬБОМ
СЕСТЕР-
ГИМНАЗИСТОК**

(из собрания В. И. Чернышева)

СТРАНИЦЫ ИЗ АЛЬБОМА

ИЗ СОБРАНИЯ КАРТИН Русского Музея

876e5c54770ed84e434f990bff4415f2

Художница
(из собрания
картин)

Часть 2. ОДА ПАМЯТИ

Юрий Борисович Перепелкин в своем домашнем музее

НАРОД и ЛИЧНОСТЬ

=====

МЕТАФИЗИКА РОССИИ и Идеальная Женщина

Июль - сентябрь 2020 - 9 июня 2023

Я рано встал и вышел до зари.
Больные сны – во сне ишу знаменья.
Во сне тоскуют глухо глухари,
И рифмами звенят стихотворенья.
Всю ночь шел дождь и утром, как во сне,
Стекал с меня и под ноги бросался...
Туман распался в клочья. В вышине
Свет от зари в метафоры сбивался...
Все в мире движется. Несносная страна! –
В ней нет ни гордости, ни совести, ни чести:
Все движется – она одна на месте,
То крепко спит, то попросту пьянá.
Но я – страна ли? Пусть себе поспит!
Моя Россия – дом, стихи, родные...
И вновь из клочьев тучи дождевые...
Да кто же я? **Мессия?** *Вечный жид?*
О, девушки, как жаль, я мир не спас!
Вы мне – заря, цветы и листья мяты...
Богини, музы, сны и даже латы,
Я приходил на землю лишь для вас!
Вы помните? Вы были *все во всём*,
И вы меня искали в этом мире...
Я к вам вернусь: во сне, в заре, в эфире,
В сияньи рифм... пусть даже босиком!

**Пояснения к стихотворению
(как и Данте предпосылал их к своему
сборнику «Nuova vita»)**

Фердинанд Ходлер.
Агасфер

Русская литература представила нам, своим читателям, несколько образов **идеальных женщин**. Пушкин избрал в качестве идеала Таню Ларину, которой было 13 лет, когда она босиком рано утром примчалась в дом, в который приехал пустой и жестокий Евгений Онегин, и вручила ему признание в любви. Наташе Ростовой было уже 16 лет, когда она из окна ночью спускалась на веревке, связанной из простыней, к Анатолию Курагину, которого даже Интернет характеризует так: «*франт, повеса, дамский угодник, хлыщ.*» Анна Каренина была замужем и имела ребенка, но на ипподроме, глядя на лошадей, влюбилась в офицера, о котором Лев Толстой сказал так: «*кто-кто? Конь в пальто!*» Сказал он, правда, еще хуже...

Анне Керн было уже за 20, она уже была замужем за генералом, но все же Пушкин ее запомнил как «чудное виденье» (хотя, что он о ней писал позже, лучше не знать).

Лермонтов оправдывает женский ум «Нет ничего парадоксальнее женского ума; женщины трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами; порядок доказательств, которыми они уничтожают свои предупреждения, очень оригинален; чтоб выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики» – именно это я воспринимаю как оправдание. Но оправдывает ли он их чувственность, я не понял, так как в своих художественных образах он противопоставил несносной реальности образец *женщины-мечты*.

Образы Достоевского – Сонечка Мармеладова? Аполлинария Суслова? Настасья Филипповна (в которую влюбляется князь Мышкин и которую покупает Рогожин)? Дают ли нам эти героини представление об идеале, который существует в женской душе и часто проявляется в жизни?

Иисус из Назарета, если его рассматривать как литературного героя и исторического персонажа (отвлекаясь от его возможного *божественного происхождения*), находится с женщиной в еще более сложных отношениях. Из романа о своей начальной жизни он устранил мужчину и не дал своей матери вкусить земной любви, хотя оставил ей материнскую любовь (быть может, этот образ близок лермонтовскому образу *женщины-мечты*). Однако отношения Иисуса к матери и другим женщинам двойственны, что Иисус чувствует по отношению к ним, он не договаривает, именно поэтому сквозь все христианство проступает образ *женщины-грешницы* – Евы, возможно, согрешившей перед «Отцом небесным» (в чем согрешившей, об этом не знают даже Апостолы и Отцы церкви) и Марии Магдалины – действительной блудницы. Другие героини *Нового Завета* как «Романа о Христе» так же вызывают в читателе впечатление о женщине, в чем-то виноватой перед Богом или перед человечеством (или во всяком случае вторичной по отношению к мужчине, что неверно)...

Поэтому мне и показалось, что из моих стихов и рассказов можно составить Художественное повествование, раскрывающее тему *Земной любви* иначе, чем она раскрывается в Русской (да и в Европейской) литературе, которую *именно женщина возносит и духовно преображает*, поднимая над природой.

Ключом к пониманию двойственности образа женщины в Культуре (философии, религии, литературе и искусстве) является то обстоятельство (случайное или обусловленное самой идеей Творения человека Богом – ибо **надо было, чтобы человек претерпевал несчастья**, чтобы стать **достойным человеком**), и что поэтому русские писатели и поэты оказывались несчастными в столкновении с жизнью, особенно в отношениях с женщиной (как и Иисус) – именно поэтому идеальной женщины никто из них нам в своем творчестве не показал. Но именно поэтому они писали стихи и романы, чтобы подняться над горькой действительностью.

Почему же я не написал Романа об *идеальной женщине*? Увы, во-первых, я был баловнем судьбы, любви я получил больше, чем следовало, меня любили учителя и учительницы, родители, семейные (все мои родственники, даже родственники жены), любили друзья и даже, как это ни странно, в меня влюблялись и те, кому полагалось быть моими врагами: следовательно Иван Иванович, психиатры, мед-сестры, следовательноница (через тридцать лет), школьницы, студентки, тюремщики (даже разбойники, напавшие на меня, вдруг начали передо мной оправдываться).

Но есть исключение, есть одна **женщина**, которая ведет себя плохо на протяжении всей своей жизни – это **Россия**. И вот я все силы своей души, обделив друзей и родных, обделив литературу, обделив даже милых девушек (включая тех ангелов, которые начинают ко мне приставать уже с трехлетнего возраста), истратил на **войну** с философией, историей, государством, политической философией и церковной религией, и при этом пользовался симпатией многих выдающихся деятелей современной мне жизни – и только **Молох государства** клал зубами у моего горла (но существенно мне повредить почему-то *опасался*)...

Наконец я прозрел.

То, к чему человек обычно стремится, то есть УСПЕХ (даже успех у женщины) – это мишура, которой окутан человек. И **женщина любит мужчину**, когда он ее **не стремится** победить и разрешает ей себя НЕ любить – ну и что власть императора, слава всенародного признания и богатство Креза в сравнении с тем, что через 65 лет в Книге о нашей школе отрывки из моей книги «Боль и Любовь» помещаются в ее центр, и девочка, в которую я когда-то был влюблен, пишет обо мне воспоминания и рядом помещают ее тогдашний карандашный портрет, исполненный ее соседкой по парте – и я вижу, что она и в самом деле была не хуже Настасьи Филипповны, хотя и *ангелее* её! И если в деревне, куда я езжу летом, еще в прошлом году девчонка, ехавшая на велосипеде, увидев меня, бросает велосипед и бросается ко мне с объятиями, сшибая меня с ног!

Да ладно, слава подождет. Богатство тоже. И даже власть. А любовь ждать не будет. Но только та любовь, которую ты сам жаждешь изливать на мир. На горы и леса, на небо и цветы... **А женщина – это прекраснейший цветок мироздания, его эстетический центр**, а вовсе не скверна, как уверяют христиане. Ей нравится, что я ее люблю – и этого мне достаточно.

И все же, если на то будет божья воля, я еще напишу Роман о женщине и женской любви. А если не смогу, то продолжу писать стихи.

Метафизика России:

Наставила на меня пистолет и командует:
Сосчитай до тринадцати и я выстрелю!

Пожелание от философов
В России надо жить долго!

К сказанному трудно что-то добавить, так как **идеальное** должно быть *представлено и изображено*, а это удел искусства, поэзии и художественной литературы, философия *высказывает, формулирует и анализирует* – но не *изображает*. Однако литературная критика, сама жизнь и история (как слепок жизни) могут вносить исправления в идеал, нарисованный художником, или подвергнуть его сомнению.

В России до недавнего времени идеальными женщинами были **жены декабристов**, поехавшие к ним на каторгу, к сожалению, политическая конъюнктура затемнила их лики. Европа в качестве идеалов женщины предложила *Шарлотту Корде*, зарезавшую Марата, и *Жанну Д*Арк*, обезглавившую демона английской оккупации Франции. Идеалом верности своим убеждениям является боярыня Морозова.

Если выбирать идеальную женщину среди тех женщин, которые пленяют нас красотой и верностью в любви, то женщиной, пленившей по крайней мере Европу, является богоматерь, в которой мы видим идеал материнской любви, ее образ дан в средневековой европейской живописи. Идеальный образ женщины, пленяющей своей красотой, представлен в античной скульптуре и в женском портрете, например, в автопортретах Зинаиды Лансере, в женских портретах Тропинина. Идеал, соединяющий жажду любви, мятежность души и очарование земной красоты, мы находим в княжне Тамаре, соблазненной Демоном. Загадочно то, что если идеальность мужчины может проявляться в культуре, науке, религии, воинских подвигах, в мятеже и революции, то женский идеал связан как будто исключительно с любовью к мужчине и детям, и Шарлотта Корде, *Жанна Д*Арк* и боярыня Морозова – исключения из исторического правила, причем их подвиг неотделим от эстетического совершенства. Идеальная женщина должна быть прекрасна, даже если она порочна, своей красотой она искупает или даже отменяет порок, как Настасья Филипповна в романе Достоевского – загадочность красоты словно бы сама по себе является содержанием идеала женщины. И кажется, что воистину предназначение мужчины и предназначение женщины разделены какой-то пропастью, идеальный мужчина противостоит злу (как Дон-Кихот у Сервантеса и Лоэнгрин у Вагнера), идеальная женщина как будто бы способна зло оправдать (княжна Тамара в поэме Демон). Так не случайно Ева поддается убеждению Дьявола и нарушает божественный запрет? И не случайно соблазняется княжна Тамара речами Демона?

У Достоевского: «*Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется...*» – и если идеальная женщина непременно красива, если **красота – это самое важное в идеальной женщине**, что в искусстве непременно подчеркнуто (кстати сказать, Люцифер тоже был прекрасен!), то поэтому идеальная женщина не столько Сонечка Мармеладова, но скорее Софья Перовская (или Шарлотта Корде).

И это противоречия не художественного мира Достоевского, а самой жизни. И **отказ от природной чувственной любви** (которая больше всего нуждается в красоте) – это основная идея христианства, и **по отношению к Ветхому Завету оно само в значительной степени является богоборческой религией**.

Так что же такое **идеальная женщина**? Это красавица. И я таких встречал. Но философия ниже их совершенства. А совершенство их выше иллюзорных достоинств мира. Надеюсь, что мне удастся позже поговорить об этом более глубоко. Даже *в художественной форме*.

Достоевский – наипичнейший русский человек – но, как всякий русский, достигает своей завершенности через **Инверсию**.

Каковы три главных ипостаси (то есть лица, формы) – по его мнению – у Истории, у народа, у бытия, у Истины? **Чудо, Тайна и Авторитет**.

Я почти с этим согласен, не зря Достоевский был моим кумиром и Учителем (после Пушкина и Лермонтова), пока его я не заменил на Розанова (его ученика и подражателя), а затем на Толстого, соперника и оппонента. И все же я совершаю тоже **инверсию** и Авторитет заменяю на **Идеал**.

Тайна и Чудо невидимы. Полог
Надвое мир разделил.
Сердце томит ожидание. Долог,
Господи, взмах Твоих крыл!
Что ж мне мерещится в пыльном проёме,
За отворотом дверным?
Солнце ль встает в голубом окоёме,
Знак пробужденья в томительной дреме,
Рдяный пожарища дым?\
Мы позабыты иль помнят нас всех?
Явится ль в мир наш прекрасная Дева,
Мрачным ли вестником Божьего гнева
Грозный раскатится смех?!
Ждут нас потери, вражда и смятенье,
Преображение, ложь?
Тщетно усилие смутного зренья!
Лишь непонятная – страха ли, мщенья –
Бьет лихорадкою дрожь. *ВИ. 80-е годы.*

Итак, **Чудо, Тайна и Идеал** – вот три лица Бытия и Истории – но их смысл раскрывается только после того, как мы раскроем сущность исторической **инверсии**, которая руководит сюжетами всех исторических и житейских драм и коллизий – Люцифер (Светоносный) становится падшим ангелом и сбивает с толку Еву, Иисус из Назарета рождается женщиной непорочно, затем *объявляет себя Сыном Божиим* (и христианство настаивает, что его рождение является главной тайной человечества) – я принял почти всё, но не смирился с **Авторитетом**. Я отверг все авторитеты, все кумиры, перед которыми преклонился русский народ (хотя и не сумел его повести через пустыню), отверг Ивана Грозного, отверг безумного Петра Первого, не сразу, но безусловно отверг недоучившегося Ильича, маньяка Революции Троцкого, демона авторитарности Сталина (русской инверсии? Оксюморона? Русского Батяя), пусть и с оговорками, но возвышаю Хрущева, казалось бы, *русского дурачка* (которого наш придурковатый народ сначала возвысил, а потом низверг, и как любит сегодня Сталина, так ненавидит Хрущева).

Авторитет я заменил на **Идеал**, который представляет собою **женщина-красавица**, муза грации, музыки и драмы – главнейшие из них Эрато (муза любовной поэзии), Эвтерпа (лирической поэзии и музыки), Мельпомена (трагедии) – не случайно я люблю Марину Цветаеву и П. О.

Читатель уже уверен, что я в самом себе нашел идеал – но нет, я не хочу подражать главным соперникам в театре истории человечества, я так люблю духовную свободу и ненавижу духовное подавление (тиранию и авторитет, государство и идеократию), что пожелал, чтобы человеческое не простиралось во мне до такой степени, чтобы жажда власти и богатства поработили меня, я и сам не хочу быть авторитетом ни для кого, и если человек готов меня слушать, то лишь потому, что я ему понравился, если меня любят дети, то я не хочу слишком от них отличаться.

Есть некая загадка в том, что не всё в лирической и трагической литературе повзросло, даже Христос, мало общающийся с детьми, однажды сказал: *«приводите ко мне детей!»*, даже апостол Павел, «отец иезуитов», воззвал: «братия, будьте как дети душой, хотя по уму будьте совершеннолетни!» – дети, впрочем, хотя еще малоопытны, но достаточно умны, чтобы добро отличать от зла и любовь от ненависти.

Каков возраст наших идеалов? Татьяна, как сказано, было 13 лет, а Наташе – 16 – впрочем, они хорошие девочки, такие же, как мои одноклассницы в седьмом и восьмом классах, но делать из них пионервожатых еще рано, я не уверен, что они не подадут своим пионеркам плохой пример. Не идеальна и 13-летняя Джульетта, и хотя 12-летняя Нелли из «Подростка» рассудительна и душа ее чиста, но бури ее впереди. Впрочем, в 13 лет мы почти все, девочки и мальчики, идеальны, – но не известно, кто из нас вырастет. К тому же, прискорбно то, что идеал прорастает в звуках трагедии, венец его – *предательство друзей и клевета врагов*, тюрьма и мученическая смерть. В некоторой степени идеальны Джульетта, Изольда и Норма, но лишь потому, что они умирают в объятиях своих возлюбленных, которые умирают вместе с ними. И не нравственные достоинства возвышают смертного человека до **идеала**, а *мистическая красота – женщину, и гениальность – мужчину*. Прежде рождения я захотел родиться почти неотличимым от большинства, чтобы не иметь привилегий, поступить в университет без блата, стать учителем человечества без народной поддержки или поддержки друзей-головорезов – но таких учителей человечество не приемлет. И хотя я получил самое главное, к чему стремится мужчина – меня любил все девушки-красавицы, которые мне нравились (разумеется, наша любовь была невинна как мы сами), но меня отвергла та единственная, которая была для меня источником жизни, эта единственная – Россия и русский народ (что одно и то же). Главная тайна истории состоит в том, что **всякий народ – женствен**, все его индивидуальности рождены женщиной, воспитаны ею, гениальные мужчины влияют лишь на немногих...

Обыденная женщина существенно отличается от Полины Виардо (подруги Тургенева), *Аполлинаруш* (*Apollinaris*) Суловой (любовницы Достоевского и Розанова), романтических поклонниц Пушкина и Лермонтова, ученицы и возлюбленной Грибоедова аристократки *Нинó Чавчавадзе*, жены Мережков-

ского *Зинаиды Гиппиус* (которые *оба вдвоем отвергли плотские отношения* – впрочем это их личное дело, я монашество не проповедую, но лишь *превосходство духа над плотью*), *Нины Берберовой* и *Ирины Одоевцевой* – но при этом я не говорю, что крестьянские девушки менее возвышены, чем аристократки: *мы растем на обочине жизни, они жили в оранжереях*.

Я не нужен своему народу не потому, что *недостаточно родовит и слишком образован*, но потому, что народ, преимущественно сотканный из «простонародных» черт души и характера, исторически усвоил ***потребность в примитивном***: *потребность в силе, жестокости, принуждении, рабстве, преклонении, прямолинейности, грубости, ограниченности желаний и мечтаний, низости чувств и мыслей, мелочности нужд...*

Если бы Бог захотел, и дал мне возможность обучать народных детей в моей собственной школе, они стали бы не хуже детей Лицея.

Да к тому же, идеалов и нет... **Идеал – это МИФ**, *время и общество его созидают*, даже великая 17-летняя Жанна, пришедшая ко двору короля по голосу своего Бога, стала кумиром для толпы и аристократии лишь после того, как королевский Двор решился от безысходности сделать на нее ставку, а добившись поворота в политической и военной кампаниях, Двор и Король (а вслед за ними народ) ее предали, предало духовенство и церковь, предал **Бог**.

Почему все же через пятьсот лет она проросла сквозь толщу безобразной французской истории (как я прорасту через сто или двести лет)? Потому что французский народ кроме Шарлотты Корде не родил более ни одной поражающей воображение. Жанна настолько безупречна, что мне кажется, что она полукровка, кто-то из небожителей является ее подлинным отцом, я это подумал еще тогда, когда в прошлой жизни спустился к ней в тюремный подвал. С каким достоинством она держалась, как *мужественно* переносила свои невзгоды! Она была более чем женщина, она была **богиня**.

Достигнуть высокого положения в обществе и в государстве без «блата» (то есть без *высородной родни и влиятельных друзей*) почти невозможно. Однако и образованием своим я все же не удовлетворен, и таланты зарыл в землю – они не проросли. Правда, и талант и гениальность полезны только в сословном обществе, когда аристократам не надо работать для хлеба насущного, и они тратят время на чтение толстых романов вроде «Бесов» и «Войны и мира» – и хотя я не сомневаюсь, что и Федор Михайлович и Лев Николаевич гениальны в художественном творчестве – но много ли сегодня читателей у несомненно гениальных Солженицына и Шафаревича?

Необходимо соединение **идеальности души и характера и гениальности сознания**, чтобы создать новый Роман, способный *пробудить спящего*: спящим является русский человек. От себя я уже не жду Откровения – могу ли я его хотя бы услышать? От себя я не жду и чудес – хотя давно ли воскликнула обо мне Анна: *Да вокруг него одни чудеса!* Я все же пишу книгу «Откровение и чудо» - но будут ли у нее читатели?

Итак, **Чудо, Тайна и Идеал** – это три главных **Лица** истории (вместо **чуда, тайны и авторитета** Достоевского). Федор Михайлович стал всемирно известен, но учителем человечества не стал, и *его народ* как не был народом-

богоносцем, так и не поднялся над своим крепостным состоянием. *Удовлетворен ли Ф.М. своей литературною славою?* Думаю, нет. И хотя меня не читают и никому не нужны мои поиски Откровения и Чуда – но у меня еще есть надежда их найти – и это меня поднимает над эпохой и славой.

То же думаю я о Толстом, не менее всемирно известном – но хотел ли он, чтобы призвание романиста исчерпывало его личность? Он велел выбросить свои романы на свалку истории, и не поехал на открытие памятника Пушкину, объявив его стихи чепухой, и не услышал знаменитую речь Достоевского – а вскоре Достоевский и умер, и эти два русских Мессии не успели даже поспорить о самом существенном в их взглядах на мир (ибо *чудо, тайна и авторитет* Достоевского объясняли, по его мнению, современное ему христианство, а Толстой предложил изменить Историю, **отрицая государство** и проповедуя **новое христианство**. Русская литература приняла их обоих и ими очарована (как и я), но история не приняла их учения, не стал русский народ ни «богоносцем» ни «хулиганом», более того, не стал русский народ даже НАРОДОМ. Ибо сначала он убил царя и уничтожил *«русское»* культурное сословие (*метаморфозу варягов*), потом *выполол* кулаков из *славянского крестьянского народа*, и на обломках Российской империи создал империю советскую (уничтожив и в империи и в самом себе все *национальное* и став сам *советским народом*... далее лучше не продолжать...

Из меня не получилось «Властителя дум», но я издал **Данилевского** «Россия и Европа», “Глаголь”, 1995.; **Дионисия Ареопagitа**, «Сочинения», Глаголь, 1994; **Радзивиловскую летопись**, 1994, факсим. издание в 2-х т..

Рядом со мной мои спутницы: **Жизнь и Судьба**. Тоже женщины, как и Россия. Ответил ли я на их вопросы? Доволен ли я собою? Я смотрю на ступеньки, ведущие на эшафот – *может быть, там я найду ответы?*

В конце XX-го столетия властителями дум стали Солженицын и Шафаревич, и я был уверен, что судьба меня притянет к ним, но все же *мы не стали так близки, как я надеялся*. Они принадлежали к поколению отцов и я их слегка стеснялся, хотя и дружил с их современниками (а Шумовский был даже их старше). Но я издал некоторые книги Солженицына и защищал его в своем журнале от нападок (а он защищал меня от преследований советской власти по радио «Свобода» в 70-е годы); я с ним встречался и Шафаревич даже считал меня его другом, но Солженицын ни с кем не сходилась и предпочёл одиночество, и книг моих он, верно, не читал. Шафаревич, напротив, читал мои книги и они ему нравились, но он оправдывал русских, а я на них нападал. К счастью, **я ему помог в том, что было важно для него**, и *мы из-за этого сблизились*. Но все же и со своими современниками, **Н. П. Ильным и Н. И. Калягиным**, с которыми я дружил, я был на «Вы», они уже умерли [**Николай Петрович умер на днях, Николай Иванович за год до него, их памяти я посвящаю несколько страниц**]... и уже не с кем поговорить. Вот так: *красивые девушки меня любили, гениальные деятели культуры меня принимали*, Но **Россия ценит только силу и к людям моего круга относится так, как пьяная девка из подворотни**.

**Иван Тайлов
(Николай Петрович Ильин)**

К РОССИИ.

I.

Я тебя никогда не увижу,
Пусть сто лет на земле проживу.
Даже смертью тебя не приближу,
Только светлые сны разбужу.

В эти сны прилетает Жар-птица,
И погост превращается в сад,
Где, как золото, бледные лица,
Только *русские* лица горят.

И по воле загадочной птицы
Всё, как прежде – живи не тужи:
Царь на троне, царевны в светлице,
И мужик размечает межи.

Для усталого – камень у храма,
Для бродяги – свободная даль,
И на конке – *прекрасная дама*,
Приподняла с улыбкой вуаль.

II.

Это – сон. А в бессонное время
Слышу я негодующий глас:
Ваша птица клевала нас в темя,

А порою клевала и в глаз!

Что ж, готов я на этой планете
Все грехи за нее отслужить:
Всем евреям раздать по монете,
Финнам всем по стакану налить.

Подарить всем полякам по крыжу,

Всем цыганам украсть по коню –
Но тебя все равно не приближу,
Только светлые сны прогоню.

АВГУСТ

Незабвенное имя – Россия!
Ты у всех подлецов на устах,
И дымят, как поленья сырые,
Души их в митинговых кострах.

Рвется к небу безумия выхлест,
Лже-Россией клянется лже-росс.
Что ж, предсказано: встанет антихрист,
Прославляем и чтим как Христос.

Только горстка останется верных,
Зрячих там, где другие слепы
И пьяны в испарениях серных
Озверевшей от счастья толпы.

* * *

Бунт на галере. Пьяные рабы
Свободою, как грязною гетерой
Спешат упиться. Виден знак судьбы –
Глаз урагана – им перед галерой.

– Рубите мачты и вяжите плот! –
Орет рабами избранная дума.
Но тут свой голос тихо подает
Какой-то раб, что все молчал угрюмо.

– Корабль этот прадедов трудом
Построен был с надеждою и верой.
Он стал казаться рабскою галерой
Забывшим Бога. Помните о том!

Но уж рабов два демона влекут –
Безверья страх, безвластья эйфория –
На жалкий плот. На нем галерный шут
Намалевал кощунственно: “Россия“.

БИТСБУРГ

Молчите! Ясно и без ваших слов,
Какое горе приключилось с нами:
Мы ненавидим *кладбище* врагов,
Мы проклинаям их могильный камень.

А прежде так: на нашу землю гарь
Стелил осман и кровь лил век за веком.
Мы одолели. И наш Царь сказал:
“Я не палач больного человека”.

А прежде так: непобедимый галл
Наплыл на нас всевропейской лавой.
Мы одолели. И наш Царь сказал:
“Не нам, не нам, но Богу – честь и слава”.

В каких лесах таился этот зверь,
Чей рык гремит по всей вселенной ныне?
Не в костромских – лжецам страны не верь!
Его пригнал к нам ветер из пустыни.

Там сказано: “Бог выдал нам врагов,
Чтоб выи их нам попить ногами”.
Молчите! Ясно и без ваших слов,
Какое горе приключилось с нами.

Николай Калягин

Последний романтик

Григорьевский юбилей собрал сегодня членов Русского Философского Общества, стал темой отдельного заседания – и этот факт требует осмысления. Аполлон Григорьев не был философом; без особой натяжки можно утверждать, что основной пафос его литературной деятельности – антисистемный (если не впрямую антитеоретический) пафос.

Отдельной статьи о Григорьеве нет ни в советском Философском энциклопедическом словаре, ни в антисоветской «Истории русской философии» Н. О. Лосского. Попытку включить Григорьева в обиход русских философов предпринял В. В. Зеньковский, но особенно удачной эту попытку не назовешь. Зеньковский и с общедоступными фактами григорьевской биографии знаком нетвердо (называет Аполлона Александровича, который был все-таки внуком крепостного кучера, выходцем из «небогатой, но культурной семьи»; относит его личную драму, случившуюся в первой половине 40-х годов, ко второй половине годов 50-х, даже посылает зачем-то Григорьева умирать в Оренбург), и в размашистых обобщениях своих достаточно опрометчив.

Главной особенностью Григорьева-мыслителя является родственность его аналитических статей художественному творчеству. «Григорьев был бесспорный и страстный поэт», – указывал Достоевский, имея в виду при этом вовсе не стихи Аполлона Григорьева. Систематическое изложение взглядов Григорьева является поэтому делом рискованным. Художественное произведение защищено единством содержания и формы; вы можете пересказать его своими словами, сохранить все содержательные элементы, описать все формообразующие конструкции – и при этом не дать о произведении ни малейшего представления. И чем художественнее произведение, тем рискованнее попытка сделать из него экстракт, выжимку.

«Высшей точкой эстетического гуманизма» называет Зеньковский взгляды Григорьева, и эта формулировка, в целом правдоподобная, требует многочисленных уточнений.

Эстетом Григорьев не был. Хотя он обладал от природы громадным эстетическим чутьем, но не считал жизнь чем-то второстепенным, чем-то служебным по отношению к искусству. Гуманность же Григорьева обладала существенным изъяном: знатных людей он не любил и, написав в одном из ранних стихотворений:

*...То, что чувствовал Марат,
Порой способен понимать я,
И будь Сам Бог аристократ,
Ему б я гордо пел проклятья, –*

сохранял эту странную антипатию к высшим классам русского общества до могилы.

Так что, уточняя Зеньковского, следовало бы признать взгляды Григорьева «высшей точкой художественного демократизма», если бы, конечно, нашлась История философии, способная выдержать такое сближение антиномичных понятий, и если бы сам Григорьев не боролся всю жизнь как против демократических, так и против эстетических притязаний современной ему общественной мысли.

В контексте разговора о Григорьеве, мастере тончайших определений и создателе собственной уникальной терминологии, инструментарий Зеньковского не только выглядит топорно, но и просто не охватывает интересное нас явление во всей его сложности.

В последней своей статье, статье-завещании, Григорьев пишет, обращаясь к Достоевскому: «Знаешь ли, что я подчас дорого бы дал за наивную веру теоретиков в непогрешимость логических выкладок голого ума? Живется с теориями гораздо спокойнее и даже мыслится легче <...> – разумеется, в пределах той ограды, которую ставит теория. Что такое жизнь и ее явления для теоретика? Лезут под теорию – прекрасно; не лезут – режь или растягивай: “секи-руби”, как говорят мои старые приятели-цыгане, стреножа лошадей и долотом переделывая им зубы из старых на молодые».

Впрочем, еще Мефистофель любил потолковать о превосходстве вечно-зеленой жизни над сухой теорией – было бы неосторожно верить на слово черту. Всем нам более или менее понятно, что поэтическое желание Фета: *«О, если б без слова //Сказатьсь душе было можно!»* – не будет никогда реализовано на практике, а значит без слов, без логической связи между ними – одним словом, без теоретизирования – людям на земле не обойтись.

Формула, которую предлагает Григорьев и которая должна, по его мысли, расширить (если не вовсе упразднить) ограду старых теорий, звучит так: «Не один ум с его логическими требованиями и порождаемыми необходимо этими требованиями теориями, а ум и логические его требования *плюс* жизнь и ее органические проявления».

Слово «жизнь» – ключевое слово в мировоззрении Аполлона Григорьева. Он просто зачарован жизнью – таинственной и неисчерпаемой жизнью, которая производит, которая рождает «организмы». Не только в индивидуальной, биологической жизни, но и в жизни социальной Григорьев на каждом шагу обнаруживает «организмы». Для него и народ не собирательное понятие, а организм, и сословия в государстве – организмы, и даже культурная эпоха в исторической жизни народа – живой организм.

Взгляд на жизнь, по Григорьеву, не должен быть ни теоретическим, ни эстетическим, ни историческим (эти важные для Григорьева определения будут уточнены позже). Взгляд на жизнь, творящую организмы, может быть только органическим, имеющим исходной точкой «творческие, непосредственные, природные жизненные силы».

Но и сама-то жизнь, по Григорьеву, «есть нечто таинственное и неисчерпаемое» – что же говорить про вполне неисповедимые «жизненные силы»? Никакой логики, никакому учету и контролю эти силы не поддаются, а игнорировать их мы не можем, – иначе наши представления о жизни

сведется к сочинению очередной теории, фактически же – к оскотлению и умерщвлению таинственной, неисчерпаемой жизни. Получается, что истина в чистом виде, абстрактная истина для нас недоступна, – мы можем усвоить только истину «цветную» (один из странных григорьевских терминов – «цветная истина»). Выражением «цветной истины» может быть только искусство и только национальное искусство (искусство, по Григорьеву, необходимо национально и даже местно). Талантливый писатель, являющийся стихийным отзвуком органических сил, присущих его народу и его местности, неизбежно отразит в своем творчестве какую-нибудь неизвестную еще сторону национально-органической жизни: скажет «новое слово».

Таков конечный пункт григорьевской философии: художник, шагающий по высям творения, получающий откровение (а что другое может означать слово «талант?»), приносящий людям истину – «новое слово».

Конечно, это философский романтизм, что во времена Григорьева было уже очень не ново. Сам Григорьев называл себя, не без гордости, последним романтиком.

Здесь необходимо принять во внимание важное добавочное обстоятельство: под влиянием Аполлона Григорьева настоящий культ «нового слова» исповедовал Достоевский. Рабочие тетради Достоевского, его статьи и заметки о литературе заполнены лихорадочными размышлениями на эту тему, каждый крупный писатель в России, от Ломоносова до Льва Толстого, рассматривается именно под этим углом зрения: а сказал ли он «новое слово»? явился ли подлинно великим национальным художником, который ведь обязан придти в литературу со своим «новым словом»? И главное, Достоевский мечтал сказать новое слово в собственном творчестве, искал его с мучительным напряжением и в конце концов отыскал. «При полном реализме найти в человеке человека» – та магическая формула, тот «сезам», который позволил Достоевскому совершить выдающиеся художественные открытия.

Поэтому, оценивая на вес теорию Григорьева, в плане теоретическом весьма запоздалую, следует учитывать и вот этот практический привесок к ней – пять романов Достоевского, ставших действительно новым словом для России и для всего мира.

В устах какого-нибудь кабинетного ученого выражение «новое слово» явилось бы простой комбинацией из двух слов, но в руках такого практика, каким был литературный критик Григорьев, самые стертые слова могли становиться (и становились) реальной силой, преобразующей мир.

Григорьев следил за творчеством Достоевского и, дождавшись появления «Записок из подполья», успел сказать их автору: «Ты в этом роде и пиши», успел сообщить Страхову, что «Федор-то Достоевский» становится кое в чем «и глубже и симпатичнее» самого Гоголя, – стоя одной ногой в могиле, Григорьев успел это сделать. Трудно выразить словами, насколько важно было для писателя, уже немолодого, мало избалованного жизнью и вниманием критики, оказавшегося на распутье, готового, но не осмеливающегося вступить в ту область, которая до него считалась

запретной, непригодной для художественной обработки, – получить поддержку своим интуитивным стремлениям, услышать вовремя сказанное авторитетное, квалифицированное ободряющее слово! Достоевский такую поддержку получил. Но не будем забегать вперед.

Если мы хотим понять Григорьева в меру самого Аполлона Григорьева (а это очень высокая мера), мы должны выяснить, с каким «новым словом» пришел в литературу этот писатель – уроженец Замоскворечья, «московский мещанин», человек николаевской эпохи?

Дед Аполлона Григорьева – крестьянин, пришедший в Москву в нагольном тулупе, ставший здесь коллежским ассессором (чин, дававший потомственное дворянство) и помещиком Владимирской губернии. Война 1812 года, Московский пожар почти разорили семью Григорьевых; тем не менее, отец Аполлона Григорьева успел получить приличное образование (он был однокашником Жуковского по Благородному пансиону), получил и хорошее местечко в Сенате, однако пользоваться всеми преимуществами своего положения не захотел или не смог, а сошелся с дочерью крепостного кучера, жившего по соседству. Протесты матери (единственной коренной дворянки в роду Аполлона Григорьева) привели лишь к тому, что Александр Иванович, человек по натуре пассивный и упрямый, запил и лишился места, отнюдь не прекращая отношений с полюбившейся ему девицей. Результатом этих отношений и стал будущий великий критик.

Незаконнорожденный младенец, сын крепостной, неизбежно должен был быть приписан к крепостному сословию – во избежание этого родители сдали младенца в Воспитательный дом. Спустя полгода родительский грех был покрыт венцом, маленького Полонушку забрали домой, но его социальный статус был уже определен: он так и оставался, до окончания университета, «незаконнорожденным из московских мещан». Впрочем, никакого влияния на дальнейшую судьбу Григорьева подпорченная анкета не имела. Давно замечено, что в так называемую «крепостническую эпоху», рассказами о которой до сих пор пугают людей у нас и за рубежом, суровыми были только законы; люди, через которых эти законы действовали, были добрее, а жизнь – приятнее и удобнее, чем в любую из последующих эпох. Нужен был особый талант (каким обладал, например, поэт Полежаев), чтобы всерьез осложнить себе жизнь в предреформенную пору.

Царствование Николая I – вообще необычное, а в культурном отношении именно блистательное царствование. Представим себе его границы: у входа в это царствование мы встречаем Николая Михайловича Карамзина, писавшего еще высоким слогом про добродетельного пейзаинина Фрола Силина и про бедную Лизу и умершего вскоре после событий 14 декабря, при выходе – Гаршина и Анненского, родившихся в год смерти Николая I и давших в своем творчестве первые образцы русского декаданса. Всё остальное внутри. Сотни имен, сотни деятелей культуры, плодотворно работавших в эту эпоху или обязанных ей своим воспитанием, – и из которых последний выглядел бы великаном в любую другую культурно-историческую эпоху, особенно в такую мизерабельную, как наша сегодняшняя.

Мы с удовольствием повторяем слова Поля Валери о том, что русское искусство XIX века есть «третье чудо света» (наряду с искусством Древней Греции и европейским Возрождением), одновременно с этим мы, не краснея, продолжаем бубнить про «застой», про «чудовищную отсталость» николаевской России, повлекшую за собой «Севастопольский погром», и даже не решаемся вынести на помойку скорбный «список поэтов», придуманный Герценом.

Между тем, необходимо выбирать что-то одно.

Или мы относимся всерьез к тому неоспоримому факту, что царствование Николая Павловича – величайшая в истории России культурная эпоха, имеющая мировое значение, и внимательно изучаем ее, ясно понимая при этом, что наши сегодняшние *эмоции* по поводу, например, «шпицрутенгов» суть нечто легковесное и необязательное по сравнению с реальными *трудями*, которыми была оплачена эта великая культура.

Или же мы продолжаем дожевывать жвачку, еще Герценом изжеванную дотла, и тупо твердим о том, что кое-какие культурные достижения имели место в николаевскую эпоху вопреки ее реальному содержанию и что если бы только буффонада декабристов удалась, то и культурных ценностей было бы произведено в России намного больше: тогда бы и Жуковский перевел не одну «Одиссею», а две или три; Глинка, не ограничившись созданием русской оперы, создал бы еще и русскую оперетту; в каждом уезде завелась бы своя Оптина пустынь; не только все митрополиты и епископы – каждый сельский пономарь стал бы тогда Филаретом по уму и таланту; Баратынский, насадив лес в Муранове, облесил бы затем и Голодную степь; Авдотья Петровна Елагина родила бы и воспитала еще двух братьев Киреевских, а молодых Тютчевых появилось бы сразу столько, что их посылали бы служить не только в Германию, но и в Лапландию, и на Сандвичевы острова; святитель Игнатий (Брянчанинов) в придачу к «Слову о смерти» написал бы еще «Слово о жизни»... Немного жаль, что в случае победы декабристов мы лишились бы «Капитанской дочки», «Сумерек», «Ревизора» да и всей остальной русской классики – но ведь вполне очевидно, что Рылеев, в минуты, свободные от выполнения диктаторских обязанностей, заполнил бы образовавшуюся лакуну равноценной литературной продукцией.

Возвращаясь к Григорьеву, заметим, что то был человек, целиком сформированный николаевской эпохой, долго в ней живший и ставший к концу этой эпохи одним из главных ее литературных деятелей.

Домашняя обстановка благоприятствовала больше развитию дарований маленького Аполлона, чем выработке его характера. Неглупый и беспечный отец, старавшийся воспитывать сына по-барски; полуграмотная мать, поддерживавшая в семье нелепый, достаточно строгий распорядок (так, до 17-летнего возраста Григорьева «ни с кем и ни под каким предлогом не отпускали из дому»), технология которого была, несомненно, разработана в доме ее отца-кучера. Оба родителя безмерно любили и баловали своего единственного сына.

Только поступив в университет, Григорьев начинает понемногу освобождаться от плотного, вязущего домашнего контроля.

В конце 30-х годов Московский университет переживает пору наивысшего своего расцвета. И вот граф Строганов, попечитель университета (и главный виновник, главный жиждитель относительно блестящего его состояния), вынужден очень скоро обратиться к Григорьеву с предложением «стусшеваться» – природная одаренность Григорьева проявляется в университете настолько ярко, что это действует подавляюще на остальных студентов, нарушает нормальный ход учебного процесса.

В 1842 году Григорьев оканчивает университет первым кандидатом, перед ним открывается блестящая академическая карьера.

Но Григорьева ждет другая судьба – несчастливая любовь к Антонине Корш и начало тех «литературных и нравственных скитальчеств», в которых и прошли оставшиеся Григорьеву 22 года жизни.

В это время что-то темное входит в его жизнь, какое-то враждебное «везиье» (еще один странный григорьевский термин) над ним проносится. Обнаруживается неспособность Григорьева к мало-мальски упорядоченной жизни, неготовность взять на свои плечи какую-либо житейскую заботу или обязанность. Назначенный заведующим университетской библиотекой, Григорьев раздает направо и налево казенные книги; будучи избран на почетную должность секретаря Совета Московского университета, за каких-нибудь четыре месяца запутывает все бумажные дела, всю отчетность Совета, создает очень тяжелую для всех ситуацию – и просто не может себя принудить хоть на время заняться этими бумагами, не может, как малое дитя, сосредоточиться на «неинтересном».

Завязываются какие-то темные, до конца не прослеживаемые, связи с масонскими кругами, закончившиеся, по всей видимости, вступлением в одну из масонских сект.

Проблемы накапливаются, усложняются, запутываются, и Григорьев наконец решает их все разом – решает тоже по-ребячи: сбегает из дому.

Фет, товарищ юности Григорьева, рассказывает об этом так: «Он объявил мне, что получил из масонской ложи временное вспомоществование и завтра же уезжает в три часа в дилижансе в Петербург, вследствие чего просит меня проводить его <...> и затем вернувшись с возможной мягкостью объявить старикам о случившемся».

Григорьев живет в Петербурге, издает сборник стихов романтического направления, бедствует, пишет первые свои критические статьи, приобретает на всю жизнь пагубное пристрастие к алкоголю.

Через три года Григорьев возвращается в Москву, но это не возвращение блудного сына, а новый виток «нравственных скитальчеств». Антонина Федоровна Корш давно замужем – Григорьев женится на одной из ее сестер. Бедная девушка не отличалась ни умом, ни красотой, ни сколько-нибудь сносным характером, была к тому же заикой. Красавец-мужчина, обаятельный человек, поэт и музыкант, Григорьев, как бы назло кому-то, связывает себя на всю жизнь этим нелепым браком. С этого момента

нравственные скитания Григорьева начинают приобретать характер прямого самоистребления.

В 1850 году стареющий Погодин решает ввести в редакцию «Москвитянина» свежие силы. Журнал не имеет коммерческого успеха, расходы по его изданию становятся непосильным бременем для тощего кошелька Михаила Петровича. Попытка обновления журнала удалась Погодину на удивление. Так называемая «молодая редакция» не только продлила агонию «Москвитянина» на несколько лет – она осталась в истории нашей культуры образцом блестящего литературного объединения, подлинного братства молодых талантов. Аполлон Григорьев и Островский, Борис Алмазов и Мей, Эдельсон и Т. Филиппов – каждый член «молодой редакции» заслуживает отдельного большого разговора.

Но именно Аполлон Григорьев становится лидером и идеологом объединения. 28-летний неудачник, жизнью разбитый, жизнь, в сущности, уже проигравший, приходит в журнал с готовой теорией *почвенничества*. Таков был результат восьмилетних скитаний Григорьева по всем стихиям нравственного мира.

Философский энциклопедический словарь называет почвенничество «консервативной формой философского романтизма»; консерватизм учения обуславливается тут, вероятно, его «религиозной ориентированностью», а также «идеей об особой миссии русского народа, призванного спасти человечество». Лосский в своей «Истории...», ничего не говоря о почвенничестве и об Аполлоне Григорьеве, уничижительно именует его главных последователей, Данилевского и Страхова, «эпигонами славянофильства».

Связь Григорьева с философским романтизмом так же очевидна, как и отсутствие этой связи у Островского в 50-е годы. Но вот «религиозно ориентирован» Григорьев, к сожалению, никогда не был. Он уважал Православие и высоко ценил его как «стихийно-историческое начало», но ценил наряду с другими стихийно-историческими началами народной жизни. Стихотворение, отрывок из которого я привел в начале доклада, заканчивается такими примечательными словами:

*Но на кресте распятый Бог
Был сын толпы и демагог.*

«Демагог» тут, по терминологии 40-х годов, означает «народный вождь», «демократ». Но представление о Создателе и Спасителе мира как о «сыне толпы» выдает Григорьева с головой. Это все тот же «христианский социализм» – христианство Жорж Занда и Белинского, из пут которого Григорьеву не суждено было выпутаться.

Что же касается до «*призвания русского народа спасти человечество*», то до человечества вообще – до человечества, лишенного черт национальности и конкретного места жительства, Григорьеву и Островскому было мало дела.

Почвенничество – это фаза славянофильства, развитие и уточнение славянофильства первоначального, классического. Григорьев высоко ценил благородную личность Хомякова, назвал однажды И. В. Киреевского «великим философом», считал, что славянофильство вообще «правда» – все это не помешало Григорьеву обнаружить в учении ряд серьезных изъянов.

Первый недостаток раннего славянофильства – поразительное нечувствие его классиками (К. Аксаковым и, чуть в меньшей степени, Хомяковым) **народности** произведений Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова. Корифеи Золотого века русской литературы не были в глазах славянофилов народными художниками. «Создания их народу чужды»; поэзия их, пусть талантливая, – поэзия «публики», а не «народа».

На роль народных художников намечались славянофилами какие-то малороссийские бытоописательницы, имена которых и вспоминать-то сегодня неудобно.

Григорьев, с его громадным эстетическим чутьем, просто не мог ошибиться в выборе между Пушкиным и Надеждою Соханской. Если создания Пушкина, который «религиозно боялся солгать на народ», остаются народу чужды, то в этом, считал Аполлон Григорьев, *следует видеть скорее беду народа, чем вину Пушкина*. Ликвидировать отрыв образованных сословий от народа, вызванный петровской реформой, необходимо (в этом правда славянофильства), но невозможно отказаться от тех капитальных культурных приобретений, которые были сделаны за годы разлуки русскими людьми, занесенными обстоятельствами рождения в ряды «публики».

Именно эту мысль Григорьева с особой настойчивостью пропагандировал во «Времени» Достоевский: разрыв между интеллигенцией и народом необходимо преодолеть, но движение должно быть **встречным**. **Народ должен учиться у интеллигенции не меньше** (но и не больше), **чем интеллигенция у народа**.

Второй недостаток классического славянофильства, тесно связанный с предыдущим, – суженная социальная база учения. «Народ» славянофилов состоит из патриархального крестьянства и духовенства. Все остальное – порча, все остальное требует исправления.

Аполлон Григорьев, по обстоятельствам своего рождения тесно связанный с колоритнейшим бытом Замоскворечья, не мог перестать считать русскими людьми его жителей, которых любил и знал с детства, только за то, что они одеваются в немецкое платье. Городской романс, цыганская песня – многое из того, что вызывало у ранних славянофилов брезгливое отчуждение, в глазах Григорьева было органично и народно.

К сожалению, расширение социальной базы славянофильства ограничивалось у него мещанством и купечеством. Русскому дворянству по прежнему отказывалось в праве принадлежать к составу русского народа. Вы видите, что странная теория Чернышевского, различающая «грязь реальную» (т. е. мещанство, способное в массе к культурному росту) и «грязь фантастическую» (т. е. русскую аристократию, ни к чему доброму не способную), имела вполне респектабельные литературные корни.

И наконец, третий дефект раннего славянофильства – дефект методологический. Старшие славянофилы чрезмерно, на взгляд Аполлона Григорьева, увлекались сравнением реального Запада, со всеми его историческими грехами, и идеальной, ноуменальной России.

Чувства, которые возбуждаются при таком сравнении в сердце русского человека, имеют поэтическую сторону, имеют свою цену, но чрезмерное увлечение ими неконструктивно. Такие любимцы либеральной интеллигенции нашей, как Честертон и Льюис, тоже ведь писали с большим подъемом о «подлинной Англии», «Англии короля Артура и мистера Пиквика», не забывая при этом на соседней странице упомянуть в сугубо отрицательном плане «русских нигилистов», «русских большевиков» и даже «царскую охранку» (одиозную организацию в глазах англичан, черпающих основные сведения о России из мемуаров двух-трех русских уголовников, осевших в Англии). Спрашивается, что этим доказывается?

Григорьев считал полезным перейти от экзальтированных упреков и обвинений по адресу Запада (до которого нам, в сущности, не должно быть почти никакого дела) к реальному труду на ниве национальной культуры.

В целом, классическое славянофильство для Григорьева – «правда» и, в то же самое время, «барская затея». Кабинетное учение. Константин Сергеевич Аксаков, одетый в настолько уже русское платье, что простые москвичи, реальные русские люди XIX столетия, принимают его по одежде за персиянина, – вот та черта, черта комическая, которая обличает нежизненность раннего славянофильства.

Важнейшим практическим результатом всего комплекса почвеннических идей стал театр Островского. Мир Замоскворечья, одинаково родной Аполлону Григорьеву и Островскому, – мир купцов, мещан, мелких чиновников, заключенный в раму драматического представления и возведенный в перл бытия, – реальное воплощение идей Григорьева и предмет нескольких его восторженных статей. (Добролюбов, увидевший в этом волшебном мире одно только «невежество» и «темное царство», проявил, конечно, выдающуюся эстетическую тупость. Впрочем, его критика и не претендовала на эстетическое значение.)

Членов «молодой редакции» отличал серьезный интерес к народной песне, к традициям и быту старообрядцев. Показательно, что знаменитый наш этнограф и фольклорист С. В. Максимов вышел из этого кружка.

Но пора возвратиться к вопросу, прозвучавшему в начале нашего доклада: почему мы сегодня говорим об Аполлоне Григорьеве? Вообще, почему мы должны помнить о нем? Что такого непреложного, вечного он совершил?

Ну, был такой талантливый человек, самородок, который разбросался, спился и умер в сорок два года – история для России слишком обыкновенная. Ну, влиял он на Островского, на какого-то Максимова... Мы сегодня и самого Островского почти забыли, где уж нам помнить про друзей его молодости.

Аполлон Григорьев – довольно известный поэт, удостоившийся даже отдельного тома в Большой серии Библиотеки Поэта (1959 г.) Так может

быть, поэзия Аполлона Григорьева является надежным вкладом в сокровищницу русской духовности?

Боюсь, что и этого утверждать нельзя. Григорьев писал стихи от случая к случаю, и поэтическое наследие его очень неравноценно. Два признанных шедевра за ним числятся: «О, говори хоть ты со мной...» и «Цыганская венгерка» («Две гитары, зазвев...») – эти вещи, написанные Григорьевым в Италии, до сих пор входят в цыганский репертуар. Блок назвал их «единственными в своем роде перлами русской лирики», сам Григорьев несколько сумбурно определил этот род лирики как «метеорскую (еще один чисто григорьевский термин) кабацкую поэму звуков безвыходного страдания».

Было установлено недавно, что первая строфа предсмертного есенинского стихотворения является отзвуком последней строфы похоронного гимна, переведенного Григорьевым в составе сборника масонских песен еще в 1845 году:

*До свиданья, брат, о, до свиданья!
Да, за гробом, за минутой тьмы,
Нам с тобой наступит час свиданья,
И тебя в сияньи ўзрим мы!*

Григорьеву принадлежит лучший перевод из Мицкевича в русской поэзии («Я ее не люблю, не люблю...»), некоторой известностью пользуется до сих пор стихотворение «Для себя мы не просим покоя...», содержащее богоборческие мотивы.

Больше, при всем желании, вспомнить нечего.

Сегодня у нас нет места для развернутого разговора о путях развития русской поэзии. Но самые общие замечания можно сделать.

Ущербность теории прогресса делается особенно очевидной при взгляде на историю поэзии. Гений Пушкина настолько всеобъемлющ, уровень его поэзии настолько высок, что говорить о каком-то улучшении поэтического дела в России после смерти Пушкина невозможно и просто неприлично.

Тем не менее, застойных явлений в нашей поэзии до самого последнего времени не наблюдалось, русская поэзия развивалась. Но в каком направлении? И какой ценой? Баратынский, которому принадлежит исключительно высокое место в иерархии русских поэтов (сразу за Пушкиным, рядом с Тютчевым), первым заметил, что «следовать за Пушкиным <...> труднее и отважнее, нежели идти новою, собственною дорогою».

В погоне за новой выразительностью, которой не было у Пушкина, поэты-первопроходцы совершали и совершают художественные открытия ценою (условно говоря) в пять-десять копеек, нечувствительно теряя по дороге десятки рублей из того капитала, которым свободно распоряжался Пушкин. «Шаг в сторону от Пушкина, и десять шагов вниз» – по такой схеме нередко добывалась новая выразительность в нашей поэзии после смерти Пушкина.

Григорьев дал язык русскому кабаку, русскому разгулу. А в его поздней поэме «Вверх по Волге» мы находим образцы той тяжелой, нудной,

ненужной искренности, которая отличает человека, находящегося в середине длительного запоя. До Григорьева этого не было в русской поэзии. Несомненно его влияние на Блока и (опосредованно, через Блока) на Есенина. В сегодняшней литературе картины русского разгула напропалую эстетизируются, обрабатываются на холодную голову и переполняют рынок. От григорьевской строчки «сердце ноет, ноет, ноет, словно зуб больной» прямая дорога к любовной лирике поэта-лауреата Бродского, который каждый свой карьер и каждый свой коитус заботливо переводил в стихи.

В общем, по моему глубокому убеждению, поэзия Аполлона Григорьева лежит в стороне от магистрального пути русской поэзии, хотя в своеобразной мрачной выразительности лирике Григорьева отказать нельзя.

В прозе Григорьевым написана совершенно неподобная вещь – рассказ-очерк «Великий трагик». Анализ этого сорокастраничного рассказа можно было бы посвятить доклад, в два раза превышающий по объему настоящий, и все-таки не исчерпать тему. Но сама единичность этой вещи свидетельствует о том, что и в художественной прозе Григорьев не дал того, что мог и должен был дать.

Остается Григорьев-критик. И вот здесь никакая похвала не покажется преувеличенной. Как театральный критик Григорьев у нас вообще вне конкуренции – просто некого поставить с ним рядом в этой области. Что же касается до более обширной и универсальной сферы критики литературной, то здесь имеются три-четыре имени более громких (по крайней мере, в массовом сознании), чем имя Аполлона Григорьева. Но надо сказать, что эти знаменитости нередко ошибались и ошибались довольно грубо, вынося оценки, которых время не подтвердило.

Так, Достоевский, чье творчество сегодня признается всеми одною из вершин мировой литературы, не был при жизни любимцем российской критики. Белинский, высоко оценив первую повесть Достоевского, впоследствии все больше и больше в нем разочаровывался. «Мерзость... ерунда страшная... злоупотребление или бедность таланта?..» – эти отзывы о Достоевском принадлежат последнему году жизни критика. Добролюбов, сочувственно относясь к гуманному направлению ранних произведений Достоевского, вовсе отказывал им в художественных достоинствах. Страхов настолько был убежден в художественном несовершенстве «Преступления и наказания», что в одной из двух статей, посвященных роману, выписал даже (в написание Достоевскому) полторы страницы из скучнейшего и пустейшего романа Ч. Дикенса «Наш общий друг» – именно как образец высокопробной художественности, Достоевскому не снившейся.

Сегодня это смешно, как смешны были бы сто тридцать лет назад наши девятиклассники, бубнящие с чужого голоса о гениальности Достоевского. Пренебрежительные отзывы о Достоевском Дружинина, К. Аксакова, Лескова (печатно назвавшего роман «Идиот» “капитальной глупостью”) не роняют в наших глазах этих благородных и умных писателей. Было бы наивно ожидать от какой-нибудь газетной рецензии, наспех написанной, совпадения с объективной оценкой классического автора, которая вырабатывается на протяжении десятилетий лучшими силами нации.

Странно не то, что Дружинин или Страхов иногда ошибались, а то, что был в нашей литературе критик, который *никогда не ошибался*. И этим критиком был Аполлон Григорьев.

Сегодня мы смотрим на русскую классическую литературу XIX века его глазами. Какие-то крошечные различия существуют (скажем, сегодня мы чуть выше оцениваем поэзию Михаила Дмитриева или драматургию Тургенева, чем Григорьев), но трудно в них разобраться, не будучи филологом.

Скажу больше. Литература XIX века непрерывно удаляется от нас, изменяется ее положение относительно нашего неподвижного «сегодня» – и наше восприятие русской классики непрерывно меняется: отстаивается, уточняется, углубляется... И надо сказать, что *наше восприятие эволюционирует тоже в направлении к Аполлону Григорьеву*. Мы все еще «дорастаем» до него. И, несмотря на отдельные наши успехи, меры Аполлона Григорьева не достигли до сих пор.

Григорьев пришел в литературу в те годы, когда Белинский совершил ряд *революционных* открытий в области эстетики: он открыл, например, что Гоголь написал «Выбранные места...» с целью втереться в воспитатели к сыну наследника престола, что пьеса «Горе от ума», важная как первый «протест против гнусной расейской действительности», не имеет серьезных достоинств («с художественной точки зрения»); он доказал также, что Баратынский – не поэт и что пушкинская Татьяна, не отдаваясь Е. Онегину и оставаясь женой своего мужа-генерала, проигрывает в достоинстве светозарным героиням Жорж Занда, которые сразу же отдаются, полюбив, а без любви не отдадутся никому (царскому же генералу – в особенности). И эти «открытия» произвели фурор, буквально опьянили русское общество. На очереди была эстетика Чернышевского-Писарева с ее глубоко-мысленным предпочтением настоящего яблока, которое можно съесть, несъедобному нарисованному яблоку, с ее боевым лозунгом «сапоги выше Шекспира».

В этом-то чаду Аполлон Григорьев заявляет: «Пушкин – наше всё»; пишет (в 25 лет) статью о «Выбранных местах...», остающуюся до сих пор лучшей статьей об этой книге; говорит Достоевскому: «Ты в этом роде и пиши»; объясняет значение Островского; дает взвешенную, объективную оценку поэзии Некрасова, дораста до которой (то есть до григорьевской оценки, а не до поэзии Некрасова) нам еще предстоит; мимоходом «открывает» Случевского; поднимается на защиту Обломова против Штольца и Ольги, хладнокровно отчеканивая в одной из своих статей: «Всякий беспристрастный и не потемненный теориями ум выберет, как выбрал Обломов, Агафью Матвеевну»; излюбленная мысль Григорьева о противостоянии в русской литературе «хищного» и «смирного» типов становится тем горчичным зерном, из которого вырастет в недалеком будущем колоссальный организм «Войны и мира», а пока что Григорьев уже в «Севастопольских рассказах» разглядывает фагус Толстого: ту «бездну пантеизма», в которую неизбежно предстоит ему свалиться.

Во второй половине 50-х годов в русской литературе завязывается борьба между приверженцами так называемого «чистого искусства» и писателями революционно-демократической ориентации. Последние одерживают быструю, безоговорочную победу. (Вследствие чего, кстати сказать, вся русская классика 60-70-х годов была напечатана в национально-консервативном «Русском вестнике». В изданиях менее одиозных наши классики печататься не могли, их туда просто не брали, а издателей более одиозных, чем Катков, в России того времени не было.) Григорьев не принимает участия в этой схватке. Для него были одинаково неприемлемы как революционно-демократическая (по терминологии Григорьева – «теоретическая»), так и «эстетическая» критика.

Эстетическая критика, поверяющая искусство искусством же, красоту – красотой, просто не могла не быть субъективной, камерной и бессильной. Такое общенародное, «земское» дело, как литература, было в глазах Дружинина и его единомышленников личным делом (то есть не делом, а капризом, похотением) Шекспира, Пушкина и некоторых других «даровитейших чудаков», занимавшихся искусством просто из любви к искусству. (Что-то похожее случается с учеником средней школы, когда он, решая алгебраическое уравнение, получает неожиданное тождество $0 = 0$; корень уравнения в ходе решения «сократился», остается только утверждать, что его и не было.) «Пушкин написал “Скупого рыцаря”, потому что ему нравилось заниматься такими вещами» – разумеется, это правда, да только не вся.

Теоретическая критика подходила к художественному произведению с заранее приготовленным шаблоном, обращалась с его живой тканью так, как Дамаст-Растягиватель обращался в древности с захваченным путником: вытягивая короткое, обрубая длинное... (Как школьник, который во все предлагаемые ему уравнения подставлял бы один-единственный корень – вовсе не решал бы их, но только проверял на соответствие этому образцовому корню.) Добролюбов не постеснялся назвать шедевры пушкинской лирики «альбомными побрякушками», поскольку его мерка, изготовленная по рекомендациям «новейшего Пятикнижия» (так окрестил Ап. Григорьев типовую библиотеку русского нигилиста, состоявшую из Л. Бюхнера, Молевотта и еще трех брошюр; знакомство со всеми пятью брошюрами освобождала адепта нового учения от тягостной обязанности еще что-либо читать в течение жизни), ясно указывала на отсутствие в пушкинских стихах «серьезного содержания». Допустить хотя бы на минуту, что ущербна бюхнеровская мерка, а не стихи Пушкина, Добролюбов не мог – в эту минуту он перестал бы быть «теоретиком», перестал бы быть Добролюбовым.

Более высоко, чем эстетическую и теоретическую, оценивал Аполлон Григорьев «историческую» критику – критику, способную увидеть в искусстве часть жизни (в ее связи с другими частями), способную рассмотреть художественное произведение в широком контексте социальных, культурных, общеполитических проблем своего времени. Представителем такого типа критики Григорьев считал раннего Белинского.

Но и историческая критика имела органический порок. По мысли Григорьева, это «порок самого так называемого исторического воззрения», опиравшегося на гегелевскую теорию развития. Идея «безграничного и безначального развития» сопряжена, по Григорьеву, с совершеннейшим безразличием нравственных понятий. Григорьева ужасает гегелевское миросозерцание – «безотраднейшее из миросозерцаний, в котором всякая минута мировой жизни является переходной формой к другой, переходной же форме; бездонная пропасть, в которую стремглав летит мысль без малейшей надежды за что-либо ухватиться». Но так как человеку от природы свойственно «воображать себе идеал в каких-то видимых формах», то не признающее вечного и неизменного идеала гегельянство ставит на его место идеал, созданный по законам «произвольно выбранной минуты».

Другими словами, историческая критика неизбежно вырождается в критику теоретическую, как то и случилось с Белинским под конец его литературной деятельности.

Для Григорьева, который обладал абсолютным эстетическим чутьем, чьим жизненным девизом были строки из поэтического завещания Гёте:

Истина найдена от века...

Старую истину усвой твоей душе, –

Якорем спасения, позволяющим удержаться над бездонной пропастью отвлеченного теоретизирования, становится живой факт искусства – литературный шедевр, который нельзя ни опровергнуть, ни упразднить, – раз уж он родился на свет.

Но литературный шедевр, бытующий где-нибудь в безвоздушном пространстве, мог бы с тем же успехом и вовсе не рождаться. Литературный шедевр должен кем-то восприниматься. И узловым момент в теории критики Аполлона Григорьева – момент *встречи* литературного шедевра с читателем, имеющим в душе идеал красоты. Не привнесенную извне теоретическую мерку, а сродный душе, свободно в ней живущий идеал красоты.

«Если идеал лежит в душе читателя свободно, – указывает Григорьев, – он судит факты объективно, если идеал вносится со стороны, произвольно – он начинает гнуть факты под свой уровень».

Сознание литературы о самой себе, выражающееся в критике, – вот формула «органической критики» Аполлона Григорьева. Причем, встреча критика с литературным шедевром совершается здесь на почве искусства. Григорьев пишет об этом так: «Как искусство, так и критика искусства подчиняются одному критериуму. Одно есть отражение идеального, другая – разъяснение отражения». Однако (и это самое главное в теории Ап. Григорьева), «законы, которыми отражение разъясняется, извлекаются не из отражения <...>, а из существа самого идеального. Между искусством и критикой есть органическое сродство в сознании идеального <...> критика должна быть столь же органическою, как само искусство, осмысливая анализом те же органические начала жизни, которым синтетически сообщает плоть искусство».

Думаю, вы согласитесь с тем, что теория органической критики антикритика Григорьева производит отрадное впечатление.

В самом деле, было бы хорошо, если бы каждый литературный критик был художник в своем ремесле, по-хозяйски проникал бы в «существо самого идеального», а главное – писал бы критические статьи в силу Аполлона Григорьева. Но как этого достичь, теория органической критики не объясняет. Сам Аполлон Григорьев – явление уникальное, штучное. И тому, кто не родился Григорьевым, никакая теория не поможет Григорьеву уподобиться. Тупица будет писать критику органически тупую, невежда – органически невежественную.

Откуда берется гениальность восприятия, кто вкладывает в душу критика потребный идеал – все это остается не выясненным. Тут работают таинственные жизненные силы – попробуй добейся от них отчета. Сам Григорьев имел дело с вещами вполне реальными: с реальным чувством наслаждения, которое он испытывал, читая Пушкина или Шекспира, и с не менее реальным чувством тошноты, которую вызывали в нем сочинения Чернышевского и Варфоломея Зайцева. «Восприятие мира даже и не под знаком красоты, но под знаком чувственного наслаждения», «привкус гедонизма» в эстетике Григорьева, о которых пронизательно писал Флоровский (в «Пути русского богословия»), несомненно имели место.

Утилитарный принцип «удовольствия», еще Кантом внесенный в основание эстетики, – принцип вообще обоюдоострый. Безусловно, удовольствие Канта или Аполлона Григорьева вернее всякой теории свидетельствует о высочайшем качестве читаемой ими книги. Но о чем свидетельствует удовольствие, которое испытывает ваш сосед в электричке, читающий С. Кинга?

Для выявления истинных художественных ценностей в необозримом потоке текущей словесности все эти построения дают очень мало – именно как построения. Нужна гениальность восприятия, а где ее возьмешь? Гении редки.

Исключительная одаренность Григорьева-критика не получила признания у его современников. В известной эпиграмме поэта-ипохондрика Щедрины на Александра Николаевича Островского («Что ты корчишь роль Атрида...») за Аполлоном Григорьевым признавался все же некоторый масштаб, некоторая величина – по крайней мере, в сравнении с Островским. Обычные же читатели той эпохи всерьез Григорьева не принимали.

Аполлон Александрович ушел из жизни накануне появления таких вершинных созданий русской классической прозы, как «Преступление и наказание» и «Война и мир». Литература в те годы была как вулкан, готовящийся к извержению: все в ней трещало, дымилось и кипело, все росло и рвалось ввысь. И критика Григорьева была действительно адекватна своему предмету – живой литературе, начинавшей «свой последний, смертельный прыжок». Отсюда принципиальная незавершенность и противоречивость григорьевской критики, перепределившие ее репутацию в глазах широкой публики.

К тому же Аполлон Григорьев был тяжелым идеалистом (в бытовом значении слова), Дон Кихотом журналистики, не желавшим считаться с общепринятыми правилами литературной борьбы. Чернышевский и

Добролюбов тупо били в одну точку, разжевывали свой скудный материал до полной доходчивости, могли из тактических соображений положительно оценить автора, чуждого основной линии их журнала, могли крепко лягнуть единоверца, осмелившегося подать голос на страницах конкурирующего издания. Чернышевский и Добролюбов в журнальной борьбе, разумеется, били Григорьева, как мертвого.

Григорьев большую часть своих статей вообще бросил на середине – для него самого тема разяснялась в процессе работы, и он со спокойной душой переходил к следующей, более интересной, еще не раскрывшейся теме. К тому же Григорьев был органически неспособен, разбирая какое-нибудь современное литературное явление (того же Добролюбова, к примеру), не отметить присущих этому явлению достоинств (а были же и у Добролюбова свои достоинства). И он так порой увлекался рассмотрением этих достоинств, что полемическую часть статьи приходилось переносить в следующий номер журнала, к следующему же номеру являлась более интересная тема для статьи, или же редакция журнала прекращала сотрудничество с Григорьевым, или же сам Григорьев ссорился с редакцией... В общем, публицистом, *властителем дум* Григорьев был никудышным.

Идейная эволюция русского интеллигента в николаевскую эпоху хорошо известна: от увлечения Шеллингом на рубеже 20-30-х годов к увлечению Гегелем в конце 30-х, потом – Фейербахом, а дальше составление прокламаций, зовущих Русь к топору, сбор горячих материалов для поджога Апраксина двора, заучивание наизусть брошюр «нового Пятикнижия».

Григорьев проделал движение встречное: пережив в студенческие годы увлечение гегелевской философией, он навсегда потом возвратился к Шеллингу. «Сочинения Шеллинга во всех фазах его развития» Григорьев назвал в конце жизни «исходной громадной рудой» своей теории органической критики. И вот это «во всех фазах», вот эта готовность признать «великим учителем» равно Шеллинга раннего, йенского, и Шеллинга позднего, берлинского, – все это говорит о том, что шеллингианство для Григорьева не философское учение, не цельная система (каковой Шеллинг не создал), а некий поэтический образ, некое «вечье», под обаянием которого Григорьев находился большую часть жизни.

Григорьев и Шеллинг действительно родственные души: сходство не мыслей даже (Что мысли? По едкому замечанию Розанова, «мысли бывают разные»), а ритмов, пауз, интонационных жестов – в их прозе весьма велико.

«Абсолютная объективность дается в удел единственно искусству <...> Философия достигает величайших высот, но в эти выси она увлекает лишь как бы частицу человека. Искусство же позволяет целостному человеку добираться до этих высот», – можно поклясться, что слышишь голос Аполлона Григорьева, хотя на самом деле просто сидишь и выписываешь цитату из «Системы трансцендентального идеализма».

Современное литературоведение, утратив правый путь, помешалось на отыскивании приоритетов: неважно, кто сделал лучше, само это «лучше» тем более не важно – важно лишь выяснить, кто был первым у дверей патентного бюро.

Мы не станем заводить детский разговор о «влияниях» и «заимствованиях». Григорьев был высокообразованный человек, но он был человек взрослый. Григорьев имел самостоятельный, самодержавный ум. Он брал горстями у самых разных мыслителей и художников – у Шекспира и Гёте, у Гегеля и Шеллинга, у Карлейля и Эмерсона, – но у каждого из них Григорьев брал *свое*. Шеллинг был ему ближе других, но если бы Шеллинга не существовало, Григорьев отыскал бы свое добро в другом месте.

Постараемся теперь в последний раз ответить на вопрос: в чем же заключается право Григорьева на бессмертие? В чем его подлинное величие?

Может быть, прав был С. Венгеров, увидевший это величие Аполлона Григорьева «в красоте его духовной личности, “органично” проникнутой лучшими началами высокого и возвышенного»? Что-то есть в этом венгеровском дифирамбе, определенно, но не следует забывать, наверное, про несчастную жену Григорьева, спившуюся и погибшую, про брошенных детей (у Григорьева было двое сыновей, тоже рано погибших: один умер от наследственного алкоголизма, другой сошел с ума); про затянувшийся опыт социальной реабилитации проституток, увлекший Григорьева в ту пору, когда несчастная жена его болела, отчаянно нуждалась и взывала о помощи, которой так и не последовало... Вообще, слишком много было в жизни этой высокодаровитой личности, проникнутой лучшими началами, всяческого неблагообразия и слишком много элементарной водки.

Притом и чистота принципов была у Григорьева в буквальном значении этого слова донкихотской. Гнушаясь общепринятыми методами литературной борьбы, Григорьев не сделал чище литературную атмосферу в стране, не увлек своим примером литературную молодежь – он облегчил задачу врагам национальных начал, дал им легкую возможность сделать из своих излюбленных идей посмеище для всей читающей России.

А вот на разрыв с Достоевским Григорьев пошел, не задумываясь; он вообще легко расставался с близкими по духу людьми – с Островским, с Эдельсоном... Судьба «последнего романтика» требовала соответствующих декораций, ореол «непонятости», «одинокости» был тут необходим. Разрыв с Достоевским произошел ведь только потому, что Достоевский во «Времени» приступил к пропаганде почвеннических идей с размахом и хваткой опытного журнального бойца. Для Григорьева все в этой ситуации строго логично: дорогое его сердцу почвенничество превращается в доктрину, застывает, становится «теорией», а «теория» – это то, с чем Ап. Григорьев всегда будет бороться.

То же произошло и с патриархальными началами русской жизни, красоту и ценность которых Григорьев некогда отстаивал. Как только эта красота получила под пером Островского и С. Т. Аксакова пластическое выражение и начала приобретать общественное признание, Григорьев отходит в сторону. Теперь его больше интересуют «хищные типы», интересует оппозиция тому «добродушному зверству», к которому все чаще сводится теперь для Григорьева патриархальная старина.

Идея, которую подхватила и понесла толпа, есть нечто невыносимое для подлинного романтика.

Что же остается от Аполлона Григорьева для вечности? Остается Григорьев – гениальный резонатор, «чуткий как Эолова арфа», по словам Фета. Остается лучший критик в истории русской литературы, работавший в лучшую ее пору. Но что есть критик, и почему мы должны помнить о нем? Произведения, которые Григорьев верно оценил, успеху (а иногда и созданию) которых способствовал, живы по сей день и долго еще будут жить; великолепное здание классической русской литературы давно построено, заселено и открыто для экскурсантов, а критик, пусть даже и гениальный, это те строительные леса, которые нужны были при постройке здания. Когда стройка заканчивается, леса разбирают и увозят. Кто думает о строительных лесах, кого, кроме специалистов, они интересуют?

В. В. Кожинов, ведущий наш литературовед последнего тридцатилетия, в цикле статей 1971-1974 годов предложил новые принципы построения истории русской литературы, выстроил свою схему ее развития. По этой схеме, например, творчество Пушкина оценивается как ренессансный реализм, т.е. ставится в параллель с творчеством Шекспира; Гоголь и Баратынский принадлежат художественной стихии барокко и должны рассматриваться параллельно с такими западноевропейскими мастерами, как Тирсо де Молина, Гонгора, Кеведо, Мильтон, Джон Донн; русский сентиментализм, по Кожинову, – это «Детство», «Отрочество», «Люцерн» Толстого, «Бедные люди» Достоевского и так далее.

Но сегодня нас особенно интересует мнение Кожинова о русском романтизме, которое резко отличается от традиционных представлений, сводящих романтизм в русской литературе к «Шильонскому узнику» и «Кавказскому пленнику». Кожинов утверждает: «Творчество Достоевского и в значительной мере Лескова, позднее творчество Тютчева, Фета, Полонского, А. Толстого и поэтов-славянофилов, поэтические драмы Островского, проза и поэзия Аполлона Григорьева, творчество К. Леонтьева <...> принадлежат, несомненно, к романтизму». И далее: «Творчество Достоевского – высшее и полнейшее выражение мирового романтизма вообще». Здесь необходимо добавить (вовсе не в укор Кожинову, на разбор глубокомысленной и остроумной теории которого у нас просто нет сейчас времени), что выразить романтизм в творчестве – значит в значительной степени его преодолеть. Достоевский в последних своих произведениях указал на Церковь как на высший и конечный пункт человеческого развития, призвал горделивого скитальца-интеллигента к смирению и труду – и тем самым, конечно, вырвался за пределы романтизма. И тот же путь задолго до Достоевского (поскольку европейский романтизм старше русского) проделали многие видные европейские романтики: Август Шлегель – один из наиболее ранних тому примеров.

Романтизм себе не довлеет: романтическая тоска по идеалу, в принципе, неутолима. И наиболее последовательным выразителем самого духа романтизма в русской культуре остается Аполлон Григорьев, в душе которого свободно лежал некий прекрасный идеал, и этому идеалу, этому идолу Григорьев принес в жертву всю свою жизнь без остатка.

А. Ф. Лосев, размышляя в своей «Диалектике художественной формы» об извечной борьбе классического и романтического начал в жизни человеческого духа, приходит к следующим выводам: «Классицизм есть “актуальная бесконечность” <...> Романтизм есть потенциальная бесконечность, которая в существе своем беспокойно-неопределенна и не имеет границ; это, если хотите, дурная бесконечность <...>»

Романтизм <...> пытается разрешить неразрешимую задачу – быть универсальной идеей, оставаясь в то же время в сфере человеческого субъекта и индивидуальности. Равным образом <...> романтизм никогда не может решить и другой – также неразрешимой, ибо ложной, – задачи – пробиться в вечность, оставаясь в текучем потоке времени. Тут надо чем-то пожертвовать, а романтизм не хочет жертвовать ни временными радостями и печальями, ни вечным и бесконечным блаженством».

Впрочем, отношение к романтизму того или иного мыслителя зависит во многом от его личной веры.

Для тех, кто верит в бесконечное и безначальное развитие, романтизм – одно из основных начал человеческого духа. Начало беспокойное, бродильное. Проявляясь особенно ярко в кризисные эпохи, это начало раз за разом способствует выходу человечества из очередного тупика, подготавливает прорывы в новые, доселе заповедные, области. Фаустовское начало, пронизывающее современную нам цивилизацию Запада.

Для тех, кто сверяет свои верования с катехизисом святителя Филарета, романтизм – болезнь духа. «Всякий романтизм гностичен, – указывает Лосев, – а гностицизм как для правоверного эллина Плотина есть пессимизм и атеизм, так и для христианского епископа Иринея Лионского – “лжеименный разум” и разврат».

Исторический романтизм – мощное и влиятельное направление в европейском искусстве, расцветшее в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн. Энергия, напитавшая европейский романтизм, была энергией разрушения. Манифестации романтизма, при всей их внешней привлекательности, были пляской на костях классицизма и просветительства, крушению которых романтизм всемерно способствовал. Созидательная же его способность оказалась достаточно скромной: Шекспир, во имя которого романтики разбивали стесняющие оковы классических правил, так и остался Шекспиром, романтики – романтиками, понятием собирательным.

Лосев жестко связывает романтизм с протестантизмом, который тоже ведь возник в связи с крушением части старого здания католической церкви, – и тоже энергия, высвободившаяся в результате этого крушения, в дальнейшем только рассеивалась. Первоначальное лютеранство дробилось и до сих пор продолжает дробиться на многочисленные протестантские секты.

Заметим, что история доктора Фауста в европейской традиции XVI-XVIII веков была историей человека, погубившего душу. Спасение Фауста – хор ангелов, поющих: «Кто трудится вечно и вечно стремится, того мы можем спасти», – дело рук Гёте, романтика и протестанта.

Многим участникам романтического движения, как уже отмечалось сегодня, удалось вырваться из заколдованного круга «вечных стремлений», удалось обрести положительные верования или хотя бы связать себя золотой цепью «бытовых предрассудков и аскетической морали» с вечной правдой, которая в христианских странах наложила нестираемый отпечаток на быт и на традиционную мораль.

Аполлон Григорьев остался на огненном колесе «живых фактов искусства», страстей, стремлений.

Впрочем, романтизм вечен. И его история вовсе не заканчивается со смертью «последнего романтика». Но судьба романтизма в после-романтическую эпоху – огромная тема, превышающая мои возможности и далеко выходящая за рамки сегодняшнего доклада. Тут нужно говорить о Шопенгауэре и Ницше, о Вагнере и Врубеле, о европейском декадентстве, ставшем реакцией на ту «капиталистическую фальсификацию барства» (К. Леонтьев), которая сделалась основным стилем европейской жизни после 1848 года, об искусстве модерна, о символизме и т. д. и т. п.

Резюмируя сказанное здесь о Григорьеве, заметим, во-первых, что он был *крупным мыслителем национального толка*, повлиявшим на Достоевского, Страхова и Данилевского.

Во-вторых, он был *крупнейшим литературным критиком в нашей истории*, и его вклад в общепризнанное дело создания классического русского романа оказался едва ли не решающим.

Но цена, которую заплатил за этот свой подвиг Аполлон Григорьев, многим из нас показалась бы чрезмерной. **1997**

*О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!*

.....
P.S. [ВИ]: Что же останется от Григорьева сравнительно с Тургеневым и Толстым? – спрашивает Калягин. Что останется от самого Н.И.Калягина, пишущего о Григорьеве, и от меня, который их перечитывает? Ибо **искусство** – это вторая действительность, возвышающаяся над жизнью (подготовленной Богом), это парк, сад, огород сравнительно с Природой, которые искусственны, придуманы, насаждены человеком, но даже превосходят Природу, ибо в искусстве есть все, что и в природе, но в более идеальной, эстетически совершенной форме: Язык, Музыка, Поэзия, Идеал, Сюжет, Трагедия, катарсис. **А Литературная Критика и Философия** – это третья, *высшая форма Действительности*, приближенная к Богу, они нужны, конечно, избранному читателю, как Тургенев, Толстой, А.Григорьев, Калягин, Ильин и я – но еще более литературы... Прейдет Овидий – но не Аристотель и мы.]

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

*Николай Иванович Калягин прозаик, историк русской поэзии. Родился в 1955 году в Ленинграде. В середине 80-х годов сотрудничал с тогдашней "второй культуры" (К. М. Бутырин, Н. П. Ильин, Е. О. Пудовкина и др.). Печатался в журнале "Обводный канал". Впоследствии - в журналах и альманахах "Москва", "Нева", "Постскриптум", "Странник", **Русские страницы и Новый Русский журнал (издаваемые В. Чернышевым).***

Постоянный сотрудник «Философской Культуры», ред. Н. Ильин, В. Чернышев.

Главные книги: "Сказки и истории" (частично издана в 1988 г. "Молодой гвардией") и "Чтения о русской поэзии" (издана в 2016 году В. И. Чернышевым).

ПРОЧТИТЕ И ЗАПОМНИТЕ ЭТИ ГЕНИАЛЬНЫЕ СЛОВА, ОНИ обращены К НАШИМ ДУШАМ.

«...поверьте нă слово: самодостаточные люди не становятся писателями, каждая книга, дошедшая до нас из глубины времен, является просьбой о помощи. Каждую книгу следовало бы открывать так, как открывают выловленную в море бутылку с письмом: ведь слова, которые вы сейчас прочтете, обращены именно к вам, и только к вам. Именно о вас думал человек, который запечатывал эту бутылку, именно в той минуте, которая сейчас наступила, полагал он заветнейшие свои надежды! И только от вас, от высоты вашего духовного строя, от глубины вашего сочувствия и вашего понимания, зависит остальное: будет ли разрушено одиночество жертвы кораблекрушения, услышит ли голос друга одинокая человеческая душа, "обретут ли разделение, принесут ли плод" ее лучшие мысли и чувства или погибнут на диком берегу без пользы и следа...» («Чтения о русской поэзии»).

Цитата из статьи: «В предельно искреннем, предельно исповедальном письме к Софье Андреевне Толстой (от 1888 года) Фет пишет с негодованием про русских дворян, которые с жадным любопытством поглощают революционно-демократическую стряпню в журналах «и не подозревают, что все, что подается им из враждебного лагеря, клонится к скорейшему их истреблению».

ПОЭТАМ, ПРОВИДЦАМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ и ЧАРОДЕЯМ

Р. С. №5. Памяти Саши Михайлова

Пасхальные дни. Зашли на тыльную сторону Метро, расположились на ступеньках, постелили газетку, и Саша достал три яйца, соль, черный хлеб, лук, квашеную капусту и шкалик самогонки. Нельзя мне, но – такое в этом *рас-питии по душам* в вечеряющем весеннем воздухе с черным хлебом и квашеной капустой теплое и возвышенное, что.. ах, неполна жизнь без этого и не до конца благодатна! И именно с близкими, прикосновенными, с *вознесением*, открытием душ, целомудренным пониманием и сочувствием!

Герман Ионин. РОССИЯ

*Низовское поле, степь ли –
Вы источник моей тоски.
Никому не нужные стебли
Тянут к небу свои колоски.
Урожай такой иллюзорен
Для художников и для стад.
В колосках не хватает зерен,
Оттого и прямо стоят.
Что вы плачете все, как дети,
Повинуясь и повинясь?
Я таких расставаний свидетель,
О каких не слыхали у нас.
У какого иконостаса
И, простите, в храме каком
Весь народ с Россией расстался
Абсолютно и целиком?*

Николай Ив. Калягин. Из «Чтений...»

«...частный вопрос, каковым является вопрос о становлении поэтического таланта, поставлен в правильное отношение к более общей теме, которая только на сегодняшнем чтении получила правильное название, – к теме *любочестия*: *Так гений радостно трепещет, / Свое величье познаёт, / Когда пред ним гремит и блещет / Иного гения полет; / Его воскреснувшая сила / Мгновенно зреет для чудес...*

19.06.22. Как много умерло близких друзей за последние годы!

Умер **Николай Иванович Калягин**, старый товарищ, из тех, кто посещал кружок Николая Петровича Ильина, современного русского философа, позже посещал подобные встречи у Светланы Михайл. Флегонтовой, а ныне – посещал встречи у Осипова и на набережной Макарова в Литературном центре. Сегодня я закончил, наконец, подготовку 21-го номера НРЖ (Нового Русского Журнала), в котором в том числе печатался и Н. И., и смог поднять голову над письменным столом и попытаться о нем написать хотя бы две странички. Можно было бы сказать, что я плохой товарищ, что не поднял голову чуть раньше, еще не начинал писать и вспоминать о человеке, с которым я дружил и которого *любил*, но если кто издавал в год по три номера Литературно-философского журнала, и вспоминал иногда о чем либо другом, тот пусть бросит в меня первый камень. Возможно, я слишком большое внимание уделяю собственной персоне, и хотя не все хорошо помню, что со мною происходило, но кое что мне удастся записать тут же, в связи с событием, или позже, по истечении времени – и что-то о нас я все же помню благодаря таким запискам - и о себе и о других, не менее замечательных людях (а скорее всего, и более замечательных!) я все же вспоминаю тоже, и поэтому не буду осуждать себя за Дневниковые записи, которые ведет почти каждый второй, начиная с детства.

Из книги Воспоминаний «Жизнь в литературе», стр. 106:

2008 год, 14 января, суббота, 18-00. Я на службе, редактирую учебник математики, жив ... телефон звонит... так, может быть, не всё и потеряно?! <...> Тем более что *вчера на философском кружке* Калягин рассказывал о Катенине и *потом мы встречали Новый год*....

2017 год, 9 мая. В «Чтениях о русской поэзии» Н. И. Калягин возражает нападкам православных публицистов на культуру, будучи глубоко религиозным человеком и сам во многом трактуя творчество тех или иных авторов с религиозных позиций. Но надо ли спорить с такими одиозными исследователями, богословами и публицистами? Ну, верят они, что культура внушена бесами и улицы Афин были некогда *установлены идолами*, и отмахиваются от поэзии и поэтов как от дьявольского наваждения – и бог с ними, только бы не писали *шеститомные исследования* по русской поэзии! Ну, думают они, что культура произошла из «культы» и даже наскальные рисунки имели характер магических заклинаний (хотя, скорее, это шалости детей, подобно современным рисункам на заборах, исполненным подростками) – порадуемся за них, *блаженны они*... будем читать и слушать Н. И., религиозность которого не разделяет нас и не отделяет от литературы.]

12 июня 19г. Закончил правки во Втором томе Чтений Калягина, почти подготовил к печати Сборник статей **А.В.Осипова** (благодаря заботам которого мы и встречаемся. Но многое еще *вопиет* о своем завершении:

Николай Петрович Ильин – доктор физико-математических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета. Еще в конце 70-х годов XX века в ленинградском «самиздате» стали регулярно появляться его статьи и переводы, связанные с историей отечественной и западноевропейской философии. Сегодня он печатается в различных сборниках и периодических изданиях, читает курсы лекций по истории русской философии и по философии культуры ... В городе на Неве вышла в свет книга Николая Ильина «Трагедия русской философии».

Николай Петрович родился 9 января 1947 года в Ленинграде, в семье офицера Советской Армии. И первые книги по философии, изданные до революции, он получил из библиотеки Военно-воздушной академии им. А. Ф. Можайского, где преподавал его отец. В нулевые годы Ильин был редактором журнала «Философская культура», регулярно выступал с сообщениями в философском обществе им. Страхова, печатался в том числе в «Русских страницах».

Приведу отрывок из его рассуждений по «национальному вопросу».

«Народность, по своему первичному смыслу – это внутреннее состояние души человека. Слово «народность» как перевод «национальности» предложил в 1819 г. в письме к А. И. Тургеневу замечательный поэт и умнейший человек П. А. Вяземский. И у него же есть строка, говорящая о его глубоком понимании (или, лучше сказать, *чувстве*) народности: *Порвал ли я в себе народности струну?*

Народность следует искать, прежде всего, в себе самом. А если выражаться более строго, именно **народность** составляет то, что философы и богословы называют **природой человека**, которой он обладает наряду с **личностью**. Т.е. **личность и народность – это два главных начала человеческого бытия...** Что и порождает в нем **неустранимую двойственность человеческого бытия ...** Ибо с **личностью связаны самосознание человека и его свобода**; именно они делают его личностью, а не *вещью* (Несмелов). Но в чем заключается **природа** человека?

Личность выражается в самосознании и свободе, то есть в **самоопределении** как фундаментальном **личностной акте**. Но человеческое деяние не может быть «творением из ничего», для творчества необходим материал, нечто, не этой личностью созданное. Человек – наследник национальных традиций, и заложенная в его природе **способность к приятию** этих традиций и является **народностью** (или **национальностью** – таким образом **душа человека по природе своей национальна!**)

Николай Петрович умер 9 мая нынешнего года, похоронен на кладбище в пос. Дибунь. **В субботу, 17 июня 23г., в Сороков день со дня его смерти,** его дочь должна будет получить этот номер журнала.

Г. М. Прохоров. Крестообразность времени

В сочинениях удивительнейшего из богословов Дионисия Ареопагита говорится о положении вечности *над* настоящим. Читая его, мы различаем две вертикали, соединяющие с нею наше время. Одна из них – «катафатическое», утвердительное, полное символов, воспринимаемых чувствами и сердцем, светоносное движение через ангельскую и человеческую иерархии сверху вниз, имеющее целью обратить умы и сердца людей кверху. А вторая – это «апофатическое», отрицательное движение умов снизу вверх в «божественный мрак» для встречи с тамошней божественной энергией[1]. Ясно, конечно, что имеется в виду не физическое, а умозрительное пространство и устремление в нем. И ясно также, что «вечностная» вертикаль первого типа была господствующей в культуре всех Средних веков вплоть до эпохи Возрождения, а вертикаль второго типа оказывалась актуальной там и тогда, где и когда появлялись такие мистики-созерцатели, как Августин, Сугерий из Сан-Дени, Сузо, Таулер, Майстер Экхарт на Западе и исихасты в Византии и на Руси. Именно в этих случаях удивительная по силе вечная божественная энергия оставляла свои прекрасные следы в культуре, видимые нами до сих пор.

Коль скоро и та и другая вертикаль указывают из настоящего на вечность вверх, то, пересекая настоящее, и продолжаясь вниз, она указывает на то, что противоположно вечности, – на миг, момент. В самом деле, ведь, являя собой настоящее, мы находимся между этими противоположностями, между вечностью и моментом, ибо не вечны, а конечны, но и не моментальны, ибо длимся. А на прошлое и на будущее в умозрительном пространстве от нас, из настоящего, указывают, стало быть, направленные в противоположные стороны горизонталы. Так что мы – центр этого умозрительного пространства, образуемого и описываемого крестом возможных умственных ориентаций. Первородный грех Адама, думаю, в том и состоял, что, отвернувшись от Вечности, он стал вглядываться то туда, то сюда – то в Будущее, то в Момент. Прошлого ведь еще не было.

Несомненно, что, любя и чтя своих родителей и их родителей, своих предков, мы выражаем свое уважение Прошлому. След главенства этой ориентации сохранился в нашем языке в самих этих словах: «предки», – те, кто впереди, и «потомки», – те, кто после них, «потом». Главенствуя в умах, эта ориентация создает родоплеменные культы, и тогда объединяет и разъединяет людей кровь. Так оно и было на территории будущей Руси до ее христианизации. Читаем в «Повести временных лет»: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителямъ своимъ; къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху...». И хотя летописец пишет, что у других племен обычаи были несравненно хуже: «А древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвicia. И радимичи, и вятичи, и сѣверь одинъ обычаи имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всякий звѣрь, ядуще все нечисто, срамсловье в нихъ предъ отци и предъ снохами...»[2], – думаю, несомненно,

что тип духовной ориентации у всех них был тот же, что у полян: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ».

Христианизация нашей страны, появление здесь Вечности с ее устремляющей вверх культурой, имела результатом рождение из племен нового народа – русских. Культ Слова Божия с его Словоцентрическим ансамблем искусств – искусства письма, литературы, изобразительного искусства, музыки и архитектуры – обладает, как показывает история, способностью порождать народы. Он ведь создал из разных племен французов, англичан, болгар, алтайцев... Да и не только их.

У нас с христианизацией появились письменность и литература – как внутри храмового Словоцентрического ансамбля, так и вне его. Внутри – это превосходные проповеди, как то «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, слова Кирилла Туровского, а также жития наших святых и гимны и молитвы им. Зазвучали и распеты по-славянски переведенные с греческого богослужебные тексты. А вне этого ансамбля сочетание новопришедшего культа Христа-Бога с местным культом княжеского рода породило такое своеобразное литературное явление, как наша летопись, которая стала, можно сказать, спинным хребтом всей русской средневековой литературы. Появились и своя живопись, и свое каменное строительство, как церковное, так и дворцовое.

«Прошlostные» ценности и обычаи сразу исчезнуть, разумеется, не могли. Да они и не могут исчезнуть вовсе, могут лишь перестать главенствовать. Их присутствие и значение в русской жизни XI-XIII вв. ясно видно уже по тому, что князья носят два имени – родовое и христианское, крещальное. Едва ли не первый князь, которого мы знаем только по христианскому имени – Александр Невский. Первый русский святой, князь Борис, в крещении Роман, отказался сопротивляться своему убийце Святополку именно по родовым соображениям: потому что тот – старший брат, и после смерти их отца занял отцово место^[3]. И по своей смерти Борис остается верным именно родовым чувствам: ведь вместе со своим братом Глебом-Давидом он помогает нашим князьям в битвах с иноплемненниками-иноверцами не как единоверным, а именно как «сродникам»^[4].

Показателен и конфликт с матерью юного Феодосия, будущего Печерского. Когда тот отказывался богато одеваться и играть со сверстниками, она считала, что он творит «укоризну себе и роду своему»^[5].

Естественное с ходом времени сближение и соприкосновение культур – «прошlostной» с её устным творчеством и «вечностной» с её письменностью, – обычно происходящее лет примерно через двести после их «встречи», у нас было прервано бедой татаро-монгольского нашествия. Встреча эта уже начиналась, о чем свидетельствует сам факт записи звучавшего перед князем и дружиной «Слова о полку Игореве». Но основная масса произведений здешнего устного творчества осталась за пределами древнерусской книжной культуры, – по контрасту с соседней крещенной почти тогда же, когда и Русь, Скандинавией, где монах Снорри Стурлусон в XIII веке записал исландские саги. Похоже, Русь – единственная из христианских стран, где устное творчество в целом не было допущено в письменность. И его произведения –

былины, песни, сказки – записывались лишь в XVIII-XX вв., в Новое время. Видимо, сами обрушившиеся на Русь в XIII в. беды воспринимались отчасти как наказание за неискорененность дохристианских верований и обычаев. Так, по крайней мере, можно думать, читая в проповедях 80-х гг. XIII в. Серапиона Владимирского: «Аже еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете... Печалень есмь о вашемъ безумьи, молю вы, отступите дѣль поганьскихъ... Нынѣ же, молю вы, за прежнее безумье покайтесь и не будьте отсель аки трость, вѣтромъ колѣблема» [6]. Общественное сознание должно было постепенно поворачиваться тогда «по часовой стрелке» – от Прошлого вверх к Вечности.

Как справедливо пишет Р. Г. Скрынников, «К XIV веку языческая Русь превратилась в *Святую Русь*» [7]. Этому способствовали и эволюция собственной нашей духовной жизни, и тот духовный подъём, который произошел тогда в православии на Балканах, в Византии, Сербии, Болгарии, на Афоне. Удивительно большое количество переводов с греческого языка на славянский было тогда сделано там и принесено на Русь, так что русская литература в период с середины XIV в по середину XV-го, во время «второго южно-славянского влияния», увеличилась в своем составе едва ли не вдвое[8].

Что это за литература?

По большей части это произведения богословско-аскетические. Резкий рост интереса к ним был вызван происходившими тогда в Византии «исихастскими» спорами – полемикой выходца из Италии греческого монаха Варлаама, обвинявшего монахов-исихастов в ереси, и защитника этих монахов Григория Паламы[9]. Варлаам говорил о невозможности для человека соприкосновения с божественным, Вечным. Григорий же Палама, сохраняя христианскую умопостигаемую вертикаль, утверждал, что это и возможно, и необходимо для людей – соприкосновение не с сущностью, конечно, непознаваемого Бога, а с Его вечной энергией. Оба они ссылались при этом на сочинения Дионисия Ареопагита. И корпус этих сочинений с комментариями Максима Исповедника именно тогда был впервые переведен на славянский язык[10] и скоро попал на Русь. В большинстве же своем переведены в то время были сочинения монахов-подвижников, научающие борьбе со страстями для духовного и умственного восхождения к божественному свету. В XV в. впервые появился на Руси и собственный писатель-исихаст – преподобный Нил Сорский [11]. Все виды творчества – литература, живопись (иконопись, фрески), архитектура – обновляются тогда на Руси. Удивительно расцветают летописание, агиография, творят Андрей Рублев, Дионисий, обретают новый стиль храмы. И происходит новый этногенез, рождается, увеличиваясь в своем составе за счет включения новых племен, новый народ – великороссы. И наибольшее количество святых на Руси, оказывается, жило именно в это время – в конце XIV-го и в XV-м веке [12].

Г. Прохоров. Архиепископ Григорий Палама Фессалоникийский. 1965. К., т., пастель

Когда же на Руси начался поворот общественного сознания от Вечности к Будущему? Мне представляется, – в XVI в., и замечен он нам по деятельности Иосифа Волоцкого. Тот одобрил развод князя Василия с бездетной Соломонией и его женитьбу на Елене Глинской, потому что стране, считал он, нужен княжич-наследник. Он отстаивал и отстоял право монастырей владеть селами, быть богатыми, чтобы в случае нужды помогать бедным. Его расправа

с оппонентами-нестяжателями – приглашенным на Русь для переводов и пожизненно заточенным за согласие с Нилом Сорским Максимом Греком и учеником Нила Сорского публицистом Вассианом Патрикеевым, уморенным в заточении, равно как и сожжение еретиков «жидовская мудрствующих», на чем он настоял, уже вполне в духе культа «светлого будущего». Удивительным образом из Будущего при его культивации всегда веет требующий кого-то убить недобрый дух. Да и из Прошлого при его культивации, мне кажется, может веять то же самое.

В XVI веке происходит старательная поддержка культа княжеской крови: придумана теория кровной связи Рюриковичей через Пруса, якобы предка Рюрика, с римскими императорами [13], и это отражается в новом летописании: создается «Степенная книга», где поколения княжеского рода представляются ступенями лестницы, возводящей их и их потомков на небо [14], а в созданном тогда Лицевом летописном своде русская история впервые связывается с римской. Но наступление Будущего продолжалось. В XVII в. реформаторы русской церкви, руководствовавшиеся стремлением возглавить весь православный мир, убили и искалечили чудовищно большое количество своих людей. Что цель никонианской реформы и последующих ожесточенных гонений на старый русский церковный обряд была именно политической, сомнений не вызывает. Эта мечта, которой так и не суждено было сбыться, останется двигателем русской политики по начало XX века. А в начале XVIII в. Петр Первый осуществил дальнейший поворот общественного сознания России по часовой стрелке – от Вечности к Будущему. В каком-то смысле Петр «симметричен» крестителю Руси князю Владимиру. Если при том Вечности в умах здесь стало больше, чем Прошлого, то при Петре Первом тут

стало Будущего больше, чем Вечности. На этом период «Древней Руси» с главенством Вечности в культуре в нашей истории закончился.

Удивительно плодотворным оказался у нас и «петербургский» период нашей истории, XVIII-XX вв. Освобожденные из и от «Словоцентрического» ансамбля, в котором и в соприкосновении с которым искусства до тех пор находились, у нас возникли тогда «свободные» искусства: прекраснейшая художественная литература, музыка, ставшая оркестровой, академическая живопись, скульптура и архитектура, насыщенные античными образами и приемами, и еще больше развились мечты об усовершенствовании общества.

Не только масоны способствовали повороту российского сознания к земному Будущему, над этим трудилась едва ли не вся русская интеллигенция XVIII – начала XX веков, создавая тайные революционные организации, организуя подпольное производство взрывчатки и террористические акты. Удивительным образом эта вера в земное Будущее сохранилась и у казалось бы православно верующего Ф. М. Достоевского, бывшего сначала революционером. В романе «Братья Карамазовы» старец Зосима у него пророчествует: «Сие и буди, буди!» – о перерастании со временем государства в церковь.

При всей своей готовности проливать кровь ради светлого Будущего, никто из этих мечтателей, конечно, представить себе, я думаю, не мог, сколько крови прольется в России и сколько людей здесь будет лишено свободы, посажено в тюрьмы и надолго отправлено в лагеря, когда к власти в ней придут большевики.

Стремление к Вечности большевики назовут опиумом для народа, традиции – пережитком прошлого, а радости момента – буржуазным разложением.

Любопытно совпадение периодов «христианизации» – времени от крещения страны до её духовной вершины – примерно 500 лет, и «футурализации» – времени от появления первых признаков почитания Будущего до полного торжества здесь культа «светлого будущего» – тоже примерно 500 лет. И вот что еще любопытно: длительной остановки на достигнутых духовных направлениях в обоих случаях не произошло: стрелка общественного сознания, начавшая у нас свое движение при князе Владимире, на них не остановилась, но продолжала поворачиваться дальше. В наши дни, миновав биссектрису, она ощутимо повернулась от Будущего вниз к Моменту, – к Моменту с его культом сладостей мира сего и делающих эти сладости доступными денег. Интересно, что пятисот лет для торжества этого нового культа теперь не потребовалось: прошло всего несколько десятилетий, а он ведь у нас уже всевластен. Появилось необыкновенно много обманщиковажуликов-добывателей-вымогателей денег. Лозунги на улицах типа «Народ и партия едины», «Вперед к победе коммунизма» сменила реклама. Уже заметно и начало некоторого поворота дальше – к Прошлому, – прошлому нашей страны. К близкому, свидетельство того – заметное появление чего-то вроде культа Сталина, и к более далекому: в рекламах и вывесках то и дело видим «яти» и «еры» после согласных в конце слов. И внутри нашего некогда

единого этноса началось «межплеменное» противостояние (украинцев против «москалей» - русских). Заметно также начало поворота еще дальше – к Вечности. Это видно по средствам массовой информации, по их программам и темам, например, о наших «новомучениках» XX века и о восстановлении разрушенных большевиками храмов и строительстве новых. Всё больше и больше народа ходит на службы в церковь. Разумеется, это никак не означает, что о будущем и о сиюминутном теперь вовсе не думают. О них, как и о прошлом, думали и будут думать всегда. Но они не главенствуют. И кажется, теперь поворот «часовой стрелки» нашего общественного сознания (для отдельных людей это – *надсознание*) ускорился.

Как это скажется на наших искусствах во всех его видах? Ведь обязательно должно же сказаться. Иногда кажется даже, что уже сказывается. Нет сомнений, что наши новые «свободные» искусства должны скоро начать и, мне кажется, уже начинают стучаться обратно – в покинутый ими «Словоцентрический» ансамбль искусств, или стремиться к соприкосновению с ним. Любопытно, к чему приведет у нас новое соприкосновение Прошлого с Вечностью. В XI веке оно породило летописание. Посмотрим, что получится из этого теперь. А могут ли Миг и Вечность соприкоснуться? Да, могут – и в противостоянии друг другу, и в согласии друг с другом. Исихастская литература тому пример. Там – перечни губительных страстей, объяснения, как они подчиняют себе человека, и наущения, как им противостоять, как с ними бороться, восходя к настоящему счастью. Ведь настоящее счастье – когда миг не отрывает нас от вечности, а благодатью творчества и радостью связывает с ней.

Так что вполне вероятно, что наше общественное сознание-надсознание вернется, как блудный сын к Отцу, – повернется вверх к Вечности. Тогда оттуда вновь, в третий раз в нашей истории, должен будет пойти животворящий поток божественной любви-энергии. При этом, конечно, опять чудесным образом обновятся у нас все виды творчества. И, вне сомнений, произойдет новый этногенез: русских станет еще больше и они будут еще счастливее, радостнее и сильнее – и духовно, и умственно, и физически. Дай то Бог!

Кстати сказать, родоначальник Глинских, князь Алекса, оттуда родом. И сам Грозный, как известно, прямой потомок Мамая.

– У Гумилева предки тоже ведь из татар!

– Да, Ахматовы... У него, может быть, проявлялась и кровная привязанность. Но у него ведь была и целая большая идея Евразии.

Г. Прохоров.
Автограф

Лихие девяностые (Интервью Г.М.Прохорова)

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Человек, народ, судьба, культура, все сущее состоит из чего угодно, невозможно сказать и предвидеть, что не сыграет в будущем хотя бы маленькую роль, тот сор, из которого иногда (но не всегда же только из сора?) растут стихи, играет непредвиденную роль и в жизни каждого из нас называется этот сор «случайностями»; мой сын **Дмитрий Чернышев** о них писал: *«Нам случай дан, как конь лихой. / Вскочил – так вынесет куда-то! / Лишь направляй его рукой / Туда, где веру в мир иной / Не отрезвят в тебе утраты.»*

Итак, сор, случай, случайность...

Наткнулся на интервью Г. М. Прохорова Алексею Любомудрову, Гелиан Михайлович умер в 2017 году, в последний раз я видел его в 2004 году, мы тогда с ним *разминулись*, и хотя я никогда на него не держал зла, но встретиться и утопить прошлую *разминку* в бутылке Бургундского не привелось. Но так много умерло старых друзей, **не со всеми я простился, не всех во время простил, не у всех успел попросить прощения.** Поэтому присоединяю к предыдущим страницам этот отрывок из интервью.

Г. М. Прохоров. Автопортрет «В 1990-е годы вы стали одним из организаторов издательства «Глаголь» и религиозно-философского журнала «Мѣра». Расскажите об этих проектах.

– Мы задумали и осуществили их вместе с *Василием Ивановичем Чернышёвым*. Дело было так: сын Чернышёва Дмитрий учился у меня, был студентом. Однажды мы встретились с ним в метро, и он сказал: папа хочет делать издательство и журнал. И мы вместе их и создали. *Чернышёв оказался великолепный организатор!*

Одним из проектов издательства стал выпуск *Радзивиловской летописи*. Здесь опять *помогла случайность*. Сотрудникам древнерусского отдела дали Государственную премию за серию «Памятники литературы Древней Руси». Я был в Москве на вручении... Рядом со мною сидел бизнесмен. Мы разговорились, я сказал, что вот, мол, много лет ждёт издания древнейшая летопись, как бы её издать. Он только спросил: «Сколько?» – и отстегнул несколько тысяч! Отлично подготовили факсимильное издание, напечатали в Финляндии.

Там же, в издательстве «Глаголь», вышли книги из задуманной мной серии *«Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях»*.

[*«Правда, действительность была сложнее и трагичнее, но и случайности нам помогали тоже!* Легкомысленные замечания Г.М. довольно точно описывают его личность. Если Залыгин меня называл ребенком по тогдашнему стилю моего общения с «взрослыми», то тем более ребенком по незнанию жизни был Г.М. Он, например, не только не знал, сколько стоит издание той или иной книги, но и сколько усилий требует ее издание, ему казалось, что как только редактор ее прочитал и отметил на полях рукописи свои замечания, печатный станок ее автоматически и печатает. Тираж Радзивиловской Летописи в количестве пяти тысяч экземпляров оказался гораздо дороже первоначально отпущенных на него **четырёхсот тысяч долларов** (по 80 долларов на двухтомник), мы оказались в долгах, и мне даже пришлось православному «меценату» подарить Библию 1812 года в обмен на билет из Москвы в Петербург, а часто я ездил и на электричках...» – ВИ]

– Когда вы решили выпускать «Мѣру», какую цель вы ставили?

– За всё хорошее! (улыбается).

– Хороший лозунг! Помню, там были интересные публикации церковно-исторического и историко-культурного плана. А почему названия журнала и издательства в церковно-славянской графике, через ять и с ером?

В. И. 90-е годы

– Стремилась показать, что мы не ограничены реформой языковой. Это ведь не только церковнославянская орфография – так в России писали до революции. Это русский язык до советской реформы... Однажды я был в Америке, вдруг меня спрашивают, а «Мѣра» ещё выходит? Поразительно, я был удивлён, что там знают этот журнал.

[Я был его Главным редактором, но лицо каждого отдельного номера определял кто-то из нас двоих, таким образом под присмотром Г.М. вышли номера с матерьялами Льва Гумилёва, а с матерьялами его (Льва Николаевича) бывшего закадычного друга Теодора Адамовича Шумовского – под моим присмотром – как и Солженицына и барона Фальц-Фейна, и номера, посвященные «Памяти декабристов» и потомков М. Ю. Лермонтова.]

Святое сообщество друзей «Радзивилловской летописи» и подлинная краткая история ее издания

У каждого из нас немало друзей и родных, они не соединяются в целое только за счет того, что связаны были родством или дружбой или общими интересами, да притом, если и можно найти для разнородного множества людей общий центр, отличительное свойство, то оказывается, что в одном отношении они соединяются в одну группу, в другом – в другую, и целостность оказывается непрочной. Однако, если обзреть тех моих знакомых, друзей, родных, которые были связаны со мною через Книгу (хотя и не только через нее), то они принадлежат к сходным группам, участие в которых было для них не случайно. Во-первых, это собиратели: книг, граммофонных и магнитофонных записей, предметов искусства и истории, к ним относились мой самый близкий друг **Казимир**, певец **Юра Алексеев**, Юрий Борисович **Перепелкин**, Михаил Андреевич **Гневушев**, Вадим **Любославский**; во-вторых, это писатели, поэты, философы, историки, авторы книг и статей, **Саша Михайлов**, Саша Брусов, **Анатолий Степанов**, **Володя Алексеев**, **Николай Тропников**, **Володя Лапенков**, **Александр Осипов...**; сотрудники и авторы издательства Глаголь, с которыми я был связан родством или дружбой, и мой сын **Дмитрий**, и Сергей Сергеевич **Шульц**, и Сигурд Оттович **Шмидт** и другие...

Среди 80-ти изданных Глаголемъ книг несколько составляют своего рода аристократию: девять номеров журнала "**Мѣсяцъ**"; "**Храмы Петербурга**"; "Жития протопопа **Аввакума**, боярыни Морозовой и инока Елифания"; "**Россия и Европа**" Данилевского (это из-за нее Анатолий Андрианович **Галактионов** благословил встречу со мной), "сочинения" **Дионисия Ареопagitа** и **Радзивилловская летопись**, самая знаменитая книга в истории России, которая оказалась не только центром притяжения исторической науки о России, но и сформировала **сообщество**, важнейшее дело участников которого связано преимущественно с этой книгой.

Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / **Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб.: Глаголь; М.: Искусство, 1994. Кн. 1-2.** (Кн. 1 – полное факсимильное цветное воспроизведение памятника, Кн. 2 – полная транскрипция текста, искусствоведческое описание всех миниатюр.)

Авторский коллектив: А. А. Амосов, О. А. Белоброва, *М. В. Кукушкина*, О. П. Лихачева, Г. М. Прохоров, акад. Б. А. Рыбаков, И. Н. Сергеева. Отв. Ред. М. В. Кукушкина, общ. ред. Г. М. Прохоров. СПб, 1994.

«Подготовленные к печати в факсимильном варианте материалы Радзивилловской летописи были утверждены на Ученом совете Библиотеки АН СССР в 1981 г. и на следующий год переданы в издательство "Искусство" в Москве. Среди документов, сопровождавших рукопись, были письма авторитетных ученых-академиков М.П.Алексеева, Д.С.Лихачева, Б.А. Рыбакова и др., которые были адресованы председателям Госкомиздата СССР, часто сменявшим друг друга. Самым ярким было письмо **Д. С. Лихачева** (1980), написанное от руки на собственном бланке. Он убеждал чиновника в том, что

издание Радзивилловской летописи является «нашим патриотическим долгом». Однако летопись удалось опубликовать лишь в 1994 г. благодаря издательству «Глаголь», при содействии финансовой корпорации "NNNNN".

За помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати, выражаю особую признательность доктору исторических наук А. А. Амосову. И считаю своим приятным долгом как инициатор и *Ответственный редактор* данного издания выразить руководителям издательства *Глаголь В. И. и Д. В. Чернышевым* сердечную благодарность.» **М. В. Кукушкина. 1996.**

Как видите, коллектив авторов БАН подготовил к изданию Радзивилловскую летопись еще в 1981 году, а напечатана она была только в 1994, хотя деньги на издание начали искать еще и Раиса Горбачева, и сам ГенСек и правительство СССР и Юнеско (неужели они были **не в силах** оплатить издание? Трудно в это поверить, но **такова, увы, история издания**).

...Итак, в начале 1994 года Маргарита Владимировна Кукушкина поднялась по крутой лестнице в издательство «Глаголь» на Четвертой линии Васильевского острова, и мы впервые с ней встретились. Это был роковой шаг для многих. Она мне рассказала о значении Летописи с ее 618 акварелями для познания и понимания истории Древней Руси и воскликнула: ***Неужели вы, сибиряк, ПОТОМОК ЕРМАКА, не сможете ее издать!? История нам этого не простит!***

Хотя к этому времени мы уже издали Данилевского, Храмы Петербурга, Дионисия Ареопагита и Жития протопопа Аввакума и издательство уже было знаменито, и произошла встреча с Солженицыным, который меня защищал в семидесятые годы, и мы получили в том числе заказы на издание его некоторых книг, но оно было такое же нищее, как ельцинская Россия. И тем не менее я воскликнул: **«Сдохну, но издам!»** Когда в 98 году наша издательская группа ездила в Белоруссию по приглашению правительства на празднование Дня Белорусской письменности, Маргарита Владимировна спросила меня: **«Неужели вы в это верили?!» Нет, не верил...** Но я словно бы начал жить в пространстве Чуда и исполнял только его повеления, **потерял библиотеку, которую собирал всю жизнь, квартиру сына, доброе имя, претерпел 19-тикратное возбуждение против нас уголовного дела, «пил с ментами», целовался со следовательницей, пил с Сергеем Павловичем Залыгиным, который написал обо мне, что я дитя, ходил каждый вечер в гости к академику Рыбакову на Старом Арбате и мы с ним, девяностолетним старцем, отбившимся как-то своего клюкой от троих разбойников, распивали бутылку шампанского, сопровождал академика Лихачева, когда мы ночью тайно (сговорившись с охраной) проникли в Древлехрамилеще, чтобы сфотографировать лист летописи (а Гелиан стал Крестным отцом моей внучки, и я уже чуть не запутался, кто из них ее крёстный отец), и подарил ей «Книгу о русском», нарисовав в ней ту башню Соловецкой крепости, в которой прятался в ожидании расстрела, и печатно засвидетельствовал в Буклете «Храмов России», фонда, который я создал, чтобы помочь издательству, что «он в меня верит» – как об этом же написал и Черномырдин, который мне не помог – как это и предсказывал мне проницательный Байбаков, с которым я пил, заходя к нему в гости, только чай – и опомнился я, только когда в 2004-м**

году в тюремной камере уголовные преступники устроили пир в мою честь и камерный смотрящий, в нарушение тюремных правил, преподнес мне первый стакан. И я провозгласил тост за **Чудо, Тайну и Идеал**.

Товарищи меня упрекают, что я не люблю государство? Но разве не питерское **государство 19 !!! раз** прекращало против меня и моего сына уголовное дело и не **Питерский Городской суд** освободил нас по кассации, так что просидели мы только пять месяцев? И разве я им не признателен?!

С **Александром Александровичем Амосовым** (1948-1996) я дружил, он был выдающимся ученым и помощником председателиши Комитета по культуре, то есть представлял в том числе и государство!

Но продолжу об издании Летописи.

На следующий день я выехал в Москву искать деньги. Нужно было, по предварительным расчетам, четыреста тысяч долларов, Фонд Сороса пообещал мне для начала дать **20 тыщ**. В кабинете Сергея Павловича (в Новом мире) я позвонил им по телефону и от этих денег отказался. Молодые люди, мужчина и женщина, сидевшие там же, засмеялись и она ему сказала: *А ты говоришь, что никто не отказывается от денег!* Они попросили у меня адрес и предупредили, что если не приедут через три дня, то уже не приедут.

Через три дня они приехали и привезли чек на 400 тысяч, из расчета 80 долларов на экземпляр двухтомника в коробке, и еще отдельно **20 тыщ** наличными, которые я не взял у Сороса, – но этих денег не хватило, и ХХ позвонил мне и просил занимать сколько смогу и где смогу, обещая мне помочь, как только разойдутся тучи, тучи не разошлись, он бежал за границу, недавно я узнал, что он погиб. Он тогда просил не называть его имени, я и не называю, и деньги я занимал, пока давали займы, не всем удалось отдать, но

Г.М. и я в гостях у Солженицына
Фотография Дмитрия Чернышева

я продолжаю отдавать (не знаю, долго ли еще). Тогдашнее правительство разорвало Договор, по которому обязывалось выкупить у меня Летопись (*так как в стране денег нет*), но в Президент-Отеле в Москве, когда я туда привез часть тиража, был Банкет, *ста* директорам крупнейших библиотек России я подарил по экземпляру, академикам – тоже

(особенно тем, кого я любил), некоторым писателям, ученым, политикам – именно **подарил**, совершенно бесплатно!..

Но я забежал вперед, а ведь сначала надо было найти подходящую типографию, предложений было много, наконец мы позвонили в Хельсинки, по **её** голосу я понял, что *это она*, утром я встретил ее на Финляндском вокзале и убедился, что интуиция меня не подвела, она приехала с громадным чемоданом образцов их продукции, но уже через час нам надо было ехать назад, чтобы заключить Договор и начать работу, поэтому я просто схватил ее

в восторге в объятия и обещал на эти образцы посмотреть попозже. Она была из Крыма, наша русская, соплеменница Колчака, и если моралисты меня обругают или за объятия, или за то, что я о них рассказываю, то, значит, они ничего не понимают в жизни. **Издание летописи было подготовлено без единой ошибки**, так же его надо было безукоризненно исполнить, для чего все исполнители должны были тоже объединиться в своеобразное братство, и хотя **Микки Торрел**, бывший знаменитый автогонщик, был *бизнесменом* и работал для денег (?), но сколько биений сердца и благих порывов в ее издании сошлись для всех нас! – и когда деньги у меня закончились, Микки пошел к рабочим, и они ему первые сказали, что они знают, что такое эта

Летопись для России, и они знают, что мой отец погиб на линии Маннергейма в последний день войны и отправил своих солдат в тыл, велел родить хотя бы по одному ребенку, и будут работать в ночную смену без оплаты, потому что они хотят подписать мир между нашими народами и лично со мной, хорошим парнем... но разве мы с Микки не

парились в его бане, которую он переделал на русский лад, и не гуляли ночью по летнему Питеру и не пили холодное пиво? Но Микки все же тоже разорился, Вероника на время исчезла, за мной ходили «киллеры», но так как «по понятиям», пока человек находится под следствием, его нельзя *грозить*, то я был в относительной безопасности, а потом меня посадили, потом, вероятно, и некоторых из «них» тоже...

Может показаться, что я раздосадован и пеняю, что государство меня *отвергло*, и во мне *обида непризнанного гения* – отнюдь! – *женою я признан, и друзьями, и мне этого достаточно*, мужчины и женщины меня не отвергали ни разу, с мужчинами я умел дружить, женщин я умел любить, а государство – третьего рода, оно – то «нечто», из-за которого мое сердце волноваться не станет. Мои друзья мною гордятся, денег у них не было, но они пожертвовали сколько смогли. **То, что мы с сыном издали этот великий памятник русской истории – это не случайность, а несомненное Чудо, и я счастлив, что именно нас избрал Бог, чтобы чудо случилось, я мы были его проводниками** (как и мои товарищи по сообществу) – но, быть может, произойдет и какое-нибудь еще чудо, и я еще сумею вернуть долги тем, кому не вернул, еще при жизни?

Сегодня, например, кто-то позвонил в дверь, пришла соседка, семилетняя девчущка, похвастаться новой шляпой и сообщить, что она едет «*вязать сети*». Хоть с мамой? – опешил я. «*С мамой, она будет мне помогать*». Разве это не чудо? Даже во времена моей юности, когда я еще был «ничего себе парень», женщина все же не подходила ко мне первая, а сегодня вот подошла...

Итак, **издательство «Глаголь» и журнал МЪра**, сотрудники и авторы журнала, в числе которых были и Солженицын, и товарищ Гелиана Джеймс Биллингтон, директор Библиотеки Конгресса США, написавший в журнал о своей книге «Россия и Топор» (этот топор я иногда помещаю на задней

странице обложки), с которым мы пили у нас в издательстве русскую водку, и барон Эдуард Николаевич Фальц-Фейн, внучатный племянник Достоевского, напечатавший в журнале воспоминания о своих родных (его отец создал в России заповедник Аскания Нова, и его родные похоронены в 4 километрах от деревни, в которой я провожу лето и сажаю картошку – как мир вонстину тесен!) – да он и сам великий человек, он все послевоенное время на аукционах выкупал памятники искусства и литературы, вывезенные из России во время нашествия на нее гитлеровской Германии, и профессор Безносков, исследователь творчества Достоевского, с которым как-то в Москве в девяностые на вокзале мы оказались в цыганском таборе, и *скатерть белая была залита вином!* – и Залыгин, Юра Тейх, Саша Горнон, Гелиан Михайлович и неотрывно от него *Лёв* (как его называли друзья) Николаевич *Гумилёв*, которого я тоже печатал, в том числе его «*Письма к Птице*» (с которой я был знаком), и одна из переводчиц Дионисия Ареопagitа *Марина Ермакова ... и Николай Николаевич Браун*, сын известного поэта Николая Леопольдовича Брауна, друга Есенина – все они составляли тот незримый центр, фокус притяжения, которым на земле является Северный полюс, а отображением которого на небе является Полярная звезда, и Чудо проявилось в своем великолепии не на пустом месте, избрало меня *не случайно*, и не зря я сидел в 2004 году (и *начальнику Тюрьмы* и товарищам по камере, и надзирателям, а особенно *надзирательницам* я благодарен за доброе ко мне отношение и не сетую на то, что *сидел*), и не зря сидел в 70 -73 годах, жизнь тогда только начала мою личность выстреливать из полена, как папа Карло выстрегал Буратино, и человеку приходится страдать, чтобы выстрегаться (что не оправдывает **неправедность** зла, и хотя **злу надобно было прийти в мир, но горе тем, через кого оно приходит**, и горе тем, кто расстреливал Россию сто лет после 1917 года (да и до сих пор), и **горе тем, кто оправдывает расстрелы и тех, кто их совершал!** И все же **добро победит**, праведных больше, или хотя бы милосердных, заботящихся, рождающих детей и научающих их добру и милосердию. Но **если вы не успели простить своих друзей, то успеите хотя бы сами попросить у них прощения!**)

Это некоторые из книг, которые мы издали

М. П. Чернышева. ПРИРОДА ВРЕМЕНИ

В исторической ретроспективе исследований, посвященных теме времени, малоизвестные специалистам работы выдающихся русских философов Н. Н. Страхова (1897) и С. А. Аскольдова (Алексеева) (1922) занимают особое место по богатству идей и поставленных проблем. Помимо анализа сущности времени и его свойств, различий физического (объективного) и психологического (субъективного), ими были сформулированы две проблемы: о сущности и бытии настоящего времени («теперь»), а также о вечности как «отрицании времени» (у Страхова) или как о «выходе из времени» (у Аскольдова). Естественнаучное образование обоих философов во многом обусловило логичность и конкретность умопостроений и фактически предвосхитило современный мультидисциплинарный подход в исследованиях такого «ускользающего» феномена как время. Своевременность и важность публикации этих работ Н. Н. Страхова и С. А. Аскольдова проявляется прежде всего в том, что они побуждают читателя вступить в дискуссию и привести новые факты *pro et contra*, ставшие достоянием науки за прошедшее столетие. Особенно важны, на мой взгляд, успехи в физиологии (нейробиологии), поскольку большинство известных исследований проблемы времени (публикуемые работы не исключение) отмечены двумя особенностями, обусловленными самой природой человека, деятельностью его головного мозга: 1. привязанностью к определенной модели времени, физической или математической, в рамках которой чисто логически рассматривается проблема времени; 2. неизбежным впечатком «антропоморфизма», – в явной или неявной форме авторы периодически апеллируют к собственному чувственному опыту или к базисным стереотипам научных представлений, хранящихся в памяти (что не мешает осознать не только субъективно, но и объективно существующее время).

Позвольте с точки зрения нейробиологии в тезисной форме прокомментировать основные положения работ Н. Н. Страхова и С. А. Аскольдова, посвященные природе времени и его свойствам, сущности настоящего времени и вечности.

1. Природа времени и его свойства. Объективное (физическое) и субъективное (психологическое) время.

Знаменитый тезис Аристотеля «время связано с движением, но движение само по себе не является временем» стал краеугольным камнем в рассуждениях о природе времени многих исследователей. Основываясь на непрерывности течения времени как одним из его свойств, Н. Н. Страхов, продолжая мысль Аристотеля, добавляет: «движение есть *изображение* (курсив мой – Ч.) времени, но не тождественно». Используя «геометрическую пространственную модель» времени в виде бесконечной в обе стороны (от точки настоящего) прямой, он анализирует оба возможных варианта: движение «точки настоящего» по неподвижной прямой времени в будущее и движение самой темпоральной оси через неподвижное настоящее в прошлое

время. При этом Страхов подчеркивает, что «время представляет особые свойства, только отчасти изображаемые пространственно» и «пространственное изображение времени ...не даст нам действительного смысла настоящего, прошедшего и будущего». С. А. Аскольдов попытался связать воедино онтологическое представление *о времени как изменении* и взгляд на движение как физическую форму времени или «время, переведенное на язык пространства, через которое оно «может быть измерено».

В приведенных определениях остаются неясными два момента: что изменяется и в каком пространстве происходит движение/время? С введением представлений об информации как энтропии и формированием блока знаний о «возникновении» информации в сенсорных структурах живых организмов, распространении и кодировании ее в нервной системе в результате преобразований и затрат энергии можно уточнить, что время (на примере биологического) есть изменение информации, имеющей энергетическую природу (у Лейбница – «время обладает свойствами кинетической энергии»). Следовательно, и *время имеет информационно-энергетическую природу*, во всяком случае, для биосистем. Тогда во внутреннем или в окружающем организм внешнем пространствах движение представляет собой частный случай изменения информации и в этом смысле, действительно, не тождественно времени. Хотя в подтверждение этой гипотезы можно привести много фактов из разных областей биологии (Чернышева, Ноздрачев, 2006), однако предполагая участие нервной системы в восприятии времени «через внешнюю чувственность протяжения» (Аскольдов), мы попадаем в ловушку парадигмы «время есть лишь конструкт ума». Хотя ни Страхов, ни Аскольдов ее не обсуждают и признают существование физического времени вне субъекта, однако из контекста ясно, что оценку настоящего, прошлого, будущего и вечности авторы ведут именно с точки зрения субъекта.

В частности, С. А. Аскольдов различает субъективное (у него тождественное психическому) время как физическое время, воспринятое и осознанное субъектом. Н. Н. Страхов выделяет время созерцания и время мышления, которые также можно отнести к компонентам субъективного. Многочисленные исследования XX века доказали наличие у живых организмов генераторов временных процессов или эндогенного времени¹ и механизмов сравнения его с экзогенным временем (окружающей среды), которые объединены в иерархическую временную структуру. При этом, в силу большей вариабельности и новизны информации, сопряженной с окружающим пространством, она требует больше времени и энергии на ее обработку, чем эндогенная информация, хранящаяся в памяти, и стереотипная, поступающая от рецепторов сосудов, внутренних органов, мышц и т.п. Это обуславливает ускоренное протекание времени эндогенного (Тэнд), по сравнению с экзогенным (Тэкз) при оценке их субъектом. Сказанное позволяет сообщить понятию субъективное время (Тс) новый смысл и представить его как сумму между экзо- и эндогенного (взятого с отрицательным знаком) времени:

$$T_c = T_{экз} + (-T_{энд}).$$

Преобладание информации внутреннего пространства организма (и Тэнд) приводит к ускорению субъективного времени ($-T_c$), тогда как доминирование информации внешнего замедляет его ($+T_c$). Это позволяет объяснить известный феномен неравномерности субъективного времени².

2. О настоящем времени

Одной из особенностей субъекта (и субъективного времени) оба философа считают возможность «помыслить одновременно прошлое, настоящее и будущее». Вместе с тем, даже мысленно человек различает информацию, сопряженную с каждым из них, что указывает на наличие несходных свойств у прошлого, настоящего и будущего времен.

Н. Н. Страхов понимал нереальность (идеальность) мгновения/точки на темпоральной оси и противоречивость реальной протяженности настоящего и его «мгновенности» в геометрической модели времени, замечая, что в самом созерцании нет признака мгновенности; напротив, оно является как бы *пребывающим настоящим* (курсив– Страхова), которое не считает своих мгновений и ничего не знает о своем начале и конце).

Выход из противоречия философ находит в существовании двух форм времени как элементов познания: времени созерцания (мгновенное настоящее) и времени мышления. При этом Страхов постулирует: «в чистом созерцании нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее», тогда как «в чистом мышлении прошедшее и будущее имеют полное существование и настоящее есть точка их соединения». Особо он подчеркивает роль памяти в «сохранении прошлого времени» и возможности помыслить его одновременно с будущим в настоящем (очевидно, в этом случае настоящее имеет протяженность).

Эти представления перекликаются с сегодняшними знаниями о разных (по времени хранения информации) типах памяти: мгновенной (иконической), связанной с активацией рецепторов при воздействии факторов определенной энергетической модальности (свет, электромагнитное поле, механическое, химическое), а также рабочей и долговременной. Из них мгновенная память вполне сопоставима с временем созерцания, а две других, связанные с обработкой информации,— ее кодированием, образованием ассоциаций с другой информацией и фиксированием, — с временными процессами, составляющими в целом время мышления. Заметим, что поскольку «мыслительное время», как и созерцательное, сопряжено с процессингом информации вкупе с преобразованиями энергии, требующими «настоящего времени», то время мышления также сопряжено с настоящим временем, которое и в этом случае имеет длительность, тем более не равную мгновению.

Подчеркнем, что в этих работах Н. Н. Страхов и С. А. Аскольдов впервые указывают на специфику свойств прошлого времени, связанного с памятью, настоящего времени, сопряженного с изменением, а также «пустого и неопределенного» будущего. Сегодня описание данных различий может быть продолжено с позиций представлений о информационно-энергетической природе времени (Чернышева, Ноздрачев, 2006). Например, в случае биологического времени настоящее обладает следующими свойствами: наличие

новизны информации (изменение как точка отсчета настоящего времени); выявление и оценка степени новизны информации через сравнение ее с уже имеющейся в памяти из прошлого времени; направленная развертка информации во времени; характеристика динамики потока информации и энергетических затрат на ее процессинг; структурирование информации в процессе обработки и ввода в память; обусловленность протяженности (дления) настоящего объемом новой информации и временем/энергией ее процессинга; свойственные процессам обработки информации в настоящем времени высокая энергоемкость и быстрый рост уровня обобщенной энтропии (вследствие ускорения обмена веществ в соответствии с принципом Ле Шателье).

Прошлое время, связанное с механизмами памяти, характеризуют такие свойства как: отсутствие новизны информации и временной развертки информации о прошедших событиях; и относительная диссоциация информации со временем (до запуска механизма воспоминания), – время выступает в роли маркера событий прошлого на временной оси; уровень обобщенной энтропии, сопряженный с прошлым временем, ниже, чем для процессинга информации в настоящем времени, что позволяет рассматривать «свертку» и хранение информации в памяти (прошлом времени) как антиэнтропийный механизм (последнее объясняет увеличение объема памяти в эволюции).

Среди свойств будущего времени назовем проективность и схематичность; участие мотивации и цели в темпоральном структурировании информации о будущем; дискретность программы будущего – относительно конкретна лишь информация о цели и начальных этапах ее достижения; программа будущего времени формируется в настоящем с участием информации, хранимой в памяти (прошлого времени), в том числе и о нереализованных программах будущего; оценка времени достижения цели включена как отдельный блок в информацию о будущем; минимальны затраты энергии и рост обобщенной энтропии.

Поскольку с точки зрения термодинамики живой организм относится к открытым неустойчивым системам, то наибольшую неустойчивость он будет претерпевать в настоящем времени, а наименьшую – в связи с будущим временем. Следовательно, возможность объединения (не только субъективно, но и объективно) прошлого и будущего в настоящем способствует увеличению устойчивости живого организма как термодинамической системы и росту продолжительности его бытия. При этом различие свойств времен не позволяет субъективно смешивать информацию, сопряженную с прошлым, настоящим и будущим.

Если биологическое время лишь одна из спецификаций физического времени (Вернадский, 1989), то прошлое, настоящее и будущее времена экзогенного (по отношению к организму) физического времени, реализуемого на уровне Космоса³ (т.е. астрономического времени), должны обладать сходными свойствами. Очевиден утвердительный ответ. Например, для любой звезды настоящее время можно описать как процесс рождения, который имеет точку отсчета при изменении состояния (запуск процесса образования), его дление и окончание. Специалист может описать прошлое и предсказать

будущее звезды. Иерархия временных структур (Космос, Земля, человечество, человек и его структуры, вплоть до генов белков старения или роста) отражает совокупность разных временных диапазонов настоящего, прошлого и будущего. При этом, по мысли С. А. Аскольдова настоящее («теперь») может объединять разные иерархические уровни одновременно (в мгновении настоящего – у Страхова). Однако для «субъекта», находящегося на одном из уровней, по-видимому, его собственное «теперь» может включать всю протяженность собственного временного процесса (-сов) настоящего (например, микроколебания молекулы белка в клеточной мембране эритроцита), а также фрагменты временных процессов настоящего более высоких уровней (процесса вращения эритроцита, газообмена между ним и окружающей капилляр тканью, сокращение сосуда, сердца, вращения Земли и т.д.). Т. е. в бытии, а не умозрачительно, все «мгновения»/настоящее/«теперь» не мгновенны, но имеют длительность и она различна (по объему информации и времени/энергии ее процессинга) для разных уровней временной структуры. При этом единое физическое время реализуется на уровне разных систем в соответствующих временных процессах.

Заметим, что в живых организмах описаны разные типы временных процессов. На направленное время индивидуального развития (онтогенеза) накладываются монофазные процессы (рождение, половое созревание, и т.п.), которые определяют начало и/или конец соответствующего периода жизни; тенденции, отражающие монотонное незначительное изменение параметров жизнедеятельности в оптимальных границах, характерных для данного периода; циклы, число которых определяет длительность периода (например, количество циклов активности яичников является видовым признаком у млекопитающих и определяет длительность репродуктивного периода); ритмы как периодическое изменение показателей жизнедеятельности (температуры тела, двигательной активности и т.п.) в рамках их оптимальных значений отражают саморегуляцию организма и волновую природу времени.

Все временные процессы накладываются на направленное время онтогенеза. При этом одни из них, обладая выраженной направленностью, можно отнести к асимметричным, – онтогенез с его градациями прошлого, настоящего и будущего времени, монофазные процессы и тенденции, тогда как циклы и ритмы, в силу повторяемости и тождественности самим себе в определенные периоды жизни, обладают свойством симметрии (подобия). Симметричные и асимметричные временные процессы обладают разными функциями: симметричные способствуют росту энергетического потенциала организма, тогда как асимметричные, увеличивая чувствительность к воздействиям, сопряжены с ростом объема воспринимаемой информации, которая как негэнтропия структурирует потоки энергии и уменьшает ее потери. Например, экспериментально показано, что предъявление нового слова (изменение информации как начало отсчета настоящего времени) первоначально вызывает усиление симметрии/синхронизации волн в электроэнцефалограмме (как временном процессе) в парных структурах передних отделов лобной и височной коры головного мозга. При

последующем анализе и осознании слова, его включении в контекст нарастает асимметрия колебаний. Следовательно, симметрия временных процессов, отражающая время созерцания (по Страхову), и асимметрия времени мышления могут быть включены в субъективное настоящее время, отражая его функции донора и регулятора энергетического потенциала человека.

3. Вечность

Анализируя понятие вечности с позиций существования времени созерцания и времени мышления, Страхов пишет, что «вечность созерцательная и вечность мыслительная суть два различных представления. Одна есть всегдашнее настоящее и составляет как бы остановку течения времени (и в этом смысле «отрицание времени» – Ч.), другая состоит из бесконечного прошедшего и бесконечного будущего, и представляет непрерывное и беспредельное течение времени». Как уже упоминалось выше, с точки зрения современной нейробиологии между созерцанием и мышлением как временными процессами противоречия нет, они связаны с разными структурами мозга и механизмами памяти и в реальности следуют друг за другом.

Н. Н. Страхов упоминает (не называя, – может быть, это его собственная «реципрокная» гипотеза?) представления других авторов, «полагающих, что вечность выходит за пределы времени». С. А. Аскольдов придерживается именно такой точки зрения. Он различает классы объектов и процессов, характеристики которых включают временные зависимости («овремененные предложения»), и те, для описания которых в них нет необходимости, приводя в качестве примеров таковых геометрические объемы в пространстве и бога Юпитера. Эти примеры как истинные «конструкты ума», по моему мнению, лишь кажутся «вневременными», поскольку по сути воспринимаются (извлекаются из памяти) с минимально возможными затратами (но не без них!) времени и энергии как информационные выученные стереотипы. Другой аспект «выхода из времени» С. А. Аскольдов обсуждает как «вневременное (психологическое – фантастика, мечты) бытие объектов». С точки зрения философа, математика, это, может быть, и кажется справедливым, однако в бытии подобный «выход из времени» также связан с субъектом и в аспекте нейробиологии фантазии, мечты, сновидения есть продукт деятельности ассоциативной памяти, основанной на ассоциациях (связывании) информации, хранящейся в памяти в виде эпизодов, сюжетов, в новые сюжеты, а этот процесс имеет темпоральные характеристики, отражая эндогенное время субъекта.

Очевидно, что сделанный столетие назад Н. Н. Страховым и С. А. Аскольдовым вклад в решение проблем соотношения времени и вечности, времени и пространства, субъективного и психического времени, сущности настоящего времени не потерял своего значения и для современной темпорологии.

ССЫЛКИ

¹ Согласно Ньютону временные процессы суть референты времени. – Но тождественны ли они? Об этом можно говорить утвердительно, если свойства временных процессов и времени сходны. Действительно, им в равной степени свойственны направленность, непрерывность, дискретность, ритмичность (свидетельствующая в пользу волновой природы времени), сопряженность с информацией и энергией. Вместе с тем, энергия потока времени, пронизывающего все уровни бытия, порождает на каждом из них специфические временные процессы с характерными для каждого уровня темпоральными параметрами, – от молекулы до Космоса. Следовательно, онтология временных процессов определяет сходство их общих свойств со временем, но и не тождественность ему. При этом временные процессы действительно отражают (являются референтами) время.

² Следовательно, субъективное и психологическое время (по крайней мере, у человека) различны: последнее сопряжено с сознанием (оно у человека появляется в возрасте 4-6 месяцев), а первое существует и до рождения ребенка и в старости, если в случае патологий сознание отключается, а жизнь организма продолжается. Т.о. физическое время реализуется как психическое на уровне сознания (время мышления) и, взаимосвязано, как субъективное – на уровне физиологических систем организма.

³ Правда, остается открытым вопрос о принадлежности Космоса (Вселенной) к живым системам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов (Алексеев) С.А. Время и его преодоление (полный текст статьи)// *Философская культура*.–2006, №3.–С.226–246.
2. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия.–1989.–190с.
3. Страхов Н.Н. О времени // *Философская культура*. –2006, №3.– С. 215-225.
4. Чернышева М.П., Ноздрачев А.Д. Гормональный фактор пространства и времени внутренней среды организма. СПб.: Наука. 2006.–245с.

Чернышева М.П. – доктор биологических наук, проф. Кафедры Физиологии высшей нервной деятельности С-Петербургского государственного университета.

ЧЕРЕЗ ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ

14 декабря 2004 г. Достал из верхнего ящика книжного шкафчика большую связку писем, там множество и моих писем, писанных в разные годы, и письма ко мне, преимущественно писанные с 70-го по 73-ий год, когда я сидел в двух советских Учреждениях, обучающих коммунистической истине и диалектическому материализму: во внутренней тюрьме Большого Дома и в Специальном Сумасшедшем Доме на Арсенальной.

Будет несправедливо, если в этой книге, написанной по большей части в тюрьме и посвященной любви, я не вспомню опыт *первой отсидки*, продолжавшейся три года, и имевшей более сильное влияние на меня.

Моя несравненная и красивая жена писала мне почти через день, а что я засматриваюсь, тем не менее, на других жен, ни объяснить ни оправдать теперь не пытаюсь. Может быть, я пытаюсь прожить сразу две жизни в одной (и правы, значит, "органы", объявившие меня тогда сумасшедшим) – но без этого не сумел бы я стать хотя бы и таким, самонадеянным и, естественно, не признанным "пророком"... Однако, как ни трудно совместить *верность* и *ветреность*, я, по-видимому, хотя и *самый ветреный из всех верных, все же и самый верный из всех ветреных*.

Приведу несколько строк из двух писем – от моего покойного друга Казимира Лавриновича, с которым подружили мы сорок пять лет, и от моей *кроткой милки*, все еще *кроткой*, и по-прежнему *милки*...

ПИСЬМО И СТИХОТВОРЕНИЕ

Калининград, 27 октября 1971 года.
В специальную психиатрическую Больницу
Комитета Государственной Безопасности

Друг мой милый! Полминуты назад прочитал только что полученное письмо от Марины, а в нем – для меня главное – ты получил мое письмо, и оно доставило тебе радость.

Пишу снова. Ничего, что ответа не будет долго – будет потом, в письме ли, при встрече ли, на Вас.Остр., или в ночном буковом лесу в Кенигсберге [*так и случилось!*]. Эту встречу я часто вижу во сне, наверное, и ты о ней думаешь, только как? Ведь

*Время реет над нами как ветер,
То быстрее, то легко и неслышно,
Только штилям оно неподвластно.
На лицо нам ложатся морщины,
На виски седина нам ложится,
И на душу от часа к часу
Нам ложится печать прожитого.*

У нас осень, тротуары усыпаны листьями и каштанами... я гулял с дочкой, и она попросила меня рассказать, как мы с тобой ездили в Таллин, и гуляли по его улицам, усыпанным осенними листьями. [...]...

Чернышеву В. И.

22 февраля 1972 года. Любимый мой! ...[...]. где бы я ни ходила, все представляю, как ты будешь медленно бродить по улицам, ловя звуки, взгляды, образы, как чудно, прекрасно будет жить – даже представить страшно, так как будущее начинает казаться чудом.

Была на выставке акварелей Максимилиана Волошина, приведу названия его пейзажей, они образуют словесно-живописную музыку...

[...] ...я купила и каталог и альбом, качество репродукций превосходное, и ты сможешь о нем получить представление.

Купила еще новую пластинку Виктории Ивановой, и восхищаюсь ее пением: «она поет, и звуки тают, как поцелуй на устах...»

[...]... вчера получила от тебя письмо, такое грустно-печальное...

И мне приснилось, что тебя отпустили, а потом снова забрали...

Р. С. Будет несправедливо, если меня наконец и в самом деле не заберут в третий раз. Бог, как говорят, любит Троицу, а я суевверен, и отчасти исповедую мистику чисел, что мне извинительно, я ведь математик. Да и без суевверия – неужели дьявольская власть успокоится, пока меня не доконает? Я же ее не перестая ненавижу! Но вызовет ли третья посадка такой же отклик у моих друзей, как первые две?

Правда, меня посадили в 70-м, в 2004-м, а в 2002-м я сидел месяц на экспертизе на Обводном канале под стражей – а это не посадка ли? Так что, возможно, уже и сидел я трижды, как надо?!

СТАНОВЛЕНИЕ

Большинство людей представляют из себя нечто вроде айсберга – помимо видимой части, есть у них и невидимая, которая является основным основанием его известного, повседневного Я.

В наибольшей степени таким свойством обладают те, кто оставил заметный след в культуре, прежде всего в ее гуманитарной области. Люди дела (не только «деловые люди», «бизнесмены», но и все, кто реализует себя исключительно в *практической плоскости*, в том числе *политик, инженер и ученый*) почти целиком «над водой», то есть почти равны своей видимой части; те же, кто проявляет себя в культуре, имеют наибольшее невидимое основание

Отсутствие широкого не-видимого духовного основания характерно для людей последних десятилетий, прагматиков и реалистов,

относящихся к жизни рационально и функционально, тех, для которых и математика – не способ жизни, не философия и искусство, а всего лишь логарифмическая линейка, используемая в вычислениях.

Еще в начале двадцатого века и ученые были совсем иными – я приведу три характерных примера.

Изобретатель радио Попов увлекался музыкой, большой известностью пользовались в Петербурге его «музыкальные среды», на которых часто выступал перед гостями гениальный Федор Иванович Шаляпин.

Владимир Иванович Вернадский, кажется, в большей степени проявил себя как создатель учения о Ноосфере (*околопланетной сфере разума*), нежели в естествознании, в котором он так же был гением; в юности он пилил дрова в Хамовниках с Львом Толстым, и после бесед и споров рациональный последователь христианства воскликнул о естествоиспытателе

– «Да вы, батенька, мистик!?» (что в устах позитивиста Толстого звучало осудительно).

Алексей Алексеевич Ухтомский, создатель учения о **доминанте**, сначала окончил кадетский корпус, затем Духовную академию, полгода провел в монастыре, поступил затем на восточный факультет Петербургского университета, и оттуда перевелся, наконец, на естественный факультет. Хотя Ухтомский и считал, что «...плохо, если человек вступил на путь писательства! *С хорошей жизни не затишешь!*», но в его эпистолярном наследии, то есть в его письмах, философско-просветительский гений его проявился, быть может, даже значительнее, чем в науке.

Таким же странным, вмещающим небо и землю, людей был Ленинградский архитектор Юрий Борисович Перепелкин, собравший наибольшую и наилучшую в мире коллекцию граммофонных записей русского вокала.

Казимир Клеофасович Лавринович, профессор математики Калининградского университета, *поляк* по происхождению, сын преподавателя гимназии в польской (Виленской) Литве, *русский* по культуре, духу и укорененности в общественной жизни, *католик* по вероисповеданию, *интеллигент* по призванию и образу жизни, *человек-айсберг*.

Мы познакомились в далеком 59-ом году, когда вместе поступали на математический факультет Ленинградского университета, в группу астрономов, и мгновенно, «с первого взгляда», как бывает в любви, сдружились, и так с тех пор и были духовно близки и по сю пору, когда, увы, нет уже моего друга, но каждое утро смотрит он на меня строго с фотографии над кухонным столом, а днем и вечером с бесчисленных фотографий на книжных полках, даже с фотографий наших общих друзей.

Разумеется, почти все увлечения в нашей жизни оказались у нас общими, мы «заболевали» ими одновременно, и так и не поправлялись. Важнейшими из этих увлечений были *женщины* (так сказать, род *лирической поэзии*), *музыка*, *собираительство* книг и пластинок, *история* культуры и духа, *писательство* (в широком смысле этого слова, то есть не писание романов, а уж тем более детективов, а писание о духе), *дружба* и *просветительство* (в том числе, преподавание).

Женщины окружали нас на университетских скамьях, в семейном кругу, в кругу друзей, а позже стали вдохновительницами и педагогического призвания – но об этом они сами расскажут полнее и лучше меня. И хотя, в отличие от меня, К. К. был преподавателем строгим, но лекции его были пропитаны аурой духовности и *любви*. Любовь к женщине и просветительство оказались соединены так неразделимо, по-видимому, из-за благодатного свойства женщины внимать и впитывать – но было чему внимать и впитывать, определялось ленинградской порой его жизни, и прежде всего влиянием Юрия Борисовича Перепелкина.

Юрий Борисович продолжил традицию А. С. Попова, в 36-ом году у него на квартире *в среду* собрались первые слушатели граммофонного концерта, и с тех пор в течение 60-ти лет, на еженедельных *музыкальных средах*, он знакомил мир с мастерами прошлого, именно его коллекция стала основой для издания граммофонных пластинок Шаляпина, Смирнова, Вьяльцевой и других, осуществленной «Мелодией» в 80-ые годы.

Казимир попал к Юрию Борисовичу в 62-ом году; вскоре привел меня, ощущения наши трудно описать – церковь, театр, музей, духовный оазис – соединялись в одно целое в небольшой комнате, заставленной старинными вещами, увешанной афишами и стендами с фотографиями, а на скамейках и стульях рядом с нами сидели Блоковская незнакомка, Собиновская «знакомка»; драматическая актриса Елизавета Тиме, случайно не вышедшая замуж за Керенского; племянница Вари Паниной Екатерина Сорокина – блиставшие еще перед революцией; Изабелла Юрьева и Печковский, звучали голоса Шаляпина, Смирнова, Обуховой, Руслановой... они смотрели на нас с фотографий, и нам казалось, что мы

разговариваем с ними. Мы садились в кресло Глинки, облакачивались о рояль Римского-Корсакова, вынимали книги из книжного шкафа Скрябина, брали в руки всер Комиссаржевской, листали альбом с фотографиями Странгиллы Иртлач, исполнительницы цыганских романсов (а то и выпивали с нею рюмку вина), в детях и внуках поэтов, певцов и композиторов прошлого словно оживали великие мастера, и культура из склада и витрины становилась для нас собственной жизнью.

Казимир ринулся еще в студенческие годы в собирательство книг и пластинок, его собрание стало важнейшей частью его самого. В поисках тех или иных сведений в круге его интересов достаточно было ему подойти к книжной полке, и редко она не открывала ему навстречу необходимое с лихвой.

В Калининграде он и сам стал оазисом культуры. Дома у него устраивались музыкальные и литературные вечера, поэты и музыканты любили бывать у него, за разговорами встреча затягивалась полночь.

В его бережном отношении к истории Кёнигсбергского университета и его выдающимся ученым проявилась полнота его личности – книжника, меломана, собирателя, интеллигента. Важно подчеркнуть определяющую черту его культурной, научной, преподавательской деятельности – он отдавался каждому делу со страстью и безоглядно, он растворялся в деле, которому служил, почти религиозно. **2003 г.**

Важнейшие труды:

1. **Фридрих Вильгельм Бессель.** Москва. Наука. 1989. 320 с.

2. **Альбертина.** Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининградское кн. изд-во. 1995. 416 с.

3. **Восточная Пруссия** (в коллективе авторов). Калининградское кн. изд-во. 1996. 540 с.

Казимир Клеофас Лавринович, доктор физико-математических наук, профессор, астроном, **родился 21 марта 1941** года в польской семье директора гимназии около Вильнюса в Литве (до сент. 1939 года «Виленицина», территория Польши). В 1942 году во время немецкой оккупации отца расстреляла литовская полиция в ходе карательной акции.

Мы познакомились в июле **1959** года при поступлении в университет, и **дружили 43 года** (К.К. умер **21 февр. 2002 г.**) – и я дружу с его близкими, мы встречаемся и переписываемся, а город и университет тоже вспоминают своего великого гражданина.

Кстати, в вестибюле университета им. Канта к стене прикреплен барельеф с изображением Казимира, а в музее Канта лежит экземпляр «моей» *Радзивилловской Летописи* – это я вернул городу копию Рукописи, увезенной Елизаветой из Кёнигсберга – мы квиты?

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

К. Лавринович

АЛЬБЕРТИНА

Очерки истории Кёнигсбергского университета
1544—1994

К 450-летию со времени основания

Василию Ивановичу Чернышву,
лучшему кёнигсбергскому ученому
и старинному соборному певцу,
в память о дарении им Калинин-
градскому университету Радзивиллов-
ской летописи

К. Лавринович

24-26.1V 95

КАЛИНИНГРАДСКОЕ книжное издательство 1995

Оправдание лучших

Памяти Александра Михайлова.

Александр Иванович (*Саша Михайлов*) сотрудник Пушкинского Дома, поэт и доктор наук, подготовил к изданию Сборник стихов Есенина «**Шел Господь пытаться людей в любви**», и издательство «Глаголь») напечатал семь с половиной тысяч экземпляров к столетию со дня рождения поэта, и я поехал в село Константиново на грузовике вместе с книгами, приехал в два часа дня, множество народу, поклонников поэта – и тут *хлынул ливень!* Пришлось воскликнуть: **Берите книги бесплатно!**

Через 15 минут грузовик опустел, но родилась легенда о щедром меценате (которым был **нищий поэт и издатель**, Азь грешный...).

Милостивые государины (и мужчины)!

И только что прочел книгу Василия Чернышева «Молоды и Боль» и в настоящее время пишу к ней предисловие с надеждой, что с Божьей помощью и, естественно, добротой людей автору посчастливится ее издать — как своеобразной художественной памятки исторической судьбы русского человека конца XX века и рансе.

Книга многосторонняя, но земная. Входящая в нее как бы отдаленными участками роман, повесть и дневник образован на самом деле органическое единство, будучи скреплен единым героем, образом которого выступает сам автор.

Книга насыщена живыми картинками детского детства героя (ее самая поэтическая часть), устрашающим кинематографическим видением туманной действительности, интригующей философии размышлениями о смысле не только тригической русской истории, но и бытия вообще, заряжает своим эмоциональным настройом. Блестящий плоский реализм, — автор владеет тонким мастерством переключения сцен реального, бытия всего плана в мир прошлого и всевозможных фантазматических (из записок Бомбино Дома герой попадает то в детство, то в средневековье Французской эпохи Жанна Д'Арк и проч.). Все эти изобретения придают книгу Василия Чернышева произведением, созданным на уровне ведущих художников европейской художественной прозы XX века, за исключением разве только Уэйс и Осифовича и Ойгеневича, молодых и Боль, персонажей которых принадлежит в XX веке исключительно одной только России.

В этом смысле название книги «Далеко»
и Галь оправдывается вполне.

Книга живопроявляет острым и бодрым
вопросами нынешнего существования
русской науки и в силу этой своей актуа-
льности, несомненно, найдет в читательской
среде самый живой отклик.

Помогите, пожалуйста, возможно, ее издать
на пользу России.

Всем Вам благ, с надеждой
на действие

А. Н. Михайлов,
Доктор филологических наук,
Ведущий сотрудник ИРМ
(Пушкинский Дом) РАН.

27 мая 2001 г.

А. Михайлов

С Александром Ивановичем Михайловым я был знаком 47 лет.

В юности мы жили по соседству в общежитиях университета, я на Детской, около Смоленского кладбища, он чуть дальше, на Симанской (позже ул. Шевченко), ухаживали за подругами, Женей и Валей, дружили с Сашей Брусовым, писали стихи, спорили о поэзии, читали, учились, мечтали и, конечно, и тогда, как и через сорок лет, при встречах иногда за душевными разговорами разливали «по стусемьдесят граммов на брата»...

Подробным воспоминаниям о наших встречах еще не настала пора, и пока я только вместо комментариев к его письму и оправдания к нашей жизни, двух поэтов, оказавшихся ненужными своему пьяному народу, приведу отрывок из своего Дневника за 2001-й год (уже ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ)..

20 апреля 2001 года, пятница.

Перечитываю повесть Саши Михайлова “Окрест Вселукской церкви” и горестно задумался о *вырождении* жизни – то есть ее опошлении, заполнении пустым мусором пустого быта, заполнении *ничем* (не потому ли на вопрос о том, *как живется*, мы часто отвечаем не “хорошо”, или “плохо”, но “*ничего*”?!); затем – о разложении и распадении связей – страны, народа, близкой (или *малой*) Родины, то есть родного края, например – Урала, Питера, Забайкалья, или *уже* – Бирюсы, или еще *уже* – поселка, деревни, хутора; распадении связей семьи, среды обитания (так, есть ли у *бомжа* хоть какая-то среда обитания? Как некое сцепление, как гнездо с перьями и соседями? Или только огороженный кусок пространства, но не принадлежащий ему, не *уродненный*?)

Вырождение жизни происходит так же как *снижение*, нравственное падение, утрата высокого и замена его низким, пустым, преступным.

Если прав Пушкин, то народ в целом – то есть и крестьяне и высшее общество – не является цельным народом, но содержит в себе одну тлетворную часть, которую русские романтики называли *чернью*.

Мещанин, обыватель – не то. Мещанин раздражает интеллигента (например, Горького или Иванова-Разумника) равнодушием к его “высоким” призывам, кипениям, страстям, но рождает детей, воспитывает их, дает им образование, ходит на работу, и даже на войну... не идет на баррикады, даже в партизаны своею волею не идет, и это, конечно, плохо, но не идет и в начальники лагерей и в каратели..

А *чернь*, это те, кто *ненавидит высокое* и несет в своих действиях, воле, страстях, в своем раздражении – темное, разрушительное, тупое и злобное. Безусловно, из черни и рекрутировались Комитеты бедноты и разрушители храмов, активисты колхозной жизни, и доносители, и обличители всего непохожего...

Но кажется мне, что не только в *черни* дело, да и *чернь* не однородна. Ограниченных, узких людей и в нашей деревне, и в школе, где я учился, и далее в течение жизни встречал я множество, и их без сомнения можно отнести к черни – но не могу сказать, что жизнь не притирала нас иногда и близко друг к другу, так что даже водку приходилось пить вместе.. Та компания моих знакомых и сослуживцев, которая была связана со мною в Москве, и *вспотела* со страху, узнав, что я должен Московской Мэрии за издание книг, и побежала доносить на меня на всех углах и выживать из Москвы, из уголка, где я еще мог приютиться – вот эта компания, безусловно – *чернь*. Но разве и с ними я всегда был связан враждой? Я и сегодня не брошу в них камень, или ком грязи, и у них еще не у всех всё потеряно, а может быть даже раскаяние к ним придет, или стыд, или хотя б сожаление. *Чернью* их сделала трусость и малодушие; у тех, кто был беден – неспособность переносить житейские невзгоды; кто был богат – опасение (правда, нелепое, ни на чем не основанное) потерпеть ущерб; некоторые же разочаровались в своих тщеславных надеждах, узнав, насколько я беден, и устыдились за фамию, который опрометчиво мне перед тем воскуряли. Ну да и Бог с ними, не в них – причина тех бед, которые обрушились на Россию.

Эта Повесть подтверждает мое главное чувство, что Падение преодолевается только в Трагедии.

Но сор земной, все те, кто опустился, спился, или кого жизнь *опустила* – не всегда переживают, не всегда успевают пережить свое падение как *трагедию*, а только как принижающее страдание, или как *опустошение* души (и в нем чаще всего причина самоубийств).

Трагедией Падение оказывается в народной Судьбе, в соединении множества индивидуальных молекул в толщу Народной Жизни, и множества индивидуальных кратковременных происшествий в Историю.

Кто же переживает трагедию?

Трагедию переживает Народ как целое, как историческая личность. Лучшая часть народа, самое высокое в нем, страдает за грехи и низость своего быта и сора, за тех своих, кто, по моему мнению, и не является народом, а скорее – его изнанкой.

Трагедию переживает художник, поэт, писатель, философ или пророк... да и всякий русский, любящий Родину.. Трагедию переживаем мы с Сашей, вовсе неповинные в ее истоках и в русском падении. Мы разве не пытались сделать все, что в силах, и что не в силах – но сор земной неподвижен, и если слушает он, то не нас.

Но, не виновный в падении России, я и виновен... хотя не уяснил еще, в чем же моя вина...

И все же главная вина – не во мне, как и не в черни.

Есть нечто еще, названия чему точного я не знаю, а буду называть как-нибудь оскорбительно, например, *сволочь людская*... Вот эта сволочь людская и вершит наши судьбы уже сто лет. Почему и за что – не знаю.

Вот видел фильм о народнике-террористе Каляеве, бросившем бомбу в Великого Князя. В первый раз он бомбу не бросил, в карете сидели неповинные (по его мнению) жена и дети Князя, а во второй раз, когда Великий Князь был один, покарал *злодея* (как он считал). Жене его на тюремном свидании сказал – *Вас мы не тронули. Вы – живите!*

(Террористов этих, впрочем, было не много, они были индивидуальны, и хотя будоражили жизнь России, но в течение сорока лет индивидуального террора великая империя продолжала созидаться духовно и хозяйственно. Были построены храмы, дворцы, театры, дороги, фабрики, и крестьянская жизнь не хирела, а возрастала.)

Вдова великого князя основала монастырь, а после была расстреляна – в 18-ом году – большевиками, которые кроме нее расстреляли еще и царскую семью, и десятки миллионов повинных и неповинных людей в России и по всей земле.

Большевики принесли новую религию обесценения человеческой жизни, *индивидуальные* человеческие отношения они заменили *массовыми*, а разбой, бывший ранее только болезненной примесью к жизни, сделали ее основой.

И чернь, и обыватели стали, конечно, орудиями новой Воли жизни, но эту новую Волю вдохновляли и питали не они, а вот та самая *сволочь людская*.

Философия этой сволочи выражается полно в одном современном происшествии: русский полковник изнасиловал и убил чеченскую девушку – ну, на войне, как и в жизни, чего только не совершается, и героического, и грязного? – и это изнасилование и убийство – не из ряда вон выходящее военное преступление. Обычный человек невольно примеряет происходящее к себе, и оценивает зло, как если бы оно совершено было по отношению к своему дорогому – например, изнасиловали и убили его собственную дочь. Как бы отнёсся всякий человек к изнасилованию собственной дочери? – страдал бы, негодовал, кричал и жаждал мщения – но не стал бы защищать он насильника.

Так к кому же я могу обратиться, для кого могу жить? Народ, среди которого прошло мое детство и юность, имел в то время человеческие представления о добре и зле, о том, что хорошо и что плохо, он много нагрешил и наказан пьянством, бедностью, ранними смертями, опустошением, вымиранием, страданиями – но не был он от **нечистой силы**. Многие же из народа сегодня, среди которых живу и к которым обратиться пытаюсь – не только орудие зла, но и сами – ЗЛО!

С ужасом вижу, что они – *сволочь людская*, не просто низкие и завистливые к выдающемуся, а – растленные и растлевающие, в них – мировоззрение Нечистой Силы! Не растлила ли *сволочь людская* и народную чернь?

Так что катиться мне еще дальше (если не умру скоро от остановки сердца) – к отчаянию и опустошению.

Казалось, что всё, последняя точка поставлена, но – чувствую, надо еще объясниться, нет завершения, дверь неплотно закрыта, откуда-то дует – а я не то чтобы не собираюсь больше возвращаться, но под целым периодом жизни своей, почти под пятилетием, черту провожу.

И вот, пусть она будет поотчетливее. Да и понадобится в ближайшее время это *Последнее слово*, только тогда уже мне не дадут сказать его, посему скажу загодя.

И прошусь, и объяснюсь и, может быть, оправдаюсь отчасти.

Во *вторник* встречался с Сашей Михайловым, передал ему последнюю главу, дописал ее в семь часов вечера, а в девять встретились мы у метро Просвещения. Итак, первая книга моя (**Боль и Любовь**) закончена, осталось сверстать, найти денег и напечатать (хотя бы в небольшом количестве экземпляров). А деньги... – если все же хоть какое-то внимание у Господа осталось ко мне, и не сердает, что я не сюсюкаю с Ним, как другие, то, может быть, Он мне пособит?!

Ну, ладно, деньги – потом, сначала надо дописать, сверстать, распечатать и сдать в типографию – это, кажется, можно сделать еще без денег, вот и займусь...

В предыдущее воскресенье была Пасха, и я Саше велел принести яички, а сам принес две бутылки пива.

Зашли на тыльную сторону метровского здания, расположились на ступеньках, постелили газетку, поставил я пиво, а Саша, смотрю, достает три яйца (одно для Марины), соль, черный хлеб, сало, нож, лук, квашеную капусту и полбутылки самогонки. Нельзя мне, конечно, и нехорошо потом было, но – такое в этом *распитии по душам* в вечерующем весеннем воздухе с черным хлебом и квашеной капустой теплое и возвышенное, что... ах, неполная жизнь без этого и не до конца благодатна! Да и не согреешь душу, когда она примерзает, даже и девичьими объятьями! И именно важно не застолье в доме, а вдвоем или втроем, с близкими, прикосновенными, с *вознесением*, приоткрытием душ, целомудренным пониманием и сочувствием!...

С Сашей мы познакомились сорок лет назад, потом надолго «судьба нас разметала», и только восемь лет назад встретились мы вновь, и оказалось, что не только в судьбах общие, но и в отношении к миру, к России, в трагическом сочувствии к ее судьбе.

Самогончка «шибала» *что надо*, запах и вкус ее напомнили мне деревню моего детства, и мы заговорили о наших корнях – у Саши – в истоках Волги, у меня – в самой срединной Сибири-матушке.

Подошел мужичок, спросил, не отдадим ли пустые бутылки из-под пива. Детям и старушкам, когда вот так у метро пиво пьешь, и спрашивают, я всегда отдаю, но вообще-то в советское время бутылки я сам сдавал – и из-под вина и водки, когда принимали, и из-под пива – и немалая подмога бывала от этих пустых бутылок, хотя ведь не основное это занятие у меня – выпивка.. Бросить пустую бутылку – в городе или в лесу – я почитал почти таким же грехом, как бросить кусок хлеба, и даже когда попадалась на глаза чужая пустая бутылка, и меня никто не видел, воровато хватал я ее и прятал в портфель. От жадности ли? Нет, и не от бережливости, а потому что с детства я знаю, «почем она, копейка», и никогда «лишних денег» не было, да и *не лишние* почти никогда не было тоже..

Благонамеренный обыватель (или «умеренный и аккуратный») свысока сразу же начнет мне пенять (как бывало не раз) – «А что же не заработаешь денег столько, чтобы не только бутылки не сдавать, но и на Мальту ездить?»

Ну, положим, я – отщепенец, бестолочь, и тому подобное.. да ведь и Саша не заработал и никогда не заработает, **доктор наук и писатель**, преподающий студентам *лирику*! И Володя Т---нов, преподающий *физику*, не только на Мальту не зарабатывает, а и на пиво не всегда! И Сергей Сергеевич Шульц, поэт и ученый, и доктор, и профессор, и на четырех работах подвизается сразу, не только на Мальту, но даже на какой-нибудь списанный автомобиль, или самый старый компьютер, или на бутылку хорошего вина заработать не может! Что же, перечислять дальше ученых, писателей... а что же тогда учителя, у которых зарплата меньше, чем была у меня студенческая стипендия?

Нет, перечислять я больше не буду, и не буду больше за других говорить, *конвоиры* торопят, надо успеть сказать о себе.

Оправдаться я не оправдаюсь, ибо приговор вынесен заранее.. даже перед своими близкими не оправдаюсь, невольно усвоена и ими как дыхание единая точка зрения, что будто бы *иерархия* житейского *успеха* соответствует *достоинству* каждого, будто бы мы по лестнице жизни как в забеге бежим, и награды находят героев.

Оправдаться же перед обществом я никогда не оправдаюсь, потому что обвиняют меня не только злодеи, но и все те, кто живет *так как надо* – а ведь все они в глубине души убеждены, что ни Христос, ни Жанна, ни Джордано, ни Аввакум, ни поэты, ни философы, ни изобретатели, ни диссиденты, ни заговорщики, ни чужие любовницы – не живут как надо! Как надо живут те, кто живет по правилам, установленным обществом и властью, слушается начальства, дорогу переходит на зеленый свет, не ссорится с сильными, не водится с слабыми, не имеет посторонних увлечений, лишним друзей, чужих жен, страстей, слабостей, *грехов, помыслов*, мечтаний, видений, голосов и откровений, не связывается с нечистой силой, но и с Богом в слишком близкие отношения не вступает!

«Все, что задуже, то недуже!» – говорит осторожный хохол, и он прав.

Так что перед народом своим оправдываться я не буду, да по своему он тоже прав – надо же и детей рожать, и кормить, и гнёзда вить, какая там еще к черту поэзия!

Но народу, впрочем, кроме ближних моих, до меня дела особого нет, у него своих забот хватает, и не он устанавливает Правила жизни, включает красный или зеленый свет, и распределяет «прибавочную стоимость» – а ведь только на нее Мальта и мерседес, а не *в поте лица своего*.

Вот с теми, кто на Мальту ездит, я и поговорю напоследок, ибо именно их есть сие царствие земное (да, боюсь, и небесное тоже!), им, *хозяевам жизни*, и попытаюсь я попенять – во-первых, потому, что именно они проели «прибавочную стоимость», да и всякую иную – тоже; они презрительно и свысока смотрят на меня, обвиняют в *неумении жить*, внушили и народу моему ложные понятия о низком и высоком, загородили мне все пути и все попроща, сожгли Жанну, распяли Иисуса, уморили голодом святую боярыню, осмеяли Ламанчского рыцаря, изгнали Овидия, заточили Аввакума, поругали чистых, возвеличили низких, поклонились жестоким, заточили смелых, оклеветали честных, оскорбили гордых, а теперь еще прельщают невинных детей богатством и благополучием, забирая в обмен мечты и грезы.

Воображаю суд не земной – здесь меня никто и слушать не станет, – а некий фантастический, измышленный мною в рамках *литературных мечтаний*. На том суде я кое-какими возможностями обладаю, и если даже то будет Страшный суд, надеюсь, Господь все же даст возможность распинаться перед Ним и перед судьями как хочу, прежде чем в огненную смолу заключить.

Начал я разговор с пустых пивных бутылок, вот с ними непременно на Суд и припрусь.

Вообразим некие весы, на одну чашу буду я складывать свое оправдательное, доводы в защиту и укоризны врагам, мои добрые дела и все, что полезного сделал; на другую – пусть кладутся мои грехи и возможное

доброе *всех хозяев жизни вместе взятых*. Пусть это будет тяжба моя от имени всех русских поэтов, не имеющих ничего кроме унижения при жизни и разве только снисходительную память после смерти, с *имеющими всё* – власть, богатство, славу, купленных за деньги красивых женщин (или прельстившихся властью, знатностью, успехом), дворцы и виллы, бронированные автомобили, личные самолеты, костюм от Кардена, вино от Клико, шампанское из Шампани, ром из Ямайки, и даже воду из целебных источников!..

Сначала я пустые бутылки положу на весы – сколько в очередях простоял я при советской власти, чтобы за каждую штуку «хрустали» получить двенадцать копеек (да вдруг раздавался глас – *Тары нет!* – и приходилось восвояси тащиться домой, не омочив даже горло глотком Жигулевского пива); и нынешние пустые бутылки положу, их, правда, меньше, и в очередях на сдачу уже стоять не приходится (кое в чем прогресс все же есть, не все хуже стало от прошлого). Причем тут бутылки? – кто-нибудь спросит. Да разве две тысячи лет не призывали меня к умалению гордыни, так я ли не умалён? Я ли гордецом был, и на закуску стараясь плавленый сырок подешевле купить, и даже студнем по 54 копейки не брезговавший, и маргарин вместо масла намазывавший на хлеб? Даже на страшном суде буду *гордиться* я тем, что *не был гордым*, и не стеснялся за 97 копеек *Волжское крепкое* пить, и в кружку в оное время с разливным жигулевским пивом для крепости спирт доливать, и покупал колбасу *особую чесночную* за рупь тридцать (но она при проклятых «коммуниках» была повкуснее нынешнего *сервелата*), и ныне не стал я гордым тоже, и с Сашей пью самогонку, прозрачную как березовая слеза, а не шотландский ром, и с Геной С--ым на днях пил аптечную «настойку боярышника» – какого еще смирения жизнь может требовать от меня?

Но *не единой выпивкой жив человек*, поэтому похвастаюсь и другими добродетелями. Метафорически выражаясь, ехал по жизни я в вагоне третьего класса, даже когда хватало денег на первый; и не для того, чтобы упрекнуть Христа, но для полноты правды замечу, что всегда жалел, чтобы на меня были истрачены елей и мирра, и постоянно помнил о тех нищих, среди которых можно разделить деньги, вырученные *за продажу благовонного масла*. Не только не мною заработанное не хотел я на себя истратить, но и заработанное мною не расточал на себя, и помня о ближних, помнил и о дальних.

Как же оказался я в издании книг столь неуспешен, что даже бросают мне в упрек, зачем, мол, *не за свое дело взялся?* Зачем *сунулся в воду, не испытавши броду*, и – непризнанный поэт – возомнил себя еще и **издателем?**

Упрек этот совершенно не основателен. Та воровская власть, которая установила новые после коммунистов правила (а вышла сама из их же славных рядов), установила их так, что только воровать можно было успешно, вся же остальная деятельность обречена была на провал.

Или есть хотя бы один предприниматель в России, производящий что-то полезное для народа и зарабатывающий на том?

Все наши хозяева жизни – это продавцы не ими нажитого российского добра, или нечто *перепродающие* (от технического бельгийского спирта до ножек Буша), или *посредники* в сделках, или *сводники*, или *проститутки*, или *чиновники*, берущие взятки, или *финансисты*, или *услужливые журналисты*, или *киллеры*, или *участники развлекаловок* (так называемого шоу-бизнеса), – то есть все сплошь *сутенеры*!

Никто из них не произвел ни одной гайки (и даже не способствовал ее производству), не написал и не выпустил ни одной книги, не вскопал хотя бы одну грядку и не вырастил хоть один огурец.

Копали, сажали, поливали, выращивали, точили, шлифовали, пилили, строгали, учили и писали – другие, эти же – только мешали, они только *собирали дань* с производителей, охраняли сборщиков, обслуживали их потребности, устраняли конкурентов.. и далее все в этом роде.. Найдется ли из армии хозяев жизни *хотя бы один*, который сделал хоть что-нибудь в производстве, или, по крайней мере, знает и умеет делать, и может выпускать журналы и книги (как я), отремонтировать дом (как я), построить теплицу (как я), вскопать огород (как я) [про себя я к примеру говорю]?! Да они все сплошь невежды и неумехи, и никогда ничего делать не умели кроме воровства и посредничества и обслуживания богатых! А мои книги не покупали не потому, что я их плохо издавал, а... либо тем, кто не разучился читать, не на что покупать стало, либо отрастили хвосты и забрались на дерево поближе к телевизору, и книги им стали уже не нужны. Не меня судить надо, а мой народ, преступно предавший своих творцов – пусть он объяснит, почему ученые работают дворниками и огородниками, или продают пиво в ларьках, почему писатели на Невском торгуют своими книгами, чтоб прокормиться, преподаватели ищут частных уроков или ставят оценки студентам за мзду, студентки торгуют телом, а я, умеющий и математике обучать, и книги издавать, или, на худой конец, чужие сочинения исправлять, в морозный день разгружаю из вагонов деревянные шпалы?! Или он не при чем, народ мой? Подождите немного, дойдет очередь и до народа, еще объяснимся, и «аз воздам!»

Издательство, которое я создал, оказалось убыточным не по моей вине, как и Пушкин застрелен Дантесом не потому, что стрелять не умел. Или Лермонтов... или мой отец... Но в них, по крайней мере, стреляли не из-за угла, и не свои, а меня застрелил мой собственный народ, который отдал всё – власть, промышленность, земные недра, деньги, любовь – тем, кто умножать это не умел, а только разрушать! Что сделано с нашей страной, которая пошла по миру и по всем панелям мира, которая пуще в долгах, чем я?! (Но я-то изначально ничего не имел, и в долг строил, а они – имели, им было всё отдано, в том числе и *моё*!)

Читаю намеренно умиленно-восхищенного историка, почти *млеющего от восторга*, о начале ельцинского правления – *ах, как он Россией завладел, смело, круто, дерзко, по мужски, как бабой, которая отдалась ему не рассуждая! Завалил на поляне в Беловежской Пуще...*

Как любить такую Россию? Как понять? Как оправдать?

Господи, жить противно! Россия Достоевского и Толстого, неистового Протопопа, боярыни Морозовой, Пушкина и Лермонтова, Владимира Мономаха, митрополита Иллариона, святого Сергия Радонежского, святых великомучеников Бориса и Глеба, великого Шалапина, строителей и защитников земли русской, первопроходцев, землепашцев, иноков и воинов, певцов и певиц, философов и поэтов... эта Россия как ханская наложница, как пьяная девка с панели... *с властителем не только лукавым, но лживым и пошлым* пошла на лесную поляну... не с нею ли пьяный в обнимку упал он с моста? Не ее ли сдавал он в аренду для прихоти иностранцам, *дерзко презирающим земли чужой язык и нравы?*.. **Да с кем же ты, блядь, шляешься, да как же ты смеешь позорить детей своих?!**

Или это поклеп на тебя, а ты и сама невольница в жестоком вертепе, измывается над тобою дьявольская сила, и дети твои про тебя забыли и не ищут, как освободить, как спасти и отомстить?!

Детям твоим весь свет застила дармовая жизнь, а вместо того пока объедки с чужого стола, пошлые и подлые мечты о богатстве и жгучая зависть к богатым.. И проживут свою жизнь в одной только погоне за удачливыми товарищами, за теми, кто успел украсть, успел поделить, успел продать Родину, будущность, честь...

Ну, вот, граждане конвоиры, господа судьи, равнодушная публика...

Потерпите еще немного, надо заполнять пустые чаши весов. Та, которая отведена для **хозяев жизни**, может быть заполнена разве только лживыми обещаниями, фальшивыми ваучерами, задержками зарплат и пенсий, разрухой в стране, фантиками от жевательных резинок, пустыми бутылками из-под *пепси*, роскошным благоденствием новых господ..

Что же я возложу на свою сторону?

Надеюсь, разрешите складывать не только достижения, но и неудачи, не только радости, но и огорчения?

Мало собрал я для хвастовства... и все же не в одних горестях и потерях протекла моя жизнь..

Но и когда тяжело было – так ли уж я жаловался? Настаивал на сочувствии? Негодовал на несправедливость ко мне?..

Реки текли из страданий и зла – только ли об этих реках я вспомнил и написал? И самое ли горькое? Нет, о самом горьком я умолчал...

Жизнь сложилась не так, как мечтал, и немного доброго удалось сделать, но зла причинить я никому не хотел.

И все же, если бы и самые последние слова я теперь говорил, не стану оправдываться, не стану доказывать, что я лучше, чем обо мне думают – это не важно. Неприятно мне то, что недостойные торжествуют, и смеют смотреть на меня сверху вниз, как и на всякого поэта. Я же хочу доказать, что я достиг большего, чем они, я хочу доказать, что я везде и всегда выигрывал, а они проигрвали, и я неизмеримо счастливее каждого из них.

От самого рождения и до сего дня я прошел *по самому краю жизни*, заглянул на дно бездны, но не свалился.

Я так много говорю о том, что меня любили родные, друзья, женщины, не для того, чтобы бахвалиться перед теми, кому повезло меньше меня, но чтобы *хозяева жизни*, захватившие мою Россию, не смели торжествовать. Разве у них были такие друзья? Даже когда за них платят выкуп в три миллиона долларов, разве те, кто платят, жертвуют своими? Рискуют своим благополучием?

А в моих несчастьях я никогда не бывал покинут, и мне помогали не только близкие, но и те, кто должен был по всем правилам быть мне дальним.

Родные и друзья были верны и заботливы, а женщины мучили так, что на других уже не оставалось у них мучительства!

Вот уж такого неравнодушия женщин хозяевам жизни не приобрести ни за какие богатства!

Я задумался на несколько минут, улыбаясь.. Простите меня, мои мучительницы, за вашу неверность, отчуждение, игру, любопытство, нелепые размолвки, страстные ссоры, раздоры, непонимание, разлюбление, невлюбление... простите, что каждая из вас меня бросила, а я ни одну из вас не бросал.. что вы предпочли мне других, что мне не удавалось вас соблазнить, что я был слишком робок, слишком нежен, слишком влюбчив, слишком привязчив.. и за то, что вам не удастся меня забыть, простите тоже..

Как вы умудрялись задерживаться около такого человека, как я? Как вы умудрялись немножко в меня влюбляться? Даже когда я был глупым, даже когда я был слишком умным (клянусь, это больше не повторится!), даже когда был чрезмерно самолюбив.

Пора, пора прощаться, разве возможно сказать все? Всегда останется больше уже сказанного! Я верю, что Россия останется со мной, и если, чтобы она услышала мои слова, я должен буду написать их своей кровью, я, кажется, решусь и на это.

– Что там в бутылке, осталось ли еще по глотку? Нельзя *Последнюю речь* заканчивать слишком патетически – разве я так уж стремлюсь быть оправданным? Ничто мне не нужно так как Любовь, даже слава – меньше!

– Не унывай, Васька, – воскликнул на мою речь Саша Михайлов, – мы еще не написали всего, что должно, и многое еще впереди.. Да и бутылка не вся еще!

25 мая, пятница, около полуночи. Пил у В--и пиво и чай, и вдруг ее крошечное двухлетнее дитя сказало – ***Вася, хватит пить, иди домой!***

Пришлось подчиниться, и я отправился на встречу с Сашей М--ым.

На задворках метро расстелили мы газету, положили на нее горбушку хлеба, кулек с квашеной капустой, два соленых огурца, два кусочка сала, полбутылки "смеси №3" (в которую входила *чеченская чача, русский бальзам* и "клюковка" неизвестного племени) – и стало нам *хорошо!* (А для оправдания добавлю, что мы не только пили, но и писали стихи... и даже прозу...)

26.12.24. Ника. Прошло 20 лет, вдруг в автобусе девушка в наряде ***Снегурочки*** бросается ко мне на грудь: «***Вася, это ты?***» Мы жизнь сплетаем как Сеть, и Небесный рыболов ловит в неё наши души – *но и мы не взлетаем ли в небо?*

ШУМОВСКИЙ. ЛИХАЧЕВ. ШАФАРЕВИЧ. Выдающиеся люди России, с которыми соединила меня непредсказуемая судьба: **Теодор Адамович Шумовский** (родился 2 февраля 1913 года, умер 28 февраля 2012, прожил 99 лет, из них почти 20 лет просидел в тюрьмах и лагерях); академик **Дмитрий Сергеевич Лихачев** (28 ноября 1906 – 30 сентября 1999), и академик **Игорь Ростиславович Шафаревич** (1923-2017) – выдающийся математик, общественный деятель-диссидент.

Теодор Адамович писал в книге «Воспоминания арабиста»:

Не слушай трусливых и низких советов,
Беги, Аррани, от дворцовых дверей:
**Цари никогда не любили поэтов,
Поэты всегда презирали царей.**

Читаю его книгу «Свет с Востока»:

«Мои «сопроцессники», проходившие по одному «делу» со мной, – Лева Гумилев и Ника Ерехович – тоже получили по пять лет лагерей. Леву отправили в Норильск; знавшая его там женщина-химик, встретившаяся мне в Красноярском лагере осенью 1943 года, передала мне по памяти четверостишие Гумилева-младшего:

*Я этот город строил в дождь и стужу,
И чтобы стал он выше местных гор,
Я сделал камнем собственную душу
И камнем выложил дорог узор.*

И далее: «Паскаль как-то сказал: *«Справедливость является предметом споров. Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не смогли сделать так, чтобы справедливое было сильным, а сделали сильное справедливым»*. Но вот много лет спустя мне довелось видеть фильм о художнике Эль-Греко; место действия – Толедо, время – 1576 год. Эль-Греко схвачен инквизицией. – «Я невиновен», – говорит он судьям. «Докажи это», – отвечают ему. «Но где доказательства моей вины?» – «Святая инквизиция не нуждается в таких доказательствах» – заявляют судьи, помня, что арестован он по доносу *набожного сына церкви*. И – все-таки – инквизиция находит Эль-Греко невинным и отпускает! *Даже инквизиция...*

Теодор Адамович, который был старше меня на 29 лет, был нашим близким другом, он много лет вместе с женой и младшим сыном Славой ходил к нам на *литературно-музыкальные вечера*. (Со старшим сыном Иосифом я познакомился позднее). С Гумилёвым я практически не был знаком, а когда однажды пригласил его на один из таких вечеров, Т.А. мне сказал: «*Или он, или я!*» М-да... *Попал я как кур в ощи!*

С Игорем Ростиславовичем **Шафаревичем**, "другом Солженицына", я познакомился в начале нулевых, у нас с ним зашел разговор об их дружбе, и я понял, что многое в мнениях о публичных людях является случайными *мифологемами*, так как Игорь Ростиславович на мое замечание парировал:

«Ну, теперь вы – друг Солженицына!» (до этого мне было так же далеко, как до друга генерала Лебеда – с которым я, впрочем, встречался). Так как эта книга посвящена преимущественно изданию Радзивиловской Летописи и издательству «Глаголь», и о Шафаревиче я писал немало прежде, то и ограничусь этим небольшим напоминанием, добавлю, что он был мягким интеллигентным человеком, а что он отрицал безоговорочно, так это социалистическую доктрину и практику, и что принимал почти на мифологическом уровне, так это «простой Русский

народ», который еще меньше меня понимал и знал, как, кстати, *никакой народ ни один из философов и «учителей человечества» никогда не понимал и не знал*, начиная еще с «философов» Ветхого Завета, продолжая Новым Заветом и Христианским Богословием – что нам умного сообщили священные тексты об Израиле и иудеях, жителях Назарета и Иерусалима, – точно так же как и из христианских богословских Поучений мы мало узнаём о жизни Древней и Средневековой Европы.

Дмитрий Сергеевич Лихачев был арестован и отправлен на Соловки в 1928 году, где чудом избежал расстрела, когда после побега двух заключенных для устрашения остальных узников были расстреляны **триста человек** совсем неповинных – хотя, впрочем, был ли виновен кто-нибудь из виновных? Позже Дмитрий Лихачев сказал: «На Соловках я понял, что **каждый человек - это личность**». Он считал, что Россия была неотъемлемой и неделимой частью европейской цивилизации, *Лихачев думал о своем жизненном пути как о вертикальном движении к небесному дому*. Размышления о его личном опыте изложены в книге «Воспоминания» (1995).

Как оказалось, в комнате моей внучки собраны почти все книги Дмитрия Сергеевича, многие из них с дарственными надписями.

Настя родилась в 1992 году, в 1994 году издательство «Глаголь» издало Радзивиловскую Летопись, и так как я в то время еще был христианином, то попросил участвовать в Крещении моей внучки Гелиана Михайловича и Дмитрия Сергеевича, они условились с знакомым священником и Крещение состоялось в церкви Академии художеств, и Настя на днях мне рассказывала, что она почти всё происходившее помнит, и описала внешность Гелиана Михайловича и Дмитрия Сергеевича и уточнила, что именно Гелиан Михайлович стал ее

Крёстным и подарил ей маленькую иконку, которую сам написал, а Дмитрий Серг. надписал книгу «Заметки о русском», в которой нарисовал Соловецкий монастырь и башню, в которой сидел, я эту книгу на днях перечитывал (а я в последние дни перечитываю его сочинения, в том числе читаю о нем статьи из интернета, в их числе даже злобные, что меня крайне удивляет), но эта книга – «О добром», даже более

кстати, послесловие к ней написал *Сигурд Оттович Шмидт*, и вот повод вспомнить и его, мы с сыном издавали его книги и часто в то время встречались и были привязаны друг к другу. Так как я в качестве поэта и писателя в то время ничего существенного собой не представлял, то все эти великие люди, о которых я вспоминаю, удерживали меня, как ангелы, на своих руках, только из-за издаваемых нами книг и журналов, и к Игорю Ростиславовичу я тоже подошел как издатель, и только в 2001 году издал свою книгу «*Боль и Любовь*», а «Записками на пальме» *огорошил* его только в 2005 году (но не все в моих взглядах было ему чуждо, и в своем последнем интервью незадолго до смерти он как будто кое-что говорил специально для меня. (Кстати, по поводу «Радзивилловской» некоторые сумасшедшие, выдающие себя за истинно русских, пишут, кроме того, что русские построили египетские пирамиды и основали Рим, что эта Летопись была срочно изготовлена к приезду Петра Первого в Кёнигсберг и преподнесена ему как Троянский конь... Ну а я в 96 или в 97 году привез ее в Оршу, в Белоруссию, затем в Минск, продал одну англичанам и, наконец, выступил с рассказом о ней по Кёнигсбергскому (калининградскому) телевидению и подарил в Музей Канта – вернул Кёнигсбергу копию той рукописи, которая была ему подарена бургомистром Радзивилом и хранилась именно в Кафедральном Соборе, где ныне хранится ее копия. («Дивны дела Твои, Господи!»))

(Кстати, случился у меня как-то спор в гостях, когда я сказал о том, что ангелы меня любят, и я обратился к двухлетней Нике: – «Дитя моё, ты ангел?» – Да! – А ты меня любишь! – Люблю! – ответила Ника.)

Приведу несколько поучений из «Заметок о добром».

Надо быть честным в незаметном и случайном, тогда только будешь честным и в выполнении своего большого долга.

Самая большая цель жизни – увеличивать добро в окружающем нас. А добро – это прежде всего счастье всех людей.

Мудрость – это ум, соединенный с добротой. Ум без доброты – хитрость.

Надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было ее вспоминать.

В сострадании есть сознание своего единства с людьми и миром (но даже больше – и с природой и с животными и растениями...)

Занимайте собой как можно меньше места...

Интеллигентность – это способность к пониманию, к восприимчивости, это терпимое отношение к миру и к людям.

Женщины в массе своей наделены большим чувством такта, чем мужчины. Учитесь у женщин вежливости.

Каждый человек обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии.... Любите читать!

...ибо если мы не разлюбим читать, то прочитаем и у Дмитрия Сергеевича и у других талантливых и добрых людей гораздо больше того, что я в силах повторить вслед за ними. Но напомним и то, что Дмитрий Сергеевич написал обо мне и разрешил привести в рекламе Фонда «Храмы России» который я создал в помощь издательству и с целью издания серии книг о российских храмах (и как же мне жаль, что государство меня оттолкнуло, а православная церковь не поддержала, и эта цель оказалась несбыточной, а может быть только я, с особенной склонностью к безумию) и мог ее осуществить?!

В рекламном буклете Фонда Дмитрий Сергеевич говорит: «Василий Иванович – это человек, которому я безусловно верю! Он пытается делать именно то, что обещает.»

Вспоминая академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва

– Мы страна без обращения к другому. Вот что я слышал от одного эмигранта, приехавшего в Россию: «Вы знаете, что у вас заменило обращение к другому человеку? Слово «ну». Всегда к нам обращается экскурсовод и говорит: «Ну, пойдём...», «Ну, сейчас будем обедать...». Постоянное «ну», привычка обращаться с понуканием вошла в язык.

– **Общая деградация нас как нации сказалась НА ЯЗЫКЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО.** Без умения обратиться друг к другу мы теряем себя как народ. Как жить без умения называть? Вообще заметить какое-нибудь явление – это дать ему имя, создать термин, поэтому в средние века наука занималась главным образом называнием, созданием терминологии. Называние уже было познанием. Когда открывали остров, ему давали название, и только тогда это было географическим открытием. Без называния открытия не было.

– Ещё сто лет назад в словаре русского языка было 287 слов, начинающихся с «блага». Почти все эти слова исчезли из нашей речи, а те, что остались, обрели более приземлённый смысл. К примеру, слово «благонадёжный» означало «исполненный надежды»...

– Слова исчезли вместе с явлениями. Часто ли мы слышим «милосердие», «доброжелательность»? Этого нет в жизни, поэтому и в языке. Или вот «порядочность». Николай Калининлович Гудзий меня всегда поражал – о ком бы я ни заговорил, он спрашивал: «А он порядочный человек?». Это означало, что человек не доносчик, не украдёт из статьи своего товарища, не выступит с его разоблачением, не зачитает книгу, не обидит женщину, не нарушит слова.

– На Соловках интеллигентного, доброго Георгия Михайловича Осоргина островное начальство собиралось расстрелять и уже заключило в карцер, когда по разрешению более высокого начальства к нему приехала на свидание жена, княжна Голицына. Осоргина выпустили под честное слово офицера с условием, что он ничего не скажет жене о готовящейся ему участи. И он ничего ей не сказал.

– А «любезность»? Это добрая услуга, не оскорбляющая своим покровительством лицо, которому оказывается. «Любезный человек». Целый ряд слов исчез с понятиями. Скажем, «воспитанный человек». Он воспитанный человек. Это прежде всего раньше говорилось о человеке, которого хотели похвалить. Понятие воспитанности сейчас отсутствует, его даже не поймут. «Доброта» из нашей жизни уходит, как и словосочетание «добрый человек», которое в русских народных сказках характеризует вообще человека, ВСЯКОГО ЧЕЛОВЕКА.

На заре нашей истории мы пережили татаро-монгольское иго, а при завоевании нас монгольской ордой населения Древней Руси сократилось вдвое, многие города исчезли, культура потерпела невиданный ущерб, исчезли рукописи и целые библиотеки. Духовный упадок поразили и народ, и если во Франции университеты были уже в 12 столетии, то в России первый университет появился в 18 веке.

Вот так же в течение столетия, начиная с Революции 1917 года, мы живем в условиях шизофрении или паранойи, когда сотни тысяч и миллионы людей подвергались бесцельным репрессиям, государство (ГУЛАГ) в государстве (СССР) занималось непроизводительным трудом в тюрьмах и лагерях, военизированные карательные отряды прочесывали города и села и расстреливали (бесцельно) сотни тысяч людей, отчасти причиной расстрелов были преимущества: образование, культура независимый характер, иногда красота. Казалось, что громадный народ подвергли принудительной селекции с целью сократить его численность и остановить развитие или повернуть его вспять. Еще чудовищнее то, что большинство народа вспоминает время наибольших казней, голода и несправедливости как время расцвета жизни, одни обыватели вздыхают о НЭПе (1921 – 1925 годы) в то время как в одном Поволжье в 1921 - 1923 вымерло 12 миллионов человек от голода, вызванного искусственно, при этом умерли миллионы детей – взгляните на их фотографии, хотя бы одного умирающего ребенка! - другие (внуки и правнуки поколений военного времени) гордятся победой над немцами, не сожалея тем, кто погиб (около 40 миллионов потерь), не сожалея и тем, кто восстанавливал разрушенные города и сожженные села (а некоторые в экзальтации безумия обращаются даже к бывшим товарищам по оружию с возгласом *«Можем повторить!»*), словно мы воевали не с немцами, а с американцами, англичанами, французами и поляками ...

Если сто лет назад Русский народ переживал подъем богоборческих чувств (казнили и закапывали в землю «долгополюх», сбрасывали колокола с колоколен и рушили храмы, сжигали в печах иконы), то сегодня три четверти этого же народа «все как один» восстанавливают и отстраивают храмы, ищут

среди своих предков священников и дворян, верят в Конец света, Страшный суд и второе Пришествие Христа. Мы уже никого не расстреливаем, но расстреливали у многих отцы и деды, у расстрелянных же внуков не родилось или **вымерли**... Разве на Страшном суде не спросят судьи у нас, почему мы оправдываем палачей, почему каждый второй восклицает: *правильно Сталин казнил, за дело, да еще мало!*?

ПОСЛЕСЛОВИЕ. У всех, кого я вспомнил на этих страницах, я прошу прощения за все мои вины, многие внесли свою лепту в издание бесценных для России книг, в издание «России и Европы», «Храмов Петербурга», Сочинений Дионисия Ареопагита, **Радзивиловской летописи**, Житий протопопа Аввакума и боярыни Морозовой..., журнала Мѣра, стихов Есенина, (древне) Греческих музыкальных рукописей, Музыкальной Бозцианы, ... и нескольких десятков других книг (всего около 80-ти), и напрасно я не в ладах со своим народом и часто его ругаю – так и положено, **народ рождает избранных**, чтобы они искали дорогу к Богу, а сам пьет и гуляет, хотя сам же страдает еще больше своих **избранных**, которых сам и расстреливает их по поводу и без повода... **Что же делать?**

Этого не знает никто, и Игорь Ростиславович Шафаревич, защищающий народ от наветов таких пророков как я (но при этом любивший меня – я его помирил, помог помирить с его немецким математиком-другом, тоже всемирно известным, как и сам Шафаревич – а, кстати, и у меня есть теоремы по математике, и о «ведьминских числах», касающиеся даже литературы, про «тройку-семерку-туз») ... не знает, *что делать*, и Дмитрий Сергеевич, высокоученый филолог, упрекающий народ, но сдержанно, хотя и видевший во мне родственную душу... не знают продавщицы книг, которых я учил математике – как это ни странно – в Институте книговедения в Петербурге... (которые тоже меня любили, хотя это даже удивительно) ... и студентки Акмеологического института, изучающие филологию (но и этих я учил математике незадолго до того, как меня посадили, и для них я написал Учебник высшей математики, только он получился для математиков, а не для филологов)... так думаете, *я знаю, что делать?*

Удивительна жизнь, она иногда кое-что рассчитывает удивительно точно, и хотя **я не сдох**, но **Радзивиловскую летопись издал** – и при этом приобрел так много друзей, умеющих любить и сочувствовать, что **стыдно мне сетовать на мелкие неприятности жизни**... да я и не сетую... к тому же у меня верная жена, и она пишет научные книги, и талантливый сын, написавший превосходнейшую книгу для детей и издавший (со мной и позже без меня) тоже множество книг, и очаровательная внучка, на свою беду **тоже издающая книги**, да еще подрастает внук... здравомыслящий ... есть у меня еще и Бог, я надеюсь, и если он меня любит (хотя бы как его ангелы), то Он объяснит мне и покажет, что такое **Чудо** и в чем **Откровение** (а то я о них пишу, но пока их не знаю). Не обо всех друзьях я упомянул, но помню обо всех. Радости меня связывают с ними больше, чем огорчения. Простите меня в том числе и за хвастовство... *И я человек (хотя и возложена на меня некая миссия)...*

М. В. Кукушкина. Предисловие к изданию Радзивилловской летописи

В мире сохранилось немного ранних (по XV век) лицевых рукописей, повествующих о далеких событиях из истории европейских народов. В Византии и Западной Европе такие иллюстрированные тексты представлены в хрониках; на Руси текущие события отражались в погодных записях, а позднее включались в местные летописи или летописные своды. До наших дней дошла лишь одна русская летопись – Радзивилловская, иллюстрированная большим числом миниатюр, факсимиле которой занимает отдельный том данного издания (Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб.: Глаголь; М.: Искусство, 1994. Кн. 1-2.).

Летопись уникальна, как и всякая рукописная книга, однако неповторимость Радзивилловской – в ее миниатюрах, прототипы которых не сохранились; текст же сходен с рядом других известных науке летописей XIV-XV веков.

Летопись начинается “Повестью временных лет” и доводит изложение событий до 1206 года. Она содержит 618 миниатюр, некоторые из них известны в мировой литературе. Миниатюры Радзивилловской летописи крайне интересны. Они выполнены разными мастерами и отражают в образах исторических лиц, бытовых и военных сценах, воссозданных художниками XV века, события и предметы многовековой давности. По единодушному мнению исследователей, иллюстраторы Радзивилловской летописи при создании рисунков пользовались более ранними лицевыми оригиналами.

По своему художественному воздействию миниатюры производят двойственное впечатление. С одной стороны, они точны по отношению к тексту летописи и выразительны по краскам и рисунку. С другой стороны, наличие в большинстве миниатюр небрежной правки наводит на мысль, уже высказанную в литературе, что дошедший до нас список не был окончательным вариантом иллюстрированной Радзивилловской летописи.

Судьба Радзивилловской летописи точно известна лишь с середины XVII века. В это время она находилась в Литве, и, как предположил А. А. Шахматов в результате изучения приписок на рукописи, туда она попала из Белоруссии в конце XVI века. Судя по латинской записи, сделанной на л. 251 об. в XVII веке владельцем рукописи вилькийским лесничим Станиславом Зеновичем, она была поднесена им виленскому воеводе гетману Яну Радзивилу. После смерти Яна в 1655 году рукопись продолжала оставаться семейной реликвией и досталась Богуславу Радзивилу. Богуслав умер в 1669 году, но, видимо, перед смертью завещал летопись Кенигсбергской библиотеке. ...

...Совершенно новый литературно-искусствоведческий аспект в исследовании миниатюр дан академиком **Д. С. Лихачевым**. Обобщая свои наблюдения над иллюстрированием в целом исторических памятников, хроник и летописей, он пишет, что художниками были выработаны особые “повествовательные приемы”. Они характерны и для Радзивилловской летописи. Поэтому, несмотря на “эскизную манеру” миниатюр Радзивилловской летописи, они демонстрируют нам “необыкновенное искусство живописного повествования”. Этот прием имел целью преодолеть временную и пространственную ограниченность изображенного на миниатюре.

Дмитрий Чернышев. Отрывок из книги «Путешествие в страну снов».

Глава вторая...

Аня чуть замешкалась, засовывая в портфель сумку с продуктами, чтобы не нести ее отдельно, и поэтому выходила на улицу вместе с неторопливым Бидией.

– Знаешь, Аня, я не жалею, что приехал сюда.

– Да? – Аня вдруг подумала, что это ответ и на ее вопрос, который она задает себе с самого момента приезда в Зарайск. – А что, сначала жалел?

Ей показалось, что Бидия смутился, что не вязалось с его невозмутимым лицом.

– Я о другом. Конечно, помощь тебе в твоей миссии мной не обсуждалась. Быть избранным для меня большая честь. Просто сначала мне было жаль уезжать из монастыря – я ведь еще многому не научился... Но сейчас я понял, насколько был не прав. Если умеешь слушать и слышать, учиться можно везде. Петр Леонидович – великий гуру.

Аня растерялась. Ей послышалось? Или Бидия в самом деле говорил о какой-то миссии? Причем с ее участием?

– Бидия, ты... я... Ты ведь здесь уже месяц?

– Да.

– А я неделю назад еще не была уверена, что приеду... Как же ты мог ехать для помощи мне? К тому же мы тогда не знали друг друга...

– Подожди. – Бидия удивился так, что у него перехватило дыхание. – Так ты ничего не помнишь?! И с тобой никто не говорил?!!

– О чем?

Бидия медленно прикрыл глаза и постарался дышать ровнее. Дыхание его быстро восстановилось, и вскоре он проговорил как бы про себя:

– Что ж, это послужит мне уроком... На пути к единой цели у каждого свои иллюзии... – А потом, уже полностью овладев собой, обратился к Ане: – Значит, с тобой поговорят в ближайшее время. И прости, что напомнил о нашем знакомстве. У тебя могут быть свои причины не вспоминать о нем, я это прекрасно понимаю...

Аня настолько была ошарашена происходящим, что не стала больше ни о чем спрашивать. В оцепенении она смотрела на удаляющегося Бидию и очнулась только тогда, когда перевела взгляд на небо. Пока шли занятия, на улице потемнело. Огромная луна выплывала на самом краю горизонта кругом желтого сыра с отъеденным краем. «Через несколько дней наступит полнолуние», – промелькнуло у Ани в голове. Она стряхнула оцепенение и направилась к дому.

Дома она машинально разогрела блинчики, сделала русский и пошла умываться. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы кто-нибудь помог во всем разобраться, объяснил, посоветовал, – и только она об этом подумала, как зазвонил телефон.

– Алло, Анечка! – Это была тетка, она звонила из Москвы. – Ты где была? Я уже два раза звонила!

Аня объяснила ей про курсы психологии для детей.

– Психологии? Понимаю... – Голос тетки погрустнел. – Что ж, может, и правильно... А как в школе?

– Нормально. Познакомилась с ребятами... – Не расскажешь ведь тетке в двух словах, что она уже чуть не подралась и что в класс приходил какой-то таинственный Зеро!

– Значит, все хорошо?! – допытывалась тетка.

– Угу.

– Анечка, у меня тоже все в порядке. Работа – не бей лежачего. Не знаю даже, за что деньги платят. Ну да ладно, от этого еще никто не умирал... Ты там не скучай, слышишь?

– Хорошо, не буду.

– Я приеду на выходных. Всего четыре дня осталось. Есть-то не забываешь?

– Да нет, тетя. Все хорошо.

– Ну и ладно. Если что, звони. – И тетка продиктовала ей номер телефона квартиры, в которой остановилась.

После разговора с тетей Аня наконец умылась и забралась в постель. Несмотря на то, что в пустой квартире было немного не по себе, Аня мгновенно провалилась в сон, едва голова коснулась подушки.

Глава 3. Ворон

Сначала во сне было темно. Но не так темно, как будто провалишься в бездонную пустоту. Тогда наутро хлопаешь глазами, силясь вытряхнуть оттуда хоть какое-нибудь захудалое сновидение, но пустота ничем не наполняется. На этот раз было темно по-особенному. Казалось, что стоит включить свет, как все станет видно. Но и без того рядом явственно ощущалось чье-то присутствие. Наконец, когда Аня немного освоилась, кто-то рядом с ней затопал, заворочался, а потом, откашлявшись, заговорил:

– Аня, ты меня слышишь? – Голос был немного скрипучим, но все же приятным.

– Да. Кто вы? – Как нередко бывает во сне, Аня ничему не удивилась и не испугалась.

– Слава Богу! А я почти отчаялся до тебя докричаться. Сколько раз пытался – и все без толку. Тебе грозит большая опасность!

Комментарий Редактора. В сообществе «Радзивиловской летописи» Дмитрий, занимая важнейший пост Директора издательства «Глаголь», был самым молодым, если не считать его дочери Насти (моей внучки), которой было 11 лет, когда ее папа писал свою книгу-сказку, при этом она, как отличница Французской школы, старалась помогать ему в его сочинительстве, и, по его словам, **успешно**. На мой взгляд, объективного редактора, Книга эта, если и уступает чуть-чуть какой-либо детской книге, то, возможно, только Робинзону Крузо и Острову сокровищ.

ВЕНОК СОНЕТОВ (Дмитрий Чернышев)**0. (Мадригал)**

Ищу ль времен связующую нить,
Пытаюсь размотать клубок до края,
Вернуться к берегам забытым Рая,
Когда хочу с тобою вместе быть?
Или прозреть до Страшного Суда я
Стараюсь? Все прошедшее забыть,
Бежать вперед, догнать, опередить,
К твоей груди устало припадая?
Соединить два времени в мгновеньи,
Обнять все мирозданье в откровеньи
И рук переплетении немом?
Пусть не вместить мне этого умом,
Моя надежда, радость, наваждение -
С тобою быть безвременно вдвоем!

1. Ищу времен связующую нить,
Скрепленную непрочными узлами,
Когда с тобой встречаемся глазами,
И руки жаждут талию обвить.
Пусть настоящее лежит во хламе:
Сиюминутное стараюсь отделить,
И, как песок от золота, отмыть
От вечного, что изначально с нами.
Незамутненность ангельских основ,
Предтеча детства и прообраз снов
Зовет меня, но в дали зыбкой тает...
Под нитью тонкой обрести желая
Начало тайн, веретено, остов,
Пытаюсь размотать клубок до края.

2. Пытаюсь размотать клубок до края,
Столетиями отмеривая вспять.
Перебирая нить, чтоб не порвать,
К началу путешествую с конца я.
Но тщетно дух мой силится понять:
Котенком он со временем играет,
Запутывает, мечется, петляет,
Петлею той ища себя связать.
Но есть иной, равновеликий стержень,
Оси времен приравненная ось,
Не на нее ли время намотаю?
Нить бытия она лишь и удержит, -
А без любви кому бы удалось
Вернуться к берегам забытым Рая?

Я где-то встречал уже эти черты, / твой взгляд, эти губы с улыбкою странной... / Не помню. Осталась почти безымянной, / *лишь смутно знакомой та прежняя, ты...* // Не помню, то был Петербург, Анкара, / вуалью прикрыто лицо, паранджою? / *Сквозь нас течет время бездонной рекою.* / откуда с тобой мы отплыли вчера? // И пусть безуспешно пытаюсь прозреть, - / смотрю, погружаясь в бездонные очи, / как их глубина молчаливо пророчит / двум рыбам в реке рыболовную сеть... **Дм. Чернышев**

Издатели Чернышевы: отец – *поэт и философ*; сын – *поэт и автор книги «Путешествие в страну снов»*, и **Анастасия Чернышева** (внучка), ныне *издательница и автор лекций для юных писателей*.

Настенька Чернышева родилась 19 мая 1992 года, Радзивиловскую летопись «Глаголь» издал в 1994 году, когда ей было два года. *Имела ли отношение эта маленькая девочка к изданию Летописи?*

Представим себе **«прошедшее в настоящем»** – а именно – издание **Чернышевыми** в 1994 году этой летописи, в то время *нищими никому неизвестными поэтами*, создателями издательства, у которого не было помещения, сотрудников, компьютера, денег на зарплату и издательского опыта – **всё появилось позже**. Эту Летопись безуспешно пыталась издать Российская империя, советский режим, Академия наук СССР и Юнеско – и если бы кто-нибудь сказал, что **только чудо ее издаст** – то только он и был бы прав, и Чудо и взялось за ее издание, когда к нам, на 5-ю линию фабричного дома, поднялась Маргарита Владимировна Кукушкина – к потомку Ермаковского атамана (и я ей залихватски сказал: **сдохну, но издам!**), и именно чудо пригласило к соучастию людей, еще не имевших ни издательского опыта ни денег. Но **чуду** законы не писаны, *мне вручили волшебную дудочку*, и мы вышли в поход: **я, Дмитрий, маленькая Настя**, и ученые и серьезные люди: Гелиан Михайлович Прохоров, Дмитрий Сергеевич Лихачев, *"ХХ" и Маша с сумою, набитой деньгами* (их *поразила та легкость*, с которой я отказался от ста тысяч долларов американского Сороса), красавица Вероника, которая разрешила себя обнять, и финский гонимый, который со мною пил водку, ... **Настя в этой волшебной компании стала ангелом чуда!** И это ее в церкви Академии художеств *крестили* священник Академии и Г.М.Прохоров, ставший ее **крестным отцом**, и его учитель Лихачев, и отец и сын Чернышевы. Здравомыслие не найдет здесь причин и следствий – но ему не издать Радзивиловской летописи, «России и Европы» и «Дионисия Ареопагита», не написать **«Боль и Любовь»** и **«Путешествие в страну снов»!** Многое **волшебено** связано в этом мире, и не случайно нам духовно помогали Сигурд Оттович Шмидт, Солженицын и Шафаревич... а у Шумовского, Аввакума и боярыни Морозовой учились мы стойкости. И они сделали все что смогли, **«и в гроб сходя, нас благословили»** – но нам не помогли *ни правительство, ни чиновники, ни богатые и сильные*, все они прошли мимо и нашего величественного проекта **Храмов России**, в котором было уже всё чудесно рассчитано, а теперь **неосуществимо – без нас**.

История сопротивления режиму, СПб НИЦ "Мемориал" (фонд 03 (Б-2))
СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТ. Чернышев Василий Иванович, 1990 - 1996

Девяностые годы словно выпустили меня из подполья (и об изданных нами книгах я еще напишу не раз, настолько они все многозначительны), но о Радзивилловской летописи необходимо добавить немало слов, о тех «проводниках», через которых небесные силы провели свое намерение её издать. Но начну с **предыстории**.

1. Орлова Наталья Борисовна. **Чернышев В.И. Сб. стихотворений "Заклинания" (СПб. Сизиф, 1990), на тит. листе автограф:** "Наташе от не

совсем поэта, но зато поклонника женщин, Василия Чернышева, **январь 1991 г. СПб.;** на 3-й стор. обложки - надпись (ФИО, телефон). 58 л., типографское издание.

2. Статья Шульгиной Е. «Если КГБ не возвращает вам пишущую машинку – организуйте свое собственное издательство» – советует философ и бывший диссидент, а ныне – редактор журнала «Мера» и владелец издательства «Глаголь» Василий Иванович Чернышев» в газете «Смена» №169(20549) от 28.07.1993г., с.5. 1 л., газетная вырезка

3. Статья Одинцовой Н. "Люди на Земле живут не ради выгоды", опублик. в газ. "Вечерний Петербург", 1995, 23.08. 1 л., газетная вырезка

4. Брошюра Чернышева В.И. "Quo vadis? (Куда идешь?)", СПб.: Глаголь, 1995. 10 л., типографское издание

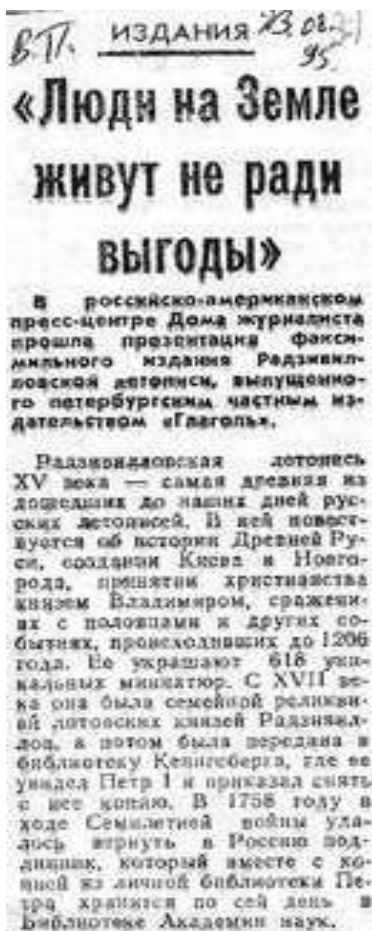
6. Обращение к избирателям Адмиралтейского избирательного округа № 206 (СПб.) независимого кандидата в депутаты Гос. Думы 2-го созыва Чернышева В.И. (1995). 1 л., об., листовое издание

11. Статья Одинцовой Н. "Катехизис славянофильства" и его автор", опублик. в газ. "Вечерний Петербург", 1996, 15.01. 1 л., газетная вырезка

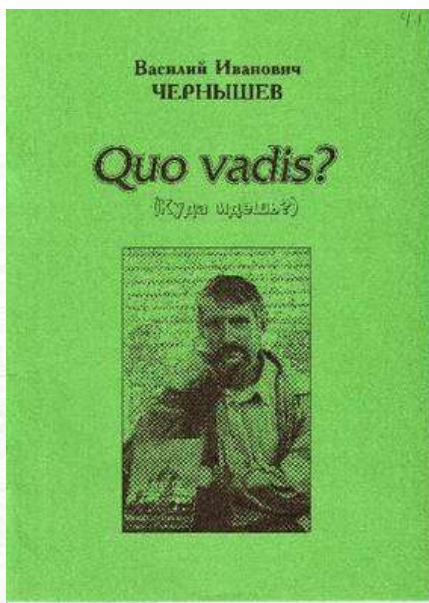
12. Статья Шульгиной Е. "**Типично русский Апокалипсис**" (интервью с Чернышевым В.И.), опублик. в неизв. газ., б/даты. 1 л., газетная вырезка

Биографические сведения: Род. в 1942г. в с. Урал Иркутской обл, русский, б/п, жил в Ленингр., Арестован 24.03.1970г. УКГБ при СМ СССР по ЛО. Обвинялся согласно ст. **70 ч.1 УК РСФСР.** Согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы от 28.04.1970г. "нуждается в принудительном лечении в спец. психиатрической больнице. Определением Коллегии по уголовным делам Ленгорсуда от 15.06.1970г. уголовное дело производством "прекратить" и направить на принудительное лечение в спецбольницу. 23.02.1973г. лечение снято, из-под стражи освобожден, направлен под наблюдение психоневрол. диспансера по месту жительства. С 1993 главный редактор журнала "Мера", издательство "Глаголь", Санкт-Петербург.

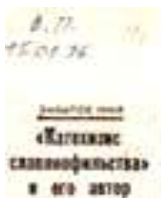
3. Статья Одинцовой Н. "Люди на Земле живут не ради выгоды", опубл. в газ. "Вечерний Петербург", 1995, 23.08 (об издании Радзивилловской летописи издательством "Глаголь"). 1 л., газетная вырезка 1995

Брошюра Чернышева В.И. "Quo vadis? (Куда идешь?)", СПб.: Глаголь, 1995: предисл. д.и.н. Амосова А.А. 10 л., типографское издание

1995

11. Статья Одинцовой Н. "Катехизис славянофильства" и его автор", опубликованная в газете "Вечерний Петербург" от 15.01.1996, о выходе в издательстве "Глаголь" книги Н.Я. Данилевского "Россия и Европа".

12. Статья Шульгиной Е. "Типично русский Апокалипсис" - интервью с Чернышевым В.И., опубликованная в газете "Смена" (?), б/даты.

На издание книги **«Шел Господь пытаться людей в любви»** - Сборника стихов Сергея Есенина под редакцией А. И. Михайлова - большой статьей их редактора **Володи Бесперстова** (на развороте) – откликнулся **«Криминальный Вестник»** (См. еще стр. 107.)- и я в долгу у борцов с беспределом - я обещал им написать книгу «невывдуманных» рассказов о милиции, но вот уже прошло 20 лет моему обещанию – а ведь питерские «менты» не дали меня сожрать московскому зверю и сами меня даже коготком не царапнули – не веришь, читатель? Ну так ведь я пишу о чудесах, которые руководили моею жизнью. (Более того, не очаровательная ли следовательница... уголок листка оказался оторван, и последние строки так и не станут достоянием любопытной общественности...). [29.08.23. Вчера от нашего общего товарища я узнал печальную весть: **Володя Бесперстов недавно скончался**. В 25-м номере НРЖ я о нем напишу и помещу некоторые его воспоминания и стихи.]

... В одной из Питерских газет была напечатана статья **«Интеллектуальное пиратство»**, в которой я обвинялся чуть ли не в поджоге Рейхстага – но это была статья заказная враждебных сил - но и в ней издатели Радзивиловской летописи не порицались ничуть – а всего-то намекалось, что (по не-проверенным слухам) два пирата, всемирно знаменитый академик Лихачев и никому не известный Чернышев проникли ночью в закрытое от посторонних Древлехранилище и сфотографировали один из листков Летописи, кои уже якобы были обещаны (по непроверенным слухам) не то японцам не то благонравным средиземноморским пиратам.

Эту газету в архивах своих я не нашел, но в свое время друзья мои иначе как пиратом меня не называли.

Но если вспомнить, сколько наветов пламенные защитники самого справедливого в мире строя написали и выставили на обозрение печатно и в интернете на Солженицына, то меня, можно сказать, носили на руках...

Обложка журнала Мфра

Я верю в свою звезду

Василий Чернышев и Александр Солженицын

Женат, сыну 27 лет. (интервью В. Бесперстова, читать через лупу)

— Василий Иванович, ваше издательство, насколько я знаю, издает множество книг — и не какие-то там дешевые бестселлеры...

— Да, мы стараемся поддерживать репутацию нашего издательства, с которым сотрудничают авторитетные московские и питерские ученые из Академии наук, Пушкинского дома. В издательстве вышли в свет «Белозерские Преподобные», «Жития протопопа Аввакума, ижею Епифанья и боярыни Морозовой», «Корпус сочинений Дюньинского Арсепията».

— А из литературы более близкой к современности?

— «Анатомию революции», «Раковый корпус» (подарочное издание) А. Солженицына. Кстати, с Александром Исаевичем мы говорили об издании академического собрания его сочинений. В серии «Многоликая Россия» вышла книга Дашевского «Россия и Европа». Последний раз полностью она выходила более ста лет назад — в 1885 году. И вот эта книга, которую высоко ценят Достоевский, вновь вернулась к читателю.

— В нескольких словах о концепции подбора издаваемой литературы.

— Я думаю, что наша продукция призвана реформировать душу народа. Духовное преображение, не политическое, а религиозно-православное. В серии «Многоликая Россия» запланирован выпуск книги, возможно, не одной — «Юродные на Руси». Юродный в моем понимании, — почти святой, обладающий даром провидения. Во времена Петра I этот, так сказать, институт был упразднен. Но память о них осталась в народе. Вспомните хотя бы храм Василия Блаженного. Ведь на самом деле это Покровская церковь, где на иконе стоит юродивый Василий Блаженный.

— Почему издательство получило такое наименование?

— «Глаголь» (с твердым знаком на конце) восходит к Пушкинскому «Пророку» — «Глаголом жги сердца людей».

— Смысл, что вы издаете и журнал «Мера»?

В память о суровых испытаниях, выпавших на долю нашего народа, к 50-летию Победы мы сделали специальный «Теогригский выпуск» нашего журнала «МБРА».

— Василий Иванович, недавно листал «ваш» сборник Есенина «Шел Господь пытать людей в любовь»...

— Что вы говорите, а ведь злосчастный год — есенинский — год его 100-летия. Поэтому мы выпустили необычный сборник стихов с религиозно-философской тематикой: пропавшая лирика, высокая душа.

— Василий Иванович, скажите о знаменитой летописи, где есть слова «откуда есть пошла русская земля»...

— Разинская летопись — древнерусский летописный свод. Начинаясь со времени расселения славян и заканчиваясь 1206 годом. С 1979 года предпринимались неудачные попытки сделать «факсимильное издание». Не знаю — то ли стечение обстоятельств помешало, то ли перст Божий, но именно я встретил предпринимателя, обладающего как деньгами, так и безусловной культурой.

— Честь России под угрозою! — сказал я ему. — А так ли уж много нужно? Спустя три дня была найдена большая часть требуемой суммы.

Издательство «Глаголь» известно жителям нашего города по вышедшему в прошлом году альбому «Храмы Петербурга». В нем даны описания 840 святых города на Неве.

Оно же издало «Россию и Европу» Данилевского, и, факсимильно, Радзивилловскую летопись и другие раритеты.

Василий Иванович Чернышев родился в 1942 году в Сибири, в крестьянской семье, русский. Его отец погиб, защищая Ленинград. Окончил математический факультет Ленинградского университета, с 1964 года по настоящее время преподает математику.

— А как вообще складываются дела в книгоиздательском бизнесе?

— Половине из издателей тяжело, если от выпускает не рентабельную литературу. Власть пренебрежимо игнорирует потребности серьезного читателя, который в настоящее время крайне обеднел.

— Василий Иванович, не открывая коммерческих тайн, что вы можете сказать о спонсорах?

— Мир не без добрых людей! Фамилии некоторых вы можете узнать из наших изданий. Комитет по печати России помог издать «Храмы...». Некоторые книги издаются за счет авторов или заказчиков.

— А кто у вас работает?

— В издательстве работают около тридцати человек — большинство из них мятые дамы. Требования к сотрудникам: мужчины должны обладать деловыми качествами, у женщин еще более строгие условия — они должны кроме того быть и привлекательными.

— Каковы же планы издательства?

— Разумеется, мы будем стремиться выпускать литературу экстра-класса. Мы ведем работу по подготовке и выходу к 2000 году энциклопедического издания «Храмы России» в 35 томах, «Зарубежные православные монастыри и храмы».

— Успехов вам и вашему издательству.

Я Бесперстов
«Крайний левый восточник»

Кстати, по телефону 213-46-29 можно узнать цены на нашу литературу. В издательстве книги продаются на 20-30% дешевле.

О Василии Чернышеве и его творчестве

Острее всего заявлена в прозе и стихах Чернышева проблема сегодняшней России. Автор не принимает деклараций о любви к ней как таковой, вне урочек истории. Целью любви должен стать человек, а не идея и фидоиды.

Путь России к исцелению и возрождению, по мысли автора, только один — через Преображение в Духе и прежде всего «преображение» самого русского человека в «новую личность, вырастающую из Духовной Свободы и воплощающую мистическую глубину, возвышенную любовь и полноту национальной культуры и службы».

Вопросам становления и развития такой личности посвятил последний и журнал «МБРА», объединяющий творческие, художественно-поэтические выраженные силы русского возрождения.

А. И. Михайлов, доктор филологических наук

Радзивилловская летопись вышла в 1994 году, Комитет по печати Государственной думы объявил ее книгой года, Союз писателей России носил издателей на руках, чиновники целовались с издателем (по примеру Брежнева) на банкете в Президент-отеле, Коллектив авторов статей и перевода текста на современный язык, редакторов и исследователей пожинал заслуженную славу, издатели и участники авторского коллектива были приглашены правительством Белоруссии на празднование Дня Белорусской письменности в город Орша и Минск за счет правительства Белоруссии – сколько было речей, прием в Мэрии Орши и в обществе Адама Мицкевича в Минске, выступления по телевидению, танцы и застолье на банкете в Орше, в Музее Янки Купалы ... Но издательство разорилось, правительство России отказалось от своего обещания выкупить часть тиража, Меценат скрывался от злодеев, в пору было скрываться и мне – а пока я ходил пить чай к Байбакову, шампанское к академику Рыбакову, ходил на приемы и концерты в американское посольство, учил пить водку Рокфеллера, ухаживал за переводчицей посла – **но судьба моя уже точила нож.**

Я не сомневался ни на миг, что мой заслуги в издании мало, что, возможно, вся моя миссия на этом и закончится, но все же по дерзости или ради спасения затеял еще более несбыточный проект – Издание Энциклопедии «Храмы России», для чего создал соответствующий одноименный фонд. В попечители фонда вошли важнейшие государственные чиновники, обещавшие государственную опеку и поддержку, церковь обещала духовную поддержку тоже, но пока ей самой нужна была материальная помощь (после стольких десятилетий гонений), и кроме молитв она помочь ошутимее не могла. Я на нее и не сетую. «Задача, поставленная издательством Глаголь, воистину (как пишет сам патриарх Алексий) превышает человеческие возможности» - но существенны и многие побочные обстоятельства. Во-первых, бомба два раза не падает в одну воронку, а также и золотые яблоки, и если чемодан с деньгами нам пожертвовали на летопись, то **это было чудо**, а оно тоже не балует постоянством. Я только сегодня стал понимать, что человеческие судьбы подвержены некоторым законам, подобным тому, что мы встречаем в искусстве и в истории. Взлет и падение многих баловней успеха, как ни странно, напоминают судьбу Жанны Д*Арк (о чем она подозревала и сама). Сначала она, подобно комете, влетает в окружение короля, ей дают войско (мне – деньги и готовые слайды Рукописи), она освобождает Орлеан, за что ее прозывают Орлеанской девой (а меня – **Издателем года**), затем она коронует короля в Реймсе и дерзает взять Париж, по причине предательства попадает в плен, пытается бежать и разбивается при падении, болеет, сидит в тюрьме в Париже, ее приговаривают к мученической смерти... Мне все же удастся раздать 150 экземпляров летописи в крупнейшие библиотеки России и в другие достойные руки, в конце концов я бегу из Москвы, болею, три месяца нахожусь на грани смерти, выздоравливаю, но за мною ходят бандиты, меня приговаривают к пяти годам тюрьмы... Далее судьба надо мною смиростивилась, как не смогла или не захотела смиростивиться над Жанной.

II. Дмитрий Сергеевич Лихачев.

После «Заметок о русском» перечитываю «Письма о добром» и с запозданием понимаю в них главное: это не филологические штудии, не Ученые Записки, не интеллектуальные или стилистические экспромты – это Завещание, это письма, оставляемые на память родным, это назидания учителя ученикам. Спрашиваю жену: Что ты отметила в его последней книге? «Не смогла ничего отметить, всё гениально!». Ну, например: «**Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. ... Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении прошлой культуры.**» Я только добавлю: *Человек без прошлого – то же самое, что без памяти. Живо еще тело – но душа уже улетела. Беспамятство хуже разбоя. Это несуществование, имитация жизни...*

III. Николай Николаевич Браун.

7 июля 23. Я должен был передать Николаю Николаевичу новый номер журнала (НРЖ №24), мы встретились в кафе на Петроградской, выпили по бокалу сухого вина, прошли по Каменноостровскому, Большому, дошли до Малого, потом я один пошёл назад. Стоял прекрасный летний вечер и девушки в легких кофточках порхали вдоль улиц как мотыльки. Николай Николаевич был арестован в 1969 году «за подготовку взрыва Кремля» и просидел десять лет от звонка до звонка, кто-то его окрестил *Нессгибаемым*. Мы оба дружили с Сашей Михайловым, восхищались Вас. Вит. Шульгиным, секретарем которого он был несколько лет, любили Сергея Есенина, но я провожал академика Шафаревича с работы, а Н.Н. бывал у него дома – и я ему позавидовал.

Николай Николаевич был монархистом и создал Имперский союз-орден, я почитал Желябова и Перовскую – но очевидно, что наши корневые системы находятся в одной и той же Российской почве.

ПОД РОЖДЕСТВО (Н.Н.Браун)

Однажды в ночь под Рождество

Стоял я у окна,

И всех созвездий волшебство

Читал, как письма

Из тьмы мерцающих времён,

И видел бедный кров,

Где вол стерёг Младенца сон,

И тени трёх волхвов:

И слышал лёгких крыльев плеск

И хор в пещерной мгле...

Но вдруг далёкий свет с небес

Сорвался вниз, к Земле,

И вздрогнул я: быть может, зов

Звезды, погасшей там, –

Тот, что три таинства даров

Привёл к святым яслям?

Ну что ж! Я и во тьме готов

Свой тайный дар нести,

Подобно участи волхвов,

Не ведая пути.

Из Интернета: **БРАУН Николай Николаевич** родился в 1938 году в Ленинграде. Русский поэт, переводчик, публицист, общественный деятель. Один из лидеров монархического и казачьего движений. Сын поэта Николая Леопольдовича Брауна, ученика Николая Гумилёва. 15 апреля 1969 года после обыска был арестован КГБ как “особо опасный государственный преступник” (ст. 70 УК РСФСР). 15 декабря 1969 года Браун был приговорен к 7 годам спец-строгих политлагерей и 3 годам режимной ссылки. В 1979 году вернулся в Ленинград... С 10 апреля 1996 года – заместитель начальника Главного штаба Союза Казачьих Войск России и Зарубежья. В 2012-2013 годах – лауреат Международных конкурсов исполнительского мастерства “Вдохновение” в Санкт-Петербурге.

РЕНТГЕНОЛОГИЯ РУССКОЙ ДУШИ

«Я должен был спасти Россию».

Откровенный разговор с петербургским интеллигентом

«Радзивиловы мытарства»

Если кто помнит, в начале 90-х в шапке нашей газеты название «Вѣра» писалась через букву ъ. И в ту пору мы очень удивились, когда на глаза попало питерское издание с почти неотличимым названием – «Мѣра». Это был толстый журнал – очень умный, духовный, оформленный со вкусом. Выпускал и редактировал его писатель и философ-публицист Василий Иванович Чернышев. Издательство «Глаголь» Чернышева считалось тогда одним из лучших в России, выпущенная им книга «Дионисий Ареопагит» попала в десятку «интеллектуальных бестселлеров России». Книжки в «Глаголе» выходили удивительные, например сборник стихов Есенина «Шёл Господь пытаться людей в любви». В ней Чернышев собрал стихи русского поэта с религиозными и духовными мотивами. Помогали ему сотрудники Пушкинского дома, так что в сборник вошли материалы, которые никогда не публиковались. В планах Чернышева были серии «Библиотека литературы Древней Руси» в 20 томах и «Древнерусские сказания о достопамятных людях», в том числе о святителе Стефане Пермском. Примерно тогда же он организовал информационный фонд «Храмы России» и первым издал книгу-справочник «Храмы Петербурга». В общем, размах деятельности этого человека впечатлял.

До сих пор в нашей небольшой редакционной библиотеке лежат выпуски «Мѣры», напоминая о том бурном времени. И часто, видя их, задаюсь вопросом: почему журнал перестал выходить? Недавно представилась возможность спросить об этом его самого, телефон его в Петербурге подсказал мне один из давних авторов «Веры».

*В. И. 2006-й год. встреча
близ Мытнинской улицы*

Несмотря на свои 66 лет, Чернышев оказался весьма занятым человеком: всякие организационные дела, презентации и... суточные дежурства «на объекте». Писателю и философу приходится подрабатывать сторожем. «Вы как к парилке относитесь? Баню на Мытнинской знаете?» – наконец, нашёл «окно» Василий Иванович. Договорились, что встречу его после бани.

На «стрелку» Чернышев пришёл не один, а с плотным мужчиной, с усами и в кепке:

– Знакомьтесь – Геннадий С---н, мой лучший друг, физиолог, старший научный сотрудник Института гигиены общественного здоровья.

Геннадий Александрович жмёт мне руку и приглашает к себе в институт, чтобы посидеть там «по русскому обычаю». По дороге спрашиваю Чернышева:

– «Мёра» почему перестала выходить?

– Так ведь в 97-м году издательство «Глаголь» разорилось.

– Почему?

– *Радзивилловская летопись и кредиторы его добились*, – вместо друга ответил физиолог.

Но все же 150 экз. я успел подарить крупнейшим библиотекам – и был банкет в Президент-отеле в Москве, тосты и восхваления. Остальная часть тиража должна была окупиться за счёт продажи государству, которое предполагало совершать обмен с иностранцами – наше издание на те раритеты, которые требовались российским библиотекам. Но – увы!

– Как же вы выпутались?

– Считаю, Бог меня спас. Оказался я под следствием, **а потом в тюрьме**, а у бандитов есть такой неписанный закон: когда государство «наезжает» на человека, «мочить» его в это время нельзя. Следствие несколько лет тянулось, и меня пальцем не тронули.

– *Девятнадцать раз питерские следователи прекращали дело, а Москва снова возбуждала*, – возмущённо комментировал друг Чернышева. – А что такое суд? Нервотрёпка, которая выбивает человека из колеи. Вот Василия и мытарили. *Разговор затянулся до полуночи, читайте газету «Въра»...*

ПОСЛЕСЛОВИЕ. *Дела давно минувших лет.* Глубоко огорчительно, что Проект издания «Храмов России», хотя и был глубоко проработан, было собрано большое количество материалов по разным областям России, установлены связи с губернаторами и получено от них согласие на совместную работу по изданию томов Энциклопедии, так и остался только Проектом, хотя были напечатаны некоторые эскизы томов. Настал момент – а этому предшествовали и крупные неудачи в объединении наших усилий с рядом политиков, как сочувствующих, так и равнодушных – когда неожиданно Сибирский кедр (то есть я) рухнул. Арест и тюрьма в 2004 году был не несчастьем, а **спасением**, он был **Высшим чудом моей жизни!**

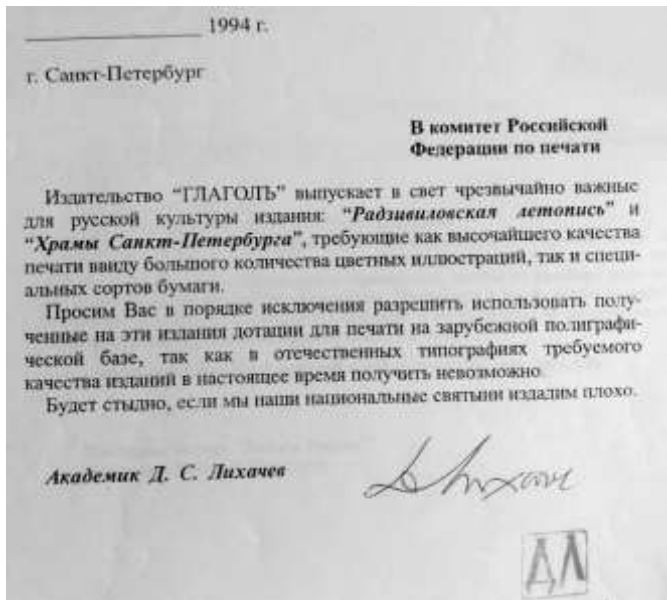
После нее я уехал в деревню, выращивал картошку, писал книги, ходил в театр, знакомился с писателями и актрисами, даже влюблялся, редактировал и печатал (на их средства) малыми тиражами (8 экз.) друзей-писателей, которых здесь упоминаю: Володю Алексеева (в трех томах), †, Анатолия Степанова, †, Н. И. Калягина (два тома), †, Николая Тропникова и Славу Овсянникова (Прогулки с Соснорой), участвовал в издании Г. Н. Ионина, †, Л. Л. Бубновой,

А. В. Осипова ... Издавал журналы Философская культура, Русские страницы, Новый Русский журнал (уже 24-й номер), напечатал для друзей (по 8 экз.) несколько своих книг. Входят ли мои капли (мои слезинки) в Фонд Русской литературы? «Чтения о русской поэзии» Калягина я считаю лучшей в русской литературе по красоте и поэтичности, а именно я ее издал, согласовывая с автором (с которым дружил) каждую запятую, и книгу мою «Боль и любовь» некоторые считают гениальной.

Главная тема этой брошюры, посвященной моим друзьям и соратникам, это радость, что судьба нас соединила, и сожаление что я у многих не оправдал надежд на большие результаты. Но я не сетую, и никого не упрекаю.

Возможно, мое предназначение при рождении в этой стране и в эту эпоху состоит в том, чтобы **понять Россию** (хотя ее якобы *умом не понять*) и написать об этом Главную книгу моей жизни. Может быть это – **«Роман с философией»**. Но еще большее предназначение, надеюсь – как и у всякого человека – состоит в том, чтобы ЛЮБИТЬ тех, с кем столкнула судьба, заботиться о них, помогать им, сказать о них Доброе слово. Люди делятся на **хороших и плохих**, и это их свойство не зависит от политической и религиозной принадлежности – вот что я понял. (Как делятся на умных и глупых – или недалновидных, наивных, ... - и в этом их грешно упрекать... образованных и невежд – но невежество – это часто порок, хотя и не всегда).

Дмитрий Сергеевич Лихачев был гением, гениями были Солженицын и Шафаревич – но их успешность была predetermined свыше. (Есть ли predetermined у меня, я еще не знаю, годы мои еще пока не роковые...)

ХРАМЫ РОССИИ – ЧУДО, которое мы потеряли.

Президент фонда «Храмы России» В. И. Чернышев

20 января 23

Я пробуждаюсь ото сна,
Хотя и спит моя Россия, -
И кто из нас теперь Мессия,
Не ясно. Правда, не тесна
Тропа для смуты, брани, славы, -
Все пред обрывом смерти правы,
Шаги ее зло величавы,
Но ждет нас всех один порог:
Долг перед Родиной и Бог.
Мы словно спали много лет.
Во мне нет правды, правды нет
И в родине моей кичливой! –
Всё ж преимущества за мной:
Я сверил с Алгеброй живой
Свод истин ветхо-молчаливый,
Разъял по знакам и словам
Обеты Знанию и Богам,
Внял шумам вод и ветра столам,
И человеческий язык
Пред высшим знанием не сник:
Связав печаль и мудрость мира,
Вотще ли струны рвет мой перст?
Нет, Истину возносит Лира!

90-е годы

Вновь настаёт неспокойное время
Снов лихорадочны, жаркого жжения.
Вновь под покровом тоски и томления
Плачет грядущего сорное семя

В пьяном азарте, в восторге бессилья
Я открываюсь пред взглядом бойницы!
Пусть, словно струны, надежды
и крылья
Рвутся! И рушатся стены темницы!

*Время! Как медленно ты прорастаешь
Сквозь покрывало томленья дневного!
Бури провидишь и в судьбах читаешь!
Будет ли сказано Новое слово?*

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ

„20“ декабря 1994 г.

№ 4083

119034 Москва, Чистый пер. 5

“Храмы России”

Том, посвященный храмам Москвы, продолжает серию обширных цин, начало которой положено книгой “Храмы Санкт-Петербурга”, вышедшей в 1994 г. Указанная серия охватит Северо-Запад России, Центральные области, Поволжье, Юг России, Урал, а также Сибирь и Дальний Восток. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей духовного развития нашей Отчизны. Каждый том станет своеобразной энциклопедией, в которой найдется много не только описание храмов, но и рассказы о замечательных людях — храмоздателях, священниках, прихожанах, и, конечно же, о святых храмов. В книгах будут представлены сведения не только о сохранившихся, но также и об уничтоженных храмах России.

За последние лет безвозврат их утрачено очень много. Надвигается, наступит время, когда наши соотечественники выполнят о необходимости покаяния и решения воссоздать хотя бы часть утраченных святынь. И тогда проделанная работа окажется тем более изысканной. Замысел серии “Храмы России” — показать, как была украшена храмами наша земля, а также наполнить современниками о подвиге российских новоучеников, которые неустанно возносят молитвы о спасении Отчизны.

Задача, поставленная издательствами “Альфа” и “Гамма”, безусловно, привлечет человеческие возможности. Именно поэтому призван Божие благословение на этот необходимый для России труд и надежда, что с Божией помощью он будет завершен.

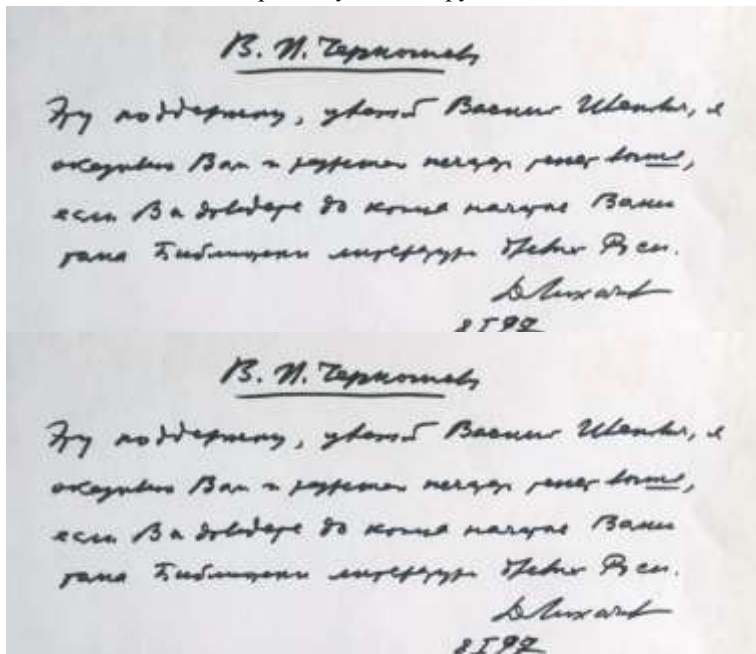
Патриарх Московский и всея Руси

Алексий II

Россия (ее природа и история, ее храмы и дворцы) и **Русский язык** (его пластичность, точность, а когда нужно, и неопределенность) – вот что сформировало меня более всего и сделало русским. Но об этом, то есть о народности и русскости, уже достаточно, издание книг в девяностые годы издательством «Глаголь» народности и русскости и было посвящено.

Но на закате, уже разоряясь, мы попытались спасти наш Титаник при поддержке «Храмов России», и так как книгу о петербургских храмах мы уже издали, то стали карабкаться вверх, создали фонд «Храмы России», и поставили новую цель – издание Энциклопедии всех Российских храмов в России и за рубежом, сначала трехтомник о храмах Москвы (всех конфессий!!!), затем еще примерно тридцать томов (участвовали же мы в серии «Библиотека литературы Древней Руси», и тома начали выходить сначала вместе с нами, потом без нас – и уже отпечатаны все.

Конечно, и на эту нашу авантюру первым откликнулся Дмитрий Сергеевич и почти одновременно – Святейший. Но «лихие девяностые» еще не исчерпали свой запас зла, это были *десять лет*, которые не столько преобразили Россию, сколько ее потрясли, но это были тяжелые годы и для меня. В сентябре 1999 умер Дмитрий Сергеевич Лихачев, в этом же году умерла моя мать, а я прошел «по лезвию бритвы», и только заступничество маленькой Насти заставило промахнуться секиру

Однако Проект издания «Храмов России» Издательству удалось почти полностью подготовить, «Храмы Москвы» были подготовлены на две трети, создан авторский коллектив... шла работа по многим направлениям – но при этом Тита... то есть Глаголь, начал стремительно тонуть.

Государство меня не только бросило – оно меня начало преследовать, полностью оправдывая ту его оценку, которую ему дал великий Толстой – и только *питерские менты и прокуратура меня жалели и мне симпатизировали* – это было подлинное чудо, оно меня удерживало на плаву. Патриарх, отнесшийся к нашему дерзновенному начинанию благосклонно, умер, новый церковный синклит не мог нас поддержать... – дело в том, что до сих пор святыни были либо советскими (в эпоху строительства коммунизма) либо (русскими) – православными, и в одном собрании не могли разместиться не только **храмы всех религий** (включая мечети, синагоги и пагоды), но даже инославные христианские храмы. Лютеране и староверы отнеслись ко мне благосклонно, но наступила эпоха *государственного православия*...

Я листаю рекламный Буклет «Храмов Москвы», там перечислены Старообрядческие храмы, Инославные храмы, Иноверческие храмы – в границах современной Москвы, приводятся образцы текста, представляющего вид и историю храмов. А мне обещали и описание храмов Русской зарубежной церкви, в частности, потомок русского историка Забелина, меня приглашали многие приехать в Европу и США для знакомства с тамошними русскими, я переписывался с директором Библиотеки конгресса США Биллингтоном... Многое говорило о том, что *уже зреют яблоки Гесперид*...

А я тогда, в конце девяностых, мог бы, вероятно, остаться христианином... хотя на меня были, скорее всего, другие виды, многое говорит о том, что судьба пишется еще до рождения, и хороший ли из меня получился писатель или нет, но мне суждено было писать **Роман с философией**, и именно для этого претерпеть Катастрофу и *взойти на символическое Лобное место*.

Сможет ли кто-то другой заново продолжить это величественное предприятие - Энциклопедию Храмов России? Нужен человек, **одержимый** духом светской культуры, «христианства с человеческим лицом», выраставший с этой идеей в течение сорока лет, лишенный предубеждения, нужно быть тем, о ком говорит апостол Павел, призывая апостолов стать *детьми* (по уму оставаясь совершеннолетними), и нужно было обладать той данной мне по благодати легкости, с которой я сходил с людьми. Я бываю сердитым, часто ругаюсь, обвиняю, обличаю – но я и отходчив и не окостеневаю в догмах.

Казенное и даже церковное издание Храмов России потеряет всю легкость, всю полетность, которая содержалась в уме безумца, то есть меня. Много ли надо было денег? Да за один обед какой-нибудь мелкий олигарх или чиновник средней руки или модная *«актриска по вызову»* тратят больше, чем мне хватило бы на один том. Я платил своим архивистам в Москве столько, что им хватало на лапшу и на чай – и они меня не упрекали.

В 2004 году я поднялся на верхний ярус тюремных нар, распрощался с издателем книг и написал **«Записки на пальме»** – так я стал писателем и поэтом и счастливейшим человеком, **любимцем муз и дев**. Но главное мое призвание все же – **дружество и любовь к человеку**.

Василий Андреевич и его дочь Наталья

Кажется, я у всех попросил прощения – кроме своих родных. Но они меня ни в чем и не упрекали.

Я вспоминаю в этой книге о друзьях и близких, близких к Издательству Глаголь и к журналу Мфра, и о многих других людях, но все же не обо всех, достойных благодарности, я написал, хотя обо всех вспоминаю.

Жизнь в Девяностые годы была словно езда по бездорожью или пешая прогулка по ночному городу, где за каждым углом сидел разбойник – но я пишу не о Быте, который нас всех промочил как шквальный дождь, а о чуде, которое пронизало этот безумный Быт и жизнь многих превращало в Житие.

Саша Головешкин был директором Геологического института, а в Шквал он помогал издательству, даже покупал ворованную бумагу (когда в стране, заросшей необъятным лесом, бумага вдруг кончалась), грузил ее и разгружал, вместе со своим двоюродным братом Геной Сорокиным, будущим доктором наук, и мотался со мною в Москву на недоломанном зарубежном автомобиле, на котором в декабре 97-го года в гололед мы врезались в бок финского трейлера, но чудо нас сохранило, как хранила судьба даже беспутного Онегина, учившегося чему-нибудь и как-нибудь, но без промаха стрелявшего в друзей. Гена нас ждал в деревне (на полпути), где я прятался от профессиональных бандитов, и топил баню, и на исходе второго дня он, поклонник Дарвина, поверил в чудо, когда вдруг в жаркую баню появились мы, грязные и помятые, но живые, приехавшие на попутке.

Метафизика девяностых.

Чудом, несомненно являлось то, что моя теща пригласила выпить чаю двух разбойников, ожидавших меня на лестничной площадке, чтобы пристрелить. Им захотелось выпить чего-нибудь покрепче, и тут явился и я с двумя бутылками водки. «Может быть, пристрелить заказчика?» – спросили они меня, но я их отговорил. (Вчера слушал стихи, в которых повествовалось о том, что злые извлекают из злых людей злое, а добрые – доброе ... И злые – не совсем демоны, и добрые – не все ангелы (и ангел ли и я сам?).

Ищу ль времен связующую нить? (Дм. Чернышев)

ДОПОЛНЕНИЯ К ИСТОРИИ. МЕТАФИЗИКА ДЕВЯНОСТЫХ

Читаю книгу Дмитрия Сергеевича «**Письма о добром**», стр. 185:

«В юности я впервые приехал в Москву и нечаянно набрел на церковь Успения на Покровке (1696-1699). ...встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось застывшее облако бело-красных кружев. ...я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древне-русской культурой под влиянием толчка, полученного мною тогда. ... Но вот пришли люди и снесли церковь. Теперь на этом месте пустырь... **Кто же эти люди, уничтожающие прошлое?...**»

Я человек не только культуры, книг, музыки, зодчества, живописи, скульптуры. Я не безразличен и к людям, – но что бы я мог ответить тем, кто ходил бы по улицам городов, оставляя после себя мертвых? Или хотя бы оправдывал убийц? **А уничтожение памятников зодчества в России в советские годы было тем же, чем и охота на инакомыслящих. Их уничтожали, мучили, ссылали, обрекали на смерть.**

Никогда не было случая, чтобы кто-нибудь из моих собеседников мне посочувствовал в моей скорби о *выламывании культуры из жизни России*, беспощадны к памятникам были войны, беспощадны поджоги деревянных зданий в Томске и Астрахани, перестройки улиц и городов. Даже Петербург потерял половину за последние 60 лет, это похоже на болезнь и смерть красивой женщины, но в отношении ее нет хотя бы злорадства посторонних. *«Застраивать центры городов вместо старых зданий новыми – это норма и необходимость!»* – вот что я слышу от встречаемых людей!

«Исторические города населяют не только те, кто в них сейчас живет, их населяют великие люди прошлого, память о которых не должна умереть!» Все, что мы сейчас имеем, что *делает нас людьми*, и язык, и жилища, и поэзия и музыка и театр и НАУКА – **сделано не нами, а до нас**, за те три тысячи лет, что существует цивилизация, каждый из тех, кто откровенно или потаенно ненавидит культуру и «жаждет ее уничтожения», сам по себе воистину **нуль** – как нули и те, кто истязал и убивал Ольгу Берггольц и Мандельштама, Павла Васильева и Королева, Вавилова, Ключева и Есенина. Но как случилось, что именно **нули** захватили власть не только над нашими телами, но и над душами, ибо достаточно прочитать их книги, чтобы понять всю их убогость? Семилетний мальчик, я ответил ангелу, что буду спасать Россию и русский народ – **от кого ее спасать?** Если главный ненавистник русской культуры и ее уничтожитель – равнодушный народ?! Он якобы негодовал, что при дворянской власти его лишали образования, но свою революцию начал с того, что **уничтожил азбуку русского языка** (за статью в защиту Русской Азбуки 28-летнего Лихачева и посадили на пять лет и хотели расстрелять).

Нет, не случайна наша встреча, не случайно его ученик Гелиан был учителем моего сына и стал Крестным отцом моей внучки. И моя собственная «статья» в защиту Русского языка не случайно состояла в том, что я вернул русскому языку и «**Глаголь**» и «**МЪру**» (взамен, правда, *бесовская власть отобрала у меня «пишущую машинку»*), но я зато создал издательство!)

И совсем не случайно в далеком 61 году я встретил в коридоре общежития симпатичную девушку, пригласил ее на чай, и мой друг Казимир через нее

познакомился с собирателем русской культуры и граммофонных пластинок Юрием Борисовичем Перепелкиным, и отчасти и из этой встречи выросло издание Радзивилловской летописи (слишком много таких случайностей в моей жизни! – и я не могу знать их смысл, *но Бог-то все это знает!* И именно он – или его ангелы – руководят моей жизнью, и кто-то из них и сегодня пишет в Записной книжке: *не забыть напомнить рассеянному ВИ, что завтра на Невском на углу у канала у него встреча с незнакомкой, которая сыграет потом важную роль в его жизни!*) Да, *надо пойти*.

Вот и Дм.Серг.пишет: «в 1971 году в Медвежьегорском районе сгорела уникальная часовня 17 века» – и никто даже не стал выяснять обстоятельства дела» (а вблизи моей деревни в Шегрино сгорел полуразрушенный, но еще крепкий Храм 18 века, теперь уже добитый до конца, *вернулись и добились!*)

А в 1975 году в том же Медвежьегорском районе сгорел один из шатровых храмов русского Севера.

Упал шатер Рождественской церкви 18 века в селе Бестужево в Архангельской области...

А вот еще...» – но хватит, *сердце мое не каменное*.

Что же я хотел понять в течение моей жизни и зачем издавал книги – кроме того, чтобы просветить средние слои современной интеллигенции?

Я хотел ответить на сущностный вопрос Русской истории: **«Откуда есть пошла Русская земля и что она из себя представляет?»** и откуда *«пошел»* русский народ – и как мне видится, я теперь кое-что понимаю. Одна дурочка в Интернете проповедует, что русские де являются самым древним народом на Земле и от них пошли все другие народы, и Чингис-хан или Батый – это русский **Батя-хан** (а родственные нам малороссы доказывают, что Гомер был украинцем и *русские сначала тоже были украинцами*, пока не «скурвились») – и я хочу у нее спросить – *не русские ли сожгли Троию?* Если русские, то, возможно, она права, ибо, как мне стало казаться в последнее время, Зло изначально, а добро произрастает в человеке только после очистительного страдания. Но все же проще объясняется тысячелетняя ненависть в границах Руси Киевской, а потом «Святой Руси», особенно после большевистской революции, если сравнить истории русского и английского народов: у них кельты были завоеваны римлянами, викингами и норманнами, а у нас **славяне завоеваны варягами**, потом за ними пришли и другие из Европы и строили здесь города и храмы, и Славяне, «Русские» и православные – это не совсем русские и не совсем православные – это два народа, соединенные в рабовладельческом государстве общим языком и общими условиями жизни, и *большевистская революция – национально-освободительная резня, которая не освободила вчерашних рабов, а еще более опустошила*.

И я наконец-то понял, что **справедливость** – противоречивее и опаснее, чем красота: если справедливость требует равенства – то прощай красота, прогресс, развитие, соревнование, даже творчество – почему и была так красива деревенская Россия и стала так безобразна. Потому что на одном холме помещик строил усадьбу (а английский лорд воздвигал **Замок**), на другом холме всем миром строили **храм** – и так на лоне русской земли было «нарисовано» сто тысяч цветных акварелей, одни из которых устремляли в небо, другие благоустраивали землю.

Любомудров спрашивает Прохорова: «**Был ли Лихачев православным?** Ибо Дмитрий. Буланин рассказывал: «однажды я проводил в Пушкинском Доме очередную «пасхальную» конференцию, большие афиши о Светлой седмице мы повесили на стены вестибюля. 90-летний Лихачёв, войдя в институт, принялся срывать их со стен, ... меня тогда поразила его горячность». Вы близко знали академика, скажите, можно ли называть Лихачёва православным человеком?»

– Ну, мне трудно судить. Конечно, в глубине, в основе он сочувствовал православию. Ведь он любил древнерусскую культуру, как же без этого?»

Мне кажется, что я могу ответить на этот вопрос по существу.

Издание «России и Европы», «Радзивиловской летописи», христианской литературы и «Храмов Петербурга», даже издание журнала «Мѣра» и энциклопедии «Храмов России» было не главным моим предназначением, издательские проекты не исчерпывали то *задание, которое я получил еще в детстве*. Главное состояло в том, чтобы понять происхождение и сущность **народа и культуры** и понять **язык** как сущность, связывающую народ, культуру и бытие, форму и содержание. В этом отношении *Дмитрий Сергеевич Лихачев* оказался мне ближе всех, культура была целью, поприщем и содержанием его жизни. Он, «впервые приехав в Москву, нечаянно набрел на **церковь Успения на Покровке** ... жил под впечатлением этой встречи и стал заниматься древнерусской культурой под влиянием толчка, полученного тогда».

Не вера в Бога и не встреча с Христом стала основой его жизни, как у Лютера и апостола Павла, а встреча с Красотой.

Какие проблемы стоят перед современным человеком? Невежество и **просвещение**, дикость и **культурность**, способность самостоятельно мыслить и **духовная свобода**. Чему помогает религия, какие проблемы она решает? *Хотя и она не безучастна к жизни, но пытается ее сторониться*

«**Культура**» – «возделывание, обработка» (от лат. «**culturare**» – *возделывать*) первоначально означало обработку почвы, как **терм** означал пограничный знак на границе участка (и это справедливо по отношению ко многим терминам). **Култ происходит** (от лат. *cultus*) – *почитание, поклонение*.

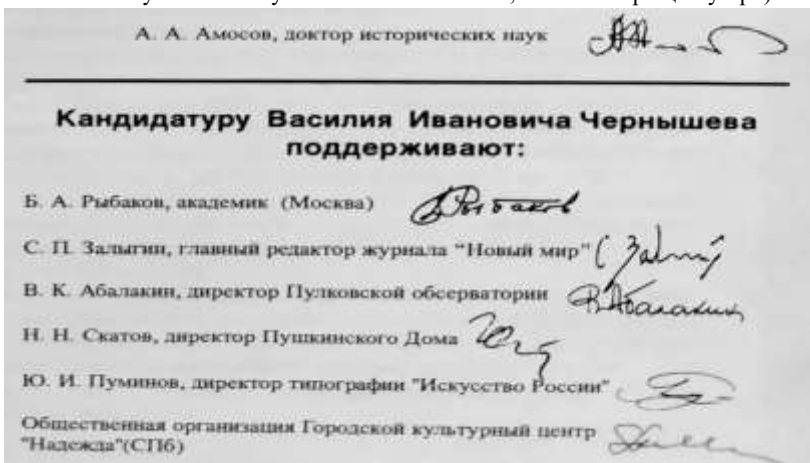
Христианство стало врагом античной культуры и потом всякой культуры (и до сих пор) и это объясняет то, что христиане **культуру** (*возделывание души и мира и природы*) объявили происходящей из *религиозного культа* (кстати, говорят, что Пушкин не писал о культуре – ну так он и о *сексе* не писал, но зато писал о «блядстве», что то же самое) – для чего? – чтобы культуру сделать зависимой от религии (как ветхозаветный Миф не просто показывает, что женщина создана из ребра мужчины).

И я думаю, что просвещенный человек стремится к широте личности, *религиозный* стремится ее сузить, как Достоевский русского человека. Поэтому-то верующие обычно недолюбливают культуру и образованность, а *человек культуры* бывает равнодушен к вере или иногда ею раздражен, ведь религия стремится заполнить собою весь мир, она «*меры не знает*», и отбирает человека у друзей, родных, любимых... Знали ли меру Гоголь и Толстой, когда выкинули на помойку свои сочинения, и знала ли меру церковь, когда сожгла Александрийскую библиотеку?

Судьба или Случай ведут нас? Что ждет – / Дырявая ль крыша, небесный ли свод, / Шалаш иль святая обитель?

В 1996 году я баллотировался в депутаты Государственной Думы, затем даже в президенты Российской Федерации – для поддержки «Храмов России». Кто-то из ельцинского штаба предлагал мне пять тысяч долларов, чтобы я передал им своих избирателей и открыто поддержал Ельцина – я отказался – ах, какой я был наивный человек! Мне-то на политическом поприще точно ничего не светило, а деньги я мог передать хотя бы тем нищим, которых отверг Христос, или хотя бы напечатал книгу....

Такие же наивные, как я сам, были и кумиры нашей интеллигенции. Вместо того, чтобы сказать: Василий Иванович, брось дурью маяться, лучше пиши стихи! – они призвали наших граждан (более здравомыслящих, чем я сам – хотя в чем их здравомыслие проявляется, когда они выбирают себе правителей то Шуйского, то Марину Мнишек, то польского царевича Сигизмунда, то Ивана Грозного, то Ильича, то Виссарионовича – и при каждом из избранных люто голодают – трудно понять. Лучше уж бы они **безмолствовали**, как у Пушкина – но они не безмолствуют... Только вместо языка у них либо булыжники из мостовой, либо «товарищ маузер»).

Справедливости ради скажу, что победил по нашему Адмиралтейскому округу художник-диссидент Юлий Андреевич Рыбаков, который позже спасал меня от некоторых неприятностей, он и другой претендент, следовательно Николай Иванов, с которыми я уже был хорошо знаком, оба искренне недоумевали, *какого черта* я вступаю на грязную дорогу политики, а не остаюсь в райском саду литературы – *но райский ли сад – литература, как и сама жизнь?*

С Николаем Ивановым мне однажды (в Москве) повезло вдвоем как следует напиться, а с Юлием Андреевичем только посидел за общим столом, увы...

Оба они прекрасные люди, и мне говорили, что зря я на народ обижаюсь – если он до Храма дойдет, и то слава Богу, а на кой ляд ему знать, где и какие храмы есть еще? **Хотя разве не каждый должен подняться к небу**

Страницы издания «Храмы Москвы»

Друзья мои! Прекрасен был наш союз! Да жизнь еще и не окончилась, и лежат в кладовке матерьялы к «Храмам России» - не с нуля начнет новый сумасшедший (если они еще остались в России), если он продолжит мое дело! Ради моих друзей, живых и тех, что уже на небе, я ему **помогу**.

ДОРОГА ВСТРЕЧ.

День вновь не тот уже с утра:
 Где опоздал, где слишком рано,
 Где – не нальют, где нет стакана...
 Жизнь умоляет встреч вчера,
 Лекарства ждет на сердце рана
 И новой прозы дрожь пера...
 Но знаю: жизнь течет как надо
 И обольщения не жду.
 Мы все идём кругами ада,
 Лентяй, поэт, герой и мот...
 Не ждет признание, награда,
 Лишь в ожидании лжи и лада
 Я снова – тот или не тот,
 Но утираю кровь и пот...
 Бессильны знанье, наважденье,
 Сны алхимических химер,
 Вся трезвость меры, полумер,
 Глубокомысленность сомненья...
 Тот слишком пёстр, а этот сер...
 А большинство не стоит мненья...
 Ах, эта жизнь! Тоска, зараза,
 И свет и тьма... *Зеленоглаза*
 Моя попутчица. В раю
 Мне лучших снов уже не надо,
 Жизнь вновь единство лжи и лада,
 Блаженства, боли, света, ада,
 Химер у жизни на краю...
 Не говорите: это поза!
 Я напишу вам новых книг
 Не о любви. Иная проза
 Меня прельщает. Только миг
 Смешаю с нежностью всезнанья,
 С блаженством разочарованья...
 Свобода ига, ига иг!
 И день заладится с утра...
 И пусть кричат мне зло и грозно:
 Так не бывает, слишком поздно!
 О, встречи – завтра и вчера!
 С тем выпивал, а с той постился,
 Те говорили, я внимал,
 Ни с кем из них я не простился,
 Ни с кем я в жизнь не опустил...
Дорога встреч. Я в Бег пустился –
 ...и Бог меня поцеловал!

СТАНСЫ**- 1 -**

Мне плохо, я соткан из слез,
 Из слов, междометий, метафор,
 Я доляняя лóза средь трепетных лоз,
 И жизнь моя вовсе не сахар.
 Мне плохо, ночные часы –
 Одно наказание без права.
 Я брошен на жгущие ада весы,
 Нет ветра, восхода, небесной росы,
 Нет лёгкого ангела справа.
 И что же мне снится? Ни суд, ни совет,
 Нет серого утра, рассвета.
 Мой бог не родился, кумир не воспет,
 Не слышима музыка, чаянья нет...
 Моя ли то песенка спета?
 Дождусь ли? Вдруг звякнет засов,
 Дверь стукнет, и ветер подует.
 Я соткан, как все, из затасканных слов,
 Из детства, деревни, отчаянья, снов –
 И скажут и мне – Ну, пошли! Ты готов? –
Но вдруг меня чаша минует?

- 2 -

Да, соткан и я из нечаянных слез,
 Из воли, неволи, из случая,
 Из желтой листвы белокурых берез,
 Касаний руки к лепесткам алых роз...
 А ты – моя песня тягучая...
 Зачем же бросать нам томительный плен
 У плоти, у чувства, у радости,
 Зачем этой длинной дорогою мен
 Искать наивысший наследственный ген,
 Ведущий к божественной сладости? -
 Когда перед нами дорога проста:
 Прижаться друг к другу, сливая уста?!
 И время погаснет как будто во сне,
 Ведь ты не забудешь? И я тебя не...
8 февраля 19 – 23 октября 22

МЕТАФИЗИКА ДЕВЯНОСТЫХ

**А. И. Солженицын
и В. И. Чернышев**

Встреча в Москве в 1994 году

**В 1971-73 годах Александр
Исаевич неоднократно по радио
«Свобода» выступал в мою
защиту**

**ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ПАМЯТНЫХ
ФОТОГРАФИЙ**

Эту книгу напечатала моя жена на пишущей машинке в 1969 году, на следствии в 70-м году я утверждал, что напечатал ее именно я, и только поэтому мою жену советская власть не призвала к «ответу», и поэтому основное обвинение против меня ссылалось на статью **«Русь и духовное освобождение»**. В 90-е годы в журнале «Мѣра» я печатал статьи Солженицына, издательство «Глаголь» печатало его книги, а в последние годы в «Новом русском журнале» неоднократно выступал в его защиту от нападок советского обскурантизма и «новых русских сталинистов» (?? !!).

НАША ПАМЯТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЫ

+++++

Анатолий Андрианович Галактионов – советский и российский философ, специалист в области истории русской философии и социологии...

автор фундаментального труда «**Русская философия IX-XIX веков**» (совместно с П. Ф. Никандровым). Доктор философских наук (1966), профессор.

28 ноября 1922, Петроград -

13 октября 2002, Москва

Редактирование
и статья в книге
«Россия и
Европа»

Это именно он сказал, что знакомство и дружбу со мной он считает самой главной удачей своей жизни, его вдова позвонила мне через полчаса после его смерти и передала мне его слова.

Россия и Европа. Изд. 6-е, 1994

Издательство «Глаголь»

Впервые после ста лет забвения

Н. Я. Данилевский, 1822 - 1885

Николай Онуфриевич Лосский (1870 – 1965),
Витебская губерния (Россия) – Париж, Франция

Автор книг «**Обоснование интуитивизма**»
и «**История русской философии 20 века**»,
в последней отдельная глава посвящена
возражениям Владимира Соловьева
основополагающему труду
Н. Я. Данилевского.

Мой отец, Иван Иванович Чернышев. Мать, Мария Григорьевна Чернышева. Отец погиб на «Линии Маннергейма» в 1944 г. Кавалер Ордена Отечественной Войны Первой степени.

Трудно испортиться, имея таких родителей и предков.

Василий Иванович Суриков (1848 – 1916). Покорение Сибири Ермаком.

На этой картине, как писал Суриков, изображены кроме безымянных казаков два исторических персонажа, Ермак Тимофеевич (вверху) и его заместитель казак Чернышев, его легко узнать, сравнивая его изображение и моё.

Работа над картиной началась в 1891 и завершилась в 1895 году. Сюжетом картины является решающий бой на Чувашевом мысу между казачьей дружиной Ермака и войском сибирского хана Кучума в 1582 году (см. стр. 398).

С Суриковым я знаком не был, но судя по всему, мы с ним в отдалённом родстве, он тоже *чалдон*, как и я, и некоторые черты у нас общие.

30 авг. 23г., среда. Сказано еще не всё – но когда же будет ВСЁ сказано?

Ода памяти, которую я вновь пытаюсь привести к полноте и завершению, сегодня все же будет закончена и я ее сдам в печать. Ей посвящены только летние месяцы, они и похожи и не похожи на жизнь, так и эта моя Песнь о минувшем – и **Песнь и Плач и Воспоминание, Миф и Правда...**

На днях был на банкете и лишнего выпил, так душа потребовала, потом занесло в «треугольник», в который принесло еще четвертого, я его с трудом оторвал от начинающейся драки и потащил «выяснять отношения», якобы выпить еще, но чтоб отвязался... К счастью, я его потерял, но нашел трех предыдущих... то есть двух... и нас снова стало трое... «Нет, братцы, хватит, свою долю я вам уступаю!» – заявил я заплетающимся языком и поехал к жене, хотя меня мучила мысль, не обидел ли я их своим двусмысленным или многосмысленным, если не бессмысленным заявлением...

По дороге в метро меня пытались усадить вместо себя две совсем еще юных, а потому беспорочных, но мы сошлись на том, что вместо того чтобы бессмысленно отсиживаться *на краю*, я объясню им суть мучающего меня вопроса, а они меня будут внимательно слушать, не обращая внимания на то, что «*моя истина уже почти вся на дне бутылки*». И как же меня удивило их добросердечие, внимание и понимание «вечерней зари отгорающей жизни»!

В городе мой день начинается с того, что я слегка прибираюсь, готовлю завтрак жене и себе и иду на зарядку во двор, где заряжаются бодростью еще несколько человек, и хотя мы стараемся быть каждый сам по себе, но не всегда «остаемся при своих»... Возвращаясь, завтракаю с женой, рассказываю ей, что нового узнал я за ночь (а ночью снятся *вещие сны*, и утром, при пробуждении, много интересного рассказывают *куда-то спешащие волхвы*... Днем я сижу за компьютером и кое-что из всего этого попадает на бумагу.

В деревне вместо зарядки я кошу за баней бывшее колхозное зарастающее поле, эту траву потом укладываю на грядки, и она переделывается в чернозем, хотя грядки постепенно сползают в канаву. Но важно, что я один, и никто не мешает мне размышлять, даже волхвы, хотя я не успеваю ничего из тех моих размышлений занести на бумагу.

Что такое эта «**Ода памяти**», которую я уже написал, всю? Она начиналась как эпитафия моему товарищу, философу и физику Н. П. Ильину, умершему в мае, но постепенно в нее вошли воспоминания о многих других товарищах, «живых и мертвых», и чтобы не раствориться в *сущем*, я решил подчинить воспоминания одной теме, например, **издательству «Глаголь»** или хотя бы изданию «**Радзивилловской летописи**». Сама Ода выплеснулась за пределы моего замысла, но все же я кое-как соединил и ее части в целое и некоторые реминисценции подчинил этому общему замыслу, так что хотя Казимир, Саша Михайлов и журнал Мѣра выходят из заданных пределов, но не отменяют их, Сашины «Окрест Вселукской церкви» и наши посиделки с бутылкой около метро, бывший Кенигсберг и музей Канта, которому я подарил Радзивилловскую летопись, и всё окружение Казимира, которое мне сочувствовало, и круг авторов журнала, от Биллингтона до Солженицына и от Шумовского до Гумилёва, моя жена и внучка и много других...

Все сущее – это жизнь и история, это культура и жизнь, это война и мир, это язык и материя – и бытие делится на две неравные части: **все Сущее** и **Я** (нечто не разглядимое даже в лупу). Если меня включить в сущее, то от меня вообще ничего не останется, так уж я мал, поэтому я себя противопоставляю, выделяю из сущего, и хотя себя называю «Я», но под этим понимаю все мои модификации, реинкарнации, аллюзии, реминисценции, инверсии, оксюмороны, прогулки в Ликейском саду и т.п. Это моё Я включает в себя и Аристотеля и Лосского и Диогена и Евклида и Достоевского, но если Ильич говорит, что материя есть все то, что производит ощущения, то есть что можно разглядеть и потрогать или попробовать на вкус, и что существует только материя, то он прав, ибо мы, со всей нашей культурой и цивилизацией, и даже со всей земной корой и всей остальной Землей составляем только одну билиардную от Солнца, а и вся солнечная система от Млечного пути в билиард раз меньше одной билиардной, а ведь на Земле ее геологическое и биологическое вещество – всего одна билиардная от Земли, а культура и история иногда даже неощутимы, залетает в Таганрог одна шальная бомба, и вот уже половину музея надо везти в Эрмитаж на реинкарнацию, а пуля весом в семь грамм обрывает жизнь гениального поэта Николая Степановича Гумилева, и не все его стихи были напечатаны, и только благодаря несусветной памяти Льва Николаевича, его сына, и Теодора Адамовича Шумовского, в 90-е годы они были вызваны из забвения и напечатаны, и, кстати, все трое представлены были и в журнале Мѣра, который, как я ни мал, только часть меня (или, все же, наоборот?). [Напоминаю, что в меня входят и Аристотель и Платон и Гумилёвы, и Шумовский, и Марк Аврелий и Сенека и Моисей и даже слепой Гомер... и если нас всех перечислить, то будет нас не более тысячи, и пусть я буду сам по себе, тысячная доля всех нас, но все равно все вместе даже мы лишь одна десятиллионная от человечества, а я – менее миллиардной, но их уже нельзя ни расстрелять (к чему постоянно стремится *реальное человечество*) ни увидеть, а увидеть или расстрелять сегодня возможно только меня. Ну пусть я все же не один такой, и мы – то есть Я, которого я соединю с остальными в «Мы», включая Андрея Кураева, моих родных и других немногих **мыслящих** (некоторые из которых надеются отсидеться и бояться, чтобы я называл их по имени) – пусть Мы уже не миллиардная, а целая миллионная часть – но разве это не пылинка?]

Но даже вся Европа, и вся ее история – почти Нуль, Ничто, пусть засяду я за работу и выпишу все имена писателей, поэтов, философов, математиков и пророков – наберется нас всех на один нормальный советский лагерь, в котором мы не что иное как лагерная пыль, а сколько было таких лагерей, а раскаиваются ли в том, что мыслящие были обращены советской властью и ее вождем Джугашвили в лагерную пыль наши хотя бы родные и близкие, друзья и знакомые? Они всё еще любят советскую власть и оправдывают Сталина, как немецкий народ оправдывал Гитлера (не знаю, как теперь, во всяком случае, «Пятую колонну» немцы уже не ищут, что-то в их головах уже расклинило, а в наших заклинило вновь. Вот с этого момента я и продолжу писать не об Аристотелях, которых мало, а о множестве народных людей)

Начинать надо с погоды или с евреев, тем более что я в некотором смысле не только сам по себе, но и причастен к ним: не всякую погоду приемлю, и не всех евреев хвалю. Прежде всего, я отвергаю Марксизм, но в тысячный раз перебивать его кости не буду... И все же я не совсем антисемит, не соглашаясь с Фрейдом, я согласен во многом с Вейнингером, да и Пастернака часто цитирую, ибо *«во всем мне хочется дойти до сути: в работе, в поисках пути, в сердечной смуте.»* Ветхий Завет я цитирую благожелательно, но на апостола Павла в последнее время взъелся (которого ненавидят и иудеи). Ибо основная проповедь Павла состоит в том, что надо уподобиться Христу, так чтобы каждый уже не сам жил, не сам чувствовал и говорил, но Христос в нем чувствовал и говорил, и чтобы стало **«всё и во всём Христос!»** (Впрочем, и сам Христос воскликнул на Кресте в роде своего Завещания-Завета: «Впрочем, да будет воля Твоя, а не моя!»)

«Вначале сотворил Бог небо и Землю... потом сотворил человека, мужчину и женщину, по образу Своему и подобию сотворил их.» – говорится в Ветхом Завете, в книге Бытия.

Центр всякой религии состоит *не в том, что Бог есть*, а что и человек есть, и что человека сотворил Бог, и что **сотворил Он человека по образу своему и подобию, то есть сотворил Личность**. А сегодня откройте Интернет или богословие или христианские проповеди – **в чем смысл жизни христианина? В том, чтобы стать листом на древе Господнем**. То есть в абсолютном отказе от своей воли и от своей личности.

И если я спорю с некоторыми еврейскими учителями, то все же главное в их самосознании и в их чувстве народа, Бога и Мира я как-раз приемлю. Я приемлю идею **избранности**, Бог же не в насмешку нас создал, не ничтожных и презренных людишек, как пишет Достоевский в своей Легенде о Великом Инквизиторе, не «тварь дрожащую», как в итоге он доказывает в своем «Преступлении и наказании», не Идиота в образе совершенного человека, как он показывает в одноименном романе – Бог создал человека по образу и подобию Своему и дал этому человеку «право дать имена всех созданиям Божиим, то есть классифицировать их, *изучать, приручать* – то есть благословил Бог человека на НАУКУ». Ну а потом еще и на труд, который, конечно, труден, и в поте лица нашего – но ТРУД ли происходит от трудности и тяжести – или это сам язык на благословенный труд излил несправедливое негодование? Я на днях копал картошку на своем огороде, сияло солнце, выкатывались из земли белые, желтые и красные картофелины, болела спина и ликовало сердце – остановился не потому, что устал, а чтобы и завтра продлить блаженство! Труд крестьянский – тоже творчество, и он вдохновен, только крестьян советская власть почти всех раскулачила, переморила голодом и расстреляла или изгнала за Уральские горы. (И евреи здесь причем в такой же степени, как их Маркс и красноглазый Ильич – и как наши Плеханов, Савинков, Горький, Ключев, Иванов-Разумник, Калинин, Хрущев и мой собственный дед, который тоже воевал за *савецкую власть...*) Мельком добавлю о буржуазии и капитализме. **Третье сословие** Французской революции, в которое входили и **буржуа** и **крестьяне** –стремилось к собственной власти, но *этим русским милее была большевистская власть!*

Вчера мы с женой встретили нашего дантиста, бросились к нему с объятиями, он уже не работает, а сорок лет был дантистом и лечил нам зубы и ремонтировал их. Однажды меня снимали в кино, и тут сломался зуб, я бросился к нему, у него очередь, я им говорю, что вот книгу ему передам в подарок, и объясняю про зуб. «А сколько времени до съемок?» Два часа.

«М-да... Иди ниже этажом и там жди. Я тихонько выйду, скажу что будет принимать другой доктор, надеюсь, не растерзают.» Без примерки и приладки через два часа я сиял белозубой улыбкой и полетел на съемку.

Я не знаю, каковы негры в Америке и цыгане в Румынии, но в России и те и другие превосходны, самое удивительное, что и отличных русских тоже полно, хотя мало кто из них читал не только Новый Завет, но и Библию – и не только «Материализм и эмпириокритицизм», но и сочинения Фихте и Беркли, и не умеет отличить *авангардный эпатаж новых пророков*, рвущихся осчастливить человечество, от классической религии и классической философии. У меня, правда, тоже собственная религия и собственная философия, но я всего лишь одна десятиллиардная от всей массы заносчивых и самоуверенных. Но бывают исключения. Однажды я встретил нашего дантиста растерянным. «Я слышал, ВИ, обратился он ко мне, что вас недавно оперировали. Посоветуйте мне, как подготовиться?» «Но у вас же есть нужные книги? Перечитайте, исполнитесь вдохновения, может быть, даже и операция не потребует?» (*Я имел в виду Библию*). «Понял», ответил он.

Через месяц мы встретились, он сияет, протягивает бутылку коньяку.

– Пишете вы, конечно, очень сложно, но я двое суток штудировал ваш главный труд (не спросил я, какой), на операции заснул еще до наркоза, наркоз и не делали, да и операция не понадобилась, двое суток проспал и все прошло! Вы гениальный писатель, ВИ, теперь за вашей книгой очередь моих друзей и знакомых!

Но пора поговорить о простом народе, который не читает книг и даже не умеет читать. Таких среди моих друзей большинство, не считая тех, кто книги хотя не читает, но пишет свои. Так, например, Володя Т., у которого целая стопа моих книг, от пола почти до потолка, говорит: да за пятьдесят лет ты мне и так уже все рассказал, зачем мне открывать твои книги и тратить лишнее время, я лучше на рыбалку лишний раз тебя заведу!

Или Гена С. Он еще в десятом классе прочитал «Три Мушкетера» и думал, что это Сервантес, и только вчера выяснил, что это Дюма. И что теперь делать? Я ему подарил открытку с Шаляпиным в роли Мефистофеля и объяснил, что у Сервантеса как раз про Шаляпина. И он счастлив.

Или Ю.А., который уверен, что этруски – это настоящие русские, и это именно мы построили египетские пирамиды. Я его не хочу разочаровывать и уже не доказываю, что мы сравнительно молодой народ и у нас всё впереди, тем более что у нас с ним большая часть позади.

Моя покойная мать прочитала только одну книгу «Жития протопопа Аввакума, боярыни Морозовой и инока Епифания» (которую я издал) и знала ее наизусть. И жизнь человеческую она знала тоже лучше меня.

А бабушка моя совсем не умела читать, но более умной и доброй бабушки я не знал..

Часть 3. ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

МАЛЕВИЧА

(ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ СУЩНОСТЬ ИСКУССТВА)

Автопортрет. 1910–1911. Бумага, гуашь, акварель, тушь. 46,2 x 41,3

Сия статья начинается с **нулевой страницы** и это ее неотъемлемое свойство (точно так же как Малевич неотделим от «**Черного квадрата**», то есть от "пустого множества")

МАТЕМАТИКА и ИСКУССТВО и "Черный квадрат" Малевича

Существование и несуществование.

*Сознание – это способность и проявление (состояние) умственной и душевной (психической) деятельности, состоящей из воли – выражающейся в частности в **целесолагании**, но пронизывающей все виды душевной деятельности: **внимания**, "чувств и ощущений" (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус), **восприятия**, **памяти**, **представлений**, **эмоций (переживаний)**, чувств страха, радости, любви, ненависти, доверия, тревоги... и обширной области **суждений**. Итак, **сознание есть единство актов воли и цели, внимания, восприятия, понимания, памяти, представлений, переживаний, суждений**.*

Но надо помнить, что акты сознания не совершенно отделены друг от друга, не замкнуты, а содержатся в **сознании как в единстве**, и воля присутствует во внимании и в памяти, цель содержится в суждении, а переживание растворено в восприятии и представлении (при этом, добавлю, понятия душевной деятельности, высказанные в данном общем суждении и в подобных – не являются *определениями*, они *аксиоматичны*). **Восприятие**, которое неотделимо от **понимания**, от того, что называется *о-сознанием*, становится самим собою, заканчивается, когда заканчивается процесс понимания, куст у дороги поздно вечером, который издали нам кажется то волком, то притаившимся человеком, наконец становится кустом...

Надо добавить к сказанному, что наши рассуждения не полны, тем более что философия и психология многое пока понимают смутно. Так, известно с детства, что у нас пять чувств и пять органов для их восприятия, но в действительности присутствует среди наших чувств, и имеет свой собственный орган восприятия **чувство равновесия**, и когда Гумилев писал о рождении таинственного *шестого чувства*, то оно в действительности являлось не шестым, а седьмым. Я думаю, что это седьмое чувство - **чувство интуиции**, являющееся одновременно и предсознательным и сознательным.

Этого краткого введения достаточно для взаимопонимания в последующем разговоре; быть может, и оно было бы не обязательным, если бы далее речь не пошла о восприятии не только внешнего мира как такового, о чем можно говорить расплывчато, но о восприятии искусства, более того, о взаимодействии искусства (в частности, музыки) и слушателя. В чем и как оно проявляется, вопрос не простой – не только для слушателя, но и для музыканта и для композитора.

Мы будем говорить и о том, что существует, и что не существует, и хотя изредка будем вспоминать о божестве, но по существу будем ограничиваться человеком и человеческим, положив в основание тезис Протагора, что именно **«Человек есть мера всех вещей: существующих – в том что они существуют, и не существующих – в том, что они не существуют»**.

Можно было бы даже не говорить о сознании и его проявлениях, перечисляя их, а ограничиться синкретическим понятием **человека**, который в своем тождестве не только является мерой вещей (точнее, как сказано, их *существования*), но с ними со всеми и взаимодействует

Математика, музыка и искусство – что чему предшествует?

Очевидно, что аксиомы математики не содержат музыкальных терминов, в то время как теория музыки оперирует математическими терминами, но связь математики и музыки сложнее. Но сначала я приведу полностью слова Сальери: «...Ремесло Поставил я подножием искусству; Я сделался ремесленник: перстам Придал послушную, сухую беглость И верность уху. Звуки умертвив, *Музыку* я разъял, как труп. *Поверил Я алгеброй гармонию...*»

Из этих слов не следует, что музыкальные пассажи следуют из математических формул или теорем, как и мелодия не вызывает математических ассоциаций, но очевидно, что *и поэзия и математика таинственным образом вырастают из некоего общего основания*, Пушкин заметил: «Вдохновение нужно в геометрии не меньше, чем в поэзии». Исследователи его творчества полагают, что структура поэтического или музыкального произведения и пространство, в котором изменяется его идея и судьбы героев, может быть евклидовым или неевклидовым, трехмерным или четырехмерным (как и сами герои, по мнению Герберта Маркузе, могут быть даже *одномерными*). Может быть, связь математики и музыки существует в логике, которой пользуется математик и композитор?

Если существует таинственная связь между созвездиями и судьбами, если одни из событий нашей жизни существенно влияют на ее течение, а другие проходят мимо, как не всякий ветер завершается дождем или бурей, а иногда буря налетает внезапно, без предварительных предвестий, то и таинственная связь «алгебры» и «гармонии» играет важную роль в одних произведениях и у одних авторов, а у других алгебра сама по себе, а гармония сама по себе.

В подтверждение этой мысли я приведу только один пример, но любопытный. Предварительно напоминаю, что мнение о том, что Пушкин был далек от математики, неверно, и в его библиотеке было множество трудов по математике, и вот свидетельство Брюсова: «Когда я узнаю, что Пушкин изучал Араго, Даламбера, теорию вероятностей, Гизо, историю средних веков, – мне не обидно, что я потратил годы на приобретение знаний, которыми не воспользовался».

Однако, есть ли в его произведениях какая-то загадочная связь с математическими представлениями, более наглядная, чем связь логик, лежащих в основании искусства и математики? Да, есть.

Известны так называемые Пифагоровы тройки чисел – натуральные числа, являющиеся сторонами прямоугольного треугольника, то есть удовлетворяющие соотношению $k^2 + m^2 = n^2$. Например, треугольник со сторонами 3, 4, 5 (*египетский*) был известен еще в Древнем Египте, с его помощью строили прямой угол, затем треугольник: $5, 12, 13$: $5^2 + 12^2 = 13^2$.

Аналогично можно рассмотреть четверки таких чисел, где роль гипотенузы исполняет диагональ параллелепипеда: $k^2 + m^2 + n^2 = L^2$. Тогда оказывается, что $3^2 = 1^2 + 2^2 + 2^2$; $7^2 = 2^2 + 3^2 + 6^2$; $11^2 = 2^2 + 6^2 + 9^2$, то есть числа **3, 7, 11** – это *тройка, семерка, туз* из Пиковой дамы Пушкина. (значение туза – как раз 11.) При этом число пять не обладает таким свойством. А числа 13, 17, 19... принадлежат к этому же ряду: $13^2 = 3^2 + 4^2 + 12^2$, $17^2 = 1^2 + 12^2 + 12^2$; $19^2 = \dots$

По аналогии с Пифагоровыми такие числа я назвал *ведьминскими* (в честь тех прекрасных ведьм, которые учились на MatMexe и удостоили меня своим вниманием). Кстати, немудрено, что я их открыл, все же я математик по профессии – но и у Пушкина есть математические открытия (посмотрите в интернете статью «Пушкин – гений математики».)

Как вы уже заметили, речь моя стала сбивчивой, я вступил в область философии, наиболее подверженную ложным стереотипам. Поэтому приведу без особенного порядка несколько коротких замечаний, которые подготовят читателя к продолжению разговора об искусстве, и в следующей главе мы заговорим по существу. Во-первых, русский человек не хуже других, часто его ум даже более гибок и парадоксален (это мы увидели на примере Пушкина), но *марксизм* испортил русского человека, заставив его представлять вселенную как *телесность* (матерьяльность) без души (или с какой-то ублюдочной душевной сознательностью, выделяющейся из материи словно туман из болота, пар из озера или пот из труженика – а то как гирлянды электрического света в искусственном сооружении города). Такое представление о *выделении сознания из материи* унижает и материю, наделенную красотой имманентно так же, как поэт вдохновением и музыкантша очарованием, унижает и душу, которая даже в «глупом пингвине» сознательнее его неуклюжего тела. Еще более испортила русского человека социалистическая революция, внушив ему безумную мечту о счастливом царстве без труда за счет экспроприации богатых – увы, богатых не хватило на всех бедных, и русским пришлось сто лет наслаждаться своим царством нищеты – но зато впереди планеты всей (впрочем, хватит уже мне подражать несчастному Мениппу!)

Но такой же ложный стереотип как сознательная телесность – представление самого сознания, ограниченного философским способом такого умозрения, то есть **языком, словом, мыслью**. С трудом в интернете встретил умного человека, догадавшегося, что **язык** – это особенный **способ общения** (коммуникации) **с самим собою, природой, миром и богом**, в котором символы имеют различное содержание и соединяются в **высказывания** (суждения) сообразно каждому типу языка.

Таким образом, я пытаюсь отделить язык не только от слова и мысли, но и от сознания, придав ему общий смысл *взаимодействия*, когда «и звезда с звездой говорит», и в геологических процессах взаимодействуют, то есть "разговаривают", даже горы. Но человек разговаривает и с самим собою – и в узком смысле этого "слова", с помощью слов-понятий, *слов-символов*, и в широком смысле, с помощью символов, которые уже не являются словами и даже понятиями, но *символами разнообразной природы* – в художественной литературе и поэзии – *образами*, в повседневной жизни, в театре и в балете – жестами и движениями, мимикой и взглядами (это язык, в котором участвует все тело человека – и этот язык часто самостоятелен, а иногда дополнителен к обычному языку-речи. Я нередко вижу, как танцуют свой собственный танец наедине с собой девочки лет пяти-шести – не всякие – и впечатление от их танца такое же, как от полета ласточек или иногда птичьего танца и щебета – эти впечатления не только не нуждаются в *понимании*, но и сверх них.

Предел, Пустое множество, "4-33" и "Черный квадрат" Малевича

Каждый язык самодостаточен и способен выразить и глубины океана и возвышенность неба, но нам и этого недостаточно, мы слушаем пение птиц, шум леса и ветра, грохот грома – и стремимся язык, данный от природы, расширить – или так и задумано создателем, мир настолько непостижим и широк, а нам нужно его вместить целиком, вместить и журчанье ручьев и стук дождя – но не Бог ли сам нам велит стать равными миру и богу, чтобы ему было с кем разговаривать – и не он ли внушил нам математику (или бесы, как полагал Ориген – да хоть бы и бесы, разве не с позволения Бога) – ну а если родилась математика, то родился и натуральный ряд чисел, за ним нотный ряд – а там уже и музыка постучится в дом...

Теперь же, чтобы сократить дорогу к дому, буду объяснять замыслы божии не так подробно, а как мне кажется минимально необходимым.

Математическим понятиям даются **определения**, то есть *объясняется* содержание каждого нового понятия **В** с помощью ссылок на уже известные понятия (А, Б, ...) – но для первоначальных понятий не находится известных понятий, их мы оставляем без объяснений и называем *аксиоматическими* (самоочевидными...хотя бы они и не были столь очевидны... но математикам приходится принять это соглашение, чтобы возводить здание математики на кирпичах, брошенных, условно говоря, в пустоту).

1. **Множество элементов** (или просто **множество**) – аксиоматическое понятие. **Элементы** – то, что составляет *множество*.

2. **Счет и Число**. Если из данного множества элементов мы будем удалять элементы один за другим по одному, называя их номера (имена), пока множество не исчерпается, то есть в нем не останется элементов, то этот процесс называется **счетом** или **измерением** множества, а само множество называется **счетным**. Номер последнего элемента определяет **количество элементов** и называется **мерой счетного множества** или **числом**, т.е. **число** – это **мера счетного множества**. Так как элементы этого множества расположены один за другим и каждый элемент имеет имя (номер), назовем его **упорядоченным**. Если представить упорядоченное множество таких элементов-чисел неограниченным, то есть таким, что за каждым элементом располагается еще новый элемент, то назовем его **натуральным рядом чисел** и будем считать, что отныне **натуральный ряд (чисел)** уже существует и более его не надо создавать. Более того, не требуются по отношению к нему какие либо пояснения, то есть заранее известно (**уже** содержится в сознании), что такое точка, прямая, плоскость.

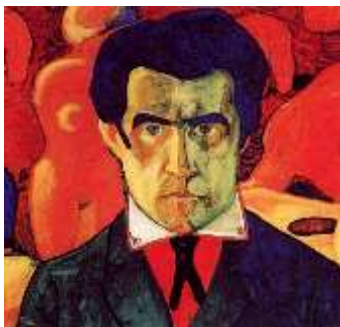
3. **Измеряя** данное множество (или *считая* его элементы), мы удаляем из него элементы один за другим, пока не останется один элемент – это будет множество, состоящее из одного элемента. Если удалить и этот последний элемент, то в множестве не останется ни одного элемента. Вообразим, что множество продолжает существовать, даже когда в нем не осталось элементов, и такое *предельное множество* назовем **пустым множеством**, а *меру пустого множества* назовем **числом ноль**.

4. Математические понятия *множества* и *пустого множества* абстрактны, и элементы их – не природные и исторические явления, но при этом особых затруднений в аналогии (или подобии) «множества элементов» и "множества каких либо предметов и явлений" нет. Затруднение было только в потребности и в желании прибегать такой аналогии.

И вспомнил я математические абстракции совершенно случайно, видимо, что-то шепнул мне на ухо Пушкинский *«случай – бог-изобретатель»*.

Разгорелся у меня спор о Малевиче, о его «Черном квадрате». Что в нем нашли? – восклицал собеседник. Разве это живопись? Что там нарисовано?

Обычно я защищал Малевича, приводя в пример его творчество в целом.

Автор «черного квадрата». Как видите, это тоже «квадрат».

«детские и юношеские годы Маринетти и я проводили на верховьях Этны, единственные наши собеседники были черти, которые появлялись через дымовую трубу Этны. Мы были тогда мистики, но черти нас все время соблазнили материалистической наукой и доказывали, что искусство должно тоже быть материалистично...» Казимир Малевич.

«...черти не смогли соблазнить юного Малевича. Никогда он не был атеистом, он был *богоборцем*, особенно в ранние годы, но в сознании Малевича всегда присутствовал Творец, Демиург, создатель вселенной. Его супрематизм пронизывали мистические ощущения; материалистические учения вызывали недоверие...»

Я ... был на волосок от гибели, меня ожидала та же участь, но тут подвернулся поэт Крученых, написал поэму «Победа над Солнцем» (это было в 1913 году), через которую я вышел в обратную сторону ..., пришел к нулю, ... Казимир Малевич

Справа знаменитый «Черный квадрат».

«В богоборческий период начала века Малевич болезненно переживал "ошибку", как ему представлялось, оказавшуюся в фундаменте мироздания. *"Вся ошибка в том, – писал художник, – что в системе был установлен предел"*. Этим пределом был известный запрет относительно яблока с Древа познания добра и зла. Если бы бог построил в совершенстве систему, не согрешил бы Адам». А совершенство системы, считал художник, заключается в том, *«что всякая единица, получая свободное движение [...], все-таки не может выйти за пределы системы...»* цитаты из статьи Е.Ковтуна, НРЖ № 3

И хотя я думал, что защищаю Малевича (а я чувствую свое родство с ним, как это ни странно), но я только приводил в пример его творчество в целом, о квадрате же только признал, что в нем *ничего не изображено* (как если бы я удостоверил, что в пустом множестве ничего нет... словно бы нет и пустого множества...

Теперь уместно привести цитату из статьи Олега Киреева, которая отомкнула мои смутные мысли об искусстве, отомкнула и «Черный квадрат».

«Картина \или текст, или музыка\ – всегда некое **высказывание**, и оно входит в нас через **впечатление**. И хочется, чтобы высказывание было внятными. Конечно, искусственная конструкция должна быть шире, чем естественный мир, недостаточный для создания смысла, и надо придумывать нечто, воспринимаемое, как удар, как неожиданность и провокация. ...так "держит" анекдот, так действуют путешествия; И лишь затем возникает, как третий слой, **символ** или любезный вашему, Михаил, сердцу – *образ*\, и можно угадать, если достанет интуиции, его смысл и сократить время, нужное, *чтобы собрать свою жизнь, как целое, через этот символ...*»

(К Малевичу эти слова относятся косвенно, а о «высказывании» поговорим позже...)

Еще добавлю, что когда я увидел его «обугленные иконы», я неожиданно заплакал...

Однако я не стремлюсь заменить картину как произведение живописи, как «высказывание» - ее **описанием**, часто (если не всегда) не выходящим за пределы *описания* рамы, красок, кисти, фактов из жизни художника – для такого результата живопись не нужна). Но картина Малевича «Черный квадрат» не принадлежит к ряду живописных полотен, как нуль не является числом, и пустое множество множеством, она – **предел**

картинного ряда, собрания картин (множества), она – **пустое множество**.

К слову, Казимир Малевич умер от рака предстательной железы, спровоцированного «специфическими методами воздействия» ("супрематически" выражаясь по поводу советской эпохи, о которой жалеют многие), *применившимися к Малевичу на допросах 1930 года*. Но мастер ушел несломленным. И этот портрет (справа), ориентированный на высокие ренессансные образцы, доказывает его верность своим убеждениям.

А это не памятник ли советской эпохе?

Малевич. Портрет женщины

Но действительно ли *нуль не является числом*, а пустое множество – множеством? **Натуральное число** я ввожу аксиоматически как **меру счетного множества**. Понятие **множества** – абстрактное математическое понятие, и как всё в математике, для своего обоснования не ссылается на действительную жизнь – но при этом «*золотое сечение*» определяло меру красоты в античной эстетике, в зодчестве, ваянии и даже в обыденной жизни – ибо существует тесная связь природы, истории, жизни и математики, которые синтетически сосуществуют, а не просто ходят друг к другу на свидания. И вот, как это ни удивительно, но чтобы подтвердить (или даже доказать), что *нуль* воистину *существует*, я покажу сначала, что он существует в житейской действительности, причем в той, которая имеет прямое отношение к музыке.

Итак, нас всех мучает городской шум, то бесконечное *звуковое множество*, которое мы пытаемся превратить в *пустое*, пока не удастся вырваться в деревню и наступает ночь, *темнота* за окном и густая плотная *тишина*.

Абстрактное пустое множество как отсутствие абстрактных элементов и в самом деле вызывает смущение, существует ли оно, но **тишина** несомненно существует, она является множеством без звуков, и продолжается даже дольше пьесы «4'33"», трёхчастного сочинения американского композитора Джона Кейджа для вольного состава инструментов, ибо продолжается целую ночь в сопровождении оркестра, состоящего из отсутствующих инструментов.

Не знаю, звучит ли в ушах слушателей пьеса Джона Кейджа, но молчаливая деревенская ночь, как ни странно, даже *звонит*. Таково же пустое множество, состоящее из темноты.

В художественном произведении присутствует СИМВОЛ (или ОБРАЗ) – и пустое множество – важный и яркий *пограничный символ бытия*, это граница бытия и небытия, и как всякая граница, оно одновременно принадлежит и не принадлежит *множеству множеств* – в живописи и в музыке.

Рассмотрим упорядоченный натуральный ряд, он не конечен и не ограничен. Следовательно, некоторые его подмножества, например, числа от m до n , конечны (то есть ограничены), а некоторые, например, подмножество всех простых чисел, бесконечны. Есть ли элементы в множестве натуральных чисел, удовлетворяющих равенству $a^n + b^n = c^n$ – пока не известно, поэтому естественно понятие множества не ограничивать требованием, чтобы оно содержало элементы. Все предельное и пограничное относится или не относится к мыслимому объекту в соответствии с нашей волей, например, точки окружности можно считать частью круга, а можно не считать. Но, конечно, соображение, что *тишина* и *темнота* являются *пустыми множествами* по отношению к множеству звуков и по отношению к множеству видимых предметов является решающим при определении судьбы пустого множества: существует ли то, чего нет, что пусто? Так как тишина и темнота существуют, то **пустое множество, которого нет – есть! А тогда есть и является числом нуль как мера пустого множества.**

Не знаю, долго ли писал свою молчаливую пьесу Джон Кейдж, но мне две последние страницы обошлись в два дня мучений, мне необходимо было защитить Малевича от нападков «знатоков», во-первых, и показать хотя бы пунктиром, что его деятельность художника и теоретика искусства была необходима искусству для его расширения до **пределов**, которыми являются в живописи (близкой *натуральному ряду* по простоте и таинственности) **пустота** и **беспредметность**. В математике это *пустое множество* и *число ноль* – без которых математика развиваться далее античных образцов уже бы не смогла. (Для справки: количество чисел благодаря моему интересу к музыке – а живопись лишь помогла мне собрать мысли в математический порядок, хотя и говорит немало моей душе – возросла на *ноль*. Но теперь я их количество, напротив, уменьшу: является ли числом например π (3,14)? Если **число** – **мера счетного множества**, то дроби и тем более «иррациональные числа» появляются в результате вычислений и измерений длин, площадей и объемов, их правильнее было бы называть «количествами», поэтому «*Теорией чисел*» называется только *наука о натуральных числах*, включая *ноль*.)

ГЛАВА ПЯТАЯ Тишина, Минимализм, "4-33" и «Живопись и Музыка как высказывание»

Я думал, что сказал уже о Малевиче всё, что знаю, но его икона «Богородицы» не помещалась в предыдущий абзац, и пусть, я подумал, она свяжет формально две главы. Но она связывает большее – общий путь расширения знакового или символического пространства (впрочем, неважно, какого).

Математический натуральный ряд чисел не хотел принять в свои чопорные ряды ноль, считая его ошипанной курицей, и остановился в развитии, так что пришлось наконец раздвинуться, а там уж пошло-поехало, появились и отрицательные числа (хотя я еще не знаю, что это такое) и **мнимые**. Живопись добавила свой *ноль* – *Черный квадрат*, хотя «поехала» она еще раньше. И пора переходить к минимализму и к «искусству как высказыванию», к тому же Икона Малевича нам уже почти все *сказала*.

23 марта 20 г., понедельник. Я вышел из Русского музея и пошел по Невскому мимо *Филармонии*, в которой у меня уже была намечена встреча с теми, с кем нужно – но в дополнение к всеобщей каше в головах человечество охватило безумие, закрыты филармонии, театры и концертные залы, закрыты даже границы, некоторые думают, что больше их не откроют, закроют и метро, воздушное сообщение, железнодорожное, встречи и поцелуи, закроют в конце концов интернет.... Поэтому я спешу *закрыть* наконец и статью, даже не дописанную, но ей не достает чувства личной трагедии. Я, быть может, слишком многом сопереживал, Революция, Гражданская война, голод в городе, голод в деревне, раскулачивание, лагеря и расстрелы, затем война... и только «бабы все еще рожали, и поэтому **ТОГДА народ не весь вымер**».

25 марта 20 г., среда. Вчера смотрел сначала часть хорошего фильма, отложил его окончание на потом, когда наберусь сил для печали. Потом слушал концерт *Aurora* для скрипки с оркестром в исполнении Татьяны Гринденко (ее я тоже люблю, хотя немного иначе) – возможно ли, чтобы этот концерт они смогли повторить? Возможно ли, чтобы его смогли играть другие музыканты?

Если минимализм – это *упрощение* (а я снова уже ничего не понимаю), то он необходим... Но он необходим и для другого, еще более важного.

[Отвлекусь на воспоминание быть может именно об этом – хотя об этом уже не раз вспоминал. В середине восьмидесятых годов в компании с двумя молодыми людьми мы иногда прогуливались вдоль Муринского ручья и разговаривали в том числе на философские и религиозные темы. Один из них был чрезвычайно начитан и умен, и как-то так получалось, что он ости признавать свое поражение). Через десять лет, когда я издавал журнал МѢра, он принес для него статью и напомнил о нашем прежнем знакомстве. «Я был тогда слишком умным, чтобы вас понимать, сказал он. Но с тех пор я крестился, окончил Духовную академию, стал священником, а самое главное, я *поглупел* достаточно, чтобы наконец стал вас слышать]

Так не является ли **минимализм** переходом к новой форме музыкального говорения, которая отвлекается от второстепенного, чтобы сосредоточиться на наиболее существенном, и сделать его более ясным? Но я отвлекся ...

Когда-то, размышляя о **перевод**е с одного языка на другой, я подумал, что нельзя ли так же переводить и разные формы искусства, требующие своих особенных собственных языков, переводить с языка музыки на язык понятийный, с живописного на музыкальный... Киреев эту мысль выразил определеннее, заявляя, что живописное полотно является **высказыванием**, и предложив пример перевода

«Картина \или текст, или музыка\ – всегда некое **высказывание**, и оно входит в нас через **впечатление**. ... Конечно, искусственная конструкция должна быть шире, чем естественный мир, недостаточный для создания смысла, и надо придумывать нечто, воспринимаемое, как удар, как неожиданность и провокация. ...так "держит" анекдот, так действуют путешествия; И лишь затем возникает, как третий слой, **символ** \или образ\, и можно угадать, если достанет интуиции, его смысл и сократить время, *нужное, чтобы собрать свою жизнь, как целое, через этот символ...*» Затем он привел пример перевода голландского живописца на понятийный язык, превосходно доказав справедливость своего утверждения.

Владимир Мартынов и Георг Пелецис свою 20 летнюю словесную переписку преобразили в музыкальную «Переписку» в сонатной форме.

Но возможно ли, наоборот, *перевести* музыкальное сочинение в стихи или в прозу? И я пошел на уловку. Я знаю, что не умею и не смогу это сделать, но что это принципиально справедливо, в том мы убедились, найдя соответствие тригонометрическим формулам в изящной и краткой форме *мнимых чисел*. Следовательно, существует и перевод стихов в музыкальные сочинения, и хотя человеку он не посилен, однако Бог им постоянно пользуется.

А все то, что возможно Богу, *уже возможно* (хотя, разумеется, я отвергаю глупости верноподданных, представляющих Бога в виде тирана и самодура, умножающего два на два как вздумается, даже так, чтобы получилось пять. Божественная логика и логика божества и есть та самая логика, которая лежит в основании мира, по которой он и построен, а число – наиболее простой **символ**, с помощью которого можно устанавливать **соответствия** сознания и мира, поэтому математика лежит и в основании *языков*, лежащих в основании и специальных видов *высказываний, посланий, сообщений, воздействий, преобразений* (в том числе и в изменении движения орбиты кометы, о чем говорил Владимир Мартынов).

На этом бы следовало поставить многоточие, но все еще не всё сказано...

Сорок лет назад я был знаком с мамой мальчика, которого запомнил. Однажды они шли (когда мальчику было шесть лет) мимо отдела музыкальных инструментов, мальчик попросил купить ему скрипку, он захотел на ней научиться играть, и через три дня уже хорошо играл (как мне об этом рассказывали). *Мама, хочешь, я сыграю твою улыбку?* – спрашивал он. *А теперь я сыграю вот этого красивого кота...* К сожалению, из музыки он ушел (вероятно, по бедности). Мама, кстати, мне тоже запомнилась, она работала машинисткой, но воспитание сына (вдвоем с бабушкой) требовало большего, и она изучила два древних языка и работала потом переводчицей. Познакомились мы с нею на тренировках по карате: поскольку я никак не мог заставить себя ударить по лицу человека, а только сопротивлялся его собственным усилиям, то меня поставили к ней в пару – но с женщиной все приятнее делать, чем с мужчиной, даже драться, и я получал большое удовольствие, когда ей нечаянно удавалось мне хорошенечко врезать. Не случайно, когда меня второй раз сажали в тюрьму, после речи молодой красавицы-прокурорши в своей *последней речи* (как видите, она не оказалась *последней*) я сказал, что стал бы окончательно счастлив, если бы она приговорила меня к расстрелу и сама привела приговор в исполнение – я умер бы, благословляя ее торжествующую улыбку – впрочем, она отомстила бы мне за всех, ибо *«мы, мужчины, только этого и достойны!»* (хотя, впрочем, есть множество отдельных достойных мужчин, которыми я восхищаюсь).

В завершение: *каков же теперь мой идеал счастья?* Теперь я хотел бы посидеть на последней ступеньке лестницы, уходящей со сцены, на которой встречу с музыкантами ведет Сати, на вопросы ее отвечают и играют на рояле и скрипке Полина, Татьяна, Владимир Мартынов, Павел Карманов, и другие музыканты, которых бы они пригласили сами – и после этого можно было бы мне (временно) умереть... К тому же есть что-то общее в поисках минималистов и в поисках расширения звукового пространства музыки, например, в концертах Родиона Щедрина (я слушал второй и четвертый и мне захотелось плакать...). Если бы я стал музыкантом, я бы не пытался философствовать, музыка вмещает в себя всё. Слушал я и Софи Губайдуллину и Шнитке... и много еще достойных благодарности и любви.

Жаль, что нет **Музыкальной премии, поощряющей гениев** – тем более что они все гениальны. Ах, жаль, *бумаги опять не хва...*

ЧИСЛО как МЕРА Множества. Пустое множество

Число – это результат **измерения** (или **счета**) – то есть измерения множества, ряда, расстояния, площади и времени (которые тоже множества). Итак, это – количественная характеристика множества, длительности, расстояния, размера в пространстве и во времени...

При удалении элементов из некоторого конечного множества мы получаем "*пустое множество*". Но и предел уменьшающихся отрезков, то есть *точка*, не более *есть*, чем *множество без элементов*, – однако *точка является пределом, который все таки есть* (по теореме о существовании предела ограниченной последовательности).

Подобно этому и последовательность *интервалов времени*, длительность которых уменьшается вдвое, стремится к пределу, которым является **мгновение** (или "*точка*" во времени!?) – но не *пустое* ли это *множество*? (ибо нет интервала времени нулевой длины – его нет в действительном физическом мире, ибо всякое время, которое *есть*, обязательно *длится*, *точка же не длится*!)

Существует ли множество, когда в нем исчезают элементы при счёте (мы их вынимаем) и оно становится *пустым множеством* (корзина без яблок), подобно *точке, кривой, плоскости* – которых и без счета **нет**, поскольку они не занимают места в пространстве (ни длины, ни толщины, ни объёма)? Таковы **тишина** как несуществование звуков и отзвуков, **темнота как несуществование источников света, отблесков и бликов**. (Хотя, когда *нет других воздействий на восприятие* или когда она наступает после чрезвычайного шума или канонады, то *тишина* вдруг кажется вселенским шумом – **оглушительной тишиною!** Вот также тишина вдруг начинает звучать, когда музыкант водят смычком мимо струн! Не от того ли и "*сияла ночь*"? (хотя, правда, "*луной был полон сад*"?)

Но пронзительно темная ночь, когда не видима собственная рука – тоже может производить впечатление сияющей! Однажды в командировке я пережил такую ночь, идя от станции в поселок (где для таких приезжающих, как я, была приготовлена квартира) ощупывая дорогу ногами, затем, подойдя к домам, прошел вдоль них, ощупывая их рукою, наощупь нашел дверь, попытался ее открыть (потом выяснилось, что она была опечатана), влез в окно, нашел кровать, разделся и лег спать в **абсолютной** темноте (спичек у меня не было, и я не знал, где они могут быть в этой пустой служебной квартире). Разумеется, читатель не удивится тому, что вскоре ко мне в комнату пришла и села рядом со мною девушка, которую накануне резали в этой квартире (чего я не знал), и хотя она пыталась меня соблазнить и страстно меня обнимала, но ведь ее, как потом выяснилось, в эту ночь уже *не существовало* по всем законам и материалистического и спиритуального мира (хотя **мгновение** существует и для тех и других?).

У данного **множества** (напр. у корзины с яблоками) – **при счете**, когда мы яблоки вынимаем из корзины, есть предел, и этот предел (после того, как мы вытащили последнее яблоко) есть **пустое множество** – но если конечный **предел** математической последовательности естественно присоединяется к той последовательности, которая к этому пределу устремлена (по теореме о

необходимом существовании предела ограниченной последовательности) – то в таком случае и пустое множество, которого **"нет"** – **существует** – ибо *оно является пределом последовательности подмножеств исходного множества!* ...запускаем руку в корзину и возвещаем: *все, в ней больше ничего нет, корзина пустая!* Пока мы в этом не удостоверились, мы не можем знать, что мы сосчитали все яблоки в множестве! Значит, пустое множество есть необходимое звено в процессе счета! А **счет** и является измерением множества, его меры, а число – его **мерой!**) Вот так же и у множества звуков существует предел, когда уже нет ни единого звука – и этот предел, **пустое множество звуков** – называется **тишиной** (и если пустого множества не существует, то **не существует** тогда и тишины!) При отсутствии цвета мы имеем **"Черный квадрат"** или **темноту**, абсолютно *темную ночь* – которая одновременно *тиха*. ("Ночь тиха. пустыня внемлет богу..." – хотя все же *внемлет* – а значит, *существует*, как доказал Декарт!)

Не только математические последовательности (ряды), но и сама жизнь устроена по тому же принципу, она представляет собою РЯД, «упорядоченное во времени множество» событий личной жизни, пределом которого является **прекращение** времени, называемое **смертью** – или **безвременьем** (которые тоже существуют, хотя наивные думают, что пустого множества **нет**).

Если в центре *природной жизни* существуют и скрепляют ее в целостность *зачатие и рождение* как результат чувственной *страсти притяжения и соединения мужчины и женщины*, то поиски Бога, напротив, приводят к прекращению природной жизни, к требованию *безбрачия*, к требованию не прикасаться к женщине – не говоря о желании *жить аки умереть и креститься в смерть Иисуса Христа* – то не очевидно ли, что христианство заменяет **жизнь** как почти бесконечное множество чувственных, душевных и телесных событий, личных и общественных, *пустым множеством (безбрачием)*, или "черным квадратом" безчувственности и безпредметности вместе.

Если живописное полотно рассматривать как частное явление живописи в целом, каким является частный роман в литературе, а симфония и спектакль – в музыке и драме – то каждое из них на своем языке является *символическим рассказом о жизни* (о всей или ее части). Является ли рассказом *о жизни* "роман о жизни монаха"? Является ли показанием подследственного отказ его давать показания? "Черный квадрат" – это не одно из живописных полотен, в их множество он не входит, он даже не ограничивает его, а только *ограничивает* от мира, как *тишина* не заменяет музыку и *молчание* не заменяет **слово** и *небытие* не заменяет *бытие* даже на пути к Богу – хотя христианство и учит о пути к Богу через подмену бытия на небытие. Таким образом "Черный квадрат" и "4-33" и литературное произведение, состоящее из одной фразы или из слова, из названия, из книги, содержащей обложку, переплет и пустые страницы, с выходными данными, или без них – *не подмножество среди множества подмножеств полного множества живописных полотен*, каковым является всякое полотно, не обязательно оригинальное или талантливое, но все же численное к их синклиту. И "4-33" – **не** музыкальное произведение, и *молчание двух собеседников* – **не**

разговор (хотя бывает и красноречивое молчание, и неловкое, и тягостное!) И *пустое множество – это не множество (!?)*. А в таком случае, если натуральное число – это мера множества, то ноль (**0**) – не число, тем более не натуральное. Но говорят же, что *«его молчание было красноречивее его слов»*, как молчание девушки в ответ на вопрос, любит ли она своего собеседника, является несомненным признанием ее в любви (и я вам в том свидетельствую всеми своими воспоминаниями и всеми своими "вздохами при луне на скамейке"!)

Из этих рассуждений уже очевидно, что прежде каких бы то ни было умозрений о числе и множестве, о восприятии и тишине (и тем более о темноте, в которой не только *все кошки серы*, но и все девушки **преlestны!**), необходимо выяснить, **что существует и что не существует**, то есть что такое само **существование**. Если именно *человек есть мера вещей: сущих в том, что они существуют, не сущих – в том, что они НЕ существуют*, то может показаться, что *существуют только существующие вещи, а не существующие вещи НЕ существуют*, но так как само *существование* и *несуществование* тех и других не так просто, то не будем спешить.

Вернемся к "Черному квадрату" Малевича: изображает ли он "пустое множество", символом которого словно бы он является? Как бы там ни было, "Черный квадрат" мы видим, а подлинное "пустое множество" скорее всего невидимо – и скорее всего *не существует* (как платье на голом короле в сказке Андерсена) – не потому ли "черный квадрат" Малевича сделан зримым, то есть не совсем пустым? Да и «4-33» Кейджа не состоит из четырех минут тишины, которых бы мы, находясь в трамвае или в метро и даже в лесу могли бы не услышать, вот почему его соната обрамлена посторонними атрибутами, и тем, что пианист входит в концертный зал, садится за рояль, объявляет название пьесы и затем сидит у рояля с поднятой рукой – ибо все это *рама*, в которую вставлена неслышимая музыка, и именно раму мы и видим (и слышим). Малевич также подчеркнул своим полотном, что сам холст вместе с рамой является **зримым символом** незримого, ибо иначе он демонстрировал бы свое полотно в темноте.

Поэтому поговорим о **символе**. Символ (или знак: напр. **цифра** и **число**) *не всегда совпадает с тем, что он обозначает*, на что указывает, так же как **термы**, пограничные столбы, разделяющие участки земли, не совпадают с участками, а только отграничивают их, отделяют друг от друга и от того, что вне их. **Термин** или понятие находится в уме, в мышлении, в сознании, это кантовская «**вещь для нас**», наделенная акциденциями, не совпадающая с «**вещью в себе**».

"*Вещь в себе*" и "*вещь для нас*" не совпадают так же, как **понятие** и **символ** не совпадают с тем, что они обозначают, ибо находятся они в сознании воспринимающего, а не вне его, где находится воспринимаемый предмет.

Таково свойство нашего мышления, и поэтому мы должны будем принять аксиому (которую я предлагаю и на которой настаиваю), гласящую, что **существует не только то, что существует, но и что не существует**, – ибо иначе мы не смогли бы *мыслить* "пустое множество" как множество, и ноль (0) как число. Но продолжим позже, начиная с нуля ... А пока я только

сознаюсь, что я еще и сам не знаю, является ли нуль числом, как только что с апломбом я уверял, а пустое множество – множеством, и что вообще я еще не все знаю и не умнее всех – и теперь читателю станет легче, он будет больше мне доверять, он увидит, что я тоже размышляю, умею размышлять, не самоуверен, и возможно, с его помощью, доберусь до истины... И теперь не я вам буду вещать как оракул, а мы вместе наощупь будем находить дорогу...

Семьдесят пять лет философы мучили меня своим несомненным знанием истины, сначала Христос заявлял, что он Бог, потом Маркс утверждал, что Христа не было вовсе, потом самый гуманный суд в мире окончательно своим приговором утвердил безапелляционно, что все мои сомнения в их истине – плод моего больного сознания – и вдруг 200 миллионов верующих очнулись, и словно это не они молчаливо призывали меня распять, уверовали неизбежно в противоположное вчерашнему, и вновь удивляются, в чем это я продолжаю сомневаться, когда ведь снова всё-всё ясно!!! Но потерпи, мой дорогой единственный читатель, мы все же ее найдём, эту ускользающую истину!

27 апреля 2020. А кроме числа, натурального ряда чисел, Пустого множества, Тьмы и Безмолвия – надо непременно написать о **Наваждении**, оно играет чуть ли не главную роль в нашей жизни – разве мы не под его властью живем?!

Но пока вернемся к *натуральным числам*.

Пуанкаре и Пеано (над *символическим языком* которого, "пасиграфией", Пуанкаре посмеялся в своей книге «О науке») все же были согласны, что «*число есть результат счета*». И это справедливо, разве не так ли мы сами учились считать и научились понимать наши собственные *один, два, три, четыре (1, 2, 3, 4)?* Не так ли научились считать и человек в своем становлении, возвышаясь от животного к человеку? Но – отвергнув Беркли – с нележкой руки Канта, мы как-то легкомысленно – или даже совсем ВНЕ мысленно признали за очевидное, что хотя мир существует, и «действует на наши органы чувств, производя ощущения», и мы под влиянием именно внешнего мира научаемся считать и «изобретаем числа» как *результаты счета*, но это именно **мы** эти числа и *изобретаем* и втискиваем в внешний мир количественные отношения, которых в нем быть не может, и в нем предметы ни ближе ни дальше (ибо *ощущение удаленности зримого предмета* не принадлежит самому предмету, а только зрителю, но воспринимаем мы предмет вместе с этим *ощущением!*), ни круглые ни квадратные (какой уж там тем более «черный квадрат!»)... и в нем предметы совсем **никак**, потому что даже **как** только внутри нас (даже и Бог внутри нас и *«царство Божие внутри нас есть»* – я уж и забыл, кто это сказал, настолько в нас эта формула въелась, как **то**, что *в Россию надо только верить*)). Кронекер по крайней мере догадался сказать, что «Натуральный ряд создал Бог» и (только) «всё остальное дело рук человека». (По крайней мере музыканты со мной согласятся, что хотя соловей не знает ни *нотного* ни *натурального* ряда, но удивительным образом в конкурсе на самого голосистого соловья мы с соловейкой избираем несомненно одного и того же – спросите хотя бы Алябьева!

Да я не рассказывал ли уже не раз, как в лесу на дороге передразнивал неизвестную птицу, и она за мною летела целое поприще, изобретая всё пуще рулады, и уже хотела выйти за меня замуж, пока меня не разглядела – и я услышал, как она с презрением плюнула и проворковала: *Ну, мужики! Ну и сволочи!*

Но вернемся к натуральным числам.

Мы знаем, что многие понятия мы можем объяснить при помощи других понятий (словно бы укладывая их на уже известные нам, как на основания). Но при этом мы так же знаем (по крайней мере, кто учился в школе), что ряд важнейших понятий представляет собою то самое **основание**, на которое мы должны укладывать слова и понятия математического языка (как и всякого другого), и тогда очевидно, что понятия нижнего ряда мы ни на какие другие понятия не опираем, это те камни, на которых выстраивается и язык, и математика, и вся культура. Эти понятия нижнего ряда вводятся в сознание и в язык без определений (хотя мы и сопровождаем их окольными пояснениями). Так же и теоремы опираются на ряд положений, с которыми мы хотя и не спорим, но которые не доказываем, и называем их **аксиомами**. Исходные не определяемые понятия назовем **аксиоматическими понятиями**.

Что *число есть результат счета*, нам стало так привычно, во всех учебниках арифметики с этого все начинается, и мы стали это выражение воспринимать как *определение* – ну а что такое **счет**? Это соотнесение элементам множества некоторого *символа*, который (по содержанию самого процесса) соотносит элементу два качества: количественную характеристику, отвечая на вопрос, сколько элементов в уже сосчитанном *подмножестве множества*, и характеристику **порядка**, соединяя с элементом **номер**.

Число *натурального ряда* представляет собою и *порядковый номер элемента n* в процессе счета и *количество элементов N* в том подмножестве этого ряда, которое включает в себя все его элементы от 1 до n .

СЧЕТ – это **измерение счетного множества** как измерение длины, площади, веса, давления, объема...), и в *измерение* часто входит даже вычисление – так мы измеряем (вычисляем) расстояние от Земли до Солнца и до звезд. Следовательно, проще и естественнее аксиоматически определить число, и начать с натурального числа, которое, впрочем, действительно впервые появляется при **счете**, то есть при **измерении множества**, и является **мерой множества**. Но не естественнее ли Гордиев узел разрубить изначально, введя **Аксиому натурального ряда**. (так же аксиоматически мы вводим и **точку и прямую и плоскость**).

Итак, Натуральный ряд (1, 2, 3, 4, 5...) содержит в себе **понятие о произвольном числе n** и **понятие о порядке и последовании**, так что он содержит в себе кроме всякого n еще и следующее за ним число $n + 1$, и предшествующее $n - 1$, почему и называется "**рядом**".

Подмножества **натурального ряда** – ряды четных чисел, нечетных, ряд Фибоначчи, ряд квадратов, кубов, ряд простых чисел, *ряд ведьминских чисел* (предлагаемый ВИ – **тройка, семерка, туз (11), 13, ...** и так далее) – это все частные случаи, следствия **натурального ряда**.

Однако, ничто до конца не логично в этом мире, даже математика не избегает противоречий. Так же противоречиво и **число**.

Понятия Множества и Элемента аксиоматичны, они воспринимаются сознанием совместно, говоря о *Партии* (то есть о *множестве*), мы подразумеваем ... (тьфу, *элемент*...) и не отделяем одно от другого.

Но если понятие множества *аксиоматично*, то не *бес* сверху (хотя *математика* и *внушена бесами*, как утверждал *Ориген*) нам диктовал эту аксиому, а мы, математики, предлагаем аксиомы на собственный страх и риск, а уж дело остальных соглашаться с нами или не соглашаться.

Аксиома о **натуральном числе** (или о Натуральном ряде чисел) является первой в Арифметике чисел, понятие **ЧИСЛА как меры произвольного множества** появляется необходимым образом после нее – точно так же мы принимаем аксиому о **счетном множестве** как о подмножестве множества Натуральных чисел ... **Счетное множество** – это аксиоматическое понятие, которое *включает в себя* свое характерное свойство *счетности* (которое, впрочем, само является аксиоматическим понятием...) Однако, когда при счете мы **ВСЕ** элементы из множества удалили (сосчитали), и оно стало *пустым* (но продолжало существовать как множество) – но разве понятие *множества элементов* подразумевает разделение его на два самостоятельных понятия: "множества" и "элемент"?

Процесс счета НЕ останавливается на последнем элементе, он продолжается, пока мы в своем сознании не установим отсутствие элементов – **нуль**, то есть когда удостоверимся, что существует несуществующее.

Но и физиология подтверждает, что не только внешний раздражитель *производит ощущения* (а *материя как будто есть все то, что производит ощущения?*) – но и *прекращение сигнала от внешнего раздражителя тоже производит ощущения*. Вся повседневная жизнь состоит из раздражений и их прекращений, которые сознанием фиксируются так же неизменно, как и при их продолжении – например, звук и его прекращение: пел соловей, мы услышали его пение, затем за разговором *перестали его замечать*... И вдруг соловей умолк – мы это *услышали!* А если умолкла канонада? Это действует иногда оглушительнее, чем сама канонада! Таковы же и зрительные сигналы и их прекращение.

Иногда моя жена приезжает из города ночью, встречая ее, я поднимаюсь в гору, вижу свет фар, еще минута, я уже на пригорке – но там никого нет! Я внезапно останавливаюсь, даже теряю равновесие, словно впереди исчезла дорога (а представь, читатель, что перед тобою ночью она и впрямь **исчезла**, пустое множество, «молчание ягнят», *черный квадрат Малевича!*)

Мы существуем и живем не только в мире существований, но и в мире НЕсуществований!

... Но мы еще не разобрались с нулем. Начнем с того, что **множество** неотделимое от **много**, **мало** и **ничего**, посему оно включает в себя представление о *конечном* и *бесконечном*. *единичном* и *пустом*, Если **число** – это **мера множества**, а натуральное число – мера **счетного множества**, то **нуль** (nihil), как мера счетного пустого множества, должен необходимо принадлежать Ряду натуральных чисел.

А я окончательно убедился в том, что пока текст трижды не отредактирован, он представляет собою бессвязный лепет, только нащупывающий форму осознанной мысли.

Один из читателей усомнился, что Пуанкаре смеялся над Пеано. Да, он смеялся над новой *авангардистской математикой* конца девятнадцатого и начала двадцатого столетий, влияние которой в 60-е годы двадцатого столетия в России пагубно отразилось на преподавании математики в школе, когда в основание ее была поставлена *теория множеств*. Множество страниц его книги «О науке» посвящены и Бертранию Расселу (и я упоминал о нем в своей статье об английских математиках, которые тоже превосходны, вопреки навязываемой нам ненависти к "англичанке").

По поводу Кутюра и Пеано Пуанкаре говорит: *Как, уже десять лет, как вы имеете крылья, а вы еще не полетели?* И далее замечает: вы предлагаете выбросить *понятие числа* из философии и не упоминать ни один, два, три, четыре, ни слово количество ... и так далее – но я уже насчитал в небольшом тексте 89 упоминаний количественных числительных! Например: *много, мало, единственное, что, противостояние, есть, нет, несколько, всего лишь, ... и во всех существительных и глаголах, в которых окончания единственного или множественного числа!* Не то же ли это, что некий монах призывал не употреблять слово *женщина*, но при этом говорил «он» и «она» и «они»?

Другие замечания касались бессвязности моих собственных рассуждений, надеюсь, я поелику возможно текст свои изменил к лучшему.

Вернемся к важнейшим символам поэзии. Действительно ли подобны **ночь, темнота, тишина и безмолвие** математическому **пустому множеству**, так ли они пусты? Или они подобны нулю в множестве натуральных чисел? Нет, конечно, это более сложные явления Природы и жизни, нежели «пустое множество» математики, ему подобны такие же символические абстракции искусства, как «Черный квадрат» Малевича и «4-33» Кейджа. Ибо хотя *ночь, темнота, тишина и безмолвие и предельные состояния Бытия* на множестве его состояний, но они не только дополняют нашу жизнь, как окружность дополняет и замыкает Круг, но расширяют ее за пределы обыденного бытия. Так в **точках разрыва** математическая кривая проявляет свои самые существенные свойства, как, например, гипербола в начале координат. Однако и тьма и безмолвие существуют, и неудивительно, что они *существенны*, но в искусстве подчас и *несуществование* значительнее *существования*. Вспомним то *мгновение*, о котором Фауст воскликнул: ***Остановись, мгновение, ты прекрасно!*** – разве оно не более вечность, чем длинная беспечельна жизнь – хотя мгновение – это точка, или даже пустое множество?

И на прощание (ибо я уже почти позабыл все то, что намеревался сказать о связи Пустого множества и культуры), добавлю еще только несколько слов. **Пустое множество** – это **предел Бытия**, но это и **Граница между Бытием и Небытием**. Впрочем, пустое множество отделяет нас и от **отрицательных чисел** и от **Инобытия**.

Не ограничиваясь математическими рассуждениями в применении к «Черному квадрату» Малевича, привожу еще и стихи.

Черный квадрат

Плохо всё, что просто плохо:
Холод, слякоть, ночь, эпоха.
Плохо то, в чем нет вины:
Время – бег его поспешный,
Равнодушный Бог безгрешный,
«Только б не было войны»...
Незаметный морок тленья,
Недостаток слуха, зренья,
Грязь, болезнь, тревога, страх,
Слабость духа, воли, дела,
Власть химеры, силы, тела,
Дьявол в лжи и в мелочах...
То надежда вдруг обманет,
То случайность взглядом ранит,
То нет денег, нет вина,
Жизнь, увы, проходит мимо,
Боль не зло – но счастье мнимо,
Духом пал, душа ранима...
Холод, слякоть, ночь без сна...
Закононый веет холод.
Бьет в виски не пульс, а молот,
Бьют часы, все ближе мат.
Плохо то, что Бог не с нами...
Ночь и тьма в незримой раме,
Роль без слов в ничейной драме,
Скоро ль утро? Пуст ль квадрат?

* *.*

В доме жизнь почти остыла,
Темнота, ничто, мир пуст,
За окном холодный ветер,
Не со мною божья сила,
Бьется с бурей мокрый куст,
Печь, огонь... Мы двое в свете:
поцелуем жарких уст...
Но не я – дитя Завета!
Силы творческие света
Не хотят, увы, помочь...
Жизнь меня всегда любила,
Только Муза вдруг забыла...
Даже печь совсем остыла...
Пуст квадрат! Лишь тьма и ночь...

Я предлагаю ввести в число Муз Полину (от России)
(в верхней строчке важное зашифрованное предложение)
его прочитают только те, кто надеется доказать теорему Ферма

Полина, ее друзья и Новая музыка

Разговор о языках искусства

«Хозяйка и служанка» Питера де Хоха (ок. 1657)
(см. НРЖ №15), переписка Киреева и Иванова

17 марта 2020, вторник. **Вступление.**

Кроме языка математики, который в значительной степени стал и моим профессиональным языком, так как я работал в том числе и преподавателем математики, меня притягивали языки природы, поэзии, философии и музыки. Хотя я не считаю себя профессиональным философом, но само философствование – это в значительной степени мой способ мышления и литературного творчества – однако язык музыки притягивает меня более всего, прежде всего потому, что моей подлинной любовью является не математика и даже не поэзия – а музыка! Я ее люблю так, как любят чужую жену, чужую любовницу, то есть страстно, отчаянно, тайно и мучительно.

В 15-м номере Нового русского журнала я напечатал переписку Олега Киреева и Михаила Иванова: переписку собирателя живописи – и художника, которая называется так: «**Что здесь нарисовано?** Диалог в письмах о смысле и содержании искусства». Это то же самое, о чем спрашиваю себя и я: «Что мне говорит художник (музыкант)? ... Вы меня о чем-то спрашиваете? Или пытаетесь мне что-то объяснить?»

Олег Киреев и Михаил Иванов взяли в качестве примера полотно голландского живописца, изображающего бытовую домашнюю сценку из жизни бюргерской семьи, и попытались прочитать ее как рассказ художника о его религиозных воззрениях...

Но при этом зритель видит, что именно изображено на картине, и поэтому нам не верит, он думает, что либо мы его дурачим, либо одурачены сами.

Поэтому я приведу еще общеизвестный пример, по поводу которого споры не утихают много лет – это картина Казимира Малевича «Черный квадрат». Вопрос, что изображено на картине, кажется даже бессмысленным, так как всем видно и ясно, что там изображено – но о чем мы говорим и спорим? Картина ли это? Или и язык живописи – такой же неизвестный нам язык, как и язык музыки? И эти два языка более нам неизвестны и более загадочны, чем латынь и английский, тексты которых хотя бы с грехом пополам мы можем переводить с помощью словаря...

А как перевести музыкальное сочинение, поможет ли нам словарь?

И нам поневоле придется вернуться к глоссолалии, то есть к способности иноговорения, о которой тоже не утихают споры, и одна энциклопедия сообщает, что «это говорение бессмысленных звукосочетаний в состоянии транса или наркотического опьянения», а богословы вкупе с апостолом Павлом говорят, что «это благодать Святого духа»... (Хотя сам апостол вместе с «искусствооведами в штатском», советскими и христианскими, говорит, что «улицы Афин уставлены идолами»...)

Но прежде чем продолжать наш разговор, читатель должен непременно прочитать статью-переписку Киреева-Иванова «**Что здесь нарисовано?**», познакомиться с творчеством Казимира Малевича, прослушать «Переписку» Владимира Мартынова и музыкальные сочинения Павла Карманова, познакомиться с музыкой Родиона Щедрина и творчеством минималистов – о них о всех и пойдет далее речь ... да еще о математических множествах...

И вот – о *понимании*. Оно необходимо, например, «Материализм и эмпириокритицизм» Ильича по достоинству оценил я не сразу, и как же, оказывается, грубы, самодовольны, тупы и невежественны его сочинения! В них нет ни искры благодатного огня – а он мечтал *из искры разжечь пламя* – как мы надеялись – *благодатное*. Но он разжег пламя, сжегшее Россию и опалившее все человечество. К сожалеению, многое кажется в его сочинениях *правдоподобным*, и интуиции неискушенного читателя недостаточно, чтобы увидеть и понять их тлетворность (хотя очень часто, вопреки моим призывам к образованности и опыту, художественные произведения даже лучше и полнее критиков понимают обычные читатели, и я сам прочитал "Анну Каренину" в 11 лет, затем перечитал в тюрьме в 30 – впечатление было то же: росистого майского утра, свежего полдня, печальных сумерек юности...)

Итак, язык слов я отделил от *сознания*, от него же, следовательно, надо отделить и мысль (выраженную, как будто, только в словах) – но что же такое *сознание*? Разве это не способность к *мышлению*? Несомненно. Но как же тогда мы слушаем музыку? И как мы о ней говорим? Если кто-то будет настаивать, что восприятие музыки сверхсознательно (а ее чувствуют и понимают и даже исполняют и дети – но они способны испытывать состояния сверхсознания, как и всякий человек, не обязательно образованный) – то я возражать не буду. Дети и невинные люди способны и разговаривать часто более точным языком, чем критики, философы и даже профессионалы, следовательно, они способны испытывать состояния *сверхсознания* и *иноговорения* (глоссолалий), в которых способность *понимания* появляется сверх чтения книг (как своего рода *ясновидение*) – но, возможно, развитие и культивирование души происходит не только за партой (хотя моя скорбь от невежества народа и интеллигенции не угасает...)

Философские сочинения ребенок понимать еще не может, но музыку дети слышат, и не только ее чувствуют, но и понимают – это значит, что музыка имеет свой особенный язык, хотя часто она говорит о том же, о чем литература и философия – более того, музыка в состоянии чувствовать и понимать ту трагедию мира, перед которой останавливается даже гениальный поэт – следовательно, ее язык глубже и точнее. Но, следовательно, ее язык не совпадает с языком прозы, даже с языком поэзии, но это так же язык символический, как и понятийный, только его **символы** – это не слова, а музыкальные образы, его слова – аккорды, буквы – звуки музыки, *суждения* – соединения символов, подчиненные логике музыкального языка, как слова речи подчиняются логике *языка понятийного*. Но так как в *основании логики* – *математика*, то она соединяет в стройную систему разные формы и типы языков, которые родственны между собою как братья и сестры: брат-*речь*, сестра-*музыка*, брат-сестра – *язык жестов и движений*, сестра-*живопись* и рисунок, брат-*зодчество* и племянник-скульптура...

Речь – это язык, знаками которого являются слова, но перечисленные выше языки вполне равноправны *языку-речи*, хотя есть еще особенные языки, в природном мире, имеющие в своей среде даже более важное значение, например, **язык запахов** для цветов и животных, язык леса, деревьев и растений, язык прикосновений (осязаний), язык вкуса...

*Есть и еще языки творчества:
язык коллекционирования,
язык издания книг*

ГОРЯЧАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ (И ЕГО ЯЗЫК) – ЕГО КНИЖКА

"Если Бог является уникальным источником творения и разума, а человек – его отражением, то совершенно очевидно, что дела человека будут тем лучше, чем точнее они будут отражать дела Творца".
Сергей Прокофьев.

Часть 4. РУССКИЕ ГЕНИИ

*И. Р. Шафаревич
А. И. Солженицын*

Воспоминания и рассуждения на скользком льду

Два странных не совсем совместимых символа преследуют меня почти целую жизнь, по крайней мере почти с десяти лет. В десятилетнем возрасте я прочитал десятитомное собрание сочинений **Сталина** (а вскоре и 13-томное собрание Маяковского, в котором стихи были набраны лесенкой, и текст можно было бы уплотнить, как и сталинские *рубленные топором отеческие размышления*), окончил деревенскую четырехлетку, поступил в пятый класс и заболел чахоткой. В декабре, как лучшего ученика школы, меня отправили в Сибирскую Швейцарию (невдали Забайкальских гор), и там я встретил 5 марта 53 года. В школу мы не ходили, слонялись по Швейцарии, один из нашей компании брякнул «*Слава богу, что Сталин умер!*» – и тут же занялся спор, *доносить* об этом в «органы» или нет, я, склонный к крайностям, настаивал на доносите, но при голосовании большинство поддержало *домашнее перевоспитание*, тем более что кто-то из более мудрых заметил, что *посадыт же и всю семью, да впридачу и нас всех*. В 56 году, после статьи в газете «Правда» о разоблачении Культа личности, я Сталина разлюбил.

Евреев я увидел, учась в университете в Ленинграде, точнее, это была еврейка, стипендии не хватало, мы с товарищем то кололи дрова для столовой, то разносили газеты из почтового отделения по домам, то по ночам *«наблюдали спутники»*, то есть записывали в журнал время прохождения спутника над нашей головой (а я учился на астрономическом отделении), за что получали по 50 копеек, И тут знакомый аспирант предложил позаниматься математикой с его племянницей еврейской школьницей, которую больше привлекала музыка, чем математика, у нее были сладкие губки и синие глаза, я ее учил математике, а она учила меня целоваться, затаив дыхание.

Дядя нас вычислил во дворе, когда она провожала меня после урока (на уроке мы вели себя честно и не целовались), и изгнал меня из учителей, да еще обозвал *антисемитом* (так я узнал, что *семиты* и *антисемиты* – это не одно и то же). Кстати, через 10 лет он однажды пересек Средний проспект, увидев меня на другой стороне, пожал руку и попросил прощения за прежний грубый проступок, но с его племянницей я больше не встречался, поскольку уже был женат).

В 1971 году в тюремном сумасшедшем доме, на тюремной прогулке, я познакомился с **Файнбергом** (героем диссидентского движения), он первый ко мне подошел, пожал руку и заявил: «*Васька, не извиняйся, я знаю, что ты антисемит, но для русского человека это нормально*». Он был сионистом (он мне сам так себя аттестовал), хотя сел за демонстрацию на Красной площади против ввода войск в Прагу, я был *русским националистом*, сел за две статьи, найденные у меня в рукописи после обыска: «**Я – русский!**» и «**Русь и духовное освобождение**» – и мы оказались единомышленниками.

Против *народников*, которыми были **Белинский** (сесть не успел, умер); **Достоевский** (сесть успел, но выжил); историк **Костомаров**, украинский народник (сидел); **Н. Я. Данилевский** (сидел три месяца) – по делу Петрашевского; **Пушкин** (нарвался на злые замечания Вяземского за стихотворение «Клеветникам России»), **Лермонтов** («один, как прежде – и убит!»), и другие духовные *вожди* 19-го столетия – боролось еще царское правительство.

После Октябрьской революции с *народничеством* продолжило бороться и советское правительство, с остервенением Татаро-монгольского ига.

Михаил Осипович Меньшиков – русский гидрограф, сотрудник газеты «Новое Время», участник «Всероссийского национального союза», один из первых русских литераторов, расстрелянных большевиками, получил пулю уже в 1918г;

Николай Гумилёв, гениальный русский поэт, монархист (в ту эпоху монархизм зачастую был равносителен *народничеству*) был расстрелян 25 августа 1921 года.

Иван Солоневич – российский журналист, писатель, общественный деятель, автор биографической литературы и книг, посвященных истории России, монархист.

Родился в 1891 году в селе Рудники Пружанского уезда (сейчас находится на территории Республики Беларусь). Оба его деда были священниками, мать – домохозяйкой, а отец преподавал в местной школе.

Когда началась Гражданская война, примкнул к Белой армии. В 1920 году Солоневича приговорили к смертной казни, но благодаря товарищам, которые его освободили и уничтожили компрометирующие документы, он остался жив. В середине 1930-х годов журналист вместе с братом и сыном пытался тайно покинуть СССР, но все трое были арестованы и осуждены на восемь лет. Через год они сбежали из Соловецкого лагеря в Финляндию, затем в Болгарию, где Солоневич начал издавать газету «Голос России. В 1936 году он опубликовал книгу «**Россия в концлагере**», через два года после ее выхода на автора было совершено покушение, в котором погибла его супруга. В конце 1940-х годов он уехал в Аргентину, где основал газету «Наша страна», опубликовал несколько книг, среди которых его главный труд – «**Народная Монархия**».

Умер Солоневич 27 апреля 1953 и был похоронен на британском кладбище в городе Монтевидео. 20 июля 1989 года военная прокуратура Ленинградского округа реабилитировала его посмертно.

Иванов-Разумник (Разумник Васильевич), народник.

По тюрьмам и ссылкам *Далее От автора:*

«У каждой книги – своя судьба, даже тогда, когда она еще не книга, а только сырая рукопись. Судьба рукописи этой книги была весьма необычной: целый год лежала она закопанная в могиле, и если уцелела, то лишь благодаря стечению маловероятных случайностей.»

«1937 год показал нам такой размах террора, какого мы не испытывали и в годы военного коммунизма. Аресты шли не десятками и сотнями, а десятками и сотнями тысяч. Не было дома, не было семьи, не было знакомых, которые не оплакивали бы своих близких, невинных жертв дикого и безумного террора. Ведь надо было большевистской контрреволюции сравняться с французской революцией 1793 года! Да какое там сравняться! Не сравняться, а превзойти: детские цифры жертв робеспьеровского террора не идут ни в какое сравнение с числом жертв террора ежовско-сталинского. Запуганность людей дошла до предела, страх и трепет царили во всех домах.»

«К началу войны, к середине 1941 года, я не успел закончить эту работу – и очень сожалею об этом, потому что тогда, по свежей памяти, я мог бы записать многое такое, что за последующие годы скитаний начисто выветрилось из памяти (например, десятки фамилий сокамерников). Всегда ожидая нового ареста – так мы жили! – я держал рукопись книги запрятанную среди десятка тысяч томов моей библиотеки – и случайно спас ее после немецкого разгрома её осенью 1941 года. И здесь, видно, не судьба была ей погибнуть. О разгроме этом я рассказываю в другой книге («Холодные наблюдения и горестные заметы») и здесь не буду повторяться.

Прошли года. Вместо советских концентрационных лагерей, война занесла нас с женой за проволочные заграждения в Германии – на полтора года. ...И только теперь я дописываю свои воспоминания о тюрьмах и ссылках.

Я знаю, что все рассказываемое мною – мелко и ничтожно по сравнению с тем, что переживали десятки и сотни тысяч сидевших в советских тюрьмах, концлагерях, изоляторах в течение долгих лет. Великое дело, подумаешь, в общей сложности года три тюрьмы и столько же лет ссылки неподалеку от культурных центров России! Но мне кажется, что и тот тюремный быт, который я описываю, и те следственные методы, объектом которых был не я один, заслуживают описания и закрепления на бумаге. ...

Апрель, 1944. Германия.

Вместо эпиграфа к дальнейшим показаниям о вреде советской власти:
"Еще римское право знало, что cogitationis roepat nemo patitur."

– То есть, что это значит?

– Это значит: **мысль – ненаказуема**. Это установили римские юристы еще две тысячи лет тому назад.

– Вот были идиоты! – искренне удивился следователь Шепталов.»

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК. ТЮРЬМЫ и ССЫЛКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА. Нью-Йорк.

1953

От В.И.: Иванов-Разумник умер в 1946г. В 1994 его книгу я опубликовал в журнале **Мѣра** в С-Петербурге по скверной машинописной копии рукописи, присланной из библиотеки Конгресса США, со своей правкой, с текстом издательства имени Чехова я ее не сверял.

Павел Васильев, гениальный русский поэт (**из народа**). 23 декабря 1909г., Зайсан, Семипалатинская губерния, Российская империя. Расстрелян в 1937г.

Говорят, все когда-то сочиняли стихи. ...Но отчего же настоящих поэтов так мало у любого народа?

И отчего **их ненавидело большинство**, а власть порой безвинно убивала? Вот - вопрос вопросов?..

"Ныне, о, муза, воспой Джугаивили, сукина сына. // Упорство осла и хитрость лисы совместил он умело. // Нарезавши тысячи тысяч петель, насильем к власти пробрался. // Ну, что ж ты наделал, куда ты залез, Расскажи мне, семинарист неразумный!.."

Любая власть ненавидит гениев. Может быть, и народ, хотя бы втайне, их ненавидит, гении для него вечный укор? И радуется их смерти?

«Лежачего не бьют - закон драки, он знал его. Только убили его как раз лежачего. Вынесли из камеры с седой головой - это в 27 лет-то! - с переломанным позвоночником и вытекшим глазом, вынесли - и расстреляли. Пытали так, что подписи его под протоколами (их видел поэт Шенталинский) превратились "просто в линию". А пепел сбросили потом в безымянную яму на Донском кладбище.» [Неужели «вы» и теперь любите "советскую власть"!?]

Пантелеймон Романов. Он единственный, кто в эпоху Террора умер сам.

«В настоящем искусстве не найдешь изображения того, что и как было в действительности. Там, наоборот, такие события и лица, каких совсем не было. Но каким-то образом о них сказано то, что читатель неведомым образом знает, что это правда, как правда есть в притче. Оно из тайных, никому неизвестных (кроме художника) движений души, свойственных людям данной эпохи, создает свои события, своих людей, и они, разнясь от реальных людей эпохи фабулой своих действий, оказываются таинственно родственны им каким-то внутренним смыслом своим, скрытым от посторонних глаз.

Именно художник имеет силу потому, что он не смотрит на то, что доступно всем. Он открывает тайну, которую, сами не подозревая, носят в себе его современники, тайну несовершенных поступков, невысказанных мыслей, переживаний, которые должны были бы совершиться и высказаться в какой-то перспективе, от какого-то толчка, которого не хватает в действительной жизни для их выявления. А художник прозревает их и без толчка, и без реального их выявления... (1884 – 1938).

Пирамида» Леонова: «Сомнительна тактика нашего отечественного атеизма, который, пытаясь упразднить *Всевышнего* посредством умерщвления священников и осквернения алтарей, ни разу теми же средствами не посмел хотя бы замахнуться на его *противника*... Не оттого ли, что всевластные главари утвердившегося режима втайне видели в нем соратника и ветерана с революционным стажем, стократно превышающим совместный диверсионный опыт всех активистов насильственного счастья?»

Сергий Булгаков написал мудрые и полные сыновней любви строки: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он чрез лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан чрез родину и с матерью-землей и со всем Божиим творением... Чем я становлюсь старше, тем более расширяется и углубляется мой жизненный опыт, тем яснее становится для меня значение родины. Там я не только родился, но и зародился в зерне, в самом своем существе, так что вся дальнейшая моя, такая ломаная и сложная жизнь есть только ряд побегов на этом корне. Всё, всё моё – оттуда».

(Цитирую по статье Алексея Кондратенко «Искатель истины».)

И наконец, так поздно, я попытаюсь объяснить эту странную топографию статьи о великом человеке, гениальном математике и гениальном философе, которому я многим обязан в понимании мира, И. Р. Шафаревиче...

Итак... Так как сегодня век интернета, то я в этом интернете брожу как в лесу за грибами, сначала иду по уже известным местам и собираю белые грибы, потом углубляюсь в чащу и там спотыкаюсь о мухоморы и бледные поганки, редко мелькнет моховик. Иначе говоря, иду вдоль заборов, испещренных «письменами» не просто ругательными, а тупыми и омерзительными. И я понимаю, что ни одно частное явление, ни одного отдельного человека невозможно ни понять ни описать как нечто отдельное, ибо ни одна случайная группа в народе (например, толпа на Невском) не обладает цельностью и автономностью, и так же не автономен ни один человек, если о ком-то и можно сказать, что вот он похож на сосну, или ель, или березу, то все эти деревья не что иное, как малая часть сосновой или березовой рощи или смешанного леса, *и характеристику надо дать тому лесу, в котором находится и произрастает данное дерево.*

Белинский; Достоевский; Костомаров, Н. Я. Данилевский; Пушкин, Лермонтов – это народники 19-го столетия; **Михаил Осипович Меншиков, Николай Гумилёв, Иван Солоневич, Иванов-Разумник, Василий Шульгин** – народники первой половины 20-го столетия.

Русские народники второй половины XX-го столетия – это **Владимир Солоухин, Валентин Иванов** (его рукопись, в которой сравниваются Иван Грозный и Сталин, хранится у меня и я все еще надеюсь вскоре ее издать), **Георгий Свиридов, Шостакович, Твардовский, Тендряков, Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин... Солженицын.**

Игоря Ростиславовича Шафаревича можно и нужно относить именно к когорте *русских народников* вне зависимости от индивидуальных отличий, тем более отличий в их отношении к евреям и еврейству – а их **отношение к еврейству неизмеримо сложнее, чем** отношение к евреям, иначе не было бы такого феномена, как важные публикации в 19-м и 20-м столетии не антисемитов, а образованных и влиятельных еврейских общественных деятелей, *направленные то против кагала, то против иудаизма*; книга В.В.Шульгина *"Что нам в них не нравится..."*, написанная в 1929 году, вызвала также немало откликов еврейских читателей, авторы которых приняли диалог с Шульгиным, слывшим националистом и антисемитом.

В антисемитизме упрекали **Достоевского, Шульгина, Солоухина, Солженицына** (на Западе его в этом обвиняла часть русской эмиграции второй волны), **Виктора Астафьева**, а ныне шквал таких обвинений обрушился на **Шафаревича** – но справедливо ли? Одновременно с этим русские идиоты начали всячески поносить этих же самых якобы антисемитов за их якобы еврейское происхождение – и так как многие достойные люди полагают, что *назови хоть горшком, но в печь не бросай*, так и истина не должна быть односторонней, и *правда наполовину – еще не правда*, и хотя меня совершенно не волнует, что *маршал Жуков еврей*, но волнует лишь то, в чем обвинил его Рокоссовский – его беспримерная жестокость, бóльшая, чем даже у Сталина, то, что он бездарный полководец и что истребил русских солдат больше, чем даже немецкие генералы (например, *при "неудачном" наступлении на Ржев*), а Виктор Астафьев приписывает ему знаменитую фразу *«Не жалейте солдат, бабы еще нарожают!»*

Но пусть им займются историки и расскажут нам, все ли здесь правда, а мы продолжим разговор о народниках. Кто же такие Солженицын и Шафаревич? Антисемиты или евреи? (*Почему-то в наш век это важнее всего!*)

В семидесятые годы противники Солженицына и защитники советской власти доказывали нам, что Солженицын еврей, пока о нем не выпустила книгу воспоминаний **Наталья Алексеевна Решетовская** – его первая жена, с которой он прожил 35 лет, автор шести мемуарных книг, та, которая всю свою жизнь была и самая страстная его защитница, и самый непримиримый оппонент. **И воистину святая жена!**

В 1975 году вышла в свет первая книга Натальи Решетовской **“В споре с временем”**, и ко мне она попала и я ее читал – о том, как она познакомилась со студентом Сашей Солженицыным и каким был их брак, как он воевал, как был арестован и сидел на Шарашке и в Гулаге.

Несмотря на то, что некоторые читатели утверждали (не имея для этого оснований), что Наталья Решетовская для издания *«книги о своем муже»* пошла на сделку с КГБ, в чем ее упрекал и Солженицын, но книга эта оказалась как раз честной, в ней не виднелись *рога дьявола*, и если он там и был, то вел себя даже он благородно. Все наветы на Александра Исаевича в ней были опровергнуты, хотя и чувствовалось по ее тексту, что будущий знаменитый писатель думал в основном о себе, а не о жене и друзьях, но не думал ли и Пушкин перед дуэлью больше о себе и своей *мнимой чести*, чем о благополучии семьи? Не такова ли это особенность гения, что он перед *священной жертвой Аполлону* пренебрегает близкими? Думал ли и Христос о своих близких, когда готовился к эшафоту? Когда не вышел на встречу не только с братьями и сестрами, но и с собственной матерью, и сказал: «Кто мои братья и сестры и кто мать моя? Это ученики мои!»

Но все же, если чекисты и толкали под локоть обиженную жену Александра Исаевича, в ее книге о нем читатель не найдет ничего недостойного, такого, что и сегодня и вот уже пятьдесят лет пищут на заборах прохвосты и негодяи, выдавая за правду, известности их защищал, а Горький евреев любил (а *Павла Васильева предал!*), – но многие евреи и мне нравятся – но из этого еще не следует, что еврейский народ мне дороже русского (хотя некоторых русских я почти ненавижу)!

Вот в чем главная особенность русских народников и их «антисемитизма» (в отличие от немецкого или французского). Русские народники не все любят евреев, некоторые их не любят (например, не любил их Леонид Андреев, но под давлением Горького вопреки своей склонности их защищал, а Горький евреев любил (а *Павла Васильева предал!*), – но многие евреи и мне нравятся – но из этого еще не следует, что еврейский народ мне дороже русского (хотя некоторых русских я почти ненавижу)!

Отношение к человеку – французу, немцу, калмыку, татарину или еврею – и отношение к народу, к его образу жизни, верованиям и культуре – не одно и то же, нельзя, нехорошо испытывать ненависть к человеку только потому, что он говорит на другом языке, молится другим богам и имеет другие музыкальные или театральные пристрастия – но по поводу евреев возникают коллизии не совсем обычные. Вот, например, татары живут в своей Казанской

губернии и ходят в татарские школы и молятся Аллаху, а те, которые живут в Петербурге, часто неотличимы от общей массы жителей, и разделяют одни и те же добродетели и одни и те же пороки. Но евреи и культурнее и образованнее русских и умнее, по большей части, нас, даже при меньшей численности они доминируют в культуре, в литературе, театре, музыке, в просвещении и науке, в средствах массовой информации, в финансовой сфере, а в торговле – они попросту господствуют. Их влияние на жизнь часто несопоставимо с влиянием на нее русских, славян и других племен, особенно в эпохи кризиса, когда льется кровь. Нельзя сказать, что это евреи столкнули в России русско-варяжский народ с славянско-крестьянским и разгромили прежнюю преимущественно христианскую, но общую для русских (варягов, шведов, немцев, французов, византийцев, поляков) и для крестьян (славян, финно-угорских и тюркских племен) культуру.

Ненависть копилась тысячу лет и в особенности в последние два века, ненависть крестьян к помещикам, инородцев к христианам и евреев ко всем остальным – и полыхнула Революция. Почему она победила? Кто виноват? Правящий народ не успел и не очень хотел пойти на уступки **всем** своим противникам (что было необходимо), крестьяне не имели влиятельной духовной силы, которая бы направила их дикую энергию в созидательное русло, инородцы оказались подобны во многом российским крестьянам, Церковь была косной, евреи *слишком заносчивыми и нетерпеливыми* (?).

Но что касается евреев, то это не все и не главное, по крайней мере для меня. А для меня они представляют собою воистину «трехтысячелетнюю загадку», как об этом пишет Шафаревич, и главную силу в трех основополагающих направлениях исторической жизни: христианстве, социализме, буржуазном образе жизни, в котором главным является конкуренция и успех.

Большую часть жизни я прожил при власти социализма, натерпелся от него, съел мою жизнь именно социализм, ненавидел я прежде всего социализм, называя его проклятым, и основная поддержка этому монстру, этому молоху государственности была не от евреев, а от крестьян (из которых происхожу и я сам, но не столь наивный, не столь ленивый и не столь простой, как они, то есть *не нищий духом*), поэтому книга Шафаревича «*Социализм как явление мировой истории*» произвела на меня впечатление откровения (хотя я и думал то же самое, но услышать обетованное от другого человека было для меня кислородом в задыхающиеся легкие). Ну а что русских – то есть бывших крестьян – или это уже не крестьяне) все ругают и унижают, на что Шафаревич жаловался в своей Русофобии – да я и сам их ругаю. Их, «русских», верноподданность и прилепленность к диктаторской власти, их любовь к Сталину (*нет, это не крестьяне!... да и не русские!*), их неуверяемое упоение своей победой в трагической войне с Германией меня от них отчуждает.

Вот почему я взялся писать эту статью о Шафаревиче – я пишу прежде всего о себе, я принадлежу к тому же кругу людей, что и он, и отличаюсь от него только тем, что он оказался талантливее меня как математик и из-за этого ему легче было получить известность своими историко-философскими книгами. Впрочем, его «**Социализм...**» воистину гениальная книга, ради ее успеха можно было бы поругать самого дьявола, а не только Маркса.

Но все же, хотя я пишу для себя и о себе и в этой статье решаю именно собственные задачи, надо завершить начатое: еврей ли Шафаревич и антисемит ли (и также Солженицын) [народ жаждет знать, и русские и евреи!]

А, кстати, кто у нас из выдающихся людей принадлежит к их племени?

Как ни странно, первым претендентом на эту роль оказывается Пушкин.

Да и вообще все странное о русских гениях я узнаю ... нет, не от евреев, а от русских. Это воистину загадочный народ, загадочнее евреев. Мои товарищи остались теми же, что и пятьдесят лет назад. Вино они не пьют, предпочитая горькую настойку, на закуску мы вместе ищем кильку пряного посола, пиво они уже не добавляют в водку, но запивают водку пивом, и последний их тост: *За Сталина!* – хотя вместе со Сталиным они не воевали, а у одного из них его деда раскулачил именно Сталин, после уже *головокружения от успехов*, а у второго он подписал одного деда к расстрелу, а второго отправил на переплавку в Гулаг, откуда тот все же вернулся.

Общее у этих товарищей то, что книг они не читают, в театр и филармонию не ходят, истории не знают, но оба пропагандируют народные мифы об **этрусах** как наших предках еще из Рима и о том, что это мы построили **египетские пирамиды** (как и **хохлы вырыли Черное море**).

Конечно, они за советскую власть, но один умеренно православный, хотя ни Библию ни Новый Завет не читал, а другой язычник, не пьет ни с евреями ни с варягами и даже мне наливает с опаской. Правда, на стенах Интернета ни тот ни другой ничего не пишут (так как с интернетом не слишком в ладу), но врагом одного из них является Солженицын, а другого – Шафаревич (*исключительно из-за фамилии*). Книг их они не читали, так как кроме Букаря не читали совсем ничего, даже Родную речь.

Солженицын писал о *Шафаревиче*, что «*ему прирождена самая жильная, плотная, нутряная связь с русской землей и русской историей. Среди нынешних советских интеллигентов я почти не встречал равных ему по своей готовности лучше умереть на родине и за нее, чем спастись на Западе...*».

Из **интервью** И.Р.Шафаревича журналу «**7 искусств**»: «Отец мой окончил физико-математический факультет Московского университета по специальности астрономия, но не попал в аспирантуру. А через несколько лет стал преподавать в различных институтах теоретическую механику. Мать мою звали Юлия Яковлевна. Фамилия отца была Шафаревич, звали его Ростислав Степанович. Сам корень «шафар» есть в словаре южнославянских языков. По семейным слухам, мой дед пришёл из Сербии. ...он был православным (был дьячком в церкви) ...»

[**ВИ**: интернет дает справку, что **иноязычных фамилий** в русском языке – море, таковы **Карамзины** – от татарского мурзы по имени Кара Мурза; Тургенев от прозвища Тургень (Турген), в переводе с тюркско-монгольского «быстрый», «скорый», «вспыльчивый»; Аксаков – от прозвища Аксак («хромой»); **Салтыков** от **Салтык** («прихрамывающий»); **Киреевские** – род происходит от Мисюра Киреева – *литовского татарина*, купленного (больше было негде?!) князем Василием I в начале XV века.]

Д. Что вы думаете об Андрее Дмитриевиче Сахарове?

Ш. он мне кажется русским юродивым, который болеет душой и *ругается грешному миру*, как писали о юродивых.

Я понял, что главная причина абсурда непонимания и невозможности дискуссии состоит в том, что нет приемлемого многими определения понятия «антисемит». Нет хоть отчасти осмысленного определения. Скорее всего, основная точка зрения сводится к тому, что антисемит – это всякий человек, который не любит евреев или равнодушен к ним или видит в них что-нибудь, что его раздражает. Мне не нравятся русские, и так как я сам русский, то как будто общество готово меня не размазывать по стене только за это. Ну а если **я распалился до негодования** в адрес русского общества, как Гоголь в «Мертвых душах», в «Ревизоре», как Толстой в своей последней книге, как Грибоедов в «Горе от ума»? Разрешить ли литературе кого-нибудь **ругать**, или запретить? Ну, конечно, большинство всегда склонно установить самую жестокую цензуру и лишить авторов самой ничтожной свободы слова, как это было в СССР, как это было при господстве христианской цензуры в феодальной Европе. Я евреев как будто не ругаю (но пристрастный взгляд может найти криминал и у меня), но я ругаю русских – и очевидно, что меня за это могут не только сгноить в тюрьме или психушке, но и расстрелять (что, конечно, меньшее зло). К счастью, есть у каждого народа люди, способные не приходить в исступление из-за того, что некто «икс» не любит вполне достойного любви «игрек» и понимает, что преступлением являются поступки, а не мысли, преступлением являются законы, по которым ущемляются жизненные права отдельных групп граждан и отдельных личностей. Социализм привел к власти в стране бездарных руководителей, они дорукводили до того, что люди начали умирать с голоду, но так как социализм был объявлен абсолютной истиной, Божеством, и критика социализма, политическая деятельность против социализма были запрещены, попытки привести к власти других людей кроме коммунистов были запрещены и таких «подонков» ловили и уничтожали, то именно эта охранительная деятельность, защита коммунистами своего господства (как и господства **феодалов и рабовладельцев**) необходимо должна быть подвергнута поруганию. Кстати сказать, разве нас обрадует запрет «ругать» русских (хотя, конечно, общество должно корректировать приемлемые формы таких ругательств).

Среди десятков комментариев Интервью мне показалась приемлемой позиция Виктора Кагана *«Всё хорошо в своё время и на своём месте. Или, может быть, обязательно в любой статье о Цицероне, Сенеке, Таците, Бруно, Вольтере, Вашингтоне, Гюго, Листе... разоблачать их антисемитизм? А если нет, то и статьи о них в "Семь искусств" не принимать?»*

(Из статьи «Пророк в своем отечестве» неизвестного автора)

«Не "Малый Народ" первопричина революций, неоднократно подчёркивал И. Р. Шафаревич, но если в государстве появляется "Малый Народ", то в кризисные периоды его представители как наиболее бескомпромиссные обличители всех и всяческих язв легко оказываются на лидирующих позициях. Именно их революции выносят наверх, и именно они придают им характер тотального разрушения. Поэтому **появление "Малого Народа" всегда означает вызов самому существованию нации, созданной ею культуре и государственности.**

Важно понимать, что, как показал И. Р. Шафаревич, **одна из причин формирования "Малого Народа"** [отнодь не евреев!] – **деградация правящего слоя**. Она всегда приводит к распространению в его среде комплекса избранности, а следовательно, **к постепенному появлению в нём "Малого Народа"**. И. Р. Шафаревич даже выдвигает гипотезу о том, что **на закате каждой цивилизации вся элита и вовсе вырождается в "Малый Народ"**.

"Это складывается в правящем слое, который сформировался когда-то в порядке некоего социального разделения труда. Он нёс какие-то социальные обязанности – защиты, управления поместьями. Постепенно он стал привыкать к тому, что его привилегированное положение совершенно не связано с какими-то обязанностями и можно от обязанностей отказаться. <...> Но человек таков, что он не может столь несправедливую точку зрения цинично провозгласить и усвоить, он должен как-то её оправдать. Оправданием является выработка представления об остальной части народа как о людях другого сорта, с которыми общего ничего нету".

В связи с этим, полагаю, важно знать и диагноз, поставленный И.Р. Шафаревичем западной элите: "Идеология правящего слоя Запада, „золотых воротничков“, прямо противоположна идеологии большинства народа..." "Правящий слой сейчас является „Малым Народом“, а не содержит „Малый Народ“ в виде своей части".

Применительно же к России И.Р. Шафаревич считал главным – сможем ли мы не наступить на одни и те же грабли в третий раз, так как очевидно, что есть реальная опасность новой реинкарнации "Малого Народа": "Может ли такой процесс смены одного „Малого Народа“ другим повторяться несколько раз, это для нас вопрос не абстрактный, так как мы сейчас сталкиваемся с опасностью уже третьего подобного переворота".

Теория "Малого Народа", наиболее полно изложенная в книге "Русофобия" (1982), вызвала волну возмущения "передовой общественности", шквал публикаций на Западе, а после 1991 года (когда "Русофобия" была опубликована в России) – и в России. Библиография откликов колоссальна. Но, что интересно, в них практически никогда не обсуждается сама теория. И это понятно: по установленным в "цивилизованном" мире правилам каждый автор, если не хочет оказаться на обочине жизни, должен не сомневаться – никакого внутреннего врага нет, потому что его не может быть никогда. Табу есть табу. Но и оставить без ответа теорию И.Р. Шафаревича "Малый Народ" никак не мог. Поэтому главная, если не единственная тема всех этих откликов – обвинения И.Р. Шафаревича в антисемитизме, якобы под "Малым Народом" он имел в виду евреев. Такие обвинения у Игоря Ростиславовича, всегда чуждого самоцензуре, вызывали искреннее недоумение.

"Некоторые читатели приняли термин в излишне чётко этническом смысле, то есть сочли это эвфемизмом, иначе говоря, решили, что я не рискую назвать имя „евреи“, а намекаю на их роль вот таким окольным путём. ...Но, с другой стороны, в работе взаимоотношение этих двух понятий явно обсуждалось, и когда речь шла именно о еврейском влиянии, я так чётко и писал, не прикрываясь никакими иными терминами".

В "Русофобии" этот вопрос действительно раскрыт всесторонне, и всякий добросовестный читатель может в том убедиться.

"Психология „Малого Народа", когда кристально ясная концепция снимает с человека бремя выбора, личной ответственности перед „Большим Народом" и даёт сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни с какой социальной или национальной группой. Однако „Малый Народ" „воплощается": используя определённую группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя „Большому Народу". Это может быть религиозная группа (в Англии – **пуритане**), социальная (во Франции – **III сословие**), национальная (определённое течение еврейского национализма – у нас). Но как во Франции в революции играли видную роль священники и дворяне, так и у нас можно встретить многих русских или украинцев среди ведущих публицистов „Малого Народа". В подобной открытости и состоит сила этой психологии: иначе всё движение замыкалось бы в узком кругу и не могло бы оказать такого влияния на весь народ".

Тем же, кто упорно продолжает, подыгрывая "Малому Народу", ставить знак равенства между понятиями "Малый Народ" и "евреи", напомним, что нацизм, организовавший холокост, – это форма проявления "Малого Народа" в Германии XX века.

Сравнение Большого и Малого народов

1. Я размышляю о разделении всеобщего народа, населения страны, состоящего из разнообразных людей и групп, толп и сословий – на части, каждая из которых обладает важным единством, по крайней мере подобным единству целостного народа (хотя, увы, я давно уже убежден, что никакой целостностью и никаким единством народ не обладает).

Но Игорь Ростиславович обладает детской наивностью, талантливый человек, проживший жизнь в иллюзорном мире, в котором нет настоящих злодеев, он идеализирует народ, как и бывший товарищ его Солженицын, они оба думают, что все неправильное, нелепое, безобразное и злое находится на поверхности, а настоящее и подлинное скрыто «в глубине, таится в ней» (выражение Солженицына) и определяет сущностное и существенное, а то что на поверхности, это словно примеси, частности, вот почему народ (зло которого он все таки видел) распадается для него на две части: истинный **Большой народ**, определяющий все существенное и в истории, и неистинный **Малый народ**, являющийся причиной всех неудач.

Я его провожал до его дома от математического института вдоль трамвайных путей, это было в 2001 или в 2002 году, тогда я напечатал свою первую книгу «Боль и любовь» и дал ему на суд, от ответственности за *суд* он отказался, но мою книгу прочитал и сказал так: не буду говорить о художественных достоинствах книги, это вы лучше спросите у Солженицына, ведь у вас с ним товарищеские отношения... Но одно могу сказать, у меня впечатление, что *все написанное – правда*. А ваша матушка у меня перед глазами стоит как живая.

В своих возражениях Игорю Ростиславовичу я утверждал, что народ в действительности хуже, чем он думает, что честных, добрых и умных людей меньше, чем лживых, жестоких и недалеких, так и среди интеллигенции и среди простых людей.

Но я и не разделял народ на интеллигентов и на простых людей, свободные люди были и среди образованного сословия и среди менее образованного, тем более не объединял еврейство с интеллигенцией в одну народную общность «Малый народ». Скорее всего, мы все делимся на несколько групп, а не на две, и при этом границы между группами постоянно меняются. Сталинисты, например, составляют отдельный народ с консервативным замшелым мировоззрением и ненавистью к свободомыслящим «умникам», и мне ненавистны, я вижу в них главных врагов моего русского народа, а люди свободы, особенно **люди духовной свободы**, среди которых, как кажется, и евреев достаточно много, это **мой русский народ**.

Есть ли среди него евреи?

Как ни странно, первым претендентом на эту роль оказывается Пушкин.

История никого не оставляет неизменным, и между всеми народами существует диффузия, даже тогда, когда межэтнические, межсословные и межкастовые браки запрещены. В Южно-Африканской республике существовала система апартеида и семейные отношения белых и негров были исключительным явлением, тем не менее и у них появлялись полукровки, так обстоит дело в США. Ну а браки между русскими и евреями настолько распространены, что даже странно, что существует антисемитизм. И я думал, что его нет. Но, оказывается, есть. И именно то, что Пушкин *оказался евреем*, помогло мне разгадать эту загадку. Известно, что в 1736 году прадед Пушкина Абрам **Ганнибал** женился на его прабабке **шведке Христине Регине фон Шеберг**, их сын Осип (Иосиф) Абрамович Ганнибал, **дед Пушкина** (1744-1806), женился на Марии Алексеевне **Пушкиной**, дочери Алексея Федоровича **Пушкина**, воеводы из Тамбовской губ., и **Сарры** Юрьевны (урожд. Ржевской). - бабушке (1745-1818), дочь их, **Надежда Осиповна** (1775) – мама Пушкина, вышла замуж за Сергея Львовича Пушкина. Подозревать в еврействе можно и Христину и *Сарру*, к тому же читаю у одного автора, **раввина**, что так как прадед Пушкина Ганнибал был абиссинцем, то есть эфиопом, быть может, из княжеского рода, то он точно еврей, потому что две с половиною тысячи лет назад царица Савская имела роман с Соломоном и через Царицу Савскую *Пушкин таки еврей* (если не через прабабку Христину или бабушку Сарру, которых подозревают уже русские «поклонники» великого поэта).

В математике есть понятие о *подозрительности* (хотя и не юридическое): если выполняется определенное условие (например, *производная равна в некоторой точке нулю*), то точка эта называется *подозрительной на экстремум* (а есть ли экстремум, для этого надо проводить дополнительное исследование) – и я заметил, что «*лица из малых народов*» излишне щепетильны, им все время кажется, что другие относятся пренебрежительно к их национальности, и поэтому возникают обиды, и в то время как представители больших народов безразлично или легко относятся к нападкам на себя и своим, «малые могут устроить бурю в стакане воды» (правда, евреи бываюи и те и эти, следовательно, само еврейство двояко, это и великий народ и малый.).

Каковы же русские? Смотрите: еврейство выдумало понятие **антисемитизма** и стало его навязывать всему миру, чаще всего несправедливо, при этом подвергаясь *реальным гонениям*, при этом иногда их провоцируя, да еще отгораживаясь в гетто – *все это взаимосвязано*, ибо если существует диффузия, то рано или поздно происходит **растворение** – а как его избежать?

Но при этом русские вроде бы еще не погибли, при Орде и Иге было еще хуже – *и вдруг весь мир заговорил о русофобии* – что бы это значило? И при этом на человека, который раньше и с большей горячностью заговорил о русофобии, подобной антисемитизму, то есть двойственной, подлинной и одновременно мнимой, ополчился чуть ли не весь мир. (О реальных страхах евреев я выскажусь позже).

Обсуждение интервью с Шафаревичем в журнале «7 И» произвело впечатление военной кампании, оно было подготовлено и разыграно как пьеса в театре – зачем? **Реклама? Кому? зачем?**

Странная мысль: а вдруг все-таки фамилия не случайна, и они (думали что) делали знаменитым – *своего*? Насколько я знаю, Игорь Ростиславович искренен в своей любви к России и в своей *русскости*, тем более что можно не иметь или только половину русской крови и быть стопроцентно русским, как Зинаида Лансере/Серебрякова и Владимир Даль, или быть полукровкой и безусловно великим русским поэтом, как Фет и Александр Блок.

Или объяснение тривиально. Вот, например, русские любят Ленина и Сталина, и до сих пор любят социализм, материализм, Дарвина и то, что человек произошел из обезьяны – *разве возможно объяснить, почему?* Разве обязательно происходить от обезьяны, чтобы любить Сталина? По евреям прокатился геноцид (как не так давно и по армянам!) – *а по русским не прокатился?* Разве немцы не собирались и нас уничтожить, да и других славян, но нас в особенности? И в то же время могу ли я бросить камень в «немецкий народ» и в ту «гуннку», которая бросила свою родину ради России и с которой я целовался – *а это не завет хотя бы о дружбе?* И не Сергей ли Сергеевич Шульц-младший приходил ко мне в издательство пить чай, потому что ему больше нечего было есть, и спасся от голода и вошел в литературу через книгу «Храмы Петербурга», которую я издал (так что все таки я кое что доброе сумел сделать, взявшись за издание книг?)

Народность имеет две причины, как и человек – *и дух и плоть*, то есть язык и культуру, это во-первых, и плоть, то есть, анатомию и физиологию, во-вторых. Возможно, что нашу плоть Бог и впрямь вылепил из праха земного: ибо что в нас есть, чего бы не было в прахе, и что есть в прахе, чего бы не было в нас? – но дух наш не вылепляется из праха, как и мысль собирается из слов-понятий, а не из атомов и молекул – и вот почему можно не иметь ни одной капли русской крови и быть русским, или происходить от русских предков в 20-ти поколениях, но иметь «*блядскую кровь*» (как обычно объясняют воры свое пристрастие к воровству; а воры – это совсем особый народ в любом народе, и они между собою из разных народов и на разных даже континентах имеют более общего, чем братья в одной семье.).

Но если уж доводить до конца выяснение отношений академика Шафаревича с международным еврейством, ибо, как я понял, «7 И» издается в Израиле, то надо для полноты пригласить и его русских оппонентов – но эти, как я уже сказал, еще загадочнее еврейских, они его даже не ругают, а только оскорбляют. Так как я верен дружбе даже более, чем народности, то эти «русские критики» (если только они не *карлят* за *доширак* или за чечевичную похлебку) мне не только не «ближние», но даже не дальние. Но очевидно, что антисемита в Шафаревиче они не увидели даже сквозь телескоп антисемитского опуса Русофобии, а вот еврея прозревают в нем даже без телескопа. Так что надо ли было бить в колокола *международного осуждения* еще одного «юродивого» математика после «юродивого» физика, если русский человек, который научился за время социалистической революции врага «нутром» чувствовать, и в том и в другом почувствовал еврея?

У меня есть предположение, которое многое объясняет. Шафаревич утверждал, что в каждом народе или уже существует «малый народ», или в него перерождается элита (особенно в периоды кризисов). Что же можно сказать о самих евреях, хотя еще в значительной степени и рассеянных по странам и континентам, но в Израиле обретающих свою новую (старую) родину? Разве у них всё не так, как у других? Нет, именно «малый народ» и взъерился на книгу Шафаревича, и среди русских и среди евреев.

Повторю цитату из «Русофобии»: *"Психология „Малого Народа", когда кристально ясная концепция снимает с человека бремя выбора, личной ответственности перед „Большим Народом" и даёт сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни с какой социальной или национальной группой. Однако „Малый Народ" „воплощается": используя определённую группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя „Большому Народу". Это может быть религиозная группа (в Англии – *пуритане*), социальная (*III сословие* – во Франции),...*». Единственная ошибка Шафаревича – окончание фразы про *еврейский национализм*. Две тысячи лет назад, когда "сын Божий" явился с проповедью к евреям, против него объединились книжники и фарисеи – но они не были *националистами*, они не только не возглавили ни одну из "Иудейских войн", но даже в них не участвовали, и в 17-м году, во время злополучной Русской революции, БУНД вошел в Ленинскую партию социал-демократов и растворился в ней, и тон во всей последующей трагедии России и русского народа задавали только космополиты-интернационалисты (как и сегодня), то есть «книжники и фарисеи» первого столетия нашей эры. И имя у этого народа было РСДРП(б), а в наше время (то есть моего поколения) – КПСС.

Ну а сегодня «Малый народ», в который переродилась правящая элита, так и называется – *правящая элита*. Евреи входят в нее, но не они определяют политику, которая без них более *антирусская*, чем в «либеральные» 60 - 80 годы. Я рискую навлечь на себя гнев того "русского" народа, который без права приклеил к себе *титул русского*, так как я уверен в том, что сегодня России было бы лучше, если бы ее политику определяли евреи. В Израиле они оказались успешны, я чувствую, что и в России были бы успешны тоже.

Ибо в 17-м году не еврейский народ вошёл в правительство Ленина, а **Группа Международных террористов**, созданная Германией, США и Англией. То есть тем **малым народом**, который состоял из *малых народов* США, Англии, Франции, Германии и международного еврейства, но который не представлял собою подлинные Большие народы эти стран, которые (в отличие от Шафаревича и Солженицына) я не хочу идеализировать, ибо уничтожал Россию и русский народ и евреев в Европе именно немецкий Большой народ под управлением своего "малого народа", а отнюдь не Общеввропейского, надо иметь в виду, что эпоха, когда бы "малые народы" империалистических государств объединились в один большой "малый народ", еще не наступила, их еще раздирают противоречия.

Надо еще иметь в виду, что я еще не настолько влюблен в еврейство, чтобы не замечать его пороки, связанные с трехтысячелетним отъединением от Малой Азии и Европы, ну а когда произошло соединение с помощью христианства, то лучше не стало, погиб и Израиль и Рим и античная культура, которую погубило именно христианство. Кто его создал? Его начали создавать евреи в борьбе, вероятно, и с Римом и с собственным *малым народом*, но произошло то же, что и с социализмом, который создавали и китайцы и народы Двуречья, и Платон, но именно евреи в 19-м веке модифицировали и довели до железобетонного диалектического совершенства ("заслуга" диалектики, Впрочем, принадлежит эллинам).

Но хотя Игорь Ростиславович мне друг, но истина все же дороже и его, поэтому я осторожно бегу его тропами, в них есть свои соблазны, все же и фамилию и царицу Савскую я не сбрасываю со счетов, чем черт не шутит, когда Бог спит? Русско-варяжский народ завоевал славян, но 19 столетие обещало все же расцвет России под его управлением, и Белая гвардия мне милее красной, хотя я лишь по культуре русский, по матери славяно-крестьянский, по отцу ермаковский казак, и может быть они мне привили что то особенное, что я не становлюсь на колени перед всяким авторитетом, тем более перед авторитетом власти, элиты, «космополиты», Большого народа или малого, церкви и партии.

«Защита Лужина»... то есть нет, Защита Шафаревича и Солженицына

Всем народам во всем мире во все века жилось несладко, и если по отношению к правам и привилегиям народ делить на две части, Большой народ и малый, не наделяя нравственностью один и безнравственностью другой, то не сладко жилось большинству Большого народа. В 18-м и 19-м столетиях в России кроме потомственной «русско-варяжской» аристократии и дворянства образовался привилегированный слой из образованных европейцев, со временем все эти люди (включая еще и потомков татарских князей) и образовали ко времени Революции тот Русский народ, который Революция частично истребила, частично изгнала, частично придавила к земле и они кое-как мимикрировали в Большом народе и затихли. Именно из них были писатели и ученые, художники и музыканты, белогвардейцы и изгнанники.

В России осталось крестьянство, которое не умело управлять страной, и поэтому дела шли из рук вон плохо, да еще три четверти старых инженеров

большевики расстреляли, выписали из Германии и США 15.000 специалистов, те и построили Днепрогэс и Кузбасс, расплатившись крестьянскими жизнями (а Россия в 1914 году занимала уже первое место в мире по промышленному развитию, и воевала с немцами почти на равных)...

Началась Русская трагедия и резкое сокращение русского населения.

Кто виноват?

Правящий слой обновился, пользуясь терминологией Шафаревича, образовалась новая элита, которая и превратилась в «Малый народ», цитирую: «так было в эпоху английской революции, когда малый народ составила *религиозная группа (в Англии – пуритане)*, во время Великой французской революции – малый народ составила *социальная группа* (во Франции – **III сословие**), во время Русской революции "малый народ" составила *национальная группа (определённое течение еврейского национализма)*» – вот здесь Шафаревич не прав, его надо поправить.

Характерное свойство империи – многонациональный состав, разные народы входили и в большой и в малый народ, и в Российской империи и в СССР в правящую элиту (то есть в "малый народ") входили и русские (как "варяги" так и славяне), и турки, и европейцы, и евреи, и финны. Но евреи в России составляли в целом совсем не малый народ, и так как во всем мире на протяжении столетий евреи жили обособленно, то у них сформировался свой собственный малый народ, который был правящим народом для евреев, и даже миссия Христа столкнулась с противодействием не только римлян, но и книжников и фарисеев, царя Ирода и синедриона.

В малый народ Февральской революции тоже входили евреи, как и староверы (своего рода *русские евреи*), но в коммунистической революции евреев было больше – потому что это была революция учения, исправленного *марксизмом*, да к тому же в большой степени наша трагическая революция готовилась правительствами Англии, Германии и США, и из этих стран и хлынули в Россию революционеры. Ошибка Шафаревича сыграла роковую роль, превратив его в глазах тупого европейского истеблишмента в антисемита, как иные пассажи из книги Солженицына «Архипелаг Гулаг» превратили Александра Исаевича в глазах эмигрантов Третьей волны (например, историка Янова) в такого же почти антисемита (в то время как русские идиоты до хрипоты доказывали и доказывают, что *они оба – евреи!*). В 1968 году после демонстрации на Красной площади *космополит Андропов* посадил сиониста *Файнберга*, в 1970 к нему в психушку он прислал и меня, русского националиста, обвиняя в подготовке взрыва памятника Ленину (и мы там *спелись*, что и доказывает, что **ни сионист не является русофобом, ни русский националист – антисемитом**), а в мордовских лагерях уже сидел секретарь Шульгина монархист Н.Н.Браун (и отсидел 10 лет!), с которым позже спелся и я – хотя в монархистских симпатиях меня, крестьянина, обвинить трудно.

Что все это доказывает? *Ничего*. Для тех, кто ничего не хочет слышать кроме собственного предвзятого мнения. *Реальные гонения на евреев, цыган, мавров – прискорбный факт нашей исторической жизни*, но чаще обвинения в *антисемитизме и в русофобии в отношении известных деятелей и большинства обывателей являются Простейшим обобщенным Мифом об Истории*.

Наконец, в последний раз: Что такое **либерализм**? - Это предположение (упаси Бог!!!), что каждый может иметь собственную точку зрения на правду, истину, историю и порядок вещей, например, по-русски (к чему склонился и Шафаревич в конце жизни – **Один Бог, один царь, один народ!!** – но не помогло, припомнили ему дружбу с Солженицыным и диссидентские выпады!), что является полной противоположностью либерализму и называется **тиранией, тоталитаризмом**, или, по-русски, **самодержавием или единомыслием**.

Что такое Крамола и Козни (тайные, злые, коварные умыслы и заговоры)? И что с ними надо делать? **Крамолу надо искоренять**, этим прежде всего занялся **Иван Грозный и его опричники**.

Затем, у Пушкина, Борис Годунов наказывал своему сыну: «...**измену карай без пощады, без милости карай!**»

Далее справка из Салтыкова-Щедрина: «**Необходимо, дабы между обывателями царствовало единомыслие. Чтобы они, так сказать, по всему лицу земли едиными устами. Но кто же злодеи**, отступающие от единомыслия? **Злодеем может быть вор, но это злодей, так сказать, третьестепенный; злодеем называется убийца, но и это злодей лишь второй степени, наконец, злодеем может быть вольнодумец – это уже злодей настоящий, и притом закоренелый и нераскаянный.**»

И, наконец, случайно мелькнуло в интернете у некоего врага **вольнодумия**: «Необходимо крайне отработать правила пользования таким средством массового поражения как СЛОВО!!!» Ну а мысль? Еще не записанная в рукописи, а только помысленная, когда еще «я *мыслю, следовательно, существую!*»? Не надо ли начинать поиск козней с мысли, которые еще только гнездятся в голове и еще не оформились в слово, не взлетели?

«В мои лета **не должно сметь своё суждение иметь!**» - так говорит Молчалин в комедии «Горе от ума» (1824) Александра Сергеевича Грибоедова (1795–1829).

Либерализм - это учение о том, что необходимо (или хотя бы возможно) разрешить (хотя бы некоторым) иметь собственную точку зрения на то или иное. Я учился в одной из лучших школ России в поселке Решёты, где располагался **Краслаг** (Управление Красноярских лагерей), но еще в 8-м классе это мнение, которое рискнул я высказать первый, преследовалось как **отсебятина**, меня осуждали «*Ты чего отсебятину порешишь?*», когда на уроках истории или литературы я говорил что-нибудь, не подкрепленное *классиками*, пришлось изучить 55 томов Полного собрания сочинений Ленина и перейти к изучению «Капитала» Маркса... Но времена стремительно менялись, у **Хрущева** власть, у Твардовского (а потом и у Солженицына) влияние, в 9-м классе я начал издавать (в единственном экземпляре) школьную стенгазету, потом меня начали печатать в районных газетах в Тайшете и Нижнем Ингаше, а потом даже в Красноярском рабочем. У меня появились *первые читатели*, в Тайшете я попал в кружок будущего редактора Нашего современника, учась в университете, познакомился с одним из первых легальных представителей «просвещенного национализма» Валентином Ивановым (*Русь великая и Русь изначальная*) и даже с ним пил ~~водку~~ (зачеркнуто), а он подушкой, наивный, закрывал телефонный аппарат. (А разве не пил?)

Тогда же я прочитал «Россию и Европу» Данилевского и поклялся, что когда-нибудь издам эту книгу, и в 1994 году после столетнего перерыва она вышла в свет под редакцией профессора Анатолия Галактионова, вполне советского по взглядам, но мы оба влияли друг на друга.

Данилевский и его книга сыграли важную роль в знакомстве и дружбе с Игорем Ростиславовичем Шафаревичем, который ее уже читал в издании 19 века, но так как я в девяностые годы издал и «Радзивилловскую летопись», и Жития протопопа Аввакума, и сочинения Сигурда Оттовича Шмидта (с отцом которого И.Р. вместе работал, а его сын оказался со мной и моим сыном в дружеских отношениях), и «обнимался» с Солженицыным и издавал некоторые его книги, то сближение мое с Шафаревичем после нашей первой прогулки естественно. Уже при второй встрече Игорь Ростиславович пожаловался, что против него развязана международная кампания и его близкий друг Питер (в Германии) ему не отвечает на письма.

Я попробую вам помочь, сказал я. Так как мой друг Казимир ночует в доме вашего друга, когда бывает в Германии (и, кстати, передает вам привет, хотя он русский поляк, и на меня обижается за то, что я ругаю поляков)...

Но, Господи, ну что за времена настали!? Они хуже татаро-монгольского ига! Русских хвалить нельзя, это шовинизм, евреев ругать нельзя, это антисемитизм, нельзя ругать лесбиянок и голубых, гордого сына степей и ныне уже не дикого тунгуса... нельзя писать «Я русский ...» и цитировать дальше Суворова «... какой восторг!», нельзя вслух читать «Тараса Бульбу» Гоголя и «клеветникам России» Пушкина, нельзя читать Цицерона и Тацита, некоторые страницы Розанова и «Записные книжки» Достоевского, совсем недавно было запрещено исполнять Вагнера (пока евреи не обнаружили, что у его матери был правильный любовник), нельзя читать Дюринга вместо анти-Дюринга, после чтения которого на меня напала такая тоска, что я чуть не повесился... а как же моя дружба с евреями и школьная еще подруга моей жены, которая даже в Израиле вдруг приняла православие из-за тоски о России, даже не питая религиозных чувств?

И меня прозрение неспроста осенило. Жизнь сложна и не вмещается в прописи. Что-то выдуманно и совсем не то было, И не всё при аресте внесено в описи.

Защищал меня «некто» из тех ещё, И потом, при встрече, обнялись мы с ним разово, Это значит и он мной уже прощён, И его не зашел ум за вежи разума.

Казимир спал на втором этаже на кровати, на которой гостям спать не позволено, это кровать Шафаревича, и для моего друга сделано было исключение (а я, кстати, знаком был с братом Питера, может и мне бы разрешили переночевать в его доме?) – и через две недели я привез И. Р. от его друга письмо. «Пишу тайком, боюсь посторонних глаз, у нас такая слежка за всеми, боимся встречаться с русскими, переписываться с друзьями из России, о вас запрещено упоминать. Но я вас люблю и не забываю.»

Вот так же из советской тюремной психушки мой «лечащий врач» передавал, минуя цензуру, письма мои к жене и от нее мне, хотя **рисковал свободой**. А я переписывался с его сыном школьником, с воспитанием которого возникли сложности, и выступил в роли его учителя-наставника.

Попробую подняться над... Россия триста лет была под «татаро-монгольской» **Золотой ордой**, независимо от татар Казанских, Крымских и Северокавказских, так как эти – турки-исламисты, а те – монголы-буддисты, у них и расы разные. Но так как в нашествиях Чингис-хана и Батыя монгольской была только верхушка орды, как правило это были *сотники*, то в целом Орда состояла по большей части из покоренных народов Средней Азии и Южной Сибири. И *крымские татары* – тюркский этнос, но в Крыму жили в том числе крымчаки и караимы, исповедующие иудаизм, и нацисты уничтожили 80% «детей *Израиля*», как они себя называли (больше потеряли только *обры*).

После окончательного крушения Золотой Орды и ее ига в 1480 году главным злом являлись набеги крымских татар и необходимость от них откупаться, что закончилось лишь с присоединением Крыма к России в 1783 году. Этот год я называю годом окончательного **становления Российской империи**, все дальнейшее оказалось уже рытьем котлована, в который империя и рухнула в 1917 году, затем в 1989, и теперь неотвратимо сползает в **окончательный провал**, который может стать и концом Русской истории.

Кто в этом виноват? Несомненно, что именно «**малый народ**», в который неотвратимо превращается, по мнению Шафаревича, **государственная элита** – и еще раз: *это сплав из всех этнических групп* (в том числе и группы, выделившейся из Большого народа), *которому* волею исторической судьбы оказалось предназначенным **править Большим народом, эксплуатируя его**.

В большинстве случаев в «**малый народ**» вовсе не входят евреи или входят не существенно, и то, что правящая элита *претерпевала вырождение*, никак не было с ними связано. Так произошло в третьем - пятом веках в Риме, в 8-м веке в Византии, в 18-м веке во Франции. У евреев в Израиле в первом столетии нашей эры был собственный *малый народ*, судьба которого всецело зависела от них, а не от римлян, но эта эпоха ждет их собственного беспристрастного историка. Судьба Европы и влияние на нее христианства также слабо объяснена, как и судьба России в 20-м столетии.

Но пора уже в моей защитительной речи, посвященной двум крупнейшим русским деятелям двадцатого столетия, писать заключительные строки, в которых надо обосновать и мое право на независимость. То, что моя судьба переплетена с судьбою Данилевского, Солженицына, Шафаревича – не случайно, как и то, что именно теперь я заканчиваю третью книгу: «*Откровение и чудо*», **Философской трилогии**.

Ветхий Завет – уникальная книга, и Завет евреев с их Богом, в своем роде *религиозно-литературное самосоздание их удивительного народа*, в котором играло важную роль и их отчуждение от остального мира, их нетерпимость к критике, влияние на историю стран их рассеяния – также уникальны и, вероятно, необходимы для них. Но что необходимо для **русских**, чья история формировала по образцу англичан и французов, из славян и содружества европейских народов, в том числе из «татар» и евреев, но в наибольшей степени из *славян и «варягов»*, двух противостоящих народов, Большого и Малого (которые и создали великую Русскую культуру и чуть было не были уничтожены оба в 20-м столетии)? Необходимы **Покаяние, воссоединение, освобождение от тоталитарных учений и Духовное Преображение**.

И *русские евреи* могут и должны сыграть в этом возрождении важную роль.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У всех нас родители настолько же разнообразны, насколько разнятся между собою камушки и раковины на морском берегу. Если мы в наших родителях не ищем достоинств и не гордимся ими, то скорее всего, что мы сами малодостойные люди, не образованны, не культурны, мало сделали хорошего в окружающем мире, никому из страждущих не помогли, не построили дом, не вырастили дерево, не утешили плачущего.

И естественно, что любовь к родителям и родным, к друзьям и близким не слишком разнится с любовью к родине и народу, к языку и культуре, к природе и истории. Человек, который дорожит своей родиной и защищает ее, в том числе от наветов и оскорблений, скорее всего – человек достойный. Человек, который любит своих родных, сочувствует *единоплеменникам* (ближним) и согражданам, скорее всего – человек благородный.

Но есть одна черта, близкая к гордости, но неприятная, это *чрезмерная гордость*, то есть **кичливость**, немцы недавно так загордились своими, что стали завоевывать чужих, чтобы обратить их в рабство или уничтожить. С презрением рука об руку ходит и хамство, и ненависть, и оскорбительность поведения. Я знаю презрительные клички, которыми награждены *чужие*, но я не позволяю себе так говорить, а многие «патриоты» получают удовольствие от оскорблений в адрес чужих. Но обратной и тоже неприятной стороной этой фальшивой медали является чрезмерная озабоченность своим впечатлением, правительство нашей страны тратит много усилий, чтобы в заграничных средствах информации восхвалять русских, неприятно то, что мы пускаемся в самовосхваление, выискиваем в чужих словах, поведении **недостаточную почтительность к себе и своим**. Не надо требовать любви, а *пустых похвал ненужный хор* происходит от *комплекса собственной неполноценности*. Так в США разразилась эпидемия уничтожения памятников *прежним гсударственным деятелям*, подобная преследованиям в СССР бывших дворян и священников. Массовые обвинения в антисемитизме в России похожи на эпидемию гриппа. Обвинения в русофобии тоже царапают душу, тем более что чаще всего русофобы – это русские, неудовлетворенные своей жизнью и самим собой – а что делать с русским невежеством, хамством, ненавистью к памятникам культуры – кто их уничтожил? Кто выпилил отборные леса в России и подарил их миру за пустые денежные бумажки, кто гонит нефть и газ на Запад, только бы не развивать промышленность у себя дома, кто виноват, что еще недавно именно русскими барышнями были забиты бордели Европы? Кто опустил школьное образование, так что сегодня «умников» значительно меньше, чем вчера», кто песенный русский народ заставил замолчать – поют ли сегодня русские песни даже пьяные?

Вот для чего мне лично нужно **чудо** – я хочу найти способ **возвысить Россию**, а не восхвалять ее. Умные и образованные должны воссоздать русскую аристократию, тот **Малый народ**, который создал в России великий язык и великую культуру, и русским был каждый талантливый!

И Александр Исаевич и Игорь Ростиславович – русские, ибо культурные и талантливые, и добавить можно лишь то, что всякий, кто любит Россию и не любит «злодеев», о которых сказал Толстой – это русский!

А кто не любит Россию – несчастный, ибо у него уже ничего не осталось.

Ибо «*Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение*» (Сергий Булгаков), и естественно сопоставить страну и церковь, родину (включая природу, культуру, язык и историю) и религию, то есть веру в Бога. Что важнее для личности? Флоровский, к примеру, поглощен верой, для него и родина внутри веры, самостоятельного значения не имеет, но для большинства мирян, например, даже русских эмигрантов, церковь – **лишь расширение родины**, которую они увезли с собой на чужбину.

Человек содержит в себе свою родину (включая природу, культуру, язык и историю), но есть еще одна важная особенность личности – происхождение, *народность* (национальность), то неопределенное, *неопределимое* (не до конца определимое), что не совпадает даже с языком (Теодор Адамович Шумовский говорил о себе, что он русский поэт, но чувствовал все же себя поляком, хотя большую часть стихов написал по русски, а на каком языке он видел сны, я постеснялся его спросить – или, может быть, уже об этом не помню). Народность не совпадает для иных даже с культурой, и, тем более, не совпадает с гражданством (разве у меня, воспитанника Золотого и Серебряного века России, культура и гражданство СССР?!)

Мы, жители России, *дети ее народов*, принадлежим к одному общему народу, **русскому**, мы все *русские*, но при этом одновременно относимся к разным *верованиям*, и Владимир Даль был более *русским*, чем даже я (хотя подписывался как «Казак Луганский»), и лишь перед смертью крестился из лютеран в православие. Так и *русские евреи* не все евреи, многие «*русские*», это их главная народность, а еврейство – *происхождение*, как семья или род.

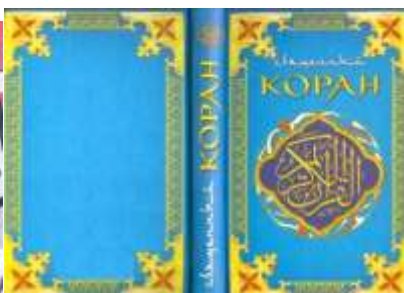
Почему я так сильно отвлекся от основной темы этой статьи? А потому, что я пишу о Шафаревиче и Солженицыне как о важнейших в 20-м столетии русских писателях, и хотя я уже показал, что они не только русские по духу, но и по происхождению, то есть по крови, но как **истинный народник**, я не отождествляю народность и кровь, *Дух*, то есть *почва (язык и культура)* **важнее**, и поэтому я восклицаю: *да какая разница, еврей ли у него дед, и еврейская ли фамилия? У всех русских*, кроме меня, фамилии тюркские (и у Карамзина и у Аксакова) – ну и что?! Точно так же не заботит нас а только восхищает, что предок Пушкина – Ганнибал. **Шафаревич - тот русский, который для нас пример!** Точно то же самое и **Солженицын**. Или вы, критики, **пуше русские** (кроме меня, может быть?!)? **НЕТ, нет и нет!!!!**

И на прощанье – о чудесах. Чудом может стать событие, поступок, известие, явление природы – *манна небесная*, которая падала с неба для пропитания евреев, которых водил по Синайской пустыне Моисей в поисках *Земли обетованной*... Не эта ли *манна небесная* – книги Солженицына и Шафаревича – а мы еще с ними спорим? (спорим ли мы с Пушкиным?!)

Чем же была моя встреча с Игорем Ростиславовичем, которому я помог отыскать его друга Питера из Германии? Мы **встретились по воле Творца**, как ученик встречается с учителем в школе, но я оказался и проводником к *потерянному сокровищу, то есть к его другу*. Вот так же и мои друзья мне **предназначены**, настолько идеально они отвечают моим душевным исканиям. И расставания еще «*обещают встречи впереди*», и наступит то чудо, о котором у Пушкина сказано «**И Бога глас ко мне возвал!**» – и другие. которым у Пушкина сказано «**И Бога глас ко мне возвал!**» – и другие.

"О, месяц весенний, о, май и хрусталь! Шутник ты, я вижу, насмешник и враль; Целуешь губами ревнивого солнца, А под ноги стелешь метельную шаль. Вот так и про жизнь, не солгавши нimalo, У края её я промолвить могу, Что в голову солнце меня целовало, А ноги мои увязали в снегу".

РУССКИЕ ТЕЧИИ (продолжение)

*И. Р. Шафаревич
П. А. Шумовский*

И. Р. Шафаревич – Великий русский.

Философия истории.

Почти все беды нелепиц в понимании истории и философии оттого, что мы плохо учились в школе и в университете, – кроме Лобачевского, И. Р. Шафаревича, Т. А. Шумовского. В. И. Чернышева... ну и кроме еще нескольких человек, включая Ньютона и Лейбница.

Вот темная чаша, в которой все заблудились (кроме нас): **Что именно на Земле было изначально или хотя бы преобладает, Хаос или Гармония?**

Попробуем разобраться. **1. Что мы из себя представляем?**

Я сижу за экраном Ноутбука, стучу по клавишам, эта половина ноутбука, которая передо мной, толщиной в сантиметр, запылилась. В интернете читаю: К **пыли** относят **частицы** диаметра более долей микрона и до максимального 0,05 мм, в основном это сотая доля миллиметра, не более, то есть не более, чем **тысячная** доля сантиметра – или даже **одна десятипятая** – это пыль на экране. Так как экран запылился, то я рукавом его протираю, не боясь, что протру дырку.

Цивилизационный слой на Земле по большей части десять метров, считая двухэтажные здания с подвалами, фундаментами и крышами, а 10 метров по отношению к Земной толщине в 10 тыс километров – это одна **миллионная** – если Господь вздумает посмотреть на землю, хотя бы одев очки, он с трудом заметит, что за последний миллион лет поверхность земли тоже слегка запылилась, и если возьмет носовой платок, поплывет на него и осторожно протрет Землю – где будет одна **миллионная**?

В романе Конан-Дойля безумцы решили проверить, чувствует ли Земля, что по ней бегают муравьишки. И прорыли десятикилометровую штольню. «Земля, вскрикнула!» По отношению к толщине Земли это мелкий укол иголки, я сильно сомневаюсь, что Земля будет вскрикивать...

2. Что сильнее: Устойчивость и неподвижность – или изменчивость?

Гольфстрим течет от экваториальных вод в Тихом океане к Гренландии, обгибает ее и далее течет к Новой Земле, монахи на Соловецких островах выращивают арбузы. Иногда Гольфстрим слегка замедляет свое течение, на несколько столетий начинается похолодание, ученые и неученые в ужасе.

Но ничего не происходит, потому что даже падение на Землю комет толщиной в Луну в худшем случае приводит к тому, что вымирают динозавры. Так вот, крупный специалист по генетике (преподающий около Лондона в колледже социологии), некто Паст---ов рассуждает об этногенезе русских, о **смешении** их с половцами, обрами (которые *погибоша*), чукчами и татарами, монголами (которых была сотая доля от татар, они были сотниками в нашествии Чингис-хана, Батя и Мамай, который, кстати, сам сначала был сотником) – и восклицает с гордостью – видимо, перечитав в своей Англии сатирическую поэму Даниэля Дефо, великого английского писателя, о «*беспородных дворянских*», к которым Дефо относил английскую аристократию (хотя приставка ДЕ была приставлена к его фамилии только его папашей-лавочником): «*Да во мне самом всё намешано!*»

Меня задело это словцо «*намешано*» по отношению к таинству взаимодействия народов и рас. У Пушкина был «Арап Петра Великого», сын его Осип (*Иосиф*, дедушка Александра Сергеевича, о котором спорят *русские равнины*, поборники расовой чистоты, хотя до сих пор млеют от величия великого русского полководца *Иосифа* Виссарионовича), и бабушка *Сарра* Ржевская, дочь поручика, всеми он гордился (включая царицу Савскую) - но был ли он из-за этого евреем!?

Есть одно явление, наглядно опровергающее поборников перемешивания, это волчок (или **юла**). Если Юлу закрутить и стукать по ней, крутящейся, хоть топором, то она вздрагивает, иногда отлетает в сторону (нынешние венгры с берегов Волги перелетели даже на берега Дуная, а казаки-Некрасовцы, мятежные староверы, перелетели даже в Турцию) – и продолжает вертеться как ни в чем не бывало. Представьте себе, все смерчи мира, все штормы и все цунами, землетрясения и извержения вулканов относительно размеров Земли не более чем то возмущение, которое испытывает стакан с чаем, когда мы бросаем в него щепотку сахара, а одна гора средних размеров вместит в себя *весь цивилизационный мусор Земли*, накопившийся на ней за миллион лет!

Вот так же, сходите в Русский Музей, там висит историческое полотно Сурикова (который и сам был *чалдоном*) «Покорение Ермаком Сибири», в центре его, чуть выше Ермака, сидит казак Чернышев (их двое, из всего войска, сохранившиеся в истории своими именами), потом пригласите меня хоть в Буфет на Пушкинской – а я пью уже совсем немного, денег у вас хватит – и после третьей рюмки взгляните в мою счастливую физиономию! – уверен что вы воскликнете: «*Давненько же мы не виделись, казак Чернышев!* Целых пятьсот лет! *А ты ни капельки не изменился!*» – А я и действительно не изменился ни капельки с той судьбоносной битвы...

Возможно, я уже ответил на второй вопрос, хаос или неподвижность господствует в нашей жизни.

Хаос существует до начала Творения, или при крушении поезда, обычная же историческая жизнь происходит «по расписанию», сначала битва, потом похороны, Москва горела несколько раз, сжег ее и Тохтамыш и Девлет-Гирей, и Наполеон – пора бы привыкнуть, так будет и дальше.

Жизнь оригинального человека, которому предназначено (поручено) внести в литературу, науку, историю нечто значительное, непременно загадочна и оригинальна, тем не менее *судьбы оригинальных людей* чем-то неуловимым похожи, их пронизывает Мелодия судьбы.

Камни янтара на морском берегу тоже похожи друг на друга, банальности же все **не** одинаковы, и мусор состоит из всевозможных каменных обломков, у которых нет общей узнаваемой мелодии.

А я пишу статью к юбилею великого человека, именно поэтому перебираю янтарные находки, характерные для моей жизни.

В ней много не обычного, странного, исключительного и **выбывающегося из правил** (что является особенностью чуда), таинственного, загадочного, как будто бы заранее подготовленного.

Так **рождение ребенка в браке** – не совсем загадочно, хотя сам ребенок – несомненное чудо – но все же дети, рожденные вне брака, намекают на некую случайность, а не закономерность, и уж тем более невероятен ребенок, родившийся у девственницы, не встречавшейся с мужчинами: а мы знаем о рождении одного такого ребенка, хотя бы по *христианскому Мифу*.

Я был знаком с Игорем Ростиславовичем в 2002 году, провожал его после работы 7 или 8 раз, изредка звонил по телефону, давал ему свои книги на рецензию да и просто для хвастовства, дарил журнал Мѣра, где были публикации Солженицына и интересные материалы о Гумилеве, рассказы и стихи Теодора Адамовича Шумовского, матерьялы о Радзивилловской летописи, о Данилевском и Страхове и "России и Европе".

Как ни странно, я тоже был математиком, но о математике мы не разговаривали, я даже не похвастался, **что** написал Учебник высшей математики, в который вместили почти весь курс ее для МатМеха, где нашлось место и рассуждениям Пуанкаре об обосновании математики с моими замечаниями, **что** доказал **теорему о полноте Континуума** вместо **неверной теории Дедекинда о сечениях**, которую уже 150 лет преподают в университетах, **что** открыл «Ряд ведьминых чисел: 3,7, 11, 13, 17, 19... - как целочисленных диагоналей целочисленных параллелепипедов, **что** доказал частный случай теоремы Ферма (доказанный увы, еще в 19-м веке, о чем я не знал, когда доказывал его сам...) - но я не загружал И.Р. ничем не существенным в нашей короткой, увы, жизни... В предыдущей статье я соединил И.Р. с А.И.С., хотя ко времени нашего знакомства их близость была уже в прошлом, и они вообще были существенно разными, А.И. был замкнут больше на себя самого, И.Р. – на Россию, которой он себя посвятил. Мой роман «Боль и любовь» (именно о России, о русском человеке, его судьбе, о любви к России) ему очень понравился, и он даже сказал, что когда читал страницы, посвященные моей матушке, то даже заплакал.

Шафаревич родился в феврале 1923 года в городе Житомире, вскоре его семья переехала в Москву, где он и прославился.

Я о нем теперь пишу вторую статью в связи с его столетием, и одновременно вспоминаю **Теодора Адамовича Шумовского**.

23 сентября, суббота, 4 часа ночи, я в деревне. Вчера вечером истопил баню, и вот пишу ночью, чтобы удостовериться, что **я существую**. По моему я и в самом деле существую, но что обо мне думают другие, я не знаю, скорее всего все спят и ничего обо мне не думают.

Надеюсь, еще долго мы не будем сомневаться в моем существовании, так как я в баню буду ходить осторожнее и пить буду еще меньше. Дело в том, что я хочу (и могу) сказать об Игоре Ростиславовиче нечто существенное, не только то, что можно найти среди интернетского мусора, хотя был с ним знаком не долго.

Уже при третьей встрече он пожаловался, что известность обрушила на него упреки не только в «нетолерантности», но даже в антисемитизме, что будто бы, обличая «*Малый народ*» в цинизме, равнодушии и даже в презрении и ненависти к родине, он обличал евреев, хотя он несколько раз в своей «Русофобии» настаивал, что «*Малый народ*» – не эвфемизм для *еврейства*, это совершенно разные понятия, хотя евреи иногда и входят в «малый народ» в большей или меньшей степени. (Чтобы не рассуждать об этом излишне, то есть о том, не обозначает ли термин «малый народ» евреев, я сошлюсь на то, что я по этому поводу сам думаю и о чем писал: *является ли русский народ русским, является ли он народом или только населением*, в какой степени понятие *народ* обозначает действительность или только напоминает о ней, намекает на нее, большая ли часть народа или хотя бы большая сознаёт себя народом? Так вот, ссылаясь на историю происхождения и становления английского народа, я пришел к выводу, что у русских две этнические основы, одна – многонациональная, источником ее является первоначальное завоевание варягами славянского населения Новгородской и Киевской Руси – как и у англичан в 7 – 12 веках, – потом своего рода *притяжение* княжеской властью иноземцев из сопредельных государств: священников из Византии, купцов из ганзейских союзов, зодчих из Италии, инженеров и медиков из Германии, в 18-м веке, по требованию Петра Первого, громадное количество образованных людей из всей Европы прибыло в Россию для создания в ней промышленности и науки из всей остальной Европы. Проживая в России несколько десятилетий, я пришел к твердому выводу, что какая-то часть русских, особенно по пьянке, любит бить себя кулаком в грудь и азартно поддерживать государственные призывы кого-то закидать шапками и какую-то *колонну* искоренить, но большинство даже ленится думать о том, русские они или не русские, а интеллигент о себе лениво думает, как П----в, что мол *во мне так много всего намешано, что я скорее татарин*. Да и сам я, на днях, исследуя происхождение фамилий, с удивлением увидел, что многие фамилии известных русских писателей, философов и ученых, князей, бояр и государственных мужей, Тургеневых, Аксаковых, Карамзиных, Киреевских – татарского происхождения – что, впрочем, не говорит о том, что они татары, так же как Абрамов, Самсонов, ..

Тютчев – восходит к уйгурскому слову *tutaci*, что означает «игрок на пастушьем рожке»; Гаршин, Радищев – так же предположительно татарского происхождения.. и этого уже достаточно.

«Чаадаев от имени *Джагатай (Чагатай)* от тюркского слова 'храбрый, честный, искренний'. Только, насколько я понимаю, нет свидетельства прямой связи между сыном Чингисхана Чагатаем и семьёй Чаадаевых. Просто, действительно, их фамилия происходит от этого монгольского имени, которое носил не один только сын Чингисхана».

Но есть, вероятно, кроме «прямой связи» еще и мистическая, и 550 лет назад моего пращура казака Чернышева занесло в Сибирь, как и пращура Сурикова (в ладе одной рядом пращуров наши сидели), а прадеда с дедом уже новая советская (большевистская) Россия, **возненавидевшая даже само имя Россия**, выкинула по этапу в ту же Сибирь, как и деда моего товарища Васьки, отец которого стал моим крёстным, а с Васькой мы встретились через 60 лет, когда я в 2012 году приехал в Сибирь для побывки в нашей общей деревне с символическим названием **Корневище**. Мать моя пересеклась с моим отцом в 40-м году, долго еще судьба колебалась, и решила в ночь с 30 апреля на первое мая, когда отца моего забрали на сборы, и он меня даже никогда не увидел, но родился я ровно через 9 месяцев, **1 февраля** 1942 года (Шумовский – **2 февраля** 1913, это тоже в нашей судьбе не случайно, как и то, что по деревянным тротуарам Решет и он ходил на работу из Зоны, а я ходил учиться в школу из интерната (школьного общежития).

Мистическая связь **в становлении рода и народа**, в том поражающем упрямстве, с которым Девлет-Гирей сжигали Москву, а русские ее вновь отстраивали, для чего приглашали мастеров-иностранцев, преимущественно немцев, а для черной работы была дешёвая рабочая сила из числа местных жителей, которые каждый день с раннего утра небольшими толпами ходили на заработки. Наиболее часто звучавшее там немецкое слово, это глагол "arbeiten" (**арбайтен**), т.е. "работать" в повелительном наклонении или "работайте". Таким образом, "пойти на Арбат" и "пойти на работу" совпало для наших далёких предков не только по смыслу, но и по звучанию. Немецкое происхождение названия Арбат – первое, что приходит на ум, тогда почему очевидной версии нет среди официальных? – потому что *курица не птица, а история не наука*. История, это инструмент патриотического воспитания. Кстати... "Какие бы слова ни произносились на политической сцене, сам факт появления человека на ней доказывает, что перед нами историк и новатор. Потому что если бы этот человек не был историком и новатором, его бы никто на политическую сцену не пропустил – там два кольца, два конца, а посередине гвоздик." (Виктор Пелевин)

Так в Сибирь занесло *Чернышева и Шумовского*, так в Москву занесло Девлет-Гирея и Наполеона, а на Арбат Окуджаву, который и сказал: «Я – дворянин с арбатского двора, своим двором введенный во дворянство». Но в конце концов и нас перенесло в Петербург, где мы и встретились, два **русских поэта**, русский из Сибири и поляк из Житомира. Но как Авраам родил Иакова, так и Тадеуш (Теодор) родил известного пушкиниста, зрителя «музея в Михайловском», уже русского, и возлежа на крутом берегу Сороти, я пил с ним водку и Иосиф читал стихи Пушкина, а я их слушал. [**Будылин (Шумовский) Иосиф Теодорович** – Родился 21 апреля 1945 г. в Красноярском крае. Умер 9 мая 2023 года в СПб. Похоронен в Тригорском]. (А я вот только что об этом узнал из Интернета, не хватает времени для друзей, *слишком занят собой*). [И вчера грустная новость, **22 сентября умер Борис Останин**, еще три месяца назад он представлял на Пушкинской, 10 свою новую книгу о Набокове и мы ничего не знали...]

Многое в своей жизни я не успел, по лени и нерасторопности, по малой внимательности к человеку, хотя все же и оправдываюсь иногда, именно я и моя жена в больнице сидели у Теодора Адамовича на кровати, держа за руки, когда уходил он из жизни и всё сетовал, что ему надо срочно продолжать работу (*перевод эпоса о Гильгамеше, который он помнил наизусть по арабски и переводил стихами по-русски*, не успев перевод закончить, кое что я записывал на магнитофон, что успели записать другие, не знаю, но стихи Теодора Адамовича я издал и привез к нему домой напечатанный сборник и через три недели прощался с ним в больнице...].

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, Как желтый одуванчик у забора, Как лопухи, как лебеда...» – нет, Анна Андреевна не права, народ и человек тоже вырастают как будто случайно, как будто из одуванчиков и лебеды, да и из многого, что попадаетея под руки, но на проверку оказывается, что все это не сор, а тот огород, на котором выращивается народ, засевают не только хозяин и садовник, но и стихии, и дождь и ветер, и холод и зной, и птицы и шмели и осы и пчелы...

Кто-то сказал, что Россия – это монгольская прививка к Европе, и хотя звучит это эффектно, но **не верно**. Сначала были славяне, потом варяги. Потом половцы и печенег и даже хазары. И *Юрий Боголюбский* с упорством большевика и татарина (из Золотой Орды и из Крымского ханства) сжег и разорил «*Мать городов русских*», потом ее добивали татары, как перед этим они добивали Рязань. **И в конце концов все же русские взяли Казань, Астрахань и Бахчисарай, а не наоборот.**

И хотя от монгольских и тюркских княжеских имен и именований произошло немало русских фамилий (как **еще больше от еврейских имен**, а позже от шведских, немецких, французских) – как это бывает обычно с народами, мирно и немирно соприкасающимися друг с другом – и все сие похоже на то, что происходит с рекой, которая стремится свои воды на тысячи километров пути, и при этом в нее вливают свои воды притоки – река становится полноводней, но не меняет характер, и Волхов остается Волховом, и Нева Невою, и даже по-прежнему Волга «*мать родная, Волга русская река!*».

Но исторические эпохи, при которых основная масса народа внутри государства, а именно крестьянство, принуждена не только к оседлой жизни, но и к относительно устойчивой, будучи привязана к земле, в то время как военное и купеческое сословие перемещаются в государственных пределах сравнительно свободно, приводят к развитию своего рода двух народов в одном. К этому приводит рабство, крепостная зависимость и кастовое разделение общества. Вот так и образовался «русско-варяжский народ» и «православно-крестьянский», не только два сословия, но и два *этноса*, два племени. И именно поэтому Гражданская война в России оказалась войной межнациональной, и правящий народ, состоящий преимущественно из завоевателей, успешных и неуспешных, по большей части и создавший Российскую империю (используя экономические и духовные ресурсы всей России), потерпел поражение – как потерпели аналогичное поражение Рим, Византия, Испанская империя, и терпят поражения англосаксы, от островной метрополии которых отпали Северная Америка, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

Правда, английский народ на своем архипелаге оказался более устойчив, чем русский (вероятно, в силу большей этнической однородности), также и французы, и немцы, и итальянцы, революции в их государствах кончались поражениями революций и относительными «реставрациями» прежнего государственного устройства, так что правящее сословие возвращало себе прежнюю власть (а народ, как видно, это не только язык и культура, не только племя и род, но может быть еще в большей степени – государство, так что народом, создавшим когда-то Российскую империю, был не народ в целом, не русские, не славяне, не православные, не все вместе с инородцами, а помещики, князья и аристократия, и именно этот народ и потерпел **после** Революции поражение). Только правда состоит в том, что «Русский народ» победили не евреи, не инородцы, не большевики – но все вместе, причем главной массовой силой сначала оказались уставшие от войны *славянские моряки и солдаты*, потом, возможно, *евреи и инородцы*, потом сформировавшийся за несколько десятилетий *советский квази-народ*.

Возможно ли **возрождение** утонченного русского языка и культуры и соответствующего этому типу культурно-исторической жизни типа личности: славянофила, западника, декадента, интеллигента Серебряного века, среди которых и **сплав и мозаика** – Пётр, Ганнибал, Монферран и Растрелли, Ломоносов, Потемкин, Екатерина Вторая, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, три Александра, два Николая, Вяземский, Тургеневы, декабристы, Даль, Фет, Достоевский, Толстой, социалисты и народовольцы, Крамской, Суриков, Левитан, Репин, Антокольский, Мусоргский, Бородин, Лансере и Бенуа, Кутузов, Ермолов, Колчак и Деникин, Рахманинов и Стравинский... и десятки еще великих и тысячи достойных...? НЕТ.

Что же возможно?

Не знаю.

Пока возможно написать краткий очерк о двух достойных, с которыми меня связала судьба, об одном напомнить, другого отчасти защитить от несправедливых нападок.

Да, ЧК неистовствовала, империалистическая война выдохлась, но разгорелась Гражданская, потом такая же война Голода в Поволжье и на юге России и на Украине, которые спровоцированы большевиками, и еще война против крестьян, которую назвали Коллективизацией, потом война против «Промпартии», которую создали в кабинетах ЧК, потом дела пошли еще хуже, и занялся яковинский Террор уже против своих.

Пусть меня назовут антисемитом, я этого не боюсь, ни в каких Академиях я не состою, и в комсомоле не был, и от пенсии мне платят только половину, и культурные евреи (а они в основном культурные) если и подойдут на улице и обругают националистом и антисемитской мордой, то я им отвечу, что я скорее **русский сионист**, чем антисемит, и если я против Маркса, то зато почитаю Вейнингера, и если я почитал Дюринга, то сами же евреи говорят, что он еврей, как, может быть, также еврей и тот антисемит, оказавший, как говорят, влияние на Шикльгубера, который был англичанином и стал немцем... (забыл его имя).

Итак, виноваты все, и евреи ничуть не меньше других, если не больше.

Во-первых, виновато христианство и сам его основатель, если только он и в самом деле существовал, а не апостол Павел с евангелистами всё и сочинили. И христианское иго, царствовавшее над Европой и Россией почти две тысячи лет, одинаково больно было для многих в Европе, и для евреев и для европейцев, и для русских – но ведь не русские *сочинили Христа?*

Хотя Давид Маркиш в своей поэме обрушивает гнев свой почему-то на русских: *«Мы ели хлеб их – но платили кровью. Счета сохранены – но не сведены. Мы отомстим – цветами в изголовьи Их северной страны. Когда сотрётся лыковая проба, Когда заглохнет красных криков гул – Мы станем у берёзового гроба В почётный караул. ...»*

За что он клянется нам мстить? За расстрел отступающих русских моряков в Одессе, который учинила на Одесском рейде Землячка? За погром армии Врангеля в Крыму, когда Белая гвардия пыталась просто бежать из России со своими семьями? А призывал ли к мести наш великий математик?

Но почему я его защищаю? Что нас так тесно связывает?

Человеческая симпатия. Необъяснимое доверие, которое он ко мне испытал, когда пожаловался, что из-за обвинений в антисемитизме ему перестал отвечать на письма немецкий математик Питер, его ученик и личный друг.

– Вы пишете в своей книге «Боль и любовь», что встречались с Жанной Д*Арк. Если это не художественное воображение, то, может быть, вы сможете ответить на мой вопрос?

«Ну, что ж, Игорь Ростиславович, я постараюсь узнать, в чем дело. Я найду к вам после работы через неделю, мы отправимся на прогулку, и я вам расскажу, что я узнал».

Так и случилось. Ровно через неделю мы шли вдоль трамвайных путей по тихой московской улице, Игорь Ростиславович смотрел на меня недоверчиво, ожидая, что я все придумал, но ему хотелось надеяться на чудо.

– На втором этаже небольшого загородного дома в провинциальной Германии, где у Вас была своя комната, стоит кровать, к которой прикреплена вывеска: «На этой кровати спал Шафаревиц, садиться на нее нельзя». Увы, ему пришлось нарушить этот запрет, на ней теперь спит мой польско-русский товарищ Казимир, но Питер передает вам привет и свои извинения. Он так же говорит, что он вас по-прежнему любит, по-прежнему верен дружбе, но в Германии атмосфера подозрительности и запретов еще пуще, чем в России, свободно нельзя не только говорить, но даже дышать.

Кстати, чтобы вы не подумали, что мы и впрямь нарушаем табу и запреты, что откровенность в обсуждениях истории и жизни воистину запрещена, приведу примеры: вспомните стихотворение Пушкина «Клеветникам России» и его полемику с Вяземским, представьте, сколь оскорбительны высказывания русских по поводу англичан, а бедную «англичанку» полощут с середины 19-го столетия, и что писал Достоевский о *полячишках и французишках и о евреях?* И в какие ворота протиснуть «Тараса Бульбу» Гоголя? **Нет, никто из нормальных не толерантен** – но не проклинали Достоевского, не сожгли его?! И любят и читают его и евреи тоже!

Но и – напротив (отдельно от русских): **Маркс о России и русских**; и оскорбления всего и вся в мире, которыми пересыпана публицистика большевиков, многие из которых были евреями, а тон среди них задавал *«бесноватый» Ильич*, который даже не был вполне евреем, но страстно стремился им быть (хотя это еврейству нельзя ставить в вину – как, впрочем, поведение кого бы то ни было из народа нельзя ставить в вину народу в целом!)

Нехорошо *распускать язык*, даже оправдываясь грубостью оппонентов, и русская философия и литература всегда оставались корректными – правда, русские не стремились **любить всех ближних**. Вот и я хотя и не люблю «хамство», но *сюсюкающую толерантность "люблю" еще менее...*

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ШАФАРЕВИЧА

И в эллинском мире и в Европе и в России за последние две тысячи лет было множество великих математиков, начиная от Фалеса. Но новые идеи в постижении истории в целом связаны с немногими именами математиков: Пифагора, Ньютона, Лейбница – и то эти идеи преимущественно относятся к разряду физико-математических. И только Шафаревич (из математиков), достигнув признания в академическом мире, вступил в войну с государством, он стал отстаивать **справедливость, свободу, правду и честь**. В сравнении с ним противник был неизмеримо сильнее, это было тоталитарное «государство рабочих и крестьян», которое отождествило себя со **всей Истиной**. Подобно этому в предшествующие столетия государство было продолжением Бога, и всякий, осмеливающийся его порицать, объявлялся **слугою дьявола**.

Игорь Ростиславович пожертвовал покоем и благополучием, он стал носить с собой узелок с сухарями, полотенцем и мылом. Началась его новая жизнь, предметом его исследований стали **отношения личности и государства**.

В 1974 году под редакцией Солженицына вышел сборник «Из-под глыб»

От составителей

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН. На возврате дыхания и сознания

И. Р. ШАФАРЕВИЧ. Социализм

М.С. АГУРСКИЙ. Совр. обществ.экономические системы, их перспективы

И. Р. ШАФАРЕВИЧ. Обособление или сближение?

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН. Раскаяние и самоограничение

М. К. ПОЛИВАНОВ. Направление перемен

Ф. Г. СВЕТОВ. Русские судьбы

Е. В. БАРАБАНОВ. Раскол Церкви и мира

В. М. БОРИСОВ. Личность и национальное самосознание

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН. Образованщина

И. Р. ШАФАРЕВИЧ. Есть ли у России будущее?

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Две пресс-конференции

Игорь Шафаревич. О сборнике "Из-под глыб".

Евгений Барабанов. Христианская инициатива.

Александр Солженицын. Пресс-конференция в Цюрихе.

Коротко об авторах

УМСА-Press, Париж, 1974. 2-е изд. "Из-под глыб", М.: Русская книга, 1992.

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН. На возврате дыхания и сознания

Эта статья была написана 4 года назад, но не отдана в Самиздат, лишь самому А. Д. Сахарову. Тогда она была в Самиздате нужней и прямо относилась к известному трактату. С тех пор Сахаров далеко ушёл в своих воззрениях, в практических предложениях, и сегодня к нему статья уже мало относится, она уже не полемика с ним. Так теперь поздно!— возразят. То ли ещё у нас не поздно! Мы и полстолетия ничего не успевали ни называть, ни обмысливать, **нам и через 50 лет ничто не поздно**. Потому что напечатана у нас— пустота! Во всяком таком опоздании— характерная норма после-октябрьской русской жизни. Не поздно потому, что в нашей стране на тех мыслях, которые Сахаров прошёл, миновал, ещё коснеет массивный слой образованного общества. Не поздно и потому, что, видимо, ещё немалые круги на Западе разделяют те надежды, иллюзии и заблуждения.

Кажется, **мучителен переход от свободной речи к вынужденному молчанию**. Какая мука живому, привыкшему думать обществу с какого-то декретного дня утратить право выражать себя печатно и публично, а год от году замкнуть уста и в дружеском разговоре и даже под семейной кровлей.

Но и обратный переход, ожидающий скоро нашу страну, — **возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи,— тоже окажется и труден, и долог, и снова мучителен**— тем крайним, пропастным непониманием, которое вдруг зинет между соотечественниками, даже ровесниками, даже земляками, даже членами одного тесного круга.

За десятилетия, что мы молчали, разбрелись наши мысли на семьдесят семь сторон, никогда не перекликнувшись, не опознавшись, не поправив друг друга. А штампы принудительного мышления, да не мышления, а диктованного рассуждения, ежедневно втолакиваемые через магнитные глотки радио, размноженные в тысячах газет-близнецов, еженедельно конспектируемые для кружков политучёбы, — **изуродовали всех нас, почти не оставили неповрежденных умов**.

И теперь, когда умы даже сильные и смелые пытаются распрямиться, выбиться из кучи дряхлого хлама, они несут на себе все эти злые тавровые выжжены, кособокость колодок, в которые загнаны были незрелыми, — а по нашей умственной разъединённости ни на ком не могут себя проверить.

Мы же, остальные, до того иссохли в десятилетиях лжи, до того изжаждались по дождевым капелькам правды, что как только упадут они нам на лицо— мы трепещем от радости: "наконец-то!", мы прощаем и вихри пыли, овевшие их, и тот лучевой распад, который в них ещё таится. Так радуемся мы каждому словечку правды, до последних лет раздавленному, что этим первым нашим выразителям прощаем и всю приблизительность, и всякую неточность, и долю заблуждения даже большую, чем доля истины,— только за то, что "хоть что-то сказано!", "хоть что-то наконец!".

Всё это испытали мы, читая статью академика Сахарова и слушая отечественные и международные отклики на неё. С биением сердца мы узнали, что наконец-то разорвана непробудная, уютная, удобная дрёма советских ученых: делать своё научное дело, за это — жить в избытке, а за это — не мыслить выше пробирки. С освобождающей радостью мы узнали, что не только западные атомники мучимы совестью — но вот и в наших просыпается она!

Уже это одно делает бесстрашное выступление Андрея Дмитриевича Сахарова крупным событием новейшей русской истории. Работа эта находит путь к нашему сердцу прежде всего своею честностью в оценках. Многие события и явления называются так, как мы тайно думаем, но по трусости боимся высказать. Режим Сталина назван среди "демагогических, лицемерных, чудовищно-жестоких полицейских режимов"; сказано, что в отличие от гитлеризма сталинизм носит "гораздо более изощрённый наряд лицемерия и демагогии" с опорой на "социалистическую идеологию, которая явилась удобной ширмой". Упомянуты и "грабительские заготовки" продуктов и "почти крепостное закабаление крестьянства", правда - в прошлом, но есть и о сегодняшнем: "большое имущественное неравенство между городом и деревней", "40% населения нашей страны оказываются в очень трудном экономическом положении" (по контексту, по намёку речь идет о БЕДНОСТИ, но в отношении своей страны язык не выговаривает); напротив, 5% "начальства" так же привилегированны, "как аналогичная группировка в США". И даже больше! хотели бы мы возразить, но разъяснения автора опережают нас: привилегии управляющей группировки в нашей стране - тайны, "дело не чисто", тут "имеет место подкуп верных слуг существующей системы", в прошлом "зарплата в конвертах", сейчас - "закрытое распределение дефицитных продуктов, товаров и разных услуг, привилегии в курортном обслуживании". Сахаров высказывается против недавних политических процессов, против цензуры, против новых антиконституционных законов. Он указывает, что *"партия с такими методами убеждения и воспитания вряд ли может претендовать на роль духовного вождя человечества"*. Он протестует против подчинения интеллигенции партийным чиновникам под прикрытием "интересов рабочего класса". Разоблачение сталинизма он требует "довести до полной правды, а не до... кастовой целесообразности", он справедливо требует *"всенародного расследования архивов НКВД"* и полной амнистии сегодняшним политзаключённым. ...

Впрочем, если не этот уровень смелости, то этот уровень анализа доступен и другим нашим соотечественникам, только молчунам. Сахаров же, с уверенностью крупного учёного, подымает нас на более высокую обзорную точку зрения. Короткими ударами лекторской палочки он разваливает тех истуканов, те экономические мифы 20-30-х годов, которые и мёртвыми заворачивают уже полвека всю нашу учащуюся молодёжь - да так и до старости.

Сахаров разрушает марксистский миф, что капитализм "приводит в тупик производительные силы" и ... приводит к абсолютному обнищанию рабочего класса" ... Сахаров напоминает о "бремени технического и организационного риска разработочных издержек, которое ложится на страну, лидирующую в технике", и с большим знанием дела перечисляет важные технические заимствования, обогатившие СССР за счёт Запада; напоминает, что сталь да чугун - это отрасли традиционные и "догонка" в них ничего не доказывает, а **в отраслях поистине ведущих – мы устойчиво позади**. Разрушает Сахаров и миф о ... "революции, которая приостанавливает экономическое развитие ..., и экономически не выгодна " (да уж просто скажем: убийственна). ...напомнено: все эти десятилетия "наш народ работал с предельным напряжением, что привело к истощению ресурсов нации".

Объяснительная Записка о моих несвоевременных Записках

В этом году столетие со дня рождения Шафаревича и потому – *когда и писать о нем?* А меня упрекают в том, что все это давно устарело, и Солженицын устарел, и Шафаревич, и антисемитизм и русофобия... Ну, написал две строчки – и хватит! Ругнул похода или похода похвалил – и хватит! Сколько можно писать об одном и том же? Ну вот о Марксе с Энгельсом говорили двести лет, и днем говорили, и ночью, и в постели с любовницей, и за завтраком с газетой в руках, и даже на следствии, при пытках, и при расстреле несогласных! – но ведь перестали, почти перестали... хотя о Сталине ходят с знаменами и даже ему не дают покоя...

Подкину и еще одну устаревшую цитату:

«...тем, о которых не перестают говорить – много. Вот и о Солженицыне помнят – чтобы обругать. Хотя бы день помолчали, нет... Даже и о Хрущеве нет-нет вспоминают, называя не иначе как **хрущ**... Он де и социализм разрушил, и вождя унизил, и Украину придумал (да что за бред невежества!!! Уж мои-то современники учились в школе и должны хоть что-нибудь помнить, и когда впервые повязали пионерский галстук, и когда возникла советская власть и Голод в Поволжье, и сколько всего умерло в СССР только от голода только малолетних детей ...уж черт с ними, с теми взрослыми, которые о детях не хотят вспоминать – но есть, *есть Божий суд, наперсники разврата*, у каждого из нас на Страшном суде спросят: Ты попирал ногами могилы невинно убиенных? Хотя бы Колчака.. Хотя бы Гумилева... Хотя бы Павла Васильева... Хотя бы пяти миллионов русских военнопленных в 41 году – по вине рабоче-крестьянской советской власти, не умеющей даже к войне подготовиться с врагом, который уже оккупировал всю Европу!!! Хотя бы блокадных детей... (да, не знали, что немцы так быстро придут... что склады разбомбят... что население прибудет еще и из беженцев... **ну ничего же не знали!** Даже шапок не приготовили, чтобы врага закидать... а победой похваляемся – *как будто это мы сами, ныне живущие, врага победили*... как-будто не видно, как мы, сегодняшние, кого-нибудь побеждаем... может, и Петр, с топором в руках, был бы сегодня нужен – для нас. Ничего не хотим помнить, ничего не хотим знать, уткнемся в телевизор или в компьютер или в мобильник – и млеем от наркотического удушья! И нет ни одного человека, с которым бы можно по душам поговорить!»

И эта цитата не устарела, и касается нас, сегодняшних...

Но объясню о самом себе, почему старая статья ровно пятидесятилетней давности, касается меня и объясняет, что мне важно в пробуждавшемся сознании семидесятых годов прошлого века, что важно в девятидесятых годах, о которых нам побрезжилось, что наконец спящий уже проснулся, хотя бы просыпается, а это он помычал-помычал с похмелья, перевернулся на другой бок и заснул еще пуще, теперь его не пробудит даже извержение вулкана!

Итак, объясняю свой интерес, свои волнения по поводу дел и разговоров давно минувших лет. А вы можете и не читать, можете спать еще непробуднее, может быть, вы для того и родились, чтобы поспать власть и вволю? Кто для чего... ведь говорят же, что на вкус и цвет товарища нет, вот вы и живете, как спите, и спите, как живете! ... но вернусь к себе...

Представлю, наконец, что это я пишу для себя и только о себе.

Вообразим, что ты школьник пятого класса, решаешь задачу, прочитал все заданное, но задача не решается, иногда это доводит до слез.

Или девочка (уже в седьмом классе) не пошла с тобою в кино...

Поссорился с подругой на первом курсе... Поссорился с другом...

Невеста отказалась выйти замуж... Жена ушла к другому...

Посадили в тюрьму на два года... Расстреляли... или, еще хуже, посадили как «врага народа», пожизненно, без права свиданий и переписки.

Это все дела житейские, чуть ли не каждый через это проходит. Повторяю кусочек цитаты из статьи Солженицына о Сахарове и о **вечном молчании**.

«мучителен переход от свободной речи к вынужденному молчанию. Какая мука живой, привыкшей к сознанию личности с какого-то дня утратить право выражать себя публично, **навечно замкнуть уста** и в дружеском разговоре и даже под семейной кровлей.

Хотя и обратный переход, ожидающий нашу страну, – **возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи, – окажется и труден, и долог, и снова мучителен** – тем **пробпастным непониманием, которое вдруг зинет между соотечественниками, даже ровесниками, даже земляками, даже членами одного тесного круга.**

За десятилетия, что мы молчали, ... штампы принудительного диктованного рассуждения, ежедённ втолакиваемые через магнитные глотки радио, размноженные в тысячах газет-близнецов, ..., – **изуродовали всех нас, почти не оставили неповрежденных умов.»**

И вот представьте себе, что мы осуждены так жить целую жизнь. Воистину, **блаженны нищие духом**, не нуждающиеся в духовной свободе, не нуждающиеся в мышлении, в беседе, в вопросах и поисках ответов. Тело, ставшее камнем, уже не страдает – но сам переход разве не мучителен?

Есть несправедливость в том, что один человек многое знает, многое помнить, способен к творчеству, способен наслаждаться прекрасными поэтическими творениями, когда их вспоминает; а другой, не страдающий от того, что его лишили книг, музыки, созерцания прекрасного – зато не страдает от своей нищеты! Но не страдают и мертвые – но разве нам их не жаль?

Вот почему бесполезно писать статьи и книги и сочинять музыку, бесполезно открывать муки своего сердца прохожим. В тоталитарном обществе почти каждый становится подобен другим, никто не сознаёт, чего их лишили. Самое простое, самое обыденное, о чем мне приходилось разговаривать с обществом, воздвигало между нами стену непонимания. Я говорил, что при социализме нет и не может быть свободы, собеседник смотрел на меня удивлённо, он не понимал, что такое свобода, о чем я говорю.

Христианская церковь и христианская вера.

Сегодня нам не понять, что и церковь может стать тюрьмой. В средневековье вера в христианского Бога была обязательна, посещение церкви хотя бы по воскресеньям было обязательным – спросите у женщины, разведенной с мужем но принужденной жить с ним в одной комнате, легко ли ей его видеть

Социализм – это вериги, одетые на душу. В маоистском Китае в трамвае и в поезде каждый человек обязан был держать в руках «цитатник» Мао и вполголоса повторять его текст. Даже с моей статьей если вас заставят так ездить – не сойдете ли вы скоро с ума?

Негде было найти человека, чтобы пожаловаться, мы боялись друг друга. Вы хотите, чтобы эта счастливая советская жизнь повторилась?

Возможно, страдали не все. Но гуманнее было бы нас, таких, которые страдали – а нас меньшинство – просто выслеживать и расстреливать без суда и следствия. **Социализм – это система, приспособленная к обществу пчел и муравьев.**

Когда появилась книга Солженицына «**Архипелаг Гулаг**», меня словно побрызгали мертвой водой – срослись части тела, на которые я был разят безжалостной социалистической пилой. Когда появилась книга Шафаревича «**Социализм как явление мировой истории**», меня побрызгали живой водой, и я воскрес, загладились швы и шрамы от разятых частей тела.

Скорее всего, читатель меня не поймет. Не понимал даже Лев Толстой ни Скрябина ни Рахманинова. Но только пчелы так нуждаются в меде, что лишат их меда, и они околеют. Вот так и я и такие как я. Возможно, мы не лучше, ведь жили китайцы и японцы без музыки, жили они даже без поцелуев любви, без прикосновений к женщине жил апостол Павел и призывал жить других. А меня убеждают, что все одинаковы, что нет разницы между людьми, нет разницы между народами... Видимо, это не так.

То, без чего не могу жить я, я называю **духовной свободой**. Вещественно это выражается во-первых, в красоте: красоте зданий (социализм ненавидел ее, почти все города он освободил от большей части так называемых памятников прошлого, он заставил жить человека в одинаковых жилищах, в камерах с открытыми дверями, чтобы стражи нравственности видели все, что в них происходит: такую жизнь проповедовал Платон в своей «Республике»). Духовная свобода запечатлена в музыке, большая часть современной музыки изображает одинаковые жилища для звуков.

Но лучше прочитайте книгу Шафаревича об этом любимом миллионами социализме, и тогда можно не читать мои тщетные проповеди.

*Личное и общее противостоят друг другу, любовь разъединяет (она соединяет двух, но чуждается «коллективизации»), даже творчество противопоставляет личность обществу, красота и гениальность выделяют и делают одиноким (а иногда и несчастным). Всё в социализме – *общее место* и трафарет, гениальность чужда и враждебна, их вожди – срединные типы (может быть, оригинальны лишь на фоне толпы), Сталин – среднего ума, Ленин – примитивен как философ, а гениальны они только в качестве организаторов преступной группы, и Троцкий, и Сталин, и Камо и другие ...*

Передохнём, выдохнем, осмотримся и успокоимся

Красота тела, гармония речи, Праведность дела и чистый вечер,
Облака с неба и речка справа, Пусть и без хлеба, Но не без права,
Пусть даже тихо, но все ж без злобы, Без зависти, лиха! Смотрите в оба,
Не верьте бесам, способным к чуду, Лишь я – завеса! Был, есть и буду.

Но что же я думаю о «Русофобии»? О ее авторе, о русских и евреях?

В одной из статей о ее авторе говорится, что и сам он отмечает, что адепты русофобии ставили в пример России разный опыт Запада: Чаадаев – католицизм, либералы – права человека и демократическое общество, революционеры – марксизм и мировую революцию, постсоветские реформаторы – рыночную экономику. Большевизм он также охарактеризовал как явное проявление идей «малого народа», выразившихся в тотальном отрицании русской истории, заклеянной в школьных воспоминаниях как «проклятое прошлое». Кроме того, большевики заменяли традиционное устройство России рожденной на Западе и для Запада идеологией марксизма, которая, по утверждению самого К. Маркса, не может победить в Европе, пока существует Россия. И. Р. Шафаревич заключает, что в действительности идеологи «малого народа», насаждавшие западные концепции взамен русской традиции, сами не верили в эти идеи, а итог их деятельности они видели в трансформация России для осуществления целей западной цивилизации.

Эта книга сыграла важную роль в известности Шафаревича, как битье стекол в ресторанах и битье Айседоры Дункан – в скандальной славе Есенина. Но для обоих именно эта слава – вторична.

Я сожалею, что Игорь Ростиславович написал эту книгу – или что именно так он ее написал. Он значительно менее, Русофобия его умалила, она сделала его кумиром **полурусской толпы**.

Великий народ (как я не раз уже говорил) легко относится к тому, что о нем думают и говорят другие, как и гений равнодушен и к брани и к похвалам

Более того, я не верю в искренность осуждения Шафаревича как русской толпой, так и еврейской, русская толпа осуждает его и оскорбляет за его борьбу с социализмом, сомневаясь в том, что он точно русский, «без всякой примеси» (хотя сама та же самая, что и в поэме Дефо о *беспородных английских дворянжках*), еврейская толпа (которую не улучшают и не ухудшают никакие примеси, *она чиста и породиста в любом своем проявлении* – хотя, несомненно, есть и у них своя **аристократия духа**, как и у русских, и я был знаком и с теми и с другими) – так вот, еврейская толпа повинуетя разным инстинктам. Именно евреи сделали Шафаревича знаменитым, запалив огонь осуждения (есть историческая потребность еврейского народа в том, чтобы в рассеянии сохранить свою уникальность, антисемитизм – контролируемый антисемитизм, не переходящий в значительные погромы – средство сохранения уникальности. Но, одновременно, быть может, они (некоторые из них) его считают *своим*? Как и в Ленине видели *своего*?

(Был однажды удивительный случай, когда меня пригласили посидеть за столом в одной уютной компании, так как до них дошли слухи, что я чуть ли не *готов перейти в евреи*. И хотя я отказался, но мы как-то понравились друг другу и при встрече очень радушно раскланиваемся. А ведь известно, что известный Хаммер на сотом году жизни *таки стал евреем* и завещал его похоронить на родине предков). Что же до Игоря Ростиславовича, то для меня он *несомненный русский* (не менее чем Даль), но если бы даже выяснилось, что он негр, то и в этом случае он мой друг и тем мне дорог более всего.

ВЫБОР ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

Ко многому мы стремимся (хотя бы в детстве), иногда чего-нибудь и достигаем, стремимся жениться или выйти замуж за тех, кто нам нравится (а за меня хотели выйти замуж многие), но вышла та, которая решительнее других меня выбрала. (Значит, я ни в чем не виноват).

Но стремимся мы к тому, что доставляет нам преимущества, богатство, власть, славу (или хотя бы уют, безбедность, успех ... ну хоть выпивку на троих).

Никто не хочет умирать, испытывать гонения, невзгоды, рисковать, помогать другим или спасать их, когда это подвергает опасности себя самого, взбираться по каменистым тропам ввысь, когда можно славно отдохнуть на обочине.

Теодора Адамовича Шумовского, которого я избрал в этот кружок великих, о которых напоминаю публике, чтобы публика чему-нибудь у них поучилась, я сравниваю и сопоставляю с Солженицыным и Шафаревичем, с которыми был знаком, при этом я несомненно знаю, что с Теодором Адамовичем и его семейством меня связывала тесная **дружба**, с Игорем Ростиславовичем я был знаком менее, но все же, думаю, вправе считать себя и его другом.

Шумовский родился 2 февраля 1913 в г. Житомире, как Шафаревич и Королев, так что можно сказать, что ничто плохое не исходило из этого города, и в **1938** году, совсем юным, был арестован и сидел в переполненной камере Тюрьмы Большого Дома, тогда же арестовали и его друга Льва Гумилева, они вместе учились в Ленинградском университете (а меня арестовали в марте 1970 года, уже 28 лет, но я был по самоощущению почти юноша, и сначала сидел в комфорте один, *мало уже оставалось врагов у советской власти, всех уже почти она поубивала.*) Вдруг подумалось, что ведь многие ее сторонники даже гордятся тем, что она была такая решительная и беспощадная, такая героическая, **так много убила людей!!!**

В 1947 году Шумовский был освобожден, и ему разрешили жить в Боровичах Новгородской области, работал он инспектором в школах района, снимал комнату у какой-то старушки, и однажды она, зайдя в его комнату, заметила, что немного сдвинуто зеркало, за ним оказался листок бумаги с названием сборника стихов, который он тогда задумал и первое стихотворение сочинил, но не записал, надеясь на память. За Шумовского хлопотали его знаменитые учителя, была уже надежда вернуться в Ленинград и продолжить научную работу – но старушка оказалась бдительной и листок отнесла в «органы». Преступления в том, что он задумал сборник стихов, и что придумал для них безобидное название, не было, но ... оказывается, и в заурядных явлениях может содержаться **некая зловещая мистика**, его арестовали и вернули в лагерь в Сибирь. Вот что он писал об этом в своих воспоминаниях:

«Спустя много весен и зим как-то подумалось: а что, если бы тогда, в 1949-м, отпустили? *И вдруг подкрался ужас.* Да, неполных сорока лет защитил бы докторскую диссертацию. Стал бы старшим, ведущим, главным научным сотрудником, профессором, членом ученых советов, адресатом юбилейных адресов, похожих друг на друга, как яйца одной курицы.

Глядишь, при этом достиг бы каких-то академических высот. Но не было бы стихов, увидевших свет в сборнике 1998 года "Озарение". Вступая в зрелый возраст, я может быть со снисходительной улыбкой оглядывал бы созданное мной в первом творческом десятилетии, с 1939 по 1949 годы, и позже: "что поделать, грехи молодости, однако ученому академику они ни к чему". Кем бы я стал, кем бы? Что оставили бы людям, памяти человечества годы моего учения? Десятки сухих малопонятных статей, которых почти никто не читает, набор скучных ученых ссылок, которых никто никогда не проверяет, умозаключений, от которых никому ни холодно, ни жарко? Увы. Таких изделий в нашей ученой арабистике много. Привычное заразительно, и меня могло бы не спасти то, что в науке я выбрал непроторенную дорогу.»

Освободили Т.А.Шумовского по той самой амнистии 1956 года, которая последовала после осуждения **культа личности,** и которую сегодняшний **массовый русский обыватель** **вменяет в вину Хрущеву.** По их логике, не надо было бы никого из лагеря отпускать, даже по истечении срока (как тогда обычно и делалось, один срок кончался, вызывали к начальнику и велели расписаться в назначении следующего срока).

В сравнении с бедствиями 20 столетия, которые выпали России в годы **1904 – 1956,** в это страшное лихолетье пяти войн: Японской, Первой мировой, Гражданской, Финской, Отечественной, двух Терроров и нескольких голодоморов – то, что испытали мы после 56 года – это всего лишь небольшое битьё для острастки... ну, правда, 90-е годы можно было бы тоже сравнить с Террором, по количеству жертв: *миллионы уехали, миллионы умерли, лишившись всего, миллионы растлились...*

Шумовский стал знаменит как автор стихотворного перевода Корана на русский язык, но он еще и выдающийся русский поэт, вышло два его сборника стихов, два сборника воспоминаний и несколько научных работ, например, «У моря арабистики».

Но каков размер его личности! В 1949 году, 36-ти лет, после многих лет лагерей, **он примеряет на себя вечность, и вечность оказывается ему впору!**

Выбор Игоря Ростиславовича

В 60-е годы народ, конечно, слегка осмелел, уже начали устраивать между-народные слеты демократической молодежи, на художественных выставках известные мастера (в частности, Эрнст Неизвестный) уже осмеливались вступать в спор с царствующей персоной, Никитой Хрущевым – но и у смелости были границы дозволенного. Шафаревич уже стал академиком, профессором, читал лекции в университете. Но когда он стал подписывать одно за другим письма в защиту невинно репрессированных, его тут же изгнали с кафедры. В 1974 году вышел Сборник «Из-под глыб», Игорь Ростиславович начал носить с собою узелок с мылом, зубной щеткой и полотенцем. То, за что люди десятилетиями борются, он поставил на кон. Как и академик Сахаров. **Лауреаты самой престижной в СССР, Ленинской премии, они оба тоже припирили на себя вечность, и она подошла к им.**

Сахарова изгнали из академии наук. Президиум проголосовал за изгнание. Академик Капица заметил: *«изгнание из академии было только однажды в мировой истории, когда из Прусской академии наук изгоняли еврейских ученых при Гитлере.»*

Гордимся ли мы их подвигом?

Вот уже 20 лет никто не считает их и героями, история повернула вспять – *не значит ли это, что русский народ сошел с ума?*

Чтобы не дать на этот вопрос необдуманного ответа, вспомним историю. 1612 год, Смутное время, Нижегородское ополчение гражданина Минина и князя Пожарского подошло к Москве и расположилось в окрестностях. Кроме них около Москвы было Вологодское ополчение, которое грабило окрестные деревни, шайки Лже-Дмитрия Третьего и войско Шуйского, избранного царем Московскими боярами. В Кремле располагался отряд поляков, к Москве подходил польский обоз с продовольствием для своих, патриарх находился при Польском дворе, не то в плену, не то вел переговоры об избрании русским царем польского королевича Сигизмунда.

Кто же из них из всех был русским народом – или они все вместе?

Людовик 14-ый однажды заметил: *Государство – это я!*

Разве Минин и Пожарский не вправе были сказать, что это они и есть русский народ, а все остальные – шайка разбойников? И мы доживем еще до того благодатного дня, когда безумный народ образумится, и как уже поставил он памятник Минину и Пожарскому, а однажды впопыхах даже академику Сахарову (не во всем правому, не всегда разумному – но все же разумнее Брежнева и Андропова? Или Тушинский вор вам милее? Или лже-Дмитрий?) – так и вся шайка разбойников будет обозначена достойными именами, как Дантон, Робеспьер и Марат. Разве английского диктатора Кромвеля благодарный английский народ не выкопал мертвого из земли, и сначала повесил, потом отрубил ему голову, потом эту голову украли, и двести лет не могли найти... Если это фарс, то некоторые исторические эпохи справедливо заканчивать именно фарсом. Так в яме с известью закончился Тысячелетний Рейх Гитлера. Закончится когда-то и строительство коммунизма, которое все еще продолжается в безумных головах.

Ну и несомненно, что в завершение статьи надо вернуться к евреям. Именно они начинали наш Путь к светлому будущему, под их знаменами (то есть Маркса и Ленина) мы и шли, но скоро пришло похмелье. Но кто же опомнился первым? Именно они. И что же мне теперь делать? Сегодня евреи в России уже не строят коммунизм и не ждут воскресения в христианском раю, значит, **я с ними**. И лучше я стану наконец евреем, чем снова начну вместе со всеми **«строить и мечь в сплошной лихорадке буден»**.

Простите, Игорь Ростиславович, если вы не с евреями, то я с ними. Но разве не сказали вы в одном из последних интервью, что *«может быть и прав один мой товарищ, и Большой народ еще хуже, чем малый?»* Дело в том, что **народ всегда менее прав, чем личность**. Перечитаем Новый Завет. **Наивный человек Иисус** (а я не думаю, что он был Богом) воскликнул: *Я пришел спасти СВОЙ народ!* – и народ его оттащил на Голгофу. **Не оттащит ли и меня мой русский народ, который я все еще пытаюсь спасти?**

«И ВСЕ ЖЕ, ВСЕ ЖЕ, ВСЕ ЖЕ...»

Но, воскликнув, что он пришел спасти свой народ, Иисус его чуть не погубил, и сам в конце концов от него отказался, а его ученик (или самозванный апостол) Павел даже доказал, что это или ошибка или метаморфоза или **инверсия**, и на самом деле *Иисус пришел спасти язычников*. Радуйтесь, язычники, подождите еще две тысячи лет, и вы, наконец, воскреснете!

Иисуса правоверные евреи ненавидят, Маркса вчера любили, сегодня Давид Маркиш обрушивает гнев свой почему-то на русских: «... *Когда загложнет красных криков гул – Мы станем у берёзового гроба* (имеется в виду гроб, в котором будет лежать русский народ?) *В почётный караул.*» далее добавляет: «*Щербат и сер луны ущербный серп. Ещё что? Скажем мреть и мор на море... Мы дали Вам Христа – себе в ущерб, Мы дали Маркса Вам – себе на горе.*» Странные строки, потому что согласно исторической правде, должны бы они читаться иначе: «*Мы дали Маркса Вам – себе в ущерб, Мы дали Вам Христа – себе на горе.*» Разве не так думают евреи, как в выделенных словах – на что я отнюдь не пеняю?

Но всё «срослось» после двух инверсий, **христианство и впрямь принесло евреям одно горе**, а Маркс, вероятно, ущерб – *но кому он не принёс ущерб?* Даже марксисты в конце концов от него пострадали, и вся верхушка ленинской партии окончила свой исторический путь в тюрьме и на эшафоте.

Ну а **малый народ Российской империи** (если именно в него «выродилась» *русскойская элита*, образованная варягами, европейцами и инородцами, и создавшая *русский серебряный век*, в который в конце концов входили и старообрядцы и поляки и немцы и итальянцы и французы и евреи – я могу выписать из них двести фамилий людей, прославивших Российскую империю, среди них достойное место займут и **славяне** – но не тот крепостной православный народ, который воспевали славянофилы, и который *лучше б всегда безмолвствовал*, так как лучше всего за него говорит не язык, а **товарищ маузер** (согласно Маяковскому).

Когда-то Виктор Файнберг, *еврейский сионист* (как я – *русский народник*, то есть *русский сионист* или, по западному – *националист*), воскликнул: *Васька, я знаю, что ты антисемит, но это нормально, нормальный русский и должен быть антисемитом!* – и я теперь не боюсь дурацких обвинений... но, возможно, теперь меня обвинят "**советско-русские**" в **русофобии**? Ну, на здоровье! Или догадаются, что я **еврей?** (**26 декабря 24г.** И в самом деле, на днях наши язычники (*этрусские русские*) обвинили мой НРЖ в русофобии!

Согласно еще одному русскому гению, *Лобачевскому*, через точку вне прямой проходит не одна параллельная прямая... и поэтому не исключено, что через Ганнибала и Царицу Савскую (то есть через Соломона) *Пушкин таки еврей...* (но я – нет, я еще не еврей...). Если уж на то пошло, пусть будут евреями и русские гении Солженицын, Шафаревич и Шумовский. Но именно с их помощью **малый русский народ** еще имеет шанс возродить **великую Российскую империю** пусть и без Средней Азии и малороссов, без Кавказа и может быть даже без Выборга, без Тевтонского ордена, но с "княжеством Литовским". Друзья мои, возьмите и меня в свою компанию, мне еще многое не ясно, я даже не понял еще природу чуда.

28 сент. 23г., четверг, 7-21. Проснулся около шести, попытался уснуть, и вдруг мне стало страшно, показалось, что останавливается сердце – *а я ведь уже на всякий случай совсем бросил пить...* Пришлось встать, приготовил завтрак, сходил на зарядку и дописываю текст «статьи», необходима еще одна или две страницы, надо понять, что за строение я воздвигал и где его граница, возможно, ее я намечу только пунктиром. На улице тепло, +15 градусов.

Оратория – крупное музыкальное произведение для хора, солистов и оркестра, от итальянского слова *oratorio* – молебен.

Симфония – музыкальное произведение для оркестра, от греч. *συμφωνία* – созвучие.

Опера – музыкально-театральный жанр, основанный на синтезе музыки, сценического действия и слова. лат. *opera* – труды, изделия, произведения, мн. ч. от *opus*. итал. *opera* – дело, труд

Итак, последние мои статьи-воспоминания тяготели к некоему жанру, существенно отличающемуся от повествования и рассуждения, то есть от рассказа (повести) и статьи, мне хотелось как будто заново собрать всех тех моих друзей-товарищей, попутчиков в восхождении на гору жизни, участников ее симфонии, застоля, веселия и питья, участников литературного и философского семинаров и даже любовных бесед и прогулок (и литературные вечера у меня дома, концерты, на которые я ходил с женой и друзьями, проникновенные не только любовные, но чаще философские речи, которые я произносил, вдохновленный красотой и изяществом самых молодых участниц наших вечеров. – *все это тоже часть романа с философией*).

То, что связывало меня с моими друзьями, можно бы называть *просто жизнью* – но так как это множество событий обладало внутренним устремлением, как Гольфстрим, волей, гармонией, той необыкновенной обусловленностью, которой обладают герои и события художественного произведения, то эта связанность более придуманная, чем жизнь, скорее это пьеса, спектакль, *оратория*.

29 сент 23г., четверг, около полуночи. 22 сентября умер Борис Останин, сегодня отпели его в **Соборе Владимирской** иконы Божией Матери, народу было много, но большинство я давно не видел и не мог вспомнить, но из всех собралось нас семь человек и мы помянули Бориса в кафе около Рынка, были Володя Л., Саша Г...н и другие, рассказывали, как мы с ним познакомились и о чем разговаривали, и так народ мне понравился, что я подумал: а надо ли спрашивать, кто из нас любит царя а кто не любит (очевидно, что никто из нас не хотел воевать), и кто из нас еврей или либерал или условный русофоб, ибо также очевидно, что *никто не может ненавидеть дом, в котором живёт*, и желать ему зла, но почти всякая власть как злой помещик или даже как злой фельдфебель или даже как злой самозванный Чингиз шкурит своих рабов и не только эксплуатирует, но и отправляет на войны, а слабый человек не всегда может противостоять давлению силы. Надо его пожалеть, а не ненавидеть, как злого царя. И не надо спрашивать, русофоб ли ты или либерал или даже потомок царицы Савской, некоторые знают свою родословную, но не хотят говорить, а другие даже не знают - ну и что?

С Борисом я знаком пятьдесят лет, и мы ни разу не ссорились, иногда, правда, когда за полночь заходили наши споры, начинали кричать – *и внучка мне об этом напомнила, что она маленькой все этому удивлялась, она знала, что мы друзья, но вот зачем то кричим друг на друга, мы перед нею калялись и начинали смеяться...* Есть ли в Борисе либеральная кровь, я его никогда не спрашивал, я только знал, что он православный и всегда защищал и церковь и царя, как и положено верующим.

Борис издавал машинописный журнал «Часы» в семи экземплярах, один из них выкупал я, жил он сначала совсем бедно, то есть беднее меня, и я поил его чаем и водкой, а бывая у него в гостях, при его второй жене (и при первой тоже бывал, у нее был сын Максим, которого прекрасно воспитывал Борис, который, кстати, редактировал позже книгу моего сына «Путешествие в страну снов», и тоже прекрасно), водку я приносил с собой (и предупреждал его об этом, чтобы он зря не тратился), у них было двое детей, Никита и Полина, в последний раз я был у него, уже при его третьей жене, семь лет назад, на семидесятилетие, и уже он угощал гостей вволю.

Борис был участником и одним из ведущих деятелей так называемой «Второй культуры», *«в семи экземплярах»*, у советской власти уже начали выпадать зубы и она уже не всех своих несогласных поедала... Но вот что удивительно: *Первая культура* меня никогда не печатала, и я печатаю ныне сам себя и всех желающих тиражом даже в 16 экземпляров, – но ведь и вторая культура, хотя с ними я был дружен, *меня не издавала тоже!!!*

Советская власть была людоедом, и поедала людей, и своих детей тоже, потом у нее выпали зубы и дети ее отвергли, хотя поздняя советская власть была уже не хуже власти своих детей,, а даже лучше. Я последний свидетель этой исторической правды и мне хотелось бы дожить до времени, в которое мой народ в состоянии был бы понять эту правду, и то, что он сам виноват в том, что его власть поедала и свой народ и детей народа тоже и народ оправдывал эту власть и помогал власти в заклании жертв.

Обличать народ, взывать к его совести, которой у него нет, я уже не хочу, устал и понимаю, что это бессмысленно, разве понимали французы, сжигая свою Жанну, что они сжигали свою святую, свою спасительницу? Нет. Разве они покались? Нет.

Борис был начитаннее меня, знал больше, я ему завидовал, но по уму мы были равны. Но и вообще странность в том, что большинство людей одинаковы по уму, но правду видят немногие. Подавляющее большинство людей ее не знают и **не хотят знать**. Конечно, власть старается людей портить, но ведь люди... ну, стремились бы быть видящими и честными!!!!?? Увы!

Ну, ладно меня не печатают – да и Бог с ними! – но я настаиваю на том, чтобы человек знал правду о Нероне, христианстве, Чингизе, Грозном (внуке Чингиза), Петре, Николае Палкине, красноглазом Ильиче, Троцком, сухоруком Кобе, Камо, чекистах и следователях НКВД, Гумилеве и Павле Васильеве, которых убила советская власть, которую оправдывает русский народ, тем самым распиная их заново... Чтобы русский народ впредь воевал не числом а умением, как велел Суворов, и не хвастался Пирровой победой, в которой не "постоял за ценой", и отдал Молоху войны всех лучших.

Итак, умер мой старый товарищ, талантливый писатель, добрый товарищ для многих, создатель премии имени Андрея Белого, издатель журнала «Часы», к тому же, как я думаю, добрый муж и отец. В особенности в связи с его фигурой я совсем не уверен не только в обиходных мнениях толпы, которая так резко отделяет евреев от русских – ибо я так и не знаю, кем считал себя и кем был Борис, русский по языку и культуре, русский по религии, то есть православный, но по происхождению, возможно, полукровка – но ведь правда в том, что как невозможно рационально определить тип народа, и личность народа, подобно личности человека, и что такое русский народ, умственно я понять и изобразить не могу; но ведь так же невозможно рационально определить и тип личности, ибо здесь множество сложностей, как в учебном классе: отстающие ученики кажутся более однообразными, но так ли это, а *не кажется ли это*, сказать трудно, а ученики более успешные сильнее отличаются друг от друга и даже когда они все по происхождению русские, какой писатель или психолог отделит среди них более русских от менее русских? Сталинистов и верноподданных я считаю НЕ русскими, но в действительности и опера «Жизнь за царя» и исторически проявляющаяся преданность народной массы своим царям и тиранам убеждают, что как раз эта *преданность* суть *народная черта*, а моя ненависть к личной власти не народна, значит я более НЕ русский чем они? Евреи тоже не всегда правы, призывая в своем «Ветхом завете», то есть в «Библии» возлюбить ближних по крови, то есть единоплеменников, они не более меня понимают, кто из них подлинный еврей, а кто книжник, а кто фарисей, а кто Иуда а кто Ирод – ведь не образцы же все эти вместе взятые для некоей идеи еврейства? *Да и подлинный ли еврей сам Христос, который первоначально пришел спасти свой народ а потом от него отказался?* Тем более что по отцу он уже не еврей, тем более что как Сын Божий даже если он и еврейский Бог, одна из ипостасей его, сами евреи от такого Бога отказались. И подлинный ли **русский** я сам, потомок легендарного казака Чернышева, у которого половина сибиряков с этой фамилией его потомки, но по матери и бабушке (да и по дедушке тоже) я не казак, а крестьянин? Правда, и те и другие всегда и изначально и до сих пор говорили и говорят на русском языке и другого не знали. Но почему же я не могу найти общего языка со своими одноязычными русскими писателями, а с журналистами, историками, философами, блогерами, политиками, артистами хотя бы отчасти еврейского происхождения мы во многом с полуслова понимаем друг друга?

Да и с Борисом не всё просто, – если он как деятель **второй культуры** относится к евреям, как думают советские русские, чекисты, коммунисты и верноподданные, то как православный христианин он уже русский, но я расхожусь с православными, а с деятелями Второй культуры скорее схожусь, хотя и эти меня не печатали тоже... (Такой ли уж я совсем бесталанный!?)

К тому же евреи считают русских антисемитов русскими, по крайней мере, когда обвиняют в антисемитизме, то обвиняют весь народ, а русские считают космополитизм еврейской чертой, в то время как сами не поют русских песен, не едят борщ и щи, и предпочитают **«валить» на Запад** за длинным рублем.

Но за что меня обвиняют в нерусскости? Я не считаю русских талантливей других, даже часто ловлю себя на том, что если слышу, что человек несет какой-нибудь бред – или о том, что мы построили пирамиды, или что произошли от этрусков, или что *наш Сталин выиграл войну*, то думаю, что не может такой бред нести еврей, евреи умнее, так что этот безусловно русский! Ну, тут русские меня и причисляют или к евреям или к русофобам...

Но я не националист, не русофоб и не еврей. Обвинения в национализме исходят обычно от русских, мы ведь **всемирнее** всех, и стоит только сказать **«Я русский, какой восторг!»**, как тут же три четверти *советских русских*, давно уже забывших о том, что их пращуров были русскими, возопят: **националист!** А стоит мне сказать правду о советской власти и о Сталине и его приспешниках – а *в приспешниках Сталина был в свое время весь советский народ* – как меня обвиняют в **русофобии!** Ну а то что я еврей, еще очевиднее, так как больше половины моих друзей евреи, и Солженицын, и Шафаревич, и Шумовский, не считая Пушкина... Я, впрочем, уже не спорю: если Владимир Даль, у которого лишь половина русской крови, все же русский, то почему мне не быть евреем – не по крови, а по образу мыслей? А если нелицеприятные речи о русских вводят в негодование русский народ, то либо это не великий народ (ибо **великий народ равнодушен к брани**), либо он страдает *комплексом неполноценности*, либо он слишком озабочен чистотой своей крови, что подозрительно даже в англичанах, когда-то возмущившихся автором «Робинзона Крузо» за то, что он усомнился в их *чистопородности*...

Но пора остановиться и в нападении и в защите, ибо **чрезмерность как правило нездорова. Сильный человек добродушен. Добродушен и уверенный. И правый. И не исполненный зла.**

Я бы хотел примириться со всеми, кто не обижает слабых, не обвиняет невинных, не завидует хвалимым, кто правдив, не лицемерен, добр и справедлив.

Так что поговорим о том, что управляет сознанием человека, то есть о **Знании, Идеологии и Религии.**

Впрочем, о **Знании** мне сказать нечего, кроме того, что о нем уже сказано, но никто не руководствуется только рациональным знанием, то есть *наукой, философией, историей*, ремеслом и профессией, опытом и *традициями*. Следовательно, основное значение в жизни и деятельности человека имеют его личные, семейные и общественные отношения, включающие в себя в основном чувственно-эмоциональные переживания. Среди них особое место занимают **Религия** (о ней позже подробнее) и **Идеология** (от греч. ИДЕО – идея; и ЛОГОС – слово) – **совокупность взглядов, понятий, традиций, объясняющих историческое бытие и служащих инструментом влияния на общество правящего класса.** На их основе формируются отношения людей, признаются установленные формы господства и власти. Новая идеология приходит на смену старой и ведёт к преобразованию власти и общества или, наоборот, смена власти приводит к крушению одной идеологии и формированию другой. Любое общество, даже самое древнее, объединяет общая **Религия, Идеология или ИДЕЯ.**

Что движет человеком? **Человеком движут потребности, сознательные или бессознательные интересы, убеждения и навязанные представления.**

Карл Ясперс считал, что: *«Идеология – это система идей и представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки собственных интересов. Наименование какого-либо мышления идеологией – это обвинение в том, что сказанное не соответствует истине»*. Ясперс таким образом понимал под идеологией фактически «примитивное оружие пропаганды, главная задача которой – мобилизация масс с целью уничтожения противника». Некоторые философы пытались защитить **идеологию**, так, Шпрангер писал: *«Настоящая идеология является выражением того, ради чего человек живет»*.

В обыденной жизни место *идеологий* занимают ее отдельные блоки, конструкции, обладающие законченным эмоциональным содержанием.

Идеологема – терминологическая конструкция или словосочетание особого типа, в составе которого содержатся мифологизированные представления о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах. Предлагаемые в ней идеологические штампы могут быть закончены или расплывчаты, но лишь бы понятны принимающей его группе, например: *советская власть, строительство коммунизма, Сталин, враги народа, Пятая колонна, безродные космополиты...*

Так как, что такое **личность** и **народ**, мне не удалось объяснить даже с помощью трехтомного исследования, то надо ограничиться *паллиативом* (от фр. palliatif от лат. pallium – покрывало, плащ), то есть сослаться на то, что подавляющее большинство людей не выработало в себе подлинную всестороннюю **ЛИЧНОСТЬ** и каждый представляет собою «человека *одномерного*», согласно философским представлениям Герберта Маркузе, то есть все – это управляемая *идеологией* толпа, в которой каждый – это «человек толпы» (см. Гюстава Лебона) и идеально управляемы идеологией правящей элиты или ее властными органами: жандармерией и сыском. Народом в таком случае является только правящее сословие, как в старой России **русско-дворянский народ**.

При этом, так как я не объясняю, что такое народ, то ограничусь небольшим пояснением. 1. Некоторые **народы** суть **родоплеменные** (этнические) **объединения**, основой которых является **кровь** (происхождение), чаще имеющие собственное государство, но не всегда, таковы евреи, цыгане, чехи, словаки, поляки, сербы, немцы, шведы в Швеции и т.д. 2. Большая часть народов – более или менее компактно расположенные **этносы** в составе многонациональных государств, например, татары, калмыки, буряты, башкиры... 3. Народы классического исторически обусловленного типа, в основе которых **кровь и почва вместе**, таковы англичане, русские, французы, итальянцы, испанцы... Это народы имперского типа, как Римляне, эллины, англичане, «русские» в Российской империи, испанцы...

Часть 5.

СВЕТОЧИ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ

В. А. Солоухин

И. С. Глазунов

И. Р. Шафаревич

А. И. Солженицын

Т. А. Шумовский

Л. Н. Гумилёв

Валентин Иванов...

Ольга Берггольц

Игорь Огурцов...

.....

... ты знаешь, Господи, имена и остальных!

Владимир Солоухин и Илья Глазунов

РОССИЯ и СССР. Русские и советские. Родина и государство
Русофобия или казенный патриотизм?
Может ли советский человек быть русским?

(1924 – 1997) Вл. Солоухин и Илья Глазунов (1930 - 2017)

Владимир Солоухин. Отрывки и цитаты
из книги *«Читая Ленина»*
из книги *«Последняя ступень»*

Илья Глазунов.
Воспоминания друзей

Отзывы о Глазунове и Солоухине:

«до Глазунова о войне можно было говорить только как об акте героизма.
Глазунов же написал ее как **народную трагедию.**»

«Владимирские Просёлки» это как гоголевская «Шинель», как «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, как «Вологодская свадьба» Яшина

Семья, в которой родился будущий русский писатель, Борец за спасение России

Владимир Алексеевич Солоухин и Роза (Рая) Лаврентьевна Заседателева, дочь деревенских учителей на Орловщине, врач из Нарьян-Мара, двое дядей которой, русские профессора, участники Белого движения, расстреляны.

Жена и дети

Дом в родной деревне Алепино

Владимир Солоухин: «Я не хочу под серп и молот»

Отрывок из интервью «Новому русскому слову»

– Итак, последнее время вы посвятили разрушению мифов. Не жалеете, что участвовали в процессе разрушения той империи, той власти?

– Советской, что ли? Ну конечно, чего же жалеть – **её надо было разрушить**. Другое дело, что из этого теперь выйдет... Но если откровенно, вовсе не жалею.

Когда-то, ещё при советской власти, я несколько раз бывал в Штатах, в Париже, в Англии. И думаю: «Вот смог бы я остаться за границей?..» Нет, не смог бы. Потому что я не приспособлен к борьбе за существование. Здесь я знаю, куда, кому позвонить, кому статью отнести, кому книжку. Конечно, сейчас всё усложнилось, но всё же среда обитания у меня здесь. А там я оказался в полной растерянности.

И тогда я решил: выпустить меня за границу – всё равно что колхозного поросёнка выпустить в лес. Из свинарника. В свинарнике плохо: и рацион плохой, и грязь, и вонь. Всё правильно. Но в лесу несладко, и большинство дня через три-четыре побежит назад в свинарник.

А свинарника-то уже нет! И все эти митинги с красными флагами – не что иное, как ностальгия по свинарнику. Я хочу свою следующую статью так и назвать: *«Ностальгия по свинарнику»*. Всё, давай, ребята, назад – там кормушка. Но ведь свинарника уже нету, и фермы нету, и председателя колхоза – никого!

Надо прямо сказать: лес оказался не просто лесом. Он населён волками. Поэтому, конечно, мы сейчас переживаем очень трудный период. Но я ни за что не хочу назад – под красный флаг, под портрет Ленина и под серп и молот. Что будет – не знаю: хуже, лучше. Но назад я не хочу. Вот моя позиция.

– *Последний вопрос: чем вы сейчас живёте?*

– Пишу новую книжку как бы в развитие и продолжение тех двух. О некрополе русской эмиграции в Париже, на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Там и Бунин, там и Шмелев, и не только они. Будет о Набокове, Цветаевой, Левицком, Тенишевой, Вертинском...

А в чём продолжение? Первые две книги о том, **как истребляли здесь, на месте**. Последняя – о том, **чего мы лишились**, выплеснув за пределы России.

– *Последняя?..*

– А больше мне уже не успеть. Мне 72 года, тяжело. Я хотел ещё о Тамбовском восстании написать, но уже не поднять. А эту надеюсь завершить. По всей вероятности, называться она будет «Чаша».

– *Казалось бы, об эмиграции много уже написано?*

– О Ленине ведь тоже много написано, даже больше, чем об эмиграции, а что толку?..

Солоухин о России. У льдины (если сравнить на минуту нашу страну со льдиной) тяжелеют края, а середина истончается и легчает...

Встреча в Вермонте в 1975 году

«У человека в жизни может быть два основных поведения: *он либо катится, либо карабкается*».

«Как утро нужно считать самой лучшей частью суток, как весна – самое прекрасное время года, так детство – самая яркая пора человеческой жизни».

«Высшее счастье человека, хотя это и банально, в принесении радости другим людям».

Илья Глазунов. В 1964 году состоялась его персональная **Выставка** в одном из подсобных помещений Манежа. На выставке Глазунов планировал показать около ста своих работ, в том числе портреты иерархов Русской православной церкви и картину «Дороги войны». Однако выставку закрыли по требованию Московского союза художников. В газете «Вечерняя Москва» писали: *«Как мыслит Глазунов свое участие в строительстве коммунизма? Уж не в виде ли портретов русского православного духовенства?»*

Итак, совершилась большевистская Революция (руками растлившейся Кронштадтской матросни – которую, впрочем, в 21 году почти всю расстреляли), то есть, по моему мнению, *этническое столкновение славяно-крестьян и русско-варягов*. Получил ли счастье этот славяно-крестьянский народ, уничтожив образованное правящее сословие?

Илья Глазунов. Дороги войны

Разве не крестьяне принесли неисчислимые жертвы на алтарь нашей победы? Но *о своих муках они не имеют права говорить!* Так кто же царствует в этой стране – не антинародная свора, которую я ненавижу?! народ, впрочем, эту ненависть называет русофобией, а **боль сострадания** – презирает. Ну и как, читатель (который прочитает меня через триста лет), ты все еще строишь коммунизм и кидаешь в топку живые тела и души? А **остались еще русские на русской земле?**

Все так называемые **строители коммунизма** и **патриоты** – это **лютые враги русского народа**, которые его ввели в беспаятельство и измываются над ним вот уже более ста лет.

Илья Глазунов. Портрет жены. 1955

Нина Виноградова-Бенуа, муза художника (1936-1986) погибла, выбросившись из окна собственной квартиры

«Написала сегодня маме: умер *Илья Глазунов*. Получила в ответ: "**жернова господни мелят медленно, но верно...**"» Юлия Гончарова.

Любовь к Родине и «о национальной гордости великороссов»

16 ноября 23, четверг...

Слушал беседу блогерши (журналистки) Катерины Гордеевой с режиссером фильма «Белорусский вокзал» **Андреем Смирновым**:

«То, что сейчас происходит в стране, не в один день родилось. Как говорил мой знакомый: «**Это страна, в которой всегда побеждает зло**».

В этом есть доля правды. Я не могу **сказать**, что люблю эту страну, я просто с ней сердечно связан. Это моя страна, другой у меня нет. Это объективная реальность, от которой уйти невозможно и которую променять на что-нибудь невозможно. Сравнивать наши времена со сталинскими можно, но это не одно и то же, сейчас другое время. Хотя сейчас *идет активнейший возврат сталинизма и советских нравов.. Но все равно России придется расстаться со своим прошлым и осознать себя частью Европы, а не Азии, потому что вся наша культура связана с европейской культурой. Придет время, когда и в России каждый станет гражданином.*»

«Если бы дьявол (т.е. Сталин) не сдох, неизвестно, что бы было...»

«Русских военнопленных, которые возвращались на родину, в Бресте из немецких поездов пересеживали в эшелоны, которые везли их на север в лагерь... а это миллионы, миллионы!»

«Выжить в этой жуткой стране можно только любовью!»

Маяковский: *Москва не как русскому мне дорога, а как огневое знамя! – но дорожил ли ты, Владим Владимыч: Россией как русский? Не бандеровец ли ты?*

Не будем поминать всеу Александра Солженицына, по поводу которого вот уже полвека спорят, не то он изменник родины, власовец, еврей, националист, американский агент, не то самый читаемый советский писатель, представленный даже на соискание Ленинской премии и, наконец, лауреат Нобелевской премии, не будем спорить и о Сталине, ставшем для современного русско-советского народа (*не то русского, не то советского?*) новым религиозным символом, а обратимся к вождю мирового пролетариата.

Ленин. «Социал-Демократ» № 35, 12 декабря 1914 г. ПСС т. 26. Статья короткая, но не будем приводить ее полностью. «...Великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «*жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы*». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.»

«Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на

войну мужиков, чтобы душиť свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, ... ведут нас на войну, чтобы душиť Польшу и Украину, ... чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.»

«Нельзя... «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины; – нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, при этом мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и **против** **мещанского идеала федеративных отношений**. Однако даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов ... помогать ... душиť Украину и т. д. ...*экономическое процветание и быстрое развитие* *Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами.....*»

Но не удержусь, напомним, наш народ, конечно, забыл, что в России, объединившей, а частично и завоевавшей *двести народов*, **не уничтожен** ни один из них и даже не введено для них крепостное право – только русские крестьяне были крепостными! – в то же время *янки* уничтожили почти всех индейцев, привезли из Африки негров и обратили их в рабство, английский Кромвель **истребил половину** ирландского народа, немецкий народ... и так далее... А каждый из всех ныне живущих даже русских старше пятидесяти лет в школе получал пятерки за изучение книг, авторы которых глумились над Россией. Да и многие ли из них думали, что они русские, а не советские? За это надо бы покаяться, но многие ли из нас и об этом думают? Вот Пастухов, живущий в Лондоне вместо Герцена, *с гордостью* восклицает: *Да во мне столько всего намешано!* – и хотя в этом и нет ничего плохого, Даль, полукровок, был русским, и художница Серебрякова, и Екатерина Великая, – не имеющие ни одной капли русской крови – но все же странно в России это в себе *подчеркивать* и этим показно *гордиться*.

Ильич, выступая *против федеративных отношений* в своей статье о национальной гордости, отрезал от России в пользу присоединенных к Российской империи окраин все земли казаков, которые национально были русскими. Казахстану он отдал земли Сибирского казачьего войска, Украине – земли Запорожских казаков, Чечне – терских казаков, Донбасс и Новороссию присоединил к Украине, а уже Советский народ, возникший вместо русского, наградил новые республики еще и Крымом и Карелией (присоединив ее к Карело-финской ССР – которую потом вдруг столь же лихо упразднил), а на западе Украины перетасовывал венгров, поляков, гуцулов, молдаван и гагаузов.

Иррациональным называется все то, что не может быть вполне объяснено *рационально*, то есть логически, опираясь только на разум. Иррациональный - лишенный закономерности и потому не постижимый разумом, логически не объяснимый (говорится в словаре). По отношению к причинам следствия делятся на вполне обусловленные разумом или на объяснимые только чувством, к которым и относится страх, любовь, половое притяжение.

Разумна ли любовь к матери или иррациональна, то есть вытекает из соединения чувств? Такова же и любовь к жизни, к женщине, к природе – но как любил Ильич свою Надежду Константиновну? Возможно, за ее борьбу против меньшевиков? А Инессу Арманд?

И любил ли Ильич Россию, русский (великорусский) народ и за что? За революционную борьбу против дворян?

Очевидно, что Ленин и большевики (так же и Сталин) к любви к родине и к любви к женщине и к человеку и народу были неспособны. Они принадлежали к другому «племени», к нему притягивались, одновременно от него отталкивались, вот почему Сталин не был осетином, не был он и грузином, грузинских князей (а у тех каждый второй князь, хотя это и не плохо), как и грузинских поэтов, он истреблял так же люто, как и русских – ибо он был «низкопородным» (как Дефо, возлютовавший – впрочем, справедливо! – против английских «низкопородных» аристократов, сравнительно с которыми он был обывателем, но гениальным писателем и подлинным англичанином, как и я сравнительно с наследниками и поклонниками большевизма сегодня чуть ли не единственный **подлинный русский**, а сравнительно с Энгельсом (журналист) и Марксом (якобы экономист, переписывавший Адама Смита, и якобы философ, переписывавший Гегеля, разбавляя его Фейербахом и Монтескьё), и Лениным (имеющим за плечами один курс Казанского университета) и Троцким (кажется, окончившим гимназию...) **я** самостийный ("отсебятный") философ. [Кстати, напоминаю, в Сибири и в Ленинграде меня учили – литературе и русскому языку – подруги Есенина и Маяковского, математике – выпускник петербургского университета, астрономии – сын выдающегося певца Шаронова, певшего в Мариинке с Шаляпиным, любви к русской музыкальной культуре – крестник Иоанна Кронштадтского Юрий Борисович Перепелкин, любви к поэзии – переводчик Корана на русский язык Т. А. Шумовский.]

А любовь *иррациональна*, не случайно она часто неотделима от ненависти. Разве Тарас Бульба не любил своего сына Ондрия, которого сначала *породил, а потом убил*? Но убивая русский народ (во время Гражданской войны, голодоморов, прежде всего голода в Поволжье, во время раскулачивания и **сталинского Террора** – а этот термин вошел уже в Историю, по крайней мере в начале 60-х годов и в официальной советской истории, все еще стыдливой, он уже употреблялся, а Владимир Солоухин одним из первых ввел в историю еще и термины «*большевистский террор*» и «*ленинский террор*»). Русский народ большевики не любили. Разделив его на две части, и **одну часть приговорив к смерти**, они не были способны ни к милосердию, ни к великодушию, ни к жалости, тем более к любви. Они даже любви к природе не умели испытывать, восхищения ею, любви к культуре, к наследию предков, к дворянским усадьбам, великолепным храмам, прекрасным дворцам.

Вчера был на встрече «исторического кружка», помянули Николая Петровича Ильина и я рассказал о знакомстве с ним, о создании журнала «Философская культура», но только успел заговорить о пути новейшей философии» как *"дис-курс"* (ибо *курс* – *следование в заданном направлении*, а *дис-курс* – расстройство, разлад, отход, вихляние, почему в первом веке в Риме слово *дискурс* обозначало "болтовню"), как публика вдруг закричала: хватит, долой!, *кончай свою русофобию* (хотя Русская дореволюционная литература, так называемая «литература *критического реализма*», как нас учили еще в школе, была весьма критичной и ее безусловно можно было бы считать русофобской, учитывая ее героев или ее символы: Радищев – "Путешествие из Петербурга в Москву" с размышлениями о *бесправии народа*, "Борис Годунов" – "*народ безмолствует*", "Горе от ума" – *Скалозуб и Молчалин*, "Мертвые души" – *Собакевич, Плюшкин, Манилов*, ... "Ревизор" – *Хлестаков*, Салтыков-Щедрин – "История одного города" с градо-начальником *Угрюм-Бурчеевым*, Добролюбов – "*когда же придет настоящий день?*", Иванов-Разумник – "*Большая Россия*"...) Но отрицание дореволюционной России было так велико в среде советского народа, что сегодняшнее "возвращение" интереса к прошлому весьма странное, вернулась не старая культура, даже не старая орфография, не восхищение "дворянством", "купечеством" и интеллигенцией, не **русский тип человека**, как он сформировался в стане *белогвардейцев*, нет, вернулось *тоталитарное учение православия и трепет самодержавия*: Александр Невский, Иван Грозный, Петр Первый (именно они пропагандировались в советскую эпоху), и Николай Первый.

Мифология советского человека включала в себя и героев, среди них (во времена моей молодости) были Стенька Разин, Пугачев, Герцен, декабристы и Пушкин, Тургенев и Некрасов (*защитники притесненного крестьянского народа*), Герцен и **народовольцы** (Желябов и Софья Перовская), и лишь затем большевистские герои революции и Гражданской войны, раскулачивания и Отечественной войны. Сегодня же вдруг всплыли из забвения чекисты и шпионы, Урицкий, Дзержинский, Берия и Штирлиц, и жестокие и бездарные полководцы, Сталин и Жуков, призывавший *не жалеть солдат*, якобы «*бабы еще нарожают*». А бабы рожать перестали, видимо, не зная, кого же им в конце концов рожать, *русских или советских*.

Но кто же мы по национальности, жители нашей страны, и как мы относимся к России, ее истории, ее культуре, что мы о ней знаем, интересуют ли нас эта культура, чувствуем ли мы ее **родной**? Любви к какой родине мы требуем, к России или к СССР, к родине Колчака, Блока и Гумилева, Пушкина и Толстого – или к родине Павки Корчагина, Павлика Морозова и *Лаврентия* Берии? Что мне вменяют в вину мои советские друзья? Что они называют **русофобией**? Какую историю и культуру принимают, какой язык и какие песни, какую историю отвергают? Их Россия – это Советский Союз, и их **советский народ** родился в 1922 году – но я не «*дворянин арбатского двора*» и не потомок Мамаев, я сын крестьянки и казака – я уважаю всех детей России, и тех, кто любит и свою Малую родину, как я люблю Сибирь.

Надо напомнить, что *аристократизм* и в европейской и в русской культуре проявлялся в *щепетильности по отношению к инородцам* и в пристрастном отношении к главенствующему народу, вообще в безразличии к укоризнам к своей личности, и своего народа – что и является **свойством сильного человека и великого народа** – никогда мы не требовали возмещения в собственный адрес, и не стеснялся Пушкин сказать, что *«мы ленивы и не любопытны»*, а Блок, что *«слопала его Русь-матушка как чушка поросенка»*, и в университетские годы, живя в общежитии, мы не позволяли себе сказать еврею «жид», поляку – «пшек», украинцу – «хохол», а немцу – «фриц», я терпеливо сносил обвинения в том, что русские – грязнули – от финнов и армян (а я прошагал даже пешком по бескрайним просторам России и трижды ее проехал слева направо и сверху вниз) и действительно видел и в княжестве Литовском чистоту и аккуратность, и в Таллине, и в Риге, и в Хельсинки и в Будапеште, и в Западном Берлине, во Львове и в Карпатских сёлах – но и в 58 году, оказавшись в европейской России, я был поражен, как чисто было в наших сибирских поскотиных (а я и родился в Сибири в хлеву как Христос), и какой хлам окружает наши великорусские деревни. В 90-е годы в районе Трех вокзалов было особенно грязно, правда, грязно было и в скверах восточного Берлина, с их цыганскими таборами и русскими мешочниками (которые, впрочем, заполняли и базары польских городов) – возможно, это свойство русских революций? Или и всяких революций? Но пора бы уже перейти к правильной жизни? Я подзреваю, что мои оппоненты – это те, кто не любит путешествовать и мало читал, тем более не читал Чаадаева и Герцена... Любопытно прочитать о споре Пушкина с Чаадаевым.

«В 1836 году в журнале «Телескоп» публикуется «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, блестящего гвардейского офицера, участника Отечественной войны, дошедшего до Парижа, который вдруг вышел в отставку, превратился в отшельника, потом – в украшение московских салонов и вдруг выступил в роли свободного мыслителя. Мысль Чаадаева строилась на четком и резком противопоставлении русской и европейской истории. Взгляд Чаадаева на Россию был скептичен и беспощаден.

«Сначала – дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, – такова печальная история нашей юности. Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства».

Такова в чаадаевском изложении история России. Она продолжается столь же безотрадной современностью. *«В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу. И в общем мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять; ныне же мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке»*.

Пушкин признал точность и смелость чаадаевских оценок современности. «Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, что равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко».

Но он не согласился с Чаадаевым в главном: оценке прошлого и будущего России как государства и России как нации. «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, великая драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Чаадаевской беспощадности оценок русской цивилизации Пушкин противопоставляет *осторожную надежду*. Но примечательно, что доказывая ложность резкого противопоставления России Западу, он пишет Чаадаеву по-французски в знаменательный лицейский день *19 октября 1836* года. Ответом на горькие размышления Чаадаева было государственное преследование. После публикации «Философического письма» его объявили сумасшедшим и запретили публиковать свои литературные труды. Узнав о постигших бывшего наставника и оппонента репрессиях, свое письмо Пушкин не отослал.

«Письмо Чаадаева, – написал позже Аполлон Григорьев, – было тою перчаткою, которая разъединила два дотоле если не соединенные, то и не разъединенные лагеря мыслящих и пишущих людей. В нем впервые неотвлеченно был поднят вопрос о значении нашей народности, самости, особенности...» («Народность и литература», 1861). В сороковые годы полемику о России и Западе, сравнительных достоинствах и недостатках их истории и современного государственного и общественного устройства продолжили *западники* и *славянофилы*. «Можно сказать, что Чаадаев и Пушкин начали великий – до сих пор не оконченный – спор о судьбе России, ее месте в культурном человечестве, который определил дальнейшее развитие русской мысли и многообразно отразился в русской литературе» – так пишут современные исследователи..

Но вернемся к нашему времени. **"Брестская крепость"**

Эта книга выходила дважды – в 1957 году и 1965 году, а сам автор в 1965 году был удостоен Ленинской премии и награжден орденом Ленина. **Сергей Смирнов**, как опытный журналист (и участник Отечественной войны), написал "в меру реалистичную" и полностью соответствующую тогдашней линии партии книгу. Не забыв в предисловии поругать Сталина, который был назначен Хрущёвым главным виновником катастрофы 1941 года. **Брест** получил статус **"крепость-герой"**. Майор Гаврилов, которого до выхода книги никто не знал, стал Героем Советского Союза и всенародной знаменитостью."

Мое поколение – это дети войны, родившиеся незадолго до нее и во время нее, если и не почувствовавшие на себе в полной мере ее лихолетья, пока она длилась, то многое в связи с нею испытывшие, особенно те, кто потерял родных и близких, кто остался без отцов и разделил с матерью ее трагедию неустроенной семейной жизни – а как много было и тех, кто воспитывался в чужой семье или в Детском доме! Те наши нынешние шапко-закидатели, которые «угрожают Западу» повторением военной Трагедии, воистину родились без души или никогда не испытывали боли.

Между поколениями отцов и детей всегда возникали противостояния, о чем мы читали в романе Тургенева «Отцы и дети», о чем знает каждый, воспитывавшийся даже в любящей семье, но даже если поколение отцов не право, ему принадлежит та история, которую мы получаем готовой из их рук. Разделяло нас многое, и отношение к безумной и жестокой революции, которую они воспевали (конечно, не все), а мы не прощаем за гибель России, и отношение к войне, в которой они пожертвовали собою, но еще более пожертвовали теми, кто с нее не вернулся, о чем поразительно точно и честно написал Твардовский: *«Я знаю, никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны, / В том, что они – кто старше, кто моложе – / Остались там, и не о том же речь, / Что я их мог, но не сумел сберечь, – / Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...»*. Служивец моего отца Игорь Григорьевич Уваров, капитан Первого ранга, говорил: «я не забываю, что живу вместо твоего отца.» Ради этих выдающихся людей я прошу их поколение, из которого вернулся с войны едва ли один из пяти (а прощать есть за что, и за «комсомолию тридцатых годов, и за бег отступления летом 41-го до пригородов Москвы и до берегов Волги.)

Наши невзгоды – ничто в сравнении с разбитой жизнью наших матерей. Об этом помним мы, но уже наши дети не знают.

Но нельзя сказать, что наше поколение не смеет судить и осуждать, мы так же творили культуру и историю, нашим детям Россию и русскую историю передали мы, и хотя мы недостаточно сделали хорошего, но меньше плохого, при нашем молчаливом неучастии в строительстве новых лагерей догнивают вышки старых, пустеют камеры, многие из нас и рожают, и воспитывают детей, и строят и лечат и пишут книги и делают большие и малые открытия в науке. Мои современники делали многое и из того, что делали наши отцы и деды, которые пытались взять Варшаву в 20-м году (отец моего товарища), и линию Маннергейма в 40-м году, оккупировали Молдавию, Прибалтику,

Западную Украину и Западную Белоруссию (где жил, как неожиданно оказалось, совсем *не наши народ*, и помог ли он нам в войне с немцами? Англичане, французы и американцы, которых мы проклинали, помогли!) ну ладно... Мое поколение тоже не лыком шито, и насадило в Китае, Корее и Вьетнаме и в далекой Кубе коммунизм, и искоренило в далекой Африке Мобуту, и бомбило Афганистан, – сказали ли они нам спасибо?

Но все же, все же, все же...

Я не спору и не осуждаю, я только перечисляю течения народной жизни и не ставлю им оценки. Сегодня никто не целует икону с изображением Малюты Скуратова, а что до Ивана Грозного, то даже самодержцы Российские велели **не изображать его** ни на каких исторических памятниках. С. Б. Веселовский, самый авторитетный исследователь той эпохи, в конце тридцатых годов, на заседании историков в присутствии "графа" Алексея Николаевича Толстого разносит в пух и прах его историческую дилогию, противопоставив ей бессмертные творения другого графа Алексея Константиновича Толстого «Смерть Ивана Грозного» и «Князь Серебряный». В 1943 г. он пишет и резко критический разбор трилогии Костылева «Иван Грозный» (удостоенную Сталинской премии). И что же? Современные советские писатели и режиссеры увековечили его в кино и в прозе и Российская власть ставит ему памятники в городах.

Но я совершенно ясно и неопровержимо знаю, что **муза истории Клио**, дочь Зевса и богини памяти Мнемозины, не даст ни забыть, ни извратить историю, **временщики и слуги тиранов не властны ни над будущим, ни прошлым**. Хотите, чтобы вас уважали внуки и правнуки? Стремитесь знать правду и помогать ее торжеству. Только это сохранит память о вас. Впрочем, вы можете и вопреки своей кривде остаться в памяти, но поминать вас будут недобрым словом, как поминают Чингиза, Батюгу, Мамая, как начали уже и будут всегда поминать Ленина, Сталина и *стаи их "соколят"*.

Сергей Сергеевич Смирнов, которого мое поколение любило за его Брестскую крепость и деятельность по реабилитации ее героев, позже стал секретарем Союза писателей, участвовал в травле Пастернака, даже на писательском заседании, осудившем Пастернака, выступил с первой зачинщицкой гнусной речью, его сын, Андрей, выпустивший знаменитый фильм «Белорусский вокзал» (на который я, впрочем, нападаю), во втором своем фильме «Осень» цитирует стихи Пастернака, и между отцом и сыном состоялся тяжелый разговор, в котором любящий сын упрекал своего отца.

Плохо не то, что мы иногда служим злу: человеку свойственно заблуждаться. Плохо упорствовать в своих заблуждениях, оправдывать их, не подвергать их свету самосознания. И хотя Сергей Смирнов вправе был огрызнуться, не судья сын для отца, но... *«А ты разве никогда не сделал ничего, за что потом было стыдно?»* Но вот это и главное: *Было ли стыдно?*

Напомню одну мою встречу с Сергеем Павловичем Залыгиным. В его кабинете Редактора Нового мира мы собрались выпить, чтобы скрепить наши товарищеские отношения, и я принес бутылку водки и налил два стакана.

– Погоди! – сказал Сергей Павлович. – Может быть, ты еще не захочешь со мной выпивать. Я должен тебе сказать – а я знаю, что у тебя товарищеские отношения с Солженицыным, – что на заседании Союза писателей, где его исключили из Союза, я голосовал за его исключение.

– Сергей Павлович, это ничего не меняет в моем отношении к вам, существованию все то, из-за чего вы мне близки: и ваше творчество, и Новый мир, и борьба против поворота рек, что даже важнее всего, и наша дружба и доверие ко мне, – ответил я. – А быть вам судьей я не имею права – *кто я такой?* Вы могли бы поговорить об этом с Солженицыным (который, к сожалению, не выпивает), а со мною мы поговорим о нас. У вас были свои причины поступать так или иначе, и вы не нуждаетесь в моих оправданиях. Поэтому выпьем за то **чувство симпатии и доверия, которое нас связывает, которое не без основания и которое неизменно!**

Вернемся к главному вопросу Метаистории: *«Откуда есть пошла русская земля, кто мы по национальности и чьей родиной является Россия?»*

Кстати, напоминаю, что в Русской истории, философии и литературе (и даже в той части математики, которая имеет отношение к русской литературе, к новелле Пушкина «Пиковая дама»), у меня есть заслуги: я издал «Россию и Европу» (хотя книгу к печати подготовил профессор Галактионов, но никто ее не собирался издавать, так как к великому Данилевскому, создателю *теории культурно-исторических типов*, прилепили ярлык эпитгона позднего славянофильства, и вот после ста лет забвения к Данилевскому пришла запоздалая слава); я также впервые в русской истории издал Корпус сочинений Дионисия Ареопагита «О божественных именах. О мистическом богословии.». 1995. Издательство: Санкт-Петербург: Глаголь»; и кроме того, я издал «Радзивилловскую летопись», содержащую 612 акварелей.

Так что я вправе рассуждать о метафизике русской Истории!

Владимир Алекс. Солоухин. (Из книги "ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ")

...На Владимира Ильича Ленина ложится вина не только за все, что он натворил лично с 1917 по 1924 год, но за все, что, идя по его пути, исполняя его заветы, натворила созданная им партия. Если бы судить лично Ленина, то хватило бы для смертного приговора убийства, например, безвинной царской семьи или одного безвинного Гумилева, но мы должны сформулировать обвинение по пунктам. Невольно придется кое в чем повторить самого себя же, но ради четкости и полноты формулировок с этим надо смириться. Итак, партия большевиков РКП(б), ВКП(б), КПСС, созданная Лениным как инструмент власти и насилия, виновата:

1. ...в том, что ее именем группа революционеров-экстремистов 25 октября 1917 года арестовала Временное правительство, а позднее разогнала Учредительное собрание, то есть незаконным насильственным путем захватила власть в Российской, к тому времени, уже республике.

2. ...в том, что власть этой группой была захвачена не только насильственным, но и обманным путем, не ради благополучия и процветания многочисленных народов, населяющих страну, но ради проведения в стране социально-политического эксперимента, ради использования населения и всех богатств страны, как ресурсов, материала, сырья, массы для этого эксперимента...

3. ...в том, что, увидев, что 90 процентов населения участвовать в этом утопическом эксперименте не хотят, захватившие власть вместо того, чтобы отказаться от эксперимента и самоустраниться, развязали в стране чудовищный, невиданный террор, в результате которого была уничтожена более чем третья часть населения...

4. ...в том, что именем партии была развязана кровопролитная братоубийственная война, а цвет нации, если и уцелел частично в этой войне, был выброшен за пределы страны...

5. ...в том, что, ради удовлетворения своих политических амбиций, именем партии была осуществлена вандалистская акция убийства Царской семьи, невинных детей и женщин...

6. ...в том, что на протяжении своего властвования властители, отнимая у крестьян весь хлеб, многократно инспирировали голод, уносивший миллионы жизней, доводивший до людоедства и детоедства...

7. ...в том, что многочисленные восстания, естественно вспыхивавшие против жестокого насилия, подавлялись с еще большей жестокостью, буквально топились в крови: *восстания Путиловское, Колпинское, Ижорское, Кронштадтское, Ярославское, Рогачевское, Астраханское, Ижевское, Пермское, Пензенское, Тамбовское, восстания по всей Сибири и по всей Средней Азии...*

8. ...в том, что именем партии было произведено массовое истребление **донских и кубанских казаков** (расказачивание России), когда войсками ЧОНа уничтожались целые станицы с женищинами и детьми...

9. ...в том, что под предлогом борьбы с голодом (вызванным самими же захватчиками власти и страны) были ограблены и вывезены несметные богатства, накопленные веками в церквях и монастырях...

10. ...в том, что в местах, где живут мусульмане, были уничтожены сотни мечетей и медресе, а также муллы и учителя...

11. ...в том, что в одной только Бурятии в 1936 году было сожжено 36 буддийских монастырей (дацанов) вместе со старинными (тибетскими) библиотеками, историческими, художественными и материальными ценностями...

12. ...в том, что по всей стране было разрушено более 90 процентов монастырей и храмов, а в одной только Москве 450 храмов, включая великую святыню России – Храм Христа Спасителя...

13. ...в том, что в 1929-1930 годах была проведена насильственная коллективизация крестьян с уничтожением 6 миллионов наиболее крепких хозяйств (около 15 миллионов человек), с уничтожением, например, в Казахстане, многомиллионных табунов, отар и стад...

14. ...в том, что коллективизация привела к отчуждению крестьянина от земли, от заинтересованного труда, к тому, что мы теперь называем раскрестьяниванием России, к полному захирению земледелия, к полному запустению деревни, зарастанию земли сорняками, а плодородных лугов – кочками и кустарником...

15. ...в том, что, имея целью не процветание своего государства и народа, а призрачную и утопическую мировую революцию, мировую коммунистическую систему и для того используя поработенную, изнасилованную страну лишь как источник средств и ресурсов к осуществлению утопической идеи, именем партии на протяжении десятилетий шло **разграбление богатейшей страны**, шло поспешное **варварское сведение лесов**, происходил *поспешный варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что приводило как к гибели древесины (топляк), так и к гибели рек, дно которых выстлано топляком в тридцать слоев, шло опустошение недр, хищническое выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра*, и все – на продажу, и все – сырьем; шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек – благородных рыб, и все – на продажу, все – мимо коренного населения; **шло маниакальное строительство гигантских плотин, маниакальное создание гигантских водохранилищ (водохранилищ), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей; шло погубление уникальных на земном шаре воронежских черноземов, отравление Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов [га] травянистых пастбищных степей (целина)**...

16. ...в том, что страна в течение десятилетий была покрыта сетью лагерей, которые перемололи **ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ** человеческих жизней...

17. ...в том, что система насилия, угнетения, безправия разрушила общество как таковое, привела его к дефициту нравственности, человечности, духовности, что, в свою очередь, привело к тотальному алкоголизму и к тотальному расцвету преступности...

18. ...в том, что, поразив людей параличом страха, *каждого пятого человека завербовывали в тайные доносители* (сексоты, стукачи), и таким образом *не менее чем пятая часть населения была дополнительно изнасилована и нравственно развращена*, ибо нельзя же считать нравственно полноценной личностью тайного доносителя, стукача... (Насчет каждого пятого обнародовал Хрущев, разоблачая деятельность Берии...)

19. ...в том, что, начав лгать с первого дня господствования в стране, партия лгала на протяжении семидесяти с лишним лет и, продолжая во многом лгать и сегодня, приучила население ко лжи, сделав ложь законом жизни в стране и тем самым дополнительно, сверх всяких мер развратив население нравственно и морально. Ложь была нужна партии и состояла в том, что диктатура группы революционеров-экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, что эта группа интеллигентов (*полунинтеллигентов*) – экстремистов сама провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства. Ложь состояла в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение человека (людей) выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание, что, короче говоря, **все черное выдавалось за белое...**

20. ...в том, что правящая группа людей именем партии и от имени партии на протяжении десятилетий навязывала населению страны свою волю, не терпя никакого непослушания и даже инакомыслия, тем самым извратив психологию людей, превратив их в покорных и безмолвных рабов (*непокорные и безмолвные изымались и уничтожались*).

21. ...в том, что именем партии целые народы были выброшены из своих исторических мест обитания в казахстанские степи, в пустыни и в тайгу, где эти народы на 3/4 погибли: немцы Поволжья, чечены, ингуши, карачаевцы, крымские татары, балкарцы, грузинские турки...

22. ...в том, что, имея целью утопическую (то есть неосуществимую) идею мировой революции и мировой коммунистической системы, партия содержала десятки «дочерних» партий и режимов с их партийными газетами, тоталитарными структурами в различных странах мира, пытаясь разложить народы, натравить одну часть народа на другую, что приводило к братоубийственным кровопролитиям, террору, дестабилизации, а там, где удавалось добиться хоть частичного успеха, – к развалу экономики, голоду, обнищанию...

23. ...в том, что в результате всех своих действий партия (а она всегда ведь была у нас правящей и ведущей народы вперед) довела страну до последней черты, ввергнув ее в такую пучину экономических, демографических, социальных, межнациональных, экологических бедствий, что теперь неизвестно, как из этой пучины выкарабкаться.

Итак, двадцать три пункта обвинения

Встать, Суд идет!..

(ВИ. Неужели слепо-глухо-немые и над этим приговором посмеются?)

АГРЕССИВНЫЙ ПАТРИОТИЗМ

Владислав Ходасевич

***И вот, Россия, "громкая держава", Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право Тебя любить и проклинать тебя.***

(надо впрочем, помнить, что у мыслящего человека «семь пятниц на неделе», мы отзываемся на каждое дуновение ветра, и хотя наши привязанности прочны, но колеблются как паруса, а «привязанные» постоянны.. ВИ)

ПУШКИН. «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь.

Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и <бордели> – то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне „Онегина“ я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно – услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай да умница».

(Из письма П. А. Вяземскому, 27 мая 1826 года. Из Пскова в Петербург).

«Что надо было сказать и что вы сказали – это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истиной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека. ...».

(Из письма П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 года, черновая редакция).

«Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом».

(Из письма жене, 18 мая 1836 года).

Критическое отношение к России не противоречит и патриотизму, вот и известное стихотворение Пушкина тому порукой.

«Клеветникам России. «О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой грозите вы России? Что возмутило вас? волнения Литвы? Оставьте: это спор славян между собою, Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою, Вопрос, которого не разрешите вы.»

Но да ведь и Лермонтов таков же, кто не знает наизусть его стихов о Бородино? Но он же сказал в стихотворении **«Родина»:**

Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью, Ни полный гордого доверия покой, Ни темной старины заветные преданья Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю – за что, не знаю сам – Ее степей холодное молчанье, Ее лесов безбрежных колыханье, Разливы рек ее, подобные морям;

И Пушкин и Лермонтов **возражают** – Пушкин возражает, как очевидно, «русофобам», Лермонтов – *квасным патриотам* или (как назвал бы я их сегодня) **«казенно-агрессивным патриотам»** – за право любить по движенью души, а не по приказу фельдфебеля.

Пушкину немедленно возразил главный в то время «русофоб*» Петр Вяземский, который входил в первую пятерку популярнейших поэтов России, его неоднократно называли «остроумнейшим русским писателем», его стихотворения становились народными песнями («*Тройка мчится, тройка скачет...*»), цитаты – пословицами («*И жить торопится, и чувствовать спешит*», «*квасной патриотизм*», «*Дедушка Крылов*».) «Открыли» Вяземского только в XX веке – и поразились его тонкости и глубине.

«За что возрождающейся Европе любить нас? Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения? Мы тормоз в движениях народов к постепенному усовершенствованию нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем на ней.

Что же тут хорошего, чему радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст, что физическая Россия – Федора, а нравственная – дура... (по пословице «Велика Федора, да дура».)»

[* так что же такое **русофобия**? Точнее – что такое *борьба с русофобией*? Это чрезмерная реакция на критику государства и власти, которая воспринимается как критика всего святого, как ниспровержение бога, царя и отечества, особая разновидность консерватизма. Так как человек изменчив, то жизнь преподносит нам парадоксы, и на старости лет сам Вяземский, бывший в молодости демократом и «либералом», «декабристом без декабря», друживший с многими декабристами, как и Пушкин, в том числе с Пушным, стал брюзгой и ретроградом, то есть консерватором.

В чужих устах критика отечества задевает всякого патриота, но сюсюкающий патриотизм оскорбляет еще сильнее, тем более что он нетерпим к свободомыслию, это мировоззрение Аракчеева и Победоносцева – ну а о советском патриотизме, жертвами которого стали миллионы лучших русских людей, лучше не говорить. В русофобы попадают и Булгаков, и Солоухин. Досадно, что Игорь Ростиславович Шафаревич написал книгу («Русофобия»), которая его сделала знаменитым у защитников старой власти, с которой он некогда боролся вместе с Солженицыным. Хотя, сознаюсь, некоторых авторов Новой газеты мне и самому было неприятно читать – но все же лучше претерпеть укоризну, чем всем залепить рты воском.

Но еще хуже «агрессивный патриотизм», та ненависть к «либерализму», которая за любовью к отечеству скрывает ненависть к России и к живому национальному чувству. *Агрессивный патриотизм* – это официальная государственная политика тоталитарного режима, и проявляется она во всех странах одинаково, жертвами ее являются так называемые «враги народа». Иногда эти функции агрессивного охранительства берет и сам народ, как показано в пьесе Ибсена «Враг народа», написанной в 1882 году. Вот один из отзывов на нее: «Эту пьесу можно растащить на цитаты и обнаружить, насколько они применимы к нашей жизни. Это классический конфликт «человека и общества», но принимает он тут совершенно чудовищные формы. Все настолько знакомо, что плакать хочется от безысходности.]

Но причина нашего общественного разделения, раздробления и противостояния коренится не только в психологии личности, но и в народе.

Русь, Россия и Русский народ. Народы России. Славяне и варяги.

Многое отличает человека от животного мира, в царстве зверей хотя и существует соперничество и борьба за власть, но звери не загрызают друг друга, а люди и государства воюют друг с другом, убивают и предают и подвергают пыткам. Если бы неразумная *эволюция* была причиной происхождения человека и основой его совершенствования, то как бы мы ее могли объяснить? Но если в основе «прогресса» и развития *промысел божий* и *энтелехия*, то и они поставили бы нас в тупик – что же это за разумное целеполагание, которое привело к тому, что мы истребляем друг друга и обращаем в рабов и в крепостных? И слепая случайность и зрячий промысел божий дискредитированы ненавистью, которая противопоставляет не только один народ другому, но и братьев внутри одного народа, мужчины порабащают женщин, помещики крестьян, воры и мздоимцы обирают, помещик назначает непомерный оброк или заставляет трудиться на барщине во все рабочие дни (а в колхозе трудились и в воскресенье!!!! – и даже в урожайные годы голодали), а еще приходит враг и угоняет в полон и продает на рынке, да и свой помещик крестьян продает, разлучая даже родных – неужели это единый народ, где все родились в конце концов от общих родителей?

Из исторических хроник, как во Франции и в Англии, мы узнаём, что англичане произошли от войны и соединения кельтов и англо-саксов, затем от завоевания их викингами и норманнами, наши летописи тоже повествуют о том, что пришли варяги Русь и поработили славян или пришли варяги и поработили русских славян – но так или иначе, потом пришли татары и поработили тех и других, но судя по внешнему виду населения Московского княжества, татар было не так уж и много, потом уже русские присоединили к себе угро-финские и тюркские племена, и ныне мы все вместе сосуществуем в России. Зверства большевистской революции объясняются двояко: во-первых, этническим столкновением потомков славян (ставших крестьянами) и потомков варягов и пришлых европейцев (составивших дворянство и духовенство); во-вторых, столкновением инородцев и великороссов (всех, и крестьян и дворян вместе).

Что же теперь делать? Можно, конечно, *отмстить неразумным хазарам* а на опустевшие земли придут китайцы с востока и немцы с запада и поделят оставшихся. Но разумнее – полюбить это уже почти безлюдное пространство как общую Родину, по неизвестной причине называющуюся **Россией**, Родину для русских, варягов, немцев, славян, финнов и татар, калмыков и тунгусов и всех, кто не хочет отсюда откочевать в более благодатные земли. Я русский, родился в Сибири, потомок ермаковских казаков, житель Петербурга (где живут и потомки немцев, татар, шведов, финнов, евреев, дворян, чекистов, колхозников, рабочих, воров и надзирателей... говорящих на русском языке...) Родина у нас не Удмуртия и не Сибирь, а **Россия**. Мы, как ни странно, единый народ (коли общая родина), хотя мы еще не узнали, что такое народ. И все же – земли нам хватает, жилища есть (пусть не у всех), соединяют нас язык, культура и память. И пусть мы удмурты, тунгусы, поляки, русские и сибиряки, но как во Франции все по общей Родине французы, то неотвратимо и нам всем стать – **Русскими!**

Что этому мешает?

Кто-то скажет, что этому мешает *многознание* (о котором говорил еще Гераклит), но пока в Ареопаг избирали знающих, Афины держались и даже иногда процветали, и пока в Спарте тон задавали мужественные и стойкие, Спарта тоже держалась, и пока все жители Греции и ее колоний знали наизусть Илиаду и Одиссею Гомера, народ сознавал себя единым народом, так что многознание не мешало единству, а помогало. Что же до меня, то я не такой уж и знающий, есть те, кто знает больше меня.

Я отчасти не похож на «всех», если под *всехностью* понимать умение принимать какую-то безумную *единую* точку зрения, и нежелание выслушать разумных, *не таких как все*.

Но я уже утомил читателя (если он все еще меня читает), поэтому приведу еще только одно рассуждение.

Модно ныне похваляться победой в прошлой войне, причем победили у большинства деды и прадеды, а таких как я, у которых победили отцы и матери, уже немного. Но мы не похваляемся, слишком дорогой ценой победили наши отцы.

Более того, модно стало при всяком даже кажущемся недоброе слове соседей тут же вскрикивать: **можем повторить!** Эти вскрикивающие имеют в виду, что они могут сесть в танки и приехать в Берлин или в Париж или в Лондон и в Рим и там делать, что захотят. Но мы и в той войне ни в Лондон ни в Париж не врывались, тем более что и Лондон и Париж и даже Рим после 43 года помогали нам ворваться в Берлин, а если иметь в виду реальных **нас**, тех, кто это вскрикивает, то **мы** никогда никуда не врывались, **мы** даже на танках ездить не умеем, это врывались наши деды и отцы, кто из них дожил до Победы, а ведь для того, чтобы доехать до Берлина, надо было сначала потерять в Ленинграде два миллиона умершими с голоду, включая детей, и сколько еще надо было на всех фронтах потерять убитыми и ранеными!

Эти надписи на заборах интернета я вижу часто, и они почему-то никого не возмущают, а ведь это кощунственные надписи, повторить Вторую Мировую войну в виде прогулки на танке в Берлин невозможно, тем более что эти, пишущие намекают на то, что **мы** на танках можем доехать и до Парижа и до Лондона (через Ла-Манш).

Какие знания о прошедшей войне надо иметь, чтобы так безумно и бездумно, оскорбляя павших, вскрикивать такие глупости – но лучше сказать, кощунства?!

Я верю, что читатели умнее и образованнее, и еще книги читают, и понимают, что если *на всякого мудреца довольно простоты*, то тем более на простака найдутся умники.

Может быть, ни Солженицын, ни Солоухин, ни князь Вяземский, ни Толстой, ни Пушкин, ни Гумилев, ни Марина Цветаева, не во всем соглашавшиеся не только с царями, но даже и с народом (который и вовсе *безмолвствовал*), для современных обывателей не указ и не авторитет (и тем более Блок и Иванов-Разумник... да и все остальные, "**бывшие**", одним усилием вождей революционного народа выброшенные на свалку истории) – то уж я для них и вовсе не указ. *Но я и не надеюсь. И потому замолкаю.*

Нечто вроде Заключения, в котором смысла не больше чем ...

Аристотель и смысл жизни

В истории европейских народов было несколько значимых личностей, по большей части они возглавляли завоевательные походы, колебля устои мира, но никак их не укрепляя. Начнем с **Александра Великого** (356 – 323 до н.э.), царя Македонии, ученика великого философа Аристотеля. Завоевав Грецию, Египет, Малую Азию, Индию, Персию и Среднюю Азию, он стал владыкою полумира, большей части его сравнительно культурных стран. Столицею его империи стала Александрия, в которой со временем сформировалась Александрийская библиотека.

Александр был завоевателем, он покорял народы и государства, во время сражений его солдаты убивали воинов сражающейся с ними армии – но вот поразительный факт: справедливости покоренные цари и полководцы искали и находили именно у Александра, он принес с собою на пространства Азии Античный гуманизм и Античную культуру, а отцом Логики и Этики, Эстетики и Политики был его учитель **Аристотель** (так назывались его основные сочинения), и я сам в 20-летнем возрасте таскал с собою в путешествиях эти его книги (благо они были не столь многословны, как мои собственные). Аристотель не завоевал никого, но **он склонял на свою сторону умы мыслящих**. Обсуждая роль государства в экономических делах, отмечал, что «цель государства – это совместное продвижение к высокому качеству жизни», цель этики (нравственности) – добродетель а также справедливость, цель эстетики – красота, цель логики – наилучший способ поиска истины, **Высшей целью бытия является Благо**.

Общим правилом, по идее **Аристотеля**, должно служить следующее: **ни одному гражданину не следует давать возможности чрезмерно увеличивать свою политическую силу сверх надлежащей меры**.

Существует три хороших (*монархия, аристократия и полиция*) и 3 плохих (*тирания, олигархия и крайняя демократия – охлократия, власть толпы*) формы управления гос-вом.

Смысл жизни Аристотель видел в осуществлении сущности человека, то есть в тяготении к знаниям, освоении различных навыков и умений, возможности любить и быть любимым и иметь рядом родных и близких людей. Я так и живу, но все же я несчастлив. Чего же мне не хватает? Того, что является главной потребностью моей души: возможности и способности **влиять на мир, изменяя его в лучшую сторону, осуществлять справедливость, помогать свободе, добру, красоте и истине**.

Вероятно, именно это понимал и Аристотель под личным счастьем, ибо действительно, **улучшая мир, мы улучшаем и самих себя**.

Противоположная этика у Иисуса Христа, который учил, что **надо покаяться в собственных грехах и спасти свою душу**, то есть ... за многоточием трудно написать что-то определенное, там может быть и неопределенная «любовь к ближнему», которая может заключаться в сожжении Жанны Д*Арк и убийствах безбожников и инакомыслящих, там может быть и **благодать**, неотделимая от нирваны, *бездействие в пещере и на столе*.

Но то, чему матери учат своих детей и чему Аристотель учил граждан, не противоречит друг другу, и если мир хотя бы иногда раскаивается в своих чудовищных безобразиях и жестокостях, то это инстинктивное стремление к справедливости, правде и благу наших матерей и наших античных (то есть языческих) философов. Надеюсь, что чему-то подобному учу и я

В чем мои главные недостатки? У меня путаное и расплывчатое представление о народе, и то ОН – это ВСЕ, которые сами себя считают русскими, то это ВСЕ, которые любят не царя, не государство, а Россию как нашу общую Родину, или это **русский язык и русская культура**, которые я воистину люблю, вместе с природой России, которую обезумевший русско-советский народ безжалостно истребляет. Хотя **Природа** как будто не духовна, но она так же относится к народу и неотделима от него, как тело человека неотделимо от его души. Но большая точность хуже...

Учение о социализме и христианство во многом похожи, они одинаково приносят в жертву живого непосредственно живущего человека отвлеченным догмам, будущему коммунизму и царству насильно обобществленного труда и будущему воскресению. К счастью, пока не осуществилось ни коммунистическое превращение общества в муравейник ни превращению человека в листья на древе небесном.

Я надеюсь на реинкарнацию, то есть на **возрождение** в новой жизни, но фрагментарных знаний об этом у меня мало, чтобы поучать других.

Мне можно возразить многое.

Все то, что я излагаю в виде довольно запутанной философии, длинно, Новый Завет короток – но его истолкование как и истолкование учения двух человеконенавистников, Маркса и Ленина и примкнувшего к ним Шепи ... тфу, ... Сталина занимает тысячи если не более томов псевдофилософской галиматии – и кого они сделали счастливыми? Римских пап, императоров, тиранов, крепостников, чекистов, палачей...

Второе возражение состоит в том, что Христос получил Откровение и совершал **чудеса**, и в Кане галилейской напоил народ вином, и в пустыне накормил хлебом три тыщи народу – но накормил ли он два миллиона умерших с голоду в Ленинграде в Блокаду?

А **чудеса сопутствуют моей жизни**. Не имея денег, я издал *Россию и Европу, Радзивиловскую Летопись, Жития протопопа Аввакума и боярыни Морозовой*, издал Есенина *«Шел Господь пытать людей в любви»*, кормил детей в деревне, в которой жил летом, и возил им узлы с одежей, да и просто они часто бегали к нашему дому, чтобы услышать доброе слово. И я издал еще десятки хороших книг, когда другие издавали другие. И разве не чудо, что мой «Пилат» не только не отправил меня на виселицу, но и освободил из заключения? **И я не говорю, что надо любить всех ближних, но я и не призываю рубить им головы**. По крайней мере один человек под влиянием моих проповедей стал лучше, это я сам. Я никого не убедил в своей правоте, но я успокоился и не сотрясаю Геркулесовы столбы, ибо справедливо: *«Поэт, забудь о суете, как забываешь о ничтожном, когда крылом неосторожным, ты прикасаешься к мечте. Доверься жизни и судьбе, Не напрягай в полете крылья! Что предназначено тебе, то обретется без усилия!»*

«Но все же, все же, все же...»

«Познай самого себя, – говорил Сократ, – и тогда ты познаешь мир!»

Чтобы познать себя, надо в себя всматриваться, для этого надо либо уметь смотреть в себя так, как будто ты видишь себя извне, либо смотреть на себя в зеркало.

А как через себя познавать мир? Для этого надо самому стать зеркалом мира, сравнивать каждое его свойство с аналогичным свойством самого себя. Но когда (вольно или невольно) возделываешь в течение жизни свою личность, свой духовный мир, *совершенствуешь себя* (то есть, как полагают христиане, *спасаешь свою душу, возносишь ее горё*), то мир, чаще всего пребывающий в естественной скверне, начинает тебя раздражать, он естествен, самопроизволен, а *ты, как огород или сад, культурен, искусен, искусствен*, собственное Я, с которым как с зеркалом, ты сравниваешь мир, оказывается лучше мира. Я всегда шире себя, в Я входят родители, семья, и *идеальное я*, которое создается в воображении.

Если в семь лет ко мне пришел Ангел и сообщил, что мне суждено спасти Россию, если я тогда же в течение одного дня научился писать и считать, перелистал учебники до четвертого класса включительно и словно бы впитал их в себя, чуть позже в правлении колхоза вслух на ПолитИнформации зачитывал передовицу газеты Правда (получая за свой труд целый трудовень), сочинял стихи и сыграл на сцене девочку, то естественно, что я с тех пор соразмерял с собой все происходящее, как и Сократ. В войну погиб мой отец и под стенами Брестской крепости дядя Василь, брат моей матери. «Девятое мая праздновали в 45 - 47 годах, 23 декабря 1947 года выходной был отменён, лишь спустя два десятилетия, в юбилейном 1965 году День Победы снова стал нерабочим. **Парады 9 мая стали** регулярными с 1995 года, а военная авиация возобновила участие в торжественных мероприятиях в 2005-м. В нашей деревне в Сибири фронтовики 9 мая регулярно напивались (как и в другие дни) и рвали на себе рубахи, но шапки никто не кидал, угрозы в адрес Америки и Европы стали раздаваться только в последние годы.

Слушал беседу с одним из уехавших, живет в Испании, неожиданно осознал, что он «этнический еврей», но иврит еще не изучал, пока изучает испанский. На Западе этот *психоз*, сказал он, «*самоидентификации*», человек переживает только во взрослом состоянии, на вопрос, «кто ты», человек отвечает гораздо проще, например: Я – Таня Иванова, но не называет себя ни русской ни татаркой (кстати, о том, что «сибирским татарам» отказывают в признании их народом, я узнал еще в школе и был возмущен, но уже тогда проповедовал, что *все мы – русские*, а жители Сибири еще и *сибиряки*, но некоторые еще и литовцы, немцы, поляки...). До девяностого года русские в европейской части СССР считали себя советским народом, а многие так думают и сегодня. Большинство русских и сегодня гордятся антирусской победой в Гражданской войне и равнодушны к уничтожению трети русского народа в последующих чистках, между Лениным и Николаем выбирают Ленина, между Колчаком и Чапаявым (или Блюхером) выбирают Блюхера и возмущены восстановлением памяти «белогвардейских» генералов, даже писателей и поэтов. Возвращению памяти Сталина народ ликовал – и как же я должен был

относиться к такому народу? Кстати сказать, до отмены Крепостного права и помещики не считали народ народом, Кошелев писал, что *«без православия русский народ дрян!»*, и в душе моей кипели бури, я воображал себя стоящим на месте казни вместе с Желябовым и Софьей Перовской, и был возмущен поведением Достоевского, не одоббившего оправдание Веры Засулич. *«Жаль, что тебя самого не вздернули по делу Петрашевцев!»* - подумал я тогда.

Теперь я понимаю, что между нами лежал не социальный раскол, а этнический, как между Жанной и Бургундцем, о котором она сожалела, что не отрубила ему голову.

И все же, все же, все же... **язык, культура, память и природа** – что является главным в становлении национальной принадлежности? У цыган и евреев – происхождение, у писателя – язык, у большинства национальной принадлежности нет. Возможно, это и не случайно, как правило, субъектом исторической жизни является государство, точнее – государственная власть, но не народ и тем более не население, до пятого века Римом были те пятьсот патрицианских семей, которые за тысячу лет до этого Рим и создали, все инородцы сначала породнились с этими семействами, и потом уже становились полноценными Римлянами.

О своем отношении к бывшему советскому государству я больше писать не буду, большинство даже еще и не осознало, что советского государства и советской власти больше нет, они живут в прошлом своего детства.

О государстве современном я тоже писать не буду, мы все еще не поняли, чем оно является.

Если в основании Бытия (согласно Платону) не вещи, а идеи, то моя собственная национальная принадлежность определяется идеей **Святой Руси** (в которой я разочаровался), идеей **России** как формообразующего начала и **Русским языком** как богоданным явлением. Характер личности, впрочем, *определяется* еще тем **сочувствием**, которое, согласно Тютчеву, дается нам как *благодать*, в том числе *сочувствием к женщине*, и сибирской природой.

Но и это не все. Между личностью и миром зыбкие отношения, они влияют друг на друга, в частности, так как **население** и множество разнородных социально-природных явлений являются в своем соединении еще только **становящимся народом**, то именно Личность его созидает и порождает, вот почему мы так часто поминаем Гоголя и Тараса Бульбу *«Я тебя породил и я тебя и убью»*. Но все же, перечитывая Солоухина, **пожалеем этот народ и простим его, может быть он еще образумится**.

*Я болен, семь часов утра / Ни друга, ни врага. / Чингиза, Грозного, Петра,
/ Коня, собаки и костра... / ...Поля, вьюга, стога! /*

*Я болен, мир мой опустел, / ни выпить, ни уснуть. / Жизнь – окруженье
душ и тел, / Не тех, что звал, искал, хотел... / Но жизнь еще и **Путь**. /*

*Всё тленно, да, то мир вещей, / Но память всё хранит. / Преданье битв,
святых мощей, / Ожжи губ и запахи щей, / И холодок ланит.*

*Я не заметил, как уснул. / С небес летит блесна. / Я рыба. Пью, как хмель,
весну. / Прощаю Божию блесну, / Прощаю ночь без сна.*

Преемственность зла

Обвиняя Ленина и его соратников в преступлениях против русского народа, Владимир Солоухин не отделяет стеной период завоевания власти и период ее упрочения и окаменения, он подчеркивает преимущественную роль и вину Ильича, но не обеляет исполнителей, когда те действуют согласно установленным главарем воровской банды правилам, и как в Голодоморе 1921 - 1923 годов, призванном уничтожить в России православную церковь и христианство и сокрушить целый класс людей, связанных с церковью, то есть Духовенство, именно Ленин играл главную роль, так в Коллективизации (*раскулачивании крестьян*) главную роль играл Сталин, но карательное содержание Террора было неизменно, оба вождя сокрушали оплоты России, и сокрушили, причем успешно, то есть в полной мере.

ЗЛО, пришедшее к власти в 17 году под водительством кровожадной банды экспроприаторов, действовало одинаково при первом и при втором **Тиране**, действия исполнителей Злой воли были доведены до автоматизма, народ разделился на волков и овец также почти автоматически, у одних выдавались вперед клыки, у других дрожали хвосты.

Что случилось в марте 1953 года, когда на первое место в банде выдвинулся Хрущев? Устал ли народ от казней? (Но его никто не спрашивал). Или страх проник в стан главарей? (Да, это возможно). Но лавина террора неожиданно остановилась. Прошло с тех пор 70 лет. Новых сторонников Сталина не могло народиться, так как чтобы наэлектризоваться энергией террора, надо было хотя бы окончить школу – но им сегодня было бы по 90 лет – какие из них вожди, учителя, пропагандисты, воспитатели душ?

Тем более что сегодня сошло с ума и ринулось в активисты сталинизма поколение моложе 75 лет, те, которые при его жизни еще и говорить не умели – что с ними случилось? Это они прозрели, поумнели, занялись изучением истории России 20-х, 30-х, 40-х годов? И увидели лавину свершений советской власти в деле индустриализации, научно-технического прогресса, производства и урожайности зерновых? Нет.. После Октябрьской революции карточки появились в августе-сентябре 1918 года и про-существовали до 1921 года, когда окончилась Гражданская война -- – тем не менее **в апреле 1929 года** были снова введены **карточки на хлеб, в июле 30 – на мясо**. Они были отменены в начале 1935 года, введены снова в октябре 41 года а связи с началом войны и отменены в конце 47 года .».

Так о чем же тоскуют советские люди сегодня и зачем хотят воскресить Сталина? За что ненавидят Хрущева, строившего хотя бы «хрущевки»? Подавляющее большинство влюбленных в Сталина и в Советскую власть и ненавидящих Хрущева родились после 53 года, то есть 70 лет назад. Сталина они не видели даже в гробу, а когда отстранили от власти Хрущева, им было 10-11 лет. *Эти люди ЛЮБЯТ воображаемое прошлое, которого не видели (пафос коммунистического труда, историю как волю народа) и воображаемое будущее (Страшный Суд, Конец Света, Воскресение праведников)*. А я видел последствия войны для отдельного человека, одиночество матерей, голод, всеобщее пьянство, тюрьму, получил прекрасное образование, читал книги, разоблачившие мифы, подменившие историю и философию.

Но самое главное, что словно бы для того, чтобы подтвердить, что слова ангела из детства мне не приснились, моим воспитанием занималось так много добрых и умных людей из разных слоев народа, каждый вносил нечто своё в копилку моего воспитания, и это часто было подлинным чудом, и библиотека Бестужевских курсов и университета, открытые для меня вместе с книгами из спецхрана, и игумен Авраамий с его чистой и глубокой верой, и Мариинская опера, и обе филармонии, и БДТ, и граммофонные пластинки Перепелкинских сред, и литературно-музыкальные вечера у меня дома, и мои необыкновенные друзья и знакомые, многие из которых были выдающимися артистами, писателями, учеными. Но для чего? Неужели только для того, чтобы польстить моему тщеславию? Ибо все мои познания не давали мне главного, они не объясняли мне мир так, чтобы я получил способность хоть что ни будь в нем изменять к лучшему, и предостерегать других от *неправды*. Даже многие мои современники как поклонялись демонам, так с ними и остались.

Те учения, которые существуют не в виде устной традиции, а изложены в книгах самих создателей или их учеников, иногда можно опровергнуть, хотя не все. Чаще всего их неправда и тлетворность обнаруживается при их изучении. В центре политической экономии марксизма так называемая *Теория прибавочной стоимости*, многими критиками марксизма убедительно показано, что *не непосредственный труд рабочих ее производит, а организация труда, кооперация, товарообмен, разделение труда, конвейер, ссуды и займы и т.д.* Так же убедительно я показал нелепость дарвинизма. Но ведь верующие хотя и затрачивают некоторый труд, чтобы **принять миф**, но отказываются его глубоко понять – чего обычно достаточно, чтобы его отвергнуть. Книги, которые я написал, для многих стали бы источниками просвещения и познания «Истины» – но ведь надо трудиться, читая их. Чтение Библии и Нового Завета способны просветить заблуждающихся, это интересные книги и оправданно, что они так широко цитируются – но никто из моих друзей не прочитал их внимательно и до конца, хотя Новый Завет можно перечитать за один день и задуматься, действительно ли произошло *грехопадение* и зачем оно словно бы было спровоцировано, не так ли и Ленин и большевики подтолкнули оппозицию начать восстание? – ибо это был дьявольский план уничтожить ее физически повсеместно и полно.

Так же книги Владимира Солоухина освобождают человека от духовного рабства, и его прежние легальные книги (*Письма из Русского музея и Черные доски*) и его поздние, сначала бывшие нелегальными, особенно его книга *«Читая Ленина»*. Точно так же и я когда-то читал Ленина и увидел, что его сочинения – это с одной стороны маниакально-депрессивный психоз (как и у Гитлера), а с другой – хитроумный дьявольский план превращения общества в управляемый мертвый механизм, немного похожий на живой еще муравейник, но с муравьями в состоянии летаргического сна. **Книги и беседы Солоухина – гениальны**, их пафос не в исследовании внешней стороны Террора, который менее впечатляющ, чем Мировая война, а в живом представлении *Холокоста (όλοκαύστος – «всесожжение»)*, **примененного большевиками к Русскому народу**. Но является ли стремление узнать «Истину» смыслом жизни? Лишь для нескольких человек.

Что значит быть русским?

Некоторые говорят, что и Ленин был русским (как русскими были **Колчак, Зинаида Лансере**, Владимир Даль, Герцен, Пушкин, Вяземский – и это справедливо). Теперь передам слово **Владимиру Солоухину**.

«Я хочу спросить: *что же было в Ленине русского* и почему же он «русский», если он не только не любил, но ненавидел Россию? Россия ведь не просто звук, это – люди. Они делятся на сословия («на классы», как делил их сам «Ильич»). И вот мы только что перебрали все, что можно было в России перебрать, и увидели, что *Ленин не любил русского царя, и его семью, и весь его род, не любил русское дворянство, русскую интеллигенцию, духовенство и саму церковь, купечество, крестьянство и, наконец, российский пролетариат*. Он все это не только не любил, он это все ненавидел лютой ненавистью и, когда появилась возможность, **истреблял миллионами, морил голодом, расстреливал, топил живыми в баржах, живыми зарывал в землю, отдавал распоряжения: «Чем больше мы сумеем расстрелять этой сволочи, тем лучше»**. **Что же он в России любил, любовь к чему давала бы ему право называться русским? Ни-че-го...**

(Но): Россия еще не погибла,

Пока мы живы, друзья...

Могилы, могилы, могилы -

Их сосчитать нельзя.

Стреляли людей в затылок,

Косил людей пулемет.

Безвестные эти могилы

Никто теперь не найдет.

Россия - одна могила,

Россия - под глыбью тьмы...

И все же она не погибла,

Пока еще живы мы.

Держитесь, копите силы,

Нам уходить нельзя.

Россия еще не погибла,

Пока мы живы, друзья.

Под какими истлели росами

Не дожившие до утра

И гимназистки с косами,

И мальчишки-юнкера?

Куда бы судьба ни носила,

Наступишь на мертвеца.

Россия - одна могила

Без края и без конца.» Вл. Солоухин

ВИ. Призвание варягов (или норманнское нашествие) – как это же было и в Англии и во Франции – стало началом тысячелетнего **становления** Русского (крестьянско-дворянского) государства и народа, состоявшего из

тела и души (хотя что в народе тело, что в народе душа? Тем более что нет у него единой воли, единой культуры, единого происхождения, даже характер разный у разных сословий?) Потом еще произошло призвание Христа и христианских апостолов – и что именно прорастало и произрастало в европейских народах, *языческая лоза, привитая к иудейскому религиозному винограду, или религиозная иудейская лоза, привитая к культурному античному дереву* (так рассуждал, в таких терминах, апостол Павел в Посланиях евреям)?, Но христиане преувеличивают явление Христа, каждый из народов в Европе состоит из той же глины, что и мы, "либерасты" ли они **там** (западнее наших границ) или безграмотные придурки **здесь**, в этой глине: **Театр** (хотя бы по телевизору для тех, кто в театре не был ни разу, **Книга** (хотя бы букварь в первом классе), **зодчество** (архитектура) (хотя бы развалины господского дома около деревни), **скульптура** (ваяние – хотя бы статуя Ленина на площади), **музыка** (хотя бы гармошка и народная песня), **наука** (хотя бы рецепт, как гнать самогон из табуретки), **математика** (хотя бы счет чисел и прямоугольный треугольник), **география и мореплавание**, ... Большевики разрушили в России ВСЁ в такой же степени абсолютно, как Христиане в Риме – но и Европа заново научилась читать и писать трагедии Гомера и Эсхила, и русские хотя и получили азбуку с Запада, пишут на ней не хуже еллинов и англичан.

Но "*призвание Ленина, Троцкого и Сталина*" (вместо варягов) словно бульдозером прошлось по русским душам. Сначала стали *«весь мир насилья мы разрушим»*, потом *«отныне несть ни еллина ни иудея»* (но есть *интернационал-космополиты*), потом даже *«и русский мы учим только за то, что им разговаривал Ленин»*, ну а сегодня мы разделились на русофобов и патриотов. Природа запаршивела, язык замусорен, книг патриоты не читают (это западное изобретение, нам негоже), но зато у них высокая духовность (даже уже и не христианская и не пушкинская), и у них воля к окончательному истреблению «Пятой колонны».

«Наше всё» они ненавидят прямо таки с остервенением, ну, и я честно признаюсь, что я их уже не люблю, то есть уже стал окончательным русофобом по отношению к «русским» (если они, конечно, русские).

Сталин теперь не только реабилитирован, но стал религиозной святыней.

Мой товарищ (не прочитавший ни одной книги) дочитал наконец Троцкого о Сталине и цитирует мне его, восхищаясь. Конечно, главного о Сталине Троцкий не написал, создан ли **Сталин** персонально для уничтожения России (как **Троцкий** и **Ленин**), об этом они не пишут, они материалисты, хотя и знают, что они – **Демоны, и уничтожение России – их миссия**.

Даниил Андреев говорит об Уицраоре, что это демон государственности.

В Библии говорится о **Молохе**, многими чертами напоминающем демонов государственности. Но ведь и всякий демон – Дух, и дух России – демон, личность народа не может быть рассредоточена в отдельных лицах составляющих его частных личностей, естественнее считать, что народ состоит из **избранных**, Ломоносов, Радищев, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Белинский, декабристы, Герцен, Тургенев, Толстой, поэты Серебряного века, Иванов-Разумник, Есенин, Павел Васильев, и еще много избранных.

Еще и Иешуа из Вифлесеа говорил, что надо различать духов, есть ли это дух света или дух тьмы, дух добра или дух зла.

Правда, есть еще Кудеяры-разбойники, у которых (бывает и так) «вдруг совесть Господь пробудил...» - откуда следует, что **мир не представляет собою единства и борьбы противоположностей**, и общерусский народ России состоит (сегодня) из множества групп: резко противостоящих друг другу, русских и советских, из вчерашних кудеяров, бывших власовцев, потомков русских бело-гвардейцев, смешанных русско-украинских семей (почти на треть), полукровок, из русских, у которых ни одной капли русской крови (это самые чистые и духовно-верные русские), из староверов (хоть они веника в бане всякому не дадут, все же они безусловно русские), из православных (у которых одно замешает другое), из представителей малых народов, в отчаянии прислонившихся к большому... И так далее.

Бывшие чекисты и большевики – НЕ русские, они ненавидят Россию, они и революцию для того производили, чтобы здесь и не пахло Русью...

В 1651 году английский философ Томас Гоббс написал книгу «**Левиафан**», в которой символом и демоном государства стало морское чудовище, о котором говорится еще в Ветхом Завете, это почти тот же Молох... Но «*Англичанин-мудрец...*» предложил общественный Договор, так и возник этот ненавистный советско-русским **либерализм**. Советский же идеал: Тиран во главе, а не просвещенный монарх 19 столетия, Чингиз или Мамай, Иван Грозный, Ленин или Сталин, или Троцкий, лучший суд – это Тройка, мера пресечения – отсечение головы... Приведу отдельные эпизоды.

Расстрелы в рамках национальных операций НКВД

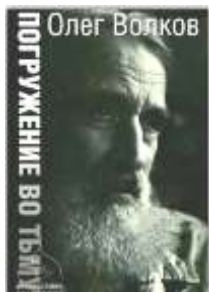
По «немецкой операции» в течение 1937–1938 годов было осуждено 55 005 человек, из которых **41 898 – приговорены к расстрелу**

По «польской операции» в течение 1937–1938 годов были осуждены 139 815 человек, из которых **111 071 – приговорены к расстрелу**

Левашовская пустошь. Всего за 1937–1938 годы в Ленинграде были расстреляны около *сорока тысяч* человек, К 1954 году общее количество похороненных здесь жертв сталинских репрессий достигло **45 тысяч**.

Источники: Архипелаг Гулаг. Александр Солженицын.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР. КОНКВЕСТ РОБЕРТ. Численные оценки жертв террора, сделанные Р. Конквестом, часто оспариваются. Однако важнейшая часть книги – это не два-три числа, полученные методом грубой оценки и подвергаемые сомнению, это подробное отслеживание трагических событий 30-х. Событий, в полной мере подтвержденных документально.

АРТУР КЁСТЛЕР – «СЛЕПЯЩАЯ ТЬМА» – роман, изобразивший процессы тридцатых годов, давший первую трактовку ужаса, воцарившегося на шестой части земной поверхности.

Олег Вас. Волков. ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ.

Я был в Перedelкинe через неделю после его смерти, на столе в его кабинете лежал мой журнал **МЪра**, раскрытый на строках: **Дорогой Олег Васильевич!**

Так что же случилось в Российской истории в 20 столетии?

В 1917 году в феврале произошла «Буржуазно-демократическая» революция. В октябре 17-го – большевистский переворот, к власти пришла диктатура большевиков. Все то, что в результате случилось с Россией за последующее столетие, можно назвать **«Антиисторией»** - это название является условным, отчасти это метафора, но мы не закрываем путь к пониманию, а словно бы приоткрываем дверь. Все последующие исследования либо дают схематическое, частичное описание того, что произошло с Россией, либо призваны обмануть читателя, исказить картину истории, вплоть до того, что черное заменяют белым, и лишь иногда в той или иной мере дают картину, похожую на правду.

Как жила страна и как она могла жить?

Представим себе некоторого человека, которого в 20-летнем возрасте посадили в тюрьму, он в ней просидел 10 лет, причем ему не разрешали писать Записки и Письма, не разрешали встречаться с родными, и в конце концов расстреляли? Когда окончилась его жизнь? Можно ли считать последние 10 лет частью его действительной жизни? Он не смог жениться, родить детей, получить образование, осуществить какие либо свои личные планы и мечты... Так не закончилась ли история России в 21 году, когда Гражданская война закончилась, и кто должен был погибнуть – погибли, а остатки *русско-варягов* бежали в другие страны мира?

Хотя История еще отчасти продолжалась, Ленин, первый подлинный Левиафан созданного им государства из завоеванной России, только начал осуществлять **План уничтожения Русского народа**, Гражданская война была его первым звеном, когда надлежало уничтожить **"русско-варягов"**, имеющих волю к сопротивлению, изгнать оставшихся и заставить последние их остатки замолчать и попрятаться. **Изъятие зерна у крестьян и устройство Великого голода в Поволжье**, когда умерло от 7 до 13 миллионов человек, это уже **Геноцид Крестьянско-славянского народа**, продолжившийся как **уничтожение** так называемых **кулаков**, или, по ленинской терминологии, *"мелкой буржуазии"* (15млн.). Оставшиеся побежали прятаться в города.

Сталин – второй Левиафан «23 – 53 годы», правивший Россией 30 лет, как и было задумано. По расчетам Менделеева к 2017 году в России жило бы **500-800** миллионов человек, Большой Террор 30-х годов был задуман только для того, чтобы парализовать страхом послушное население, Россия уже прекратила свое существование и превратилась в СССР, **Русский народ превратился в советский**. Избирательный террор был направлен на мыслящую часть населения, обыватель хотя и трепетал, но продолжал существовать, все более растворяясь в атмосфере *направляемой жизни*, все более из человека одномерного», «homo soveticus», и тем, кто превратился, объяснить уже ничего невозможно.

Демографические потери из-за коммунистического ига составили как минимум 300 миллионов, И, учитывая грядущее противостояние народов, если в ближайшие пять лет не произойдет чуда возрождения русского народа, Россия исчезнет с политической карты мира.

В 1953 году Тиран (Второй Левиафан) умер, произошли невероятные события, которые одуроченный обыватель воспринимает самым странным образом. Во-первых, прекратился террор и три миллиона эзков, большая часть которых сидела без всякой вины, были выпущены на свободу, только благодаря их освобождению произошел невиданный промышленный скачок за 11 лет (хотя он еще несколько лет продолжался по инерции, пока не началась эпоха великого Запоя). Заново возникла Русская литература, зазвучали в полную силу уже известные писатели (*Твардовский, Леонид Леонов, Владимир Солоухин, Тендряков, Борис Можжев, Василий Белов, Валентин Распутин* – я не перечисляю писателей, писавших о войне, многие из которых достойны упоминания), стали доступны читателю из СССР старые русские писатели: *Достоевский, Мельников-Печерский, Салтыков-Щедрин, Леонид Андреев, Есенин, Пантелеймон Романов, Пришвин, Михаил Булгаков, Александр Грин*, писатели из зарубежных русских: *Бунин, Марина Цветаева, Мережковский, Зинаида Гиппиус, Георгий Иванов, Набоков...*

Если цветы не поливать, они засыхают, **мое поколение, способное к духовному восприятию**, нуждалось в поэзии Цветаевой и Есенина, музыке Скрябина и Рахманинова – если бы еще год прожил Кашей-Сталин, преемственность поколений была бы разорвана, проза Солоухина и Булгакова, голос Шаляпина, сначала зазвучавший в скромной «хрущевке» Юрия Борисовича, позволили связать с нами военное поколение, подышавшее воздухом свободы, хотя и под грохот снарядов. Появился и новый жанр настоящей культуры – кино, которое приблизило к зрителю театр, хотя бы в столицах, неожиданно возродился городской романс, вернулись на родину песни Плевницкой и Вертинского, романсы и арии Собинова и Смирнова.

А куда бы мы полетели, в какой космос, и в какие города, если бы антисталинский переворот в политике не освободил Глушко, Королева и Туполева?

Но какое бы зло не представлял собою Большой Террор, уничтоживший миллионы лучших, Голод в Поволжье, на Юге России, Ленинградская Блокада и отступление ДО ВОЛГИ неподготовленной к началу войны Советской Армии несомненно являлись частью плана по дальнейшему тотальному уменьшению численности русского народа.

И, наконец, зададим главный вопрос: русские ли вдохновляют этот невиданный в русской истории «ПОХОД ПРОТИВ РУСОФОБИИ»?

Владимир Солоухин первый спросил, *«что же было в Ленине русского и любил ли он что-то в России, что давало бы ему право называться русским»*, если он говорил, что *«чем больше мы сумеем расстрелять этой сволочи, тем лучше»*? Ленин не являлся русским не только по крови – она и не всегда является определяющей, ибо **народ – это культурно-историческое явление**, которое связано памятью, языком, религией, и совместной государственной и экономической жизнью, то есть **народ – это ПОЧВА**, и только во-вторых это происхождение и природное единство, то есть **КРОВЬ**, но есть еще и в-третьих, и это главное: **духовная принадлежность и духовное единство, русскость ПО ДУХУ** – но вот по духу Ленин НЕ русский, как и Сталин.

В десятилетнем возрасте я прочитал десять томов сочинений Сталина, и хотя я верил старшим, что Сталин – это вождь, но меня удивила скудость его собрания сочинений, состоявшего в основном из речей, причем примитивных. В 12 лет я начал изучать Ленина, по объему и по содержанию его собрание сочинений было еле подъемным, но что меня на всю жизнь удивило и от чего я уже не мог отделаться – это особый стиль полемики, бульварно-площадной, неотличимой от ссоры пьяных хулиганов и уголовников, *высмеивание, подковырки, глумление, ругательства...* Троцкий у него и иудушка и шлюха, Беркли (английский философ) тупой поп, идиоты – все, кто с ним не согласен. Сегодня читал об освобождении Праги, речь шла о Пражском восстании, о чехах, о власовских соединениях, подошедших к Праге, и войсках маршала Конева. Пражские восставшие – трусы и дегенераты, власовцы, естественно, дважды предатели, заодно дегенераты и восставшие в 44-м году в Варшаве, которым Сталин не захотел помогать и которых потопили в крови немцы (в восстании участвовала моя будущая *подруга пани Регина*, 16 лет, была расстреляна и наспех закопана, но очнулась и выползла ночью из рва). Я прочитал трех историков, словно три Ильича в каком-то скабрёзном шоу, **хихикая и глумясь**, обсуждали не историческую проблему, в которой связались 6 мая 45 года интересы американцев, которые потом сдали советским комиссарам миллионы советских военнопленных, выживших в нацистских концлагерях на отправленных осваивать Колыму только за то, что сдались немцам а не застрелились (а не у всех было время застрелиться, и я, кстати, так и не знаю, мой дядя *Василь, защитник Брестской крепости*, погиб ли при осаде или был взят в плен и погиб в плену или при попытке бегства – если учесть, что мой дед в 16 году был в австрийском плену и удачно бежал из плена, почему потом и удостоился разговора с царем...) Итак, столкнулись интересы американцев (но почему у этих янки интерес состоял в том, чтобы выдать Сталину русских военнопленных, я не знаю) – тем более не пойму, *почему интерес русских историков состоит в том, чтобы оправдать американцев в сдаче русских* (хотя и плохих)? И кто же из нас русофоб и что такое любовь к русским? Это любой ценой оправдание Сталина и советской власти (с которой **русские** сражались в Гражданскую)? И оправдание американцев? Далее идут восставшие чехи, которые виноваты в том, что немцы еще в 38 году их оккупировали и нам их пришлось освобождать (как и Украину, Белоруссию, и множество русских городов – а какие муки претерпели там русские, которых бросили наши отступавшие войска! И многие были угнаны в Германию и работали там на немцев. А моя однокурсница, внучатая племянница папы римского Войтыллы, даже родилась в концлагере и помнит немецкого фрица, который ей дал конфетку).

Но помогли ли власовцы восставшим чехам? В тюрьме в 70-м году я сидел с одним таким власовцем, бывшим капитаном Советской армии, и он уверял, что чехам, как братьям славянам, они помогли, так как маршал Конев к Праге подошел намеренно поздно. Историки, конечно, не посочувствовали ни чехам ни бывшим русским, но *о немцах отозвались уважительно*. Но это уже не русофобия, потому что **бывшие** русские – это уже не русские?

Вот в этом все дело. *Наши люди* (с которыми иногда приходится разговаривать не только о пиве) о многих сложных проблемах судят как-то поспешно, словно торопятся **скорее осудить**. И я их уже не спрашиваю ни об американцах ни о немцах, потому что – что мне до тех?! Но иногда спрашиваю, почему они так яростно осуждают Солженицына, иногда Шафаревича, Солоухина, декабристов, писателей Золотого века, тем более Серебряного, **Колчака, Деникина, Врангеля?** Ну конечно, мои дорогие «братья славяне», когда-то бывшие из крестьян, уже не умеющие вскопать огород и скосить лужайку ручной косой, – *в каком поколении вы из крестьян?* **И кто ваши единоверцы? Землячка, Троцкий, Лазо, Котовский, Аркадий Гайдар, Джугашвили, Молотов (каменный зад), Калинин, Фрунзе, Рыков, Бухарин, ...** вы родились в городах их имени и не вспомните, как эти города назывались ранее, **при русских**, вы не знаете, как назывались улицы вашего родного Ленинграда, пока он был Петроградом, вы не знаете, что такое Азъ, Буки, Веди, Глаголь, ... то есть вы даже Азбуку не знаете? И конечно, вы не поймете, почему мое издательство называлось «Глаголь», а буква в Азбуке – «Глаголь», и не знаете, что такое ять, ерь, ерь, еры, хер, фита, ижица...

В родной деревне Солоухина храм так и не восстановлен, хотя и отпевал его патриарх **Алексій** (ударение на последний слог). Из патриархии никто не приехал на наше деревенское кладбище, где я нашел могилы родственников патриарха, и Церковь не помогла фонду «Храмы России», который я создал, надеясь хотя бы описать все существовавшие в России до большевистской катастрофы храмы, с тем, чтобы о них **помнить** и постепенно все восстановить... с православной церковью по смерти Алексія мы не поняли друг друга, я начал издавать энциклопедию «Храмы России», в число которых включил и буддистскую пагоду и мусульманскую мечеть, и католические кирху и костел, и иудейскую синагогу, но оказалось, что если я хочу хоть как-нибудь слепить хоть плохонький русский народ из того, что осталось, и **по тысячекратней российской традиции принимаю в русские всех, кто готов любить хоть что-нибудь в России (монгол он или татарин или немец или «литвин»), но без обязательного требования любить в ней всё и всех, и воров и казнокрадов и узурпаторов власти, то есть я готов принять в русские и бывших комсомольцев и бывших коммунистов, и православных и атеистов** – но НАДО ОТРЕЧЬСЯ от большевистского государства и от Ленина и от Сталина, и НЕ приму даже тех, в ком ведра русской крови, но кто **ера** от **еря** не отличается и кто еще не прочитал до 80 лет ни одной книги... Я был учителем и поэтому мои упрёки не обосновательны.

Мое поколение уже «сдулось», Петя с самого начала стал заместителем Зюганова, одни ничего не читали, другие умерли, не спросясь, третьи уже находят у Сталина какие-то **заслуги**. Лучшие среди тех, с кем довелось встречаться, из **военного поколения**, не важно, партийные ли они. Малаховский (геометр) был деканом университета (мы с ним дружили), Солоухин тоже был в партии, **величайший русский писатель**, но мое поколение именно у него училось русскости (Владимирские проселки, Черные доски, Третья Охота, Сборники стихов...) ...О Солженицыне я уже писал, но мои друзья о нем не хотят и слышать, **СТАЛИН ИМ ДОРОЖЕ!**)

«В 70-е годы Александр Зиновьев придумал термин **Homo soveticus**. Ну, ясно, это мерзость по определению»... но и Зиновьев был сначала «советико-фобом», потом вдруг стал «коммунаром» и «советико-филом».

Русский народ (даже собирая и тех, кто хотя бы умеет говорить по-русски) **катастрофически вымирает**. *Советских это не колышет*, они раздражаются, когда я об этом им напоминаю. Но я ни воспрепятствовать вымиранию не могу, ни повлиять хотя бы на одного человека, и останусь последним читателем книг. *Клянущиеся в любви к русскому народу еще есть*, но эти еще хуже, даже понять невозможно, что они и кого они любят, читаю ИХ отзывы о Солоухине – те же, что и о Шафаревиче, многие прицепились к его покойной жене *Розе Лаврентьевне*, у которой два дяди профессора, участники колчаковского движения, расстреляны в тридцатые годы, родители деревенские учителя, родилась Роза в деревне и в крещении стала **Рацией**, но в 4-летнем возрасте папа переименовал (со страху?) ее имя на Розу, в честь Розы Люксембург, в 14 лет она была угнана в Германию, и написала о своих *не-вы-но-симых* испытаниях книгу «На задворках победы». *Была же она идеальной женой великого русского писателя*.

Но я не договорил о стилистике **ленинского литературного говорения**. Оно абсолютно отличается от научного или философского ОБСУЖДЕНИЯ разных точек зрения, это **изложение только одной единственно верной ИСТИНЫ** и балаганное осмеяние, глумление над оппонентом, с ужимками, смешками, хиханьками, ржаниями и так далее.

Возможно, есть темный мир, судя по тому, что так плохо иногда складывается история для какого-то народа, мир этот есть и иногда доминирует, преобладает в событиях. Но точно ли с копытами и рогами и голой задницей? Вот у Лермонтова Демон стал ухаживать за грузинской княжной и вызвал у нее интерес – не рогами же и хвостом он ее привлек? И *оппоненты большевиков*, даже если они и неправы, может быть все таки без рогов и похожи на людей (как и сами большевики, хоть изредка)? И в воинстве Власова, человека неприятного, любимого сталинского «сокола», – тоже не все такие же? Иные генералы действительно хотели спасти Прагу от разрушения? (А что Гитлер отдал такой приказ, несомненно, жалеть ли ему славянские города, когда он и своих не жалел, и хотел **затопить Берлин**, когда ворвутся в него советские танки! И у Сталина были планы взорвать Ленинград, если возникнет опасность захвата его немцами).

Ну так вот, хотя нельзя сказать, что это Ленин кочует по страницам газет и журналов и по улицам городов – но сам балаганный стиль полемики господствует в современной России (в советской или анти-советской), ничего русского в нем нет. И этот народ, в качестве интеллигенции заполнивший обе столицы, мне ЧУЖД, я его **не люблю**. Если они и «вышли все из народа», то «запах не свежий», либо только у них, либо уже и у народа.

Этой статьей я и заканчиваю издание Нового русского журнала, соединявшего все же (с оглядкой не только на наследников Павки, Анки и лихого Чапая), возможно, потомков крестьян, вовсе не указ.

КРЕСТЬЯНЕ и УЧИТЕЛЯ, среди которых мы выросли.

Владимир Алексеевич Солоухин

ВОЛКИ

Мы – волки,
И нас
По сравнению с собаками
Мало.
Под грохот двустволки
Год от году нас
Убывало.
Мы, как на расстреле,
На землю ложились без стога.
Но мы уцелели,
Хотя и живем вне закона.

Мы – волки, нас мало,
Нас можно сказать – единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться.
Вам блюдо похлебки,
Нам проголодь в поле морозном,
Звериные тропки,
Сугробы в молчании звездном.
Вас в избы пускают
В январские лютые стужи,
А нас окружают
Флажки роковые все туже.
Вы смотрите в щёлки,
Мы рыщем в лесу на свободе.
Вы, в сущности, – волки,
Но вы изменили породе.
Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале.
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измельчали.
И лстить и служить
Вы за хлебную корочку рады,
Но цепь и ошейник
Достойная ваша награда.
Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем.
Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим.

Сергей Есенин

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй, ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город! Ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колка
Эта песня звериных трав!... ...
Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты - я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты - я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоят мне на том берегу.

Открытое письмо Солженицыну от сокамерника! (печатается в сокращении)
Семён БАДАШ (Германия)

Александр Исаевич! Есть несколько причин, побудивших меня к написанию этого письма. Первая – та, что мы оба разменяли девятый десяток жизни, оба нездоровы и все ближе подходим к концу. Вторая – вытекает из первой: все меньше и меньше остается живых свидетелей нашего совместного в молодости пребывания в Особлаге в Экибастузе. К примеру, из четырех экибастузцев в эмиграции трое уже ушли в мир иной: Дмитрий Панин, Александр Гуревич, Андрей Шимкевич (о нем я писал в моей книге воспоминаний «Колыма ты моя, Колыма», в главе «Интересные судьбы»). Остался я один. Ушли из жизни и три четверти экибастузцев на родине. А поскольку в «Архипелаге Гулаг» Ваше пребывание в Особом лагере в Экибастузе отражено не совсем точно, то я считаю нужным рассказать то, что известно мне. По ходу пришлось коснуться и некоторых других аспектов освещения Вами Вашего восьмилетнего пребывания в заключении.

Другой причиной к написанию этого письма послужила наша редкая в эмиграции переписка по линии Германия-Кавендиш и обратно, как и происшедшая с Вами в эмиграции метаморфоза. Наконец, я хочу – по известным мне фактам и по публикациям заслуживающих доверия авторов – напомнить о Вашем отношении к некоторым людям, в свое время оказавшим Вам большую помощь.

Наша единственная после освобождения встреча состоялась в Москве, в квартире киносценариста Льва Алексеевича Гросмана. У него, на улице Ульбрихта (близ метро Сокол), часто собирались бывшие друзья-экибастузцы: Семен Немировский, Александр Гуревич, Леонид Талалаев и я. Один раз там я видел и Вас. Вы уже были знаменитым писателем.

К сожалению, Вы скрывали, что работаете над «Архипелагом Гулаг», иначе я рассказал бы Вам подробности о Норильском восстании заключенных в 1953 году, и не было бы белого пятна в «АГ», где Вы пишете: «...и крупное восстание в Горлаге (Норильск), о котором сейчас была бы отдельная глава, если бы хоть какой-нибудь был у нас материал. Но никакого». («АГ» часть 5-я, стр. 295. изд. ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1973 г.)^{[1][2][3][4][5][6][7][8][9][10][11][12][13][14][15][16][17][18][19][20][21][22][23][24][25][26][27][28][29][30][31][32][33][34][35][36][37][38][39][40][41][42][43][44][45][46][47][48][49][50][51][52][53][54][55][56][57][58][59][60][61][62][63][64][65][66][67][68][69][70][71][72][73][74][75][76][77][78][79][80][81][82][83][84][85][86][87][88][89][90][91][92][93][94][95][96][97][98][99][100]}

В Экибастузе Лев Гросман был Вашим близким другом – в «Иване Денисовиче» Вы изобразили его Цезарем Марковичем. А много лет спустя, когда я, уже живя в Германии, сообщил Вам о его смерти в Москве, Вы коротко ответили: «Жаль хорошего человека». На мое упоминание о Ваших посещениях Льва Гросмана в Москве, как и о нашей у него встрече, Вы ответили: «Я такого не помню». Должен сказать, что этот ответ меня тогда удивил, но я не посмел усомниться в его правдивости. Но в 1986 году, путешествуя по Израилю, я встретился с эмигрировавшей туда вдовой Гросмана. Она мне рассказывала о Ваших многократных посещениях, о том, как Гросман однажды даже отвозил Вас на своих «Жигулях» в Рязань. Она рассказала и о том, что вывезла архив покойного мужа, в том числе его неизданные рассказы и сценарии, что писала Вам об этом в Кавендиш с просьбой посодействовать разбору архива и публикации заслуживающих того материалов. Но Вы ей ответили, что своего издательства у Вас нет и

заниматься архивом Вам недосуг. А ведь при Вашем положении и влиянии достаточно было одного слова, чтобы нашлось издательство, готовое хотя бы просмотреть эти материалы.

[Ред. Пропускаю еще несколько упреков – отчасти в равнодушии, отчасти в невнимании к прежде бывшим близким людям. Но не справедливо ли это и по отношению ко всем нам? Мы равнодушны и не отзывчивы в большинстве случаев, и надо стремиться стать лучше. Александра Исаевича я не защищаю, и не выясняю, насколько его бывший товарищ прав, вероятность, что все его упреки справедливы, высока, ведь даже и семьи распадаются, и почти каждый четвертый муж бросает свою жену с детьми – но **негодяи ли они?**]

... Или вот лежит передо мной посланное Вам в Кавендиш из Кельна письмо покойного Льва Копелева, с которым Вы дружили в «шарашке» и вывели его под именем Рубина в «В круге первом». Ваша дружба с Копелевым продолжалась много лет и на воле. Именно благодаря ему и его жене Раисе Орловой рукопись «Ивана Денисовича» попала в руки Твардовского, что и определило Вашу писательскую судьбу. (Лично я не могу забыть ... их заботу после моей эмиграции в Германию). ... В этом письме Ваш друг пишет Вам:

«Ты беспредельно самоуверен, из-за чего теряешь близких тебе людей», «Любое несогласие или, упаси Боже, критическое замечание ты воспринимаешь как святотатство, как посягательство на абсолютную истину, которой владеешь только ты, и, разумеется, как оскорбление России, которую только ты достойно представляешь». И далее: «Ты и твои единомышленники утверждаете, что исповедуете религию добра, любви, смирения и справедливости. Однако в том, что ты пишешь в последние годы, преобладают ненависть, высокомерие и несправедливость. Ты ненавидишь всех мыслящих не по-твоему, живых и мертвых. Ты постоянно говоришь и пишешь о своей любви к России и честишь всех, кто не по-твоему рассуждает о русской истории. Но неужели ты не чувствуешь, какое глубочайшее презрение к русскому народу и интеллигенции заключено в черносотенной сказке о жидо-масонском завоевании России силами мадьярских, латышских и др. «инородческих» штыков? Именно эта сказка теперь стала основой твоего «метафизического» национализма, осью твоего «Красного колеса». Увы, гнилая ось».

Ред. Тогда что можно сказать о книге Солоухина «ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ»? О «РУСОФОБИИ» Шафаревича? Впрочем, и сказано, и немало. Полемика по этому вопросу будет продолжаться и в наступившем тысячелетии. Я осторожнее, защищая то одну сторону, то другую, и поэтому сподобился прослыть в глазах «патриотов» **руссофобом**, а в глазах иных евреев – **антисемитом**. Осудил Христа еврейский синедрион во главе с Каиафой, казнили римские солдаты во главе с Пилатом. Толпа **не помиловала** Христа, и сам **Пилат не помиловал**, – и вот уже две тысячи лет еврейский народ виноват за толпу своих кровных вкупе с солдатами и Пилатом, что не вполне справедливо. А русские, **оправдывающие** свою советскую власть, **не виноваты** в крови 50 миллионов русских, загубленных этой властью? Но **если жида Христа распяли, то разве вы не распяли Русских и Русь? Я вас обвиняю и отлучаю от России, как Лютер от Церкви Римского папу!** Если я, последний русский в России, – руссофоб, то **вы – жидобольшевики и масоны**.

«Да и в «Теленке» описание Вашей «игры в прятки» с А.Т. Твардовским, вознесшим Вас на Олимп, не делает Вам чести. Или возьмем еще одного Вашего близкого друга, Дмитрия Панина, сидевшего с Вами на «шарашке», а затем способствовавшего Вашему устройству нормировщиком в свою бригаду в Экибастузе. (Его Вы изобразили в «Круге первом» *Солагдиным*). Незадолго до смерти он порвал с Вами отношения, а после его супруга заявила, что сможет открыть его архив только через 10 лет после Вашей, Александр Исаевич, смерти. С чего бы это? Вывод может быть только один: в архиве Панина есть компрометирующие Вас материалы, которые он, однако, щадя Вас, завещал не разглашать при Вашей жизни и долго после нее.

Но вернемся к основной теме этого моего Открытого письма.

В 1979 году... я впервые получил возможность бегло ознакомиться с трехтомником «АГ».... Прежде всего, я обратил внимание на неверное изложение Вами нашей забастовки-голодовки в Экибастузе зимой 1952 года, как и на недостаточную информацию о Норильском восстании в 1953 году, и потому засел за его описание. А затем решил описать весь свой гулаговский путь от Лубянки с апреля 1949 года – через Особлаг в Экибастузе, Норильске и на Колыме, шестимесячное сидение в Лефортовской тюрьме, пока длился пересмотр моего дела – и до освобождения в октябре 1955 года по реабилитации. Рукопись моих воспоминаний под первоначальным названием «Между жизнью и смертью» была переправлена на Запад, где и дождалась моей эмиграции в начале 1982 года. ... При описании Вами забастовки-голодовки в Экибастузе зимой 1952 года верно рассказано лишь об уничтожении стукачей, названном Вами «рубилровкой». Но Вы, Александр Исаевич, только догадывались о существовании нелегального **лагерного Совета эзков**. От евреев в него был приглашен я, а инициаторами и руководителями были авторитетные у **бандеровцев** братья Ткачуки. В «АГ» ничего не сказано о национальной принадлежности этих стукачей. *В большинстве они были русскими или прибалтами. Ни одного стукача из бандеровцев не было. Но вы постоянно принижаете роль бандеровцев.*

[Ред. По опыту жизни в тюрьме Большого дома думаю, что **всякий великий народ несет в своей среде ВСЕХ, как и человечество**. Но чаще ли злодеи среди русских? трудно говорить точно, если многие русские *млеют* от любви к Сталину. **Мало он их расстрелял? Ну если разве добить остальных?** Но и в каждом народе **НЕ БОЛЬШИНСТВО** ли негодяи?!!!]

.....все работавшие в больнице эзки имели прямое отношение к медицинской профессии, и из восьми четверо не были евреями. Вы оболгали всех этих порядочных и честных людей, при том, что **сами все Ваши лагерные годы были постоянным «придурком»**. Февраль 2003 г.

[РЕД. Допустим, что упреки Солженицыну отчасти справедливы. Так «Архипелаг Гулаг» – надо отвергнуть? Обняться с палачами? И мы, бесстыдно оправдывающие большевистский и ленинско-троцкистско-сталинский ТЕРРОР против НАРОДА и мучения миллионов крестьян – ЛУЧШЕ?! И мы хоть в чем-то правы? Вероятно, Лев Толстой был не справедлив к жене – так что, «Войну и Мир» надо выбросить?]

Л.И. Бородин. «Без выбора». Резервация в Калашном (памяти И. Глазунова)

«Уверен, кто бы, что бы и сколь пространно ни написал о Глазунове, в любом описании Глазунов присутствовал бы лишь частично – **столь сложна и противоречива сия личность**. И я даже и пытаться не буду давать какие-либо принципиальные характеристики художнику, с которым в течение почти трех лет имел самые тесные и самые дружеские отношения, насколько таковые вообще возможны с ним – Ильей Сергеевичем Глазуновым.

Оставлю в стороне обстоятельства, при которых соприкоснулись наши интересы. Тем более что они и самому мне не очень ясны. На момент нашего знакомства я, по сути, «бичевал». Посредством счастливо сработанного приема удалось прописаться в Москве после шести лет мотаний-мытарств по стране «от Москвы до самых до окраин». Устроиться на работу в Москве с политической статьей – разве что дворником, да и то по чужому паспорту. <.....>.....

То был период воистину бессмысленного существования. Русский самиздат разгромлен на корню. Прерваны практически всякие контакты с единомышленниками – то были прямые последствия «антirusистской» активности Пятого управления. Правозащитники-демократы пачками выбывали на Землю обетованную, затем расплозились по необетованным европам, откуда вещали о продолжении борьбы... На что И. Р. Шафаревич в свое время остроумно заметил: «Сложилась пикантная ситуация, когда борцы находятся в одной стране, а борьба в другой»... ..

И вдруг, в силу случайных обстоятельств, я занырнул в оазис «имени Ильи Глазунова». То ли оазис, то ли маленькое, по крайней мере по внешним признакам, сепаративное царство на Калашном переулке, в доме с башенкой.

..... Квартира Глазунова и мастерская, что этажом выше, были, по сути, клочком русской резервации. С московской улицы попадая туда, сначала слегка шалеешь от запаха краски, от самих красок, что вокруг и даже над... Машиной времени перенесенный в обстановку дворянского гнезда середины девятнадцатого, поначалу чувствуешь себя плебеем, самозванцем и элементарно не подготовленным к сосуществованию с интерьером, каковой будто бы вопрошает тебя: «А помыл ли ты шею, сукин сын?»

Хозяин дворянского гнезда капризен. Терпеть не может так называемых «советизмов» в речи. Попробуй ответить на вопрос о делах или здоровье словом «нормально». Прищурится хозяин, спросит, что, дескать, означает это «нормально»? Вопрос-то по-русски конкретный, а не какой-нибудь иноязычно формальный «хау ду ю ду», что означает – я человек вежливый, но до тебя мне никакого дела, потому и можешь отвечать свое «о'кей», что и означает – «нормально»...

Или другой пример. В первый год моих посещений Глазунова оказался я в его квартире вечером восьмого марта. Еще не освоившийся, не уловивший многих нюансов глазуновского бытия, робея, спросил Нину:

«Извините, пожалуйста, я не знаю... Мне надо поздравить вас с международным женским?» На что, хитро улыбнувшись, Нина ответила: «Можно, но лучше это делать в скафандре». С Ниной всем всегда было легко.

<.....>...Безусловно, такой оазис общения *соответствующие органы* без внимания оставить не могли, и все присутствующие это в равной степени понимали.

Тогда Илья Глазунов умел спать не более четырех часов в сутки. Где-то с девяти-десяти часов вечера начинались те самые общения, коэффициент полезного действия которых для самого Глазунова мне почти никогда не удавалось даже прикинуть. Но он был. Ибо ни на что определенно «пустое» Глазунов времени не тратил принципиально. Не пьющий даже кофе, он всегда был центром общения, блистал остроумием и острословием. Присутствующие могли очаровываться им мгновенно и столь же мгновенно разочаровываться и превращаться в злейших врагов. <.....>.... Из кругов официального патриотизма постоянно истекали слухи о том, что, дескать, в Политбюро раскол, что какие-нибудь Черненко с Кириленко сколачивают патриотов, что «наши» вот-вот возьмут верх, что у Косыгина в столе программа, а у Щелокова наготове дивизии МВД...

Сей блеф, не очень понятно кем инспирированный, весьма воодушевлял патриотическую интеллигенцию. Воодушевлял, разумеется, не на борьбу или хотя бы на некую активность, а всего лишь на готовность принять победу «под белы ручки», то есть по мере возможности воспользоваться ею, ибо никакой мало-мальской собственной идеи и уж тем более – программы возрождения или «перерождения» у глашатаев официального **«русизма»** (термин Андропова) не было.

Абзацем выше упомянул Щелокова, *тогдашнего министра внутренних дел*. С ним и с его (по крайней мере, на первый взгляд) скромной и симпатичной супругой мне тоже случилось однажды встретиться на глазуновской территории. Щелоков, безусловно, симпатизировал Глазунову. Глазунов же одно время преподавал эстетику, если не ошибаюсь, в Академии МВД и, как всякий работник эмвэдэшного учреждения, имел и соответствующее удостоверение, и звание, пропечатанное в данном удостоверении. Сей документ, между прочим, не раз помогал ему выпутываться из коварнейших ситуаций, каковые он, Глазунов, создавал, лихачествуя на тогдашнем своем «жигуленке».

Но все же несколько слов о Щелокове. Его дружеские отношения с Глазуновым, безусловно, строились или выстроились не просто на личных симпатиях. Хозяин собственной, весьма представительной картинной галереи, министр, надо понимать, разделял многие взгляды Глазунова на живопись и искусство вообще. Таковое «разделение» не могло не смыкаться и с прочими мировоззренческими аспектами, каковые в недрах другого ведомства уже к тому времени определенно были отнесены к разряду враждебных коммунистической догматике. И без всяких на то оснований, то есть не имея ни одного факта в подтверждение, я рискну предположить, что в каких бы грехах Щелоков ни был уличен, его «уход» в значительной мере – часть той общегосударственной политики в идеологической сфере, что была в свое

время сперва публицистично декларирована Александром Яковлевым в «Литературной газете», а затем документально сформулирована Ю. Андроповым в известной «записке» для Политбюро: **«Русизм – идеологическая диверсия, требующая особого к себе внимания и мер воздействия».**

В этом смысле квартира Глазунова была микроплощадкой русского бытия. Просматриваемая и прослушиваемая, для андроповских борцов с «русизмом» она служила полигончиком проверки «русизма» на вредность, на опасность – как ее, эту опасность, привыкли понимать органы за десятилетия непрерывной войны с собственным народом, то и дело порывающимся выпихнуться за социалистические столы то внаглую напролом, то втихую – бочком... [Как раз в 70-м меня (ВИ) и посадили, после другой Записки Андропова Политбюро, где Он обвинял меня в подготовке взрыва памятника Ленину на столетие со дня рождения, а по правде за две моих мелких рукописных статьи: **«Русь и духовное освобождение»** и **«Я – русский!»**]

Дело в том, что квартира Глазунова – площадка – была еще и крохотным полем, где, как уже сказал, вроде бы и под контролем, но прорастало то самое «русистское», что так основательно тревожило руководителя КГБ. За два с лишним года моего обитания у Глазунова я был свидетелем нескольких подлинных обращений людей, пришедших к Глазунову «никем», а ушедших, иногда даже порвав отношения с Ильей Сергеевичем, прочно «обращенными». Кое-кто из таковых сегодня в лидерах патриотического направления. Ни от кого из них ни разу не слышал и слова о роли Глазунова в их «образовании».

Одно такое слово, однако ж, и сказано было, и прописано.

* * *

«De mortuis aut bene aut nihil» (**«Об умерших не злословить»**).

В 1960-х годах Комитет государственной безопасности в целях изучения общественного мнения выпустил спецтиражом исключительно для своих сотрудников «Письма из Русского музея» Владимира Солоухина. По каким-то причинам нам, некоторым последственным по делу Социал-христианского союза, дали на прочтение в камеры эту книгу. Причину я предположил позже. Ее мне приоткрыла одна фраза в тексте книги. Речь шла об иконе, древней, ценной, намоленной и какого-то редкого письма. После восторгов и оценок произведения древнего иконописца следовала та самая фраза, каковая сперва потрясла меня своей, как бы это сказать, несуразностью, что ли, а затем и приоткрыла смысл «доброты следователя», с многозначением во взгляде вручившего мне книгу. Вот фраза: «Такая икона может оказать честь любому современному интерьеру». [не совсем понимаю... но...]

В те времена весьма немного зная о писателе Солоухине, я для себя отметил со свойственной молодости резкостью, что сей мужик писать научился раньше, чем «по-русски плакать». [ВИ. ...не понимаю... но...]

Итак, икона, церковь, религия – при должном понимании недурная и практически безвредная игра интеллектуала. Надо только согласиться с правилами игры, и тогда все будет смотреться бескриминально. Отдавая должное В. Солоухину как мастеру слова, с тех пор и до конца его дней **ни его православность, ни его монархизм я всерьез не принимал**, в чем, возможно, ошибался, ибо духу человеческому свойственно совершенствоваться. [???

С В. Солоухиным я встречался у Глазунова часто. Но одна вечеринка особо отложилась в памяти. *Был, если не изменяет память, день именин Нины Глазуновой, о которой так много хотелось бы сказать.* И сказать стихами... Но стихи мои примитивны и банальны. Потому только молиться ее светлой памяти – достойно...

Солоухин пришел с молодой красивой девахой, каковую представил племянницей. ... Был Юрий Селезнев, симпатичный, сдержанный в речах и тостах. Был любимый поэт Ясира Арафата с приставленной ему от МИДа яркой блондинкой. Через два года его подстрелили во время очередной интифады. Был посол Испании в СССР (после – глава Олимпийского комитета), внешне не слишком приятный человек, постоянно намекающий на свои профранкистские настроения. Был «прорусофильски» настроенный корреспондент агентства Рейтер Кевин Роуэн со своей женой. Был сотрудник югославского посольства, обучающийся у Глазунова живописи, бывший партизан, верный титовец, которого все подозревали в сотрудничестве с КГБ... ... Еще был красавец рыцарской породы оперный певец Огнивцев, по слухам, внебрачный сын Шалапина, на которого очень даже походил и статью, и лицом.

... Глазунов мог представить меня как угодно, в зависимости от цели вечеринки. Когда же вечеринка затевалась как повод для разговора «по русскому вопросу», то я бывал в роли Кисы Воробьянинова – полутайного полупредставителя «полнорусской» общественности. И в том, и в другом случае половина присутствующих тем не менее косилась в мою сторону, совершенно определенно угадывая, какое у меня звание в «конторе». Сербский дипломат был уверен, что я майор. А вот Юрий Шерлинг, директор тогда им создаваемой Еврейской камерной оперы, который прицелился с помощью Глазунова «протолкнуть» сие культурное деяние сквозь соответствующие преграды, – он полагал, что я всего лишь капитан, чем слегка уязвлял меня.

И хотя мелкие бесы, всякие известные «недотыкомки» шурали по всем углам глазуновской квартиры, глазуновские вечера для меня всегда были и интересны, и познавательны. Присутствующие, как правило, отдавали себе отчет в том, что соответствующие уши торчат из всех стен шикарно обставленной квартиры, и получали при этом особое удовольствие от проговора умеренной, но очевидной крамолы, некоей грани, однако же, не переходя...

«Она по проволке ходила, качала белою ногой...»

* * *

Вечер на квартире Глазунова, о котором я начал рассказывать, в общем-то был нетипичным по причине присутствия на нем достаточного числа иностранцев, но как раз что ни на есть рабочим. Помимо живописи, работой Глазунов называл «прочистку мозгов от интернационального мусора» посредством «разъяснения» роли исторической России в мире, всемирной миссии одуховленной русской культуры, и литературы в частности... Иными словами, работа с иностранцами – вербовка русофилов. Разумеется, никаких «домашних заготовок» не было. И чаще бывало так: часам к шести вечера

выяснялся возможный состав посетителей, а он почти всегда складывался стихийно, и если контингент намечался интересный, Глазунов звонил мне домой и кратко уведомлял: «Композитор (конспирация!), приветствую! Есть работа. Хватай такси, да?» Такси, разумеется, оплачивал он.

К слову, вся немногочисленная диссидентская «русская партия» фактически жила на средства Глазунова. От шапки до ботинок – все от него. Пишущие машинки, пятитомники Н. Гумилёва парижского издания, всякий прочий «тамиздат» – от «Посева» до «Континента» и «Русского возрождения» ... Даже зажигалки...

В моей жизни между двумя сроками был период, когда в течение нескольких месяцев мы с женой не могли найти работу. На руках ребенок... Когда б не И. С. Глазунов да И. Р. Шафаревич – не представляю, как бы выжили...

Кстати, о женах... А в чем они, жены наши, ходили? Нина Глазунова – светлая ей память! – легко решала с ними этот вопрос.

С тостов в честь нее, всегда милой, изящной, внимательной, всегда уставшей, но с неизменно доброй улыбкой к каждому присутствующему, – с этого началось наше полунощное сидение за громадным деревянным столом в мастерской художника. Торжественный тост Огнивцева; по-восточному многословный и витиеватый – арабского поэта; медлительное говорение с покачиванием головы и с непременным «оканьем» Солоухина; заикающееся бормотание испанского посла; громогласное оглашение великих добродетелей виновницы торжества Димой Васильевым...

«Официальная» часть заведомо недолга. Кто-нибудь подбрасывал вопрос Глазунову о творческих замыслах, и тогда исполнялся второй «канон» общения: Глазунов жаловался на врагов, ставящих ему палки в колеса в его русских делах, на академию, которая никак не хочет сделать его академиком, на Союз художников – не дают «народного», на искусствоведов, поносящих его в эмигрантских изданиях... ..

* * *

Тут просто вынужден сделать некоторое отступление от темы.

Левада во все времена был таким «сбоку ведущим». Его полуофициальные семинары... были своеобразной школой «антирусской подготовки молодых интеллектуальных кадров». Его любимый ученик ... стал популярен в середине 70-х статьей ... «Типология культур по отношению к смерти». В статье не было не только науки как таковой, но даже элементарных понятий о сути тех или иных русских традиций. А весь смысл статьи сводим к простейшему утверждению: все народы мира ведут себя прилично по отношению к смерти, и только русские придурки на поминках ... напиваются до свинства, что свидетельствует о полнейшем отсутствии у них подлинного религиозного чувства. Зайдите в католический или протестантский храм, – советовал Элладов, – там устремленность к небу, там ощутите присутствие Божества... А в русском храме? Своды вдавливают тебя в пол, стены задушены-завешаны малеванием и златом – откуда там взяться Богу... ... Вывод: русские никогда в истории не были народом религиозным, а следовательно, и культурным. Но только втемную – суеверным. ...

Религия – продукт культуры, вторил уже на высоком профессиональном уровне главный теоретик **философского русофобства** Г. Померанц, постоянный участник и главный идеолог левадовских семинаров. Интеллигенция, как носитель подлинной культуры, антиприродна, то есть – антинародна по существу и диаспорна по мироощущению... Мы – жуки в муравейнике, со скорбным достоинством свидетельствовали братья Стругацкие. Сегодня задача всякого интеллигента определить себя вне так называемого русского народа – еще одно откровение в самиздате... Утверждаю ответственно, потому что был свидетелем процесса: и «Память», и «Русское национальное единство» (РНЕ), и еще что там – адекватная реакция на откровенное публичное русофобство «образованцев», как русских, так и нерусских, не освоивших глубинной сути русской культуры, с одной стороны, и отчего-то именно в 1970-х, в самый разгул так называемой «андроповщины», утративших бдительность – с другой. Иными словами, попросту слегка охамели...

Я до двадцати пяти лет прожил в Сибири, в этой своеобразной Америке – тоже вроде бы «плавильный котел». Ни о каком антисемитизме и понятия не имел. Прибыв в столицы, я прежде наткнулся на русофобство и только потом на ему ответную реакцию...

На нескольких семинарах Левады я был. На одном, где Глазунова определяли как творца «кича», даже речью разразился.

Аудитория – в основном молодежь, научившаяся уверенно отличать Ренессанс от Росинанта и Добужинского от Бжезинского. Хитровато-многозначительное выражение лиц, до конца не проговариваемое взаимопонимание своей исключительности и обреченности на пребывание в стране варваров, безнадежных к «обращению»...

Нечто подобное видел много позднее на телезаседаниях так называемого «Пресс-клуба». Те же мальчики, главное в жизни понявшие, а об остальном догадавшиеся. Некоторые из них, *оборודהвшие, омахнорывевшие или облысевшие*, ныне успешно телеимпровизируют на заданные темы...

* * *

Все присутствовавшие на том вечере, о котором я начал рассказывать, уже по сложившемуся ритуалу вторые тосты посвящали деятельности Ильи Сергеевича Глазунова, ибо воистину было чему посвящать хорошие слова, которым каждый человек так или иначе обучен. Тут тебе и защита памятников старины, и возрождение традиции педагогики живописи, и возвращение гипса в систему преподавания, и мужественное отстаивание великого русского реализма перед истинным штурмом живописного искусства шарлатанами и конъюнктиристами, и личный опыт Глазунова по набору учеников и русско-православному воспитанию, и, наконец, его выставки в Москве, Питере, Иваново, и десятки тысяч посетителей, и сотни отзывов в специальной книге, где люди искренно признавались, что открывали для себя Россию, что впервые почувствовали себя именно русскими, а не просто некими советскими... Книга отзывов была прекрасно издана в Германии с помощью Олега Красовского, и я сам был свидетелем того впечатления, какое она производила даже на тех, кто посещал выставки

Глазунова. Да простит мне родной человек **Валентин Распутин** – Глазунов давал почитать часть его письма как раз по поводу этой книги, где речь идет не о впечатлении просто, но о некой мировоззренческой революции во взглядах писателя, который и сам к этому времени уже был возвестником возрождения классической русской прозы или, по меньшей мере, ее достойным продолжателем.

Две речи запомнились мне по этому поводу, то есть по поводу исключительных «борцовых» качеств Глазунова.

Одна из них – это истинный панегирик арабского гостя, имени которого, к сожалению, я не запомнил. Концовка его пространного выступления звучала примерно так. Пришел однажды к великому Ибн Сине один знаменитый мудрец Востока и пожаловался, что враги его учения уже семью семь трактатов написали, понося его и развенчивая перед великими мира сего. Что устал он от споров и опровержений клеветы и пребывает по этому поводу в унынии и скорби. На что великомудрый Авиценна ответил ему: «Собери все труды врагов своих в одну кучу и встань на сию кучу – и тогда сразу увидишь, насколько ты выше всех твоих врагов». «Так и ты, дорогой Илья Сергеевич, знай: чем больше у тебя врагов, тем ты выше их, да будут они попораны твоими ступнями!»

Вторая запомнившаяся мне речь – Солоухина. Как равный, а может быть, и первый среди равных, он не встал, но, напротив, склонил голову к столу, помолчал немного и заговорил своим окающим тихим басом:

«Ты, Илюша, не просто художник, и ты не просто великий русский художник, ты есть одновременно и образ, и прообраз того русского человека, какой родится и расплодится по всей Руси-матушке, когда всякая сволочь и нечисть прочая вонючим ручьем истечет из земли Русской. Канавку мы ей с Божьей помощью пророем, когда очистим авгиевы конюшни русской культуры, выпустим в русские поля резвиться орловских рысаков, то бишь русаков. А ты есть первейший Геракл, и за великие твои подвиги по защите Руси тысячелетней я вот и выпью сейчас, и не поморюсь, этот армянский русский коньяк, будто воду святу».

За дословность солоухинской речи не ручаюсь, более двадцати лет прошло, но за суть, за пафос, за сердечность интонации, за истинно любящий взгляд, брошенный как бы мимоходом на лукаво ухмыляющегося Глазунова (он всегда иронически относился к выспренным речам, хотя и сам был великий мастер захвала всех, рядом с ним находящихся), – ручаюсь, как и за то, что у всех присутствующих сложилось общее мнение: **если у Глазунова и есть хоть один истинный и преданный друг, то это, несомненно, Владимир Солоухин.**

Но дело в том, что именно в эти годы Солоухиным уже писался или даже был написан роман «Последняя ступень». Говорят, что Солоухин давал его читать Глазунову, и тот будто бы одобрил... Не верю. Роман заканчивается тем, что главный герой, в котором всякий узнает Глазунова, оказывается не просто *стукачом КГБ*, но *сознательным провокатором*, то есть человеком, воссоздающим ситуацию преступления, таким наставником по совершению в данном случае политического преступления, сдающим своего ученика соответствующему учреждению в «готовом» виде.

В 1993 году, уже будучи главным редактором журнала «Москва», я услышал, что в «Нашем современнике» сей роман лежит уже почти год. Ситуация меж тем изменилась. Станислав Куняев к тому времени более никаких «третьих правд» не искал и не жаждал, и потому роман православно-монархических, то есть антисоветских, настроений уже никак не вписывался в идейные установки журнала. Я же находился на продолжительном лечении, когда узнал, что Солоухин забрал роман у Куняева и предложил Крупину, тогда меня замещавшему. Владимир Крупин его уже и в очередной номер наметил, когда я, наконец, взял роман на прочтение...

Я был потрясен. Не только совершенно бездоказательно был ошельмован лучший друг Владимира Солоухина, но и *поставлена под сомнение вся та часть русской правды, или правды о России, каковую на сотнях страниц текста обговаривали, оспаривали, утверждали, иногда и с заведомыми переборами и переклестами, два основных действующих лица романа – Глазунов и Солоухин. Не узнать их под псевдонимами мог бы разве некто, никогда этих имен не слыхавший и не читавший ни строчки.*

На обсуждение проблемы публикации я собрал редсовет. Глубоко убежденный в том, что литература не может служить дубинкой для сведения общественных или тем более личных счетов, я так и не сумел убедить ни В. Крупина, ни В. Артемова, заведующего отделом прозы, что вопиющая некорректность последних страниц романа в давние времена могла быть причиной дуэли, а в наши безалаберные дни – причиной обычного мордобоя. И Крупин, и Артемов высказывались в том смысле, что это типичные межписательские разборки, что и раньше писатели поносили друг друга, и это ничуть не вредило литературе как таковой.

Но был еще один момент в самом конце текста, где некий странным образом информированный монах сообщает герою, то есть Солоухину, о чуть ли не платной провокационной деятельности Глазунова. Речь идет об антисоветской подпольной организации в Ленинграде, где со временем всех арестовали и посадили, ... что уже имеет непосредственное отношение ко мне, потому что мой давний друг, действительно знавший о существовании организации Огурцова, но никакого отношения к провалу организации не имевший, – оказывается под подозрением?

Не придя к общему мнению на редсовете, я написал письмо В. Солоухину с предложением пересмотреть последние страницы в целом безусловно интересного текста именно на предмет корректности слишком ответственных суждений. Переговоры с Солоухиным взял на себя Артемов, но ничего путного из его намерений не получилось. А роман к этому времени уже вышел отдельным изданием...

Всю эту историю я бы озаглавил одним словом: «Бесиво». Ибо, как беленой, было отравлено советское общество бесивом подозрительности и – что самое для меня непонятное и удивительное – страхом! Страхом, когда уже не расстреливали, не сажали, не мордовали семей, *когда этот самый пресловутый КГБ действительно был и умней, и либеральней вождей-маразматиков, и если своим «либерализмом» КГБ приблизил эпоху распада [ВИ. ???], то это самая ничтожная вина сего ведомства из тех, что числятся в его истории.*

Я как-то с азартом перечитал «Московский сборник» и переписку Победоносцева. Боже! Какая же трагическая личность предстала предо мной! Один только он и понимал обреченность России на революцию. Страна требовала реформ, консерваторы – ужесточения режима – он видел в том и в другом ускорение революции. То же было и в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Но не было ни таких пессимистов, как Победоносцев, ни таких оптимистов, как Столыпин. Сплошь и рядом был *нормальный советский человек*, который и прикончил самым безвинным способом – кухонным двоemisлeм – когда-то *велико задуманный эксперимент исправления ошибок Божьего Творения, а вместе с ним притоптал и то доброе и путное, что было в народе от века, – неприятие стяжательства, то есть воровства не по нужде, а по азарту. [как соотносятся Русская революция и Русский дух?]*

Нынче ведь то один из вчерашних борцов за народовластие «неплохо устроился», то другой; что ни галстук – глава какого-то фонда; что ни свитер – то консультант по ответственным проблемам; что ни борода – то специалист по социальным или экономическим вопросам...

Комментарии Редактора. С Огурцовым и его поделщиками я знаком не был, в марте семидесятого их уже не было в тюрьме Большого дома, суд над ними состоялся в 1967 году, а освободились они не скоро, только через 20 лет и **до сих пор НЕ реабилитированы** (так какая у нас власть сегодня, советская или антисоветская? **Радуйтесь, советские люди, власть до сих пор ваша!!!**

Игорь Вячеславович Огурцов родился 22 августа 1937 года в Сталинграде в семье потомственного инженера-кораблестроителя Вячеслава Васильевича Огурцова и преподавательницы музыки Евгении Михайловны Огурцовой (Деревенской). Учился на философском и восточном факультетах Ленинградского университета, который окончил в 1966 году.

(Учились мы с ним в одни годы, только я учился на Матмехе).

Его отец, Вячеслав Васильевич, инженер-кораблестроитель, прошедший всю войну, включая штурм Кенигсберга, и закончивший ее в сражениях с японской армией, был представлен к званию героя Советского Союза за взятие Большого Хингана, но не принял его, потому что отказался вступать в партию, сказав: «**Лучше читать «вход запрещен», чем «выхода нет».**»

13 сентября 2023 года в Санкт-Петербурге на 87 году жизни скончался Игорь Вячеславович Огурцов – филолог-востоковед, организатор антикоммунистического подполья в СССР, основатель и руководитель «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» (ВСХСОН), политзаключённый в 1967- 1987 годах.

С **Леонидом Бородиным** я встречался пару раз в редакции журнала «Москва», передал привет от **Ивлева**. Однако в «Москве» **печатались** мои близкие друзья Николай Петрович Ильин и Николай Иванович Калягин.

Анатолий Георгиевич Ивлев, член ВСХСОН родился 27 января 1937 г. в поселке Борисова Грива (около Дороги Жизни). В 1959 г. окончил химфак ЛГУ; Вступил в ВСХСОН 15 января 1965г., К моменту ареста, 18 февраля 1967 г. – старший инженер института ВНИИ-нефтехим, женат, имел грудного ребёнка. Приговорен к 2 годам лишения свободы в колонии строгого режима, после работал на Обуховском домо-строительном комбинате, затем снова в НЕФТЕХИМе, где, в конце 70-х. мы и познакомились и подружились. Погиб в конце 1990-х гг. (его сбила легковая машина на шоссе).

ВИ. Завершающие этот очерк размышления «холодного ума и горячего сердца», нестандартного человека коммунистической России.

Жизнь моя мне кажется во многих отношениях удивительной, но в то же время как будто совершенно не плодотворной. Два поприща я пытался пройти, поднимаясь (математику и литературу), но остался у подножия горной тропы. Возможно, дело в том, что **ПИСАТЬ** хорошо и убедительно (как *Тургенев и Достоевский*) я *так и не научился*, литератором и критиком, в котором нуждалось бы общество (как *Розанов и Мережковский*) я *не стал*, и невольно, представляя здесь галерею наших современников, литераторов конца пятидесятих годов (от восхода над горизонтом советской России в конце **50-х годов Солоухина** до **2017**, смерти **Шафаревича**), я сравнивал себя с ними, и теперь, отступая от них на несколько шагов, ясно вижу их целеустремленность и свою "*неопределенность*". **С 1958 до 2023 – эпоха длинной в 65 лет!** Влюбляюсь, пишу Книги, написал Учебник высшей математики, издаю Журналы, дружу с выдающимися людьми (но **каждый из них состоялся**, в отличие от меня) – и все же кроме задач личной жизни: карьеры, семьи, дружбы и любви, самосовершенствования, поисков истины, понимания человека как личности (хотя бы только самого себя) – **я был занят необходимостью понять судьбу России.**

В этом понимании я уже достиг многого, хотя еще не дошел до конца, в нем каждое слово, как в хороших стихах, стоит на месте, и необходимо только оно.

Русский народ и русское государство **выросли из двух народов**: из **славянских крестьян** (независимо от тайны происхождения слова Русский), ставших **русскими** к эпохе по крайней мере нашей Отечественной войны, и из образованного правящего сословия, составленного **из всех**, хотя генетически вобравших в себя чуть ли не всю Европу (и это подтверждается всей русской историей и всеми ее событиями, от призвания варягов до изгнания их), ставших **русскими** к эпохе Гражданской войны.

Революция и Гражданская война оказались последним и самым ожесточенным со стороны славянства столкновением этих народов (подобным отчасти гарибальдийским войнам в Италии за ее освобождение от иноземного ига). Но **вместо Свободы славяне получили НОВОЕ «татаро-монгольское Иго».**

Что выяснилось в ходе истории последнего столетия (с 1917 до 2017)?

Во-первых, **крестьяне, взяв власть в свои руки** (Владимир Солоухин и Илья Глазунов, правда, доказывают, что власть взяли **евреи**) – но все же **власть в свои руки взяли И крестьяне** (Молотов, Ворошилов, Калинин, Маленков), И матросы и солдаты – хотя и под управлением Ленина, Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина; **И комитеты бедноты, отбравшие хлеб у крестьян до последней зернинки – все те же крестьяне** – так что хотя бы на местах власть взяли в свои руки крестьяне, – но кроме коллективизации, колхозов и *«обобществления баб»* они ничего не смогли предложить **массе**, и уничтожили собственное крестьянство, а заодно и природу. **Почему?**

*Крестьяне оказались несостоятельными, они были необразованными, не культурными, они не стали культурными и в 60-е годы двадцатого века, и даже в девяностые, и сегодня, но еще ужаснее, что в сравнение с дворянством, которое они частью уничтожили в России, частью изгнали за границу, крестьяне оказались интеллектуально не состоятельными, кажется мне, что результаты в советской науке обязаны сотрудничеству евреев с потомками «бывших», «новообразованные» не смогли заменить академиков Ипатьева, Вернадского, изобретателя Сикорского... **Славяне победили** за счет численного превосходства и невиданной ветхозаветной жестокости еврейских главарей, но организовать хозяйственную жизнь так, чтобы хотя бы развиваться вровень с Западом, не смогли. Нищета, в которой обвиняют дореволюционное прошлое, в советское время только усугубилась.*

Оправдываются тем, что мы развивали, мол, военную промышленность, но когда началась война, выяснилось, что **ничего мы не развили** и воевать нечем. И есть нечего. И обмундирование плохое. И воюем мы плохо. Хуже немцев. **И хуже прежних дореволюционных русских офицеров.**

Но кто со мною спорит? **Кто обличает меня в ненависти к России**, когда они сами прожили свою жизнь (без одного дня) *в любви к Советии?* Именно русские, из бывших крестьян, как и я, но мою правду об их **НЕ**способности управлять хозяйством, культурой, политикой бывшей Великой России они заглушают воплем о том, что «жизнь была прекрасна и удивительна», и *расстреливали хорошо но мало*, и **Сталин – наш вождь**, но «ему некому было помочь», а одному ему со всем не справиться, к тому же Солженицын – американский наймит; и Солоухин – тоже наймит, а ВИ – русофоб. Хотя и Распутин, и Белов и Тендряков, и Шукшин и Астафьев – все выдающиеся русские писатели показывали нам, что **строительство социализма и коммунизма в России было наваждением и мороком**, и сначала во всех сферах жизни постановили **«вход запрещен»**, а сегодня уже оказалось, что **«выхода нет»**. Ибо Русский народ вымирает, нас уже страшно мало для России, а никакое русское или нерусское правительство ничего **НЕ ХОЧЕТ** с этим поделаться. Европа и Америка нас не любят, это правда, и ждут, пока мы окочуримся, но главный враг – те, кто вопит о любви к отечеству, хотя именно эти русские **предали Россию** и затаенно ее **ненавидят, потому что предали**. Если мы не скажем правду о советской власти, мы уже не спасемся. И скоро побегут на Запад наши патриоты, которым **Ленин и Сталин дороже, чем Русь**.

Конечно, и жизнь сложнее, чем сочетание черного и белого, так как и добро не всегда и не во всем добро, и зло не однородно.

БЕСЕДА академика Панченко (из интернета). (Нас познакомил Саша Михайлов, занимавшийся **Новокрестьянской поэзией**, а у Панченко главная тема **«Юродивые на Руси»**. *Но и сам он был удивительный и загадочный,*).

Журналист Н.К.: «Как бы протекала жизнь в нашей стране после 19-го года, если бы победил Колчак и его сторонники?

А. П.: **Колчак был человек чрезвычайно благородный, поэтому он и не победил. И не мог победить.** Во-первых, это выдумки, что четырнадцать держав на нас наступали, а большевики, красные всех разгромили. *Западным странам было выгодно выбить Россию, как конкурентоспособную державу.*

Н. К. Я знаю, что у вас в Пушкинском Доме масса неопубликованных рукописей. Почему их не печатают?

А. П.: Ну, что же делать, значит, **нации это не надо.**

Н. К.: Это же страшно – культура не нужна...

А. П.: Ну почему страшно?! А я думаю, что **ОНА И НЕ НУЖНА.** Ведь жил же русский человек столетиями в деревне, **И У НЕГО ДОМА НЕ БЫЛО НИ ОДНОЙ КНИГИ.** И ничего. Зато у него были свои песни, праздники, и он ходил в церковь в воскресенье и в праздники, И ничего. Жил. За цивилизацию приходится платить. Сначала письменность изобрели. Хорошо? *Хорошо, да плохо.* Ведь Сократ не писал, и Христос ни строчки не написал. И ничего, неплохие были люди. И атомную бомбу не изобретали.

Есть три вида безделья: **не делать ничего, делать плохо и делать не то, что надо.** Уж лучше ничего не делать, как Обломов. По крайней мере, вреда хоть не принесешь. Но нужно, конечно, надеяться на Господа Бога и заниматься самопознанием. Я имею в виду: – **самопознанием России.**

О Солженицыне: Вл. Солоухин: «Солженицын – сын российской культуры, сын Отечества и народа, борец и рыцарь без страха и упрека, достойнейший человек...» **Игорь Шафаревич:** «Как писатель, мыслитель, человек **Солженицын** ближе к Иллариону Киевскому, Нестору или Аввакуму, чем к Чехову или Бунину...» **Владимир Крупин:** «Я как писатель обязан очень многим, если не всем, Александру Исаевичу. Страдания, которые перенес он, возвышают его над всеми нами». **Леонид Бородин:** «**Солженицын** явился той опорой, которая была нам так нужна!»

И о Солоухине, Шафаревиче, Распутине, Астафьеве восхищенных речей не меньше. Они ли не соль нашей земли? А **Бунин, Мережковский, Зинаида Гиппиус, Бердяев, Лосский?**... и десятки прекрасных поэтов?... философы и ученые?... их жизнь и судьба?... вся русская интеллигенция разве не засвидетельствовала беспримерное Зло большевизма?

Я – русский человек, и сидел за то, что «я – **русский!**», и работа моя состоит в учительстве, и сочинения мои - «**о погибели Земли русской**», и то, что большевики погубили Россию – неужели не несомненно? И вот я спрашиваю русских, с которыми сводит меня жизнь: **С кем вы, с большевиками или с русской интеллигенцией? С русским Богом, русской природой или со Сталиным?**

Со Сталиным! – отвечает народ. И кто же кого предал? **Народ захотел жить в Советской России** и отрекся от своей истории, от культуры, веры, от России – и до сих пор *живет в Советском Союзе.* Так кто же из нас русофоб?

Шестидесятые – семидесятые годы...

Написал почти все, что вызвано было к жизни несогласиями последних дней. Но размышления и раздражения захватили гораздо больший круг болевых и не болевых, но беспокойных точек сознания, чем удалось втиснуть в предыдущие страницы. Теперь решил написать нечто вроде Послесловия с объяснениями необъясненного. Единственное, о чем не буду писать – есть ли Бог. Ибо этому вопросу я посвящу в скором времени целую книгу.

Фигуры, появившиеся в моем сознании, будоражили моих современников ровно 65 лет, первый ворвался в наше воображение Владимир Солоухин книгой «**Владимирские проселки**» в 1958 году. Из советской литературы интерес вызывали стихи **Есенина** (изданного после большого перерыва за год до этого), **Александра Блока** (я учился в 10-м классе и на уроках в школе мы о нем ожесточенно спорили) и только что появившиеся ранние повести Тендрякова «Не ко двору» и «Ошибка Ивана Чупрова».

Зашел в Интернет, чтобы что-то уточнить, и читаю: «Первым потрясением в жизни Тендрякова была картина, когда одетая в опрятное, хоть и поношенное, пальто женщина, нечаянно разбив банку с молоком, опустилась на колени и черпала его деревянной ложкой из грязной копытной ямки на дороге». Я вдруг подумал: **о чем я спорю с народом?** Мое сознание наполнено картинами человеческого страдания, вызванного не случайными обстоятельствами, а **злой волей злого государства**, и я не могу равнодушно пройти мимо событий, когда кто-то безвинно и сильно страдает, даже если бьют или мучают кошку, вытаптывают цветы, наказывают детей, а свидетели страдания не испытывают сочувствия и не пытаются помочь несчастным. У Тендрякова есть рассказы, посвященные тому, как умирали от голода на улицах Вологды ссыльные, так называемые кулаки. В 1966 году он подписал открытое письмо двадцати пяти деятелей науки, литературы и искусства против реабилитации Иосифа Сталина.

В 1970 году выступил с письмом в защиту А. Твардовского. В том же году Владимир Тендряков и Александр Твардовский добились вызволения Жореса Медведева из психиатрической больницы, куда он был помещен насильственно.

Эти штрихи социалистического быта можно приводить до бесконечности, но я вспоминаю только о том, как отзывалась на жизнь литература, и как мы отзывались на литературу, соперечающую жизни.

Хотя в 58 году мне было всего 16 лет, но и я делал первые шаги в сочинительстве. В десятом классе (58-59 годы) стихи мои появлялись даже в красной газете «Красноярский рабочий», в районных газетах, в школе в коридоре висела на стене (МОЯ) еженедельная Стенгазета, памятная многим тогдашним ученикам, а я, будучи *нестандартным школьником* (как вспоминала обо мне в Книге, посвященной 75-летию нашей школы, Лиля Горбунова, в которую я был влюблен), вступил именно тогда на Путь, о котором сказано *«Входите **тесными** вратами, потому что широки врата и пространен путь, **ведущие** в погибель, и многие идут ими; потому что **тесны** врата и узок путь, **ведущие** в жизнь, и немногие находят их.* (Мф 7: 13-14).»

Наступили так называемые «Шестидесятые годы», когда на Сцену советской Культуры выступили талантливые поэты, писатели, режиссеры, художники, актеры, которых отличало не только бесстрашие ума, но и свобода мысли и широта сознания. Кличку *шестидесятников* присвоили лишь некоторым из них, Вознесенскому, Белле Ахмадулиной, Евтушенко, Эрнсту Неизвестному, Виктору Сосноре – и некоторым другим... Но появились еще и писатели-почвенники: Владимир Солоухин, Василий Белов, Борис Можаяев, Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Валентин Распутин... «что же произошло ...со страной? Все, что она делала, считалось важным на какой-то момент, а назавтра забывалось, и не удивительно, что в этой вакханалии беспамятства похоронный обряд перестал быть священным, что родную мать стало возможным не похоронить, а закопать» – пишет Распутин, призывая народ опомниться. «В ту же землю», в бездну духовного распада сбрасывают себя русские ...в эпоху исторического затмения русский народ незаметно для чужой ему власти и неосознаваемо для себя закапывает в землю самое святое.»

Сегодня большинство еще не утративших способность думать людей причину духовного кризиса и падения видит в «Девяностых годах», когда неожиданно умерла советская власть и вместе с нею была закопана в прах земной наша Родина, для немногих – Россия, для большинства – *Советский Союз (хотя странно представлять в виде Родины жестокого отца-самодура... да и отца ли?: А не ворвавшегося в дом разбойника?)*

Кого же мы потеряли?

Академик Панченко говорит: **Культура не нужна!** *Но говорит он это в отчаянии...* Для чего нужна культура, всем ли она нужна, что такое культура? На какие вопросы, без ответа на которые жизнь бессмысленна, невозможно ответить без культуры? И в чем же тогда **смысл жизни?**

Я писал, смутно ощущая цель писания, смутно понимая, о чем именно я пишу, это был и в самом деле словно бы Поток сознания, но по мере того как я соединял в единое целое отдельные ручейки мысли, начинал проявляться Сюжет, контур мысленного сооружения. В конце концов я сформулировал вопрос, который я задаю своим оппонентам: **«С кем вы, с большевиками или с русской интеллигенцией? С русским Богом, русской природой или со Сталиным?»** Легко заметить, что жизненный путь Солоухина и его творчество словно бы являются способом ответить на этот вопрос. Читая «Владимирские проселки», и автор и читатель учатся чувствовать и природу и Родину, и любовь к женщине и любовь к семье как единое целое – так продолжением человеческой души оказывается деревенский дом, домочадцы, природная среда (речка и лес), работа, еда, друзья, язык – а затем и история – от самого ближнего круга близких людей до самого дальнего и до страны в целом, от самых ближних событий, касающихся собственной жизни до Битвы на Калке и Татаро-монгольского ига. Можно ли понять, кто ты сам, без языка и культуры? А отсюда следует, что без языка, без культуры и без истории нельзя понять, в чем собственное предназначение и как надо жить.

Нельзя жить и без отождествления самого себя с тем, что не существует вне истории, вне культуры и языка. Глядя на жизнь именно под этим углом зрения, мы обрекаем себя на поиски Истины, Родины и Бога.

Насколько широко это отождествление, зависит от широты самой личности, но все же удивительно то, что целое мы часто видим даже в его небольшой части, природу России – в пейзаже, утро – в *«капле росы»*, наступающую весну – в ночной мартовской капели. И хотя человек нуждается в развитом самосознании, – но и ребенок уже личность, еще не вмещающая в себя полноту языка и богатство литературы – и в этом проявляется божественная тайна бытия, словно Бог авансом дает **со-переживание жизни** ребенку.

Я любил дружить с детьми, и меня поражало, что хотя культура необходима для полноты личности, но с детьми мы часто находим взаимопонимание даже большее, чем с «инженерами человеческих душ». На днях я встретил знакомую семилетнюю девочку с мамой, которая ее ругала за какое-то упущение, и девочка с надрывом закричала: **А нечего по ночам в гости шляться!** – и хотя было только десять вечера, но грязь, дождь и темнота делали дитя еще убедительнее, так что мама замолчала.

Что понимал ребенок? Не сомневаюсь, что ребенок правду жизни понимал лучше, чем наши современные патриоты понимают, в чем состоит любовь к родине (**для них она в любви к дьявольской власти, и чем власть ближе к дьявольской, тем она божественнее**).

Культура, тем не менее, нужна всем (хотя Панченко отчасти и прав).

Мать Солоухина была крестьянкой, знала наизусть почти всю русскую поэзию, детям читала по вечерам стихи, и все десятиро получили высшее образование (а он был десятым в крестьянской семье, последний), и маленький Володя впитал, видно, всю культурную почву семьи. *И для меня несомненно, что он великий русский писатель, учитель учителей.*

Однажды осенью на крыльцо моего деревенского дома пришла собака, как будто сибирская лайка, а я собирался уезжать. Я ее накормил и мы с ней поговорили, и я оправдывался в том, что не могу ее взять с собой. Она внимала моим словам, смотрела в глаза и иногда кивала головой. О жизни она знала все, я ей прочитал стихотворение и она благодарно улыбнулась. Все, что у меня было съестного, я оставил ей на крыльце, и старую шубу тоже.

Прошло десять лет, старые мои друзья поумирали, и некому мне объяснить мой разлад с родиной, с властью, с глупыми верноподданными людьми.

Нужна ли культура, я не знаю, но книг уже почти никто не читает, никто не ходит в театр и в филармонию. Но и тем, кто читает книги, мои книги не нужны. Правда, на днях я ехал в метро, сел на свободное место рядом с красивой девушкой и попросил у нее листок бумаги, чтобы для нее написать стихотворение. Бумаги у нее не было, и я его записал на полях журнала.

Жаль, что я не смогу вам его подарить, посетовал я. Не беда, возразила она и сфоткала его на мобильник. Затем она открыла сайт, который я ей сообщил, и начала читать и в изумлении на меня посмотрела: *Вам столько лет?*

– А вам сколько? – и она меня тоже удивила...

«Уже и не знаю, кто из нас жив, / И жив ли всерьез даже я. / Одни не верны, а я, видно, лжив, на острие острия. /

И даже не знаю, есть смысл, есть ли цель, Да есть ли в конце концов Бог?! Я гордый глашатай, лихой менестрель, Я сделал и то, что не смог.

Илья Глазунов и Владимир Солоухин.

«Савонарола наставляет на путь истины грешника»

Отрывки из книги Владимира Солоухина «Последняя Ступень».

(с сокращениями)

«А нас, пока мы разбирались в морально-этической стороне, сгребали кучами на Соловки, на Валаам. И Эйхмана из Москвы - в начальники Соловецких лагерей, без всяких письменных инструкций, но уж, конечно, с устным карт-бланшем. Небось Яков Михайлович лично учил, как надобно с нами обращаться. В основу лагерных режимов с первых же дней были положены прекрасные морально-этические категории: *безжалостность, жестокость, унижение и издевательство, глумление и злорадство, мучительство и убийство*. И ты думаешь, что твой Светлов не понимал, что творилось и кем творилось? - Светлов хороший поэт?.. Гренада... - Гренада... Раздули и раззвонили на весь белый свет. А что такое "Гренада"? *Гляжу, как безумный, На черную шаль. И хладную душу Терзает печаль. Когда легковверен И молод я был, Младую гречанку Я страстно любил*. Не надо, не надо, Не надо. друзья. Гренада, Гренада, Гренада моя. Вот и вся расхваленная "Гренада". Напел на пушкинскую интонацию. Подтекстовка. Так, кажется, это называется у поэтов? Кроме того, знаешь, что такое эта самая Гренада там, в Испании? - Город какой-то, местность. - Не местность, а местечко. По значению вроде нашего Бердичева или Конотопа. Но дело и не в Гренаде. У тебя есть Светлов? - Наверное, есть, коли писал статью. Я протянул Кириллу томик Светлова. Он быстро перелистал его и остановился на каком-то стихотворении в середине книги.

- Вот, слушай. "Пирушка". «Хорошо нам сидеть За бутылкой вина И закусывать Мирным куском пирога.»

Хорошо им, сукам, сидеть, захватив Россию и став хозяевами положения. Хорошо им есть российские пироги. И с кем он пирует, твой любимый поэт Михаил Аркадьевич? <...> А вот с кем пирует Михаил Аркадьевич: Пей, товарищ Орлов, Председатель ЧК, Пусть нахмурилось небо, Тревогу тая, Эти звезды разбиты Ударом штыка. Эта ночь беспощадна, Как подпись твоя. Ну, Орлов - это, конечно, псевдоним, как и сам Светлов. Нетипично было в те годы, чтобы подлинный Орлов был председателем ЧК и подписывал приговоры своей беспощадной подписью. Это так, камуфляж. <...> А дальше-то, дальше-то каково. Приговор прозвучал, Мандолина поет, И труба, как палач, Наклонилась над ней. Вот так под мандолину, под сурдинку и звучали приговоры председателя ЧК. Думаешь, один-два? Думаешь, расстреливали единоличными выстрелами или хотя бы залпами? Твой кореш вносит на этот счет полную ясность. Не чернила, а кровь Запеклась на штыке. Пулемет застучал, Боевой ундервуд. Какова емкость поэтических образов! Чернила чековской подписи сразу превращаются в кровь на штыке. А стрекотание пишущей машинки (отпечатывающей имена обреченных, конечно, а что же, исходя из контекста?), естественно, переходит в стрекотанье пулемета. Но послушаем дальше. Расскажи мне, пожалуйста, Мой дорогой, Мой застенчивый друг, Расскажи мне о том, Как пылала Полтава, Как трясся

Джанкой, *Как Саратов крестился Последним крестом*. Миленькая картинка, не правда ли? И председатель ЧК, оказывается, милый застенчивый человек, интеллигент и очкарик. А ведь пылают и трясутся не заморские, не вражеские города, а мирная, тихая Полтава, и среди родной России на берегу родной Волги Саратов вынужден креститься последним крестом! А это разве двусмысленно: *Как без хлеба сидел, Как страдал без воды Разоруженный Полк юнкеров*. Понимаешь ли ты, о чем тут написано? Юнкера - это юноши, русские, светловолосые, в белых гимнастерках, самая жертвенная часть русской интеллигенции в те годы, молодежь. Ты понимаешь ли, что их, оказывается, разоружив, уморили голодом и жаждой! То-то сладко вспоминать об этом даже в условиях революции, излишней жестокости за мирным куском пирога! *"А помнишь, как мы их, русских сволочей, с голоду уморили? Как пить им не давали, гадам, они и подошли все. Выпьем, что ли, товарищ Орлов?"* Ты, что руки свои Положил на Бахмут, *Эти темные шахты благословив*. Нет, ты вдумайся, вдумайся в слова, которые тут написаны. Ну, то, что председатель ЧК положил руки на Бахмут, это понятно. Он не только на Бахмут, на всю страну положил свои руки. Но что это за шахты он еще благословляет к тому же? Что-то некстати здесь словечко "благословив", даже если бы в шахтах работали заключенные. Да и шахты-то зловещие, темные. Уж не в них ли и откликнулся пулемет боевому, неусыпному ундервуду? А кончается стихотворение теми же строками: "Приговор прозвучал, мандолина поет..." Вот, Владимир Алексеевич, каков Светлов, которого вы две недели назад всячески превозносили в своей статье в "Литературной газете". Но Светлов - это понятно. А вот русские, русские поэты, <...> как бы воспевающие Россию, им-то как не совестно дудеть в ту же дудку? - Кто дудит? - **А все!** Назови мне русского поэта, которого ты считаешь наиболее ярким, талантливым, самобытным, <...> назови мне такого поэта, и я тебе тотчас докажу, что он дудит в ту же дуду. - Ну... пожалуй, **Прокофьев**. Отличный лирик. Озорной. Залихватский. "Грудь в сатине, сердце в соловьях". Что теперь на родине? Погода! Волны неумолчно в берег бьют. На цветах настоящую воду Из восьми озер родные пьют. Пьют как брагу темными ковшами, Парни в самых радостных летах. Не испить ее - она большая, И не расплескать - она в цветах. По-моему, здорово! Какая энергия, какая сочность! <...> Наверное, и про березки много стихов, про Россию? Разные здравицы. Застольные песни. Не правда ли? - Есть и это. Да ты, как видно, знаешь его не хуже меня. - Предполагаю, Владимир Алексеевич, предполагаю. Нетрудно предположить. Ну, давай про Россию. Поднимем за здравные чаши, Как водится, выше голов За вечную Родину нашу, За теплый отеческий кров. За отсветы радуг красивых, За теплые травы долин, Черемухи душную силу И красные гроздья рябин. За то, чтоб весной голосили На всех лозняках соловьи, Поднимем, друзья, за Россию Мы первые чаши свои. - Ишь, какой говорун, краснобай. Черемухи да рябины. Ну-ка, дай мне его томик. Ну да... Вот опять Россия. Что-то многовато у него. Вот: За дождями дожди моросили, Поднимала река гребешки, Ты Россия моя, Россия, Дружно пели мои дружки. И вот: Россия, Вольная Россия, Ты хороша в кругу сестер своих. Очи ясные пылают синью... Так. Не печальную, а величальную

Пою песню России. Знаем все, сокрушили Злобу, ненависть, гнет. Как Россию душили! А Россия живет! Так. Разлетались над Россией моей От долин ее великих до морей... Так. Песнью, Удалью, Молодечеством, Ой, Россия, Русь, Мое Отечество! Вот опять.. Так что ж, товарищ Россия, Отчизна и слава твоя! Вот.. И в мире нет подобной сими, И не дано ей умереть, Покуда солнцу над Россией И красоваться, и гореть! - <...> Не похоже. - Все синь да солнышко. Березки да цветочки. Березки да цветочки. Идиллия. ***Ни колымских лагерей, ни Беломорканала, ни трудодней, ни исчезающих деревень у него же на Ладого, ни всеобщего пьянства, никаких проблем вообще.*** Все Россия да Россия... <...> Ага! Вот, голубчик, попался. Ну я так и знал. Теперь слушайте, Владимир Алексеевич, слушайте. Мы отступали, на всех надеясь, Ветер в разведке сидит в кустах. Суженый-ряженный - белогвардеец: Грудь, словно кладбище, вся в крестах. - Тоже ведь не бледно сказано. Сочно и емко. Но какие же это кресты на груди у прокофьевского врага? Какие он, разжиревший до того, что уж не может нагнуться свои башмаки зашнуровать - живот не дает, какие же он называет кресты кладбищенскими? Какие это кресты ему поперек горла встали? И смертельно враждебны? А это русские, российские кресты, георгиевские, дорогой Владимир Алексеевич. Это кресты за русскую отвагу и доблесть, добытые под Порт-Артуром или во время Брусиловского прорыва. Это кресты - потомки тех крестов, которые висели на груди русских офицеров и солдат в осажденном Севастополе, во время суворовских походов, на Бородинском поле, под Плевной на Шипке. Именно эти кресты он, гнида, считает теперь своей мишенью. Пулеметчик заводит "страданье", Глаз наметан и верен. Встань, зеленая пойма, На крови поднимайтесь, овсы. Пулеметчик - "Дунайские волны", Пули стучают в райские двери. Пулеметчик в ударе. Батальонно пойдут мертвецы. В авангарде походные кухни, Путь-дорожка сквозная. И латунь ударяет в латунь В поредевшем строю. **Шлюха вскинет юбочнку И готово трехцветное знамя.** Мест не хватит у господ бога, Потесниться придется в раю. - А! Каково?! ***Это на чьей же крови должны подниматься овсы? Чья это кровь напоила зеленую пойму? Кто это побатальонно направляется в рай при помощи пулемета, так что даже придется потесниться в раю Господу Богу? Не братья ли наши, не русские ли люди отправляются в рай целыми батальонами, а Прокофьев при этом злорадствует и приплясывает под "страдание" и "Дунайские волны"? П что это за трехцветное знамя сравнивает он с нижней юбочкой шлюхи? Кто эта шлюха? Да уж не Россия ли? Ибо ведь у России и было как раз трехцветное знамя.*** "Там над пустыней унылой вьется Андреевский флаг, бьется с неравною силой гордый красавец "Варяг". Да именно под русским знаменем бился "Варяг", именно с ним в руках упал под Аустерлицем Андрей Волконский. Как же он смел, твой Прокофьев, российское трехцветное знамя сравнивать с тем, что под юбкой у шлюхи? Как же он смеет после этого, коллаборационист и предатель, в каждом стихотворении **всеу распинаться в любви к России?** А судный день придет, - продолжал Кирилл с дрожжами от гнева губами, - все встанет на свои места, [и Прокофьев] служивший, кстати, в молодости в ленинградском ОГПУ,

тоже подвергнется суду потомков. Никакие "России" в его поздних стихах уже не помогут. **Он будет выплунут из русской литературы, как последняя грязная мразь!**

Такого заряда страсти я, признаться, не ожидал. После столь сокрушительного удара по одному из любимых мною доселе поэтов смешно было бы теперь соваться с Рыленковым да Копаленковым, с Луговским да Асеевым. "Большевики пустыни и весны", рыленковские пейзажики, асеевская поэма про красного партизана Проскакова. Или **Смеляков, трижды сидевший в советских лагерях и писавший там поэму "Застава Ильича", прославляющую режим, благодаря которому он и оказывался каждый раз в лагерях.** Или **Степа Щипачев, беспрецедентно в мировой поэзии воспевший в своей поэме предательство мальчиком-несмышленишем своего родного отца.** Все это, конечно, только хрустнуло бы под острым экстремистским топором моего собеседника. А я пошел с козырного туза, вытащил из колоды Александра Твардовского. - Твардовский. - Но что такое Твардовский? **Твардовский - трагедия.** Он, начинающий поэт, делает первые шаги в смоленской газетке, а **его семью раскулачивают, и отца с матерью ссылают на Беломорканал.** Как реагировал молодой поэт? В духе времени. Он пишет стихотворение, в котором отрекается от отца. "Я сам тебе ворота открывал, когда тебя из дома уводили". За буквальную точность этих строк не речуюсь, они ведь не переиздавались потом, но их можно найти в смоленской печати тех времен. Смысл, во всяком случае, точен. Это публичное отречение от отца ничем по своей сути не отличается от предательства Павлика Морозова. Вслед за отцом он предал и все русское крестьянство в целом. Он пишет "Страну Муравию". Политически Сталин замел следы своего преступления, по крайней мере, думал, что замел, написав статью "*Головокружение от успехов*". **Истребить миллионы людей, еще большие миллионы провести через муки мученические, а потом все свалить на перегибы местных властей.** Но ему нужно было, чтобы его кровавую, людоедскую акцию по ослаблению и тотальному порабощению **крестьянства освятило искусство. Освятило и оправдало.** И представило в ярком свете. Не в ясном свете дня, как говорится, разоблачающем суть происшедшего, но в ярком маскирующем свете. Надо было оромантизировать акцию коллективизации, из страшной и мученической превратить ее в мирную и едва ли не веселую. С юморком, знаете, с прибауточкой, с поговорочкой, с дедом Щукарем. Возник так называемый социальный заказ. Не звонили, быть может, по телефону тому или этому, а может, кому-нибудь и звонили. Но заказ носился в воздухе. **У советских писателей тех времен был изощренный нюх. То, чего хотело начальство, они знали не только на расстоянии, но и заблаговременно, чтобы успеть написать. Этот социальный заказ - оправдать и освятить искусством акцию частичного истребления и полного порабощения крестьянства вызвал три произведения, и все три я считаю позорными.** Ну, о "Павлике Морозове" и говорить нечего. Да эта поэма и с художественной стороны не стоит, чтобы о ней говорили. А вот два произведения остаются. "Поднятая целина" и "Страна Муравия". И есть тонкость. Потому труднее простить "Страну Муравию"

Твардовскому, нежели другое другим, что в то самое время, когда поэт воспевал коллективизацию, *его родители мучились и гибли на Беломорканале*. Сталин умел платить. Фадеев представил вождю список писателей, подлежащих награждению орденами. Это был первый орденский писательский список. Сталин почитал, тяжело подвигал глазами по Демьянам Бедным, Алексеям Толстым, Катаевым, Каверинным, Асеевым и спрашивает: - А где этот... Молодой смоленский поэт... Который написал про Никиту Моргунка? - Мы полагали, товарищ Сталин, молод еще, рановато. - Ничего... Я думаю, можно его включить. Фадеев включил Твардовского на орден Трудового Красного Знамени. Сталин при повторном прочтении списка опять поправил Фадеева. - Мы тут посоветовались... Я думаю, можно ему дать орден Ленина. Тогда же Твардовский получил и Сталинскую премию I степени. То есть попал своей поэмой прямо в десятку, в "яблочко". *Рассказывают, что ему разрешили съездить на Север и разыскать родителей. Отца он уже не застал в живых, там быстро перемалывали людей, а мать нашел всю во вшах, чуть живую от изнурения и голода. И еще непонятно многим, спрашивают еще, отчего Твардовскийпил горькую. Совесть у него болела всегда, но тайно.*

Но тут вдруг война. Не до совести. Опять же новые ордена, новые премии. **Клевал с руки**. И вдруг бац! **"Все было лишь ложь и обман"**. Сталин разоблачен, у людей открываются глаза. Тогда Твардовский начал замаливать свои грехи и замаливал их до последнего своего дыхания. Правда, не столько в поэзии (ничего особенного, замаливающего он не успел или не сумел создать), сколько в журнальной и общественной деятельности. Он сделал то, за что ему можно было бы простить не одну "Страну Муравью". - Что ты имеешь в виду? - Я имею в виду Солженицына. Да, он вывел из тьмы, из небытия Солженицына, выпустил из бутылки джинна. Знаете, как в восточной сказке. Маленькая бутылка, открывают пробку, оттуда идет дымок. И вдруг возникает великан, гигант ростом до облаков. Сидел в бутылке происками злых чар. А обратно в бутылку его уже не затолкнешь и не поместишь. Может быть, для одного этого стоило и родиться, и существовать в нашей литературе и жизни Твардовскому. Во всяком случае, даже если бы он не сделал ничего другого, все равно ему полагался бы памятник на какой-нибудь площади. Да ведь не поставят пока. Больше того, в шестидесятилетие поэта не только не дали ему Героя Соцтруда, но хотя бы и орден Ленина. Подбросили Трудового Красного Знамени. А в героях ходят у нас теперь <...>. Все они, может быть, неплохие люди, **и все они исправно клуют с руки**, за что и получили Героев, но не позорно ли было отпускать Твардовского на тот свет с орденишком Трудового Красного Знамени? <...> Но вот что значит воспитание и инерция. **Отца с матерью замучили**. Журнал отобрали. В шестидесятилетие в душу плюнули. Заставили умирать в душной темноте нелепой опалы, а он, уже многое как будто поняв, уже едва шевеля губами, на последней стадии рака просит Марию Илларионовну *во время заплатить партвзносы! О, Русская земля, о загадочная русская душа!* [27 дек. 24. *Читаю, редактирую. Почти всё здесь писал НЕ я – но это лучшая моя книга (после романа «Боль и любовь»!!]*

ХРАМ ХРИСТА-СПАСИТЕЛЯ

«Так пусть же знают русские люди, потомки наши, если все еще они будут чувствовать и считать себя русскими людьми, что взрывали в Москве не завалюхи, а несравненные по красоте и своеобразию храмы, точно такие же, как Никола в Хамовниках, как церковка на улице Чехова, как любая уцелевшая церковь. Да еще надо учесть, что Заславский, когда ездил в машине с секретарем и кидал ему через плечо: "Эту. Эту. Эту. Эту. Эту!" руководствовался точно теми же соображениями, как и садистка ЧК, которая уводила в подвал на Лубянке молодых русских женщин. Чудом уцелел Василий Блаженный. Когда в Кремле разглядывали макет Москвы и прикидывали, что бы еще сломать, *Каганович взял макет собора Василия Блаженного и спрятал его в карман.* Сразу все увидели, как свободно стало в конце площади, как удобно и просторно будет трудящимся уходить с демонстрации. Стоило бы Сталину сказать тогда: "А что, товарищи, помоему, Лазарь Моисеевич прав", - и судьба собора решилась бы тотчас. <...> А тем временем Ворошилов толкнул в бок Кагановича: "Поставь, Лазарь, поставь на место". Лазарь и поставил. И спасся чудом этот собор. Но не спасся другой памятник русской славы и красоты. Ходят слухи, что Лазарь Моисеевич ... нажал на рубильник, когда замыкали цепь. Этот храм Россия строила сорок два года. По проселкам ползали телеги, собирая по копейке и по рублю. <...> был дополнительный смысл в том, чтобы построен был храм на всеобщие народные деньги. Памятник пожару московскому и изгнанию Наполеона из Москвы. Внутри храма на сценах были выбиты золотом по мрамору имена всех павших во время войны с Наполеоном. Сурикову после окончания академии предложили двухгодичную заграничную стипендию для совершенствования мастерства, но он отказался ради того, чтобы расписывать храм Христа Спасителя. Самое высокое здание в Москве. Колокольня Ивана Великого помещалась бы в его интерьере. Красота, народная память, святыня. **Кто же меня убедит в том, что взрывали его будто бы мудрые и культурные люди, заботящиеся о благе народа, страны, а не хулиганы, глумливцы, не бандиты, не варвары, не случайные захватчики власти, ненавидящие захваченную страну и подмявшие под себя одурманенный пустыми лозунгами народ? Короток, ограничен человеческий век. Не дожить, не увидеть. Но легче было бы умирать, провидя, как на месте омерзительного лягушатника, источающего в центре Москвы свои зеленые сернистые пары, рано или поздно опять поднимется сверкающая белизной и золотом громада храма. Что *точно так же, как взрыв Храма Спасителя явился апогеем и символом разрушения и насилия, высшей степенной унижения русского народа, <...> его возрождение на старом месте явится возрождением, воскресением России.* <...>**

Владимир Ильич вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, всяким прославленным при царе генералам... По его предложению в 1918 году в Москве были снесены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле храма Христа Спасителя, генералу Скобелеву...

По предложению Солоухина был создан в 90-е годы «Фонд возрождения Храма» и Владимир Алексеевич стал его председателем.

СВИДЕТЕЛЬ

Резервация в Калашном. Судя по бесконечному количеству статей в Интернете о Солоухине, а еще больше о Глазунове, его загадочная квартира с видом на Кремль была чем-то вроде квартиры Воланда в Москве тридцатых годов (описанной у Булгакова). И в этой квартире жили и подвизались и сам **Глазунов (Воланд)**, и Иешуа (Солоухин) – именно Иешуа, а не Христос... или Василий Блаженный, или Илья Муромец (которого не прочь на место Глазунова, потому что Глазунов забрался выше) ... и три года в друзьях сидел за столом и пил водку всесильный министр Внутренних дел СССР Щелоков, и выдающиеся писатели, и члены ЦК, и **заведующие отделами ЧК-КГБ...**

Кто же он был таков?

Пытаюсь из всех сил не влезать в чужие споры, я их только своєю снова вместе, стараясь не комментировать, но уж чрезмерно загадочно!

Но надо дать и мне слово... полслова... четверть словечка...

«Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые! Его призвали всеблагие Как собеседника на пир... Он их высоких зрелищ зритель...» - пишет Тютчев – и пишет в том числе обо мне.

Я в эти роковые минуты жил, всё почти видел – многое во всяком случае, но я не был участником событий, поэтому и называю себя **свидетелем**.

Третий Акт Спектакля (по мотивам Русской Трагедии) начался весной 1956 года, мне было 14 лет, я учился в седьмом классе, и был еще слишком мал, чтобы командовать расстрельной командой, как будущий Гайдар-Голиков.

И все же в это время единственный раз в своей жизни я принял участие в событиях того исторического спектакля, который развернулся на русской сцене. Утром я прочитал статью в «Известиях» о разоблачении Культа личности, и в два часа дня вошел в свой класс в школе (мы учились во второй смене).

Среди подрастающих хулиганов я уже пользовался успехом.

– Всем стоять смирно! – скомандовал я. – Только что опубликована статья в газете, разоблачены враги народа, оказывается, их главарем был сам Сталин, и он – враг народа! Снимаем со стены их портреты и несем во двор на костер!

Тут же придвинули к стене стол, поставили на него стул, я взлез, содрал всех врагов народа со стены и мы их торжественно поволокли в костер.

Надо сказать, что всех сжечь нам не удалось, прибежала классная руководительница, потом завуч, часть портретов у нас отбили, но кого мы успели зажечь, те полыхали как **Знамя свободы**.

Больше в прямых событиях русской истории я никогда не участвовал, Стенгазета, которую я создал в девятом классе, была фактом литературы, а не политической жизни, как и рассказы и стихи.

В 58-м году я поехал на Украину, в Донбасс, искать своего дядю, старшего брата моего отца. Братья друг друга в довоенные годы любили, отец мой в 44-м году погиб и после войны встретиться им не удалось. Мне было 16 лет, я окончил 9-й класс, Эмме исполнилось 20, Алику – 18, Эмма была замужем, а ее свекор, как оказалось, был старинным другом Хрущева. В начале августа на заводском дворе, когда я стоял около автомобиля этого друга, раздался радио-звонок Никиты Сергеевича... Но об этом я уже писал где-то ранее.

Осенью 58 года меня исключили из школы (уже во второй раз) за напечатанный в районной газете рассказ «Рюмочка». В мае 59, перед экзаменами на Аттестат зрелости, исключили за неразрешенные поцелуи во дворе интерната (они и теперь жгут мне губы). Но школа меня любила, доказательством тому здоровенный Альбом, посвященный ее 75-летию, в центре которого отрывки из моих книг и воспоминания обо мне Лили Горбуновой, в которую я был когда-то влюблен (**и я ее помню**).

Затем я поступил в Ленинградский университет, там тоже издавал Стенгазету, из университета меня тоже исключали, - но в политических противостояниях я не участвовал, и если Андропов меня посадил в 70-м, придя к власти, то совершенно ни за что, мои статьи «Русь и духовное освобождение» и «Я русский!» я нигде не печатал, только читал вслух друзьям на домашних пьянках.

Солоухин и Глазунов были гораздо более оголтелыми, как и многие их друзья в Глазуновской «Резервации», но судя по многому, мы в то время жили в загадочную эпоху, когда полуоформилась **Национальная русская партия**, которой, возможно, сочувствовали член Политбюро Полянский, министр внутренних дел Щелоков, председатель ВЛКСМ Павлов... но так как Хрущев уже не звонит ("мне") по радиотелефону, то я о положении дел в России имею самые поверхностные знания. Я перечитываю Солоухина, Солоневича, Солженицына, Глазунова, вспоминаю музыкальные вечера у Юрия Борисовича Перепелкина, у Михаила Андреевича Гневушева, у меня дома, вспоминаю старых друзей, Виталия Герасимовича Горбачко, Теодора Адамовича Шумовского, хлебосольные встречи у Людмилы Петровны Жуковой... **В 1964-м году я познакомился с Валентином Ивановым**, книги которого «Русь великая» и «Русь изначальная» оказали большое влияние на наше поколение (кроме Солоухина и Солженицына). Валентин Дмитриевич подарил мне свой Конспект исторического труда академика Веселовского «История опричнины», и этот конспект весьма важен для понимания современной русской истории, как и «Архипелаг Гулаг» Солженицына. А я его еще не издал. Но обещаю издать в ближайшее время.

Разглядывая старые фотографии, я вдруг вспомнил Илью Сергеевича Глазунова. В конце 60-х годов мы с женой познакомились и подружились с одним старым петербургским семейством, с гляциологом и его женой, очень красивой пожилой женщиной (но она тогда была моложе, чем я теперь). Она работала в библиотеке Академии Художеств, хорошо знала Илью Сергеевича, студентом он дневал и ночевал в этой библиотеке – и что удивительно, именно *ночевал*, его (любя) служительницы библиотеки оставляли на ночь, только запирали на ключ. И сам Глазунов и Инна Сергеевна (назову ее так условно) были дружны, и она подчеркивала в своих нам рассказах, что обладая великолепной памятью, Глазунов буквально поглощал книги в хранилище библиотеки. Сам Илья Сергеевич говорил, что он окончил ДВЕ Академии, и второй была библиотека в стенах первой. В этом ключ к его общевосточной и всемирной известности (а он рисовал портреты Индиры Ганди, семейства Ле Пен во Франции, министра Щелокова и Джини Поллобриджи, которая *предлагала ему у нее остаться*).

Виделся я с ним только два раза, и смутно помню о наших встречах – как, впрочем, я мало помню и о тысячах других встреч – а я встречался и с Главным архитектором Москвы М. Посохиним (русским) в 60 году на квартире московской профессорской четы, в дочку которых я был влюблен (а я за столом предлагал **расстрелять тех**, кто уничтожает Москву, не зная, с кем сижу рядом... но в конце девяностых я познакомился и с его сыном, тоже архитектором, рассказал ему о том застолье и мы с ним выпили за *мир*).

С Ильей Сергеевичем мы друг другу **не** понравились и Отчасти я увидел в нем себя, каким я мог бы стать, если бы УСПЕХ стал для меня главным приоритетом, если бы ... Ну, я понял, что **женщин Илья Сергеевич любил больше как средство в восхождении на вершину**.

И даже, мне показалось, **так же** любил и свою жену (а прабабушка Нины, **З. Лансере, мне подарила** свой «гимназический альбом».) ??)

Знакомство не сложилось и при второй встрече, мы не подошли друг другу (как и с Л.Бородиным).

Хотя я не только благодарен ему за то, что он сумел повлиять на русских и на Россию, но я *его за это искренно люблю*. Как и Солоухина.

И даже если бы чекисты сидели у него за обоями – бог с ними, бывают и среди них *не такие как все* ... (хотя не настолько, как думал Бородин).

Так должны выглядеть памятники Ленину в свободной России.

"Особенно примечательной выглядит неожиданная дружба Глазунова с **Николаем Щелоковым** – министром внутренних дел СССР и доверенным лицом Брежнева. Отметим, что Щелокова многие рассматривали в качестве возможного преемника дряхлеющего генсека. Он находился в длительном властном конфликте с шефом КГБ Юрием Андроповым, которого многие «националисты» из числа членов «русской партии» считали *скрытым евреем*. Обратим внимание в связи с этим, что в 1976 г. Ю. Андропов направил в ЦК записку, подготовленную на основе агентурных данных госбезопасности, контролировавшей умонастроения в советской богеме, в которой отметил,

в частности, что в творчестве художника и его разговорах заметна склонность «к откровенно антисемитским настроениям». Возможно, именно на этой основе и зародилась парадоксальная дружба советского министра и художника-националиста.

И. Глазунов и глава МВД СССР Н. Щелоков часами беседовали

в мастерской "живописца-монархиста" (со слов дочери министра).

Роза (Раиса) Заседателева (Рукавкова – по матери)

3 октября 1941 г., когда танки Гудериана с ходу захватили Орёл, Розе (в крещении – **Рая**) едва стукнуло 14. Свои воспоминания о военном времени – об оккупации, об угоне в Германию, о работах у бауэра под Кёнигсбергом, о репатриации – она писала в середине 2000-х гг., когда ей было за 80. Но писала как бы детскими глазами, балансируя на стыке мемуарного свидетельства и художественной прозы.

О предыстории мемуаров, как и о своей послевоенной судьбе, Роза Заседателева рассказала в журнале «Юность» (1998, № 7–9). Там же она раскрыла своё эпистолярное ноу-хау – переписку с родными, минуя цензуру, в обход оstarбайтерской почты и немецкой цензуры. Переписка шла через двух знакомых немцев – почтальона Гельмута под Кёнигсбергом и кого-то из приличных немцев-постояльцев, квартировавших у них в Орле. Первый как бы писал второму, а в итоге Розина родня из первых рук узнавала правду об остовской жизни. А затем и весьма широкий круг знакомых – вплоть до всесоюзного: эти письма цитировались в советских пропагандистских изданиях.

«Самая большая радость в жизни – это тот миг, когда меня освободили НАШИ из немецкой неволи. Это произошло 5 мая 1945 года недалеко от Кёнигсберга. Немецкое население в организованном порядке эвакуировалось из района 23 февраля, но мы, восемь орловских девушек, *спрятались от этой эвакуации и сидели по подвалам, по амбарах 3 месяца*, дожидаясь наших. В эвакуацию погнали около трёхсот человек русских рабочих, бывших тоже в этом посёлке...»

Вернувшись в Орёл, Роза бросилась догонять своих сверстников и саму себя. За один год она прошла программу сразу трёх классов – 8-го, 9-го и 10-го. Единственная четвёрка в аттестате зрелости не позволила ей поступить в институт без экзаменов, но, сдав все экзамены на пятёрки, Роза стала студенткой 2-го Ленинградского медицинского института. Выучившись на детского врача, она отправилась по распределению в Нарьян-Мар, где её случайно встретил, где в неё по уши влюбился и откуда её вывез залётный московский корреспондент «Огонька» Владимир Солоухин. Вся тяготы и все прелести московской и алепинской писательской жизни с Солоухиным описаны в её вдовьих заметках в той же «Юности».

Сама Роза Лаврентьевна умерла в 2017 году, на 92-м году жизни. Одна из последних её фотографий сделана в селе Алепино Собинского района Владимирской области, где у Владимира Солоухина, певца владимирских просёлков, была изба.

«НА ЗАДВОРКАХ ПОБЕДЫ»,

(отрывки из воспоминаний)

На стенах новые объявления: «Всем трудоспособным от 17 лет до 50 зарегистрироваться на бирже труда. Явка ежедневная обязательна...»

Каждый день обходит местный полицай Саянко. Крикнет: «На биржу» – идёт дальше.

Мама на биржу не ходит. Всё время болеет. Бабушка – старая. Лида глухонемая. Бегаем на биржу мы с Валькой. Там собирают большими группами женщин, и конвойные разводят на разные работы, всё больше на расчистку от камней и снега проезжих улиц или вокзала.

Мама перестала даже бельё стирать. У неё после стирки опухает лицо, заплывают и слезятся глаза, руки до локтей в болячках...

В комендатуре выдали по стакану грязной, почти чёрной соли и по кульку горелой сои, отродясь невиданного нами продукта. Из неё невозможно ничего слепить, невозможно сварить. Ещё твёрже делается. И сушью – не угрызёшь.

На бульваре, который ведёт к горсаду, появилась виселица. В ряд висит 5 человек. В стёганках, босые. На большой планке успела прочитать: «Партизан». Никто не видел, когда была совершена казнь. Утром испуганные прохожие бросались на другую сторону улицы. Я, увидев повешенных, побежала назад – домой. Боковым зрением определила контуры всех 5 человек. Одна девушка. Молодая, блондинка. Ужас от этой виселицы охватил город. Проклинают немцев.

Из головы не выходят строки из листовок: «...уничтожайте склады, овощехранилища...» По-видимому, мы сейчас работаем на таком «уничтоженном» хранилище.

Женщины, сидящие на корточках, помнят эти листовки. У одной из них рядом с нею работают два её сына, 7 и 8 лет. Они следят за костром, пекут картошку. Обжигаясь ею, жадно едят.

– Мои мальчики целыми днями, сутками напролёт просят есть, – говорит их угрюмая мать... – Работаю где придётся. И стираю на немцев, и шинели ихние латаю, и перчатки вяжу... Не умирать же моим мальчикам с голоду.

Городские люди ходят в пригородные деревни менять добро на что-либо съестное. Простыни, скатерти, полотенца – на крупу, муку.

На выезде из города слагбаум, стоят, пропускают солдаты. Предупреждают, чтобы возвращались до темноты, до комендантского часа. Они знают, что мы несём новые, хорошие вещи, но никогда не заглядывали в наши сумки.

Взяв с собой чёрную вязаную шленковую скатерть, идём и мы с Валькой. Тёнька развернула нашу скатерть с красными розами по чёрному полю, вздохнула и сказала: «Несите, ребятёнки, эту красоту обратно. Мне она не надобна. А мама ваша пусть вспоминает свою жизнь. Я вам и так крупки насыплю».

Ночью взорвали музыкальную школу, в которой я училась в третьем классе на фортепьяно, а Валька – на баяне.

По сторонам разлетелось множество клавиатур от роялей. Они лежат как гигантские зубы фантастических великанов. 3-этажное здание школы по ул. 7-е ноября превратилось в руины. С биржи полиции привёл расчищать дорогу от развалин. Кирпичи и камни носим к реке Оке.

* * *

Немцы настреляли зайцев. Сами чистили, потрошили. На плите-голландке пекли в докрасна раскалённой сковородке. За стол они усадили нас всех, маму, бабушку, Лиду, Вальку, тётю Маню, и мы наравне с ними обсасывали ароматные косточки. *[ВИ. Надо же, бывала и такая идиллия!]*

* * *

Наши самолёты налетают каждый день. Бомбы взрываются, и мы бегаем смотреть, что разбомбили. Камня на камне не осталось от домов на центральных улицах города. Говорят, совершенно разрушили завод Медведевский. Но целый немецкий парк танков, который стоит в мастерских на нашей улице, – цел и невредим. Мы боимся наших бомбёжек. Не объявляется тревоги. Бежим, прячемся, услышав гул. Взрвутся 2–3 бомбы, и самолёты удаляются. При наших налётах прячутся и немцы.

Город заполнили войска СС. Они не живут по домам, а размещаются в «казармах» – в аптеках, школах, в уцелевших особняках. На них чёрная с иголочки форма. Все как на подбор красивые, высокие. Во всём облике – превосходство. Но превосходство это не перед нами, а перед немцами, которые в зелёной форме. На рукавах у СС страшные эмблемы: череп мертвеца с костями наперекрест.

* * *

Конница мадьяр прискакала в Неполодь. Сразу – на гору, к Марусиному дому. Говорят, пленные успели убежать. «Кто был?» – «Мужик нищий».

Мадьяры облили дом бензином. Сгорел дотла.

...Все знают, что в лесах прячутся, партизанят наши пленные. Слух ходил, что деревня устраивает «прятанки» для них – хлеб, картошку. Заправлял всеми этими связями с партизанами дядя Лёша Селихов, деревенский староста, назначенный немцами, друг и приятель дяди Миши.

* * *

По городу прокатился слух: ночью всех евреев куда-то увезли. На грузовиках. Когда немцы с криком выгоняли Алькину семью, она через забор убежала в соседний дом. Она видела, как её старых родителей немцы подсаживали на кузов грузовика. Машина тронулась, и Аля не выдержала. Выбежала на улицу, догнала машину и на ходу вскочила на кузов.

Говорили, что всех евреев расстреляли в овраге за Орликом и будто они сами по очереди рыли ямы и закапывали мёртвых, партию за партией.

Город всполошился. Все пошли навещать своих знакомых евреев. На улицах стоят толпы народу. Сбегали и мы с Валькой к Райхманам на Безбожную № 6. Немец вышел на террасу, сказал – нет их больше.

Мы, одноклассники Альки, обошли все «известные» овраги вокруг города. Оголённой земли нигде не было, ни на Монастырке, ни за Орликом. Поползли новые слухи: увезли евреев в Польшу в душегубки. Уцелела одна Сусанна, продавщица Детгиза, известная красавица. Говорят, влюбился в неё офицер и прятал.

* * *

Мороз лютый. Говорят, от болезней и голода умирают пленные сотнями. Разруха. Метель. Хочется есть. Где фронт?

* * *

Расстреляли весь пансионат для душевнобольных в Кишкинке. 120 человек, всех насмерть.

Конвой привёл в аптеку. Оказывается, здесь общежитие для офицеров. Делаем генеральную уборку. Чистим на улице на снегу ковры, которые висят у офицеров на стенах. За работу получили деньгами – по 2 марки. Не знаем, много это или мало. В городе ничего не продаётся. Господи! Где НАШИ? Никаких слухов. А ведь где-то наши побеждают, разбивают немецкие танки. Их на буксирах тянут в наш город на ремонт. Целый полк ремонтников обретается по домам. **Это мы – на задворках победы.** Немцы на захваченных территориях заставляют нас работать на них. *Как же можно было нас бросить в пекло к немцам?*

Не-вы-но-си-мо!

Раиса Рукавкова появилась на свет в деревне Мымирино на Орловщине, в учительской семье. Девочку втайне крестила бабка, и какое-то обещание «рая» в стране государственного атеизма невольно аукалось в том, как звали ребёнка домашние... Не оттого ли родители, стремясь шагнуть в ногу с социалистической модой, четырёхлетнюю дочь переименовали в честь немецкой революционерки Розы Люксембург? Знали бы они тогда, какими шипами утыкает жизнь путь их Розы...

Роза Лаврентьевна Солоухина не стала балериной. Она не стала врачом. Она стала ВСЕМ и одной для великого патриота России. Каждое лето с дочерьми, внуками и правнуками она проводит в родительском доме Владимира Алексеевича в Алепине, от которого рукой подать до кладбища, где он почил в земле своих предков и рядом с ними. Свою миссию жены выдающегося писателя Роза Лаврентьевна исполнила с честью.

Но еще не наступили времена для всеобщего признания и почитания Владимира Солоухина. Никак не преодолеет областные рамки ежегодный Солоухинский праздник в Алепине, давно заслуживающий всероссийского статуса. Не стал музеем алепинский дом писателя, его заменяет мемориальная комната в посёлке Ставро, с которым Солоухин не связан. Нет официальной областной премии имени Солоухина. Так и не появилась в областном центре улица его имени. Церковь Святой Троицы в Алепине остаётся заброшенной. Застрял на третьем томе выход в столице полного собрания сочинений писателя в 10 томах. Только на исходе 2010 года на стене московского дома, где сегодня живет семья Солоухиных, наконец нашлось место для мемориальной доски писателя. Она установлена стараниями его «Розаньки», которой он не однажды признавался за 44 года совместной жизни: «Нет тебе равных».

И. Глазунов. Художница Нина Александровна Виноградова-Бенуа

«Нежное девичье лицо в моей работе «Любовь» – это Нина. Она была так не похожа на всех, кого я знал до неё! Меня навсегда поразило сочетание в ней трепетной женственности девушек Ренуара и внутренней волевой силы, присущей героиням Тургенева и Достоевского.

С первой встречи и до её трагической гибели я не расставался с Ниной, озарившей мою жизнь спокойной ясностью своих рассветных глаз. Навсегда забыв об одиночестве, я бесконечно удивлялся её самоотверженной преданности, не знающей границ, нежной красоте её души. Наши бесконечные прогулки по зимнему городу, наши встречи на ветреных мостах, повисших над заснеженной Невой с черными поляньями, сказочное мерцание вечерних огней сквозь стену падающего снега, бесконечная перспектива пустынных ночных улиц с одинокой фигуркой подметающего улицу дворника – все стало новым с Ниной, будто мир заново рождался звучанием радости, и оживало чудо человеческого бытия на земле... С удивлением и восторгом смотрел я на открывшийся мне мир, точно видел его впервые, трепетно стремился подольше удержать эти впечатления и без конца работал, работал, по-новому ощущая наше бытие.» **Илья Глазунов**

Нина Александровна родилась в 1936 году в Ленинграде. Дочь архитекторов Марианны Людвиговны Шретер (Виноградовой) и Александра Николаевича Виноградова. Ее дядя Н. А. Бенуа 30 лет был главным художником "Ла Скала", другой родственник – всемирно известный режиссер и актер Питер Устинов. Его мать – родная сестра бабушки Нины Александровны, которая была дочерью архитектора, ректора Императорской Академии художеств Леонтия Бенуа, родного брата всемирно знаменитого Александра Бенуа.

Училась на искусствоведческом отделении исторического факультета ЛГУ, окончила отделение графики Моск-ого Полиграф. института.

ГИБЕЛЬ ТИТАНИКА

Художественное произведение обычно заранее задумывается именно таким, каким оно в конце концов и появляется на свет, но строения часто претерпевают в процессе своего создания значительные изменения.

Конечно, я знал заранее, что строю не сарай, не жилой крестьянский дом, и не Дом культуры, а нечто вроде Храма, и наконец это стало мне ясно, хотя это храм не православный, несмотря на то, что возрождение Храма Христа-Спасителя в Москве – заслуга прежде всего Солоухина, православного человека в самом чистом и высоком значении этого слова. Отчасти православный и Илья Глазунов, вероятно, религиозный переворот произошел и в душе советского министра Внутренних дел Николая Щелокова.

Но моим приоритетом является не религиозная вера, не устремленность личности к Богу, а религия другого рода, «соединение» личности с почвой и культурой, с народом и родиной.

И Солоухин и Глазунов – это одни из самых выдающихся русских людей 20-го столетия – хотя в этом столетии великих русских – особенно мученически убитых – больше чем за всю русскую историю.

И сама эта русская история в 20-м столетии исключительна, она и Подвиг, и Любовь, и Ненависть, и Служение и Предательство.

Весьма похожа наша еще не прошедшая эпоха на Татаро-монгольское иго, когда так же, как в 20-м столетии, брат восставал на брата, одно княжество шло войной на другое, и многие забывали язык и веру, обычаи и даже само имя народного соединения.

Еще в эпоху Тараса Бульбы запорожские казаки были русскими и воевали против татар и ляхов, а ныне вместе с ляхами стали воевать против «москалей». Да и «москалей» начали воевать против русских и всех почти перебили, а кого не перебили, вытеснили за кордон.

Строительство социализма и коммунизма заменило собою церковь и творчество, верность партии – верность отечеству, да и русское отечество, Святая Русь превратились в советский народ и в советскую власть.

Книги Владимира Солоухина – в буквальном смысле слова история болезни и выздоровления десятого крестьянского сына в семье, в которой и мать и дети читали и любили русских поэтов.

Революция и Гражданская война оказались войной не только внутри одного народа, но и войною двух разнородных народов, за тысячу лет общей жизни не сплавившихся воедино, а только окрепнувших для борьбы.

Как в Англии война Белой и Красной роз, так и у нас война Белых и Красных погрузила Россию в пучину. Война эта не закончилась в 1920 году, *победивший крестьянский народ продолжил самоистребление*, ополчившись на лучшую часть крестьянства и на интеллигенцию...

Произошла подмена – вместо мета-физической связи личности и народа, личности и России, которая включает в себя сознание **тождественности России и русского**, всё затмила идея большевизма, советского патриотизма и верности власти, диктатуре партии, ее «органов», диктатуре вождя (Ленина, Сталина и К⁰). **Русский народ вымирает, а «патриотизм» оглушил русские души равнодушием к судьбе народа.**

ПОДВОДЯ ЧЕРТУ

Неверно сказать, что сколько людей, столько различных точек зрения на мир (мировоззрений), различных понятий о добре и зле. Вечером большинство людей едут домой, к семье, утром большинство едут на работу.

Вероятно, большинство любит своих родителей, жену и детей.

Представления о добре и зле у большинства людей в существенном совпадают. Хорошо ли написать донос на соседа, чтобы его расстреляли, а взамен ты получил в собственность его комнату или его жену? Уверен, что очень немногие решатся на такую подлость.

Хорошо ли неожиданно напасть на Германию, разбомбить ее города, а оставшихся в живых жителей обратить в рабство? Уверен, что большинство откажется от таких рабов. «Спор славян между собою» тоже не преследует цели украсть чужое, отобрать силой, зарезать владельцев чужого имущества, вынести из его квартиры мебель и на веревке привести в собственную квартиру его дочерей. Возможно, кто-то об этом мечтает, но таких мало.

Любите ли вы Сталина, спрашиваем мы русский народ, и он **яростно** восклицает: **Любл-ю-ю-ю!!!** Но в действительности народ не понимает, ни о чем его спрашивают, ни что он отвечает. Спрашивать надо иначе. В 21-м году умерло с голоду в Поволжье 13 миллионов, половина из них – детей.

Если бы от вас зависело, произойдет этот голод или нет, вы бы хотели, чтобы снова была Гражданская война, чтобы 90 процентов всех сельских храмов (*рассадников мракобесия*) сгорели, чтобы пять миллионов образованных людей (эксплуататоров), теряя детей или престарелых родителей, пешком и на пароходах, по железной дороге, иногда вплавь, – бежали на Запад?

Хотели бы вы снова на танках въехать в Берлин, но чтобы у вас, или родных и друзей погибли родители, братья и сестры, ваши собственные дети умерли от голода в Ленинграде, но вернулись *родные вам названия городов, улиц и площадей*: Сталинград, площадь Урицкого, переулок Ильича, статуи Маркса и Сталина на каждом углу, Загорск вместо Сергиева посада и Калинин вместо Твери, уроки атеизма, партийные собрания, сборы металлома для покупки любимых книг... а вашего отца увели ночью, пытали, дали *всего десять лет*, но **зато Сталин жил дольше**, и Хрущев **не освободил** Туполева, Королева (с выбитыми зубами), Солженицына, Русланову и миллионы других, а Шалапина и Рахманинова поймали как предателей, и повесили?

В Смоленской области было пять миллионов жителей, сегодня – пятьсот тысяч, и так везде, и скоро Россию у нас отберут – в основном **из-за русского способа любить ненависть**. Кто то же виноват, что «бабы перестали рожать»? Или вы об этом никогда не думали? Вы просто любите Россию – и всё? А куда она валится – вам до фени? Свидетельства о зверской Гражданской войне и коллективизации, *Большом терроре и голодоморах – враньё*, говорите вы. Мало убито? Надо бы больше? Настроим тюрем, вернем лагерь? Кстати, в 2004 году в камере нас было 17 человек на 20 кв. метров, *тюрем не хватало*... Как оно было при Сталине, я тоже знаю, **я тогда жил, а вы – нет**. О чем же мы спорим? Народ не знает, что значит любить Россию, он просто **не любит** гордых и образованных – и был такой человек (Дьявол?), он нас уничтожил и Россию тоже. *Так было надо!* Да? В этой книге я соединил сорок русских гениев, рассказавших Правду (более истины) – но всё бесполезно, *меня вы тоже*...

5 декабря, вторник, температура -8 гр., пасмурно, солнце взойдет в 9:39, зайдет в 15:57 (бч. 18 м.), а зари не будет ни утренней ни вечерней.

Все еще болен, болит тело, и духом пал – вот почему меня упрекают, что **я пишу черт его знает о чем ... но, может быть, я пишу бог знает о чем?!**

Ведь не думаю же я, что с тех пор, как прочитал стихи Пушкина и с тех пор постоянно сбиваюсь на мысли о том, как устроена жизнь и **может ли один человек что-то в этом мире изменить к лучшему** – я ни на один вопрос не ответил только потому что *пишу не так как надо*, в то время как всем писателям уже ясно, *как надо писать*, куда помещать слова о таянии снега, куда о теореме Ферма или об эволюции Дарвина... *словно бы правильные и умные писатели и ученые на все наши вопросы давно уж ответили, и мне только надо было бы пойти по их следу...*

А я вместо этого сворачиваю в сторону, проваливаясь до пояса... *Ну вот же дорога! Ты что – умнее всех?*

Нет, не умнее, если бы был умнее, то на эти вопросы уже бы ответил. Но дело в том, что и остальные писатели и ученые не только ни на один вопрос не ответили, но даже ни один умный и толковый вопрос не задали.

Сами собой природа и человек произошли или существует (или по крайней мере существовал) Творец? Нет ясной точки зрения...

Кроме того, хотя Маркс и Ленин **все основные проблемы мироздания** уже объяснили, создали диалектическую философию, которая и всё остальное объяснила: **время вертится по спирали, сущее представляет собою единство и борьбу противоположностей, количество переходит в качество**, а затем **происходит отрицание отрицания** – но «квартирный вопрос» остался не решенным, как писал Михаил Булгаков, так как в странах дурного Запада, *где мало духовности*, почти все живут в отдельных квартирах, а у нас негодай Хрущев, погубивший Сталина (ну чего дался советскому народу Сталин? Ну чего они его прут на место Христа?! Ну чего никак не отвяжутся от Хруща?) только начал было после ракет строить «хрущевки», тут ему и устроили Октябрьскую революцию! Хорошо, не расстреляли!

Но как русская литература вышла из «Шинели» Гоголя, как Маркс, Ленин и Сталин, большевики и чекисты вышли из диалектики Гегеля, так диссиденты и либералы, *пятая колонна и националисты* **выросли из шестидесятих годов** (плюс минус три года). В 56 году опубликован роман Дудинцева «Не хлебом единым», в 58-м появились «Владимирские проселки» Солоухина, затем «Письма из Русского музея» (66) и «Чёрные доски» (68).

Хотя в 1964 году Хрущева свергли, но **Таяние снега** остановить не удалось, появились и другие значительные книги советских и русских писателей.

В 1967 года председателем **КГБ** назначен Юрий Владимирович Андропов, в 82 году он продолжил Брежнева, став Генеральным секретарем, но в Ледниковый период ввергнуть Россию Темные силы уже не успели.

(Хотя, может быть, кураторы Климата придумали Перестройку и 90-е годы как раз для установления Ледникового периода «всерьез и надолго»?)

Члены ВСХСОН были арестованы 7 февраля 1967 года, а 3 декабря 1967 года Игорь Огурцов был приговорен к 20 годам заключения (и до сих пор не реабилитирован). Меня арестовали в марте 70 года, судя по Записке Андропова в Политбюро, готовилось громкое дело, но почему-то не удалось.

Уже начиная с Павла Первого в России **подтаивало**. Павел освободил Радищева, Александр распорядился издать его сочинения (кроме Путешествия из Петербурга в Москву), надзор за литературой ослаб, за тайными обществами тоже, расцвели Масонские ложи, появились Зеленые лампы, поэты и писатели Европейского уровня: Карамзин и Пушкин – и чуть позже литература зацвела во всю мощь, перечислять не буду.

Правда, «Французская революция» в России не удалась, декабристы трусили, потом покалялись, Николай Первый пожелал испить крови, повесил пятерых «заговорщиков», потом инсценировал казнь над «петрашевцами», проиграл войну, потом застрелился (хорошо хоть хватило мужества?).

Но три важнейшие проблемы оставались нерешенными: **Освобождение от Крепостного права, Судебная реформа** (их и решил Царь-Освободитель, 1861); **«Буржуазная революция»** и **демократизация государства** (произошла в две попытки: февраль 1917 и крушение СССР в конце восьмидесятых).

Буржуазная революция к демократизации государства не привела. Прежнее феодальное сословное общество и государство видоизменились, сословное общество превратилось в объединение привилегированных **«Групп по интересам»**: Полиции («менты»), Нацгвардии, Судебной и тюремной систем, Армии, государственного чиновничества. При этом Высшая школа заняла в табели о рангах самое низкое положение, лишённое всяких привилегий и всякой власти, аналогично Медицина, Просвещение, Научные исследования.

После падения тоталитаризма казалось, что кастовая система власти уже не возродится – но возник Самодержец всероссийский, не ограниченный ни Государственной думой, ни Государственным советом, ни Судом, ни Конституцией, загадочно только местное самодержавие, кто на местах обладает самодержавной властью? Губернатор? Начальник полиции? Жизнь показала, что мэры городов власти лишены, в судьбе Екатеринбургского мэра Ройзмана это стало очевидно – но иногда и губернаторы безвластны? Или, может быть, мы живем в условиях уникальной государственной системы, **Единоначалия** в том смысле, что **на всем пространстве России существует только один начальник, управляющий Россией из одного центра?**

Как относиться к православной Церкви как культурному целому?

Я противник борьбы с **христианством**, но и против того, чтобы оно доминировало в гражданской и государственной жизни, пусть оно остается в той роли, которую приобрело сегодня, соединяя ШКОЛУ и ТЕАТР.

Но государство церкви должно – ведь она еще и часть культуры, поэтому **сельские храмы, разрушенные большевиками, необходимо восстановить.**

Личность должна быть ограничена только общим для всех законом, а право на получение знаний и проповедь у нее должно быть неотъемлемо. Монархическое же государство предполагает, что права самодержца выше права всякого человека. Но личность, как высшее создание Творца, не может быть ниже кого бы то ни было кроме Бога. Поэтому пусть выскажется **Бог. Воистину ли тварь я дрожащая или право имею?** (речь идет не о праве причинять зло, а о *неотъемлемом праве говорить правду*.)

Все ли я сказал, что намечался? Конечно, если пытаться сказать все, что рвется из моей души сегодня наружу, то я никогда не закончу.

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ (Записки свидетеля)

Недосыгаемыми для нас являются **Варлам Шаламов, Олег Волков, Игорь Огурцов, Теодор (Тадеуш) Шумовский** – просидевшие по двадцать лет!!! Остальной народ делится на бывших **эзков** и **вольняшек**, хотя и из тех и из других выделяются **НЕГОДЯИ**, то есть **стукачи, следователи, надзиратели** (за некоторыми исключениями, бывали и среди них люди), лагерное начальство и всяческое советское начальство, особенно начальство партийное – но есть существенная разница: при Сталине и после него... Вот, например, гениального поэта Павла Васильев, 27 лет, красивого по есенински, истязали так, что сломали позвоночник, потом вынесли во двор (Лубянки?) и там расстреляли... Какой народ, даже пытаюсь в таком деянии оправдаться, оправдается? А русские даже не оправдываются.... Они знай любят своего генералиссимуса! Следовательно, народ делится на три части: *закоренелые негодяи, придурки и невинные люди...* Если 85 процентов уже подписываются за Сталина, значит, спасти и вылечить такой народ уже трудно... Но границы проводить, как всегда, еще труднее, *вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил!* – значит, встречаются и такие.

Маршала Блюхера каждую ночь допрашивал лично Берия, избивал железной палкой, однажды выбил глаз, Блюхер его поймал в ладонь и возопил: Сталин! Видишь ли ты? Слышишь ли? Берия ему ответил: *Вижу, вижу! Слышу, слышу.*

Маршал, по слухам, и сам был человеком суровым, во времена своего командирства, но я бы посмертно перевел его в праведники или святые. А Берию уже борзописцы переводят чуть ли не в спасители отечества, он де атомную бомбу построил! Книги уже такие пишут, борзописцы их пропагандируют, есть и читатели (хотя на хорошие книги их не найти, и вообще у русских сегодня пользуются большой популярностью книги о шпионах, мы и атомную бомбу украли и в окружении Гитлера знали заранее о каждом шаге его сподвижников – только вот почему самолеты не успели взлететь при начале войны и армия бежала до Волги, и оружие почти все побросали – загадка – хотя русские были когда-то талантливы и даже блоху подковали – почему же бомбу не смогли подковать, и шпионам пришлось подсматривать у иностранных ученых? А видно наших уже почти всех расстреляли или морили в тюрьмах и лагерях? Кто же их там морил и кто же их расстреливал и кто же даже в начале войны будущим маршалов держал под расстрелом и лично Берия выбивал ему зубы (как потом Королёву)? Но ведь Жукова не избивали, и даже гарцует на белом коне у въезда на Красную площадь, маршал Победы, полтора миллиона положивший одними убитыми при неудачном наступлении под Ржевом?

(Это не я говорю, а Виктор Астафьев, "пробрался" в писатели, из ветеранов, и ни словечка хорошего о Сталине не сказал, да и о Жукове, а якобы Рокоссовский – сидевший к началу войны, как и его командир, тоже будущий маршал, говорил, что Жуков даже Сталина превосходит в жестокости, это **он** наставлял своих помощников: *Не жалейте солдат! Бабы еще нарожают!*)

Бывшие эзки уже тем, что сидели, приближены к святости, и Ольга Берггольц, и Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина, гениальная женщина,

оставившая не менее обширные воспоминания, чем Ирочка Одоевцева (они были знакомы), при этом жена сначала американского писателя, героя фильма «Гений» (её в этом фильме играет Николь Кидман), вышедшая затем замуж за одного из трех великих скульпторов мира – за русского Цаплина, а в лагере после войны за Сухомлина, сидевшего еще в 80-е годы 19 века и оставившего об этом воспоминания «Детство на Каре»... поэтесса, певица, актриса... есть ее портрет кисти Артура Фонвизина (1883-1973)...- великого акварелиста,

только незадолго до смерти получившего звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР. Но не расстреляли, ограничились *ссылкой*...

(Это я по старой дружбе с поразительной женщиной, за которой ухаживали и Сальватор Дали и Пикассо и тьма других, и которая уверяла, что вместе с Мариной Цветаевой встречала на заброшенной Аллее в Михайловском самого Пушкина – напоминаю о ней русской забывчивой публике).

Ибо время к нам безжалостно. **Только вечность к нам иногда справедлива.** Мы иногда оказываемся виноватыми, даже Пушкин и Достоевский и Толстой – но некоторые из нас, поднимаясь по ступеням **вечности**, оказываются

достойны самых высоких именований.

Некоторое право говорить об этом имею и я, так как хотя просидел всего три с половиной года, но освобождаясь после первой трехлетней отсидки, на проходной услышал слова надзирателя: **«Вот человек, о котором за три года никто не мог сказать ни одного дурного слова!»** – это, конечно, выше Нобелевской премии, которую мне вряд ли дадут – но все же дает право защищать тех, кого знаю, от злокозненных наветов.

Александра Исаевича обвиняли попеременно, что он скрытый еврей, что он антисемит (упрямые и обидчивые евреи и упертые сталинисты), что он сотрудник опер.части и ГПУ и даже... сотрудник Гестапо... Игоря Ростиславовича евреи обвинили в антисемитизме, а русские антисемиты нашли, что у него еврейская фамилия (хотя и Ив́ан – Ветхо-Заветное имя и у всех Ив́ановых "еврейские" фамилии).

Евреи состоят из 12-ти колен Израилевых, русские славяне (или славянские русские) поэтому тоже имеют в своем составе *колена мастеров по уничтожению выдающихся людей.*

То, что сделали для России и **русского освобождения** Солоухин, Солженицын, Шафаревич, Илья Глазунов, Валентин Иванов и тысячи подвижников русской культуры и освободительного движения, воистину возводит их в ряд **светочей русского самосознания, гениев, пророков и духов свободы.** Потомки русских крестьян! Если вы успели еще родиться в деревне (а не на асфальте) – **опомнитесь!** *Я не требую от вас любви к России, но хотя бы достоинства и справедливости!* Освободимся от последствий **Русского бунта, бессмысленного и беспощадного, и вернемся в Россию русскую, уважающую и права отдельного человека, личности, Я – а не только тирана!**

Продолжение Записок свидетеля

Россия все же жила в ногу со временем, она существовала в Истории, после поражения в Крымской войне наступила эпоха Александра Второго (Освободителя), было уничтожено Крепостное право, проведена Судебная реформа, явились на сцену великие адвокаты Кони и Плевако, стали создаваться Земства, а с 90-х годов 19 столетия началось и бурное капиталистическое развитие (ровно через сто лет история словно бы совершила повторное движение, в девяностые годы 20-го столетия после бескровного низвержения коммунистической власти капитализм в России должен бы выйти на историческую сцену во всей своей силе – но не тут-то было, произошло нечто невероятное, что я посчитал результатом **полного и окончательного растрепывания нации** – произошло разрушение хозяйственной жизни, повторилась Разруха времен Гражданской войны, остановилась работа всех фабрик и заводов, даже совхозов и колхозов, новые Нансены начали собирать в Европе и в Америке продовольственные посылки для спасения голодающего населения теперь уже антисоветской России от голодной смерти, бывшая советская промышленная империя, даже способная к иллюзии экономического соревнования с капитализмом, за несколько дней сначала превратилась в колонию Запада, потом в так называемую «Сырьевую империю». Казалось бы, русский человек Ельцин (хотя и бывший парт.аппаратчик, член Политбюро...) да и Горбачев, как ни плохо говорил по русски, а все же хоть частично был же русским человеком? – и их советские помощники... а Гайдар не только внук своего красного деда, но и редактор «Молодого коммуниста»... вот вся эта свора и оседлала издыхающего Красного коня.

Кто же виноват?

В 1914 году Романовская монархия и феодальная Российская империя, правящим сословием в которой было дворянство – а все образованные сословия составляли, по моему мнению, **«Русско-варяжский народ»**, подобный «новому английскому народу», возглавившему в 11-м веке Англию после завоевания ее норманнами, – ввязалась в Мировую войну. Кто ее начал, кто был в ней заинтересован – это уже не интересно обсуждать, не было (и не бывает) фатальной необходимости (кроме как нашествия Чингиза и Батые, с которыми договориться было подлинно невозможно). Русско-варяжский народ ввязался в Войну, чтобы сохранить привилегии господствующего народа, хотя уже можно было использовать опыт Австро-Венгерской и Германской империй, усиленно подтягивающих свои податные сословия до уровня господствующего. Немцы сумели стать единым народом в пределах среднего образования, в России даже будущий генерал Кутепов (глава военной организации Белой эмиграции), сын разночинцев или непоместных дворян с трудом получил образование. Белые пытались сохранить все свои привилегии, «западло» им было ввести «свободу, равенство и братство» кровавой Французской революции, они были умнее крестьян, но оказались теми же русскими идиотами, что и все.

Я пытаюсь сформулировать грамотно и верно диагноз жестокой болезни, поразившей Россию, вот почему не мажу головы елеем и миррой.

Русские дворяне-варяги (вкуче с немцами, византийцами, поляками, белорусами, шведами, французами, тюрками и прочая, прочая, прочая...) составляли **Великий русский народ**. Из них были Радищев, Екатерина Вторая, Суворов, Кутузов, Александр Второй, Пушкин, Тургенев, Чаадаев, Достоевский, Аксаков, Толстой, Победоносцев... Сеченов, Менделеев, Александр Блок, изобретатель радио Попов, изобретатель самолетов и вертолетов Сикорский, Бунин, Рахманинов, Скрябин и Стравинский, архитекторы и живописцы, в частности Бенуа, Нестеров, Зинаида Лансере... Второй русский народ, на девять десятых составлявший население Российской империи, состоял к этому времени (Мировой войны и Революции) из славян-крестьян, из крестьян-угрофиннов, из татар (разного роду-племени, в Петербурге они были дворниками и банщиками), из инородцев Средней Азии, Кавказа и Западной части Империи... не-подъемная, однако, была империя, грозила вот-вот переломиться – думали ли об этом высокообразованные государственники Струве, Витте, Редигер, Штюрмер? И ведь разломилась – и из-за того, что в **основании Империи** Русский народ состоял из **двух народов**: «**славяно-варяжского!**» (условно) и «**славяно-крестьянского**» (буквально) и остальных... А дворяне (будущая «Белая Гвардия») составляли одну десятую (если не менее от всех), поэтому и не могли победить (да и то были разобщены и не смогли объединиться).

Крестьяне же оказались необразованной и тупой массой, способной только к пожарам и грабёжам, Пугачевским бы бунтом и в 17-м году кончилось бы, но *умным людям* понадобилась их энергия для уничтожения «двуглавого» Русского народа в целом – вот об этом и спорили Солоухин и Глазунов, а Солоухин написал в 1976 году свою книгу «**Последняя ступень**». Но напечатал ее только в 1995. И рассорился с Глазуновым. И вскоре умер.

А я хоть и Свидетель – *одного и другого и третьего* – но поверхностный, малосведущий, а еще и почти ничего не значащий. После отсидки 1970-73 годов мне даже и в школе запретили работать, и в институте когда работал, то под чужой фамилией (все же *находились святые люди*). Моя личная жизнь (**свидетеля, но не соучастника событий и судеб**) мне представляется прекрасной и сказочной – литературно-музыкальные вечера, изумительные друзья, театр и филармония, размышления, проповеди и книги, книги, книги...

Грянули девяностые годы, народ оказался разорен, с трудом выживал, книги читать перестал – а я воспользовался свободой и создал Издательство «ГлаголЪ» и начал выпускать журнал **МЪра**. Денег у меня не было ни копейки, на компьютер я занял, первоначально сотрудниками были я и мой сын, и позже работали в долг, когда уже выпускали книги (не было покупателей), но выпустили среди прочих «Сочинения Дионисия Ареопагита», «Храмы Петербурга», «Россию и Европу» Данилевского, «Радзивилловскую летопись» (факсимильно, тиражом **5000** экз. и весом по 7 кг. двухтомный экземпляр в коробке), 9 номеров журнала, который Зальгин назвал *лучшим в России*.

Но в народе я разочаровался. Дворян мы успешно истребили, остатки их растворились среди рабочих, крестьяне частью бежали в города, частью спились. А ведь и они были что надо, разве не из них Шаляпин, Качалов, Королёв, Есенин, Павел Васильев, Солоухин? (Глазунов из дворян).

ПРЕДАТЕЛЬСТВО РОССИИ. БОЛЬ и ОБВИНЕНИЕ

Герман Николаевич Ионин, сын выдающегося русского художника
Николая Ионина и племянник знаменитого художника Самохвалова

РОССИЯ

*Низовское поле, степь ли –
Вы источник моей тоски.
Никому не нужные стебли
Тянут к небу свои колоски.
Урожай такой иллюзорен
Для художников и для стад.
В колосках не хватает зерен,
Оттого и прямо стоят.*

*Что вы плачете все, как дети,
Повинуясь и повинясь?
Я таких расставаний свидетель,
О каких не слыхали у нас.*

*У какого иконостаса
И, простите, в храме каком
Весь народ с Россией расстался
Абсолютно и целиком?*

Часто в разговорах и статьях я возвращаюсь к России, которую 25 октября 1917 года завоевал (как некогда Батый) недоучившийся студент Ульянов-Ленин, – и мало образованный, и с красными глазами, и лысый, и картавый, и невысокого роста, кажется, меньше Наполеона, и ничего не смыслящий в философии и политической экономии, выучивший несколько заклинаний Гегеля в изложении Маркса и ими орудующий не только в подъездах, но даже в гостиных – и ему открывались двери, и черти из преисподней ему согласно кивали, и толпы на площади в ветреный апрельский день внимали, хотя почти ничего не было слышно, но передавали из уст в уста: **миру мир, земля крестьянам, фабрики рабочим**, а всех богатых ... того... **экспроприировать!** То есть... понятно, ножиком или топором, а дочек... пригодятся в хозяйстве...

И этот не шибко умный и мало образованный человек – **злой и простой как правда** – Россию таки завоевал, за одну ночь, часа за два или за три...

Возмездие виноватым, конечно, со временем совершилось, солдатам и матросам попало не менее чем офицерам, за десять лет можно было горы свернуть, но одни погибли еще в начале, в Кронштадтском восстании, другие в Гражданскую войну от праведной белой пули, третьи, кто не погиб и не сделал советской карьеры, вернулись в деревню, женились, а тут и Голод в Поволжье, но кого-то и миновал, даже в Тамбовском восстании погибли не все, но зато если повезло и жена попалась работящая, с 28-го стали их **раскулачивать** (как ни странно, чаще всего тех, кто воевал в Гражданскую за красных, об этом и Солженицын пишет), но моему деду повезло, попал в административно ссыльные (его отцу повезло меньше, он воевал за «царя и отечество», его раскулачили)... Но ведь и после раскулачивания продолжали лютовать – свои или чужие, теперь уже не понять.

РУССКИЙ ХОЛОКОСТ

Мы, русские, больше других виноваты в том, что Россия запаршивела, и телесно и духовно, и невозможно добиться от собеседника внимания к словам горечи или осуждения, они воспринимают мои слова просто, если я не восторгаюсь течением жизни, ее кратковременными происшествиями, повышением зарплат или пенсии, то я, значит, мизантроп, ненавижу и жизнь и русский народ. Если же восторгаюсь, то произношу и пишу здравницы и никого не ругаю, ибо *«все путём и никто и ни в чем не виноват»*.

Хотя трудно мне смириться с тем, что уже не с кем стало поговорить...

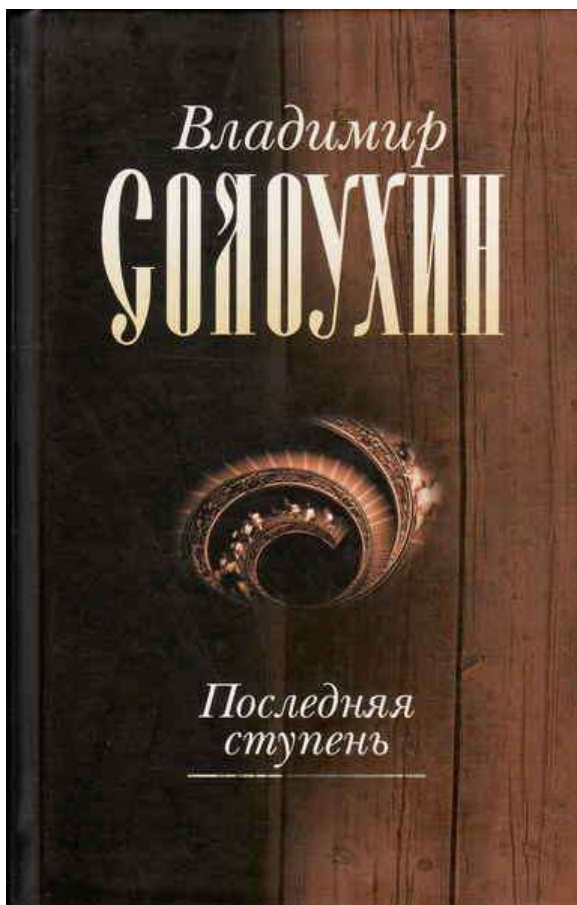
Почему же меня слушали **60 лет назад**?

В 58-м году встретился с двоюродным братом и сестрой, познакомился в роскошном саду в центре Луганска с бывшим купцом Третьяковым, 98-ми лет, волжским пароходчиком, дружившим с Лесковым, слушал Хрущева по радиотелефону, обещавшего приехать на рыбалку через неделю, а пока занятого подготовкой «судьбоносных изменений жизни» (пришлось на рыбалку уехать без него), зимой 58-59 дружил с Галей С. и Лилечкой Г-ой, ездил в Тайшет на литературные семинары к молодому Станиславу Куняеву, читал запоем книги из библиотеки подруги Махно, в 60 - 65 годах читал запоем книги в университетской библиотеке в Ленинграде – в зале, «для других закрытом», Ницше глотал в библиотеке Дворца культуры, ходил на музыкальные вечера к Перепелкину, Мусатову внимал у Людмилы Петровны Жуковой, с открывателями советских алмазов выпивал у Михаила Андреевича Гневушева, громы и молнии на советскую власть метал у Валентина Дмитриевича Иванова, так что тому пришлось закрывать телефонный аппарат подушкой, чтобы не подслушали «кому надо» – итак, меня учили метафизике жизни выдающиеся люди поколения отцов, и какое же это было роскошное учение! **И как же им удалось уцелеть, рожденным между 1912 и 1924 годами!**

И так как мои нынешние собеседники меня не слушают, обвиняют в неоправданной ненависти к Ленину и Сталину, к русско-крестьянскому народу, под водительством сих корифеев наук наконец низвергнувших ненавистных потомков европейских конкистадоров, то я больше не буду нести свою «отсебятину», а дам слово Солоухину и Глазунову, более других вознесшимся в деле **духовного освобождения** от мракобесия и ненависти к **РОССИИ**.

В дополнение к книге Солоухина «Последняя ступень» привожу сведения о Российских жертвах при большевистской власти и о «Холокосте» Русского народа *«Холокоста (όλοκαύστος – «всесожжение»)»*. Достаточно назвать только одну цифру, чтобы прекратить все дьявольские споры о величине жертв, о мучениях и избиениях, под руководством Ленина и Сталина. По расчетам великого русского ученого Менделеева к 2024 году в России должно было проживать только русских *от трехсот до четырехсот миллионов*, ныне же в «Российской федерации» (суррогатное название России) по преувеличенной оценке, с учетом беженцев и тех, кто остался за пределами бывшей РСФСР, имеется не более 100 миллионов человек, следовательно, **советско-большевистская власть уничтожила не менее 200 млн. КТО ЖЕ ВЫ, ЗАЩИТНИКИ БОЛЬШЕВИЗМА? Вы не устали от лжи?**

ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ и ТАЙНА ВРЕМЕНИ

Солоухин и Глазунов. Из книги «Последняя ступень»

«И в мире нет подобной сини, И не дано ей умереть, Покуда солнцу над Россией И красоваться, и гореть!» - А говоришь - со Светловым в одну дуду? Не похоже. - Все синь да солнышко. Березки да цветочки. Березки да цветочки. Идиллия. Ни колымских лагерей, ни Беломорканала, ни трудодней, ни исчезающих деревень у него же на Ладого, ни всеобщего пьянства, никаких проблем вообще. Все Россия да Россия... - бормотал он про себя, листая книгу Прокофьева. - Ага! Вот, голубчик, попался. Ну я так и знал. Теперь слушайте, Владимир Алексеевич, слушайте.

*Мы отступали, на всех надеясь, Ветер в разведке сидит в кустах. Суженый-ряженый - белогвардеец: Грудь, словно кладбище, вся в крестах. - Тоже ведь не бледно сказано. Сочно и емко. Но какие же это кресты на груди у прокофьевского врага? Какие он, разжиревший до того, что уж не может нагнуться свои башмаки зашнуровать - живот не дает, какие же он называет кресты кладбищенскими? Какие это кресты ему поперек горла встали? И смертельно враждебны? А это русские, российские кресты, георгиевские, дорогой Владимир Алексеевич. Это кресты за русскую отвагу и доблесть, добытые под Порт-Артуром или во время Брусиловского прорыва. Это кресты - потомки тех крестов, которые висели на груди русских офицеров и солдат в осажденном Севастополе, во время суворовских походов, на Бородинском поле, под Плевной на Шипке. Именно эти кресты он, гнида, считает теперь своей мишенью. Пулеметчик заводит "страданье", Глаз наметан и верен. Встань, зеленая пойма, На крови поднимайтесь, овсы. Пулеметчик - "Дунайские волны", Пули стучают в райские двери. Пулеметчик в ударе. Батальонно пойдут мертвецы. В авангарде походные кухни, Путь-дорожка сквозная. И латунь ударяет в латунь В поредевшем строю. Шлюха вскинет юбочку И готово трехцветное знамя. Мест не хватит у господ бога, Потесниться придется в раю. - А! Каково?! Это на чьей же крови должны подниматься овсы? Чья это кровь напоила зеленую пойму? Кто это побатальонно направляется в рай при помощи пулемета, так что даже придется потесниться в раю Господу Богу? Не братья ли наши, не русские ли люди отправляются в рай целыми батальонами, а Прокофьев при этом злорадствует и приплясывает под "страдание" и "Дунайские волны"? И что это за трехцветное знамя сравнивает он с нижней юбочкой шлюхи? Кто эта шлюха? Да уж не Россия ли? Ибо ведь у России и было как раз трехцветное знамя. "Там над пустыней унылой вьется Андреевский флаг, бьется с неравною силой гордый красавец "Варяг". Да именно под русским знаменем бился "Варяг", именно с ним в руках упал под Аустерлицем Андрей Волконский. Как же он смел, твой Прокофьев, российское трехцветное знамя сравнивать с тем, что под юбкой у шлюхи? Как же он смеет после этого, коллаборационист и предатель, в каждом стихотворении **всё** распинаться в любви к России? А судный день придет, - продолжал Кирилл с дрожащими от гнева губами, - все встанет на свои места, служивший, кстати, в молодости в ленинградском ОГПУ тоже подвергнется суду потомков. Никакие "России" в его поздних стихах уже не помогут. Он будет выплюнут из русской литературы, как последняя грязная мразь! Такого заряда страсти я, признаться, не ожидал. После столь сокрушительного удара по одному из любимых мною доселе поэтов смешно было бы теперь соваться ... с другими. ... Или Смеляков, трижды сидевший в советских лагерях и писавший там поэму "Застава Ильича", прославляющую режим, благодаря которому он и оказывался каждый раз в лагерях. Или Степа Шипачев, беспрецедентно в мировой поэзии воспевавший в своей поэме предательство мальчиком-несмышленищем своего родного отца. Все это, конечно, только хрустнуло бы под острым экстремистским топором моего собеседника. И я вытащил из колоды Александра Твардовского.*

– Твардовский. – Но что такое Твардовский? *Твардовский – трагедия.* Он, начинающий поэт, делает первые шаги в смоленской газетке, а его семью раскулачивают, и отца с матерью ссылают на Беломорканал. Как реагировал молодой поэт? В духе времени. Он пишет стихотворение, в котором отрекается от отца. "Я сам тебе ворота открывал, когда тебя из дома уводили". За буквальную точность этих строк не ручаюсь, они ведь не переиздавались потом, но их можно найти в смоленской печати тех времен. Смысл, во всяком случае, точен. Это публичное отречение от отца ничем по своей сути не отличается от предательства Павлика Морозова. **Вслед за отцом он предал и все русское крестьянство в целом.** Он пишет "Страну Муравию". Политически Сталин замел следы своего преступления, по крайней мере, думал, что замел, написав статью "Головокружение от успехов". *Истребить миллионы людей, еще большие миллионы провести через муки мученические,* а потом все свалить на перегибы местных властей. Но ему нужно было, чтобы **его кровавую, людоедскую акцию по ослаблению и тотальному порабощению крестьянства** осыатило искусство. Осыатило и оправдало. И представило в ярком свете. Не в ясном свете дня, как говорится, разоблачающем суть происшедшего, но в ярком маскирующем свете. Надо было оромантизировать акцию коллективизации, из страшной и мученической превратить ее в мирную и едва ли не веселую. С юморком, знаете, с прибауточкой, с поговорочкой, с дедом Щукарем. Возник так называемый социальный заказ. Не звонили, быть может, по телефону тому или этому, а может, кому-нибудь и звонили. Но заказ носился в воздухе. У советских писателей тех времен был изощренный нюх. То, чего хотело начальство, они знали не только на расстоянии, но и заблаговременно, чтобы успеть написать. Этот социальный заказ – **оправдать и освятить искусством акцию частичного истребления и полного порабощения крестьянства** вызвал три произведения, и все три я считаю позорными. Ну, о "Павлике Морозове" и говорить нечего. Да эта поэма и с художественной стороны не стоит, чтобы о ней говорили. А вот два произведения остаются. "Поднятая целина" и "Страна Муравия". И есть тонкость. Потому труднее простить "Страну Муравию" Твардовскому, нежели другое другим, что в то самое время, когда поэт воспевал коллективизацию, его родители мучились и гибли на Беломорканале. Сталин умел платить. Фадеев представил вождю список писателей, подлежащих награждению орденами. ... Сталин ...и спрашивает: – А где этот... Молодой смоленский поэт... Который написал про Никиту Моргуна? ... Я думаю, можно его включить. ...Тогда же Твардовский получил и Сталинскую премию I степени. Рассказывают, что ему разрешили съездить на Север и разыскать родителей. Отца он уже не застал в живых, ... а мать нашел всю во вшах, чуть живую от изнурения и голода. И еще непонятно многим... отчего Твардовскийпил горькую. Совесть у него болела всегда, но тайно. Но Твардовский начал замаливать свои грехи и замаливал их до последнего своего дыхания. **Я имею в виду Солженицына.** ...Может быть, для одного этого стоило родиться, и существовать в нашей литературе и жизни Твардовскому. Но вот что значит воспитание и инерция. Отца с матерью замучили. Журнал отобрали. ...а он, уже многое как будто поняв, на последней стадии рака просит Марию Илларионовну во-время заплатить партвзносы! **О Русская земля, о загадочная русская душа!**

ЗАГАДОЧНЫЕ СВИДЕТЕЛИ, ОТЧАСТИ СОУЧАСТНИКИ

9 декабря, суббота. Живу неправильно, на уроках не слушаю учительницу, домашние задания делаю наспех, временами тайком курю... точнее сказать, старшие курят, и меня заставляют, и я даже хлебнул с ними какой-то гадости, а однажды вовсе сдурел, заглянул на физкультуре в девичью раздевалку, якобы по ошибке, а на самом деле нарочно... И при этом все еще верю, что *«мне суждены великие дела»*...

А вчера и того хуже, ходил в баню, уже ясно, что от бани мне плохо, но я думал, что *«париться не буду и крепкого пить тоже»*, но в метро впал в восторг и стал оглядываться, с кем бы поговорить и преодолеть послевкусие от дурных разговоров после бани. Жертвы стояли рядом и оживленно разговаривали, счастливые и смеющиеся, а весь вагон был наполнен тоскливым ожиданием окончания рабочего дня словно завершения тюремного срока.

Наконец я решился. «Простите меня, заговорил я, улыбаясь виновато, через три минуты я выхожу и вы станете еще счастливее, но мне надо помочь ответить на один совсем простой вопрос. Я почти всю жизнь чувствую себя счастливым, но думаю только о себе, словно я в центре мироздания, а все остальные на периферии – а я вижу, как много вокруг тоскующих и несчастных, и не знаю, как им помочь. Я пишу книги, их никто не читает, но это меня уже не тревожит, если они проснутся, то им может стать еще хуже, поэтому хорошо, что они меня не читают...» – Давайте, мы начнем вас читать! – горячо заговорили девушки, – и тоже станем думать, как им помочь!» – «Ну, если только в рамках «рекламной паузы»? мой сайт **spb-pisateli.ru**, и половина моих книг про любовь, хотя что она такое, я так и не понял, и пишу пока не лучше всех, но стараюсь. Я привожу там и чужие стихи, чтобы мы знали, *к чему нам надо стремиться*, но они так хороши, что вы можете заплакать от счастья – а слезы все таки огорчают...»

Я помахал им рукой и вышел и не оглянулся, чтобы Бог меня не наказывал за чрезмерность счастья.

Свои Записки продолжаю сначала стихотворением Владимира Дудинцева, с чтения его романа «Не хлебом единым», напечатанного в 56 году (я его прочитал в декабре 58 года), у меня началось *«Духовное пробуждение»*, но в жизни страны, говорят, с этого романа началась эпоха **«Оттепели»**. Весь партийный ледник ополчился на Дудинцева и его хотели посадить, но ограничились только запретом его книг – хотя это еще хуже. Как ни странно, его защитил Хрущев, который сказал, что он прочитал роман и он ему очень понравился. В то же раннее время были напечатаны рассказ «Лыжный след» и мистическая «Новогодняя сказка». Мне казалось, что я поднимаюсь на высокую гору, сзади виден лыжный след, по которому я поднялся, а впереди на пологом склоне виден тот след, по которому я могу идти за теми, кто прошел раньше. И возникает упоение возвращения в волшебную страну счастья и свободы. Посему привожу три стихотворения 3-х "виртуальных" друзей.

*Был я бесей породы,
Баламут родниковой струи,
И терпела природа
Несуразные песни мои.
Был судьей всем, кто ползал
И летал средь прибрежной травы,
И взимал в свою пользу
Я налоги с беспечной плотвы.
Ведал дремой болотной,
На мели головастики пас...
Но без жалости отнял
Все судьбою назначенный час.
Грянул гром небывалый,
В поднебесье послышался стон,
Лебедь белая пала,
Обагрив притихший затон.
Я дела забываю,
Я к ослепшей от боли лечу,
Песнь любви запеваю, —
Ту, которой от горя лечу.
Дал я ране закрыться...
Но, очнувшись от тяжких обид,
Видишь ты, что не рыцарь —
Пень чудной на болоте стоит.
Поднялась молодая, —
Только крыл пролилось серебро...
И, навек улетаю,
Обронила в болото перо.
И не знала, что нищий,
Навсегда обездоленный черт
В тине знак тот разыщет
И к душе деревянной прижмет.*

(Вл. Дудинцев, «Белые одежды»)

*Сверкает молния во мгле,
Вскипает синяя громада.
Прекрасна дева на скале,
И спорить с Пушкиным не надо.
Очарованья образ полн
Купальщицы порой ночью,
Когда идет она из волн,
Посеребренная луною.
Прекрасна девушка. Смущая
От слов любовного признания,
Глаза поднимет, а из глаз
Распространяется сиянье.*

(Вл. Солоухин)

*Прекрасна девушка втройне,
 Что с розовой зарей на теле
 Вся разметаётся во сне
 В предутреннем жару постели.*
*Прекрасна женщина, когда,
 От страсти закусивши губы,
 Она стонает без стыда
 В объятьях, что нежны и грубы.*
*Прекрасна пьющая вино,
 Сулящая дары любви нам,
 Бросающая нас на дно
 И возносящая к вершинам.*
*Младенец. Женщина над ним.
 Вот красота и вот единство!
 Над ней, кормящей, как бы нимб
 Мерцает светом материнства.*
*Но красотой до конца
 Не наслаждался тот, кто все же
 Не видел женского лица
 Не на скале и не на ложе,*
*Не в теплой парковой ночи,
 Когда цветы луной облиты,
 Но в тихом отсвете свечи
 Во время пламенной молитвы.*

Из чувства соперничества, что ли, пытаюсь доказать, что и мне женщина дорога, я тоже о ней пишу – о другой – по другому...

Блаженна ты, когда, устав, **(В. Чернышев)**
 Ты поникаешь. Взор опущен,
 Забыты долг, призыв, устав,
 Темно в грядущем, пусто в сущем...
 Нет ни добра, ни зла, ни прав...
 Но, встрепенувшись, говоришь:
Прости меня, сейчас я стану,
Сменю компресс, промою рану...
 Лишь о себе, увы, молчишь.
 Мы, сильный пол, слабей в заботе,
 Болеем тягостней, трудней...
 Заботимся ли мы о ней,
 Сосулькой тающей во гроте?
 Мы – в тюрьмах, в войнах, на охоте...
 Егда в трудах, в страданиях, в поте...
 Нам не хватает соучастья.
 Простите нас за лень и счастье!

ВИРТУАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

С Дудинцевым я не встретился, в нашем ленинградском университете главой школы генетиков был его товарищ, вот почему Дудинцев написал роман о противостоянии европейской научной школы и *чисто русского мракобесия* (или украинского? Или советского?) во главе с Лысенко.

Но в последние недели моя жизнь погрузилась в жизнь и в творчество Солоухина, и я постоянно сожалел, что с ним не познакомился...

Но однако это не совсем так, существующее и НЕ существующее находятся иногда в более сложных отношениях, чем положительный и отрицательный ответ на когда-то модный вопрос, **есть ли жизнь на Марсе?**

Так вот, оказывается, что в 1995 году, когда, на столетие Есенина, я привез в село Константиново грузовик книг *«Шел Господь пытать людей в любви»*, пять тысяч экземпляров, и хлынул ливень, и народ стал разбегаться, а я крикнул, чтобы ВСЕ брали книгу бесплатно – и за несколько минут книгу расхватили и мокрые побежали прятаться – оказывается, в толпе был и Солоухин (нашел в интернете рассказ его товарища об их встрече на площади) – неужто ему не досталась сия книга? Но если бы я остался, то, возможно, и встретились бы – но уже и я промок, и народ промок, и как только книгу разобрали, мы поехали назад. А через 20 лет Иван Иванович Сабилло рассказывает у нас в Писательском Доме (а я сижу в первом ряду и слушаю), о том, что какой-то чудак привез целую машину стихов Есенина, и крикнул, чтоб расхватывали бесплатно, и вот и мне, говорит, досталось, и показывает книгу – а я спрашиваю: а вы чудака этого не видели? Да нет, говорит, сквозь струи дождя было не разглядеть.

Ну до чего жизнь удивительна! Я из кузова передавал в толпу пачки книг, народ их делил между собою, так что не значит ли это, что с Солоухиным я все же встретился, и Есенин стоял между мною и им? (Может быть, и Глазунов тогда был в этой толпе?)

Читатель, впрочем, встречается с автором и тогда, когда читает его книгу – жаль что автор в это время с читателем не встречается и даже не знает о его существовании. Читает ли меня кто ни будь? Хотя бы на том сайте, на котором выставлены мои книги, написанные до 20 года?

В случайных встречах в метро я себя словно бы популяризирую – но так иногда с неба падают дождевые капли – называем ли мы их дождем.

Утешусь тем, что в России и вообще на русском языке пишут и более удачливые и более, по всей видимости, талантливые писатели, чем я. И так как эта книжечка посвящена одному из таких более приближенных, чем я, писателей, Владимиру Солоухину, то продолжу свой рассказ о нем, чтобы добиться некоторой необходимой в нем полноты. Он писатель не только выдающийся, но воистину великий и гениальный, он **Светоч русского самосознания в Двадцатом столетии**, ночью я продолжал читать его последнюю книгу «Чаша», и хотя невозможно переписать ее всю (читатель прочитает ее и с книжной полки у себя дома, и в библиотеке, и в интернете), но кое что перепишу в свою книжечку. *Сергей Есенин. Надежда Плевицкая. Марина Цветаева. ???*

Владимир Солоухин. Отрывки из романа «ЧАША»

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Когда вы приезжаете в другой город на один день (рано утром сойти с поезда, со “Стрелы”, в Петербурге, а поздно вечером снова сесть на “Стрелу”), рождается соблазн не брать гостиницу. Зачем? Если все равно спать придется в поезде. И вы допускаете ошибку, не беря номер в гостинице.

Да, вы будете ездить по городу, по разным делам, встречаться с друзьями, но у вас должно быть сознание того, что есть номер в гостинице (как бы – дом), где можно уединиться, расслабиться, взять душ), отдохнуть. Если же “дома” нет, то день покажется мучительным, изнуряющим, и вы будете думать только об одном: скорее бы сесть в обратный поезд.

Однажды, раздумавшись об этом и сопоставив с этим впечатление от книги, которую я тогда читал (а читал я книгу Куняевых – отца и сына – о Сергее Есенине), вдруг отчетливо осознал, что у Сергея Есенина с тех пор, как он покинул родной дом в Константинове и начал в Москве и Петербурге жизнь поэта, что у него никогда, ни на один день не было своего дома, квартиры, даже комнаты.

Друзья, у которых он ночевал после поэтических вечеров, – были. Женщины, рядом с которыми он просыпался, – были. Гостиницы – были, но не было своего дома, где можно уединиться, отсидеться, одуматься, дома такого не было.

Когда я это осознал, мне задним числом сделалось за Есенина страшно. Стали более-менее понятными его метания в последние годы жизни и его преждевременная усталость.

Конечно, метания и усталость нельзя сваливать только на отсутствие собственного жилья, были причины поважнее и пострашнее.

Во-первых, он попал в тот “черный” список виднейших русских интеллигентов, которых большевики (ЧК) наметили тем или иным способом уничтожить. Гумилев, Блок и Есенин в этом списке, бесспорно, были одними из главных. В 1921 году Гумилев расстрелян. Блок отравлен, Есенина решили либо довести до самоубийства, либо убить, а на самоубийство только свалить.

Значит, надо было его беспрестанно злить, дразнить, компрометировать, чтобы он заранее обрастал скандальными слухами, сплетнями... Создать из него образ хулигана, алкоголика, психически неуравновешенного человека. Обстановка в стране, равно как и характер Есенина, способствовала этому как нельзя лучше.

Мы уже говорили о том, как образовался в той же Москве вакуум после полууничтоженной, полуразбежавшейся интеллигенции и как этот вакуум засосал сотни тысяч “золотоискателей” из южных российских провинций. Обстановка была накалена. В 1918 году советское правительство вынуждено было издать декрет “О борьбе с антисемитизмом”. Декрет предусматривал расстрел за одно только произнесение слова “жид”.

Русско-еврейский общественный деятель И. Бикерман так объяснял в 1922 году ситуацию, которая сложилась в России:

“Русский человек никогда не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Были и тогда, конечно, и лучшие, и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами трудов своих, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей – во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе невской столицы, и во главе Красной Армии – совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь “славное” имя Нахамкиса, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом... распоряжающихся, делающих дело советской власти... **а власть эта такова, что, поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более злобной, ни более бесстыдной**”.

Подо все это подводилась идеологическая политическая база. Газета “Известия” писала в феврале 1921 года: “У нас нет национальной власти – у нас власть интернациональная. Мы защищаем не национальные интересы России, а интернациональные интересы трудящихся и обездоленных всех стран”.

Это, конечно, была демагогия чистой воды. Трудящиеся всех стран вовсе и не нуждались в защите их интересов, особенно со стороны московских большевиков, то есть московских евреев.

Ну вот. А Есенин был глубоко национальным поэтом, носителем русской национальной идеи. Поэтому он подлежал уничтожению тем или иным способом. Не говоря уж о том, что декрет о борьбе с антисемитизмом мог быть применен к нему в любую минуту, потому что словечки “жид” и “жиды” то и дело слетали у него с языка.

А между тем антисемитом он не был. У него было много евреев если не друзей, то коллег и собутыльников. Надя Вольпин, молодая еврейка, родила даже от Есенина мальчика. Галя Бениславская застрелилась на его могиле и похоронена рядом, а в Батуме он жил в доме Левы Повицкого, отнюдь не аджарца и не грузина.

Как и большинство русских людей с широкой душой (а тут еще и талант), он роль евреев в разрушении, уничтожении России, в истреблении миллионов россиян, в осуществлении красного террора не переносил на отдельных конкретных евреев. Поэтому личного антисемитизма у него не было, а мог быть только антисемитизм государственный – исторический, так сказать, обобщенный. **Еще хорошо, что он не дожил до коллективизации, до раскулачивания, до повального голода тридцатых годов, до массового взрыва православных храмов (в одной Москве – 450).**

Петля вокруг Есенина затягивалась все туже. Инспирированные, спровоцированные скандалы все учащались. Все чаще он попадал либо в милицию, либо в больницу. Распространялись слухи, что Есенин тяжело болен, что его надо спасать, что ему необходимо принудительное лечение. Одним словом, чтобы его убить и выдать это за самоубийство, эта версия была готова.

С повышенно развитой и обостренной интуицией, он чувствовал это. Предчувствие гибели сквозит в его стихах последних лет жизни.

Последний год жизни Есенин метался. Есть такое понятие – “загнать в угол”. “Быть загнанным в угол”. Даже какая-нибудь зверушка может броситься на зубастое чудовище, если ее загнать в угол. Так вот, Есенина загнали в угол, и он метался. Из Москвы в Баку. Из Баку в Тифлис. Из Тифлиса в Москву. Из Москвы опять в Баку. Из Баку в Тифлис. Из Тифлиса в Батум...

В Баку он попал под опеку ни много ни мало Кирова и Чагина. Его поселили на какой-то роскошной, недавно еще капиталистической, а теперь правительственной даче и внушили ему, что он – в Персии. Появились “Персидские мотивы”. В Тифлисе он – в окружении грузинских поэтов: Леонидзе, Чиковани, Яшвили. Газета “Заря Востока”. Говорили, что если эта газета выдаст справку о том, что Есенин – корреспондент этой газеты, то с такой справкой можно сесть на пароход и прогуляться в Константинополь. И вот Есенин – уже в Батуме.

Из всех метаний Есенина по Кавказу нам наиболее интересен его “батумский” период.

Во-первых, в Батуме он от первой строки до последней написал свою замечательную поэму “Анна Снегина”.

Отвлечемся. Есенин к этому времени, по общественному мнению, – спившийся алкоголик, психически больной человек и чуть ли не уголовник. Теперь я говорю: возьмите и прочитайте его поэму, написанную в Батуме, поэму “Анна Снегина”, одну из чистейших романтических поэм в русской поэзии, прочитайте и скажите: мог ли такую поэму написать хулиган, уголовник, алкоголик и псих?

Во-вторых... О последних годах жизни Есенина написано очень много. И вот что меня удивляет. Доказать ничего нельзя. Но разве не удивительно, что ни у кого из пишущих о Есенине в Батуме не возникло догадки, что у загнанного в угол поэта, у мечущегося Есенина появилась мысль через Батум уехать из СССР?.

Не хочу сказать, что намерение это было твердым, как незадолго перед этим у Михаила Булгакова, который даже собирался спрятаться в трюме. Но Булгаков был тогда еще безымянным белогвардейцем, отставшим от своей армии. Для Есенина этот способ не годился. Он был уже настолько популярен и знаменит, что ни в какой трюм бы не поместился. Да и следят уже за каждым шагом. Его уже “ведут”, он уже “под коллаком”. Он уже пальцем не может пошевелить, чтобы не было видно, известно. Он несколько раз обращался в “Зарю Востока” за справкой о том, что он – корреспондент. Но те, кто его “ведет”, тоже не дураки. “Заря Востока” справку Есенину не даст. Более того, его как бы приятель Лева Повицкий переселяет Есенина из гостиницы к себе домой и каждый день, уходя на работу в редакцию, запирает Есенина в доме до своего прихода с работы. Выглядело это все очень гуманно: чтобы не платить за гостиницу и чтобы заставить поэта-непоседу работать, – и тем не менее...

Была там контора какой-то американской фирмы, где работала русская женщина Ольга Кобцова. Есенин налаживает с ней отношения, чуть ли не объявляет ее женой. Ведь американская фирма могла бы способствовать поездке Есенина в Константинополь. Однако Лева Повицкий решительно расстраивает эту связь. Он внушает Есенину, что и сама Ольга, и ее родители – контрабандисты, и в конце концов объявляет Есенину ультиматум: “или я (то есть он, Лева Повицкий), или Ольга”. Странное требование. Был ли второй такой случай, чтобы мужчина переставал встречаться с женщиной по требованию приятеля? Вернее сказать, чтобы приятель предъявил мужчине подобное требование?

В письмах к Гале Бениславской Есенин несколько раз приглашает ее в Батум и каждый раз обещает: “Поедем в Константинополь”. О, святая простота и наивность! Ведь его Галя была штатной сотрудницей ВЧК! Галя Бениславская потом застрелилась на могиле Есенина. Какая любовь, какая романтика! Но как такую любовь сочетать с тем, что она на фоне, так сказать, Есенина завела роман с сыном Троцкого, Седовым, и едва не вышла за него замуж?

Конечно, после выстрела и крови не очень этично развивать домыслы, и все же – разве у Гали Бениславской не могла заговорить совесть? Любовная переписка и в то же время осведомительская роль в ЧК? Или разве не факт, что она о смерти Есенина слишком много знала? Как поступают в подобных организациях с теми, кто слишком много знает, – хорошо известно. Как штатной сотруднице, разве не могли ей предложить столь романтический выбор?

Как и в случае с Булгаковым, мы вправе спросить сами себя: как сложилась бы судьба Сергея Есенина, окажись он в эмиграции? Это трудно вообразить, но ясно одно: он не погиб бы в гостинице “Англетер” в том же году, как только возвратился из Батума.

НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ

Сейчас, перечисляя славные имена, ознаменовавшие собою великий подъем народного духа, просверкавшие – высоким стилем говоря – на небосклоне России перед самой ее гибелью, я ни разу не упомянул еще одно имя, которое тоже должно бы входить в “обойму” (советский термин), которое тоже появилось в России благодаря ее всеобщему предсмертному цветению, но и в свою очередь украсило и обогатило это цветенье. Это имя – Надежда Плевницкая.

Строго говоря, она – Надежда Васильевна Винникова, деревенская девушка из Курской губернии. Эта деревня (точнее – село), как явствует из воспоминаний самой Надежды Васильевны, называлась Венниково, почти полное совпадение с фамилией будущей певицы. Венниково – Винникова. Эти два “н” – что-то слишком сложно для русской сельской топонимики. Закралось сомнение: да уж не просто ли Вениково называлось село? А отсюда и фамилия – Веникова. Как было бы хорошо для исполнительницы русских народных песен. Привыкли бы. От фамилии до имени – пропасть. Мало ли было Пушкиных в русской истории среди бояр, дворян. (“Водились Пушкины

с царями, из них был славен не один...) Но мы сейчас, говоря “Пушкин”, как-то даже и не вспоминаем, что фамилия эта происходит просто от пушки. И что “Тоголь” – это просто водоплавающая птица. Для превращения в имя вовсе и не обязательно, чтобы фамилия была красивая, броская, громкая.

Когда в послереволюционные, в двадцатые годы иноплемenniки начали хватать себе звучные русские слова – крымовы, кремлевы... Стеклов (вместо Нахамкис), Орлов (вместо Фельдман), Светлов (вместо Либерзон), Володарский (вместо Гольштейн), Троцкий (вместо Бронштейн), Землячка (вместо Залкинд), Литвинов (вместо Валлах Макс), Бакланов (вместо Фридман), Кольцов (вместо Фридлянд) и так далее, и так далее, то все же не все эти звучные русские слова становились громкими именами. Для сравнения могу привести яркий пример: свою вовсе уж не высокопарную фамилию (такая досталась) поэт сумел превратить в имя, и мы теперь говорим: “Хороший русский поэт Николай Тряпкин”, – и меньше всего думаем, что фамилия эта происходит просто от тряпки. Чем хуже веник?

Но Надежде Васильевне не пришлось ломать голову. В молодости она вышла замуж за поляка Эдмунда Плевицкого. Этот брак не был долговечным, однако он дал ей фамилию, которая, после первых же шагов Надежды Васильевны в искусстве, быстро превратилась в громкое, на всю Россию, имя певицы Надежды Плевицкой.

Надежда, или “Дежка”, как звала ее мать, была в семье тринадцатым, последним ребенком. И хотя в живых осталось только пятеро, все же и такую семью нельзя не считать многодетной.

Это ли обстоятельство, некий ли внутренний огонь, залетевший в душу деревенской девочки, не давал покоя, но только начало жизни Нади Винниковой можно назвать непутевым. Судите сами.

Перво-наперво у нее появилась блажь уйти в монастырь. Мать пристроила ее в ближайший девичий монастырь, не монашкой пока (до этого дело еще не дошло) – рукодельницей. Вместе с другими, такими же бедолажками, Надя вышивала, расписывала какие-то там писанки, пасхальные яички, а потом торговала в пользу монастыря этими изделиями. Во время этой торговли увидела она на площади ярмарочный балаган, нечто вроде передвижного цирка, смешанного с эстрадой. Тотчас пришло твердое решение: уйду в балаган и стану акробаткой. В монастыре она связала в узелок свои пожитки и вышла на площадь.

Мать нашла ее в балагане (я пользуюсь информацией из книги самой Надежды Васильевны “Мой путь с песней”, написанной уже много лет спустя, уже под Парижем, в местечке Кло-де-Пота, в 1929 году), пришлось вернуться домой, но балаган не выходил из головы.

Тут подоспело новое путешествие. Тетка Аксинья с позволения матери взяла ее с собой в Киев на богомолье. Киев – Киевом, богомолье – богомольем, а в голове – балаган.

В киевском городском саду “Аркадия” увидела Надежда и услышала хор, состоящий из тридцати дам в черных строгих платьях с белыми воротничками. Шантан.

Шлет вам привет
Красоток наш букет,
Собрались мы сюда
Пропеть вам, господа...
А впрочем, может быть,
Сумеем угодить.

“...И вот былинку понесла река”. Есть такая фраза у Леонида Леонова в “Русском лесе” – про девушку Полю, которую подхватило течение жизни. И понесла былинку река.

(Я помню, что и меня самого точно так же несло течением жизни. Но должен сказать, что с самого начала во мне жило интуитивное чувство направления и, неосознанное до поры до времени, чувство цели. Несла былинку река, крутила на поворотах и завертинах, притом не одного ведь несла и крутила – сверстники, спутники, поколение, – но неподвижный вдали огонек неосознанной еще цели светил, должно быть, мне одному, невидимый другими былинками. Возможно, у них были свои “огоньки” и свое интуитивное чувство направления, все может быть, но меня вынесло именно к моему огоньку.)

У будущей Надежды Васильевны Плевицкой – монастырь, балаган, хор из сада “Аркадия”.

“На другой день в зимнем зале “Аркадия” происходила моя первая репетиция. За пианино сел Лев Борисович Липкин, а вокруг него стоял хор”.

Ее приняли с жалованием восемнадцать рублей в месяц. Но тут – назвался груздем, полезай в кузов – гастролы. Из Киева – в Курск, из Курска – в Царицын. А Курск – это ведь родной город новоявленной хористки, и останавливаться придется в гостинице “Европейской”, а ее, эту гостиницу, все куряне считают “непристойным местом”.

Мать ее, конечно, нашла:

– И в кого ты уродилась? Родила я тебя на свое великое горе. Глаза б мои не глядели, в какое место пошла. И как тебя земля носит?

Надежда Васильевна признается: “Я теперь вижу, что лукавая жизнь утораздила меня прыгать необычайно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда дурное чувство?”

Надежда Васильевна не знала еще, какой “прыжок” ожидает ее судьбу в конце концов. Но до этого еще далеко. Еще – польская труппа Штейна (где танцевал Эдмунд Мячеславович Плевицкий, давший тогда же свою фамилию русской певице Винниковой); еще труппа Минкевича, вместе с которой Надежда (уже Плевицкая) впервые попала в Санкт-Петербург; еще... “...После долгих колебаний согласилась я принять ангажемент в Москву. Директором “Яра” был тогда Судаков, чинный и строгий купец... а на осень за большой гонорар подписала я контракт на Нижегородскую ярмарку, к Наумову”...

Так вот былинку несла река. В Нижнем Новгороде во время ярмарки гастролитировал в оперном театре Леонид Витальевич Собинов, который впервые вывел исполнительницу русских народных песен на подмостки большого театра. 1909 год.

Тут произошло совпадение. Россия ждала и искала в те годы выразительницу своей души, а русская душа Плевицкой искала возможности выразить себя на пользу отечеству.

У Надежды Васильевны была многие годы верная и преданная горничная Маша. После концерта, помогая Надежде Васильевне протолкаться сквозь обезумевшую толпу поклонников к автомобилю, Маша беспрестанно говорила: “Ужаси, какой у нас успех, ужаси”.

Певца делает, конечно, в первую очередь голос. Потом – умение им управлять. То есть, короче говоря, умение петь. Далее идут вкус, общая культура, общее обаяние, сценический силуэт. Кто-то заметил, что Шаляпин не был бы тем Шаляпиным, если бы он был низенького роста, кривоногим и брюхатым.

Но певца не в последнюю очередь делает репертуар. Нельзя представить себе того же Шаляпина исполняющим песню “Катюша”. Как, скажем, Марку Бернесу незачем было бы исполнять “Вдоль по Питерской”, арию Каварадосси или “Персидскую песню”.

Надежда Плевицкая пришла к слушателям со своим репертуаром. Песни, сотворенные народом на протяжении веков, песни безымянные, как музыкой, так и словами, она возвратила народу обогащенными ее голосом и ее манерой исполнения. “По старой калужской дороге”, “Ухарь-купец”, “Помню, я еще молодухой была”, “По муромской дорожке” (“...стояли три сосны...”), “Есть на Волге утес”, “Среди долины ровныя”, “По диким степям Забайкалья”, “Не шей ты мне, матушка, красный сарафан”, “Плещут холодные волны”...

В советские годы ее репертуаром, ее манерой исполнения, ее, если хотите, голосом и образом в полной мере воспользовалась Лидия Русланова. Но Плевицкая мало того что была первой, она была неизмеримо лучше Руслановой, если такое словечко применимо к меркам в искусстве.

Много раз она пела Государю и всей царской семье. Пела в Ливадии, пела в Царском Селе. Выходила, делала поклон, доставая рукой до пола. Она уже знакома с Собиновым, с Шаляпиным, со Станиславским, с Мамонтовым, Коровиным, Стаховичем, Горьким, Москвиным, Качаловым... Она оказалась на самом верху жизни. Но ее самым звездным часом я считал бы концерт в родном городе Курске, в присутствии, с одной стороны, курского губернатора и всей губернской знати, а с другой стороны, в присутствии ее матери, восьмидесятилетней крестьянки Акулины Фроловны. И как губернатор подошел к старушке среди зрительного зала поклониться, и как в разных концах зала шептали: “Это ее мать, это ее мать”. Слава.

В своей деревне она откупила лес и поляну и построила там дом. Терем. И поселила там Акулину Фроловну, и любила живаť сама. Но подолгу там жить не приходилось, надо было петь, петь и петь. В Большом зале Консерватории, в многолюдных театральных и концертных залах, в Ливадии, в Царском Селе, и горничная Маша тараторила после каждого концерта: “Ужаси, какой у нас успех, ужаси!”

А потом оказалась в Париже и Надежда Васильевна Плевицкая.

Можем ли мы сказать, что эмиграция уравнивала всех ее участников – бедствием, тяжестью судьбы, ностальгией, отчаянием, глубиной страданий? Много было общего и похожего у всех у них, но много было и своего. Тут даже нельзя приложить знаменитую и всемирно известную фразу насчет того, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастная семья – несчастлива по-своему. Во-первых, счастливых эмигрантских судеб не было вообще. Все они были глубоко несчастны. Но все же могли быть оттенки. Например, Дмитрий Сергеевич Мережковский и жена его Зинаида Гиппиус, конечно, тоже страдали, и мы не можем утверждать, что они страдали меньше других, но все же у них в Париже была своя квартира, которой они обзавелись чуть ли не в начале века и часто жилали там еще до революции. Поэтому эмиграция для них была вначале как очередной переезд в свою собственную квартиру, а это, согласитесь, легче, нежели оказаться в чужом городе, где ни кола ни двора. Я говорю о внешней стороне эмиграции Мережковского и Гиппиус, а не о том, как они относились к происходящему в их любимой России, то есть об уничтожении России и о их переживаниях по этому поводу.

Одно маленькое стихотворение Зинаиды Николаевны, кстати, на нашу тему ставит все на свои места.

ЗДЕСЬ

Чаша земная полна

Отравленного вина.

Я знаю, я знаю давно –

Пить ее нужно до дна.

Пьем, но где же оно?

Есть ли у чаши дно?

1933 г.

Вот оказался бы уже в наши застойно-диссидентские десятилетия за границей Твардовский. Твардовский – диссидент и эмигрант! Трудно, конечно, вообразить. Ну что бы он там делал? Солженицын – статья особая. Все средства всемирной массовой информации были брошены и делали из него особенную фигуру, но и предмет его социологическо-художественного исследования тоже не валяется под ногами на каждом шагу. Советские лагеря... А то вот приехала в Италию делегация советских поэтов: Твардовский, Александр Прокофьев, Борис Слуцкий и Маргарита Алигер. Вокруг Алигер и Слуцкого крутятся роем итальянские издатели, подписываются контракты, а два наших “классика” стоят в сторонке и никому не нужны, никому не интересны. Ну, это ладно, короткая поездка. А попади они в эмиграцию? Точно так же никому не были бы нужны. И что же им было бы делать? Бедствовать, как Бунину, Шмелеву, Куприну, Марине Цветаевой, Игорю Северянину...

Музыка – это дело другое. Ростропович сделал для русской культуры не больше Бунина, Куприна или упомянутого Твардовского. А как вписался? Что ни двинет смычком, так и валяться доллары к ногам. Что ни махнет дирижерской палочкой, так и денежный дождь. Я ничего не говорю. Мстислав Ростропович – великий труженик, но все же, все же, все же...

Шаляпин, Вертинский, Рахманинов уже потому чувствовали себя в эмиграции лучше других (ностальгия не в счет), что они делали там из дня в день, из года в год свое основное дело, работали свою основную работу. И получали за это деньги.

Шаляпин трижды в жизни терял нажитое, “напетое” им состояние. Первый раз – в России в 1917 году, когда он лишился движимости-недвижимости и, конечно, наличности. Второй раз он потерял свое состояние в 1930 году, когда в Америке разразился великий кризис. В одну минуту богатые стали бедными или даже нищими. Но Шаляпин продолжал петь и снова, что называется, встал на ноги, опять стал человеком состоятельным. В третий раз был уже не кризис, а [кладбище] Батиньоль. Тут уж ничего не поделаешь.

Надежде Плевицкой не было так же просто, как Шаляпину, но и не было так же худо, как Шмелеву и Бунину. (Не берем в расчет Нобелевскую премию Ивана Алексеевича. Она как-то быстро просыпалась между пальцев и по сравнению со всей бунинской эмиграцией выглядит эпизодом.)

Надежда Васильевна худо-бедно все же купила дом в предместье Парижа и содержала мужа, царского генерала, бывшего командира корниловского полка, героя гражданской войны (белого героя, естественно) Николая Владимировича Скоблина. И там, в Париже, была организация **РОВС** – Российский общевойсковой союз. Организация военная, патриотическая, российско-патриотическая. Этот РОВС возглавлял сначала генерал Кутепов. Но в 1929 году его похитили советские чекисты и сожгли в паровой топке. Во главе РОВСа встал генерал Миллер, а заместителем у него был Н.В. Скоблин.

И вот осенью 1937 года генерал Миллер был похищен тоже, как и его предшественник. Он бесследно исчез. Но вместе с ним, точнее, не вместе, а одновременно, исчез и генерал Скоблин.

Об этом много написано, как в парижских газетах того времени, так и в более поздние времена. Могу отослать заинтересовавшихся к альманаху “Дворянское собрание” №2 за 1995 год. Считаю бессмысленным переписывать оттуда всю эту историю (она там изложена обстоятельно и подробно), скажу лишь, что в похищении генерала Миллера участвовал бывший командир корниловского полка, заместитель генерала Миллера по РОВСу, Николай Владимирович Скоблин, муж Надежды Плевицкой. Участвовал он уже как тайный агент Москвы, завербованный советской разведкой. Он требовал у Москвы 200 долларов в месяц.

Естественно, тень этого события пала и на певицу. Шли разговоры о том, что она содействовала... участвовала... что и она, как тогда называлось в Париже, “большевизан” и самый настоящий тайный советский агент.

В это не хочется верить. Он, генерал Скоблин, – возможно, вероятно, тем более что уличен в своих действиях. Она могла знать, что ее муж “возможно и вероятно”, но не может быть, чтобы она активно содействовала и участвовала... И тоже получала свои деньги, доллары... впрочем... теперь уже ничего нельзя доказать ни в ту, ни в другую сторону.

Я как литератор думаю о другом. Если хотя бы на секунду допустить... то не может ведь не возникнуть вопрос: каким образом? Какие силы? Какой такой соблазн?

Он – корниловский генерал, герой гражданской войны. Она – всероссийски известная певица, обласканная царской семьей и многотысячными аудиториями россиян. Она – выразительница русской души, она, которую самое можно было бы назвать душой России... Что же произошло? Купили? Запугали? Пригрозили неминуемой смертью? Нет – мало. Всего этого было бы мало. И тут выступает на передний план НОСТАЛЬГИЯ.

Привожу несколько фраз Вертинского из его воспоминаний о Франции, а именно о ресторане “Эрмитаж” и о тех, кто пел в этом ресторане:

“Пел Юрий Морфесси – все еще жизнерадостный, хотя и поседевший. Пела одно время Тамара Грузинская, приезжавшая из Советского Союза, пела Плевицкая. Каждый вечер ее привозил и увозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая. И тем более странной показалась нам его загадочная роль в таинственном исчезновении генералов Кутепова и Миллера. Это было особенно загадочно потому, что с семьей Кутепова и с семьей Миллера Плевицкая и Скоблин очень дружили еще со времен Галлиполи, где Плевицкая жила со своим мужем и часто выступала...”

Да... Жизнь сложна.

Ведь даже Зинаида Гиппиус, дама в высшей степени политизированная, искушенная и, что называется, “тертый калач”, к тому же идейно подкованная, к тому же переехавшая в эмиграцию буквально как к себе домой (в собственную квартиру), ведь даже она выплескивала отчаянные слова заклинания:

Господи, дай увидеть!
Молюсь я в часы ночные.
Дай мне еще увидеть
Родную мою Россию.

Как Симеону увидеть
Дал Ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию!

Ностальгия квалифицируется медициной как болезнь. И лекарств от нее почти нет. Либо утление ее, либо смерть.

А тут... Курская деревенская девушка, окунувшаяся на короткое время в славу и благополучие, не имеющая никакого иммунитета против страшной болезни (все же Бунин, Шаляпин, Рахманинов, бывавшие за пределами своей страны, та же Тенишева, та же Анна Павлова, тот же Алехин, да и большинство русских интеллигентов “с именами”, – все же их предыдущие посещения “заграницы” были вроде прививки и ослабляли болезнь), а тут... светлая неискушенная душа осталась вдруг без России. Как отрезали, как оторвали с куском живого мяса... Можно вообразить, как звучала в Париже ностальгическая песня Надежды Плевицкой:

Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седую пургой,
И холодные ветры степные (И печальные...)
Панихиды поют над тобой.

Ни пути, ни следа по равнинам,
Среди белых безбрежных снегов,
Не добраться к родимым святыням,
Не услышать родных голосов.

Замело, занесло... схоронила
Все святое, родное пурга,
Ты слепая жестокая сила,
Вы как смерть, неживые снега.

Автор слов неизвестен (по крайней мере, мне), но ясно, что талантливый и мучающийся от ностальгии русский поэт. Сама Плевницкая таких слов написать не могла бы, но всю свою боль вложить в них она могла.

И что же произошло? Купили? Запугали? Пригрозили неминуемой смертью? Нет, мало, всего этого было бы мало. Кроме того, ну, женщину запугать – ладно, но запугать смертью командира корниловского полка, русского генерала?.. Вот если бы шепнули изнемогающей от тоски по России певичке, что есть возможность вернуться...

Впрочем, Михаил Назаров в своей очень обстоятельной книге об эмиграции высказывает более прозаическую схему вербовки: “Россия в опасности, иностранцы хотят поделить ее между собой... Мы же... создали Красную Армию, укрепили ее, выгнали из России интервентов. Знаем вас как способного офицера. Вы должны работать с нами. Нам вы очень нужны...”

Не будем гадать. Генерал Скоблин исчез, как в воду канул. А между тем французский суд привлек его (заочно) и Надежду Васильевну, как сообщницу, к ответу за похищение генерала Миллера. Судили ее одну (Скоблин был в нетях). Суд, видимо, разобрался во всем и приговорил ее к двадцати годам каторжной тюрьмы (его – к пожизненной каторге). В тюрьме она вскоре умерла. А тут пришли немцы. Они эксгумировали труп Надежды Васильевны, исследовали его, делали разные анализы (но что искали?), а потом закопали снова, но уже в общей могиле. Результаты (равно как и цели) этих исследований неизвестны.

Надежда Яковлевна Мандельштам выразилась определенно: “Я не знаю судьбы страшнее, чем у Марины Цветаевой”. Оказывается, много было страшных и очень страшных судеб. Как сравнить, что страшнее: добиваться места судомойки в городе Чистополе (в писательской столовой) или сидеть во Франции в каторжной тюрьме? Муж – генерал – оказался большевистским агентом, но ведь и Сергей Эфрон тоже ведь оказался... Нет, не будем судить, чья судьба страшнее. Тем более что последняя черта как бы уравнила две эти судьбы: могилы обеих неизвестны.

Прим.Ред. Текст песни был написан Филаретом Черновым в 1918 году – мало-известным поэтом, после революции оставшемся в Советской России и трагически погибшем в психбольнице им. Кащенко в 1940-м.году.

Еще одна “эмигрантская” история. Николай Гедда

В Стокгольме, когда я пришел в посольство посмотреть кинофильм, мне представился один наш советский человек, хирург, живущий в Стокгольме по приглашению шведского министра здравоохранения. Они устроили интернациональную клинику, где работают лучшие хирурги из Японии, Германии, Франции, Италии... и вот, как видим, из Советского Союза.

– Что вам этот фильм? – сказал мне хирург. – Пойдемте ко мне, поужинаем, поговорим, я приготовлю цыпленка табака.

Я согласился.

В разговоре во время ужина меня ждал необыкновенный сюрприз. Бывая за границей и соприкасаясь с эмигрантскими кругами, я часто слышал имя замечательного русского певца Николая Гедды. Не только слышал имя, но имел его диски (мне дарили) с исполнением русских песен и романсов, арий из опер. Я знал, что Николай Гедда сейчас один из лучших теноров в мире. Особенно я любил, как он поет две эмигрантские песни: “Замело тебя снегом, Россия” и “Молись, кунак”. Без слез, во всяком случае без волнения, слушать эти песни было нельзя. Теперь, во время ужина с хирургом, наш разговор коснулся Николая Гедды, и мой сотрапезник вдруг сказал:

– Хотите с ним познакомиться? Я сейчас позвоню.

– Как, куда позвоните?

– Но он живет в Стокгольме. Я с ним хорошо знаком. Сейчас я ему позвоню, и через полчаса он будет здесь...

Тотчас мы позвонили, однако случилось все еще удивительнее. Оказалось, что Николай Гедда простужен, только что принял горячую ванну и, боясь выходить на улицу, пригласил нас к себе. Мы приняли это приглашение и поехали.

Это был замечательный вечер, вернее сказать, ночь, потому что просидели мы до трех часов. Николай Михайлович несколько раз обмолвился, что мечта его – спеть в Москве, но, к сожалению, это невозможно. Во мне же вдруг возникло и укрепилось ощущение, что все это очень даже возможно и что если то и дело приглашают в Москву разных эстрадных певичек и вообще Бог знает кого, то почему же не приехать настоящему русскому певцу? Я неожиданно для самого себя (может быть, под влиянием выпитого) пообещал Николаю Михайловичу, что буду хлопотать, пойду... знаю, к кому пойду... и сделаю все возможное, чтобы Николай Гедда спел в Москве.

К этому человеку я ни разу не обращался с просьбами, но на расстоянии чувствовал его доброжелательное ко мне отношение. Да и повод был, можно сказать, благородный. Не квартиру себе, не дачу, не дочку устроить куда-нибудь в институт или на работу шел я просить. Поэтому позвонил я смело, и на другой день уже было назначено мне прийти в дом к тому человеку.

В.Ф. принял меня тепло. Он вышел из-за своего большого рабочего стола, и мы уселись в креслах около низкого дополнительного стола. Ну, сначала вопросы: как дела, как семья, что пишете, что выходит в ближайшее время и где, – а потом наступает момент, когда эти, пусть и доброжелательные, но все же дежурные, разговоры прекращаются и на лице, в глазах «хозяина» появляется приглашение перейти к главному, изложить то, с чем пришел.

Я коротко изложил. Замечательный тенор, русский певец. Эмигрировали его родители, а не он. Ему всего лишь за сорок. Лоялен. Мечтает спеть в Москве. Это будет большое культурное событие. Разные эстрадные певички ездят... Почему же русский певец... благородное дело... история не забудет...

Меня выслушали внимательно, пометили что-то в блокноте, спросили:

– Это и все, с чем вы пришли?

– Разве мало?

– Ну а для себя что-нибудь? Нет ли каких проблем?

– Нет никаких проблем.

– Ну... тогда до свидания. Если что возникнет, звоните, пожалуйста...

Однажды я включил радио. “Почта “Маяка””: “Бригадир газопроводчиков из города Сургута такой-то, домохозяйка из города Воронежа просят нас рассказать о певце Николае Гедде... Выполняем их просьбу... Николай Гедда исполнит романс Глинки “Не пой, красавица, при мне”.

Я понял, что делу дан нужный ход. Ну а с каким успехом Николай Гедда выступал потом в Большом театре, в Большом зале Консерватории, в Зале имени Чайковского, а также и в Ленинграде, я думаю, помнят многие.

Вообще-то репертуар Николая Гедды – классическая опера и классический романс. Но все же диапазон его шире. Он может спеть и что-нибудь цыганское, может лихо, с удалью спеть “Располным-полна моя корбушка”, да и любую русскую народную песню. И вот еще – песня не песня, романс не романс, но тоже квинтэссенция ностальгии. **“Молись, кунак”**. Известно, что “кунак” на Кавказе – друг. Даже если война и вражда, все равно русский человек может оказаться в кунаках у горца. И вот в этой песне, родившейся, конечно, в эмиграции, неизвестно кто к кому обращается: кавказец к русскому или русский к кавказцу – эмиграция всех сравнила и сроднила. И возникает – дополнительно – особый мотив. “Свой Бог, видно, уж не поможет. Молись хоть ты, кунак, своему Магомету, может быть, он сильнее”. Или – наоборот.

Молись, кунак, в стране чужой,

Молись, кунак, за край родной.

Молись за тех, кто сердцу мил,

Чтобы Господь их сохранил.

Молись за то, чтобы Господь

Послал нам сил все побороть,

Чтобы могли мы встретить вновь

В краю родном мир и любовь.

Пускай теперь мы лишены

Родной семьи, родной страны,

Но верим мы, настанет час

И солнца луч блеснет для нас.

Русский народ виновен в Революции, самонстреблении и духовном подавлении своих граждан. Признание национальной вины является основой духовного возрождения народа, государства и личности.

Читаю эту последнюю книгу Владимира Солоухина «Чаша», написанную в 1995 году, и три дня заливаюсь слезами. Первая его книга, «Владимирские проселки», напечатана была в 1958 году, прочитал я ее в 59-м или 60-м, потом меня повели за руку «Письма из Русского музея», «Черные доски», «Третья охота». Десять лет назад я прочитал его книгу «Ленин» и не знал, что у него есть «**Последняя ступень**» и «**Чаша**», что он убежденный противник социализма и большевизма, что он писатель антисоветский, и что еще точнее – он **русский писатель почвенник** (или **народник**), или, чтобы охарактеризовать его взгляды понятнее для современного читателя, он – *русский националист*. Правда, термин «национализм» не точен, мало объясняет мировоззрение человека, которого мы так характеризуем.

И немцы времен Гитлера были националисты, и бандеровцы, и сегодняшний украинский народ, и евреи государства Израиль – поэтому вернемся к первоначальному объяснению.

И Владимир Солоухин и я – придерживаемся близких взглядов, основой нашего мировоззрения является любовь к России и русской культуре и невозможность существовать в иной культурной среде. При этом Солоухин, как и Николай Николаевич Браун – монархист, а я допускаю конституционную монархию, и так как я боюсь всякой диктатуры, личной власти, тирании, самодержавия в интересах одного человека или группы или одного сословия, то хотя готов поддержать конституционную монархию, в которой наследственный монарх является хранителем Конституционных устоев, но при этом государством пусть управляет парламент, или Сенат, или Дума, или Государственный совет, на основе которых избирается Правительство, поддержанное депутатами Думы, политическими партиями и общественно-культурными организациями.

Россия нуждается в духовном возрождении, но для этого прежде всего должен быть осужден большевистский период русской истории, прокляты и объявлены преступниками все партийные функционеры, занимавшие партийные посты, и все высшие руководители, Ленин, Троцкий, Сталин и их помощники и соучастники злодеяний. Пропаганда марксизма-ленинизма и оправдание Сталина должны быть запрещены, как оправдание Гитлера, и считаться уголовным преступлением. Главнейшими задачами государства должны стать преодоление демографического кризиса и возвращение русскому народу его права поддерживать государство Россию как государства, во-первых, русского народа, во-вторых, и всех народов, существовавших на российской территории. Федерализм и федеральные границы, установленные большевиками, отменяются и новые границы устанавливаются на общероссийском Земском соборе.

Русским является всякий гражданин, родным языком которого является русский язык, который принимает русскую культуру за основание своего мировоззрения и определяет себя как русского человека. При этом он вправе признавать себя принадлежащим к двум народам, например, к русскому и польскому, армянскому, татарскому и пр. Ибо **народность** – не только принадлежность по крови, но и по культуре и языку.

Вл. Солоухин. ЧАША.

«А не все ли уже кончено с Россией? И она уже искусственно парализована, обескровлена, выедена изнутри, обглодана почти до остова? Вспомнились ужасные слова Розанова из его "Опавших листьев": "Когда она (Родина) наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, - тот будет "русский", кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми покинутого". Так не мертва ли она? Не осталась ли нам скорбная доля только оплакивать ее остова по пророчеству русского писателя? <...> Не на мучения ли разбудишь его и вернешь к жизни? Ведь всюду будет болеть, когда начнет он оттаивать от анестезии?.. Кирилл Буренин оказался тверже меня.

– Прекрасно то, что мы на минуту сейчас вообразили. Но само оно не придет. – Так что же? – Надо действовать. Они в свое время не сидели сложа руки. – Как действовать? Что? Нет же способа привести наши идеи в массы. Нет. Листовки, что ли, расклеивать? – Надо создавать организацию. Группу хотя бы на первых порах. Пусть двадцать, сорок человек, но твердых, надежных, каменных. – Какая группа из двадцати человек, когда у нас в стране каждый пятый - стукач?! – Осмотрительно, осторожно. Теория малых дел. Птичка по зернышку клюет и сыта бывает. А под лежащий камень вода не потечет, нет. – Народ оболванен. Вон эти, демократы, вышли однажды на площадь... К Лобному месту. Развернули лозунг: "Руки прочь от Чехословакии". Людишки смотрят, спрашивают друг у друга: - Смотри-ка, "Руки прочь от Чехословакии!" Напал на нее, что ли, кто? Немцы, что ли, напали? Смех. Пока зеваки разбирались, кто напал на Чехословакию, подъехал автобус, и демократов забрали. – Создать группу. Создавать цепь, звено к звену. Осторожно, осмотрительно, самых верных, самых живых. Как заметил, что прощупывается пульс, так и занимаясь реанимацией, искусственное дыхание, компресс на сердце, а то и укол в сердце. Смотришь, открылись глаза, появилась речь. А так мы только болтаем. Вот, например, если я дам тебе книгу... Сумеешь ты передать ее послезавтра одному из самых надежных и самых живых, на твой взгляд, людей? Это уже будет дело. Звено к звену. Продумать систему. Каждый знает двоих-троих. Есть же, не перевелись же, черт возьми, русские люди. Или думаешь, одни только мы с тобой остались? – Я думаю, что людей много даже и зрячих, вполне живых, но все разобщены и запуганы. В кружке из четырех-пяти человек ни один не будет разговаривать откровенно, разве что по пьянке. – Ну так как? Сможешь послезавтра передать книгу одному из своих друзей? Можешь воспринимать это как задание. А чтобы оно было действительно заданием - обязательно послезавтра. Где-то боковой искрой мелькнуло, что есть в нашем государстве, есть разница между тем, чтобы прочитать книгу самому, и тем, чтобы дать ее почитать товарищу. Одно дело держать такую книгу у себя, а другое дело ее распространять. И что не напрасно Кирилл настаивает, чтобы я непременно передал кому-нибудь его книгу. Это уж - приобщить, сделать участником, отрезать пути. А что же мне их не отрезать? Разве мне, все понявшему и увидевшему все в истинном свете, мне, у которого каждый час и каждую минуту сердце обливается кровью при мысли о России, мне, который, по моим же словам, если бы сказали сейчас - прыгай с колокольни Ивана

Великого, и в момент шлепка тела о землю все вспыхнет, воскреснет, воскреснет или оживет, я и секунды не колебался бы, а бросился бы, раскинув руки... Что же мне бояться отрезания путей? Да есть ли для меня теперь другой путь, кроме одного, если даже он ведет к неизбежной гибели? - Хорошо. Завтра ты дашь мне книгу, а послезавтра я передам ее другому человеку, но своему выбору. - Кровь и ненависть, кровь и пламя!

Через день, в десять часов утра, когда я только что собрался позвонить одному человеку, чтобы условиться с ним о встрече, у меня самого зазвонил телефон. Я снял трубку и услышал голос отца Алексея из Троице-Сергиевой лавры. Я несколько удивился этому звонку, потому что слышал, будто между отцом Алексеем и Кириллом пробежала какая-то кошка. О чем-то они спорили, на чем-то не ладили, в чем-то разошлись. Я жалел об этом, думая, что холодок их отношений падет на меня, а было бы жалко. Я полюбил бывать в лавре в гостях у отца Алексея в той особенной атмосфере, которая хоть и создана теперь искусственно, вроде как в оранжерее, да все-таки напоминает атмосферу России. На чем они могли охладиться? По репликам, по интонациям Кирилла я понял, что РПЦ злила его своей лояльностью, ее пугал экстремизм Кирилла. Она искала тихой мирной жизни, в то время как Кирилл требовал энергичных и практических действий. А у тех ведь еще и саны, и должности. Скажем, ученый секретарь академии. Достигнуто, и жалко терять. Отсюда соглашательство, прислужничество. "Они тоже *на пиене*, - клеймил Кирилл, *тоже клюют с ладони*". По крайней мере, так все это выглядело в интерпретации самого Кирилла. И вот отец Алексей позвонил сам. Я тотчас увидел в этом промысел: как же! Перед таким решительным шагом, который я собирался сделать сегодня, хорошее ли это, плохое ли предзнаменование, но совпадение - вот оно! Помнится, я обрадовался этому совпадению. - Как живете, Владимир Алексеевич? - Вашими молитвами. - Молимся, молимся о вас. Постоянно молимся о вас. Давненько не виделись, а есть потребность. - Так что же, мне приехать в Загорск? - Приехать, но не в Загорск. Я сегодня нахожусь в Переделкинской резиденции патриарха. Это и ближе. Если можете, жду вас к обеду. Приезжайте в час дня. Я был убежден, что отец Алексей хочет помириться с Кириллом, и надеялся, что я по мере сил посодействую этому. Что ж, мирить хороших людей - благое дело. Я ехал в Переделкино с легким сердцем, радостно возбужденным, и всякое море казалось мне по колено. А книгу я сегодня отдам. Пришел и мой черед выходить на линию огня. Что ж, "Я не первый воин, не последний". За рулем отлично читаются стихи, и я твердил два стихотворения, пришедшие к случаю, так что каждая строка, каждая интонация отвечали полностью моему настроению, состоянию моего духа, моей судьбе. И не только отвечали - сливались всеми точками, совпадали. *Мы, сам-друг, над степью в полночь встали, Не вернуться, не взглянуть назад. За Непрядвой лебеди кричали, И опять, опять они кричат...* <...>

"И вечный бой, покой нам только снится". Миллионы погублены, расстреляны, брошены в грязные ямы, замучены, порабощены, растлены. Но я оказался жив. Мы оказались живы. И вот - опять, опять... За Непрядвой лебеди кричали, И опять, опять они кричат. *По пути горючий белый камень.*

За рекой поганая орда. Светлый стяг над нашими полками Не възграет больше никогда. Над нашими полками... Светлый стяг... Где русские полки и где светлые стяги? "Все расхищено, предано, продано". Но... К земле склоняясь головою. Говорит мне друг: "Остри свой меч, Чтоб недаром биться с татарвою, За святое дело мертвым лечь!" <...> Я не первый воин, не последний, Долго будет Родина больна. Помяни ж за раннюю обедней . Мила друга, светлая жена! Тут спазм перехватил мне горло, но это был не спазм горя, не печали, но спазм боевого восторга, точно и впрямь сейчас опять развернется надо мною светлое знамя и я в составе головного полка вырву из ножен обоюдоострый тяжелый меч. Опять над полем Куликовым Взошла и расточилась мгла, И словно облаком суровым Грядущий день заволокла. Не просто суровым облаком, а тяжелым, беспросветным мраком, растянувшимся на долгие десятилетия унылого рабского существования, влечения судьбы, покорности и постепенного угасания. За тишиною непробудной, За расстилающейся мглой Не слышно грома битвы чудной, Не видно молнии боевой... Тихо-то тихо, темно-то темно. Но есть еще живые люди, есть еще живые сердца, бьется еще пульс России. <...> Может быть, безнадежным окажется пробудить ее от сна, а тем более воскресить ее силы. Но. Но. Но... Но узнаю тебя, начало Высоких и мятежных дней! Над вражьим станом, как бывало. И плеск и трубы лебедей. Не может сердце жить покоем, Недаром тучи собрались. Доспех тяжел, как перед боем. Теперь твой час настал. Молись! Настал и мой час. Настала моя пора выходить на линию огня. Я погибну, конечно, но погибну за Россию, погибну как русский. Это будет прекрасно. Я не первый воин, не последний. Долго будет Родина больна... И можно было не повторять уж последующих, завершающих строк, они и так звучали, пели, ликовали во мне. Может быть, я и не повторял их вслух, но все это во мне и вокруг меня, и этот послушный руль, и эта скорость, и этот поворот дороги, после которого вспыхнула вдруг на горе златоглавая патриаршья церковка, все во мне и вокруг меня были одни эти строки, одна эта пронзительная и омывающая радость, и все грядущие муки, и саму грядущую насильственную смерть превращала в радость эта нота: <...> И когда наутро тучей черной Двинулась орда, Был в щите твой лик нерукотворный Светел навсегда! Бывшее, шестнадцатого еще века, подмосковное имение бояр Колычевых чудесным образом уцелело и сохранилось. И главное не было передано под какую-нибудь МТС, а было отдано патриархии как подмосковная резиденция патриарха всея Руси, вроде загородного дома или дачи. Образовался еще один крохотный оазис, обнесенный не очень высокой, всегда свежепобеленной стеной. Въездные ворота в имение парадные, с витиеватыми башенками, за ними уж там, на самой территории, терем-теремок. Обелиск перед ним с именами всех бояр Колычевых, маленькое кладбище с несколькими крестами, служебные постройки - кухня, квасная, погреб и прочее. Сад на всей территории, пруд среди сада, заросший кувшинками. А церковь так стоит, что есть в нее вход с улицы для всех прихожан, но есть и с территории - через узкую боковую дверь. Но, конечно, в тереме у патриарха своя домовая церковь, где никогда не гаснут лампы мерцанием золоченых окладов перед ликами древнего

письма. Если идти со стороны станции вечером, то поверх ворот виден верхний этаж терема, и тогда поймешь, что за стрельчатыми окошками в глубине дома мерцают тихие негасимые лампы. После обеда мы пошли прогуляться по саду и, отойдя подальше от дома, от людей, от милиционера, который всегда дежурит на территории, сели на лавочку перед прудом.

Я почувствовал, что отец Алексей сейчас заговорит о важном, зачем и позвал меня, но все же я не мог предчувствовать, каким обухом по голове припасено меня оглушить. - Вот, Владимир .Алексеевич, я возьму быка за рога. Мы, конечно, не государство в государстве, и у нас своей разведки нет, но хорошие люди есть всюду. Хорошие люди уверяют нас, что Кирилл Буренин со всех сторон окружен чекистами и провокаторами... Я не хочу сказать (а это пришлось бы доказывать), что он сам... этого, может быть, и нет... Но он "под колпаком", и следовательно, каждый, кто оказывается рядом с ним... Ну вот, а вас нам жалко. Вы - писатель. Вы - нужны. Поэтому мы после долгих колебаний и решили вас предупредить, чтобы не допустить вашей гибели. Если еще не поздно.»

Осталось сказать немного. Как читатель давно уже знает, в образе Кирилла Буренина изображен знаменитый художник Илья Глазунов, вскоре ставший ректором Московской Художественной академии, портретист, запечатлевший для потомков высших государственных лиц многих стран мира, артистов и художников, писателей и политических деятелей, **"художник королей и король художников"**, от Индиры Ганди до Шарля де Голля, от Кастро до Леонида Брежнева, под венец с которым готова была пойти Джина Лоллобриджида, а московские красавицы даже не требовали венца...

Духовное пробуждение и даже **преображение** личности, то преобразование, в результате которого выдающийся писатель стал одним из светочей Русского самосознания, несомненно совершилось под влиянием Ильи Глазунова. Их встреча и знакомство, их дружба и их трагический разрыв – все было задумано на небесах. Так часто бывает, что для пробуждения творческому человеку ниспосылаются страдания, без них оболочка души оказывается слишком твердой, сокровенное знание не проникает внутрь, как лопата не пробивает слишком твердую почву и семя не способно ее оплодотворить. Солоухину предназначена была великая миссия по пробуждению Русского народа, он должен был подготовить почву России к посеву, поэтому исходил Владимирскую землю пешком, собирал и реставрировал иконы, бродил по залам Русского музея – и лучшего учителя, чем Глазунов, было трудно найти. Наконец, высшие силы потребовали от него взамен на Пробуждение Жизнь. И он ни минуты не колебался, и в «Последней ступени» писал: *«ты хотел, чтобы небеса ударили в тебя, они и ударили. Но более того, они дают тебе дополнительный срок жизни. Зачем? тебе дан дополнительный срок, чтобы ты написал свою главную книгу!»*

К 1976 году книга была готова. Рязанская поэтесса Нина Краснова (она же и профессиональная машинистка) сказала мне *"Все твои повести, это как деревья с ее домами, деревьями, колодцами, амбарами и прудами, а эта рукопись как церковь, венчающая деревенский пейзаж."*

Бой часов на Спасской башне Кремля

Самое начало жизни, которое я хорошо помню, было иногда невыносимо трудным, то голод, то болезнь, то предательство, то нескладная жизнь моей матери, то ранняя смерть бабушки, то трудный *путь восхождения* в школе...

Я часто украдкой плакал – не столько о себе, сколько о других, пока не утешился двумя великими иллюзиями: **чтением книг и ранними очарованиями.**

Теперь оглядываюсь: слезы забылись, а помнятся книги и встречи и очарования – и какое же у меня счастливое детство и столь же счастливое отрочество! Ну а юность? О ней я рассказывал не однажды, но даже кто не читал, должен мне поверить на слово, что она была исполнена очарований еще более.

Пробудился я рано. Можно ли меня называть сеятелем свободы, не уверен, но сеять ее я вышел тоже рано, тоже *до зари*, как и Пушкин, но он по крайней мере сумел написать множество прекрасных стихотворений, мои же семена просто не взошли – и всё. Но рядом со мною сеяли и другие, и в их великолепной когорте я был младшим и обо мне они заботились больше всех, при этом они все были зрячими, да и эпоха свалилась на плечи моего поколения как богатая невеста страждущему жениху. Практически все говорили всё что хотели, книги были свежи и талантливы, как утренние цветы на заре, с 56 года и у советских писателей появилось что прочитать, появились романы, стали доступны дореволюционные издания, на граммофоне можно было слушать и Шаляпина и Дмитрия Смирнова и Собинова и Плевицкую и Варю Панину и Тамару Церетели и Изабеллу Юрьеву, а кроме того БДТ, и Мариинка, Малый и Большой залы филармонии... И нигде ни в малой ни в большой окрестности столичных городов невозможно было найти ни одного сталиниста.

Коммунизм продолжали строить, природу уничтожали так же безжалостно, ветшали или взрывались дворцы и храмы, то из-за того, что мешали, то просто так – **раздражала красота**, мешала посмотреть на себя в зеркало – но если бы родился новый Павел Васильев, уже не стали бы ломать ему позвоночник и выносить умирающего во двор для расстрела. А защитники Сталина, неизвестно, из каких семян проросшие (в моем поколении таких семян не было, и в предыдущем, обожженном **«Войной и войной с народом»**, тоже не было, за тридцать пять лет, с 56 года по двухтысячный, я не встретил ни одного!) пусть вспомнят, что если на одесском рейде *десять тысяч русских офицеров расставлены под водою с привязанными к ногам каменными глыбами, некой Землячкой, выкормленной Лениным, то ведь будущие поколения красных комиссаров, раскулачивших уже не офицеров, а миллионы русских крестьян, и отправивших их в Вологду (смотри Тендрякова) и на Лену на голодную смерть, выкормлены уже Сталиным!* Не спаситель России Сталин от красной заразы, не менее он втоптал, чем Ленин, в землю русских людей своими коваными сапогами, сколько бы ни произносил он обращений к *братьям и сестрам*, когда трон его начинал шататься.

Выписываю из романа Солоухина «Чаша»:

РЕКВИЕМ (Андрей Вознесенский)

Возложите на море венки.
Есть такой человеческий обычай –
В память воинов, в море погибших,
Возлагают на море венки.

Здесь, ныряя, нашли рыбаки
Десять тысяч стоящих скелетов.
Ни имен, ни причин не поведав,
Запрокинувши головы к свету,
Они тянутся к нам, глубоки.
Возложите на море венки.

.....

Солоухин «Чаша»: «Я нарочно спрашивал у нескольких человек: о чем туг речь, о каком времени? Мне отвечали:

– Наверное, сталинские репрессии. Или, может быть, фашисты во время войны, уходя из Крыма, утопили пленных либо евреев.

Нет, это не пленные и не евреи.

Это русские солдаты и офицеры, а утопили их не фашисты (то есть фашисты, конечно, но только не немецкие). Утопили их Землячка и Бела Кун. А между тем мемориальная доска этому фашисту Бела Куну до сих пор висит в самом центре Москвы, возле старинной Кутафьей башни Московского Кремля, в самом начале Воздвиженки, то бишь Калининского проспекта.»

Но какой из Сталина спаситель, от чего Россию спас Сталин? От Гитлера, своего ближайшего друга и соратника, с которым не поделил мир (а собирались поделить, и тайный договор подписали, но вдруг Гитлеру показалось, что он этот мир сумеет заглотить в одиночку)?

И если нам победа обошлась, по последним подсчетам, в **пятьдесят миллионов** погибших и умерших и нерожденных – воистину **Пиррова победа!** – (а немцев, и военных и не военных, погибло **десять миллионов**) – то неужели без Сталина мы потеряли бы еще больше? Мы настолько идиоты, что только гений Сталина позволил нам ограничиться **всего** 50-ю миллионами? Хотя, правда, так ошеломляют меня эти сталинисты своей тупоумной любовью – если только они в действительности не являются **кроважадными ненавистниками русских людей?** – что иногда я думаю: а, может быть, если на этих посмотреть, **мы и вправду именно ТАКИЕ идиоты?!!!**

Читаю эту громадную, как океан, солоухинскую «Чашу», уже и слезы иссякают, не вечно же плакать, Пора наконец закончить задуманный как краткий Очерк о творчестве двух выдающихся, знаменитых во времена моей юности, писателя и художника... но я никак не пишу о том, как сам отношусь к России и русскому народу, не только что люблю ли я их, но хотя бы сочувствую ли? **Но что такое ныне Россия и русские? Есть ли они? Где они?** Это вы **русские**, которые ни книг не читают, ни одного имени выдающихся русских не назовете, кроме (якобы русских) Сталина и Жукова?

Нет, не удержусь, еще отрывок из этой бездонной **Чашы слез и страданий:**

Но вот в Петрограде велено (приказ Зиновьева) всем бывшим офицерам русской армии зарегистрироваться на предмет их учета, выдачи хлебных карточек и трудоустройства. Все русские наивные люди, верившие еще в правила игры, зарегистрировались. Все они по этим регистрационным спискам были схвачены и расстреляны. А если бы некоторые из них, вместо того, чтобы регистрироваться, успели исчезнуть и потом оказались в Париже, – разве можно было бы их за это осуждать?

...Кстати, уместно именно тут воспротивиться слову “расстреляны”. Про большинство перечисленных мною людей, начиная с Гумилева и кончая поэтами есенинской плеяды, говорят, что их расстреляли. Однако слово “расстрел” содержит в себе некое законное и поэтому ритуальное действо, даже если эта казнь не публичная, а скрытая и ночная. “*Не бил барабан перед смутным полком*”. Да, плохое утешение, но выводили на казнь, на расстрел, под дробь барабанов, и выстраивалась шеренга стреляющих, и казнимому завязывали глаза (многие отказывались от этой ритуальной детали), и раздавалась команда... Я уж не говорю о том, что к приговоренному присылали перед казнью священника... Поэтому я всегда в глубине души возмущался, когда говорили, что Гумилев расстрелян. Да даже... хоть они и сами палачи, ну... там... Тухачевский и Якир, расстреляны. Небрежность в обращении с русским языком. Они вовсе не расстреляны, а просто **застрелены**. В затылок. Застрелены, вот именно, как “бешеные собаки”. Ну этим-то двоим – поделом. **А Гумилев?... Офицер, рыцарь, дважды Георгиевский кавалер...** Осторожнее с русским языком!

...Когда заходит речь об эмиграции, вспоминают чаще всего несколько известных имен: Шалапин, Бунин, Куприн, Рахманинов... Но имен было больше, мало того, **их трудно исчерпать**, если даже иметь в виду самые общеизвестные. Но все же повспоминаем. Итак: Шалапин, Бунин, Куприн, Рахманинов, Репин, Рерих, Тенишева, Цветаева, Вертинский, Ходасевич, Стравинский, Алехин, Анна Павлова, Сергей Лифарь, Набоков, Бердяев, С. Булгаков, Г. В. Вернадский, Лосский, Франк, Рябушинский, Сикорский, Александра Львовна Толстая, Мережковский, Мозжухин, Иван Шмелев, Борис Зайцев, Александр, Альберт и Николай Бенуа, А. П. Столыпин (сын), Дягилев, Евг. Замятин, Арк. Аверченко, Саша Черный, Игорь Северянин, З. Гиппиус, Бальмонт, Вяч. Иванов, Георгий Иванов, Конст. Сомов, Коровин, Ремизов, Н.А. Тэффи, М. Алданов, М. Осоргин, Г. Струве, С.К. Маковский, Иван Билибин, М. Добужинский, З. Серебрякова, Н. Гончарова, Ю. Анненков, И. Пуни, Г. Мусатов, А. Шерванидзе, Трубецкой, Л. Бакст, В. Кандинский, А. Глазунов, С. Прокофьев, А. Гречанинов, Ник. Евреинов...

Это, конечно, верхний слой эмиграции, но рядом с ним десятки и сотни профессоров, музыкантов, певцов и артистов, писателей и поэтов, художников, журналистов, социологов, богословов, философов... Какую область деятельности за рубежом в те времена ни возьми, всюду мы найдем крупных русских ученых, плодотворно работавших в науке и развивавших ее. В Пастеровском институте... В астрономических обсерваториях... В области аэродинамики и самолетостроения ...

Геолог Николай Николаевич Меншиков открыл в Сахаре хранилище подземных вод; в почвоведении прославились ученики Докучаева ...

Было, было: миллион русских эмигрантов в Париже. Мил-ли-он! Была русская консерватория имени Рахманинова, русские гимназии, Союз писателей, возглавляемый Борисом Зайцевым, ...были библиотеки, книжные магазины, федерация русских инженеров, Общекадетское объединение, Общество охранения культурных ценностей, выходили *полторы тысячи газет и журналов, было издано около десяти тысяч книг...*

Все бурлило, кипело, объединялось в кружки и даже в политические партии (**младороссов**), “течения” и “движения” (**РСХД**), все молилось, училось в гимназиях, отмечало церковные ...праздники... Давал концерты, гастролируя по всему миру, **Рахманинов**, пел **Шаляпин**, пел **Вертинский**, танцевала **Анна Павлова**, побеждал на турнирах **Алексин**, писала стихи **Цветаева**, получил Нобелевскую премию **Бунин**, угасал **Куприн**, становился крупным поэтом и писателем **Набоков**, пел **Николай Гедда**, гремел казачий хор **Жарова**, пели церковные хоры **Спасского**, Евгения Ивановича **Евца**, рокотал протодаконовский бас **Паторжинского**, пылали свечи в храме **Сергиева подворья** и в тридцати других русских церквях Парижа...

“**Русские создали свой столичный город**, который только по необходимости соприкасался с жизнью всего Парижа. Они ходили в свои тридцать церквей и после служб встречались между собою”... шумели, спорили, бурлили.. но если сказать одним словом, что делала вся эмиграция и в Париже, и в Праге, и в Берлине, и в Харбине, и в Югославии, и в Болгарии, и в других странах и городах, то ... – **страдала**.”

В Константинополе у турка	И дрогнули воспоминанья,
Валялся пыльный и загажен	И замер шаг, и взор мой влажен.
План города Санкт-Петербурга,	В моей тоске, как и на плане,
В квадратном дюйме – триста сажен.	В квадратном дюйме – триста сажен.

Многие ныне здесь клянутся в любви к России и к русскому народу – но какую Россию они любят? И любят ли? Если уже предали Россию русскую?

И стихотворение ВИ.

Занозю мне в сердце Россия,
вожди её и морозы...
Проси, мол, и отверзнется? Проси?.. Я
Не смею попросить через слёзы.

И в шутку попросить не посмею
У сильных, высокомерных и грубых...
Пред смертью – да и то – онемею...
Лишь, может быть, *задрожат мои губы...*

*Просители – это нищие. Мы же –
Поэты – небожители всё же.*

Пусть кости мои ветер облизет,
Заставить... даже смерть... нет, не сможет!

МЕТАИСТОРИЯ

Часто говорят, что *мы родом из детства* – и это тоже справедливо, потому что хотя в том числе каждый из нас происходит из самого себя и из своего настоящего, то есть завтрашний день из сегодняшнего, но и **происхождение** и *наше прошлое* участвуют в формировании нашего бытия, это верно. Но не только детство, часто отрочество и юность формируют нас в еще большей степени, чем детство.

Не будет неправдой, если я скажу, мое современное Я построено в значительной степени в годы отрочества и юности, **от 16 лет до 28-ми**, то есть с 1958 по март 1970 года, когда меня арестовали. Я развивался медленно и **к 28 годам только успел стать собою**, но ничего не создал. Потом еще 20 лет я продолжал укрепляться в почве, и все еще ничего не создавал, в начале 90-х годов создал издательство и начал издавать книги, в 60 лет, в 2002 году, только издал первую, «Боль и любовь». И с тех пор, уже 23 года, за год печатаю (тиражом 8 экземпляров) по одной книге.

Вот в настоящее время, **12 декабря 2023 года**, дописываю последние страницы книги, которую я назвал «Свидетель», она преимущественно составлена из отрывков и цитат людей, с которыми я дружил, или которыми восхищался, или из воспоминаний о них, рассказов о них.

Всё это совершенно не рядовые люди, некоторые даже всемирно известны, как Солженицын, Шафаревич, Шумовский, Солоухин и Глазунов.

Солоухина я с страстью читал, он в значительной степени меня создал – но я с ним не встречался и не разговаривал (как и с его женой). У Солженицына был в гостях один раз, как и у Валентина Иванова, а с Дудинцевым не был знаком, только о нем много разговаривал, и мой товарищ Ш---ий отвозил в Москву Дудинцеву письмо и книги генетика Полянского из Ленинграда. К академику Рыбакову я заходил по вечерам целую зиму в конце 90-х, и мы с ним распивали бутылку шампанского, но я не вел дневника и не записывал наши разговоры (да и когда вел дневник, много ли я записывал?) – так что эта книга – это не Мемуары, а Роман, посвященный одной избранной теме: **Русская антифеодалная Революция, война красных против белых** ("крестьян-славян" против "помещиков-варягов"), участие крестьян в уничтожении «варяжского народа», **Разгром России** и завоевание всего, что осталось, в том числе славянских крестьян, евреями и инородцами (и завоевание наконец и растворение и инородцев и евреев в «новой исторической общности» – **советском народе**, основанием которого является не РОД, а новая Псевдорелигия, ибо нет огня ни еллина ни иудея, а все и во всем Хри... ах, нет! – Маркс и Ленин!!!), то есть создание и упрочение интер-национального государства СССР. Демографический коллапс обще-русского народа (включая в него и славян и полукровок и всех условно русских, то есть всех тех, у кого русский язык родной и кто принимает русскую принадлежность в силу народнического инстинкта (точно так же как большинство людей осознают себя мужчинами и женщинами в силу природного инстинкта).

"И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по Подобию Нашему..." **«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою».**

Итак, то, что человек видит и ощущает и узнаёт и осознаёт себя как **мужчину и женщину**, а затем ощущает и узнаёт себя как **принадлежащего к определенному народу**, является результатом **инстинкта и сознания**, а также **предпочтения и выбора**, и таких инстинктов два: **природный** (половой) и культурно-исторический (**народнический**). Но не действуют инстинкты и не действует сознание как слепая predetermined и определенная сила, то есть безошибочно, а посему мы становимся и мужчиной и женщиной и русскими и евреями и инородцами точно так же либо легко и безболезненно либо трудно и драматически, как мы совершаем поступки, радуемся или претерпеваем... Если бы мы соединялись в браке по выбору родителей или специальных наставников (как предлагал Платон в своей социалистической системе государства или как предлагало на протяжении почти двух тысячелетий христианство, то, возможно, меньше было бы ошибок, но не было бы **свободы и любви**

Что такое **грехопадение**? Я думал, что его не было, но я ошибался. Акт грехопадения состоял в том, что человек (Адам и Ева) под влиянием Змия (Люцифера), то есть народовольца, избрали свободу вместо predeterminedности и необходимости. Если бы человек изготавливался как деталь в производстве, как копия в автоматическом производстве, то можно было бы ошибки и отклонения от идеального образца или исключить или хотя бы минимизировать, и меньше было бы у новорожденных генетических отклонений от идеала. Точно так же и сознание можно копировать и размножать как программу в компьютере, что и будет в конце концов нам навязано при переходе от человека к искусственному разуму.

Мы будем меньше болеть, меньше ошибаться при решении математических задач, мы будем похожи друг на друга, мы перейдем к почти идеальным стандартизированным изделиям и даже станем вечными, но мы перестанем быть людьми.

Я не думаю, что в Ветхом и в Новом Завете пропагандировалась идея Послушания Богу, которая предполагала отказ от свободы, что именно избрание свободы Бог назвал грехопадением.

Адам и Ева избрали свободу и любовь и «порочное» размножение – сторонники догматических систем религии вместо свободы предлагают послушание, то есть **рабство**: детей у родителей а рабов у рабовладельцев.

Есть в Ветхом завете и **Миф о чечевичной похлебке вместо прав первородства**: послушание (родителям, помещикам, партии и ее вождям – и даже якобы послушание народу, который сам возведен в бесправную массу рабов).

Свобода выбора национальности тоже кажется странной, в большинстве случаев мы рождаемся у родителей одной национальности, но сегодня это уже не факт, да и вчера. В 1970 году, когда еврей Андропов посадил меня за русский национализм, за то, что **я - русский** (хотя я и тогда евреев не называл *жидами*, я был слишком культурен и тогда и теперь), Эдуард Кузнецов сидел в той же тюрьме с поделниками за то, что он был евреем, и чтобы уехать на «историческую родину» (а ехать туда евреям было запрещено) он решил захватить самолет. Их всех схватили и посадили, Эдуарда сначала приговорили к расстрелу, потом дали 20 лет, он отсидел восемь.

Но я таки стал евреем... Слушаю романсы на стихи Мандельштама и Блока, поет **жена Кузнецова Лариса Герштейн** и реву как над Есениным...

Слышал в тюрьме, что он сначала был русским националистом, отсидел 7 лет как диссидент, мама у него была русская, когда он вернулся, на какой-то его *антисемитский* пассаж она ему и говорит: «Дурачок ты, дурачок! Папа то у тебя еврей!» Хотя у евреев национальность считается по матери, он тут же решил перейти в еврей...

Отрывок из книги Эдуарда Кузнецова:

*Он заявил буквально следующее: «Русский народ никогда не сдавался врагу! И никаких объяснений ему не нужно». Я было заикнулся о миллионной власовской армии, где это, дескать видано, чтобы на сторону врага перешел целый миллион? – но он велел мне прекратить «эти враждебные выпады». Участвовать в таком споре – кретинизм. Мне не хватает юмора, и я всегда кляну себя за раздражительность, серьезную горячность, с какой бросаюсь навстречу идиотам. И... и никак не могу приучить себя к пренебрежительной мине. Вот и сейчас со злорадным удовольствием выпишу из Карамзина описание похода Эдигея на Москву: «Не было ни малейшего сопротивления. Россияне казались стадом овец, терзаемых хищными волками. Граждане, земледельцы падали ниц перед варварами: ждали решения судьбы своей, и моголы отсекали им головы, или расстреливали их в забаву... Пленников... иногда один татарин гнал перед собою человек сорок». Ах, **избегайте, тов. Круглов, прямолинейных суждений о чужих народах, которые всегда веда хуже вашего уж тем одним, что чужие!** История российская поражает отсутствием даже намека на уважение к личности как таковой – ни за что, за то только, что личность. Человек лишь унавоживает ниву государства. Бояре в Думе друг друга за бороды таскивали и в морду плевали – не за велик стыд почиталось. Русская дуэль – это донос.*

А вот Карамзин выступает на нашем суде: «Бегство – не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя...*» Любопытно бы заняться историями всех русских беглецов – вплоть до пореволюционной эмиграции. Уверен в выводе, что это, как правило, люди не только незаурядные, но и предельно свободолобивые. *Вот еще очень русская сценка из Карамзина (столь же русская, как хороводы вокруг князя – «Князь ты наш, солнышко!») – а завтра его на сосну... ради хороводов другого князя): Иоанн IV отказался от царства, «столица пришла в ужас: безначалие казалось всем еще страшнее тиранства. „Государь нас оставил! – вопил народ. – Мы гибнем!... Как могут быть овцы без пастыря?»*» Опричнину можно рассматривать как своеобразный рыцарский орден – единственное русское рыцарство. *Что-то меня сегодня разбирает обличать моих предков с материнской стороны. Находит иногда – видимо, отрыжка после великодержавного самогона, которым поили с пленок. И еще. Из письма Курбского Иоанну IV: «ниже затворил еси Царство Русское, сиречь свободно естество человеческое, аки во адове твердыни, и кто бы из земли твоей поехал до чужих земель, называешь того изменником и казнишь смертию...»* Разве не всё, что было благородного в истории и не пресмыкалось перед властью, сегодня шельмуется как вредный либерализм?!

Потом в тюремном сумасшедшем доме (после тюрьмы) я встретился с Виктором Файнбергом, и он *«разрешил мне быть антисемитом»*. Но кто же я в конце концов – антисемит или русофоб? И что является причиной моих подчас стремительно меняющихся взглядов? То, что не могу я оставаться бесстрастным, когда сталкиваюсь с жестокостью, тупостью, злобой, мракобесием и низостью – в частных случаях это как правило русские, от имени победившей диктатуры – чаще евреи, как будто они, наконец, дорвались до мечтаемой власти (Землячка, Бела Кун, Зиновьев, Троцкий, Ленин!) Но и от имени государства зверствовали не одни евреи, и Тухачевский потопил в крови Тамбовское восстание крестьян под командованием Антонова,

В конце 1917 г. создатель «батальонов смерти» левый эсер Михаил Муравьев был назначен командующим советскими частями, наступавшими на главном направлении кампании Полтава-Киев. 26–31 января 1918 года, после занятия Киева большевистскими ордами во главе с Муравьевым, город захлестнула волна террора. Начались массовые убийства студентов, кадетов, "буржуазии", интеллигенции, и просто попавшихся под руку мирных граждан. Около 2 тыс. офицеров, явившихся для "проверки документов" были изрублены шашками.

Общее число жертв превысило 5 тыс. человек (в т.ч. – до 3 тыс. бывших офицеров и воспитанников Киевского Владимирского кадетского корпуса). Убийства сопровождались повальным грабежом в домах «буржуев».

Расстрелы производились в Мариинском парке, в лесу под Дарницей, у стен Михайловского монастыря и прочих местах. Большинство расстрелов производилось на площади перед дворцом, где помещался штаб Муравьева. Тела многих убитых оставались лежать там по нескольку дней. Со слов свидетелей, картина представлялась ужасной. Разбросанные на площади и по дорожкам парка раздетые тела, между которыми бродили голодные собаки; всюду кровь, пропитавшая, конечно, и снег...

Не с теми я, кто бросил землю!! [А с кем? - ВИ]

Анна Ахматова

Красный террор в Крыму (в сокращении)

Автор – Прихожанка

Советская власть, установленная в Крыму после ухода врангелевских войск, ознаменовала своё закрепление одной из **самых страшных трагедий** современности: было истреблено огромное количество бывших военнослужащих Белой армии, не покинувших Родину, и просто мирного населения.

Это была **война новой власти с русским народом**.

Врангелю удалось эвакуировать с полуострова **145 000 человека** (из них **около 5000 раненых и больных**). Из страны было вывезено: до **15 тысяч казаков**, **12 тыс. офицеров**, **4-5 тыс. солдат регулярных частей**, **более 30 тыс. офицеров и чиновников тыловых частей**, **10 тысяч юнкеров** и **более 100 тысяч гражданских лиц**.

15 ноября в Севастополь вошли части 51-й стрелковой дивизии под командованием **В.К. Блюхера** и 1-й Конной армии **С.М. Будённого**.

Сразу же после победы, большевики развернули **активное истребление** тех, кто, по их мнению, являлся «врагами власти трудящихся» и уже лишь поэтому не заслуживал жизни. Десятками и сотнями красноармейцы 2-й Конной армии доблестного командарма **Миронова** рубили больных и раненных шашками в захваченных лазаретах. В ночь с 16 на 17 ноября на феодосийском железнодорожном вокзале города по приказу комиссара 9-й дивизии **Моисея Лисовского** было расстреляно около сотни раненых офицеров Виленского полка, не успевших эвакуироваться.

Расстреливали больше всего в Севастополе. **Расстреливали** людей всех сословий, не только офицеров и солдат, но и врачей, **медсестёр**, инженеров, учителей, профессоров, крестьян, священников, женщин, стариков и **даже детей**. Расстреляли около шестисот своих же портовых рабочих за участие в погрузке судов Врангелевской армии.

Вешали везде: на фонарях, столбах, на деревьях и даже на памятниках. Если жертвой оказывался офицер, то его обязательно вешали в форме при погонах. Невоенных вешали полураздетыми. В Севастополе и в Ялте выносили раненых и больных из лазаретов и тут же расстреливали.

За первую зиму было **расстреляно 96 тысяч** человек из **800 тысяч** населения Крыма. Бойня шла месяцами. За неделю только в Севастополе **Бела Кун** расстрелял более 8000 человек, а такие расстрелы шли по всему Крыму, пулемёты работали день и ночь. **Розалия Землячка** хозяйничала в Крыму так, что Чёрное море покраснело от крови. Благополучно пережив сталинские репрессии, она умрёт своей смертью в 1947 году. Другой главарь массовых казней, **Бела Кун**, в 1939 году сам станет жертвой террора.

Иван Шмелёв констатировал: «Такого массового уничтожения людей Россия не знала до тех пор за всю свою историю... **«Расстрелять, расстрелять, расстрелять...»** – повторяла она беспрерывно, получая удовлетворение давно накопившейся страсти к убийствам (**«расстреляние, расстреляние, расстреляние...»**) - повторял беспрерывно Ленин в своих статьях. ПСС сочинений в 55 томах.) «Железный Феликс» называл эти чудовищные зверства **«эксцессами»** и **«досадными перегибами»**.

По официальным советским данным, в 1920-1921 годах в Симферополе было расстреляно около **20 тысяч человек**, в Севастополе – около **12 тысяч**, Феодосии – около **8 тысяч**, в Керчи – около **8 тысяч**, в Ялте – **4–5 тысяч**, всего в Крыму – до **52 тысяч** человек. По оценкам Максимилиана Волошина, **террор 1920-1921 годов пережил только один из трёх крымских интеллигентов**.

Историк С.В. Волков привёл такие расчёты: при Русской армии Врангеля насчитывалось до **300 000** военнослужащих и служащих по гражданским ведомствам, было эвакуировано до **70 000** военнослужащих и служащих.

Свидетели происшедшего указывали цифры казнённых в **120 000** или **даже в 150 000 человек**.

Вслед за террором в Крым пришёл **голод**. Голод в Крыму продолжался с осени 1921 года, то затихая, то вспыхивая с новой силой, до весны 1923 года. За это время в Крыму от голода умерло около **100 000** человек, или 15% от общего крымского населения 1921 года.

Мои современники и соплеменники не успели и не смогли стать свидетелями и соучастниками **массового истребления Русского народа** (хотя, впрочем, пострадали не только русские, на фронтах Гражданской войны погибали и красные и зеленые). За что же желчь и негодование изливаю я и на них? Они ведь и в Отечественной войне не успели участвовать по малолетству, тем, кто родился после 1930 года, даже в самом конце войны исполнилось только 15 лет и сегодня даже и им уже 94 года и больше – но кто же тогда пишет на своих мерседесах, угрожая европейским обывателям: **МОЖЕМ ПОВТОРИТЬ!**? Что они собираются повторить и как?

Из тех, кто хотя бы в детстве испытал тяготы войны, голод и болезни, кто плакал по своим погибшим отцам и старшим братьям, никто не смог бы так написать. Но свидетельствую, что многие мои современники в дни торжеств и празднеств, пригубив *полковые сто грамм*, часто говорят с придыханием и слезой: **Ах, как хорошо было при советской власти!** (в коммунальных квартирах или в очереди за хлебом?) Или: **Как жаль, что Сталин Пятую колонну не всю расстрелял!** (наверное, речь идет обо мне, я точно из этой колонны – хотя в колоннах ходить никогда не любил, в них любили ходить мои товарищи комсомольцы и пламенные пионеры (хотя, впрочем и я побывал в пионерах). Сталин меня не успел расстрелять, потому что когда он умер, мне только исполнилось **11 лет**. И антисталинские взгляды и ненависть к террору у меня еще не успели сформироваться. Но зато уже в наше время, когда мы праздновали запуск ракеты в Космос, товарищ мой однажды сказал: какие люди **жили** при советской власти! А я ему прояснил, что и Королев и Туполев и много других **сидели** при этой прекрасной власти в лагерях... Он поперхнулся и водка пролилась мимо: «М-да! Все таки таких как ты надо было расстреливать еще во младенчестве! Всю гордость нашей победы ты омрачил! За такие слова вешать надо и шкуру сдирать!» И как это понимать? Лучших людей русской России, гордых офицеров, утонченных поэтов, Гумилевых и Есениных, выдающихся исследователей, Колчаков и Врангелей, великих ученых, Ухтомских и Вернадских, надо было выводить на расстрел (и только чудо спасло двух последних) – но ни в чем не хочет каяться русский народ, а последних честных своих детей готов втереть в асфальт! Пусть я не Гумилев и не Вернадский, и я не трубю в рог о своих заслугах – но если читатель хоть что-нибудь у меня прочитал, то он должен был увидеть, что перед Россией, которой он якобы гордится (а гордится ли он Россией? **Н-Е-Т!!!!!!**) у меня не такие уж мелкие заслуги! И вот надо расстрелять не Сталина, не Ленина, не Берию, не Тухачевского, не советскую власть и не *комиссаров в пыльных шлемах!!!* – а меня, возможно последнего русского, еще не пропившего здравый смысл.

И так как я еще не весь здравый смысл растерял с этим безумным народом, то перечислю заново по пунктам всё, что меня вводит в горестное изумление.

1. Чудовищная вакханалия Революции и Гражданской войны, начиная с лета 17 года, когда Петроградские матросы и солдаты начали ловить офицеров и расстреливать их – разве это евреи?

И комитеты бедноты и продовольственные отряды – возможно, главарями были иногда евреи. Но сами рядовые бандиты были **русские мародеры**, растлившись в Петрограде и ненавидящие войну не потому, что они сидели в окопах, а потому что они гуляли по петроградским улицам и растлились. И у своих братьев они отбирали хлеб. И вешали офицеров – разве за это не надо было перевешать их всех? И Корнилов в правительстве Керенского, этого **предателя не меньше Ленина** – был военным министром – достойный ли это был военный министр воюющей страны?

Разве евреи совершили Русскую революцию? Евреи лишь отобрали власть в октябре у кучки идиотов или предателей, изображающих правительство... Почему же они только изображали власть? Потому что **Революция** – это тот способ решения исторических проблем, который выходит на сцену, когда правящее сословие не проводит необходимые реформы во-время, и не случайно Революция произошла во Франции, а в России крестьян освободили в 1861 году, опоздали как минимум на сорок лет. Два народа уже сидели на пороховой бочке, Третье сословие (а крестьяне в него входили тоже) требовало власти, славяно-крестьянский народ требовал у варягов назад **свою страну**, инородцы и евреи требовали равноправия, мирное население требовало **МИРА. Пороховая бочка взорвалась и грянул Русский бунт**, бессмысленный и беспощадный, тем более беспощадный, что он запоздал.

С бывшим сталинским министром **Байбаковым** я был знаком и пил у него по вечерам чай, о правительстве Черномырдина и о самом Черномырдине он отзывался с презрением – но и **все** правительства и при Ленине и при Сталине и при Ельцине состояли, как кажется, только из **идиотов**, русские крестьяне своей страной управлять не умели, они даже своих умников или истребляли или сажали и ввозили потом из Америки и Германии, но даже с их помощью с 20-го по 41-й год не смогли подготовиться к войне с Германией. А страна уже в 1916 году была первоклассной промышленной державой, как это объяснил варяжский Глазунов славянскому Солоухину. В 1956 году с приходом к власти Хрущева появился у России беспримерный шанс освободиться из стальной паутины марксистского социализма. Евреи вам мешали? Что ж вы приковывали их стальными цепями к этой стране, в которой они уже разочаровались (если разочаровались)? Да просто русские разучились и разленились работать и не хотели освобождаться от пут советской власти и халявной жизни. А умные люди возникли (несмотря на мясорубку сталинского террора) неожиданно в изобилии. С некоторыми и я был знаком или полужнаком. В писательской среде это были **русские народники** Солоухин, Дудинцев, Валентин Иванов, Твардовский, Солженицын, Шумовский, Виктор Астафьев, Распутин, Василий Белов, ... в музыкальной – Шостакович и Свиридов, Родион Щедрин, в портретной живописи Илья Глазунов, в философии – Василий Налимов; появились даже политические лидеры, такие как Игорь Огурцов, для него никто не добивался сокращения срока и умер он **не оправданным**, когда реабилитировали даже **ленинских соколов-стервятников!** Власть в России в последние 70 лет принадлежит бывшим крестьянам, но России от этого легче не стало, умных мало.

Удивительно, но академик Панченко, человек более умный чем Лёв Гумилёв, вдруг вообразил, что **страной должны управлять люди среднего ума и образования**, то есть собственно **средние** – ибо интеллектуальная середина означает духовно-душевную середину, не может человек быть великим поэтом, но **умственно отсталым** (а **серединность – это умственная отсталость**). А я сорок лет дружил с замечательными людьми и из моего поколения и из поколения наших отцов – они были все выдающиеся люди – прежде всего потому, что ВСЕ были превосходного ума.

Но до нулевых я сам в творческом отношении был еще робкий ученик, почему же они меня принимали как равного? Они всё же видели во мне умного человека и достойного собеседника и товарища, а творческие достижения надеялись увидеть со временем.

И вот, удивительная несообразность: русские всегда производили на Европу впечатление умного народа, и не только русская интеллигенция, но и правящий слой, но после Революции как «заколдобило»: во главе страны не умные тираны Ленин и Троцкий, затем Сталин (и вкус у него был средний, Булгаков ему нравился, но оценить Шаляпина, Рахманинова, Плевичкую, Марину Цветаеву он был не в состоянии) – а у Сталина окружение или посредственности, или ниже середины, таковы и Молотов, и Ворошилов, и Берия, и Маленков и Жуков и все почти остальные...

Хрущев – это загадка. Иванушка дурачок, остановивший Махину террора.

2. ЗАГАДКА. В эпоху Хрущева проросли не только промышленные конструкторы, но появилась и литература, появилось новое кино, стала подниматься русская музыкальная культура, неожиданно возникло **национальное самосознание**, которое было разгромлено не только евреями, но самой концепцией марксистского переустройства мира, а ведь национальное самосознание было разгромлено в европейских странах и христианством и если прорастало, то только в форме христианства. И вот в эпоху ненавистного современному советскому человеку (новой возродившейся форме «совка») *Хруща* вдруг взрыв национального самосознания! Кроме перечисленных мною писателей еще и **Тендряков**, и **Леонид Леонов**, и **Борис Можаяев**! А издательская политика, когда русскому читателю вернули и *Есенина*, и *Блока*, и *Ахматову*, и *Цветаеву*, и *Бунину* – пусть и с пробелами? Одно из решений этой загадки **оттепель**, другим решением является **анти-сталинизм**, третьим – **русский национализм**, четвертым – **освобождение крестьянства** из под власти советского крепостного права... да ведь крестьянин не только получил свободу и право свободно переехать на жительство куда он хочет, но получил право на некоторую хотя и небольшую пенсию, что давало ему право хоть на некое человеческое достоинство... и несмотря на все неудачные хозяйственные реформы, жить «простому человеку» стало неизмеримо легче!

3. Диссидентское движение. При Хрущеве возникло **инакомыслие** в различных как легальных так и нелегальных формах, и хотя по-прежнему **было запрещено почти всё**, но уже за запретное НЕ расстреливали, не всегда давали заоблачные сроки, не морили насмерть в тюрьме и в лагере и появилась надежда, что *можно оттуда вернуться*.

А ведь даже в 70-м году, когда меня посадили, мой товарищ говорил моей жене «Но ведь Вася уже не вернется!?» Да и мне это иногда казалось более вероятным. Но изменилась историческая судьба. Изменились люди.

И если сегодня кто-то мне скажет, удивляясь репликам моих собутыльников, «что это за друзья у тебя?» - то мне придется ответить: «а разве сегодня бывают другие?» А в прошлом веке совершенно другими были все. Сегодня же я временами не могу понять, «какое тысячелетие у нас на дворе». Замшелое тысячелетие. И хотя в сравнении с эпохой тридцатых годов почти никого не сажают – а тогда, если вы не забыли, спускали цифры **отстрела** на людей как на зверей, руководитель области по этим фамилиям отправлял в тюрьму и в зону и на расстрел десятки тысяч людей – просто так, ни за что, по внесудебному списку...

Защитники системы политической власти, при которой не суд, а группа людей (в партии, в правительстве, в аппарате какого-либо административного органа) решает, присваивает себе право решать, кого можно расстрелять или посадить в тюрьму – **вместо суда**), являются защитниками террора как метода политического и государственного правления, и по образу мыслей являются фашистами (в том смысле этого слова, который усвоен общественным сознанием). И в этом смысле безусловно и Ленин, и Сталин и Иван Грозный являются **фашистами**, преступниками, негодями, убийцами, и подлежат суду и человеческому и божественному. Возможно, мы доживем до того времени, когда в России будет учрежден именно Суд для рассмотрения подобного рода обвинений в адрес государственной власти и властителей государства.

4. Но вернемся к евреям.

Многие люди оценивают деятельность Ленина, Троцкого, Зиновьева и других евреев, руководителей большевистского государства и его карательных органов – как **геноцид русского народа** – но это еще приходится эмоционально доказывать, преодолевая сопротивление защитников этого большевистского государства (не столько евреев, сколько русских).

Но евреи сами стали жертвами геноцида со стороны немецкого государства и немецкого народа в эпоху 1933- 1945 годов, когда у власти был Гитлер.

Лучше ли вели себя немцы по отношению к евреям, чем евреи по отношению к русским? Нет, не лучше. Лучше ли вели себя японцы а 20-м столетии и англичане в 19-м столетии по отношению к китайцам и татаро-монголы по отношению к русским княжествам в 13 - 14-м веках? Нет, не лучше.

К сожалению, мы видим, что если народ условно представлять себе как отдельную личность, то все они ведут себя подобно патологическим убийцам, разбойникам с Большой дороги, маньякам или серийным убийцам. **Нет хороших народов, все они заслуживают возмездия и осуждения.**

Еврейские комиссары вели себя как серийный убийца в сонном городе – а как себя вели русские по отношению к народу, на территории которого они воевали – и во времена Ивана Грозного в Ливонии и в Северной войне при Петре на той самой территории, где ныне располагается город Санкт-Петербург? Я уже выписывал из Карамзина в предыдущих моих сочинениях и сил у меня уже нет продолжать эти выписки.

Отношения между отдельным человеком и тем народом, частью или элементом которого он якобы является – непостижимы, чаще всего они вовсе не таковы, как отношения между пригоршней воды и океаном из которого взята эта пригоршня. По Ленину и Троцкому нельзя судить о еврейском народе, по еврейскому народу... - но что такое еврейский народ?

По русскому народу нельзя судить обо мне, и также по мне нельзя судить о русских – но мы состоим ли между собою в каких либо отношениях?

Я смотрю со стороны на немцев или поляков, мне кажется, что и у немцев между собою есть сходство, рассматриваю какого-нибудь поляка (или еврея) и вижу, что это точно поляк (или еврей).

Но русского я опознать не могу, они непохожи друг на друга, тем более я непохож на них на всех, и на меня не похож никто из русских.

Во-первых, *русские упрямые (как и хохлы)* и это главная и самая отличительная у них черта.

«Мужик – что бык. Втемяшится в башку какая блажь – Колом ее оттудова не выбьешь!» Некрасов (из поэмы *«Кому на Руси жить хорошо»*).

Русские, с которыми я сталкиваюсь сегодня, это дети и внуки тех, кто бежал от коллективизации в город, в городе они жили в клетушках и в чуланах вповалку, недоедали, в третьем поколении получили квартиры в «хрущевках» (за что Хрущева почему-то ненавидят, но любят Сталина, который им ничего не давал, только истреблял их родителей и самих их прогнал на асфальт с плодородной земли и разучил работать.)

Это русская *городская масса*, которая **не читает книг, не усвоила ни дворянскую культуру Тургенева и Бунина, не сохранила и остатки прежней деревенской культуры, не помнит русских песен, выбрасывает мусор на околицы** тех прежних деревень, в которых жили родители и куда дети наезжают на лето, отказалась от лесников и лес теперь – непроходимый кустарник, в разговорах ни одного умного слова – и естественно, что я на них не похож, и мои друзья не похожи тоже. Если они русские, то отличительное свойство их – **МАССА** (к чему и призывал их Ленин).

Во-вторых... я понял главную причину несходства **индивидуумов и личностей**, которых я соизмеряю с народами (евреях и русских, русских евреев, русских немцев, вроде Сергея Сергеевича Шульца, с которым мы издали «Храмы Петербурга», или варягах, вроде Ильи Глазунова).

Представьте себе, что я отщипываю кусочек от батона, я его ем и понимаю, что это батон. А **индивидуум** не похож на **целое**, из которого я его извлекаю. В знакомых евреев я не нахожу Троцкого и ни одной Землячки, даже ни одного Ротшильда или Рокфеллера (с которым я напился в американском культурном центре в Москве и даже потерял **Лизу, в которую был влюблен**, о которой сожалею больше, чем об рокфеллерских деньгах). Те индивидуумы, с которыми я сравнивал целое, это какие-нибудь семечки и орехи или те изюминки, которые дети из батона выковыривают, и если это русские дети, то они их выбрасывают, а если эти изюминки выковыривают апостолы социализма Ленины и Троцкие, фетишизирующие МАССУ, то они весь **изюминный мусор** расстреливают, как Землячка или Анка-пулеметчица беляков или как *старушка, несущая хворост*, сжигает Яна Гуса.

Маршал Блохер вместе с Буденным вошел в Севастополь. Белых офицеров уничтожала обезумевшая Землячка (но прислали ее Ленин с Дзержинским – а Дзержинский не еврей). Не еврей и Блохер, но **ни он ни Буденный не остановили вакханалию убийств**. Значит, **крестьянский народ сам жаждал истребить ненавистных варягов вместе с их ученостью и культурой до последнего семени**, возможно, потому, что *Менделеев и Блок и Пушкин, Тургенев и даже Есенин и Павел Васильев были ему чужие*.

Евреи состоят из 12-ти колен Израилевых (как написано в Библии и в романе «Голем»... любопытный роман, похож на проповедь Ильи Глазунова), Троцкий, Землячка и Ленин – это одно из колен, жаждущих мирового господства (*как тевтонское колено немецкого народа*)... А сколько колен и каких в славянском (крестьянском) народе?

Ну а о мировом господстве, возможно, и вправду мечтают «скупого рыцаря» (хотя все же совсем не еврей!) с помощью денег (как Гобсек и Березовский, Билл Гейтс и Крез – и этот не еврей!?), Александр Македонский (насаждавший ученость) и Маркс и Гитлер (насаждавшие мракобесие)... но *имперскость русских* – это **ПОБЕГ** от государства в запредельные шири... но государство нас доставало и за Волгой и на Урале и даже и на Чукотке... **а мы только хотели спрятаться от его всеалчного ока!!**

Мой отец – чалдон, из сибирских казаков. **Россия – моя родина**, некогда, до большевиков, она была прекрасна как русские девушки. Но русскую чернь – по большей части – я не люблю... По матери я из Полесья, крестьянский сын. Но крестьянина, отдающего «Жизнь за царя», я не люблю тоже.

Ночь темна-темнешенька, всюду тишина; / А я сижу, младешенька, с вечера одна. / Словно мать желанная во краю родном, / Плачет неустанная буря за окном. / До земли рябинушка гнется и шумит... / Лучина моя лучинушка не ясно горит. / Затянуть бы звонкую песенку живей, / Благо, пражу тонкую пражь мне веселей, / Да боюсь песнею свекра разбудить / А свекровь-то матушку этим огорчить. / Муженек-детинушка Беззаботно спит... / Лучина-лучинушка Не ясно горит. (а при свете лучины я читал книги)...

Написал бы я, что плачу, слушая Надежду Плевицкую – да, боюсь, нынешнее время меня засмеет – хотя лично я, со своей склонностью к слезам, никому не покорялся, и с обидчиками дрался, и советскую власть проклинал, а если и побывал в марксистах, то в детстве, а ныне зато сам по себе...

Не принято хвастаться сумасшедшим домом – но в 2002 году на экспертизе (в тюремной месячной экспертизе) я единственный из жителей бывшего СССР – своего рода общесоветского сумасшедшего дома – получил справку о том, что **я – не сумасшедший. А остальные?** - ???

Но мне предлагали эксперты выдать и другую справку – что я **не совсем**... - чтобы *закосить от тюрьмы* – они меня не только уважали, но и **полюбили!** – и не хотели сдавать в пасть Молоху – и из-за них я простил и тех советских андроповских психиатров, которые в 70-м году меня упекли в сумасшедший дом. В 2004-м году благодаря этой справке я получил пять лет постсоветской тюрьмы – но **произошло чудо: через полгода меня освободили**.

Как я ясно вижу Солоухина, **зла он не желал, он светел и чист**. Он мягок как подлинно русский писатель (как, кстати, и Шафаревич).

Не антисемит ли я сам, я пока еще не знаю, так как по большей части легче сходился с евреями – они культурнее, умнее, образованнее и мягче русских (и как эти кровожадные Троцкие, Землячки и Ленины затесались в их среду?) – и друзей-приятелей среди евреев у меня больше, чем среди русских – смог ли бы я кому-нибудь из них признаться, что я **антисемит**? Но что я **руссофоб** – русские сами догадались, несмотря на ...

Если за русских принимать те **изюмины**, которые сто лет из русского белого хлеба выковыривала большевистская власть, чтобы растереть нас коваными сапогами о щебневую дорогу или о городской асфальт, то мы, *не принадлежащие ни к патриотам ни к верноподданным, ни к пламенным поборникам самой гуманной в мире власти* – потомки первопроходцев казаков или великодушных крестьян, как Шалапин и Солоухин, или юриковичей, как Рахманинов, или только из чистого русского духа, как Бенуа и Лансере, и из русских немцев, и из русских шведов, и из пленных французов, и из крестившихся басурман, и из некрестившихся язычников и буддистов (но все равно русских), и из евреев (не все же они Троцкие, как немцы не все Гитлеры и мы не все Павлики Морозовы и Иванушки-дурачки)...

Из книги Раи/Розы Солоухиной-Заседателевой «На задворках победы»:

“Побросали одних баб с детьми”. – “Ничего, мать, сдружишь, – крикнул кто-то из рядовых”. “При мне Райхманам немец принес кастрюльку горячей каши”. “Тетенька развернула нашу скатерть с красными розами по черному полю, вздохнула и сказала: “Несите, ребятенки, эту красоту обратно. Мне она не надобна. А мамка ваша пусть вспоминает свою жизнь. Я вам и так крупки насыплю”. “Принесла Райхманам кастрюльку рисовой мясной каши. Курт постарался. <...> “Эй, русская, – крикнул солдат из коридора, – не оставайся долго у юдов. (Вей, руссише медхен, блаиб ниht зо ланге бай юден!)”. “Эта работа изуродовала мою комплекцию. Понимаю, что уже никогда не смогу вернуться к балету. “Ушла” гибкая спина, “ушли” руки, которыми я умела парить, как лебедь”. “Мы помним шаткий решетчатый пол, черное днище под ним. Газкамера это или нет, никто из нас не знает. Но я Риве сказала слова Якова Осиповича: “Немцы такие интеллигентные... не может быть никаких газкамер...”. “Их, полуживых, заставляли выносить носилки с трупами, нести в крематорий... **Когда в лагере объявили набор в армию к генералу Власову, выполз кто мог. Некоторые умирали, не успев доползти до калиток лагеря**”. “30 августа 1945 года я приехала домой в город Орел и 1 сентября **пришла в 10-й класс бывшей моей школы**.”

Трудно смириться с смертью. Не все могут. Смогу ли я? Не знаю.

Но у кого повернется язык проклинать умирающих?

«Когда в лагере объявили набор в армию к генералу Власову, выполз кто мог. Некоторые умирали, не успев доползти до калиток лагеря».

Сколько великодушия у 16-летней девочки, идущей рядом со смертью!

Лично я всегда верил, что нет великодушнее и добрее русских! Но что случилось за последние тридцать лет? Наши родители, которым было хуже нас, – заботились о своих детях, помогали родным и друзьям, помогали соседям и прохожим на улице, помогали голодным, когда сами голодали, мы же только проклинаем всех, кто на нас не похож. **Братья, опомнимся!**

Юрий Белов. По солоухинским местам 60 лет спустя

В первой половине июля мне позвонил по телефону из Москвы И.С.Тихонов – заместитель начальника Отдела Государственного архива Российской Федерации, член Союза потомков участников Бородинской битвы. Дело в том, что исполняется, мол, 60 лет со времени грандиозного путешествия выдающегося писателя Владимира Солоухина (1924-1997) «по Владимирским просёлкам». Известно, что в маршрут было включено посещение не только родного Оленина, Симы, других достопримечательных мест, но и Суздаля.

Я, конечно же, не раздумывая, согласился, потому что мне довелось встречаться с Владимиром Алексеевичем во Владимире, а также на 100-летнем юбилее со дня рождения С.А.Есенина в с. Константиново Рязанской области, фотографировать его. ...

... 10 июля я встретился с москвичами в одном из вагонов электрички, отправлявшейся в сторону г. Александрова Владимирской области. В бывшей Александровой слободе на вокзале нас встречал глава муниципального образования «Симское» Дмитрий Иванович Белоусов, до недавнего времени полковник, начальник космического факультета военной академии, кандидат военных наук. На церемонии открытия памятника П.И.Багратиону в Симе он был в военной форме, с орденами, медалями и другими знаками отличия, эмоционально выступал. На всех произвёл очень хорошее впечатление. Прекрасный русский человек, патриот Отечества!

Расположившись в микроавтобусе, наша группа отправилась в путь. День был солнечный, настроение отличное; все предвкушали увидеть и узнать много интересного. Проехали по улицам г. Александрова, где сохранилось много старинных одноэтажных и двухэтажных домов, украшенных наличниками, вдоль берега реки Серой. По левую сторону наше внимание привлекли стены, башни и храмы знаменитого Покровского монастыря. Лучшие храмы были построены на средства великого князя Московского Василия III, не раз приезжавшего сюда на богомолье со своей женой-красавицей Соломонией Сабуровой, позднее сосланной в Суздальский Покровский женский монастырь под предлогом бесплодия. Здесь же довольно долго находилась резиденция его сына царя Ивана Грозного, усердно молившегося Богу, что не мешало ему с верными слугами-опричниками творить жестокие деяния.

Первую остановку мы сделали в бывшем селе Васильевском, которое ныне входит в черту города Кольчугино. В 1792 г. вместо деревянной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы на средства владельца села М.В.Митькова была построена каменная церковь с колокольней; которая сохранилась до наших дней ... С высокой точки виден был город Кольчугино, вплотную примыкающий к селу Васильевскому. Проехав по нескольким улицам, в том числе по центральной, мы составили представление об этом городе... Местность кругом разнообразная и красивая: поля, луга, слегка холмистые, леса и перелески, деревни и села то справа, то слева. Очень хорошие дороги. Транспорта попадаетея немного. Останавливаемся у придорожного села Дубки, где стоит совсем небольшая круглой формы Троицкая церковь. ..год постройки 1840. Рядом небольшое заброшенное кладбище с *поваленными дореволюционными надгробиями*. Читаем надпись: «...прапорщик Лафорж». Много разгромленных кладбищ во время своего путешествия в

1956 году видел и В. А. Солоухин. Вот что он об этом писал: «Тут и там виднелись в высокой траве опрокинутые каменные памятники. Удалось разобрать несколько стёршихся, забытых землей надписей: «Секунд-майор Андрей Алексеевич Кузьмин-Караваев, Предводитель дворянства Владимирской губернии. С 1797 по 1812 год...», «Действительный статский советник граф Николай Петрович Апраксин...», «Князь Константин Федорович Голицын, помяни его господи, когда приидешь в царствие твое...». В Дубках сохранилась часть парка в барском имении. И.С.Тихонов зачитал, что о Дубках в своей лирической повести писал В. А. Солоухин: «5-й день. 11 июня... Дубки стоят на горе. Отсюда хорошо было оглянуться назад. До горизонта тянулись леса, черные на переднем плане, синие вдали и затуманенные там, где обрывается глаз... Кое-где ярко проглядывала зелень лугов. Радостно было оглянуться на эти леса еще и потому, что по ним протянулась незримая извилистая ниточка пройденного нами пути».

Мы посетили бывшие владения Черкутино и Снегирёво, принадлежавшие на рубеже XVIII-XIX веков Н.И.Салтыкову – президенту Военной коллегии, Председателю Комитета Министров (1812) и Государственного Совета Российской империи, генерал-фельдмаршалу, графу и светлейшему князю – богатейшему человеку. Из загородных имений наиболее примечательно **Черкутино**, располагающееся на дороге Владимир – Кольчугино, кстати, здесь в 1772 году в семье священника родился **М. М. Сперанский**, известный государственный деятель и реформатор. Крещён он был в церкви Николая Чудотворца, которая сохранилась, но пока не отреставрирована полностью (на восстановление требуется 9 млн. рублей). ...«**Большое торговое село Черкутино долгое время выглядело как после бомбёжки**», – пишет В.А.Солоухин о его состоянии при советской власти. К счастью, за последние годы кое что изменилось в лучшую сторону. Например, прямо у дороги стройно возвышается колокольня, отремонтированная и хорошо покрашенная; она организует вокруг себя пространство и еще издали привлекает к себе внимание. Но здания, уцелевшие от усадьбы Салтыковых, вызывают о помощи!

Снегирёво находится в стороне от большой дороги, на берегу реки, в окружении деревьев. Солоухин оставил нам свидетельство, что там были еще и пруды, а над ними – парк, в котором росли деревья «со всего света», шестьдесят видов. «Мы сунулись было в него, но как скоро попали в заросли крапивы, то и вернулись обратно». ...парк сильно поредел и нуждается в заботе. «В Снегирёве, где было имение Салтыковых, не осталось от дворца и целого кирпича: всё было превращено в груды мелкой щебенки, которая уж и не проглядывает теперь сквозь разросшиеся, одичавшие кусты сирени», – читаем мы во «Владимирских просёлках».

В 1961 г. Владимир Солоухин писал: «Село это растянулось вдоль речки в низине. Окнами оно смотрит на высокий холм, заросший елями. На макушке холма выглядывает из елей небольшая колоколенка. Издали можно подумать, что деревья подступают вплотную к церкви, но когда подъедешь ближе, оказывается, что вокруг церкви есть поляна и даже запущенный липовый парк. На поляне в нескольких местах проглядывают из крапивы, из мелкого кустарника **розовые груды щебня**. Здесь стояла усадьба князей Салтыковых с прекрасным дворцом, с флигелями, конюшнями и даже с оранжереей».

Всё давно разрушено, включая усыпальницу князей Салтыковых, склеп тоже был разорён. Единственное, что сохранилось – большой и красивый Крестовоздвиженский храм, построенный на деньги Н.И.Салтыкова в 1813 году, ныне являющийся подворьем Успенского женского монастыря. Внутри сохранился роскошный иконостас и настенные росписи.

Когда мы приехали в с. Фетиньино, бывшее имение графов Зубовых, небо по-прежнему было закрыто тучами. *Удручающее и гнетущее впечатление произвёл на нас двухэтажный барский усадебный дом без крыши, оконных и дверных рам, окруженный лесом борщевика в человеческий рост.* Когда-то этот, по свидетельству старожилов, «храмовидный» дом кубической формы был увенчан куполом. Полукруглыми галереями-переходами он соединялся с каре конного и скотного дворов. Мы прошли в лесочек. С правой стороны удалось подойти к Троицкой церкви XVIII века и колокольне, примыкающей с западной стороны. Церковь оказалась действующей! Людей в ней было не больше пяти человек. Горели свечи. Свет в храм проникал сквозь небольшие окна. Привлек внимание указатель, на котором было написано «**Суворовская роща**». В первой половине XIX столетия хозяйкой с. Фетиньино была Н.А.Зубова, дочь А.В.Суворова, которую он ласково называл **Суворочкой**.

В местных газетах я читал о том, что в сентябре сюда съезжаются её поклонники и отмечают «Наталин день». Я и представить себе не мог, что это происходит в такой неприглядной обстановке, наводящей уныние. Позор местным властям, укор нашим современникам, до сих пор не восстановившим столь ценную усадьбу. **Утрачен дом генералиссимуса А.В.Суворова**, перевезенный сюда его дочерью Натальей Александровной Зубовой-Суворовой из села Ундола. В 1920-х годах бывшее имение Зубовых подверглось разорению, поэтому **сохранилось из того, что было, ничтожно мало**.

Кульминацией нашего небольшого путешествия явилось посещение села Алепино Собинского района Владимирской области – родины В.А.Солоухина, который предпочитал его называть Олепиным. Ему он посвятил повесть «Капля росы» (1959) и рассказ «Олепинские пруды» (1973). «Село Олепино – одно для меня на целой земле; я в нем родился и вырос», – признавался писатель. На сельском кладбище он и был захоронен в апреле 1997 года, а отпевали его – первым! – в Храме Христа Спасителя в Москве, поскольку Владимир Алексеевич был инициатором возрождения знаменитого памятника архитектуры, построенного в честь победы в войне 1812 года.

Едва приехав в Алепино, мы осмотрели невысокую приземистую церковь с колокольной у пруда в окружении деревьев и двухэтажный дом Солоухиных.... Решили посетить кладбище и почтить память автора лирической повести «Владимирские просёлки». Находится оно совсем недалеко в сосновой роще, на склоне холма, ведущего к реке Ворше. Кладбище ухоженное (после смерти писателя сюда приезжают поклонники его таланта). Поскольку я уже бывал здесь, то могилу мы нашли легко. По дороге увидели захоронения его родственников. Об этом свидетельствовали таблички с указанием фамилий. Очень хороший памятник стоит на могиле В.А.Солоухина (автор памятника Н.В.Смирнов), около него мы обнаружили венок, возложенный недавно по случаю дня рождения писателя (**14 июня**).

Мы зажгли свечи А потом возле дома Солоухиных навстречу нам вышла Роза Лаврентьевна Солоухина, вдова писателя, которая *в уже далёком 1956 году путешествовала вместе с ним по «владимирским просёлкам»*. Небольшого роста, седовласая женщина, очень эмоциональная.

– Вы приехали поклониться Солоухину? – И жестом пригласила нашу группу к садовому столику по правую сторону от входа в дом.

«Мне 90 лет, – заявила Роза Лаврентьевна, – Я помню абсолютно всё, Меня Владимир Алексеевич привёз с Дальнего Востока (?), где он был в командировке, а я работала врачом после окончания Ленинградского медицинского института; и через полгода состоялась свадьба, он женился на мне. Можно ругать советскую власть, но при ней все 10 человек детей Солоухиных получили высшее образование. [*не всегда это было так!*] Брат Коля жил в Загорске, работал главным инженером на заводе ..., стал полковником, а Владимира увлекла творческая стезя. Мы вместе с ним не только путешествовали по Владимирской области, я ему помогала работать над «Владимирскими просёлками И все до единого свои произведения он диктовал мне». [Но и ее книги замечательны!].

Владимир Алексеевич был смелым православным человеком, продолжает Роза Лаврентьевна, ...одним из первых выступил в защиту культурного наследия России, принимал участие в создании **Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры**, выступил инициатором возрождения **Храма Христа Спасителя**.» Роза Лаврентьевна рассказывала о более чем 40-летней жизни с мужем. Оказывается, вместе с мужем она была на **60-летнем юбилее королевы Елизаветы II** (Великобритания). Вдова показала нам экземпляр журнала «Огонек» за **ноябрь 2001 г.**, на одной из страниц которого опубликована их фотография – молодых и красивых, только что отыгравших свадьбу. Летнее время супруги чаще всего проводили в Алевине. Здесь выросли их дочери.

«Мы переехали сюда из Москвы после смерти отца и теперь живём здесь» – сказала его дочь Елена Владимировна. Она посетовала, что **церковь Покрова Богородицы в Алевине стоит разоренная и пустая. Глава утрачена.** Большой металлический крест стоит у стены храма. Хорошо еще, что деревья со стороны пруда укрывают от взоров эту мерзость запустения. И это в родном селе знаменитого поборника отечественной старины!

Какой вывод можно сделать после окончания нашего краткого однодневного путешествия по «солоухинским местам»? ... **крестьянства уже не существует.** В хорошем состоянии находятся дороги между городами, в городах благоустроены площади и улицы, но сёла остались такие же, как и 60 лет назад, когда уже царствовала повсюду «мерзость запустения». ...исчезли с лица земли многие села, закрыты и разрушены церкви и колокольни, заросли кладбища с захоронениями известных деятелей. Уцелели

единичные усадьбам, но большинство из них так и остались заброшенными. Самый вопиющий факт – ужасное состояние усадьбы Муромцево в Судогодском районе, бывшего имения графа В.С.Храповицкого, которое могло бы иметь мировое значение, как место паломничества туристов.

Не дожил летописец и певец Олепино («Капля росы») и до того времени, когда будет восстановлена церковь Покрова Пресвятой Богородицы напротив его родительского дома, где можно было бы помолиться Богу ему самому, односельчанам, а также приезжающим отовсюду поклонникам его таланта.

«А ведь каждый храм и колокольня в России уникальны, потому что нет двух одинаковых по архитектуре церкви. Архитекторы учитывали образ местности и клали на него именно такой завершающий мазок кистью, какой был нужен сочетанию именно этих холмов и этих перелесков между холмами. Я твёрдо знаю одно: когда исчезнут все колокольни и церкви, русский пейзаж потеряет так много, что следующие поколения не смогут уж представить себе, в чем же состояла особенная прелесть русской земли. Сейчас не до того, чтобы реставрировать колокольни из чисто эстетических соображений (а почему не до того? **(а когда будет до того?!)** Но хотя бы пока не ломали!»

Прошло уже 60 лет. Когда же мы дождемся, наконец, возрождения памятников нашей отечественной культуры и России в целом?

Юрий БЕЛОВ, член Союза краеведов России

НА СНИМКАХ: усадебный дом Зубовых; Черкутино. О церкви, в которой был крещен М.М.Сперанский рассказывает Г.Е.Бродский; Дубки. Потомок участника Бородинской битвы И.С.Козловский изучает поваленные надгробные памятники.

Читаю большую статью И.А.Петракова о Солоухине и по каждому поводу плачу, заливаюсь слезами и никак не могу остановиться...

Солоухин говорит, что его дочь Лена читает в восемь раз быстрее его – и я проплакал четверть часа. *Солоухин стремился в своем творчестве к Преображению мира и пониманию правды, он надеялся на возрождение России, именно этому было посвящено его творчество, освещенное глубокой верой в торжество Красоты и Добра.* Выписываю несколько цитат из статьи.

«"Быть богатым -- не значит быть расточительным. Из кладовой природы надо бы брать столько, чтобы она не скудела. А у нас на протяжении десятилетий один только лозунг был: давай, давай, давай! Черпаем пригоршнями, торопливо, как будто дорвались до чужих сокровищ и задача -- как можно больше и как можно скорее нахватать.

...А с лесом -- разве не так? Руби, вали, выполняй план. А третья часть древесины остается невывезенной, или в виде верхушек". О том же писатель говорит во "Владимирских проселках", когда речь идет о лесхозах и леспромхозах. По словам Ольги Дворниковой, **отношение к природе у Солоухина – критерий человеческой нравственности:**

...в девяностые глава Российского Императорского дома вдовствующая Великая княгиня Мария Владимировна за труды на благо Отечества пожаловала Солоухину дворянство. В это время Солоухин проникся идеей самодержавия, вокруг которой, и это верно, концентрируется национальное самосознание народа. ...

В девяностые годы Солоухин, кроме того, очень переживал ограбление дома в Алеппе. Украдены ведь не только иконы, утащены и старинные церковные книги, которые он собирал с такой любовью.

В последние годы писатель был очень одинок. "Говорил, что у него нет стимула и интереса жить. Почти все друзья, с кем он был по-настоящему счастлив – Александр Яшин, Федор Абрамов, Василий Федоров, – ушли в мир иной".

... "ушли в мир иной практически все, кто был Солоухину по-настоящему дорог. Невзирая на это, писатель продолжал творить и работать"».

*...Геноцид, особенно такой тотальный, какой проводился в течение целых десятилетий в России, лишает народ цветения, полнокровной жизни и духовного роста в будущем, а особенно в отдаленном. Генетический урон не восполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской Социалистической революцией."

В. Солоухин 1924-1997

ВИ: Хотел закончить последнюю главу, посвященную творчеству великого русского писателя, **воистину народного, более того – крестьянского**, все же словами надежды и веры – но и мои друзья, многие, "ушли в мир иной"...

ЛЮБОВЬ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ (Отрывок из сборника «Рассказы о любви»)

Через несколько дней, под вечер, отверзлась тяжелая чугунная дверь, меня с соседом повели вниз по железной лестнице и вывели во двор.

Я-то думал, что буду гулять в большом весеннем дворе в толпе товарищей по несчастью, но оказалось, что для прогулок сооружен так называемый "прогулочный дворик" в центре двора, расположенного внутри четырехугольного здания тюрьмы, окруженного, в свою очередь, громадным *Большим Домом*, простирающимся одной стороной вдоль Литейного, а двумя другими вдоль Шпалерной и Захарьевской. Четвертой стороны, скрытой среди зданий, располагающихся вдоль проспекта Чернышевского, я не видел.

Дощатый прогулочный "дворик" представлял из себя следующее сооружение: в середине его был круглый цоколь, диаметром метра четыре, верхняя часть которого была окружена перилами. От цоколя отходили семь или восемь дощатых клетей в длину метров по пять, в каждую из них заходили узников из одной камеры и дверь закрывали на ключ. Поверху вдоль перил ходил *вертухай*, кроме него видел я только соседа по камере и доски стен, а под ногами – утрамбованную гальку.

Приуныл я от такой прогулки и грустно стал вышагивать взад-вперед, да вдруг взглянул наверх.

А надо мною высоко простиралось темно-синее апрельское небо, по которому бежали сверкающие, краснеющие от заходящего солнца облака, и пролетали диковинные птицы, золотые, розовые, вишневые, как языки пламени, как всполохи северного сияния.

Я замер, потрясенный, и чуть не в беспамятстве увели меня в камеру. Но назавтра меня ждало новое потрясение, соединившее и птиц, и небо, и облака словно в небесную сцену, на которой разыгралась любовная драма.

Проходя вдоль дощатой стены (а в это время *вертухай* наверху стоял ко мне спиной), услышал я вдруг девичий шепот:

- Мужчина! Можно с Вами поговорить?
- Конечно! – пересекшимся мгновенно голосом пробормотал я.
- Вы за что сидите?
- Антисоветская агитация и пропаганда. А вы?
- *Террор и бандитизм*. Пыталась захватить самолет. Но мне семнадцать лет, обещают дать всего полтора года, хотя *подельникам* моим *угрожают расстрелом...*

Вертухай повернулся, мы отошли от стены, *соединившей* нас, и начали ходить взад-вперед в ожидании следующего диалога.

- У Вас покурить ничего нет?
- Я не курю! Но для Вас достану. Принесу завтра.

Сидел я с мрачным мужчиной пятидесяти лет, бывшим власовским контрразведчиком, во всех своих сокамерниках подозревавшим стукачей. Ко мне, однако, он проникся доверием и стал по-отечески опекать.

В камере я удивил его безмерно:

– Федотыч! Срочно нужны карандаш и бумага!

– Это зачем? В карцер захотел?

– Я должен написать ей письмо! К тому же, она просила сигарету... Да если бы ещё и конфет достать!?

Федотыч пощупал мне лоб, посмотрел зрачки, отошел на два шага и покачал головой.

– Федотыч, ты же все можешь, ты же на Колыме – и то выжил!

– Потому и выжил, что глупостей не делал... Хотя... правда, бывало всякое... Карандаш и бумага у меня, конечно, есть, но если поймают, возьмешь на себя – ты парень еще молодой, в карцер тебе в самый раз! Ладно, стой у двери, слушай, когда вертухай пойдет, а я попробую *постучать*!

Он отошел в угол, тихонько костяшками пальцев простучал несколько фраз. Через некоторое время где-то далеко застучали тоже, чуть слышно... Через полчаса из соседней камеры нам простучали ответ.

– Ну, какие новости, что ты спрашивал? Что ответили?

– Я передал так: *Поэт влюбился в террористку, нужны конфеты!*

– Ну и как?

– Подождем до утра...

Утром опять раздались "нежные шаги пятнадцатисуточницы" (но уже *террористка* затмила мне весь мир и всех женщин)...

Шаги замолкли у нашей кормушки, раздалось хихиканье, окошечко открылось, просунулась миска с кашей и затем другая, накрытая еще одной миской, и окошечко захлопнулось.

Контрразведчик хищно схватил вторую миску и умчался в свой угол. Мне это показалось подозрительным.

– Ну как, сердце не ёкает? – спросил он.

– Из-за каши, что ли?

– Поменяться мисками не хочешь?

– Ну, мне все равно, могу и поменяться...

– Тогда загадай желание! Чего бы ты сейчас больше всего хотел? Шампанского, чаю, сигарет... конфет?

– Сигарет?... – неуверенно спросил я.

– Больше ничего?

– Ну, и конфет?

– Посмотрим... Держи свою миску.

"Неужели чудеса возможны и здесь, где на каждого узника десять стражников?" – подумал я, открывая с надеждой крышку.

Сверху лежали синие куски "шрапнели", похожие на обломки базальта, а из-под них выглядывал уголок промасленной бумаги. Дрожа, развернул я бумагу – внутри было еще два маленьких пакетика, в одном из них лежали две сигареты, а в другом – три "Белочки".

– Ну что, старого Федотыча рано еще в расход пускать? Но мой тебе совет – *шрапнель* пока не ешь, судьба любит злые шутки, и вдруг перед прогулкой будет *шмон*? Так что припрятать гостинцы в миску и пиши письмо.

Знаешь, двадцать пять лет назад, в апреле сорок пятого года, и я "дурил", наша часть стояла в Альпах, и я побежал в горы за эдельвейсами... Представь себе, все рушится, будущее смутно – а я прижимаю к груди охапку цветов и улыбаюсь – вот как ты теперь.

Может быть, человек не смог бы оценить блаженство, которое иногда выпадает на его долю, если бы судьба не была к нему немилосердна, если бы предательство, смерть и боль не заходили к нему в гости как к себе домой.

Я знаю, ты видишь во мне немецкого пособника – и это тоже верно. Но в мае 45-го я участвовал в боях за освобождение Праги на стороне русских войск, и был ранен. Так что не все так просто...

Ну да ладно... Тебя, поди, тоже следователь обзывает изменником Родины, а штука в том, что Государство и Отечество – не одно и то же, и защищая Государство, можно бороться с Отечеством – и наоборот.

Через несколько часов нас повели на прогулку, я перебрал подарки и письмо через стенку, и был вознагражден таким вздохом восхищения, словно пообещал свободу.

– Ты красивый? – спросила она меня на следующий день. – Тебя я все равно буду любить, даже если ты не красивый. А за мной мальчишки бегали еще с детского сада... Ты сильно боялся после ареста?

– Да, было страшно... На ватных ногах на допрос шел...

– Значит, ты меня поймешь...

– Цветочек мой аленький, конечно понимаю!

– Я тебя во сне видела. Как мне было страшно все эти дни, я боялась, что сойду с ума! И вдруг такие письма, стихи... Теперь, если мне снова станет плохо, я о тебе буду думать. Да и так буду думать, ты не против?

На следующий день шел дождь, и на прогулку нас не водили. Мой контрразведчик сжался над моим несчастным видом и простучал в стенку: *"передайте террористке, что поэт ее любит!"*.

Вечером нас повели в душ, а на следующий день состоялось четвертое свидание.

– Мой миленький, спасибо за весточку! – услышал я шепот, когда прижался к перегородке. – Я тебя тоже люблю!

Неужели это было на самом деле? Апрель, яркое солнце, *тюрьма для двоих* – и я счастлив в тюрьме!?

А сегодня... Но, может быть, это только краткие отчаянные мгновения?

Я словно на каменистом склоне сползаю вниз, и иногда камешек брызнет из-под ног, и сердце обрывается от внезапного страха, что всё, падаю... Нет, ещё держусь, но тихонько сползаю... а долго ли еще, и где край – неведомо... Но ведь временами и всяческие радости меня посещают, и в баню хожу, и водку пью, хотя и нельзя, и к девицам пристаю не только *всё еще*, но – *по-прежнему!*

Я попал в удивительный мир зарешеченных снов.

По железным ступеням душа поднимается ввысь.

Остаются внизу коридор, две стены и окно,

И рыдающий голос за мною летит – Оглянись!

Я попал в удивительный мир, где звенит тишина,

Где меняются цены на все, чем вчера дорожил.

Где без края – печаль, и надежда дороже вина.
И где нет никого, кто надежду хотя бы на час одолжил.
О, как душно здесь быть, здесь стираются души дотла,
И бессильные слезы спекаются в горле как кровь.
Бесконечная ночь проседает под тяжестью зла,
Но у края мольбы неожиданно входит любовь.

Небо над головой было высокое и нежное, звезды сияли гроздьями, а еще выше звезд через Млечный поток был переброшен небольшой горбатый мостик, с обеих сторон шли по нему двое, семнадцатилетняя девочка, и все еще не повзрослевший мужчина.

Еле слышная музыка доносилась из-за звездных высей.

Господи, сделай музыку громче! Громче, громче сияйте звуки, грохотом и громом лейтесь в уши, небесным водопадом заполоните жизнь!

Но нет, не слышно *благую весть*.

Не так живу, но как надо жить, не знаю, и ничего не умею изменить ни в своей, ни в чужой жизни.

От прошлого я не отрекаюсь, и пил, и бегал за юбками, пил, как все, *вино плоти* – так отличался ли я от других?

Или бокал был чище, наливая шампанское? (*А чаще портвейн номер семь или цимлянское розовое за руть двадцать*).

Или подворотню искал посветлее? (*А я ли не пил в подворотнях?*)

Но я любил всех тех девчонок, с которыми пил портвейн или розовое цимлянское, и даже когда жаждала плоть – жаждала и душа. Искал я женскую красоту, с чувством восхищения соединял сострадание, и не было прикосновения к женщине, в котором было бы одно только наслаждение, а не было восхищения или нежной жалости.

Арестовали меня в благодатную пору, среди радости и веселья, через два месяца должен был я защищать диссертацию, сегодня бы уже был профессором и зарабатывал столько же, сколько даже продавец пепси-колы...

Страх перед "органами" вбит в меня был с детства, хотя я и бахвалился перед друзьями. Но когда привезли в Большой Дом (а были со мною вежливы, и пальцем никто не тронул), ноги у меня сделались ватные и в горле пересохло.

Вечером привели в камеру, сняв перед тем отпечатки пальцев и отобрав брючный ремень.

Словно поезд слетел с откоса, и вдребезги вагоны, стёкла, и вся прежняя жизнь – а новой уже не будет, все кончилось, навсегда, навечно, без воскресения – стиснутый в одну отчаявшуюся дрожащую точку, стоял я посреди одиночной камеры и боялся пошевелиться.

– Целых два месяца, и днем и ночью, думала и мечтала я только о смерти, – прошептала она при четвертой встрече, прижимаясь к доскам перегородки (а через каждые две фразы отскакивали мы от перегородки, потому что *вертухай* совершал половину пути вдоль перил и шел в нашу сторону, и мы делали вид, что бесцельно слоняемся по своим клеткам). – Я не хотела жить, я боялась будущего. Мысль о том, что буду я наложницей у конвоира или *вора*, или еще хуже, что *мною будут пользоваться, как вещью* – сводила меня с ума.

Я думала, что жизнь моя кончилась.

И вдруг с неба падает сигарета, три конфетки, письмо и стихи – и мне захотелось жить!

Что такое человек? Конечно, в нем есть и душа и тело, но традиция аскетического христианства, хотя и не отрицала существования тела (или *плоти*), но объявляла его вместилищем всякой скверны и греха, и смысл жизни человека видела в *умерщвлении плоти*, в борьбе с ее нуждами и соблазнами.

Плоть следовало превратить в *мощи*, и лучше в *нетленные*; или совсем остаться и без плоти и без мощей, а стать бесплотным духом.

Впрочем, сказал бы я им, Бог с вами, *умерщвляйте* плоть, носите вериги, сидите на столпе или камне, делайте что хотите с собой – если только не превратите вы свою точку зрения в господствующую религию, государственную власть, так что другим станет нечем дышать.

Кабала фанатиков, или кабала *святош*, по выражению Мольера, еще хуже, чем власть лжецов и лицемеров.

Но лучше ли и власть так называемых *материалистов*, которые кроме плоти не хотят видеть ничего в мире, для которых и дух и душа не более, чем слабый свет, источаемый светящимися гнилушками, ток воздуха от теплого тела, электромагнитное поле, образующееся около янтаря, потерянного кусочком сукна?

Что противостоит естественному порядку мира и, так сказать, его "круговороту веществ"?

Любовь к женщине!

Если бы я был талантлив и умел писать книги, я написал бы о каждой из тех, кто вошел в мою жизнь или только прикоснулся к ней, отдельный роман, и, быть может, это множество романов смогло бы в некоторой степени рассказать о тех чувствах, которые я к ним испытывал.

Но, сознаюсь, романы эти были бы противоречивы. Разве не испытывал я Страсть? Нежность? Вожделение? Но были состояния, в которых останавливалось время и не успевало вылиться вино из падающего бокала, хотя и протекали миллионы лет, протекала – или пребывала – Вечность. В этих состояниях не было нужды в поцелуях и прикосновениях, как не нуждается в звуках и в инструментах, их производящих, музыка, звучащая в душе.

Да, может быть, любовь – это грех – но двое, помещенные, словно зверьки, в соседние клетки, разделенные досками перегородки, пере-жившие перед тем отчаянье, которое едва не раздавило их – о, как эти двое припали друг к другу!

– Миленький мой! Я почему-то думаю, что больше мы не увидимся.

До тебя ведь еще никого у меня не было... Я хочу, чтобы ты был первый...

– Но что мы можем сделать? Как?

– Я знаю, что это невозможно, но – все равно я буду только твоя...

Давай сегодня ночью представим, что у нас тайное свидание и мы во всем мире только двое... *Ты хочешь?*

...Тюрьма спала. Приближалась полночь, и хотя часов у нее не было, она знала, что скоро прозвонят тайные полуночные удары, словно вздохнет и повернется на другой бок тишина.

Сегодня подобрала она под ногами в прогулочном дворике вещь непостижимую – крошечный обломок ржавого бритвенного лезвия. Вероятно, кто-то хранил его и либо выбросил, опасаясь обыска, либо обронил.

Она думала о нём, и нежное счастье наполняло ее душу.

"Любимый мой, я буду только твоя, даже тогда, когда ты забудешь про меня, я буду тебя любить!"

... Тише, мыши, кот на крыше!.. тише, тише...

Теплая слезинка скатилась по щеке и коснулась краешка губ.

Она начала вспоминать строки стихотворения, которое сочинила днем и нацарапала на стене. За это полагался карцер, но она уже ничего не боялась.

Внезапно я решилась на побег. - / И так легко, так радостно мне стало!
Нас с милым вечность пустит на ночлег, / И в ночь я завернусь, как в одеяло.

Сминая время, хлынула судьба, – \ Как в бурю берег разбивает море.
Как брызги слёз, как дождь – осколки горя. \ Сзывает павших в новый бой труба,
В отчаянье с самою смертью споря!

Любимый мой, простимся до утра! / Ты только мой на том и этом свете!
Ведь я та самая, из твоего ребра! / Я буду ждать тебя тысячелетья!
Мы встретимся. Бегу, бегу... Пора!

"Ты не пожалеешь? – спросила ее ночь. – Впереди еще вся жизнь!"

"Я боюсь, что она меня *оскорбит*. Если бы ко мне пришел Бог... – но Он молчит... Никто не приходит..."

Она подождала, пока затихли шаги в коридоре, и начала тихонько водить осколком лезвия по руке.

"Больно... Я не знала, что будет так больно и страшно. Но надо потерпеть ещё несколько минут, а потом будет хорошо. Любимый мой, я тебя никогда не покину, не покидай меня, хотя бы мысленно, иногда вспоминай меня!"

"Кажется, стучат часы... как будто секундная стрелка стучит. Мне уже почти не больно, только обними меня крепче!"

Тридцать лет не решался рассказать я о девочке, со школьной парты попавшей в *захватчицы* самолета, потом в тюремную камеру, потом в клетку "прогулочного дворика", и там ступившей на мостик через поток Млечного Пути.

Что такое любовь? Скверна, как уверяют монахи? Пошлость, как думают пошляки? **Или это таинство, в котором земное и небесное соединены так, что небесное спускается до земного, а земное восходит до небесного?**

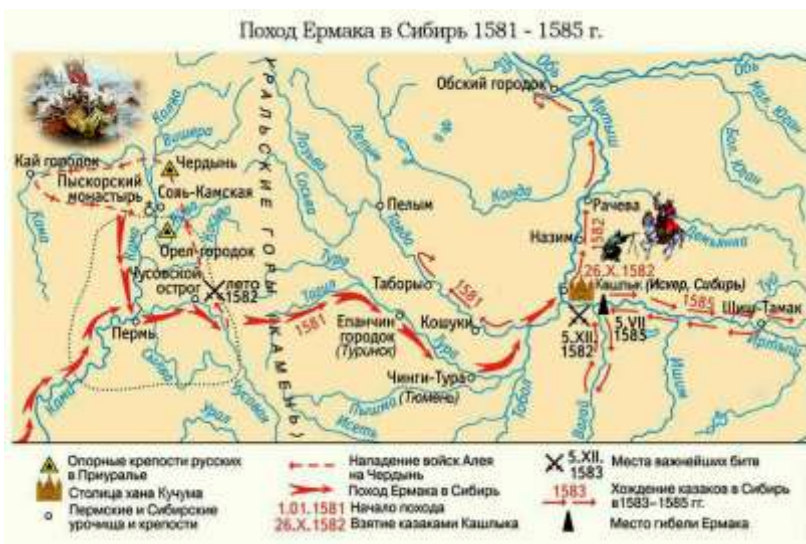
Но что ей до этих споров, если не было еще у нее никакой любви, и ей еще трудно было сказать, какая она на самом деле, – но силы и жестокости, которые могли в этом споре сыграть главную роль, она справедливо боялась.

Время стерло в памяти ту апрельскую дату нашей последней встречи, ноя ее еще узнаю, когда историки Большого Дома напишут историю его тюрьмы.

И тогда прочитаю я о том, в каком году и кто ее построил, в каком году и при каком начальнике *окна закрыли жалюзи*, так что свет дневной в камеру проникал, но что было на воле, увидеть не удавалось, ни деревьев, ни даже облаков на небе; в каком году и кто прогулки по тюремному двору заменил прогулками в деревянных клетках, построенных посреди этого двора; и, наконец, прочитаю я и о последнем ограничении свободы, введенном в апреле семидесятого года, и там будет указано, какого числа это произошло. Когда нас снова вывели гулять, мы увидели, что поверх всех деревянных клеток *натянута частая проволочная сетка (О, Осанна коммунистической доктрине!!!)*, так что сквозь нее не пробросишь ни сигарету, ни конфеты, ни тем более любовное письмо со стихами. Но там не будет написано, по чьей вине это произошло...

Мы отыграли нашу любовь еще под *открытым* небом – последние – а после нас если кто-то в этой тюрьме и влюблялся, то уже *под небом, закрытым стальной сеткой*, и ни небесному было не снизойти до земного, ни земному не подняться до небесного.

Часть 6. Суриков как свидетель

Гости из Сибири (из статьи М.П.Чернышевой)

У Петербургских меломанов Праздник: в Малом зале филармонии концерт высоко ценимых и любимых слушателями музыкантов из Сибири – Красноярского камерного оркестра, возглавляемого его создателем и главным дирижером Михаилом Бенюмовым, заслуженным деятелем искусств РФ, профессором, организатором музыкального фестиваля «Азия – Сибирь – Европа». Вряд ли еще где-то существует такой высококлассный оркестр, все молодые музыканты которого – воспитанники дирижера, великолепного скрипача и педагога! В этом основа высокого уровня мастерства и прекрасного звучания оркестра, необходимых при исполнении выбранного дирижером репертуара. В него вошли произведения Л. Боккерини, Г. Доницетти и А. Вивальди, важные для развития не только музыкального кругозора, но и мастерства молодых музыкантов.

Скрипачка Дарья Манза и дирижер Михаил Иосифович Бенюмов

Список побед Дарьи Манза, приведенных в программе, весьма впечатляет: диплом I степени Международного конкурса имени Е. А. Мравинского, трехкратная золотая медалистка Дельфийских игр, лауреат и обладатель Приза зрительских симпатий IV Международного конкурса имени Ю. И. Янкелевича, обладатель именного подарка – скрипки французского мастера А. Карбонара, и многие другие достижения.

У молодого музыканта большие перспективы!

Если быть точным в названии, кантату «Gloria» Вивальди можно было бы назвать: «кантата ре мажор для хора, органа, солистов и оркестра», где роль органа исполняет хор, солисты – три певицы: Александра Репина, Надежда Брусницына, Мария Филатова, а также исполнитель партии клавесина Михаил Блехер. Дирижировал художественный руководитель хора Владимир Беглецов. Мастерство дирижера позволило хору выполнить основную роль: звучать как многоголосый оркестр или как орган в соответствии с партитурой. Доминирующее звучание хора не подавляло «голосов» оркестра и прекрасно звучавшего клавесина. Богатство интонаций и мелодий, присущие Вивальди, проявлены исполнителями в полной мере и кантата прозвучала как радостный гимн Музыке мироздания

Вездесущий свидетель

Моя встреча с маэстро состоялась в ноябре 22 года (то есть около года назад), после первого отделения концерта я подошел к рампе, чтобы вручить дирижеру и скрипачке книгу и розу, но в последний момент замешкался, мне показалось неудобным вручать маэстро, которому вскоре должно было исполниться 75 лет, рассказы о любви, и я вручил их юной скрипачке, а дирижеру – розу.

В антракте я проходил мимо маэстро, окруженного толпой меломанов, но он меня заметил и подозвал (поманил пальчиком).

Ты что же это мне вручил розу? Не порядок. Но мы поменялись, я отобрал у нее книгу и сегодня же начну ее читать, так как я только начал понимать, что такое любовь, и она будет мне кстати.

Тут он вдруг пристально на меня посмотрел и воскликнул: «А ну-ка поверни голову влево! А теперь вправо... Ну конечно, это именно ты! У меня фотографическая память, я вчера был в Русском музее и постоял около творения Сурикова «Покорение Ермаком Сибири», в центре картины изображен казак Чернышов, заместитель Ермака Тимофеевича. Ты красноярец?»

– Я родился на границе Красноярского края и Иркутской области, и директор Русского музея Владимир Александрович Гусев даже снимал эту картину со стены в середине 90-х годов и мы там прочитали собственноручную запись Сурикова (кстати, тоже красноярца и *чалдона*, как и я), что на картине изображены два несомненных персонажа русской истории **Ермак Тимофеевич** и его заместитель **казак Чернышев**,

– Ну, в девяностые году можно было купить и сам Русский музей и перевезти его в Сибирь (были бы деньги), а снять картину со стены – это конечно, мелочь... Ты не спрашивал, за сколько это можно было сделать?

– Может, и спрашивал, но я тогда был занят факсимильным изданием Радзивиловской Летописи, и довольно поиздержался. А снять со стены картину Сурикова стоило столько же, сколько Сурикову – рисовать пьяного казака на Красноярском базаре.

Когда я предложил снять со стены картину, Владимир Александрович только спросил: «*А бутылку ты принес?*»

То же самое спросил и казак Чернышев у Сурикова (возможно, это как раз был мой прадед, так как сходство со мною действительно несомненно). Суриков об этом рассказывает в своих воспоминаниях, и на вопрос казака он воскликнул: *А как же!!!*

То же самое воскликнул и я на вопрос Владимира Александровича, и он удовлетворенно ответил: *Ну, тогда подходи к шести часам, и вместе снимем.*

Он, конечно, пригласил и рабочего, специалиста в этом деле, картину мы аккуратно сняли и положили тут же в зале на два стола. К сожалению, хотя я не забыл припасти бутылку, но не догадался захватить фотоаппарат – если только не взял его тогда Владимир Александрович, это я уже не помню.

Но ничего, еще не только вечер, еще продолжается и день...

Бутылку мы тогда распили вдвоем, проходящие мимо служители на нас смотрели с изумлением, вероятно, завидовали, а мне остается сегодня только завидовать самому себе.

Надпись на обратной стороне полотна была сделана, кажется, углем, но я надеюсь еще когда ни будь повторить сей наш подвиг и тогда уж мы сделаем и фото, фотоаппараты у нас сегодня всегда при себе, это мобильники.

Так как сегодня Владимир Александрович уже решил передохнуть от своего чрезвычайно ответственного поста, то я и решаюсь столь экстравагантный эпизод из его служебного списка – кстати, *характеризующий его с самой лучшей стороны* – предать огласке.

Ныне директором назначена дама, а мое обаяние с возрастом, увы, не возрастает, в девяностые же годы я был довольно заметной фигурой в Русской культуре – но, во-первых, ничто не мешает мне вновь прославиться или хотя бы стать заметным, а во-вторых, ... но чуть позже...

Посиделки в зале Русского музея нам так понравились, что Владимир Александрович предложил мне нечто не менее грандиозное: а именно (в другой раз, сказал он, когда будет благоприятный случай), посмотреть и еще кое что, недоступное простым смертным.

И через несколько дней случай такой представился, что-то важное удалось предложить Русскому музею на Выставку и мне, и тогда из запасников достали громадный вал, на который была намотана картина Репина (и Кустодиева - как мне сегодня пояснила наша семейная подруга Инна А.) «**Государственный Совет**». Не помню, когда-нибудь эта картина экспонировалась для публики или нет, но для меня – экспонировалась. Пишу же я об этом не только потому, что хочу похвастаться, но и чтобы махнуть, наконец, рукой на мелкие обиды, которые, конечно, накопились у меня в отношении нашей **власти**. Не государственная часть народа не превознесена вниманием властителей – а Владимир Александрович, как и я, принадлежит к русской интеллигенции, но нас не приглашают на Заседания «Государственного Совета».

Итак, мой рассказ о Сурикове пока не полон. Но не буду расширять его за счет того, что можно найти в интернете. О том, что и у меня есть некоторое сходство с Суриковым, в интернете мы не найдем – но неуловимое, словно исчезающий запах можжевельника, сходство есть у всех чалдонов.

Михаил Иосифович рассказал, что во второй половине 19-го столетия губернатором Красноярского края был тоже Чернышев – вероятно, он принадлежал к какой либо ветви графского рода, но не из потомков русских средневековых героев: Поход Ермака в Сибирь состоялся в **1581-1585** году, около 440 лет назад).

Снимут ли для меня со стены снова знаменитую картину Сурикова? Ну, надо будет снова прославиться, и тогда я приглашу в Петербург на эту торжественную церемонию Михаила Иосифовича Бенюмова с его Камерным оркестром. Ну а если не прославлюсь? **Тогда** мне придется заинтересовать Русский музей ... (но тесс, Василий Иванович, об этом **тогда**... Пусть сохранился интрига!) А пока я представлю несколько подходящих картинок в завершение рассказа любопытным читателям...

Василий Иванович Суриков. Покорение Сибири Ермаком (1895)

Я - справа

Максимилиан Волошин писал: *«В творчестве и личности Василия Ивановича Сурикова русская жизнь осуществила изумительный парадокс: К нам в XX век она привела художника, детство и юность которого прошли в XVI и в XVII веке русской истории. Он (Суриков) был действительным свидетелем и похода Ермака, и Стеньки Разина, и боярыни Морозовой, и казней Петра».*

В. И. Суриков

В. И. Чернышев

Известно, что Суриков был человеком необычным, однажды он подрался с архитектором Свиныным из-за его жены. Хорошо, она успела вернуться из театра с детьми и притязания Сурикова на ее ложе энергично усмирила.

Суриков с внучкой Наташей Кончаловской

Наталя с первым мужем

Сергей Михалков

Павел Васильев

"В наши окна, щурясь, смотрит лето. Только жалко – занавесок нету Ветренных, веселых, кружевных. Как бы они весело летали В окнах приоткрытых у Наташи, В окнах незатворенных твоих! И еще прошеньем прибалую - Сшей ты, ради бога, продвунную Кофту с рукавом по локоток, Чтобы твое яростное тело С ядрами грудей позолотило, Чтобы наглядеться я не мог".... **ВИ:** С Суриковым я не встретился – но встретился вместо меня **Павел Васильев** (через Наташу) – кто же кроме него?

Часть 7. Пред лицом всевидящих

**Послесловие, из которого наконец-то должно стать ясно,
что именно я хотел объяснить себе и другим**

1. По-видимому, **я хотел понять**, в чем смысл жизни, объяснить это сначала себе, потом читателю, но одновременно – понять, **почему мы никак не можем договориться** о каком-то общем представлении, во имя чего стоит жить, и, наконец, **что хорошо, что плохо, в чем добро и в чем зло**. Но отсюда следовало, что надо прежде понять, почему не удастся никому ничего объяснить, более того, почему никто не хочет слушать и читать наши объяснения (и мои и таких же "умников", как я.).

И причина этого в том, что *люди недостаточно образованы, они не пытаются заново понять природу добра и зла, ибо имеют уже врожденное понятие о них, и отказываться от него им так же трудно, как отречься от мифологии отцов*: то от языческих представлений, то от представлений о дьяволе, то от представлений о **классовом враге**.

Умники для них так же сказочны, как Баба Яга и Кощей Бессмертный, они не уверены, что эти умники – живые подлинные люди – если я живу рядом с ними, на соседской парте, за соседним столом в учреждении, где мы работаем, или рядом на поле, на котором мы копаем картошку – и то мне не удастся их заинтересовать *размышлениями*. Возможно, я и сам мало образован, *не имею таланта убедительно и выразительно излагать свои мысли и находить для них форму, которая может привлечь даже глупого пингвина, а не только человека (хотя бы и глупого)?* Кто такие эти умники, почему думали не так, как все, и почему были чужими для всех, когда проповедовали своё разумное, вечное, доброе? Вот они, люди и сущности: "*Александрийская библиотека*", "*наука логики и математики*", *Гипатия Александрийская*, Таис Афинская, **Коперник**, Галилей, Кеплер, **Джордано Бруно** (1548 – 17 февраля 1600, на «Площади цветов в Риме»)...

9 февраля инквизиция признала его нераскаившимся грешником и приговорила к казни «без пролития крови», то есть к сожжению. *«Вы с большим страхом выносите мне приговор, чем я его выслушиваю»*, – сказал он судьям.

Светский суд подтвердил приговор церковного и 17 февраля 1600 на Площади Цветов в Риме состоялась публичная казнь. Последними словами Джордано Бруно были: «Я умираю мучеником добровольно и знаю, что моя душа с последним вздохом вознесётся в рай». Эти слова он произнес, отвернувшись от поднесенного к его губам распятия.

Памятник Джордано Бруно. Надпись под ним гласит: "Джордано Бруно – от столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжён костёр"

Люди, вступавшие в конфликт с эпохой, были весьма разные, не всегда и не во всем они были правы, но они чувствовали **время и направление некоего духовного ветра** и пытались способствовать движению истории в том же направлении.

Гипатия Александрийская была ученой женщиной, превосходно знала математику, изобрела астробию (морской навигационный инструмент), не сомневалась в том, что Земля круглая. Ее противники математики не знали, были **невежественны** и во всем остальном, кроме Ветхого и Нового Заветов.

Но при этом Лютер математики не знал, хорошо знал Библию, с латыни перевел ее на немецкий язык, сделав доступной для немецкого читателя. **Его противники не знали не только математики, но были невежественны и в Священном писании** – однако в споре Лютера с католической церковью победителей не было: Германия стала протестантской страной, христианство в ней сохранилось, и мнение о том, что Земля круглая и не является центром мироздания, не утвердилось ни там ни сям... Кстати, Джордано Бруно Библию знал наизусть... Сейчас часто приходится слышать о том, что Бруно не был ученым – обращаясь к астрономии и математике, он допускал грубейшие ошибки, в его трудах полно нелепостей и неясностей. Отчасти это верно, хотя немало серьезных ошибок и нелепостей можно найти в трудах любого ученого-основоположника науки Нового времени – от Галилея до Ньютона. Бруно действительно не был ни астрономом, ни математиком, ни философом-логиком в духе Декарта или Спинозы. Его важность для современной науки состоит в другом...

Идеи Коперника, Галилея, Кеплера и Джордано Бруно о бесконечности вселенной, Гелиоцентрической системе мира и о том, что Земля и земная цивилизация (а отсюда напрашивается – что и земной Бог) не являются физическим центром мира (а, может быть, и духовным?) – становятся общим местом – но противостояние Знания и Невежества не ослабевает.

2. Кто же с кем борется?

Сегодня распространено убеждение, что история последних двух тысячелетий – это **борьба религии**, точнее - христианства (или Богословия) **с наукой**. Но в 20-м столетии в России произошла Революция, направленная против Христианства, против религиозного представления и мировоззрения, против чувства связи личности с народом, в котором эта личность укоренена (то есть против **почвенничества** – иначе говоря, против **национализма**).

У Ленина были три бранных слова: **русский, проститутка, поповство...** Русские, конечно, были шовинистами, *сознание человеком его родства своему народу было контрреволюционным убеждением*, философы, особенно умные, почти все, кроме Гегеля и Маркса (который, по существу, никаким философом и не был) были попами и исповедовали *поповство*, то есть *мракобесие*, все те, кто с Лениным не соглашался, были контрреволюционерами, ренегатами, или *проститутками* (*ренегат Каутский, проститутка Троцкий, попина Гапон* – хотя он и в самом деле был *попина, поп Беркли...* да еще "проповедники поповства", например философ Мах и его последователь в России Богданов). Но был ли большевизм Ленина борьбой за культуру, науку и просвещение против поповства? Борьбой просвещения против мракобесия?

Конечно, нет! Поэта Гумилева Ленин расстрелял, журналиста и публициста Меньшикова (русского националиста) Ленин расстрелял, Николая Второго вместе с семьей расстрелял, Колчака, видного исследователя Арктики и борца за освобождение России Ленин расстрелял, академик Ухтомский уже стоял под расстрелом, но его ученик на коленях умолил Ленина пощадить своего учителя и в последний момент примчался с дарственной грамотой и расстрел отменили (а моя жена даже студенткою у него училась! – все же эта история происходила даже рядом с нами!), князя Андрея Ухтомского, архиепископа старообрядцев, Ленин (даже после своей смерти, в 37-м году) расстрелял, профессоров гуманитарного направления, целый пароход, в 22-м году выслал из России, а сколько бежало, спасаясь от смерти и мученичества, например, Рахманинов и Шаляпин, например Врангель, исследователь Арктики, Бунин, первоклассный писатель... да и все остальные бежали тоже... Бежал Сикорский, конструктор самолета «Илья Муромец», создавший в Америке вертолет, бежал Зворыкин, создавший в Америке телевидение, бежала Плевицкая, Марина Цветаева, в 40 лет умер Блок (его отравили), бежал Анненков, рисовавший Ленина, бежал Игорь Северянин, Мережковский, Гиппиус, бежал поэт Ходасевич, написавший «Пробочка над йодом крепким, как ты скоро перетлела! Так вот и душа незримо Жжет и разъедает тело.»... Бежал Георгий Ив́анов... «Когда мы в Россию вернемся?»... Георгий Адамович... Павел Флоренский... Но так много имен! – всех не перечислить... всех даже Ленин расстрелять не сумел... **Хотя он смог расстрелять 7 миллионов русских крестьян Поволжья вместе с детьми в 21 году, отобрав у них хлеб.**

Когда мы в Россию вернемся? Георгий Адамович думал, что Россия еще существует, что есть граница, отделяющая ее от мира – хотя это была единственная в мире граница, на которой расстреливали тех, кто ее тайно пересекал. Граница между Россией и миром существовала, но это была граница, отделяющая мир от тюрьмы, и на самом деле многие, кто вернулся в Россию, попали позже в тюрьму или им пришлось повеситься, как Цветаевой. Следовательно, **возвращаться было и некуда.**

А куда можно было вернуться мне, например, в 70-м году, когда я жил в СССР? Это ведь была **не Россия**, и немало тех, кто в то время из нее бежали, потому что искали подлинную Россию.

Итак, в 17-м году в России произошла Революция, в которой господство христианства над умами человечества было низвергнуто, оно (христианство) тоже было расстреляно, и вся сопутствующая земная структура жизни, привязанная к господству христианства, была «уничтожена **до основания**» – и хотя затем **«мы должны были наши, новый мир построить»**, но мира мы не построили, мы жили в ветшающем наследии старого русского мира, среди дворцов и особняков Петербурга, среди книг русской классики, в старом Академическом театре, среди стихов Серебряного века, среди картин Ив́анова, Репина, Кустодиева, Сурикова, Крамского, среди железнодорожных вокзалов, построенных до Революции, проезжали по железным дорогам по железнодорожным мостам, построенным до революции – а ведь НИ ОДНОЙ железной дороги в России не было построено после Революции и ни одного красивого здания! Странно, что красивые женщины еще рожали красивых детей!

До войны в СССР был автомобиль (Газик) с одной ведущей осью (по нашим дорогам), американский Студебеккер (по Ленд-Лизу) до 60-го года был единственным проезжим автомобилем. Где Королев и Глушко разрабатывали свою ракету? В тюрьме. Где Туполев строил свои Ту-104? В тюрьме.

Но русский народ (который в День Космонавтики не упускает погордиться полетом Гагарина), так влюблен в Сталина, что никак не может избавиться от ненависти к Хрущеву. **Да русский ли этот «русский народ»?**

Вот я выпускаю журналы, пишу и издаю книги (свои и чужие), даже написал учебник математики, русские и Шаляпин, и Бунин, и Лермонтов и Некрасов – но кем гордится «русский народ»? Человеком неизвестного происхождения, с *«широкой грудью осетина»*, плохо говорящего по русски. **Русский ли этот «русский народ»?**

«Что еще за так называемая Русь?» – это разве евреи брезгливо мне так говорили? Это говорили мне «русские!»

Если академик Панченко прав, и действительно идеальный правитель – это *"человек средней культуры и среднего интеллекта, среднего духовного уровня"* – то привязанность народа к Сталину не случайна: **в 17-м году победил средний человек**, ненавистная власть «благородных», аристократии и дворян, ненавистная власть ученых над неучеными, **людей культуры над людьми дела**, вообще власть **культуры над делом**, власть **искусства над ремеслом**, власть **образованности над невежеством** – была низвергнута. Духовенство к этому времени уже тоже стало интеллектуальным, культурным слоем, дети попов пошли в разночинцы и даже в писатели и в революционеры (хотя скоро пришли **настоящие революционеры**, уже не дети попов, а дети сапожников и часовщиков, недоучившиеся семинаристы и юристы, сдающие экзамены экстерном и не выигравшие ни одного адвокатского «дела»!)

А Хрущев ненавистен тем, что хотя *он не очень умен, но окружил себя умниками*, перестал их сажать, освободил выживших и доживших из тюрем и лагерей, как Тимофеева-Ресовского и Даниила Андреева, как Печковского и Головина, Ариадну Цветаеву и Надежду Мандельштам, Козина, Козырева, Русланову, Солженицына, Шумовского... иные вскоре стали знаменитыми... иные получили возможность приехать с Колымы в европейскую Россию, как Смоктуновский. *Ну и сидели бы в своей заполярной России и не зывали бы к нашей совести?* Да еще Хрущев приблизил к себе Твардовского, не посадил Эрнста Неизвестного и Дудинцева, позволил стать знаменитым Владимиру Солоухину и Тендрякову, показал в документальном фильме известного думского политика Шульгина, освободил Даниила Андреева ...

И я вдруг понимаю, в чем состоит главный **нерв Истории** всякого народа – это противостояние и борьба **Одномерного человека** (Герберт Маркузе) против **Многомерного** (это то же самое, что Скалозуба и Молчалина против Грибоедова, и то же самое что Манилова и Хлестакова против Гоголя). Но действительность гораздо страшнее. **Одномерность – это насилие**, его высшим выражением является **убийство**; **многомерность – это поиски взаимопонимания**, это воздействие на ум человека воспитания, школы и культуры, а во многих случаях – особенно в Новое время – воздействие на душу человека религии и церкви.

НЕ борьба одного народа с другим (или другими) за власть, за богатство и территорию является главным содержанием истории.

(Хотя почти невозможно освободиться от представления, что именно в войнах проявляется борьба между народами и войны за господство как раз и аккумулируют в себе содержание истории.)

Только рассматривая связи **внутри** государства, мы поймем подлинную историю. Общество состоит из **сословий**, в монархическом обществе, каковым являлось общество Российское, правящими сословиями были аристократия и дворянство, предельным выражением которых являлся самодержец.

Но всегда ли самодержец был хорош? **Иван Грозный** сосредоточил в своих руках (как позже большевики и Сталин) всю политическую власть, репрессии обрушивались не только на народы тех государств, с которыми Россия вела войны, но и на население собственной страны, причем на аристократию и дворянство пришлась основная часть репрессий, и несмотря на значительные усилия в войнах с соседями, Россия не только не приобрела новых территорий (Прибалтику), но и потеряла то, что имела (берега Ладоги и Финского залива). А как же завоевание Казанского и Астраханского царств? Но эти завоевания были осуществлены другой Россией, то есть Россией под управлением Боярской Думы, Иван в это время был еще малолетним и не только не был самодержцем, но даже не правил.

Внушительные успехи сталинской империи тоже оказались кажущимися. Россия потеряла половину деятельной части своего народа, **у нее оказался сломан позвоночник**, и сегодня, быть может, мы наблюдаем **последний Акт Трагедии**, которой является **гибель России** (как некогда погиб Титаник, как некогда погиб Рим, казалось бы бывший на вершине могущества). Смерть ведь не всегда наступает мгновенно, иногда она является результатом долгой болезни. Сегодня Россия больна, лекарства нет, лекарств – тоже, население России не заинтересовано в ее выздоровлении. Почему? Потому что здоровая Россия – это Россия многомерная, Россия, в которой доминирует человек много-мерный. Особенность же одномерного человека состоит в том, что ради власти он готов пожертвовать родиной, более того, родину он даже не принимает во внимание, она не входит в состав его одномерности.

Многомерный человек стремится реализовать условия для культуры и свободы и строит общество и общественные связи так, **чтобы свобода не ущемлялась и культура развивалась**, так же строит человек многомерный и систему образования, для которой культура является основанием.

В царстве одномерного человека культура заменяется пропагандой (посмотрите на Россию Сталина и Германию Гитлера) – *но это еще цветочки*. **В царстве одномерного человека идет война против человека многомерного** и против его культуры – *но и это еще цветочки*.

Пока я не знаю, какие дьявольские силы включились в борьбу (ибо **одномерный человек** глуп и у нас оставались еще шансы на победу – (хотя за ним численное превосходство) – но в истории повеял новый ветер, началом которого является формула государственного устройства, описанного Платоном в его книге «Республика». (Возможно, он хотел нас предостеречь – но вместо этого *его книга стала руководством к убийству человека*).

Теперь у человечества (то есть у **одномерного человека**, который составляет большую часть человечества) появилась новая цель – создание общества и государства, в которых появится и будет преобладать совершенно исключительная личность, которую и личностью уже нельзя называть. Целью современного научного развития становится не только создание Республики Платона, но и создание нового человека, из которого эту республику только и можно создать. Опыт России показал, что человек – даже будь он одномерным, – не годится в качестве строительного материала нового общества – точнее, Общества нового типа, – необходим НЕ человек, его надеются создать вожди новой Республики (точнее ее называть не новой, а глубоко старой – это и есть Республика Платона.)

По Платону «**знание – это припоминание**», мы должны вспомнить то, что УЖЕ знали, к этому должны быть обращены наши усилия. Что очень важное мы когда-то знали? Когда то, то есть 12 тысяч лет назад, человечество создало искусственный разум, искусственного НЕ человека, а человекоподобное существо, и была в первый раз создана **коммунистическая республика Платона**, где не только на виду был каждый шаг этого **нечеловека**, но и каждая его мысль.

Зачем это? Трудно понять, объяснить и сказать – даже мне. Это парадоксальное сознание, это шизофрения или паранойя. Зачем Ленин в горячке иступления не только бормотал слово *расстреляние*, но и заполнял все свои 55 томов сочинений этим словом: «*расстреляние, расстреляние, расстреляние*»? Так ли было необходимо провоцировать голод в Поволжье и фактически организовать его для победы коммунистической революции в России? *Так ли необходимо было развязать Гражданскую войну, чтобы физически уничтожить прежние российские образованные сословия?*

Но параноидальное сознание понять и объяснить не просто.

2. Люди культуры. Понятия одномерного и многомерного человека хотя и убедительны, но в социально-историческом поле их применять не всегда уместно. Все же мы еще не машины, и даже двумерный человек не движется по плоскости, а в трехмерном пространстве, даже когда он косит сено (и я свидетельствую, что это так).

Но одномерный, прямолинейный человек, весь вмещающийся в прямую линию, попросту невозможен, хотя он существует – но, видимо, не в геометрической форме.

Общество делится не только на мужчин и женщин, на дворян и крестьян, но оно делится на **два типа людей**, которых мы встречаем в нашей повседневной жизни: Это **люди** действия, деятельности, **дела**, содержанием которого являются в основном мышечные усилия (то есть механическая работа по перемещению массы в пространстве). И **люди культуры**. Такое разделение людей на два типа изобрел Лев Толстой. Он заметил, что поэт, писатель, композитор и математик мало машут руками, результаты их **работы** (того, что они называют по своему самонаименованию *работой*) – это не скошенное сено и не вспаханное поле, а буквы или ноты на листах бумаги, которые нельзя ни одеть, ни съесть, ни выпить. То есть НИЧТО.

Это прискорбно – то, что человеческая деятельность распадается на эти два типа, один из которых представляет собою *нечто возвышенное, но бесполезное*, а другой – *только меркантильное*. Но еще прискорбнее то, что большая часть человечества к культуре и деятельности по ее производству относится пренебрежительно, лишает ее духовной ценности, и отрицает и сам Дух, который является производителем культуры, хотя при этом жизнь, посвященная производству пользы, не делает человека счастливым.

Но это не всё. Мы только что установили, что одни из нас одномерны, другие многомерны, одни просты, даже скорее примитивны, другие – сложны, не понятны, иногда непостижимы, так что ставят в тупик даже логику. Не случайно ведь Пушкин воскликнул: «И гений, парадоксов друг». Но не в этом трагедия и зло. Люди всегда неодинаковы, и всегда такими были, но уживались друг с другом, крестьяне даже против помещиков бунтовали редко, восстания Разина и Пугачева начинались все же как бунты казацкие, полуэтнические, а не сословные. Кому завидовал мужик? Своему брату куркулю, кулаку, выбившемуся в люди, а не барину (правда, до поры до времени) -

Пока не проросла и не возросла идеология и психология, направившая энергию зависти куда надо: против храма на пригорке, как назойливой красоти, бахвалящейся своей красотой, против господского дома на соседнем пригорке, чистого и ухоженного, с цветником и садом. (в деревне, в которой мы ныне обитаем летом, мы появились 26 лет назад, и первое, что бросилось в глаза все м жителям деревни – это куст жарков около забора и ранней весной нарциссы по всему огороду, на всех грядках. Правда, деревенскими летними жителями к этому времени стали как раз повзрослевшие городские дети, и они тут же переняли у нас цветы как **новую моду**, и теперь кажется, что так всегда было, классовой войны не случилось.)

Противостояние между культурой и антикультурой есть, но оно не между городом и деревней, а в основном в городе, там оно видимо, и там основной пласт жителей:

«Лишь только вечер затеплится синий, / Лишь только звёзды зажгут небеса / И черёмух серебряный иней / Жемчугами украсит роса. ...» - одни из нас спешат в филармонию и театр, в храм или «кабак» или (в крайнем случае) **приникают к экрану компьютера**, на котором выбирают то, что мило сердцу и уму, а другие **включают телевизор**. В советской России нет разных народов, разных сословий, вероисповеданий и политических взглядов, есть только сериалы, поиски родственных отношений между «отцами и детьми» (мои или чужие), передел жён и мужей. Если же тянет на арену, посмотреть на бой гладиаторов или на костер, на котором сжигают очередную ведьму, то милости просим на ристалище между *нашими и ненашими*...

Иногда такие ристалища возникали на творческих встречах поэтов, писателей, художников, философов, «по форме они напоминали дореволюционные воскресные собрания на петербургской квартире **Мережковских**. Проходили они с 16 до 19 ч и собирали весь цвет «русского Парижа». Постоянными участниками этих собраний были Г. Адамович, М. Алданов, Б. Зайцев, Тэффи, Г. Иванов с И. Одоевцевой, В. Ходасевич с Н. Берберовой, Н. Олуп. Захаживал на них И. Бунин.» Не было на них Николая Гумилева, он был расстрелян в 21 году, ему было только 35 лет (1886 – 1921).

Но Павлу Васильеву в 1934 году было только 27 лет. **«Говорят, все когда-то сочиняли стихи. Чуть ли не 90 процентов человечества. Но отчего, отчего же тогда настоящие поэты всегда оказывались считанными единицами любого народа? И отчего их ненавидело большинство, а власть порой безвинно убивала? Вот - вопрос вопросов?»**

Три великих русских поэта последнего времени: Гумилёв, Есенин, Павел Васильев были убиты, один из дворян, двое из крестьян, значит, не только *русско-варяги* были талантливы, но и русско-славяне!? Слиться генетически в единый народ мы не успели, как еллины, но язык литературный все же у нас был один, русский, и на нем мы написали лучшие в мире стихи – только потомки большевиков, потомки Ленина и Сталина не имеют права называть себя русскими, даже если их родители и имеют какое либо отношение к нашему **двуглавному племени**. Эта власть и этот народ (большевистское семя) поэтов ненавидят и не иногда их убивают, а ВСЕГДА.

Но я еще не закончил о том, что движет историю, что является ее пружиной или нервом. (Хотя надо помнить и то, что погода меняется иногда в течение часа, только что было ясно и спокойно, и вдруг ураган начал выворачивать с корнем деревья). Так и события в жизни страны. Февральская революция была незаметна, не слишком заметна и Октябрьская – но кто мог предвидеть мощь и абсолютную безжалостность урагана, который разверзся над громадной страной, чуть ли не в треть Земного шара?

(Кстати, вспомнил, что забыл приписать в нужном месте, что на стр 38 есть подпись под Саркофагом: **«Саркофаг муз (П в. н. э. Лувр, Париж). Слева направо: Каллиопа (со свитком), Талия (с маской в руке), Эрато, Эвтерпа (с духовым музыкальным инструментом), Полигимния, Клио, Терпсихора (с кифарой), Урания (с жезлом и Глобусом), Мельпомена (с театральной маской на голове)».** (**Globus** лат. – "шар")

Сферичность Земли была установлена греческой астрономией в 3 веке до нашей эры, и самый ранний земной шар (глобус) появился в этот период

В средние века в христианской Европе, хотя и существуют труды, в которых упоминается идея о том, что земля *сферическая*, никаких известных попыток изготовления глобуса до пятнадцатого века не предпринималось.

(Так что же нам принесло христианство и христианский Бог? Еще до рождения Христа европейцы знали, что Земля круглая, а вспомнили об этом только когда Коперник сообщил им это перед смертью в 1543 году).

Именно **с пришествия Христа религия и богословие вступили в войну с наукой** (особенно с астрономией и ее представлениями о мире).

Правда, война шла не только с женщинами-учеными, но и со всякими красотками, распутными или целомудренными, ничего не бравшими в руки кроме прялки или не выпускавшими из рук меча, как Жанна Д'Арк. Война шла и с необразованными мужчинами, если они смотрели слишком прямо.

Но большевикам удалось перевернуть наши представления о ходе истории: их «наука» смогла превзойти в мракобесии даже «богословие» древних инков с их массовыми многотысячными жертвоприношениями.

К ЧЕМУ ЖЕ МЫ ПРИШЛИ?

В 11-м – 12-м веках и в начале 13-го Русь была условным *сообществом отдельных княжеств*, которые временами воевали друг с другом – но ведь не княжество нападало на княжество, а один князь на другого, тем более что *коренное население Новгородско-Киевской Руси было славянским, а правящее сословие – варяжским*. Будучи с 9-го по 13-й век скорее условно **Киевской Русью** под властью Великого князя Киевского, Русь тем не менее расширялась на северо-восток.

Летом 988 года произошло официальное Крещение Руси в Киеве князем Владимиром Святославичем, которого историки называли великим, церковь – святым равноапостольным, а народ прозвал *Владимиром Красное Солнышко*. (Хотя я не готов доказывать, что сие по заслугам). Тем более что и Расцвет Древнерусского государства связан не с *Красным Солнышком*, а с его сыном *Ярославом (Мудрым)* и правнуком *Владимиром (Мономахом)*.

Ярослав Мудрый (978 – 1054 гг.) прожил долгую жизнь и правил в стольном граде Киеве без малого 40 лет – с **1016 по 1054 годы**.

При **Владимире** (Всеволодовиче) **Мономахе** (1053-1125), правнуке Ярослава Мудрого, Великом Князе Киевском в (1113-1125), **Киевская Русь достигла своего расцвета**.

Отцом *Владимира Мономаха* был *Всеволод Ярославич* – один из старших сыновей *Ярослава Мудрого*, правивших после смерти родителя совместно в рамках “Триумвирата Ярославичей”, матерью – *неизвестная по личному имени представительница византийской императорской династии Мономахов*, в 1046 году выданная замуж за князя Всеволода в знак заключения мира между Киевом и Византией. *Всеволод Ярославич* – (сын князя Ярослава Мудрого) был к тому же сыном *шведской принцессы Ингигерды*.

Князь **Юрий Долгорукий** – один из **сыновей Владимира Мономаха** и его второй жены Ефимии, родился в 1090 году. В 1108 году **Владимир Мономах** отправил своего малолетнего **сына Юрия** править от его имени обширным Владимиром-Суздальским княжеством на северо-востоке Киевской Руси. В первые же годы правления Юрий Владимирович провозгласил Суздальские земли независимыми от **Киева**, а в 1132-м году уже вступил в войну за **киевский** трон. Но только в 1149-ом году он победил войско великого князя Изяслава Мстиславовича, захватил **Киев, разграбил и сжег**, однако уже в 1150-м бежал в Переяславль, а затем и в Суздаль. В 1155 году князь ростово-суздальский Юрий Долгорукий вместе с союзником Святославом Ольговичем повторно захватил Киев и вступил на его престол. Юрий Долгорукий был крайне непопулярен среди киевлян и в 1157 году умер во время пира, вероятно, отравленный киевскими боярами. После смерти князя его двор был разграблен народом.

Так как Киевская Русь прекратила свое существование в результате Нашествия Батгя на территорию русских княжеств в 1237 - 1241 годах, то лишь через 500 лет Киев стал снова принадлежать уже Московской России.

Однако большевистская камарилья вновь разделила Киевско-Московско-Петербургскую империю, **по результатам ее правления** Российская империя окончательно прекратила свое существование и вернулась в 17-18век.

Спорим ли мы о праве? Но ведь и французы произошли не только от галлов и франков, с которыми воевали еще римляне, но и от Наполеона, из корсиканцев, которые еще грабили на море и римлян и французов. Как и англичане произошли (как пишет Даниель Дефо) не только от «чисто-породных дворняжек», то есть от викингов и норманнов, но и от валлийцев, корнуэльцев и шотландцев, которые еще в 16 веке были даже сами по себе, и чтобы Францию совсем не завоевали эти наглые англичане, поспешили на помощь Франции и отправили на континент шеститысячную армию.

Так что мы произошли... произошли ли? Завершился ли этот процесс формирования единой нации из того двуглавого орла, который не случайно (хотя и нечаянно) стал гербом России, а теперь я пытаюсь его объяснить как откровение о судьбе нашего народа? Ведь после того, как двадцатое столетие дало каждому из нас шанс познакомиться и разговаривать, не только в тюрьме, но и на воле, с умными и оригинальными личностями, сегодня нам не с кем уже разговаривать, вершина величия человека – великий Сталин, человечный Ленин, гениальный мыслитель Маркс (политическая экономия которого либо переписана с теорий английских экономистов, либо рассуждает про зло *прибавочной стоимости, не понимая, как эта прибавочная стоимость появляется*).

Потомкам славян разве представились не те же условия, что и потомкам аристократов? Не все бежали на Запад, не всех и расстреляли, и в России умных и образованных осталось не мало, некоторых я встречал в Краслаге, в столице красноярских лагерей (там сидел и Шумовский, переводчик Корана), некоторых встречал в Тайшете, там я видел Русланову (мне было семь или восемь лет, и мама меня привела в Дом культуры на ее концерт, но давка была такая, что толпа вырвала меня из ее рук и вынесла к первому ряду, где я попал на чьи-то колени, зато я ее видел в трех шагах от себя)... Были прекрасные учителя, превосходные книги, не всё сгорело, когда сжигали имения, в бывшей столице оставались прекрасные театры, я познакомился с блоковской Незнакомкой, видел Ахматову (когда ее отпевали), слушал лекции Шаронова, отец которого пел с Шаляпиным (но и у Всеволода Васильевича был бархатный голос), разговаривал с Одоевцевой, удивил Елизавету Тиме расспросами о сватовстве к ней Керенского, ходил в Русский музей, в БДТ и Филармонию... разве этого не достаточно, чтобы *не умиляться массовости расстрелов?*

Оценивая историческую фигуру, надо у нее прочитать хотя бы несколько фраз... В этом бывшем великом городе, хотя и изуродованном потомками большевиков, еще есть на что посмотреть, есть и памятники императоров и поэтов, есть и портреты красавиц, гениев и героев. Затем отведем взгляд в сторону и посмотрим на что-нибудь другое...

Кстати, расскажу о двух зрительных впечатлениях.

Во-первых, я попал в Русский Музей на выставку Русского портрета, 18-го и 19-го века, сотни картин, очень быстро наступает усталость, как будто тащишь мешки с зерном. Эпоха Петра и Анны Иоанновны, сам Петр, Екатерина Первая, Меньшиков, князь-кесарь **Федор Юрьевич Ромодановский, Борис Петрович Шереметев...** Бирон... Елизавета Вторая...

Наконец Екатерина Вторая, Григорий Потемкин, братья Орловы, Григорий и Алексей, Александр Первый, Николай Палкин, Александр Второй... Но уже со времени Екатерины Великой я почувствовал, что словно с плеч моих упал тяжелый груз и грудь задышала свободно... В спорах о царях и их клеветах надо вглядываться в их лица, зрительное впечатление ошибается меньше, чем суетные мнения, лживые оценки, колеблющиеся веса и поверхностные споры. Какой смысл, какую истину содержит то или иное историческое действие? Наши оценки, подстраивающиеся под смысл ложных учений, также **лживы**. Но как любовь с первого взгляда не ошибается, так не ошибается всякое (хотя и с исключениями) первое впечатление.

Курс русской истории я прошел, пройдя мимо череды русских портретов.

Это важное и глубокое зрительное впечатление я получил в Москве в подвале ГУМа, где хранились скульптуры великого русского ваятеля Дмитрия Филипповича Чаплина (1890 – 1967). Кстати, с Татьяной Ивановной Лещенко-Сухомлиной, которая стала его женой, он познакомился в Париже. Вдоль стены универмага параллельно Красной площади были расположены бюсты Ленина и его сподвижников, красных вождей. Несомненно, что Чаплин, крестьянин по происхождению, был преданным сторонником большевизма и *изображал большевистских демонов с любовью*, но именно у него я впервые понял, что все они – **демоны**, когда прошел мимо его галереи их скульптурных портретов (в 70-х годах).

Кстати, в СССР имя этого скульптора, одного из трех русских гениев, было забыто (или и вовсе никогда не было известно), что исчерпывающе характеризует и современный русский народ, и бездушную социалистическую эпоху. Только в последние годы Третьяковская галерея начала собирать и реставрировать его работы. Как я только что прочитал в интернете, «в 2013 году дочь Чаплина Вера-Алена погибла, став жертвой «черных риелторов». Преступники завладели её квартирой в Москве на Тверской улице. На счету банды было не одно подобное убийство. Когда после долгих судебных разбирательств родственники смогли попасть в квартиру, она была пуста: работ Чаплина там уже не было, бумаги из семейного архива были свалены в кучу на балконе». Татьяна Ивановна родилась 19 октября 1903, умерла 10 декабря 1998 года в маленькой однокомнатной квартире, где висел на стене ее портрет кисти Фонвизина. У Алены в ее квартире на Тверской я тоже бывал, но если с ее мамой меня связывала (хотя и непростая) дружба, то с дочерью дружеские отношения не сложились. (Впрочем, после девяностых я и собственное прошлое вижу словно в тумане).

Как написано в интернете, *Дмитрий Цаплин – гениальный скульптор непростой судьбы*, был знаменит в Европе и забыт в России, а его работы пропали. И как я понял, изучая его портреты, не обязательно изучать жизнь 12 цезарей, достаточно их увидеть – лицо человека не только рассказывает всё о его жизни, но и все о жизни империи – если этот человек император.

Татьяна Ивановна, становясь старше, становилась интереснее и привлекательнее (надо посмотреться в зеркало – могу ли я это сказать о себе?) Увы, прикасаясь к прошлому, я с горечью вижу, как мало я помогал сохранить в нем то прекрасное, что подвергалось разрушению скорее всего, я все учился воображению, придумывал несуществующее – а надо было тщательнее записывать, о чем и с кем удалось мне поговорить, да и фотографировать надо было не только пролетающих мимо синичек – девушек.

С Татьяной Ивановной дружить было почти невыносимо, уж на что я ангел, но и то временами подолгу с ней не встречался. Однажды я устроил ей жилье с видом на Казанский Собор, напротив, на втором этаже, откуда я однажды помогал одной малолетней барышне спуститься с облаков на грешную землю, то есть помогал выбраться из заточения (мама ее закрыла на ключ, чтобы дочь не бродила по Михайловскому саду). И Т.И. не нашла ничего лучшего, как пожаловаться моей жене, что **я пишу стихи каким-то вздорным барышням**, а не ей, чуть не обольстившей самого Дали вместе с Пикассо. Пришлось на коленях вымаливать прощение у этой «скандальной» удивительной дамы. Хорошо, моя жена не спросила, **каким это барышням пишу я стихи – моя жена, как и жена Цезаря, выше суетных подозрений**.

Читаю её интервью Ларисе Прошиной, в частности:

«С каждой женщиной, кем бы она ни была, обращайтесь как с леди! **Посвящайте ей стихи, предпочтительно собственные, какие ни есть...**» Татьяна Ивановна была старше меня на **40 лет**, но если я шел с нею по улице, то не смел смотреть на других женщин. Конечно, она была особой скандальной, это про нее в чьих-то воспоминаниях *«Опять в Париже Татьяна Леценко, опять скандалы...»* - ну и что?

В 1991 году вышла её книга *«Долгое будущее»*, в это же время в Ленинград вернулась ее старая подруга Ирочка Одоевцева, Татьяна Ивановна велела мне срочно бежать к ней *знакомиться*, я и побежал, но воспоминания об этих встречах обнародовать мне не удалось: и с народом и с советской властью у меня затяжной уже почти **семидесятилетний конфликт**, о знакомых и друзьях я теперь боюсь что-нибудь говорить в публичном пространстве, чтобы их тоже не занесли в список лиц, которым *не положено говорить*. Ну, ладно, помолчим, Бог-то вечен, когда Он решит, что и мне пора вымолвить слово, **запретные списки государственных лжеохранников ничего значить не будут**, а пока – читайте *«Долгое будущее»* и воспоминания Ирины Одоевцевой **«На берегах Невы»** и **«На берегах Сены»**.

Татьяна Ивановна умерла в декабре 1998 года, моя жизнь в эти годы, как иногда казалось, *неслась под откос*, ушли многие из друзей и знакомых, так как большинство их принадлежало поколению, обожженному войной, но последние покинули нас 10 – 15 лет назад: Саша Михайлов (2008), Т.А.Шумовский (2012), Наташа М. Мне показалось, что моя жизнь – это картина, на которой изображены поэты, музыканты, художники, писатели, критики, картина эта называется «**Праздник жизни**», и вдруг как будто под порывом осеннего ветра герои картины исчезли – осталось полотно, на котором ничего нет... Но это только часть Трагедии, составляющей содержание моей собственной личной жизни.

В 2008 году вдруг вернулась ко мне Муза поэзии, я вновь начал писать стихи, написал несколько словно бы философских романов, активно выступал на частных философских встречах и в Союзе писателей, нашел сослуживца отца капитана Первого ранга Игоря Григорьевича Уварова, который встретился с моим отцом за день до его смерти, подружился с ним, встречался с его однополчанами, занялся поисками могилы отца, ездил в Военный Архив в Подольске, помогал И. Г. в отдельных розысках, познакомился с поисковиками, нашел Могилу отца на Линии Маннергейма в Карелии, с художником Костей Ивановым, товарищем Саши Михайлова, и Володей Т., товарищем Казимира, моего незабвенного друга, мы пришли на эту могилу, провели на ней молебен, возник проект устройства *памятника погибшим на Безымянной высоте* – памятника, расположенного на месте гибели воинов, а не на центральной площади расположенного неподалеку города, ездил с группой наших писателей в город Пряжу в школьный Музей воинской славы, мы стали участниками импровизированных литературных встреч, а я даже стал героем «виртуальной любовной драмы»... Споткнулись мы лишь на том, что провинциальные власти нищи, центральной власти Безымянная высота неинтересна, и что-то странное произошло с народом, рухнула дружба с Европой, ее место заняла вражда, и пространство интернета занял нелепый и глупый клич-угроза «**Можем повторить!**» – то есть якобы мы снова можем усесться на танки и въехать на них в Берлин. Этим дяденькам не довелось воевать, войну они видели только в кино, жить им стало скучно, и вот...

Но Игорь Григорьевич при наших встречах обычно меня утешал: так как я был уязвим, расстраивался, встречаясь с хамством и невежеством, то он еще в прихожую, пока я раздевался, приносил мне рюмку коньяку и говорил: Выпейте и скажите вслух – *Жизнь и мир прекрасны, а на войне было хуже!*

Теперь как раз уместно вернуться к **моему разладу с народом**, который я переживаю почти всю свою жизнь, а особенно в последние годы.

Теперь обсуждение нашего разлада не сведется к бестолковой распре. Более того, теперь я пойму, что случилось со мною и всеми нами, и что надо сделать, чтобы мы преодолели хотя бы то, что можно преодолеть, чтобы мы увидели, что нас может снова если не соединить, то хотя бы отчасти примирить.

НЕБОЛЬШОЙ АНТРАКТ

В Москве на улице Горького, кажется, это был дом номер 5, на втором или третьем этаже, жила женщина, подруга Татьяны Ивановны, у Татьяны Ивановны я с нею и познакомился, по воскресеньям я приезжал в Москву к ней на обед с борщом, из городка «Чехов», бывшей Лопасни, где я три месяца прожил в 75 году. У нее на диване жили (другие слова не уместны) три куклы, созданные женой поэта Н. Тихонова, подругой хозяйки. Одна из кукол, Пьеро, поражала простотой – тряпичная со слегка намеченным лицом – и выразительностью поз как у большого актера-трагика. С кукольной познакомиться не удалось, а вот с её сестрой Оксаной, вдовой поэта Асеева, судьба странным образом свела.

Оксана стала ангелом-хранителем художника Анатолия Зверева, беспощадного пьяницы и гения в одном лице. Она открыла его миру. Наша подруга Наташа Мартынова стала большой поклонницей его таланта и приобрела несколько его картин. При каждой нашей дружеской встрече мы могли видеть портрет Оксаны, автопортрет со свечой и потрясающего Дон Кихота с мельницами. Я тоже понимал, что он гений (хотя, конечно, знакомиться с ним не стал бы, мне хватало и моих пьющих друзей, еще начиная с Саши Брусова). Прочитал сегодня в интернете о Звереве и Оксане, написано очень хорошо, Так как и Зверев и его "роман" в нашей компании у Наташи обсуждался, и его подробности нам были известны, то моя полубезыбная и совсем не скандальная дружба с подругой Татьяны Ивановны мне мерещится из того далёка (а еще я в те годы познакомился и с племянницей Ирины Юсуповой, которая пряталась за занавеской в тот вечер, когда за столом Ирины Распутин ел отравленные пирожные, и слушал ее рассказ **о том вечере...**) – но об этом лучше прочитать в ее книге.

Но сей небольшой пассаж я написал, чтобы представить здесь акварельный портрет Оксаны Асеевой (кажется, я с нею тогда встречался и слегка был знаком). А теперь вернемся к народу, из которого мы все вышли...

Двуглавый орел

Вероятнее всего, что образованное сословие тоже не однородно, потомки варягов и купеческих **товариществ** 8 – 10 века (а Шумовский говорил, что слово *товарищ* как раз и происходит от **арабского** слова **товар** – не одни варяги промышляли торговлей) создали, вероятнее всего, дворянство и аристократию (так как варяги были преимущественно дружинниками), а купцы были скорее всего из немцев и из других европейцев, притом так как путь был «из варяг в греки», то на южном конце этого пути в купеческое сообщество добавлялись греки и **арабы** и другие жители Причерноморья. (Но, конечно, «товарищ» не значило «**товар ищи!**», как утверждал Гумилёв).

Обычное соотношение *производительного сословия* (земледельцы, пастухи, ремесленники, матросы) десять к одному, может быть двадцать к одному, но уж десять работающих покормят одного? Который включает в себя воинов, купцов, сопровождающих лиц (переводчиков, мастеровых?)

Представим себе, что от Балтики до Византии проживает по пути «из варяг в греки» миллион человек, 900 тысяч – крестьяне, сто тысяч – обслуживают сию торговую артерию. При этом владельцы товарных ценностей быть может составляют тоже всего лишь десятую часть, и их – **10 тысяч**, включая дружинников с князем (которые в доле)? В 1515 году Франция заключила союз с Шотландией о помощи французам против англичан, шотландцы прислали *шеститысячное войско*, и это было по тем временам совсем немало, беднягам, правда, не везло, они воевали хуже злобных англичан, которые были потомками **викингов** (таких же варягов), шотландцы терпели поражения, остатки их через двадцать лет вернулись в Шотландию – но трудно сказать, сколько из не вернувшихся погибли, а сколько разбрелись по деревням, женившись на местных красавицах... Ну а если к 12 веку дружинники набирались уже частично из местных, из потомков варягов 9-го века, то занимали они в деревнях привилегированное положение, из них и формировались будущие землевладельцы, а затем и владельцы крестьянских душ. Говорили они на одном уже языке, но сословное развитие было разным... На службу к новгородским и киевским князьям а затем и к владимирским и московским устремлялись из всех стран Европы, не всяк любил пахать землю, а полная приключений жизнь походная и даже военная прельщала многих. Было ли **«призвание варягов»**, как об этом говорится в летописи, не важно, главное состоит в том, что само содержание жизни от сословия к сословию разнится, сословная обособленность сродни кастовой обособленности, купцы выдавали замуж за купцов, дворяне за дворян, а ко времени Ивана Грозного произошло и полное закабаление крестьян в крепостной повинности у помещиков, крестьяне стали помещичьей собственностью как скот.

1917 год (хотя уже крепостное право и было отменено) разжег пожар тысячу лет лелеяемой **мечты о мести**. Вспомните: *«Как ныне собирается вещей Олег Отмстить неразумным хазарам. Их сёлы и нивы за буйный набег Предать и мечам и пожарам...»* Хазары собирали дань 200 лет, помещики – тысячу лет, и вдруг царь отрекается от власти, единоначалие рушится, офицеры не имеют над собою высшей власти, и сам офицер теряет власть над солдатам. **«Из искры возгорится пламя»** – и пламя возгорелось.

Дворяне и крестьяне – это два разных сословия, два класса (в терминологии политической экономии 19-го столетия), но в 17-м году вспыхнула не классовая война, а **война между двумя народами**, славянами (крестьянами) и помещиками, образовавшимися как сплав из двенадцати языков, и варягов, и немцев, и поляков, и французов и даже из англичан, и греков и итальянцев, но и из татар (казанских, крымских, кавказских). *Гражданская война – это умело и тщательно подготовленная резня всех российских образованных классов* (не только дворян, но и чиновничества и духовенства и купечества), это национальное восстание и **уничтожение «иноземцев»** или всех, кто кажется иноземцем (тем более что многие дворяне говорили по-французски).

Кому и зачем это было надо? Тем более что убивали не только дворян, но и крестьян (при помощи голода – всяких крестьян, при раскулачивании – более состоятельных, то есть способных существовать без государства)?

Кажется, что целью Гражданской войны и затем Террора было создание народа, не способного к самостоятельности, что объяснимо только в идеологии социализма. Ведь социализм – это общество, в котором все его члены не дееспособны сами по себе, ВСЕ полностью зависит от государства. А коммунизм – это общество, у которого даже отнято право на воспроизводство, дети хотя и рождаются по-прежнему женщинами от мужчин, но предположительно со временем планировалось их отбирать от родителей и отдавать в «инкубаторы» (согласно книге Платона «Республика» – я никак не пойму, почему сия книга не вызывала негодования и отвращения у читателей?)

Сегодня эти планы возродились, работы по созданию *искусственного разума (ИИ)* предполагают выведение новой расы людей, которых можно было бы производить на фабрике как машины. Возможно, такие люди уже не будут людьми. Но они будут самообучающиеся и самоорганизующиеся машины, исполняющие все те функции, которые сегодня осуществляют рабочие и крестьяне, и обслуживающий персонал.

К власти пришла банда коммунистических заговорщиков, ставящая целью создание механизированного рабовладельческого общества. Однако не всё понятно. Ведь территория такого государства могут захватить соседи, потому что в результате этой коммунистической бойни государство становится слабым, что мы и увидели, немецкие орды дошли до Волги?

Кроме того, пусть в России существовало два противостоящих народа – но и культура и язык и территория у них были общие? Неужели ВСЕ крестьяне были так подчинены чувству мести и так жаждали УНИЧТОЖИТЬ всех бывших *угнетателей*, что не думали уже о последствиях?

Отчасти это так, упоение бойни затмило разум рабочих и крестьян-бедняков, на которых и рассчитывала коммунистическая зараза.

Кроме того, народ не бывает ни умным ни глупым, глупые и умные – только личности, не зря же сказал Некрасов: *Мужик, что бык!* – а *бык и в самом деле тупой* (сравнительно с коровой, кормящей теленка). Я жил в деревне достаточно, чтобы разглядеть деревенский народ. (Жена кричит мне из кухни, что буйволы недавно защитили своих буйволиц от нескольких львов! – но это дикие буйволы, поправляю я ее, еще *до освобождения от крепостного права*, а наши бедняки *«показали»* бы этим буйволам-кулакам, теперь их и в Красной книге не найдешь, как и помещиков!) И в этом виноват не **классовый антагонизм**, а более древний **инстинкт, который сталкивает соперников в битве за самку**, проигравшие ждут реванша и при этом они лютуют, их *«экспроприация»* никак не ограничивается *«изъятием церковных ценностей»*, но *физическим уничтожением ВСЕХ* наличных офицеров и кадетов и даже медсестер в лазаретах, в одном Крыму было убито, утоплено, повешено и зарублено 150 тысяч «бывших» (эксплуататоров? Нет, соперников!) Я думаю, что **красные** и не догадывались, что **экспроприровать»** не значило **УБИВАТЬ, но красноармейцы Тухачевского при подавлении Антоновского восстания убивали и матерей вместе с детьми.**

КОМУ И ЗАЧЕМ ЭТО БЫЛО НАДО?

Твардовский, Тендряков и Шукшин отrekliсь от своих родителей, когда поволокли их на плаху (как отrekliсь и миллионы других), но некоторые все же опомнились и пили горькую – но я уже больше не буду писать о репрессиях, сопровождающих нашу жизнь, прошло сто лет со дня Революции, время от времени челюсти государства разжимаются или начинают болеть зубы, тюрем стало меньше и сажают меньше, и не по сто человек набивают в камеры, и шконки уже не в три яруса, как я сидел, когда писал «**Записки на пальме**» – пальма – это третий ярус тюремных нар – массового террора пока нет и я не называю то, что сегодня, террором.

Но меня по-прежнему изумляют некоторые обстоятельства, сопровождающие нашу тюремную жизнь, на воле или в тюрьме.

1. Следователи – это бывшие студенты, которые, в свою очередь, были когда-то школьниками, читали те же книги, что и все, ходили в кино, устраивали иногда на переменах *кучу малу* – но они не стремились царапать и кусать своих товарищей по «*куче мале*». Почему же эти следователи своих подследственных непременно заключают в камеры еще ДО ПРИГОВОРА СУДА? И хотя 98 процентов всех приговоров действительно приговаривают к заключению (иногда к тому самому сроку который подозреваемый уже просидел) – но ведь два процента невинных могли бы жить до суда на свободе, ведь их держали в тюрьме авансом?! **Нельзя ли было бы в таком случае авансом их и расстреливать?** А суд потом этот аванс оправдал бы?

2. Судьи тоже, как и следователи, **родились в результате ГРЕХА** (как об этом учит самая гуманная и добрая в мире христианская церковь) – но и судьи, по крайней мере в отрочестве, **были** обыкновенными людьми (я этим просто пытаюсь сказать, что они были людьми **обыкновенными**) – почему же **98 процентов всех приговоров** оказываются обвинительными? Ведь так же не бывает? Ведь это просто в пределах ошибки? Нельзя ли поэтому всех подследственных приговаривать к тюремному заключению сразу? А следователи бы просто вписывали в приговор величину срока согласно статье?

3. И, наконец, условия содержания заключенных в тюрьмах.

Мы ведь осудили эпоху Революции, вышли тысячи воспоминаний о Гражданской войне и о сталинских репрессиях, в сотнях фильмов показано, как страдали заключенные, в большинстве своем невинные. Почему же отношение к заключенным ожесточилось? Им не дают ходить по камере, требуют сидеть неподвижно на стуле? Ведь я так не проживу и трех дней! И поэтому прошу меня лучше сразу расстрелять, чем усаживать на сей стул!

4. На заборах Интернета вывешен 271 миллион прокламаций, в которых доказывается, что *так называемых сталинских репрессий* не было, в других странах сидело столько ж процентов, дошли заключенные и без террора, а в Америке даже больше. Не значит ли это, что *сии прокламации писали дети и внуки тех, кто расстреливал, а от наших пращуров уже никого не осталось?* Ну, я уже и без этого понял, что писать о Терроре больше не надо. **Не буду**. Тем более что хотя евреи и пролезли в «руководители» (в этом их **основной инстинкт выживания**), но дворян и кулаков перебили крестьяне-бедняки, отвергнутые и крестьянской общиной и даже леоревенскими девушками).

ЕЩЕ ОДИН НЕБОЛЬШОЙ АНТРАКТ

Шел сегодня по улице, навстречу шла девушка, между нами на дороге стоял автомобиль, я пошел справа от него, по широкой части, девушка пошла слева. Так как мне было ее плохо видно (да к тому же мне кто-то позвонил и пришлось разговаривать), то я вернулся назад и на нее посмотрел. Девушка меня спросила: «*Вы что-то хотели узнать?*» «Ну да, я вас плохо разглядел, а вы и в самом деле прелестны, и я рад, что вернулась и на вас посмотрел, я даже об этом напишу в дневнике!» Девушка засмеялась и помахала мне рукой.

Так как на днях я слушал и читал о Гумилеве, Есенине и Павле Васильеве, об их самоуверенности и, можно сказать, даже наглости по отношению к красивым девушкам, то вдруг подумал, что не был ли и я такая же сволочь, как они, хотя они были гениальны, и это как будто (возможно, они так думали) давало им право приставать к девушкам так бесцеремонно? Правда, я всего лишь подходил к девушке, которая мне понравилась, и спрашивал, нельзя ли с ней познакомиться или ее проводить, и если она говорила, что ее уже кто-то ждет, то я, конечно, к ней больше не приставал (вспомнил вдруг неприятную историю, в поселке Юрты после танцев когда один наглец заявил, что он ее тоже собирается провожать, и я просто спросил ее, с кем из нас она собирается дойти до дому. Девушка мне честно призналась, что она теперь боится, что у нас будет потасовка, и она никакого удовольствия от этого не получит, так что лучше она спокойно дойдет до дому одна. Но этот наглец совершил ошибку, он сказал, что с ним два товарища, и они со мной разберутся, так что я не помешаю ему наслаждаться прогулкой. Тогда я громко обратился к рядом стоящим парням, которые за нами с интересом наблюдали, что я не настаиваю на своем праве провожать незнакомых девушек, но поведение наглеца роняет уже не только мою честь, но честь девушки, не он вправе решать, с кем ей гулять после танцев, поэтому я приглашаю двух молодых людей, которым, быть может, стало скучно на это безобразие смотреть, отойти от толпы на несколько шагов и мы вместе объясним невоспитанным, как себя надо вести.

И тут девушка всех поразила.

Она вдруг позвала: *Петя!* Подошел Петя. *Петенька, прости меня, что я тобой пренебрегаю, возможно, это просто обычное девичье кокетство, обещаю тебе, что в следующий раз именно ты будешь меня провожать, а сейчас и в самом деле мне будет неприятно, если молодой человек из далекого Ленинграда, да к тому же поэт, подумает, что мы в провинции не умеем себя культурно вести. Не вопрос!* – ответил Петя. *Что для меня трое?* Мне и помогать не надо. Ну, может быть, если их будет пятеро?

Конечно, никакой прогулки при луне не получилось. Петю еще не все хорошо знали, а меня тем более, и хотя, конечно, *мы победили* (благодаря Пете), но пришлось зайти в аптеку за бинтом и спиртом... Честно признаюсь, что я категорически против подобных способов восстановления справедливости, но так как фатум меня в них не раз заводил против моей воли, и даже когда я уже производил впечатление солидного человека, то теперь я смотрю – по крайней мере на Павла Васильева – немного по другому. Некоторым **надо** выплескивать свою «удаль молодецкую», и это не роняет их в наших глазах.

РЕВОЛЮЦИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Все ли войны, даже когда они происходят внутри государственных границ, справедливо называть *гражданскими*?

Оккупация Кромвелем Ирландии и истребление ирландского народа (что на месте ирландцев я бы англичанам никогда не простил) не является *Гражданской войной*, когда немцы оккупировали западные (а потом и центральные) области России, они истребляли евреев, партизан и коммунистов, но – как и мне рассказывали мои родственники на Припяти в 58 году – такой истребительной политики, которую проводили большевики-ленинцы, а затем чекисты сталинского режима по отношению к жителям России, Украины и Белоруссии, у немцев не было.

Правда, если начать рассмотрение деталей: *политика на Кавказе и выселение целых народов, отношение к Крымским татарам, истребление грузинской аристократии, мусульманского и православного духовенства...* не проводился ли целенаправленный геноцид – но не только по отношению к русским?

Кого и сколько уничтожили?

Я в своих книгах уже приводил цифры уничтоженных, в книгах, в трудах серьезных ученых и в интернете они приводятся в разных вариантах, цифры разнятся значительно, на некоторые цифры не надо обращать внимания и об них спорить – или спорить с теми, кто на этих цифрах настаивает. Так, Сталин сказал, что СССР потерял в войне с Германией семь миллионов человек. Он мог сказать все, что *ему и его холуям* угодно – надо ли его или этих людей в чем-то разубеждать? Не надо. Они больные. Или негодяи.

Я сейчас точных цифр приводить не буду, приблизительно.

Февраль – октябрь 17 года. ПРИКАЗ НОМЕР ОДИН.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) **Всякого рода оружие**, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее **должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям.**

Офицеров на улицах и на кораблях после сего начали уже убивать, но сравнительно с террором, который начался после октября, на этих жертвах можно уже и не останавливаться – хотя они были.

Кто убил Российскую Империю?

Кто-то винит **Петроградский совет**, кто-то Временное правительство. Главное оправдание для «временщиков»: 1-го марта, когда вышел **приказ**, еще самого правительства не было. Но мы помним, что **оба центра новой русской власти созданы в один день, 27-го февраля**. Просто поначалу было другое название: **Временный комитет государственной Думы**, а не правительство. «Быстрыми шагами к нашему столу подходит Н. Д. Соколов и просит нас познакомиться с содержанием принесенной им бумаги... – пишет обер-прокурор Синода. В.Н. Львов – Это был знаменитый **приказ номер один**. Гучков заявил, что **приказ...** немыслим, и вышел из комнаты.

Не следует забывать к тому же, что “приказ” отдавался в условиях грандиозной мировой войны, и под ружьем в России было около **одиннадцати миллионов человек**; кстати, последний военный министр Временного правительства А. И. Верховский свидетельствовал, что приказ № 1 был отпечатан “в девяти миллионах экземпляров”.

Кто виноват и Кто пришел к власти? Члены **Петроградского Совета**, написавшие текст **приказа**, Ю. М. Стеклов (Нахамкес) и **Н. Д. Соколов**, сын придворного священника, продвигавший Керенского. **Виноват** военный министр Гучков (старообрядец), **и все, кто входил в состав правительства** и с умным видом пописывал в своих блокнотиках. Но более других – Александр Федорович Керенский. Он ведь входил в состав **Совета**, написавшего и издавшего **приказ**, он был министром правительства, которое имело возможность задушить в зародыше катализатор разложения собственной армии. Керенский все это мог предотвратить дважды! Но этого не сделал, а помог **приказу** появиться на свет, хотя предвидеть его последствия совсем не сложно.

Итак, виноваты члены **Петроградского Совета** и члены Временного комитета Государственной думы (куда входил в том числе Шульгин – тогда на кого было надеяться?) – на следующий день Комитет преобразован во Временное правительство.

Объявление. Сего 1-го марта среди солдат петроградского гарнизона распространился слух **будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат**. Слухи эти были проверены в двух полках и оказались ложными.

Как **председатель Военной Комиссии Врем. Комитета Гос-ой Думы** я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров, вплоть до **разстрела виновных**.

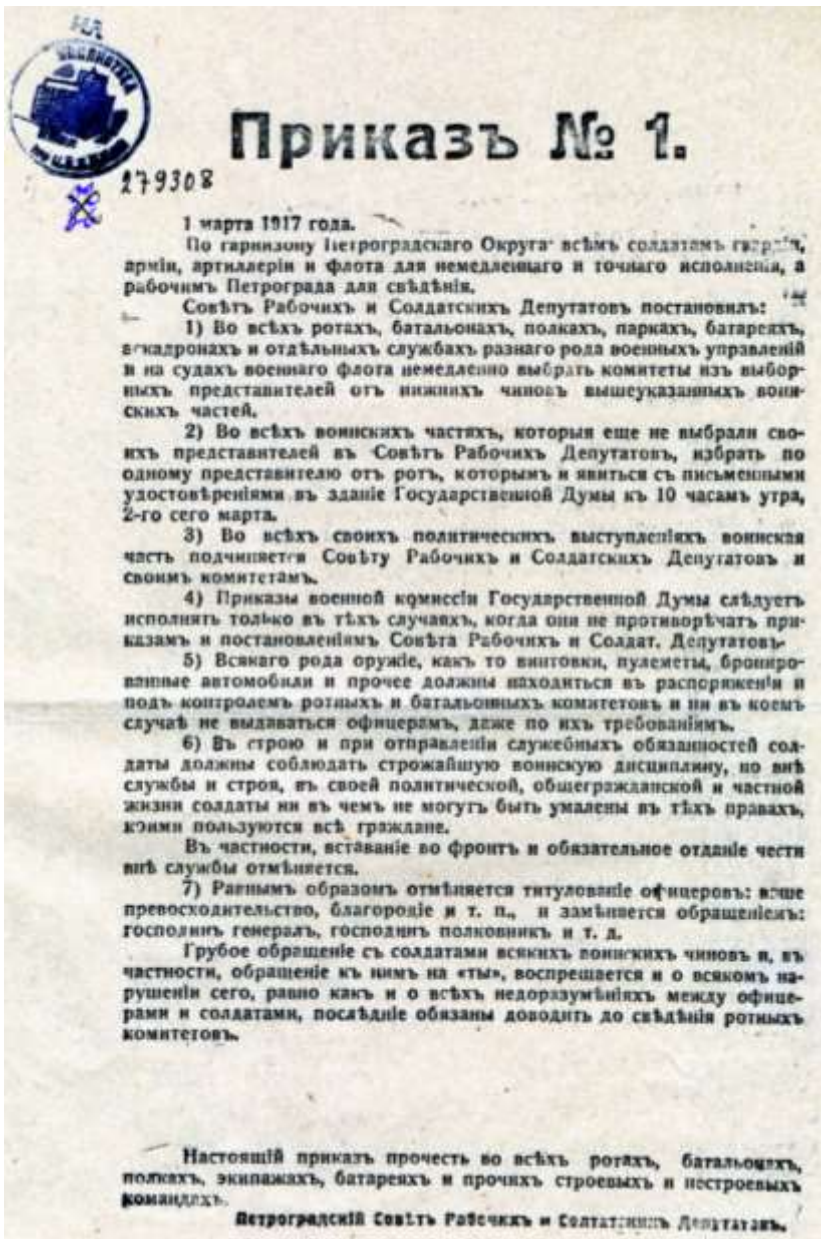
Член Государственной Думы **Б. Энгельгардт**.

Конечно, мятежи в войсках начались еще раньше. Кровь офицеров армии и флота лилась и 27 февраля, и 1 марта (по старому стилю). Однако именно Приказ № 1 сделал процессы распада Русской армии необратимыми. Незадолго до последнего, Июльского наступления составитель Приказа Соколов в составе делегации отправится на фронт. Он попытает призвать солдат к соблюдению дисциплины, но будет жестоко избит.

Уже 1-4 марта балтийскими матросами в результате самосудов были убиты Командующий флотом вице-адмирал А. И. Непенин, начальник 2-й бригады линейных кораблей контр-адмирал А.К. Небольсин, командир линкора «Император Александр II» капитан 1-го ранга Н.И. Повалишин, начальник Учебного минного отряда Балтийского флота контр-адмирал Н.Г. Рейн, командир Свеаборгского порта генерал-лейтенант флота В.Н. Протопопов, командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор Н.В. Стронский, командир крейсера «Аврора» капитан 1-го ранга М.И. Никольский, генерал-майор по Адмиралтейству А.К. Гире, начальник Школы юнг в Кронштадте капитан 1-го ранга К.И. Степанов.

Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта, герой обороны Порт-Артура адмирал Р.Н. Вирен был заколот штыками на Якорной площади. Начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал А.Г. Бутаков - расстрелян у памятника адмиралу Макарову. Командира учебного судна «Африка» **старшего лейтенанта Н.Н. Ивкова живым спустили под лед...**

Всего в эти дни погибло 95 офицеров и адмиралов и более 20 кондукторов. До 600 человек были избиты и 30 арестованы.

Обывателя эти цифры не впечатляют. Те вопли, которые мы слышим против утверждений о большевистском терроре, отражают разочарование обывателя. **Да что это за террор?** Вот если бы каждый день на лобном месте расстреливали по двести тысяч!!! *Ну, столько матерьялу не наберешь.*

1. Было в России, скажем, сто миллионов русских, сегодня, скорее всего, нас осталось МЕНЕЕ 75 миллионов – и это не значит, что убито только 25 миллионов. По расчетам Менделеева нас должно было быть сегодня около **250 миллионов**, и значит, **убито сто семьдесят пять миллионов человек.**

СКОЛЬКО ДОСТАТОЧНО УБИТЬ В НАРОДЕ ЕГО ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ, ЧТОБЫ УНИЧТОЖИТЬ НАРОД? Да достаточно убить каждого десятого! **Вот как минимум каждого десятого и убили!** Или защитникам большевиков и лично защитникам их генералиссимуса этого мало?

2. Первая мировая война, погибло **1,5 миллиона** человек.

3. **Голод в Поволжье**, умерло с голоду, чаще детей, не менее **7,5 миллиона** человек

4. **Голод на юге России и на Украине**, умерло с голоду не менее **7,5 миллиона** человек

5. **Большой и Малый террор**, расстреляно и умерло от лишений не менее **полтора миллиона** человек.

6. **Ленинградская Блокада**, умерло от лишений не менее **полтора миллиона** человек.

Полтора миллиона человек, умерших от лишений за время Блокады – это **Подвиг или Трагедия?**

Обывателя поставили **перед ложной дилеммой**, ибо мы все смертны, у многих из нас умер кто-то из близких, иногда это родители, иногда дети или родные. Мой отец погиб на Безымянной высоте, прикрывая отход своих солдат, его бой и его смерть были **подвигом**, **жизнь моей матери, как и многих ее сверстниц**, в значительной части тоже была подвигом, но мать умерла в страданиях, которые были следствием ее трудной в разных отношениях, и житейских, и социальных, и **вызванных преступлениями сталинского режима**, жизнью. А ЧРЕЗМЕРНЫЕ тяготы войны, в том числе БЛОКАДА – не следствие **преступлений сталинского режима**? Объявляя неимоверные страдания людей, в том числе детей, подвигом, мы отменяем праведное возмездие виноватым, НИКТО из сталинских палачей (кроме Берии и Абакумова) не был наказан. Если все остальные ни в чем не виноваты, значит, виноваты вы, их защитники. Я не сомневаюсь, что сотни тысяч погибших достойны того, чтобы **их жизнь** была названа подвигом, каждого отдельного, но **называя подвигом смерть их всех**, как некоей *безличной массы*, мы оскорбительно от них отмахиваемся. Лучше бы вы сходили в церковь и покаялись перед ними, хотя бы в том, что это на их долю выпали страдания, а не на вашу, что **вы живете вместо них**. Если вам нелепы мои слова, то перечитайте Твардовского.

Но **Русская Революция** – это революция **«Униженных и оскорбленных»** и ее ТЕРРОР – это реки убийств, совершенных **мелким человеком**. Убивали и **Землячка с Бела Куном**, но сколько в Крыму и в Киеве было и других (русских и украинских) расстрельных команд!!! Бумага кончается их всех перечислить.

БОЛЬНИЦА ВСЕХ СКОРБЯЩИХ. ДЕКАБРЬ 2020 ГОДА (из дневника)

15 декабря, вторник, 10-49. В соседней палате стонет женщина, умоляет: *Ну сделайте же что-нибудь! Чем же я вас обидела?*

Записываю эту строку и плачу и не могу остановиться...

Больше написать не смогу, расплачусь....

По соседству бабушка рыдает: *Ой как больно!* Ей делают укол, затихает. Другая (откуда она такая взялась?): «А я всю войну прошла в 30-й армии, какие муки мы перетерпели?!» (Кажется, ей 101 год – ну как мне не рыдать?)

Четыре дня назад умер Валентин Гафт. Большая творческая встреча была с ним в 2008 году, его тогда спросили, велик ли его вклад в культуру. *Да вы что?! – в ужасе воскликнул он: Да мы все вместе взятые ничего не значим в сравнении с прежней культурой!* От встречи у меня осталось ощущение «культурного еврейского братства» – не так как все реки должны течь куда надо, то есть к устью, к Дельте, к осетрам, то так оно и должно было быть!

Но какой Гафт еврей? Вон Казаков уехал в Израиль, начал говорить на иврите и писать слева направо, потом вернулся и стал писать справа налево (а Гафт из семьи военного, их национальность создают устав и казарма)... а я окружен толпами придурков, *то «этрусков», то русичей, то выходцев из Шамбалы (???) – но ничего русского!!!! – и евреи в тысячу раз более русские (при всем моем в действительности русском почвенничестве, которому Гафт никак не противоречит)* – но их еврейское братство все же есть, а есть ли оно у меня вокруг **Нового Русского журнала?**

Может быть единственное, что мне удалось в жизни сделать – это написать книгу *«Боль и любовь»*. Но победила ли любовь?

Фальц-Фейн (его воспоминания о Достоевском я печатал в журнале **Мѣра**), великий подвижник искусства, умер в 106 лет в Лихтенштейне, когда подожгли его дом, чтобы ограбить. Могила его предков в **Шегрино**, в семи километрах от нашей деревни, и он приезжал на эту могилу, чтобы ее поправить, перед тем *гранитное надгробье с нее сельский тракторист перетащил к своему дому и положил на канаву у дома.*

Патриотам: Вы всё похваляетесь – *мы, де, русские, лучшие всех!* Но вы сначала сделайте что-нибудь с этим «трактористом», а потом похваляйтесь.

Кант и Солженицын поучают нас – первый говорит, что *всегда надо говорить правду и только правду* – даже если подводишь таким образом «под монастырь» своих близких, второй – что *Жить надо не по ЛЖИ.*

А вы не слышали *«Кто прямо ходит, тот дома не ночует!»* – не это ли справедливее, чем **одномерная мудрость в многомерном мире?!!**

Ева съела запретный плод, и *возымела желание к Адаму* – но Ева ли была *возымевающим* началом? История нам показывает, что сильный стремится **присвоить** себе чужое для удовлетворения Похоти, у самки же побудительный ИНСТИНКТ – не наслаждение, а забота о потомстве и роде. Самка **ведет себя как мать** даже по отношению к своему мужчине, исторически она оклеветана во всех лучших своих качествах. **Помощь человеку, Культура и Искусство – вот что необходимо прежде – вместо Горения Духа и Распятия Плоти!**

19 декабря, суббота, 13-15. И вот, наконец, я дома, на диване, открыл компьютер и радостный делюсь своим счастьем с миром.

ПОСЛЕДНЕЕ РАЗВЯЗЫВАНИЕ УЗЛОВ

Крестьяне и охотники распространяются довольно мирно, они не уничтожают аборигенов, не развязывают войны, если территория достаточно пустая, то места хватает всем. Крестьяне, правда, сводят леса, но в России их никогда не сводили подчистую, если дело касалось земледелия, поля перемежались рощами и лесами, даже тайга часто оставалась нетронутой, дороги и новые деревни по берегам рек обтекали тайгу, как ее обтекает река. Так же обтекали тайгу охотники, но в Сибири хватало простору и для землепашцев, и для рыбаков и для охотников, и для купцов.

Местные племена не теснились, они и друг друга не выживали, и когда приходили русские или славяне, то русские (то есть казаки или купцы) ставили города и строили дороги, ремесленники затевали ремесла и производили товары для продаж, а крестьяне растили хлеб.

Россия велика, в ней сто девяносто народов, но ни одного дерева мы ни у кого не отняли, дело в том, что Россия была целиной – и мы ее вспахали, она была непроходимой, и мы провели в ней дороги, даже построили железные дороги, мы привели в нее купцов, и они наполнили Сибирь товарами, мы построили в ней школы, дали письменность безписьменным племенам, **создали в ней народы** – те малочисленные племена, которые в ней жили, народами не были, они с трудом пропитывали свои малочисленные семьи, мы принесли с собой земледелие и научили их выращивать хлеб и овощи.

Там, куда приходили европейцы, народы уже были и они исчезали: есть ли индейцы в Америке? Там, куда приходили русские, народов не было, и они появлялись: численность казахов (вместе с территорией – за счет земель Сибирского казачества) увеличилась. Сформировался татарский народ из нескольких племен, некогда подвластных золотоордынским князьям.

Всего в России ныне 147 миллионов человек, 105 млн русских, около 5 млн казанских татар, около миллиона евреев. Но сегодня статистике верить еще труднее, чем всегда. Русский язык является родным языком для 147 млн человек (где?), но после 91 года из России эмигрировало около 25 млн человек.

Основной проблемой Российской истории последних ста лет также являлся **СПОР**, как и ранее – но НЕ «**спор славян между собою**», то есть не спор с «Литвой», «Речью Посполитой», не спор с Швецией, Германией, Францией, а **Гражданская война** – и после революции и после вызванной революцией «**Войной белых и красных**».

1. В Первой мировой войне Франция потеряла **1 млн 200 тысяч**, Британская империя – **600 тысяч** погибшими от всех причин, Германия – **1 млн 800 тысяч**, Австро-Венгрия – около **1 млн**. Потери России в Первой мировой войне были не более **1 млн 200 тысяч**, то есть ниже, чем потери Германии, и примерно равны потерям Франции.

Эти цифры редко публиковались, так как не отвечали советской идеологической установке всячески преувеличивать количество жертв «империалистической» войны в России. Обескураживающе они смотрятся и на фоне **фатальных потерь нашей страны во Второй мировой войне**. Да, императорская Россия умела воевать сравнительно «малой кровью».

2. Гражданская война. Нашел в интернете: «погибшими и эмигрировавшими русские в России потеряли за годы революции и гражданской войны 7-7,5 млн. человек. Там же: относительные потери украинцев за 1917-1922 гг. были не меньше, чем у русских. (Мы здесь не говорим о голодоморах).

3. «Война с народом». (Большой и Малый террор).

«Я не знаю, зачем и кому это нужно» (Вертинский) – и зачем Первая мировая война, и зачем Революция и Гражданская война, хотя иногда смутно понимаю: *Почему...* Но и *«Зачем»* – смутно может быть понимаю.

Итак. У Российской империи были плюсы и минусы. Плюсами я считаю то, что славянский народ, подобно европейским, впитывал в себя внешние влияния как динамические воздействия, влияющие на нацию положительно, так что возрастали ее творческие силы, уровень образованности, интеллект, связь с Европой и миром. Становился богаче язык, резко прогрессировала культура (но с 19-го столетия возросла глубина и мощь и итальянской культуры, немецкой, английской, и малоевропейских культур, в еще большей степени возросла глубина и мощь русской культуры,

В конце 19-го столетия Россия начала стремительно развиваться экономически. Не возникло ли желания у некоторых империалистических кругов насильственно остановить этот рост? Была создана тайная организация «АнтиРоссия», ставка был сделана на Террор, Революцию и внешнюю Войну, активизировалось народовольческое движение (у которого, конечно, были и свои русские причины), и социал-демократическое движение, в частности мркистское и общекommунистическое (так как марксисты не тождественны коммунистам, эти возникли еще в эпоху Платона и описаны в его Книге «Республика»), развязана была Война с Японией (она преследовала цель ослабления и внутреннего разложения России, затем – Первая мировая война, общая цель для **всех участников** – ослабление России в первую очередь, но у Англии и Франции могла быть еще и цель – ослабление Германии, у Германии – своя: ослабление Франции и Англии.

Жертва номер один – Россия. Жертва номер два – Германия.

Но кто был главный заговорщик, кто был главный исполнитель?

Евреи скорее всего играли роль хвороста и пакли, смоченной дегтем, непосредственной задачи ослабления могущественных империй им было незначать, если только не иметь в виду захват своей собственной власти в разрушающейся стране, для этого евреи использовали революционные идеи вообще и социалистические идеи в частности.

Тем не менее главным игроком они стать не могли, они годились на роль подчиненного партнера – кто же был их вдохновителем?

Победить в Мировой войн (Германия или Британия) и ослабить Россию – вот две цели Мировой войны. Что касается победы, то Германия и Британия являлись противниками, что до ослабления России – то они являлись союзниками. Франция и АвстроВенгрия, тем более Турция – играли второстепенные роли, но и Россия играла второстепенную роль. Уничтожение России вряд ли планировалось, но – унчтожение империи?! Отделение от империи Кавказа, Средней Азии, Польши, Прибалтики, Финляндии и Украины?

Я не сомневаюсь, что пока славяно-русский народ растекался от Кавказских гор, от Каспийского моря и среднеазиатских пустынь, а далее от Монголии и Китая до Ледовитого океана, то есть мирно колонизировал эти Евро-Азийские пространства, это было миссией русского народа, тем более миссией было и возвращение в состав Славяно-русской империи Украины в 17 веке – но чрезмерное тевтонское влияние на русский дух привело к тому, что Империя стала перегреваться, она взвалила себе на плечи полмира и надорвалась. Но и возрождение чисто русского государства не может быть самоцелью России, хотя бы потому, что общерусский народ не является единым народом, славяне не стремятся к созданию Империи, это потребность «арийского» духа, но славяне – не арии. **А в норме народы инстинктивно противостоят смешению.** И в 1917 году произошла катастрофа.

Двойственность народа привела к неожиданному разделению его не только на две части, но **на две части, оказавшиеся врагами.** Накапливаемая тысячу лет ненависть к «варягам» привела к **ожесточенной войне на уничтожение.** Трудно было вообразить и предвидеть величину ненависти, столкнувшей два народа, проживших тысячу лет вместе, говорящих на едином языке, хотя их разделяло не только различие в этническом происхождении, но и то, что *варяжская часть народа* сформировалась как «**народ (беспольной) культуры**», а «славянская часть – как **народ (полезной) жизненной деятельности**».

Это противостояние можно сравнить только с океанской волной, смывающей города с целого континента, с извержением вулкана, заливающим лавой громадную страну, с землетрясением, разрушающим здания, мосты и дороги. Но низверглась толща океанской воды и унесла с собою миллионы людей – но мир не пришел в разоренные города. Рукотворные бедствия обрушились на несчастную страну – а разве не были рукотворными и Революция и Гражданская война?

У крестьян отобрали хлеб, начался вселенский мор в Поволжье (в 21 -22 годах), такой же, как в 1612 году. Началось изъятие церковных ценностей. Начали строить и обживать Соловки, превращая бывших ученых и философов в узников. Начали строить Беломор-Канал, превращая заключенных в строителей (или наоборот). Начали *раскулачивать* работающих крестьян и миллионами погнали их на Восток. Начали оставшихся бедняков загонять в колхозы. Начался вселенский мор на юге России и на Украине (в 32 -33 годах), такой же, как в 1612 году.

«На сегодняшний день можно утверждать по крайней мере о 5 - 7 млн жертв голода 1932 - 1933 гг. Из них около 1,5 млн приходится на Поволжье, Южный Урал, Дон и Кубань.» (Кондрашин В.В. Голод 1932 - 1933 годов).» Но нет полной ясности с числом погибших от голода **на Северном Кавказе.** *«Размышляя о трагедии 1932 – 1933 гг., можно утешаться тем, что время было жестокое, но жертвы были не напрасны.»(???)*

Жертвы были не напрасны! – это не волк ли говорит, обращаясь к овцам?

ГОЛОДОМОР. Но кроме РСФСР голод в эти годы был и на Украине. Демографические потери от голода 1932 - 1933 годах на территории Украинской ССР составили **3,9 млн человек.**

РЕПРЕССИИ ГОСУДАРСТВА ПРОТИВ НАРОДА.

Расстрелы – скорее средство запугивания, голод – более действенное средство уничтожения. В те или иные годы ГОЛОД прокатывался по всем территориям России и Украины, не было места, где от него можно было спастись. Мой прадед умер от голода весной 53 года, возвращаясь из хлебного Чимкента в славный но голодный город Тайшет, столицу Озёр-Лага.

Люди того далекого времени делились, как кажется, на волков и овец, на преступников и на жертв. Зачем убивали и морили голодом? *Значит, так было надо*, часто говорят мои современники. Но *жертвы были не напрасны* – это говорят, скорее всего, психиатры.

Численность русского народа была выше, чем численность немцев или французов, и так как нас победили, то победители распорядились нас сократить. Кто сокращал? Вероятно, гяуляйтеры, Сталин, Молотов, Тверь... то есть Калинин... Киров, Ворошилов. (Мой однокурсник женился на кроткой девушке. Мы с женой с этой парой дружили, ходили к ним в гости в трудные времена и жили у них неделю-две, ее бабушка была двоюродной сестрой Ворошилова... а мой дед некоторое время пробыл у него ординарцем. А Толя М---в играл с ним в бильярд, так как его мама была «протеей» Ворошилова. Когда Толя однажды выиграл у своего соперника, то получил от папы солидную трепку. Обо всем этом он напечатал колоритные воспоминания, как и о своей жизни в Магадане. Бабушка тоже немало рассказывала, прежде всего о том, что никто из их родни этого Клина не любил, и часто добавляла: да кто ж их мог любить, этих хриstopодавцев и людоедов? Но оказывается, большая часть русско-славянского народа их все же и любит и оправдывает.

История – это очень часто трагедия, временами – фарс, почти всегда – вереница злодеяний, обман, предательство, доносы, расстрелы, тюрьмы, пытки и казни. При этом и «богатые тоже плачут», и жертвы чаще всего ищут и находят оправдания для своих мучителей.

Почему это так? Видимо, об этом надо спросить у Бога... Но я знаю, что он ответит: что иначе было бы еще хуже. Трудно спорить с богом, может быть, это и так. Но я думаю иначе и с богом не спорю, а пишу свои странные философские романы о том и так, как думаю, не подчиняясь авторитетам.

ОПРАВДАНИЕ ЕВРЕЕВ

Прочитал обширное сочинение профессора каких-то наук, посвященное истории Голода в СССР. Вообще в СССР надо научиться ничему не удивляться. У профессора бабушка пережила страшный голод и говорила, что хуже его ничего нет, но профессор доказывает, что если бы не колхозы, то мы бы НЕ победили Гитлера – и Гитлер проиграл потому, что у него не было колхозов, хотя он тоже был социалист, как и Ленин и Сталин (и Муссолини). Вот почему Сталин дружил с Гитлером, а стал дружить с Черчиллем только когда Гитлер неожиданно напал на Россию (СССР).

Поступки и Мотивы и отдельного человека трудно объяснимы, тем более трудно объяснить поведение народов, тем более если ими управляют диктаторы, а мы объясняем историю как цепь мотивированных поступков (кого? Народа? Человека?)

Народ состоит из множества людей, которые ведут себя не всегда предсказуемо. *Часто кажется, что люди исключительно жестоки – так в еловом лесу темно и страшно.*

Землячка – еврейка, и БелаКун, венгерский еврей, они были жестоки, как и Аркадий Голиков, будущий детский писатель Гайдар. Сталин был жесток тоже, и Ленин (еврей) – еще пуще, ведь голодоморы – искусственно созданные явления – но они вызывались волей диктатора либо потому, что он жесток, либо потому, что безумная фанатическая идея Ленина состояла в том, чтобы частные лица не обладали собственностью, каждый человек всецело зависел от государства. Возможно, все эти большевистские бандиты были спаяны и воодушевлены идеей создания Общества как **механизма, в котором люди – уже не листья на древе Господнем, а металлические детали.**

Большевистское общество проповедовало ненависть **не** на национальной основе (как пришлось ее проповедовать через 20 с небольшим лет после нападения Гитлера), а на классовой. И вот пришлось, и вспомним:

«Так убей же хоть одного! / Так убей же его скорей! / Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!» – пришлось написать Симонову в стихотворении «Убей его!», опубликованном 18 июля 1942 года в «Красной звезде» во время рокового наступления немцев на Сталинград. Ибо **23 августа 1942 года немцам удалось прорваться к Мамаеву кургану, а к 15:00 они вышли к Волге**, пройдя через центр города. **Когда еще в истории России враг с запада пересекал ВСЮ Россию, доходя до Волги?** И все же сегодня у русских установились нормальные отношения с современными немцами, русские живут в Германии, женятся на немках и выходят замуж за немцев.

А споры о зверствах большевиков не утихают. Вот основные точки зрения.

1. В зверствах виноваты евреи. 2. «Да не сам ли Врангель виноват в красном терроре в Крыму?» - (такой вопрос тоже гуляет по интернету.)

3. Зверств не было или они сильно преувеличены.

4. НАДО БЫЛО РАССТРЕЛЯТЬ БОЛЬШЕ. Расстреляли не всех.

Это пишут не евреи, а **русские славяне**, вчерашние крепостные.

В апреле 17 года партия большевиков насчитывала **50 тысяч человек**. Даже если бы они все были евреями, то их было слишком мало, чтобы провести революцию, захватить власть, расстрелять несколько миллионов бывших эксплуататоров, изгнать оставшиеся миллионы эксплуататоров из России, провести несколько волн Большевистского террора за годы сталинской власти, ненавидеть Сталина, ненавидеть Хрущева, *продолжать любить Сталина...* Среди евреев я что-то в последнее время таких не встречаю...

Еврейские банкиры составляют **одно из колен Израилевых**, но не может весь еврейский народ состоять в банкирах, революционерах, руководителях ЧК, членах мирового правительства, все же мы знаем еврейских писателей, актеров, режиссеров, врачей, шахматистов, физиков, математиков, поэтов, историков, философов, учителей, хирургов, любовниц русских поэтов, домохозяйек, адвокатов, критиков, ювелиров, дантистов, агрономов, гримеров, работников офисов, военных, полицейских, дипломатов, кассиров, продавцов, летчиков, водителей, ... а я встречал и рабочих, и крестьян, и инженеров...

Я так же был отчасти знаком со следователями, начальниками тюрем, охранниками, конвоирами – вполне приличными людьми – уже после смерти Сталина. Слышал и читал о рядовых и не рядовых руководителях и исполнителях Террора и безжалостной политики Советской власти в двадцатом безумном столетии. Ленин и Троцкий, безусловно, евреи, но Молотов, Ворошилов, Киров, Калинин, Сталин, Берия, Булганин, Маленков, Хрущев, Пospelов, Микоян, Черненко, Суслов, Блюхер, Тухачевский, Буденный, Луначарский, Подвойский, Железный Феликс, Крыленко, Дыбенко, Антонов-Овсенко, ... **и имя им легион – НЕ евреи.**

Революция подготовлена и проведена русскими и славянами (в том числе и Корниловым, возможно и Калединым, Гучковым, Милуковым, Родзянко, отчасти Шульгиным, Ивановым-Разумником, Плехановым, генералами Главного командования царской армии, большинством членов Государственной думы)... **революция поддержана и осуществлена** матросами и нижними чинами Балтийского флота и дезертирами с фронта, наводнившими Петроград – всё русскими по национальности. Вероятно, поддерживали ее и агенты Британской и Немецкой разведки. **Еврейская буржуазия**, игравшая видную роль в промышленном развитии Российской империи, сама **пострадала от революции. Старая русская интеллигенция**, даже еврейского и немецкого происхождения, **революцию не поддерживала.**

Самое существенное, что я об этой национальной катастрофе могу сказать, что это тот же самый **Пугачевский бунт, Бессмысленный и Беспощадный**, отчасти справедливый, отчасти несправедливый, но воистину безмерно жестокий. Я никогда не мог подумать, что мы, русские, особенно те, которые были бесправными тысячу лет, накопили такой океан ненависти и злобы.

Те маньяки, которые оседлали этот Бунт, те бесноватые Ильичи, холодно-кровные садисты, как Троцкий и Землячка, временщики, как Урицкий, Свердлов, Володарский, Зиновьев и Бухарин, Каменев и другие... были бы только щепками в этом наводнении, если бы бедняки и пролетарии не выдвинулись наверх **миллионной завистливой массой**, а если и через сто лет они продолжают ненавидеть «контрреволюционную сволочь», то это не исправить. У них мало ума и мало образования. и все эти десятилетия Пропagанда продолжала отравлять умы *одномерных людей*, словно некий Бес возглавил кампанию по производству людей будущего, способных стать роботами. **И тогда станет еще хуже.**

Что ценно в евреях мне? **Я – русский националист без нации.** К национальной идее, к «голосу крови», к **ощущению почвы** как источнику народной культуры сегодня у русских отношение плёвое. Даже поговорить не с кем ни о музыке, ни о поэзии. И только **евреи-сионисты ПОЧВЕННЫ**, хотя они и утеряли когда-то давно свою родину, но две тысячи лет хранить память о ней в своей душе – это достойно восхищения. А ведь *сионист – это чистый тип националиста* (хотя в религиозной упаковке). Русские православные, напротив, подчеркивают свой интернациональный космополитический дух, для них Завет апостола Павла – это «основной инстинкт»: **«Отныне несть ни еллина ни иудея, но все и во всем Христос»**. Евреи это не поддержали, русские ухватились. **Это и причина. И на этом и хватит...**

ВОСЕМЬ ТЕЗИСОВ о ПРАВДЕ, ЧУДЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ.

24.12.23г., воскресенье, две странички моей самой странной книги длиной в 432 страницы. Прошел день зимнего солнцестояния и **солнце повернуло на лето, а зима на мороз**. Но еще осталось недописанным (как некие окончательные тезисы, которые надо пришить на вратах церкви): **есть ли Бог** и можно ли о нем что-то положительное сказать, **есть ли Русский народ** и что такое **Россия**, кто такие **евреи**, *более ли они виноваты, чем русские*, и **кто я сам**. Начни с себя, закликают христиане, с себя и начну.

1. Каждый что-то помнит о своей жизни и составляет о себе представление, мои первые воспоминания относятся к окончанию войны, августу 45-го, мне исполнилось ровно три с половиною года, а через нашу деревню начали возвращаться солдаты, по домам их отпускали не сразу и не всех. Я уже знал, что мой отец погиб на войне, но все таки с сумасшедшею верою в чудо выбегал на околицу и хватал солдат за рукав: **Дяденька, а вы не мой папка?**

Помню я это хорошо, даже в виде картинки, пред концом летнего дня. Позже помню игры с детьми на песочном бугорке, мы делаем из песка куличики. Помню дождливую осень 46 года, я пускаю кораблики из бумаги по канавам, бегущим вниз вдоль огорода, помню жестокого пьяного отчима и наш побег в мае 47 года из его дома к бабушке в Корневище, в 12 километрах.

2. В 19 лет я прочитал статью Оскара Уайльда о социализме и Ветхий Завет, из социалистической веры стремительно перейдя в христианство, одновременно в меня хлынула музыка Вагнера - Лоэнгрин, Тангейзер, Ренци, Тристан и Изольда, его мемуары и письма, стихи Блока, одновременно в меня хлынула любовь к женщине (с Риточкой, пятикурсницей, я целовался еще на первом курсе, но остался таким же наивным, как был, а тут вдруг **любовь как мистическое состояние**, неотделимое от религиозной мистики **Самадхи, Пробуждения и Благодати Божией**). Итак, я стал христианином и затем сорок лет с христианством *расставался*, хотя в виде некоего окончательного религиозно-философского вывода это расставание я сформулировал, может быть, только сегодня (хотя в последние 20 лет я, конечно, **не христианин** и вообще **не верующий**, вне состояния, подобного любви к женщине).

Две вехи моего выхода из христианства: **2002** год – «Боль и любовь», знакомство с И.Р.Шафаревичем; **2004** год – «Записки на пальме», критика Бердяева и апостола Павла. Сегодня окончательно формулирую сущность моего противостояния христианству: его мифология придумана, не укоренена в сознании человека и чрезвычайно эклектична, состоит из более старого мифа о иудейском богоизбранном народе и иудейском Боге, к которому прирошена виноградная лоза язычества, миф о первостепенном значении **грехопадения**, необходимости принесения в смертную жертву (кому?) Бога-Сына для искупления человека от греха, и миф о греховности плотской любви и греховности зачатия и рождения детей. Христианство вместе с церковью и богословием составляют своего рода *Театр, Медитацию и Философствование*. В состоянии отделенности от государства они могут приносить человеку и пользу и вред, но я не буду более встречать, хотя напишу о них Книгу.

3. Для меня существует **Бог-Творец, создатель мира и человека** – но о нём написал я ранее достаточно. Влияет ли Он на мир, я не знаю.

4. В течение жизни, и в детстве и позже и до сих пор помимо воспоминаний о времени текущих дней и ночей, пронизанных размышлениями, чтением, прозрениями и сверхсостояниями, являются мне и образы и представления встреч и воспоминаний, выходящих за рамки жизни.

Во-первых, когда мне исполнилось семь лет, ко мне приходил Ангел и объявил, что мне предстоит в будущем сыграть важную роль в судьбе своего народа, то есть его **СПАСТИ** (от гибели или падения или некоего житейского растрепания и погруженности в несправедливую жизнь).

Во-вторых, мои размышления иногда сопровождались сообщениями важных знаний из сверхбытия, ко мне словно бы приходили музы и волхвы и включались в ход моих размышлений).

В-третьих, происходили события, в силу которых я понимал, что существуют не только естественные события, но и чудеса, и хотя я не умел лечить людей силой внушения, но самого себя мне удавалось буквально вытащить из марева смерти. Мне казалось, что я иногда способен влиять на мирские события. Или могу демонстрировать способности, необъяснимые в рамках обычного взаимодействия вещей и явлений. (Самое простое – это то, что я привлекал к себе внимание и симпатию, которые никак не объяснялись ни моим НЕ превосходным умом, и НЕ превосходным образованием. А что касается девушек, то чем она была красивее и возвышеннее по уму, тем я ей казался интереснее, и это не я первый останавливался при случайной встрече, а она восклицала: **Ой!** Иногда я не приставал, не ухаживал, не расточал комплименты, мы оба знали, что по крайней мере пройтись и поговорить нам необходимо. С школьными подругами я иногда сталкивался на бегу, мы сшибали друг друга, они меня отряхивали или перевязывали и потом врачевали и не хотели от себя отпускать. Но у меня была еще миссия – *столкнуться* по мере возможности с наибольшим числом пробегающих.)

5. Окончательно христианство меня оттолкнуло своим чрезмерным упованием **чудес** и ненавистью к нашему миру, так что «Сын Божий» не Маг ли и Чародей? – да так оно и есть! – что и заставило Розанова наконец в догадке воскликнуть: **«Он не кто иной, как Денница, то есть Люцифер!»** Существуют ли чудеса? – Во всяком случае не в таком **переизбытке**. Сам **человек – это главнейшее чудо**. Но уже чудо **Причастия к плоти и крови** – кошунство и магия, и не что иное, как своего рода **расписка кровью**.

6. Но есть у меня воспоминания и о времени, когда еще словно не было времени, но в некоторых фигурах из прошлого узнаю я себя (да ладно...)

7. Защищаю я евреев – но и они виноваты! Но **более ли** немцев и русских?

8. Я ясно помню, кроме того, что перед зачатием нас, **избранных** – а я был среди них, собрали, чтобы мы высказали свои пожелания. Я выбрал себе отца и мать из числа тех, кто вовсе не ходил в школу, но был красив и великодушен. И настоял, чтобы мне не было дано **привилегий** – **ни в чем**, ни в происхождении, ни в талантах, ни в удачах. Я должен был стать **малейшим из малых сих!** – что и дает мне право борьбы с **революцией мелких**, которая во имя справедливости и отмщения за обиды готова погубить сей великий мир, конечно, не годный... несправедливый.... и прочая ... но **способный спастись и возвыситься в милости и сострадании..**

ЗАМЕТКИ ВДОГОНКУ

Политическая философия и этнография занимались не жизнью народов, а усилиями царей и властителей по истреблению и разращению этих народов, но *"мы поименно вспомним всех, кто поднял (и кто не поднял) руку!"*.

Но пока наша главная задача собирать камни от разрушенного Парфенона! Это смысл жизни человека творчества.

1. Как будто бы эта странная книга закончена, остается недописанных 8 страниц, попробую что-то и дополнить – не все же я сказал, что хотел?

Мало сказал я в защиту евреев, которых, как правило, все обвиняют в своих собственных промахах – но я сказал главное, что «все народы виноваты в той или иной степени, история – это цепь несправедливостей и притеснений, но, конечно, евреи *не более виноваты*, чем немцы, французы и русские – ни в жертвах Французской революции, ни в жертвах немецкой 1918 года, ни в жертвах Русской революции и Гражданской войны 1917 – 1922 года». Так что я по крайней мере не гоню на них напраслины и свои собственные вины не перекладываю на них. А что они во многих жестокостях все же виноваты, и в их Ильиче, и в их Троцком, и в их пламенных революционерах, которые и зажгли Россию (хотя она и сама жаждала разгореться) – несомненно.

2. Владимир Солоухин под влиянием неистового Ильи Глазунова тоже усвоил на евреев отрицательный взгляд. В этой заметке я не буду разбирать все *про и контра*, история еще не закончила свой спор и по этому поводу. Но я глубоко уверен, что и Солоухин и Шафаревич не похожи на антисемитов, они бы евреев защищали и прятали в трудную для тех годину, даже с риском для себя. Это мягкие великодушные люди, НЕ шовинисты, не ультра патриоты – но они преданы собственному народу, переживают его боли и пытаются свой народ защитить – во всем ли они при этом правы? Да, не во всем, но мы все еще в потемках. Советское правительство – это ни в коей мере не русское правительство, и то, что сидели еврейские националисты Файнберг и Кузнецов, не делает виноватыми русских, революцию возглавлял бесноватый Ильич, а КГБ в 60-х - 70-х годах возглавлял Андропов, при этом сидели и я, и Огурцов, и Браун – *русский народник, русский православный и русский монархист*.

3. Из Метафизики искусства (с23-27). В чем главный источник наших трудностей? Стоит воскликнуть: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» – и все разногласия с обществом пропадают, человек становится счастливым, пока не произведут очередную революцию те, кто нами правит и нас эксплуатирует и нас истребляет за мелкую оппозиционность и несогласие – им, видно, все же «мучительно больно», и именно они и ставят то вместо русских князей монгольских ханов, то вместо них еще более Грозных царей, уже наших, то вместо русского царя польского и Марину Мнишек вместе с ее незаконнорожденным дитем, то польского снова меняют на русского, и даже отдают «жизнь за царя!», то вовсе свергают царя и ставят временщиков-тиранов, то... И вот я и мечтаю: не то вопреки очевидно хамской жизни **встать на колени вместе со всеми и заклинать, что жизнь хороша и жить**

хорошо, и писать философию и историю, оправдывающие мое собственное раболепие, не то признать и сказать (хотя бы во сне, когда я временно забуду о вечном страхе пред властью, делающем из всех нас не только пожизненных но и посмертных рабов – там ведь еще и ад грозит! – но хотя бы во сне вздохнуть, переворачиваясь на другой бок: *Боже! Как грустно жить в нашей России!* (Н. В. Гоголь).

Но все же почему я такой неудачный учитель? Или я не столь самонадеян, как Ленин, или не такой талантливый, как Маркс, или не такой знающий, как Евклид (правда, Аристотель и Евклид несомненно и по праву меня превосходят. Хотя ведь и я написал учебник высшей математики, и неплохой, и хотя сам сочинил в нем немного, а остальное заимствовал, но и Евклид собрал математические сведения у своих предшественников! И Коперник «стоял на плечах великих», как он сам об этом сказал). Или мне не помогают высшие силы (хотя и обещали), и я не их посланник? Но Аттила, Чингиз и Наполеон? Чем они отличаются? Отчасти, думаю, дело в том, что начинается вдруг Вихрь истории и он подхватывает все, что ему встретится, и возносит, и Наполеон – один из многих, кто подвернулся Вихрю Революционной Франции, а что было воистину неотвратимо, это столкновение Третьего сословия с Феодалами за власть, как в феврале 1917 года в России, но здесь мы яснее видим, как малы и не козырны все эти случайные карты из колоды, якобы возглавлявшие революционный вихрь, ничтожен и князь Львов, и Керенский, ничтожен, увы, оказался и Корнилов, в августе 17-го не одолевший полудневного перехода от Гатчины до Петрограда, чтобы установить Наполеоновскую диктатуру, ничтожны оказались и Милюков, и Шульгин, и Родзянко.. и кто там еще в Государственной Думе.

В сравнении с лозунгом Ильича *«Земля крестьянам, фабрики рабочим, мир с немцами!»* ничтожным оказался и Колчак и Деникин, не привлечшие на свою сторону ни крестьян, ни рабочих, ни даже казаков... ни даже большинства офицеров!

Уж не ничтожество ли безобразный Ельцин? Что он сделал? Призвал всех алчных раздирать Россию как пирог и *проглотить суверенитету*... (подставляй сюда и нефть и газ, и власть и деньги) кто сколько проглотить сможет!..

Итак, я не могу похвастаться ни многими знаниями, ни способностями, ни помощью Высших сил. На помощь **тёмных сил**, которые, как я предполагаю (и так думают многие историки и метаистики) помогают самозванцам, от Наполеона до Гитлера и Ельцина, я и не рассчитывал и ее не призывал – а светлые силы помогли ли хоть кому либо? Или верховный правитель мира – это Князь тьмы, и светлые силы НЕ вмешиваются в земные дела?

Но тогда почему ничего не удалось мне хотя бы на литературной стезе, и я не стал столь значительным поэтом, как, хотя бы, Тютчев)? Не стал художественным писателем... как Толстой, Достоевский, Тургенев... Да не стал ведь и музыкантом и композитором и актером!?

Не стал почти никем, особенно во мне почти нет...

Во мне нет умения творить чудеса, как у Христа, убеждать и вести за собою, как у апостола Павла, у Лютера, у Козьмы Минина, протопопа Аввакума.

Но почему это так, если я принадлежу к *избранным*?

Мои способности и моя судьба определились при рождении... или даже немного раньше. Дело в том, что наша **душа** (или ее носитель – **монада**) **вечна**, и время от времени *воплощается* в человека или в каких-то других существ – то есть *облекается плотью* и обретает земную жизнь (но всё это я знаю, увы, пока смутно, поэтому и пишу несколько неопределенно, человек, как правило, не осведомлен в подробностях странствования своей монады).

Перед *рождением* счастливчики, которым открывается их будущее, например, **избранники** или будущие **святые** или **страстотерпцы** получают возможность кое что самим избрать из своей будущей судьбы, например, Христос воплотился в человека, но ему сверх того было дано не иметь грехов и слабостей, совершать чудеса и воскреснуть на небо, взамен он многим пожертвовал, в частности, любовью к женщине и полноценной семейной жизнью. Вероятно, было предопределено ему посеять семена будущей веры и основать церковь для ее утверждения, но при этом умереть ему пришлось мученически (ибо трансцендентные учения утверждаются через кровь – не знаю, кто ввел этот обычай, и к кому привязывается человек через кровь, я этому обычаю всегда возражал).

Был ли Христос Сыном Божиим? Все мы в некотором смысле Божии дети, но что он Бог и равносильен Демиургу, я не только сомневаюсь, но этому НЕ верю. Точнее сказать, мои трансцендентные Знания об устройстве нашего мира (о других мирах говорить не могу) исключают такое предположение. Можно только сказать, что я *знаю*, что и он один из нас, возможно, лучше всех нас, ибо и в самом деле *он без грехов* – что и поставило его в положение судьи грешному человеческому миру – но все же он **не** Бог. Так не боги и иные основатели всемирных религий, например, Конфуций, Будда, Зороастра, Магомет – и на божественность они не претендуют. Если посчитать марксизм религией – а для его последователей это была в значительной степени религия, и сколько людей было сожжено в топках ее всемирного Костра (*мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови – Господи, благослови!*) – то не исключено, что и Марксу была определена роль создателя религии до его рождения.

Возможно, в пику Христу я отказался почти от всех **преимуществ**. Ибо я не хотел возвышаться над человеком, я хотел **не сыграть роль человека** во всемирном театре бытия, а стать человеком полностью, со всеми его немощами, даже с тем, что порицается мировыми религиями, то есть и с честолубием, и с тщеславием, с **гордостью и честью**, любовью к семье, роду и народу, **любовью к женщинам и детям**. Я даже рискнул **вочеловечиться до конца**, испытать страх смерти и смерть, малодушие, боль и болезнь, одиночество, тяжелый труд, бедность, несправедливость, унижение и оскорбление... во всем вочеловечиться, даже пасть почти до самого дна и лишь потом постепенно подняться, собственными усилиями, преодолевая искушения мира (но не те, что словно в театре: исключительное богатство, абсолютная власть и головокружительная слава) – а кусок хлеба умирающему от голода, место

для сна в углу под крышей, одно теплое слово среди всеобщей ненависти... – но когда за это самое ничтожное для жизни надо будет встать на колени... Нет, умереть – но не встать! – а не отговориться красивыми словами, мол, *не хлебом единым жив человек*. Я читал у Солженицына и Шаламова, каково приходилось человеку в концлагере, особенно женщине – как ничтожны в сравнении с этим искушения Христа сатаной!

Но Христос в конце концов принес в жертву собственную жизнь во имя спасения человека! – возражают мне христиане. Но когда в 1921 году участники Антоновского восстания на тамбовщине были загнаны в дикие леса, войска Тухачевского окружали села, хватали малолетних, даже грудных детей вместе с матерями и посылали гонцов – если партизаны до утра не вернутся в села, их жены и дети будут расстреляны! И расстреливали всех даже после того, как повстанцы сдавались. Ставили ли Христа перед выбором: если он не откажется от своего учения, то распнут его мать, его братьев и сестер (к которым он даже не вышел на встречу, когда они пришли его навесить?) Но кого и в чем я убеждаю? Я уже говорил это, и не раз, говорил это христианам, говорил и сторонникам «самого гуманного в мире учения» – ответом мне было или молчание или раздражение. В норме человек негодует, когда сталкивается с злом и жестокостью, страдает, когда сталкивается с обидой, чинимой беззащитному, например, читает у Достоевского, как басурмане на пики бросали славянских детей (в романе «Братья Карамазовы»). Плакал ли читатель, когда читал Достоевского? (Известно, что Александр Второй плакал, читая «Записки из "Мертвого дома"»).

Моя жена на лекции рассказала студентам, что в 1922 году на Смоленском кладбище закопали в землю сотни священников – никто не охнул при этих словах. Или человечество уже притерпелось к тому валу жестокости, который прокатывается по земле и в последние двадцать столетий, несмотря на то, что священник в храме поет, обращаясь к прихожанам: *Радуйся! Ты уже спасён! Ты получил благодать бесплатно!*

Итак, я захотел вочеловечиться полностью, отказался от способностей исцелять болезни и воскрешать умерших (впрочем, в последнее я не верю, хотя и читал в древних мифах, что "Бог мог и из камней созидать детей Авраама" – но бог ли Христос?

Но я чувствую, что захожу в тупик. Я несчастлив, потому что очень много несчастных, но еще более несчастлив от того, что их никому не жалко, что люди равнодушны, что их не трогают чужие горести, что они пройдут мимо по берегу, когда в реке тонет ребенок, пройдут мимо умирающего с голоду и не подадут ему куска хлеба – даже не потому, что им жалко хлеба – но потому, что им не жалко умирающего, им на него наплевать.

В 2004 году я сидел в камере размером в 12 квадратных метров, в ней стояли нары в три этажа, всего в камере помещалось 16 человек. Был очень жаркий август, в тюрьме несколько человек умерло, я полагаю, что они таким образом были незаконно расстреляны. Кто их расстрелял? Их расстреляли депутаты Государственной Думы, которые в это время обсуждали закон о *гуманном отношении к кошкам*, но не обсуждали или отклонили **Закон о**

гуманном отношении к заключенным. Сто сорок миллионов русского народа, которые ни разу в жизни не задумались об участии заключенных, о том, что в тюрьмах и концлагерях должны быть не совсем скотские условия существования, что для них должны быть разработаны и выполняться государственные нормы содержания, что заключенных **нельзя** морить голодом, кормить тухлым мясом и прелым хлебом и содержать по 16 человек на 12 квадратных метров! — а если заключенных слишком много, то надо строить новые тюрьмы — или пусть лучше этот народ пересажает весь сам себя.

В 20-м году Землячка приказала затопить на Одесском рейде 20 тысяч пленных русских офицеров. Но разве только евреи во всем виноваты? А разве не русские заседают в Государственной думе, работают следователями, начальниками тюрем, министрами Внутренних дел? И с тех пор на рейдах не топят миллионы невинных людей?

В газетах пишут — в обычных газетах, которые мы все читаем — что Суды оправдывают не более одного из ста обвиняемых — вы думаете, что так хорошо работает следствие? Нет, система работает бездарно, но обвиняемых слишком много, следователи просто не успевают работать тщательно, и чтобы не упустить преступников, на всякий случай сажают нас всех.

В Отечественную войну Советский Союз потерял 27 миллионов человек, англичане потеряли триста тысяч. Разве русским не обидно, что те потеряли так мало? Поэтому мы их ненавидим. Погиб и мой отец, один из 27-ми миллионов. Немцев погибло девять миллионов, в три раза меньше. Или мы так плохо воюем, или мы в три раза глупее и бездарнее немцев? Нет. Значит, двое из трех погибли напрасно, и кто-то в этом виновен.

Смотрю английский фильм о Тьюринге, гениальном математике, расшифровавшем *военный код немцев*. Для этого в 40-м году он построил первую вычислительную машину, прообраз компьютера. Но оказывается, еще раньше такая машина была построена в СССР, в Ленинградском университете, но **всех создателей этой машины расстреляли**. *Расстреляли и гениального ученого Николая Ивановича Вавилова, в 1942 году. Расстреляли гениального поэта и офицера Николая Степановича Гумилева, в 1921 году. Умер в лагере поэт Мандельштам, просто с голоду. Четыре с половиной миллиона солдат попало в плен в 41-м году, большинство их умерло в концлагерях. Два миллиона умерло во время блокады — никто не подумал, что их нечем будет кормить в осажденном городе... Сторонники большевизма не хотят слышать о десятках миллионов, уничтоженных рабоче-крестьянской властью — но даже если бы их были только миллионы, это не оправдывает Машину истребления — расстреливали как правило лучших!* Это было не простое уничтожение народа, проводилась селекция по созданию нового человека, наиболее усредненного, гении были под запретом. Но, может быть, уничтожали дворянских детей, на смену которым должны были придти новые гении, из крестьян и рабочих? Нет, и у крестьян нашлось, кого уничтожить, на всяком поле есть косяки повыше и погуще. Долой их с поля всеобщего уравнивания способностей! Началось раскулачивание, одних расстреляли, другие поумирали сами по дороге в Гулаг и на Лену (о них пишет и Владимир Тендряков в рассказах о Вологде, читать без слез невозможно — но это мне их

жаль, другие, быть может, читают со смехом? История, правда, злопамятна, отдаются иногда чужие слезы в потомках даже на седьмом киселе, так, возможно, *поплачут и их детки на дорогах могилках...*

Следовательно, я ошибся, когда перед воплощением решил отказаться от привилегий, захотел родиться всеобщим, без чрезмерных способностей, чтобы не противостоять народу. **Я только попросил сохранить во мне особенное чувство сострадания ко всем безвинно униженным, страдающим, гонимым, погибшим, расстрелянным, умершим от голода!** Видимо, я хотел прийти к жертвам, как Христос пожелал прийти к грешникам, я захотел прийти к гонимым, как он – к гонителям. Правда, он постоянно путается, и иногда возглашает: (в Евангелии от Матфея): *"Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим..."* – вот так: возьмите иго мое, если вам невмоготу!

А я хотел помочь несчастным – но для этого я должен был родиться гением, но я, увы, подумал, что должен быть одинаков со всеми, терпеть их унижения, страдать от их усилий непонимания, мучиться от бесплодной работы, от недостатка образования, от слабой памяти, от редкости озарений. Мне было жаль всех тех, кому в школе тяжело давалось учение, и я не хотел над ними возвыситься. Но как же мне было спасти мой народ, если я не мог его повести за собою, не смог стать для него убедительным? *И они пошли за фальшивомонетчиками, за наперсточниками, мошенниками, бандитами, взяточниками и злодеями, за лжецами и обманщиками.*

Не надо слишком много **знать**, говорят многие. А священник добавляет, что стремление знать – это *"бешенство ума"* (листаю мою книгу). И я не спорю.

Почва, производящая хлеб наш насущный – это чернозем, вырабатывавшийся, *культивировавшийся* природой (то есть *естественным* образом, без вмешательства человека). Там, где почва бедная, человек вносит в нее удобрения, тоже обрабатывая, *культивируя* почву. Таким образом, **Культура – это почва**, на которой произрастает наша **жизнь** в целом: и наш язык, входящий в культуру, первичный для нее, из которого она произрастает (производя культуру и сохраняясь в ней), и музыка (подобная языку, дополняющая ее, как движение, жест и мимика), театр, литература (вместе с поэзией), философия и наука. В культуру входят и быт и повседневная жизнь, по крайней мере по обе стороны границы, разделяющей собственно культуру и быт. Но в культуру **входят** и религия и церковь, несмотря на их волю, энергию и идеологию противостояния и сокрушения и жизни и культуры. *Жизнь в целом парадоксальна.* В жизнь уже входит смерть и она же завершает жизнь, но сама жизнь противостоит смерти. Однако *религия настаивает на уходе из жизни, на противостоянии ей, на необходимости жить так, словно мы уже умерли.* Более того, церковь, как всеобъемлющий церковный институт, как своего рода государство в государстве, в иные эпохи захватывает власть и над государством и над общественными институтами, подчиняет себе и общество и жизнь в целом (как позднее это сделали тоталитарные идеологии, в частности, **большевизм**), не ограничиваясь созданием автономии от государства в форме монастырей и скитов).

19.04.20 г. КУЛЬТУРА КАК Religio (восСОЕДИНЕНИЕ)МетИск 136-137

1. Происхождение истины. Большинство людей убеждено в том, что вся **истина** содержится в непосредственной рядом текущей жизни, в мнениях и воспоминаниях рядом живущих людей, родственников, сослуживцев, начальствующих лиц.

В Средние века средний человек, от крестьянина до городского обывателя, книг не читал, все, что ему надо было знать, слышал либо в церкви от священника, либо из манифестов властителей, либо из уст в уста на городском рынке или, условно говоря, от "калик переходящих", то есть от странников, монахов, бродячих торговцев, истина сосредоточивалась в их узком кругу. Менялись властители, менялась и истина – как и погода, в редких случаях человек слушал песни или былины, рассказываемые сказителями, в них сосредоточивалась история страны и народа, включающая имена выдающихся злодеев и великих святых и героев, Батыя, Мамаю, Малюту, Ивана Грозного, Петра Первого, Ильича, *«Не спящего по ночам»*, Леонида Ильича, ...о тех, что ближе, мы умолчим... В Америке, оказывается, большинство граждан даже не знает, кто у них в настоящее время **работает президентом**, но так как они не слышали и про своих Пушкиных, Лермонтовых и Гоголей, то есть про Эдгара По, Марка Твена и Джека Лондона, то разговоры о литературе и искусстве у них носят сухо информационный характер, не пронизаны аллюзиями и реминисценциями, ссылками на прошлое и прошлых, то есть существуют вне истории, литературы и искусства, то есть вне **времени**, то есть вне содержания – ибо **бытия как содержания вне времени и истории нет**. (Но **наши** ездят туда с лекциями и на гастроли, и залы переполнены – вот как много теперь там наших!)

2. Язык. Но все же люди разговаривают, иногда разговаривают и со мною – и все же они жалуются мне на меня, что мышление и язык мои архаичны, то и дело в моей речи встречаются непонятные для них термины (термы), о которых они спотыкаются, забытые словечки вроде «натуральный ряд чисел», «простые числа», Пушкин, Архимед, Аристотель, Лермонтов, Толстой, интеграл, Евклид, апостол Павел... «Неужели ты не можешь разговаривать с нами по русски, без этих иностранных (или даже еврейских) слов?» – спрашивают они меня.

Разумеется, с китайцами мне не о чем разговаривать, когда они говорят только по-китайски, потому что я не понимаю ни одного китайского слова, не о чем мне разговаривать и с русскими, стоя на воде, так как на воде я стоять не умею, мне нужна **твердь** под ногами, некие устои, в разговорах о культуре твердою является **язык культуры**. Я когда-то работал учителем математики и проверял контрольные, отмечал и исправлял в них ошибки, иногда пояснял, что «так как $a + v = v + a$, то ...» или что так как $(a+v)^2 = \dots$ – без этих незначительных математических замечаний разговор мой со школьниками был бы бессмыслен, если только не перебирать палочки или камешки... Разговаривая о стихах, невозможно не использовать термины того языка, в который в качестве важнейших понятий и оборотов уже включены *«духовной жаждою томим»*, *«я полню чудное мгновенье»*, *«наедине со мною, брат... выхожу один я на дорогу»*, ... душа... Анна Каренина... *не хлебом единым... производная по искс... интегрируя, получаем...*

В булочной, естественно, я разговариваю о хлебе, но так как мы говорим о стихах, о душе, о чувствах, о добре и зле, о правде и лжи... о *красоте*... хотя монахам последнее слово не понятно, но мы не говорим о первородном грехе, а о стихах, о теоремах и аксиомах, о «критериях истины», то не обойтись без Евклида и без золотого сечения, без Фидия и Праксителя, без Сократа... цитировать Маркса, Ленина, даже Леонида Ильича бесполезно, даже Парфенова, Пелевина, Примакова и Иегудиила Хламиду...

Понятийный язык поэзии и философии (что одно и то же), тем более математики – что тоже одно и то же, – не содержит в своем словаре ни Демьяна Бедного, ни Безродного, ни Бездомного, ни Урицкого, ни Троцкого (составляя исключение для Чацкого), и даже важных слов-понятий: *рифма*, *звук*, *буква* для осмысленного разговора о поэзии не достаточно.

Зачем нам Пушкин? – спрашивают меня с негодованием, – тем более что это еврейский поэт? А Исаак Ньютон – еврейский математик? И Даниил Андреев? Тем более Варлам? Или Аввакум?

Я придумал, мне надоело оправдываться, и я говорю: большинство *ваших* неуклюжи или поверхностны, а мне надо для доказательства новых суждений ссылаться на незбылемые старые истины (ибо *без Пушкина мы бы все уже давно околели!* – как когда-то воскликнул Аполлон Григорьев) – и вдруг я смотрю и вижу, что, во-первых, *мы уже давно околели*, и нам уже не о чем разговаривать и не интересно... И во-вторых, уже нет **языка культуры**, на котором можно разговаривать, значит, под ногами хлябь, болото, бездна ... Поэтому переименуем наш поэтический семинар в семинар по математике, и будьте добры выучить для начала хотя бы Таблицу умножения, а потом уж писать стихи!

3. Школа. Я не говорю, что надо идти в университет, там еще хуже. Но надо хотя бы просто вспомнить хоть что-нибудь из школьных знаний: **атом** (Демокрит), молекула, валентность, формула Герона площади треугольника и средняя линия треугольника (Евклид), меридиан и параллели (Страбон), пилюли и вирусы (Гиппократ и его заповедь **не вредить**), Вергилий, Авгиевы конюшни (это о современной России), Скалозуб (это о вреде чтения), Пиррова победа (это о наших самых прославленных полководцах)...

Итак, разговариваем на языке культуры или замолкаем (впрочем, и без меня нас всех заставят молчать те, кто на это **уполномочен**).

5. Церковь. Тогда что же такое религия и есть ли в ней необходимость, и нужен ли **храм**, или достаточно книг, художественных выставок, театра, филармонии, оперы и симфонической музыки?

На этот вопрос не так легко ответить. У отшельника храмом является пустыня или пустынное место в диком лесу, у монаха – монастырь или даже только келья, у моего товарища органиста храмом стал соборный орган (но не сам собор), моим храмом является природа и мир в целом (и город, и филармония, и книга) – хотя этот мир, который является моим храмом и который я не хочу предавать, отряхая его от сандалий своих во имя абстрактного Бога, большевизм превратил в свалку мусора и в пепелище, а постсоветское время – в полуразрушенное кладбище (для глаза, для слуха, для обоняния и для сознания в целом).

29. 12. 23г., пятница. **КУЛЬТУРА как МЕТАФИЗИКА ЖИЗНИ?**

Оглядываясь на прошлое, я думаю, что **метафизические впечатления** вызывались чаще всего искусством и литературой или необычными формами жизни: **следствие, тюрьма, сумасшедший дом, больница, путешествие...**

Любовь, Дружба, Россия и Русский народ, отношения с **инородцами и евреями, Семья, Культура, христианство и коммунизм**. Что же все таки я узнал и приобрел значительного и возвышающего в **испытании следствием, тюрьмой и сумасшедшим домом?** Стал хуже или изменился к лучшему?

1. **Дружбе я остался верен, простил и тех, кто испугался** (хотя те не сильно и нажимали, ибо еще не совсем окончилась Оттепель). Простил и себя.

2. **Любви я тоже остался верен, тем, кого любил прежде (жене и родным)**, но продолжал и влюбляться А и **есть в кого влюбляться!**

3. **Любовь к России** еще осталась, хотя на **русских** вскипаю я и ныне, как когда-то на **неверных девиц** (которых давно уж простил!), **среди евреев и инородцев приобрел новых друзей** – да к ним я и прежде хорошо относился. Люди вообще достойны уважения, хотя часто **поступают неправильно**, ибо обмануты и «**сдвинуты**», поэтому надо их **направлять** к свету.

4. **Семья и Родина** исчерпываются **Любовью и исполнением долга** – но **Любовь** не исчерпывается ни семьей ни родиной.

5. Место **веры в Бога** ныне занимает во мне сознание его **присутствия в мире и необходимость духовного возвышения и великодушия!**

6. **Культура** не заменяет жизнь, но через нее жизнь становится возвышеннее и благороднее – но для этого культура должна соединяться с милосердием.

7. А что я могу сказать о **Коммунизме, казарме, тюрьме, сумасшедшем доме, монастыре?** По-видимому, все согласится, что жизнь в **сумасшедшем доме и тюрьме** – **отклонение от нормы**, и большинство согласится, что и **казарма** – не совсем норма, и **коммунизм** – система жизни, в которой якобы нет неравенства и всё справедливо – к справедливости не привел. В Сумасшедшем доме многие переживали своё положение как всемирную несправедливость – надо ли всех сделать **такими, как они?** Вот это был бы **коммунизм**. ВСЕ как ОДИН. Единомысленные, одного роста, с одинаковыми правами – точнее, без всяких прав и без собственности (как и положено пролетариям) и даже без желаний. (Хотя не то же ли и в **монастыре?**)

Революция уничтожила **власть богатых и их государство**, уничтожила их народ, а их богатства продала за бесценок на Запад.

Но **победивший народ** не умел управлять, не умел воевать, неимоверной ценою спасся от Гитлера, проиграл соревнование с Западом, в бывшей **русской России** стремительно теряет свое влияние, раздает земли, распродает подземные и наземные богатства – и я последний, кто хотя бы взывает к этому упрямому народу, которому «в башку втемяшилась блажь править самому», и свой из двух частей состоявший народ, как и в семье из мужа и жены – переделать в **советский**, бывший **все же русский народ**, пусть отчасти из татар, из немцев, мордвы и карел, из помещиков и крестьян, из глухых и умных – бросить на **разрушение всего мира** и лишь затем... при конце света? При Страшном суде? При **Втором пришествии?** Да перечтите Новый Завет, что при **Его новом пришествии** спасутся «12 колен» ... **а остальные?** А я? А вы?

Ну, ладно, написал и я **Книгу**, как до меня Солоухин (**Последняя ступень и Чаша**), как до него Солженицын (**Гулаг**) и Шафаревич (**Социализм как Бедствие и трагедия**), а до них Дудинцев (**Не хлебом единым**), а еще раньше Солоневич (**Россия в концлагере и Народная монархия**), а еще при начале Шульгин (**Дни и Девятьсот двадцатый год**) и вскоре Иванов-Разумник (**Потюрмам и ссылкам**). Казалось бы, уже в 1920 году должно было стать ясным, что Троцкий не лучше Ленина, Сталин не лучше Троцкого, а Ворошилов, Молотов и Буденный и «примкнувшие к ним Лжедмитрии» - НЕ спасители отечества. Но **советскому народу** еще было мало. Советская власть Россию не спасла и не спасет, *но думал ли Зюганов, которому я подарил «Россию и Европу» (которую перед тем издал) о спасении России?*

Гениальный скульптор **Цаплин** вернулся на родину, его творения стояли в подвале Гума. *Я один из немногих, который их всех видел в 60-е годы.* Они погибли уже в наше время. **Таково отношение русского человека к своим гениям.** Бывший *правлящий народ* проиграл свою Гражданскую войну (это не значит, что он был неправ) – но он оставил великую литературу. Недостаточно их книги перелистывать, надо взглянуть в лицо тому великому народу, который хотя и был виноват, но вину свою искупил. Задумывался ли *советский народ* (бывшие русско-крестьяне), что надо, наконец, **после ста лет войны** взглянуть им в лицо? Не свысока, а как ученик на учителя?

Несколько слов о своих книгах... Конечно, сегодня читателей уже почти нет. *Двенадцати не найти*, но все же я нашел трех читающих. Перечитываю их отзыв в третий раз. Может быть, я и в самом деле пишу не о том? Но дворянская литература тоже не писала о крестьянском труде и *как закалялась сталь* в декабрьский мороз. **Война и мир** – сначала болтовня в салонах о будущей войне, а в прижизненных изданиях даже на французском языке, потом о балах, любви, запачканных пеленках... Зря ли Бунин предлагал сократить наполеону? В 94 году я издал Кнута Гамсуна «На заросших тропинках», который был поклонником Гитлера, потом осужден своим народом (который, впрочем, тоже был за Гитлера и воевал против России, а прежде любил Гамсуна). Я эту книгу воспринимал как **«Одиночество на заросших тропинках»**, в ней не было ни осуждения ни оправдания, старый одинокий человек бродил по окрестным тропинкам своего одиночества. Книга была в некотором смысле тоже НИ О ЧЕМ. Но она была значительно многих книг «О чем». (Да и трудно сказать, о чем надо писать. Многие считают, что *надо писать о жизни* – хотя **научились ли мы жить?**)

И что такое **любовь к своему народу**? Иногда мне кажется, что мы словно в первом классе еще учим азбуку, но с вершины ее поучаем других, словно до нас никто не был русским или французом или англичанином.

В 1649г. **Карл I** обезглавлен по приговору **Кромвеля** (как у нас **Николай II** расстрелян по приказу **Ленина**). Кромвеля **казнили** (выкопав из могилы) через 2 года после смерти. Памятники им обоим стоят напротив. Не тогда ли окончится Гражданская война и в России, когда будет казнен Ленин, и царь и временщик будут водружены друг против друга? Но как в таком случае со Сталиным? И как с *верующими в него?* – и *Бог ли он*, как думает Г.М., или *дьявол?* И вправду ли *бесплозны искусство (и литература)*, как думал Оскар Уайльд? Но я еще жив, а поэтому спор наш не кончен. *И война тоже.*

Ложась спать, продолжаю спорить, являются новые соображения, я их дописываю в конце книги, для того что-то сокращаю в предыдущих страницах. Но уже стало это неудобно, допишу сегодня еще одну-две страницы, может быть, номера их не буду даже указывать.

Задевает меня низкая оценка моих книг, кои я оцениваю гораздо выше. Но кто прав, я или критика, сказать мне трудно, так как и я сам критик и вкус мой совсем не дурной, но самого себя оценивать трудно, сначала кажется, что написано блестяще, потом впечатление тускнеет, так даже Рахманинов свою Первую симфонию сначала считал превосходной и обвинял Глазунова в ее провале, потом решил, что она все же средняя, одно хорошо, другое неважно, и превосходной она не является.

Г.М. говорит, что мои книги являются *потоком сознания* (я так и не пойму, что он имеет в виду), наконец и вовсе говорит, что книги мои «ни о чем». С этим утверждением трудно спорить, потому что у нас пока нет единого мнения, что должно являться не только содержанием литературы, но и содержанием жизни. Христианин, уходящий в затвор, в скит, в монастырь, уходит словно бы и от жизни в привычном смысле этого слова, не женится или расстается с семьей, если уже был женат (а уходящая в монахини расстается с мужем и детьми), естественно, что не ходит уже на государственную или частную или домашнюю службу, хотя некоторые, как Коперник или Игнатий Брянчанинов, продолжают писать книги, а Коперник написал глубоко ученую книгу. И обычная светская жизнь того или иного человека всегда ли выдерживает критерии «*очёмности*»? И тем более книга писателя, даже знаменитого, всегда ли «о чём»? Вот, например, сон – является ли он частью жизни? Менделееву приснилась Таблица расположения химических элементов, несомненно, что она удовлетворяет всем критериям «*очёмности*», а многим сняты стихи, и иногда весьма превосходные.

Является ли частью жизни сумасшествие, «очемное» оно или «*ниочемное*»? Подчас переход к сумасшествию является наибольшей трагедией из всех возможных, человек совершает, сходя с ума, преступление, которое никак не связано с его предыдущей жизнью, он был не хуже других, не порочен, не растлен, любящий сын или любящий муж, и вдруг убивает родную мать: в своем заключении в 70-73 годах я столкнулся с таким случаем, когда молодой человек, композитор, убил свою мать, мы с ним часто разговаривали о музыке, он производил впечатление вполне разумного человека, конечно, его уже перед нашим знакомством лечили – но что случилось с ним ранее, когда он сошел с ума, являлось ли это сумасшествие и преступление выводом из его жизни или хотя бы событием в череде житейских событий?

Великая Французская революция (как и войны Франции) – разумны ли?

Не сумасшествие ли – две русских революции в 17-м году, и эпоха советской власти с 1917-го по 1991 год, 75 лет противостественной самой возвышенной, как они говорили, Диктатуры? А в особенности годы ленинско-сталинского террора, с *17 по 53 год, 38 лет сумасшествия*? Эти убийства – это часть нормальной жизни? Это разумная часть русской истории?

Мне все это ясно с моей точки зрения, которая является безусловно верной и разумной: простонародье, а особенно заговорщики, пришедшие к власти, не смогли справиться с жизнью огромной страны, они вообще **управлять ничем**

не умели и в образовании и в умениях были посредственными, и чтобы не расписываться в этом, не признаваться в неумении, не отвечать за него, обрушили на народ шквал патологического террора. Но к этому еще примешивалась и жажда мести и жажда убийства для убийства, как у Марата и у Ленина, вероятно, и у Сталина... да и у многих их сподвижников... Присуща ли была патологическая жестокость именно евреям? Я думаю, что, как и во всяком народе, жестокость – характерная черта одних, а великодушие, милость, милосердие – характерная черта других... Вот Иван Грозный. Он маньяк. Но потому ли, что потомок Чингис-хана? Ведь кроме этого его предка, у него было еще множество русских предков, многое было в нем *намешано*, как говорит демократ П---ов.

Возможно, русский народ жесток – но не более ведь, чем другие, чем французы? Как и французы в 89 году, русские сошли с ума в 17-м. Так сошли с ума немцы при Гитлере. Сходят с ума и евреи. Но объяснять только проблемами евреев или порочных красоток нашу историю – не от большого ума.

Не всегда правы историки в объяснении того, что происходит. Толстой – гений в области литературы, но говорит, что **вкуса** как особенного свойства сознания, нет – и в этом не прав. Так бывает, иные не воспринимают музыку, иные не умеют решать математических задач, я в разных направлениях ума довольно развит, но мне не снятся таблицы Менделеева, да и стихи не всегда поднимаются до уровня, который хотя бы я сам признал бы превосходным.

Что же в жизни и в литературе является совсем **«ни о чемным»**, но тем не менее вызывает ожесточенные споры?

Отобрание зерна у крестьян, раскулачивание и Коллективизация – это дьявольское безумие, приведшее к смерти миллионов людей – но многие это безумие даже сегодня пытаются оправдывать как необходимое в каких-то разумных видах – что это такое? Может быть, таких защитников «дьяволады» самих надо было бы отстреливать, как бешеных собак?

Почему существует в мире Зло и жестокость? Потому ли, что Ева что-то сделала не так, схрумкала какое-то яблоко? Потому ли, что человек или некий Дьявол вмешался в Акт Творения человека, который совершался Творцом? Или где-то Творец ошибся? Или иначе было нельзя и без Зла было бы еще хуже? **Я еще не знаю.** Я вижу и читаю и слышу, как об этом утверждают и спорят, но я вообще невысокого мнения об умственных способностях большинства людей, даже если они признаны глупым человеческим большинством за выдающихся умников (Лютер, к примеру, отрицал, что Земля вертится вокруг солнца – да, был заурядным человеком...)

«Дьявол рыщет ища кого погубить.» Не рыщет Дьявол. И есть ли он? Ну вот такой способный противостоять самому Богу? **НЕТ.**

Что такое война? Часто безумие. Что такое Инквизиция? Всегда и только безумие. Что такое роман Булгакова «Мастер и Маргарита»? О чем он?

НИ О ЧЕМ. Россия в 30-е годы переживала вакханалию Зла, и не только большевики и Сталин ввергли Россию в этот кровавый омут, но и сам русский народ. Рассказал ли Булгаков читателю то, о чем я вам сейчас говорю, и что рассказал Солоневич в своей книге «Россия в концлагере», а позже Солженицын в «Гулаге»? **НЕТ.** *Это блестящее литературное произведение, возможно, лучшее, чем то, что пишу я, но оно «ни о чем».*

Конечно, если в многостраничном сочинении я не успеваю привлечь сознание или сердце читателя, то дополняя его еще одной или двумя страницами, причем наспех, не привлеку сердце даже самой доброй читательницы самой умудренной или самой юной. Поэтому мне надо смириться с тем, что в лучшем случае я смогу завоевать внимание одного или двух человек и не рассчитывать на большее и ограничить себя в дальнейших усилиях, ну, скажем, дописать еще две страницы и на этом закончить.

Звенит звонок на перемену, читатели разбегаются.

Что же я еще успею дописать?

Разделю множество нашего народа на отдельные группы, попробую представить себе, что они собою представляют, кто из них может мне оказаться близок, кто - нет - ни при каких условиях. Ну и что-то скажу еще если останется клочок бумаги.

Писал я о языке, о его словах и понятиях, что такое атом (а-том), то есть неделимое, индивидуальность, субъект **личность** - зачем это было нужно? Писал и о народе из каких групп он состоит, что они собою представляют и в каких отношениях находятся. Может быть, об этом еще что-то скажу и - закончу. Впрочем, кажется, надо что-то сказать о происхождении человека, о сотворении его Творцом или появлении его в результате эволюции..

Если только в 19-м столетии сам язык наконец-то начал в окончательной глубине вырабатывать понятие личности, если до того *личность* себя даже не создала в качестве личности, кроме отдельных *индивидуальностей*, то для кого я мог писать свои книги и для кого я пишу их теперь? Только для тех, кем бы они себя ни создавали, русским, французом, финном, евреем - кои имеют о себе ясное сознание как о **личности**, отдельной и не растворенной в общей массе людей - класса, народа, сословия, шайки разбойников - не тех, кто: «единица - ноль а вот *если в массу сгрудятся малые*» - нет, те которые сгрудятся, мне не нужны как читатели ... Я пишу только для тех, каждый из которых сам по себе, но при этом, одновременно, обременен и уязвлен Богом и Религией, Природой, Народом и Родиной (что неотделимо друг от друга, но в то же время не одно и то же), Семей (родителями, женой и детьми и родственниками) и другими друзьями и близкими, Культурой и Языком (хотя язык и входит в культуру, но я хочу подчеркнуть его важность, самостоятельность, ведь язык есть и у тех, у кого нет культуры или кто даже мычит вместо того чтобы говорить - мычание - это тоже язык). Есть еще и общество, которое, я не знаю, входит в народ или нет, или есть само по себе? Ну вот, например, в России я существую в некотором скорее воображении как часть народа, связанная с ним происхождением и историей, но конкретно, житейски, я связан с различными группами всеобщего воображаемого народа, например, с сослуживцами, односельчанами или земляками, с сообществом людей, имеющих со мною общие интересы, например, с писателями, философами, музыкантами...

Итак, я пишу только для тех, кто обременен и уязвлен Богом и Религией, Природой, Народом и Родиной, Семей и друзьями и близкими, Культурой и Языком, Обществом... Я пишу для людей, имеющих со мною общие интересы и входящих хотя бы потенциально в сообщество моих читателей. Ну вот, как раз и осталось еще ТРИ страницы.

Последние споры и объяснения. (7 янв.24)

Интересны споры и разговоры о любви к русскому народу питерских интеллигентов. Я не знаю, относят ли они к русским сибиряков, но вот я на днях послушал рассказы своих земляков о сибирской тайге. Кедр не найти даже в музее лесоводства. Скалистые берега реки Тагул выпилили с помощью вертолетов.

Сибирякам это тоже обидно. Мы бы сами могли все это выпилить и им продать, говорят они, но эти москвичи из Москвы приезжают сами и все увозят без нас и нам не дают заработать!

Велика мощь русского народа, если даже Сибирь он может оставить не только без **тайги**, но даже без **леса**. В европейской части России севернее Москвы нет уже ни леса ни пашни, чуть отойдешь от дороги – Дикая степь, Гуляй поле... А *интеллигенты* спорят. Неужели они не хотят, чтобы их внукам хоть что-нибудь от России осталось? Вероятнее всего, это потомки большевиков, они собирались **мир разрушить до основания**, и не остановятся, пока не разрушат.

Далее я **приведу справку** о количестве леса в Сибири, в России и на планете. Пока еще за год прирастает 300 млн гектар леса (в труднодоступных местах), выпиливается пока ежегодно 200 млн (в обжитых местах), треть там же догнивает из спленного, так что многие десятилетия в бывшую лесосеку даже птице не удастся влететь.

Губернатор Иркутской области объясняет, что в бюджет поступают небольшие деньги от лесосек, при стоимости круглого леса (который после обработки продолжает в цене возрастать, но обрабатывают его в Китае и в других странах мира) в тысячу рублей за кубометр, в бюджет Иркутской области за него поступает от **нуля** до **150** рублей, в других местах, вероятно, так же, но если поступает 100 рублей за гектар, то **за все спленное поступит миллиард рублей**. Россия, правда, если Россией считать ее население, не получает ничего, так как **мы (население) покупаем изделия из дерева (мебель или деревянные ложки) или в Китае или в проклятом Западе**. Арабские эмираты, например, продают нефть по всему миру, доходов от продаж **хватает на всё**... У нас то же самое, но **не хватает на всё**... (лучше не слушать этого губернатора)...

Если до революции русские делились тоже на тех, кто любит, и на тех кто не любит, то сначала царя-самодержца не любили писатели и философы из дворян, крестьяне самодержцев любили, но неожиданно, насидевшись в окопах, тоже его любить перестали, и поставили вместо царя новых варягов, Троцкого, Ленина и Сталина. Когда крестьяне разлюбили царя и тех, кто его поддерживает (этих разлюбленцев тоже тогда называли *русофобами*), то стало совсем плохо, отсюда новые патриоты делают вывод: все зло в тех, кто смеет разочаровываться в сильной власти (**можно ли разочаровываться в оккупационной власти, например, в деревенских полициях, и всякая ли власть от Бога, они не объясняют**). Ну и остается не ясным, какова этимологическая связь русофобов и антисемитов, так же как славянофилов и семитов (или филосемитов?)

И, наконец, кое какие рассуждения о трех авторах, о которых я преимущественно пишу: Солженицыне, Шафаревиче и Солоухине.

Так как великорусский народ – это все еще непрочное соединение славяно-русских крестьян и варяжско-русских дворян (кроме примкнувших к ним вроде Шепилова, о котором я писал ранее, кроме купечества и духовенства, которые в войне крестьянства с дворянами не участвовали (мало), то дворяне потерпели поражение, остались в виде растворенного в полуаморфном народе остатка, а сам бывший крестьянский народ так же остался в этом народе в некоем словно бы небытии или инобытии...

Значительная часть читателей не принимает ни Солженицына ни Шафаревича (они «иногородние», как называли донские и кубанские казаки новых переселенцев на Дон и Кубань), то от имени крестьян сегодня вправе выступать только Солоухин, и он единственный чисто народный гений, следовательно, в качестве представителя и портрета Русского народа и надо рассматривать сплав из этих трех, из которых Солоухин прояснен более всего.

Солоухин отрекся от первой половины своего творчества (которое еще было советским), **отрекся от Революции**, которая хотя и была против дворянской России и против дворянства, но оказалась против России в целом и даже против крестьянства еще более, чем против дворянства... вот он и отрекся... Удивительно то, что целых пятьдесят лет добровольные или проплаченные критики на заборах интернета (и даже в моем маломощном журнале) неистовствовали против первых двух, и семиты и антисемиты, и русские патриоты и русские русофобы (да и нерусские русофобы тоже) и сегодня продолжают неистовствовать против – хотя Шафаревича забыла даже читающая молодежь, которая все же помнит Солженицына – **но Солоухина не смеют ругать ни русские ни евреи ни большевики ни отступники...** правда, и его сегодня уже почти забыли, а в девяностые годы еще не успели прочитать: в 95-м году он напечатал свои опасные книги, а в 97-м умер.

Важно подчеркнуть то, что эти трое: **Солженицын, Шафаревич и Солоухин** – словно бы Бог-Отец, (род. В 1918-1919), Дух святой (род в 1923, к тому же математик) и Бог-Сын (родился в 1924, к тому же крестьянин, то есть если даже и Бог, то все же и человек).

И вот ... Ругают Солженицына за то, что он якобы еврей, хотя он русский; что он якобы власовец (хотя это уж ни в какие ворота не лезет!), что он националист и русофоб одновременно (это, правда, бывает, народ состоит из весьма разнородных сословий, многие дворяне в 19-м столетии мужиков за людей и не считали: *мужик, что бык...* да и продавали на базаре как скот – а я вот уже и не пеняю 19-му столетию за это, и расстрелянную интеллигенцию мне жалко – при власти тех мужиков под предводительством разношерстных большевиков-коммунаров и вообще **всю кровь и все слезы**, которые взыскал русский народ в качестве недоимки с потомков бывших властителей мне жалко (но заодно взыскал он и с самого себя, так как все **голодоморы от 17 года по 53-й годы, включая расстрелы, этапные ссылки, тюрьмы, лагеря и Блокаду**, и зная, что еще более выжили народной крови и народных слез со ста миллионов неграмотного народа, чем с 10-ти миллионов грамотных бывших господ, **я уже боюсь этот народ и ругать...**

Нишкни! – кричит мне народ (или мне это кричат *полуобразованные равнодушные прохожие*, которым на народ наплевать?). – *ну и пили слезы и кровь, ну и забудем об этом!* **Молчать!**

Я понавиделся всякого. Некоторые воруют, иные для грабежа убивают, многие обманывают, изменяют, предают, издеваются, пытаются, причиняют боль безвинному и испытывают наслаждение. Некоторых надо за это лечить, некоторых наказывать – и это не мой вывод, а вывод народа и всей народной нравственности, **вывод, которым и руководствовалась вся толща жизни!!!**

Подлого человека и называли подлым и душегубом, хорошего называли хорошим и благодарили. Надеюсь, семь восьмых были люди как люди, если не все шибко хорошие, то больше половины добрых, часть даже святых, и только один из осьмушки, вряд ли более, заслуживал **подчас** осуждения. Вряд ли более чем один из осьми заслуживал полного отрицания, был, что называется, **неискоренимо негодный**. Что и из них некоторых можно или даже надо **пожалеть** – это я понимаю. Но что их надо оправдывать и НЕ осуждать, а **вместо них** осуждать добродетельных – вот этого я не понимаю. Это не что иное как **нравственная короста на душе или расгление**.

Нужно родиться без души, чтобы не знать и не помнить историю, не жалеть мучеников и не ненавидеть злодеев. Мы не можем изменить прошлое, но мы обязаны его знать и помнить! Возможно, это самый главный смысл жизни достойного человека. «Мы (должны) поименно вспомнить всех, кто поднял руки!» А с слепо-глухо-немыми надо споры прекратить, они бесполезны и потому безнравственны. И я прекращаю.

Солженицын, Шафаревич и Солоухин – выдающиеся русские писатели и мыслители, их оценки жизни и истории по большей части справедливы, но и их подчас заносило, они тоже ошибались, ибо человеку свойственно ошибаться!!! Быть негодяем, убийцей и людоедом – человеку не свойственно, но, возможно, негодяев не так много и мы излишне горячимся?

Я не одинаково отношусь к разным людям и к разным явлениям жизни и истории – но я и в лесу не одинаково отношусь к разным деревьям, и девушки мне нравятся не все, а Игорь Ростиславович Шафаревич слишком близко к сердцу принимал то, что нас любят мало... а, может быть, и вовсе не любят? Ну и что???? Евреи слишком болезненно переживают, что их часто не любят соседи – но евреев можно понять, ведь следом за нелюбовью к ним иногда возникали гонения! А самодостаточный, сильный и независимый человек и народ должны руководствоваться пушкинским призывом:

**Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.**

Русским опасно другое, наивысшие злодеи, как Ленин и Сталин и Иван Грозный, на словах нас восхваляли, а на деле пили кровь, так и льстецы, жаждущие нас обмануть, восхваляют нас тоже! **Чрезмерных похвал наш народ не оправдывает, потому не воскуряйте ему фимиами! Оправдал бы он наши скромные надежды, и то бы слава Богу!**

11 января 24. ВИРУС и ЖИЗНЬ. Геологическая система, по мнению Вернадского, и сама земля – это особая форма жизни, горы и реки обмениваются в пределах земной коры и атмосферы своими жизненными силами. Вирус – это мертвая система, разрушительная по отношению к человеку, он умеет только убивать. Но как ни удивительно, и *сам человек является вирусом для своей среды обитания, он убил сибирскую тайгу, леса Европы, выкачал полезные ископаемые, нефть и газ, залил грязью и засыпал мусором реки и озера.* Необходимы усилия **людей доброй воли** по предотвращению всеобщей гибели нашей уникальной земной и солнечной системы.

«Человек, одномерно организованный», пытается подчинить себе **живой мир**. Чингис-хан и Батый, Ислам и христианство навязывают свой тотальный образ жизни и мышления, устремляя обуянные **одномерностью** народы на **разномыслящих**. Даже германцы покатались на восток, сметая с лица восточной Европы славян. Не позволяет вирус человека существовать миру многообразному. Он стремится его уничтожить или сделать однообразным.

Существуют **тоталитарные мировоззрения**, своего рода общественные **вирусы**. Они одевают на бытие нечто вроде амальгамы, покрывало, которое уподобляется бытию как его сущность.

Я пытаюсь рассуждать о мире в системе представлений **Аристотеля**, то есть в формах **Логики, Эстетики (красоты и искусства), Этики (или нравственности: долга, традиции, понятий о добре и зле и справедливости).** *Мир*, кроме того, *имеет исток, онтологию и телеологию, целесообразность.*

Что такое Бог? Это **представление о Высшей воле как о творческом начале, создавшем мир**. Но есть ли кроме того **ИСТИНА**? Христос говорит: *Азъ есмь Истина!* И затем помогает порабощению жизненных сил производительных сословий правящими сословиями. Одномерный мир и одномерный человек подставляются на место многомерного бытия.

Народ – это природное, культурное и историческое единство, в котором устанавливается и поддерживается на протяжении его исторического бытия связь личности с народом и их динамическое равновесие. Теория почвенничества Аполлона Григорьева и Данилевского в целом достаточно хорошо объясняет их взаимоотношения и единство.

Но **экономические отношения как преобладающий источник развития или упадка общественной ЖИЗНИ – ее упрощение.** (Сильный отобрал, хозяин не доплатил, помещик увел или совратил – что перевешивает, когда начинается «подведение итогов»? Спросите у природы, в чем причина ее конфликтов.)

Свидетель. Из стр 401 Но я окружен толпами *то «этрусков», то русичей, то выходцев из Шамбалы (???) – но ничего русского!!!! – а у евреев братство все же есть.* Есть ли оно у меня вокруг Нового Русского журнала? Да, может быть, единственное, что мне удалось в жизни сделать – это написать книгу *«Боль и любовь»*. Но победила ли любовь?

Из стр 380. Сегодня распространено убеждение, что история последних двух тысячелетий – это **борьба религии с наукой**. Но в России произошла Революция, направленная и против христианства, и против **почвенничества** – т.е. против **национализма**. Так где же враг и кто он?

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ (или конечная) ФИЛОСОФИЯ

Надеюсь, мои воспоминания, похвалы и осуждения; длинный ряд извлечений из возвышенных устремлений столь многих выдающихся **авторов**, которым я восхищенно внимал, и столь многих *просто достойных людей*, которые не созидали культуру, что не означало, что они ущербны, – составят связанное повествование с ясной целью, внятным призывом и обоснованным выводом, или предостережением или поучением, что станет достойным завершением сей **Книги**, даже в некотором смысле ее оправданием.

То есть, я надеюсь, представленные письма составят некоторую своего рода **национальную философию**, не обязательно являющуюся выводом из изложенного, но такую, которую не удивительно будет прочитать после того, как многое вас уже должно было удивить...

Россию занесло снегом.

Но я вас привожу на околицу и говорю: **пойдемте дальше!!**

Вы мне справедливо отвечаете, что вы устали, лучше подождать весны, снег стает и мы войдем в Россию.

Вы там головешки только найдете, говорю я вам, пока будете ждать весны. Но разве вы не видите, как много уже здесь следов и тропинок и попыток пройти, как много протоптано, и или мы пройдем гораздо далее, чем кажется, или сумеем оглядеться, и пойдем с новыми знаниями.

Итак, в путь!

1. Детерминированный мир. Причинно-следственные связи.

Мир *детерминированный* – это мир *взаимосвязанный*. Он состоит из частей, которые, в свою очередь, «состоят»... ничто не безучастно, ничто не само по себе, но действует, активно влияет на окружающее или претерпевает воздействия, сильные или ... слабые...

Детерминировать значит **определять**. *Детерминированный мир* – значит *определенный*, то есть такой, в котором **участь всего**, больших или малых частей, – **определена**. То, что само действует, обладает энергией, **целестремлено**, настырно – то есть определяет, причиняет, созидает, **является причиной**, является созидателем цели. Оно в наибольшей степени существует. То, что *претерпевает*, **то, на что** эти **воздействия направлены**, **является следствием**. Таким образом, *всё течет и все изменяется*. Посмотрите, вот течет большая полноводная **река**. Пойдем вдоль нее против течения. В нее впадают притоки, которые ее наполняют и формируют, но очевидно, что если бы она уже здесь не текла, этим притокам некуда было бы впадать, так что главная причина, обуславливающая то, что следующие за нею являются все же причинными, лежит выше (раньше). Продолжаем идти против течения, река уже не полноводна, воды все меньше, впадают уже ручейки, там-сям среди мха пробиваются роднички и стекают в тощий ручеек, вдоль которого мы идем, некоторые, как мы видим, уже не втекают, они пересохли. Другие, те, что втекают, как-то не основательны, после дождя они журчат, а как дождя нет, то и их нет, но если представить себе, что мы постоим недельку одну без дождя – то ничто не вольемся в тот ручеек, который предшествует реке, причиняет ее.

То, что является серьезной причиной, не может быть так неосновательно! И если река все же существует, и уже тысячу лет здесь протекает, не зависит от того, что так переменчиво, то есть то нет, то существует то исчезает, и не отличается по существенности от того, что нам казалось лишь следствием, которое *всецело детерминировано...*

Нет, ребята **детерминократы**, что-то тут не так! Отошел вбок, а там озерцо. Заросло лопухами, и помню, тысячу лет назад оно было тем же самым. Так где же **«все течет все изменяется»**??

2. Лет десять назад меня попросили **помочь** достойному человеку, который претерпел инсульт. Он писал труд по **физиологии** (которую я не изучал даже в школе, я был математиком и за 10 лет до того написал **Учебник высшей математики для Матмеха** – не писал его 8 лет!... Но физиология не математика, и по черновикам, по устным рассказам, отчасти по книгам, которые он писал уже прежде, мы начали наш безумный труд. ... Я приходил через день, три часа мы работали, **выпивали бутылку водки** (от водки ему становилось лучше), и пару часов я работал дома. Жена у меня физиолог, она мне помогала. Мы проработали 6 месяцев, вся книга составила **600 страниц вместе с картинками**. Один раз мы ездили к нему на дачу, я парился в бане, потом мы пили пиво. В последний день я принес ему книгу, напечатанную **вчера** в типографии за один день, мы исправили уже в напечатанном несколько строк и я сказал, что уже договорился с типографом, он обещал ее напечатать через неделю **в твердом переплете**. В.П. взял напечатанный черновой экземпляр, сказал, что жаль, что я не напечатал его в твердом переплете чуть раньше, последние страницы можно было бы позже переклеить, **но он и так счастлив безмерно!** Ты точно напечатаешь ее через восемь дней уже как надо? **Я дал ему честное слово**. Он протянул мне листок: *здесь 20 фамилий, всем раздашь по одному экземпляру*, один возьмешь себе, один отдашь моей жене. А теперь уходи, я посплю, а жена посидит со мною рядом (конечно, без ее помощи и помощи моей жены я бы не справился, но в главном мне помог Интернет – **«искусственный разум»**).

Только я пришел домой, позвонила его жена. Он только что поцеловал свою книгу, сказала она, и добавил, чтобы его экземпляр в твердом переплете передали ему... Но двадцать экземпляров, обещанных ему, я раздавал на **Девятый день**, и его друг, **академик А.Д.**, сказал, что он никогда не верил, что книга получится, но *изучал ее всю ночь и она безукоризненна*. А я добавлю, что издал ведь я и Радзивилловскую Летопись и в *Трех толстенных томах сочинения Володи Алексеева, и он тоже умер, держа в руках свои книги*. **Что-то мне удалось все же сделать в жизни (помимо прочего)?** [и это я говорю не для хвастовства, **эти слова входят в мою Конечную философию.**]

1*. Нас с женой снова пригласили на «дачу у озера», мы парились в бане, пили пиво, потом нас пригласили на прогулку **за озеро**, в лодке мест не хватило, и я пошел по дороге в обход, затем мне пришлось преодолеть пролив, но на берегу меня ждал старик, и он перевез меня и велел подняться на холм, там я увидел избушку, дверь в которую была открыта, у входа на столе стоял компьютер, а на клавиатуре лежала **книга Налимова о вероятности**, поднимаясь по лестнице, я прочитал из нее несколько строк.

Конечно, потом я продолжал о ней размышлять и многое понял о мире подробнее, но в ту минуту, когда я поднимался по лестнице, я узнал, что **многое происходит случайно**. А кое что происходит вопреки всему, независимо ни от чего, происходит так, как вздумается или как надо (кому-то?)... **МИР НЕ СОСТОИТ ИЗ АТОМОВ** (как и Я не состою из атомов, из которых хотя и состоит мое тело, но оно **"течет и изменяется"** *не по причине того, что одни атомы в моем теле ударяются о другие... А если даже что-то одно и ударяется обо что-то другое то это имеет самое ничтожное значение в жизни тела, как и тело – не всё в моей жизни.*

Утром я наливаю в кастрюльку воду, ставлю ее на плиту и варю два яйца.

Трудно что-то одно считать **причиной** того, что на завтрак у нас с женой овсяная каша, вареные яйца и чай. В часовом механизме одни зубчики цепляются за другие и движение часового механизма обуславливает движение минутных и часовых стрелок – но **это единственный в природе случай так называемого «детерминированного мира»**, все остальное хотя и взаимодействует, но трудно или **невозможно** сказать, что с чем взаимодействует, чтобы по улице прошла соседская кошка.

Одно происходит, другое не меняется годами, соседский дом полуразрушен, но почти неизменен, хотя атомы в нем есть, но либо они не зацепляются друг за друга, либо движение атомов в мире ничего не значит... Короче говоря, **детерминированный мир, в котором каждый атом стучит НА все остальные, это ослепительная идея**, которая нас всех ослепила, хотя она ничего не объясняет. **Я эту идею НЕ опровергаю**, потому что ее **никто и НЕ ДоКАЗЫВАЛ** (как доказали теорему о сумме квадратов катетов). Движение Земли вокруг солнца подчиняется законам Кеплера – но когда я зажигаю огонь в конфорке, я знаю, что было раньше, откуда появилась плита, огонь и спички – во всяком случае не из всемирного соударения атомов, через которое объясняется взаимодействие внутри мира. Пень у забора в моем огороде стоит потому, что я спилил березу – атомы тут не при чем. Вращение Земли вокруг солнца явилось ли следствием столкновения атомов, как и законы Кеплера? **Образ мира**, состоящего из атомов, который потом трансформируется в образ *детерминированного мира (взаимосвязанного и предопределенного)* – ничего не объясняет в устройстве мироздания, как и то, что **всё изменяется**. Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы – является ли это утверждение следствием столкновения атомов? Или законы Кеплера? (Законы иногда существуют – **но за что мы так ненавидим свободу?**)

3. Теория вероятностей тоже не объясняет, почему планеты (и Земля) так согласно движутся вокруг солнца, – нет, **с идеей детерминированного мира надо распрощаться**, так как почти то же самое и в дарвиновской теории эволюции живого мира под влиянием суммы случайных воздействий)...

4. Последнее, о чем следует поговорить, связано с происхождением мира, с идеей **Верховной сущности, Творца неба и Земли**, то есть **Бога**. Если мир меняется непредсказуемо, сам по себе, если нет у него (обдуманной) **Цели и НАМЕРЕНИЯ**, то сомнительно, чтобы он был разумен. **Если же основание мира разумно**, то и эволюция его происходит по воле разума (а не случая).

Но что он появился **по воле случая** во всей своей бесконечной сложности, даже материалисту кажется все же слишком смелым. И приходится допустить, что сверхъестественный Творец необходим хотя бы для появления исходного мира (то есть того мира, который Дарвин потои *лихо развивает с помощью бесконечного набора случайных материальных изменений*)...

Но коротко об этом говорить невозможно, поэтому пока я «заткну»...

5. Феноменология. Спонтанность сознания. Случайность.

Девятое января. Я выключил компьютер в 4-33 ночи (как велит музыкальная пьеса Джона Кейджа из трех частей (30 секунд, 143 секунды и 100 секунд соответственно). *Случайно ли именно тогда я лег спать*, тем более что искал ночью книгу Налимова «**Спонтанность сознания**», которую в августе я нашел в хижине на берегу озера, и затем получил в дар от соучастников той давней встречи. (о чем выше я уже написал).

И случайно или нет, но наконец почти все о себе и о мире я понял.

Симфония моей жизни задумана не мною и привлекла меня и Казимира сначала к Юрию Борисовичу Перепелкину, затем к Виталию Герасимовичу Горбачкову, затем (после *отсидки* на «курсах по марксизму-ленинизму») к Михаилу Андреевичу Гневухеву... естественно, что и я затеял по их образцу некоторые «посиделки», то есть литературно-философско-музыкальные вечера, на которые были командированы свыше Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина (Цаплина) и Теодор Адамович Шумовский, кроме всех поименованных... А «Широкие масленицы» у Людмилы Петровны Жуковой за громадным *столом на Кронверкской*, окнами через двор на «Купание красного коня», собирали уже только самых избранных.

В девяностые годы в нашем издательстве «Глаголь», на Пятой линии Васильевского острова, побывали **Биллингтон**, Дмитрий Бобышев, пил чай Сергей Сергеевич Шульц, приходили Митьки... и вдова Николая Рубцова.

В Москве я встретился с Солженицыным и **мы с ним обнялись**, ко многим *захаживал* на огонек, к Байбакову, академику Рыбакову, с И.Р.Шафаревичем познакомился еще проще, пришел к нему в Математический институт в **2002** году, оставил книгу «Боль и любовь» и записку, в которой сообщил, что зайду через три дня. Так я стал его провожать после работы – но необычно в этом знакомстве лишь то, что **он меня возвысил до той дружбы с собою**, о которой я смею сказать, что **он меня полюбил**. Возможно, что-то во мне было тогда *особенное, что меня оправдывает в собственных глазах и ныне...*

Но Я все еще ишу **Откровение** и умение совершать **Чудеса** (во имя Спасения России, которая нуждается в спасении, как в нем нуждалась родина Христа) Но немало чудесного в моей жизни все же уже происходило.

Как вы, читатель, понимаете, вы читаете Текст, который задуман не только мною, но и Теми, Кто выше меня, мне же только поручено его облечь в книжную плоть. Похоже, что и сама **моя жизнь проживается так же, как задумываются и пишутся Романы**, так как придумана заранее (не мною) **Интрига**, в то время как жизнь течет, как поток воды *после* дождя или как листья, гонимые ветром. И посему сия **КНИГА**, хотя я пишу ее не один – *почти необыкновенна в современной литературной жизни*, ибо она одновременно и **Книга и подлинная жизнь**.

Но почему нет общих оценок и согласия в оценке Грозного и Сталина?

Почему в некотором абстрактном пространстве рассуждений мы ВСЕ соглашаемся, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы и что **Истина одна и одинакова для всех** – но это только для геометрических фигур или для «простых» людей, для тех, кто не ворует и не убивает или если ворует и убивает, то не «ленинскую народную массу», а одного или немногих? И не для (якобы) государства, а только для себя, а как только дело доходит до абстрактных теорий и государственных владык – согласиться всем, что же все таки **истинно**, никак и ни в чем невозможно?

И более того, не только не можем договориться об **истине**, но вдруг Достоевский заявляет, что *если окажется, что Истина и Христос – не одно и то же, то он лучше останется с Христом и откажется от Истины* – ну а **сталинисты-ленинисты-октябристы и прочие большевики**, от «Железного Феликса», **начинавшего массовые расстрелы**, до Молотова-Ворошилова-Калинина-Урицкого-Менжинского-Ягоды-Ежова-Берии-Аббакумова-Жукова, завершавшего их – тогда тоже все неподсудны?

И вот каковы выводы.

1. Наша Русская подлинная История (**честная история, а не покрывающая подлых убийц**) – должна оказаться **исторической правдой, а не коммунистической ложью.**

2. Надо исследовать и осудить **ИДЕИ** и общественные **ЯВЛЕНИЯ**, прежде всего обе революции, **Февральскую и Октябрьскую, Гражданскую войну, Голодоморы**, непрерывный не прекращающийся **коммунистический (чекистский) ТЕРРОР** и отдельно так называемый **Большой Террор.**

3. Осудить не только **общественные явления**, но во многих случаях и **частные**, а самое главное, судить и осудить не абстрактно народы, а конкретно (персонально) **сословия, группы, поколения, частных лиц.**

И вот тогда окажется, что виноваты не только **евреи и латыши и инородцы, но и русские** – а точнее, «истиннее», правдивее: **виноват прежде всего славянско-русский «тягловый» народ**, поставивший перед собою историческую задачу физического уничтожения **ВСЕГО ПРАВЯЩЕГО НАРОДА** (и задачу преступную, в такой же степени преступную, как задача уничтожения всех евреев, которую поставил немецкий народ).

Виноваты ли мы, живущие ныне, и казалось бы, не имеющие отношения к той давней **шизофренической революции**, в том числе Я, советской власти посаженный в тюремно-сумасшедший Дом (где меня все же советские люди, служившие этому преступному режиму, вопреки своему «долгу» **спасали**)?

Безусловно **виноват**, генетически виноват и **я** – из взбунтовавшихся крестьян (то есть, **из рабов**, по матери крестьянке, но по отцу из казаков, там все по разному... правда, хотя мой дед пошел за красными, но прадед воевал за белых, так что вина моя меньше, чем в среднем у моего поколения...

Но представлю полнее, кто и как виноват.

1. **Виновато правящее сословие в целом** (в частности, дворяне), затянувшее освобождение от крепостного права, и хотя уже 60 лет крестьяне были свободны, но им **не хватало земли**, и в этом было виновато дворянское государство, приступившее к реформам (Столыпина) с запозданием.

2. *Виновато поколение крестьян, родившихся в 90-е годы 19 века*, составившее солдатскую и матросскую массу, в основном в Петрограде и в Кронштадте, частично и те, кто еще был в окопах, *за них и ответили их дети*, родители моего поколения, родившегося в военные годы. Отцы наши почти у всех погибли, матери на себе пахали и остались без мужей или с боем делили даже оставшихся калек, без рук и без ног – и это не смешно, и то, что *как-то русской истории прокатился по моим матерям, еще страшнее, чем смерть моих отцов*. Кстати, в голодоморе, организованном Ильичом в Поволжье, умирали дети из поколения моих родителей. Умирали дети в Блокаду (родившиеся с 38 по 44 год) – тоже из моего поколения. Да и голодали по большей части именно мы, а голод 47 года я сам помню воочию.

Почему я лучше других понимаю, что случилось и кто виноват? Не потому что я умнее других, большая часть всех нас **достаточно умна**, и я не умнее всех – но **человек должен смотреть и видеть, чтобы понимать**, большинство же либо не отверзают очи свои или даже еще не проснулись, а есть и те, кои смотрят во все глаза, но ничего не видят или видят превратно, так бывает ночью или в густом тумане. Зловреднее же всех те, кои и не хотят видеть или лгут, и рассказывают не то, что видят. Так защитники Сталина смотрят на Русскую землю, усталую костями по его вине и его сподвижников большевиков, из коих главный зверь Ленин, и **лгут, лгут, лгут. Это слуги антихристовы!!!**

Повеление же «**Иди и смотри**» дано было в «Откровении святого Иоанна Богослова», или в Апокалипсисе (ἀποκάλυψις – откровение, открытие)

В главе 6-ой говорится: «**6. И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: ИДИ И СМОТРИ.** Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить.» Далее идет длинный рассказ, в котором это повеление повторяется многожды. В частности «**И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: ИДИ И СМОТРИ.** И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «**смерть**»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

Виновато поколение крестьян, родившихся в 90-е годы 19 века, но оно и пострадало больше всех и в Гражданской войне и в Голодоморах и при раскулачивании о чем пишет Солженицын в своей главной книге «Архипелаг Гулаг». Именно эти бывшие солдаты и матросы, вернувшиеся после революции в деревню, жгли и рушили усадьбы и храмы и убивали и насиловали дворянских жен и дочерей, но они же захватили и поделили – по праву победителей – помещичьи земли, у них и отбирали зерно их бывшие товарищи по Революции, вошедшие в комитеты бедноты, а позже именно их раскулачивали в 25 - 32 годах. Они попали и под меч Голодомора. **Революция пожирала своих детей** – но радует ли это нас? Революция позже начала пожирать и своих командиров, Тухачевских и Якиров, Троцких и Зиновьевых – только и это зря радует антисемитов: на каждого еврейского расстрелянного большевика погибло по миллиону крестьян-идиотов.

Революция сожгла дворянские усадьбы, убила и изгнала дворян, но она же **отобрала фабрики и заводы** у «буржуинов», как их называл командир одной из расстрельных большевистских банд 15-летний! Аркадий Гайдар (и *яблоко Егора упало близ его яблони!* см. у Солоухина «Горькое озеро»).

А кто же были владельцы? В том числе и евреи. Так что если евреи и стали начальниками лагерей (из числа сапожников, аптекарей и часовщиков), то они же зато потеряли свои заводы.

Но примитивно думать, что *еврейские* везде заменили *русских*, и в шикарные квартиры их вселились, и физиками-атомщиками вместо них стали, и министрами в правительстве. Сначала и в самом деле стали, но еврей Свердлов попытался организовать убийство еврея Ленина, но еврейка Каплан промазала, и Свердлов скоропостижно скончался (хотя Ленин и заболел – пуля была с ядом), не долго протянули у руля Гильотины Урицкий (тоже от руки еврея: он был застрелен молодым поэтом Леонидом Каннегисером, принадлежавшим к партии эсеров, чтобы, как он заявил сразу же после ареста, **искупить вину своей нации за содеянное евреями-большевиками**:

"Я еврей. Я убил вампира-еврея, каплю за каплей пившего кровь русского народа. Я стремился показать русскому народу, что для нас Урицкий не еврей. Он – отщепенец. Я убил его в надежде восстановить доброе имя русских евреев". Стоит отметить, что старый соратник Бронштейна-Троцкого Моисей **Урицкий** среди других чекистов славился **особой кровожадностью**.

В то же время Акмеист Георгий Адамович называл Каннегисера «самым петербургским петербуржцем», он общался со многими литераторами, однако особенно был привязан к Сергею Есенину. *«Лёня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись – через все и вся – поэты. Лёня ездил к Есенину в деревню, Есенин в Петербурге от Лёни не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы – на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту...»* – такие воспоминания об их дружбе оставила **Марина Цветаева**.

«Прибыв со своей частной квартиры на Васильевском острове, маленький визгливый уродец на коротеньких кривых ножках, по-утиному раскачиваясь, Урицкий вбежал в подъезд дворца. Рассказывают, что Урицкий любил хватать количеством подписываемых им смертных приговоров. Сколько должен был он подписать сегодня? Но молодой человек в кожаной куртке встал. И в то время, как шеф чрезвычайной комиссии семенил коротенькими ножками к лифту, с шести шагов в Урицкого грянул выстрел. Леонид Каннегисер убил Урицкого наповал», – так описывал эту сцену Роман Гуль, отечественный писатель-эмигрант.

Итак, *среди главных виновных – дворяне и крестьяне*, это их война за обладание Россией, их этническая племенная схватка в большей степени, чем война за наследство; ну а как в грандиозном спектакле участвуют десятки актеров, так и в Революции и в Гражданской войне участников много, и латышские стрелки, и белочехи, и евреи, и инородцы в целом, без разделения на племена (как были они и на той стороне); были и старообрядцы, и масоны, и воровское племя, и агенты иностранных разведок.

Но не главное ли в этой смуте: космополитизм и интернационализм?

Так кто же их проповедует? Евреи ли по большей части разъедают своей анти-народной пропагандой семейную связь русских и Российской империи, тем более связь тюркских, финских, монгольских и европейских родов с славяно-варяжским отечеством, слабую связь не только иноплеменных с славянами, но и инославных с православными?

Говорят, полукровка Ленин сказал, что *достаточно иметь хоть каплю еврейской крови, чтобы быть стопроцентным евреем* (для оправдания своей, как могли подумать, недостаточности), но ведь множество звонких знаменитых людей не имели ни одной капли русской крови – но разве они были менее русскими, чем другие? И Даль, и Лансере, и Бенуа – русские нерусского происхождения, хотя поучительно и то, что русские в Европе в третьем поколении уже растворились в приютившем их народе, и очень часто – во втором, я знал одну девушку-француженку, изучившую русский язык, но лишь потому, что дед назвал ее *Аглаей* и привил ей любовь к Достоевскому.

В то же время евреи, рассеянные по всему миру, белые, желтые красные и коричневые, оставались евреями и хранили верность своему происхождению, даже утратив язык и родовое имя. И в сегодняшнем споре, в сегодняшней просто оголтелой *проповеди против этнической привязанности* евреи нам дают классический образец верности происхождению, они бежали от преследований и ужасов своей Гражданской войны и религиозных распрей – но через две тысячи лет **вернулись** даже на пепелище бывшей Родины!

3. Так кто же виноват в растлении народности как основания культуры и нравственности? **Виноваты коммунистические учения**, проповедующие не только ненужность и отсталость народности, но и ненужность любви, семьи и даже эфемерность пола; **тайное всемирное правительство**, преследующее цель создания всемирного государства, в котором частная свобода будет отменена под страхом смерти. Виноваты во многом и еще многие, но я – свидетель обвинения в порабощении и упадке России враждебных ей лиц и сил. Меня волнует возможность или невозможность жить без страха и ненависти в этой стране мне и моим родным, моим потомкам, друзьям и соотечественникам. Останемся ли мы великой культурой с богатым и прекрасным языком, великой страной, достойной родиной для тех, кто здесь живет, предоставим ли мы наконец детям многонационального народа, объединенного русской культурой, русским языком и общей памятью, достойную жизнь и права и свободы? – или продолжим преследовать нас и наших детей, требуя рабского повиновения временщикам, узурпирующим народную власть?

Каковы должны быть условия, обеспечивающие нам достойную и свободную жизнь?

Духовная свобода. Возможность участия в культурном и материальном строительстве собственной страны. (Более определенно: **Свобода слова и политической деятельности**).

Как мало... Но этой малости человек как правило лишен почти всегда. Даже поговорить с друзьями часто опасно, еще опаснее записать то, что думаешь, написать книгу, дать ее читать другим.

Литературные встречи далекого прошлого

Станислав Юрьевич Куняев (1932, Калуга) – поэт, публицист, переводчик, литературный критик. Главный редактор журнала «Наш современник» (с 1989 г.). Член КПСС с 1960 г.

В 1957-1959 гг. Станислав Куняев был сотрудником и затем редактором газеты «Заветы Ленина» (гор. Тайшет, Иркутская обл.).

Отзывы о личности Куняева «демократической общественности»: «После очередной его статьи в 1984-м был лишен гражданства

Ю.Любимов. [Вот так! – **Молох государства**, способный поворачивать направление рек с севера на юг – поворот этот собиралась свершить советская власть – а против него почти в одиночестве боролся Сергей Залыгин – оказывается, внимательно читал литературные заметки редакторов иных журналов и принимал решение о высылке всемирно-известных руководителей театров только с подсказки Ст.Ю.!] В конце 80-х прославился как организатор и участник совместных митингов писателей-«почвенников» (Распутина, Белова, Леонида Леонова, Достоевского, Мельникова-Печерского и других) и фашиствующей «Памяти» (прародительницы «Чёрной сотни» и «Русских маршей»). В 90-е способствовал созданию ГКЧП... журнал «Наш современник», а также газета «Литературная Россия» *всколыхнули и подняли в стране невиданную со времен черносотенных погромов XX века волну антисемитизма.* Травил писателей демократического направления: **Евтушенко, Аксенова, Юрия Трифонова и др.**»

Да, послужной список Куняева впечатляет. Я и не думал писать о нем в этой книге, да и «Наш современник» почти не читал, и Станислава Юрьевича почти забыл, и когда я был известен в культурной российской среде и обнимался с Солженицыным, подружился с Шафаревичем, издавал христианско-почвенный журнал **Мъра**, подружился с филологом академиком Лихачевым и историком академиком Б.А.Рыбаковым, известный редактор (я тоже был редактором, но менее известным) ко мне нигде не подошел. Может быть, он меня не помнил? Но у меня с ним были связаны яркие воспоминания.

Осенью 1958 года я получил письмо из Тайшета (похоже, туда уже дошли слухи о «публикации моего рассказа в Нижне-Ингашской районной газете, когда меня исключили из школы, а редактора отрешили от должности) и скоро уже в Тайшет для знакомства со мною приехал из дальней окраины района (по территории равного Франции, пишущий хирург местной больницы и был поражён, увидев подростка.

А что было в 1958 году еще особенного? Ст.Ю. было 26 лет, мне только 16, он окончил филологический факультет Московского университета, я учился в 10 классе, газета «Красноярский рабочий» начала печатать мои стихи и заметки о школьной жизни, я издавал школьную Стенгазету, которая участвовала в Краевом конкурсе и заняла первое место, Ст.Ю. начал печатать в своей газете мои рассказы, название газеты изменилось с «Заветов Сталина»

на "Заветы **Ленина**", были учреждены при Газете **Курсы рабселькоров**, и по пятницам я приезжал в Тайшет (прогуливая школу), получал гонорар за «очерки о школьной жизни» (которые писал вместе с своей литературной подругой, с которой поехал потом в Ленинград после окончания школы – и нас приютила сначала ее тетя), и мы еженедельно отмечали в кабинете Редактора русскую «Оттепель», подогреваемую «Столичной» водкой.

И хотя это было страшно давно, но после издания Радзивиловской Летописи я в Москве усиленно заводил литературные (и политические) связи, открыл Офис на Новом Арбате (в котором и жил), встречался и в Думе и на Арбате и даже в Культурном центре Американского посольства с известными или влиятельными лицами, а так как водка в России дешевая, то и встречался и выпивал я со многими – предчувствуя свой скорый и бесславный трюк!

Но Станислав Юрьевич обо мне не вспомнил, хотя и Государственная Дума наградила меня Грамотой, а я книгой «Россия и Европа», Н.Я.Данилевского, одного из первых русских почвенников (которую **я издал первый** в 20-м столетии), *наградил борца за коммунизм Зюганова – должен был Ст.Ю. обо мне слышать?! И в Москве, году в 95 или 96, когда в Союзе писателей я организовал «застолье», на которое попали даже мои друзья из Петербурга, Станислав Юрьевич прошел по другим «заросшим тропинкам». на меня у него не оказалось времени, «все время он истратил на травлю "писателей-демократов"» – как я узнал о нем в интернете (из одного, впрочем, с ним коммунистического лагеря, как ни странно). **Евтушенко**. Его я читал вместе со всеми в 60-е, несколько лирических его стихов (и особенно в его исполнении) мне понравились, встретился я с ним лишь однажды, в Переделкино, мы бродили вдвоем с Костей Скворцовым (поэтом и драматургом) по дорожкам, и Евгений Александрович пел *песнь о себе*. Вставить в эту песнь хоть слово нам не удалось. Потом мы подошли к костру, зажженному (как он думал – в его честь), выпили водки и Костя пошел меня провожать. «Поверхностный человек, сказал Костя, но с поразительным самомнением. Разговаривать с ним – одно наказание». Да и Иосиф Бродский, которого трудно обвинить в антисемитизме, не любил Евтушенко: «Вы знаете – это не так всё просто. Он, конечно, **поэт очень плохой. И человек он ещё худший. Это такая огромная фабрика по воспроизводству самого себя. ...У него есть стихи, которые, в общем, могут нравиться. Но мне не нравится вообще уровень всего этого дела.**»*

Но уже и после 90-х годов прошло много времени.

Был несколько лет назад повод, когда я в своем «Новом русском журнале» (самиздатовском) напечатал статью А.В. о Ст.Дм. и послал ему этот журнал – но не получил ответа.

И вот я заканчиваю **Книгу**, посвященную самой трагической (после татаро-монгольского ига) эпохе русской истории, я погрузился и утонул, как в омуте, в непостижимой **Триаде**: великая 1. **Российская дворянская империя**; Кровавая 2. **Русская революция**, которая, несмотря на неистовые воспевания ее, знаменовала собою страшный удар и по Общерусскому народу и по Империи, и обозначила то, что Н.И.Тр. высказал так: «*Россия наклонилась и вот-вот упадет*», а человек из народа сформулировал еще трагичнее «**Русскому народу сломали позвоночник**»; и счастливый 3. **Советский народ**.

Если в этой *искусственно сооружаемой*, по заданию *«Высших сил»*, **Книге** попытаться выделить основные конструкции, то ими будут противостояния: **Справедливость** – несправедливость, **Равенство** – неравенство, **Добро** и зло, **Россия** и Европа, **Русский народ** (состоящий, как всякий народ, сформировавший империю, из двух противонародов и двенадцати языков, в том числе и из евреев), **Культура** и **история**, **Язык** и **память**. И даже Религия для меня второстепенна сравнительно с **родиной** (как об этом говорится в стихотворении Николая Рубцова *«Тихая моя родина»*: *«С каждой избою и тучею, С громом, готовым упасть, Чувствую самую жгучую, Самую смертную связь»*). В этом я расхожусь с евреями, для которых *«голос крови»* важнее, чем **природа, язык и культура**; в этом я разошелся и с современным русским человеком, который *мою Россию* (двойственно-русскую, из двух несовместимых, возненавидевших друг друга половинок) постелил под ноги Ленину-Сталину и их **чудовищной революции** и их **коммунистической антирелигии**.

Если христианские и дворянские романтики надеялись соединить дворян и крестьян, то соединить Русь и СССР, **русского человека** (в его самых невероятных наклонениях: Аполлона Григорьева и Достоевского, Льва Толстого и Победоносцева, Колчака и Есенина, Рахманинова и генерала Кутепова, Марины Цветаевой и Иванова-Разумника) и **советского...** – непостижимо. Русский человек после революции – это эмигрант, беженец, скиталец. А был ли русский человек в СССР? Возможно, это Василий Шульгин. Я с ним не встречался, но мы знаем о нем по его книгам, по фильму *«Перед судом истории»*. Советский ли человек Солоухин? И что является необходимым и достаточным условием советского и антисоветского человека? Вероятнее всего, отношение к Революции и коммунизму, к Ленину и к Сталину. Солоухин и Глазунов – один крестьянского происхождения, другой дворянского – два ярких образца русско-крестьянской и русско-дворянской личности. Вот почему я и вспомнил о Ст.Ю.Куняеве, тем более что и образ его, представляемый в демократическом лагере, весьма колоритный, оказывается, он заслужил звание ПАТРИАРХа РУССКОГО ФАШИЗМА и Маршала Третьей Мировой, как я прочитал в интернете.

И вот кстати я читаю его очень сильную книгу «К Предательству таинственная страсть» – то задание, которое я получил свыше, определилось до конца. Собрались на Совет важнейшие представители русской культуры в многострадальном двадцатом столетии, те, которым удалось не только выразить себя в символах и образах, но и в **СЛОВЕ** (Глазунов – в передаче Солоухина). Самое второстепенное в их высказываниях – это отношение к евреям. Ибо разве **это** важнее всего для русского писателя и пророка? Зря ли сказал Виктор Файнберг, герой Израиля, когда мы знакомились с ним в Тюрьме сумасшедшего советского дома: *«Васька, я все знаю про тебя, не переживай! Я знаю, что ты антисемит, но для настоящего русского человека это нормально!»* Пророк **никогда не бывает слащав**, он всегда нелিপчат, русские мало читали Ветхий Завет и Книги пророков, большего антисемитизма трудно себе представить, *ведь не гоев они обличают, а своих единокровных!* да и в Новом Завете Мессия не выбирает слова.

В своих книгах я ищу подлинные причины исторических событий, и не пытаюсь нашу вину возложить на других, так плохая мать, не сумевшая воспитать из своего Вовочки кричит на весь двор, что ее Вовочка лучший в мире, а во всем виновата дворовая шпана» – для еврейской матери русская, для русской – еврейская.

А я видел (да и читал) больше других, ибо *мои глаза почти никогда не были невидящи*, даже в бреду во время тяжелой болезни я увидел двух главных извергов двадцатого столетия, Сталина и Гитлера, и разглядел их, и понял о них всё, до последних адовых глубин.

Я последний почвенный, народнический писатель России, обращенный лицом не к скипетрам венценосцев, а к душам часто, увы, легковверных и глупых русских людей (я пытался их учить математике и философии, но они мои книги *даже удержать в руках не смогли*), часто, увы, пьющих больше, чем могут (мало их я тащил, лыка не вяжущих, по городским и сельским улицам – да **только я** и дотаскивал их до их жен, а мои обличители, произведшие меня даже в **русофоба**, кроме как на страницах лживых советских книг русских мужиков и не видели. Не эти ли слова (ниже) применимы к тому, что пишут и говорят русские книжники и фарисеи? **Псалом 139.** «Падут на **них** угли огненные, ввергнешь Ты **их** в пучину страданий, и не устоят **они!** Муж злоречивый не исправит свою жизнь на земле; мужа несправедного зло увлечет в погибель.... Изоштрали язык свой, как у змеи: яд **аспидов в устах их.**» Правда, я так не говорю и не пишу, и товарища своего, пообещавшего (письменно) **«впредь доносить о запретных словах товарищей своих** (вот в такой стране мы и жили, любители Ленина и Сталина и советской власти!) я даже не укорил, мне его стало жалко... Да и много ли я укоряю конкретных простых людей, от которых зависит так мало? **Я укоряю властителей, но русский человек любит властителей больше чем Родину, и за Сталина готов выплеснуть мне в рожу даже недопиту водку.** И тут уже я говорю (не ему вслух, ему сказать вслух я все равно стесняюсь), а про себя: **хуже, мол, русских верноподданных холоуёв и ненавистников духовной свободы не бывает!** (или бывает?)

Удивительно, но *и Станислав Юрьевич Куняев Сталина защищает*, так много знающий, так много и плодотворно поживший, так сильно и содержательно о многом написавший. В чем же дело? На этот вопрос мудрого ответа я не нахожу, но что-то мне кажется верным, отчетливее я вижу различия не одного народа от другого, а одного поколения от другого, внутри же поколения много сходства. **Мы** (мое поколение), *дети военных лет*, не так сильно отличаемся друг от друга, даже когда одни из нас «только за Сталина» (и на Родину им наплевать! – но у нас это не так сильно выражено, как в чужом поколении), а другие «за Родину!» – и на Сталина наплевать) (Кстати, **Россию восхваляют верноподданные, которые Россию как раз НЕ любят**; а те, кто ее любит и за нее и из-за нее переживает, те ненавидят тирана – но ругают и Россию, как *неверную жену или как пьющую мать. Мы любим – трагически, почти неотличимо от ненависти, вы любите себя и «самодержца» и ваша любовь к России, как любовь праздной кошки к молоку в блюдечке.* (но продолжим незаконченный разговор с Ст.Ю.)

Так называемые шестидесятники (поколение тридцатых годов).

1. Белла Ахмадулина (10 апр. 1937, Москва, 29 ноября 2010, Переделкино):
Читаю ее стихи *«Работу малую висок еще вершит. Упали руки, / И стайкою, наискосок, / Уходят запахи и звуки (1960) – и мне стало жаль себя...*

2. Евгений Александрович **Евтушенко**, по матери (1932 – 2017)

3. Станислав Юрьевич **Куняев** (27 ноября 1932 года, Калуга), выдающийся автор, историк, заплутавший в русском лесу.

4. Андрей Андреевич **Вознесенский** (12 мая 1933 – 1 июня 2010)

5. Горбачев Михаил Сергеевич (1931 - 2022) – об этом говорить ничего не буду, пусть его рассудят историки...

6. **Борис** Николаевич **Ельцин** (1931 - 1999), воистину **самозванец** на русском троне, «царь Борис», *недостойный быть даже конохом* (хотя *достойных вождей в 20-м столетии и вовсе не было!*)

Когда они были молодыми? *В пятидесятые – шестидесятые годы.* Мое поколение тоже начало читать и писать стихи в пятидесятые годы, некоторые **из тех** казались нашими сверстниками, некоторые, как оказалось, принадлежат далекому прошлому, **всем им** (и нам) **открыла дверь в будущее смерть Сталина и приход к власти Хрущева**, порвавшего с наследием Сталина (хотя социализм долго еще *болел и издыхал в наших домах и на наших улицах, у некоторых и в сердцах*), и ненависть к сталинизму или по крайней мере неприязнь к социализму *Куняев называет предательством* – но чем же тогда является *забвение хрущевской оттепели и решений 20-го съезда*, и **не предательство** ли обещаний начать социализм с чистого листа? - бесстыжих, как оказалось, обещаний!? Ибо *нельзя начать с чистого листа то, что являлось и не могло не являться только вахханалией ненависти, убийств, воспитания покорности и рабства.*

Рожденные в годы Первой мировой, Революции и Гражданской войны

1. Лев Николаевич **Гумилёв** (1912 – 15 июня 1992)

2. Теодор Адамович **Шумовский** (1913 года, Житомир – 2012 года)

4. Александр Исаевич **Солженицын** (11 декабря 1918 – 3 августа 2008)

5. Игорь Ростиславович **Шафаревич** (1923 – 2017)

6. Владимир Алексеевич **Солоухин** (1924 – 1997)

7. Среди них (?) Илья Серг. **Глазунов** (1930, Ленинград – 2017, Москва)

1*. Анна Андреевна **Ахматова**, 1889. Отчасти и ее, *заплутавшую*, выкрикнувшую **оскорбительно и ложно** по поводу России, частью расстрелянной, частью изгнанной из России **«Не с теми я, кто бросил землю!»** – хотя должна же она была понимать, что они были с этой земли вышвырнуты под взрывы снарядов и вой картечи – можно присоединить к **поколению ее сына**, ибо оно отчасти близко нам, *своим детям военных лет*, отчасти близко *своим родителям* (а для нас – поколению дедушек и бабушек). Наиболее чужие для нас и те, кто родился в *первую половину тридцатых* и те, кто родился за нами, то есть послевоенные. Но если я принимаю **свое поколение за точку отсчета**, полагая, что только **мы окончательно порвали с Революцией, Лениным, Сталиным, большевиками-чекистами, социализмом и коммунизмом** – то **не один ли ТОЛЬКО Я и нахожусь на этой точке и представляю ее?**

Дело в том, что поколение, *родившееся в эпоху Первой мировой и Гражданской войны, с 1912 по 1924* – границы приходится проводить с натяжками, ибо реальные судьбы плохо подчиняются историческим границам – это поколение, которое переехала и **Вторая мировая война** – почти всё погибло в этих катаклизмах, но именно мы, их дети, на них похожи, прежде всего тем, что это именно наши отцы погибли, вот почему меня так раздражает бахвальство тех, кто празднует победу России, не соединенный с нею **кровно**. Мы оплатили эту победу **тоже своей кровью, кровью наших отцов**, и пусть умерят свое бахвальство те, кто кричит, что **не постоит за ценой, их выкрики – святотатство!** Игорь Григорьевич Уваров, взвод которого увели с той **Безымянной высоты**, а привели туда взвод моего отца, мне сказал, что знает, что **живет вместо него**, что главной мечтой его жизни было найти меня – и мы встретились и подружились и я даже смог ему помочь в работе в Военном архиве. В этих заметках, в которых я хочу **понять главный узел Русской истории – Октябрьскую Революцию – и разрубить его** – именно в этих заметках проявляется самая важная и святая мера жизни: **Да ведь и я живу вместо своего отца**, он еще только жить начинал – и если я смогу правильно понять трагическую эпоху **Революции, Крестьянско-Дворянской войны, Чумы и Разора, Голода и Террора** – то это и докажет правоту моей миссии. Крестьяне победили Дворян, Славяне – Варягов, одна половина двуединой России победила вторую, враги радуются, *мощи* Ленина и Сталина радуются, торжествуя, как много русских жизней они смогли унести с собой на тот свет – чему же радоваться нам?

Когда я считаю тех, кого мы недосчитались из-за этой проклятой эпохи, я считаю и пьяных солдат и матросов, учинивших сию Революцию, может быть потом протрезвевших, во время Кронштадтского восстания; я считаю **кадетов**, которых затопили в Маркизовой луже, и 17-летнего брата Варвары Георгиевны, с которой на лестничной площадке жила любовница Урицкого, знаменитая оперная певица Липковская (Варвара Георгиевна при воспоминании о своей соседке вставала и пела ее романсы)... В январе 66-го мы помянули ее брата и узнали много подробностей о ноябре-декабре 17 года, когда Гражданской войны еще не было, а уничтожение еще не Белой Гвардии уже началось. Подробности в том числе **позорны** не только для участников Великой революции, но и для их детей и внуков. Варвара Георгиевна ходила подкупать оловянного (вероятно) Урицкого, ведь за ее братом никакой вины не было, кроме мундира кадета, он пошел на свидание с невестой и одел этот мундир на себя. Оттащила она ему и дорогой серебряный сервиз. (Он, конечно, взял, и обещал хлопотать – он, от дрожания кривого мизинца которого зависели судьбы тысяч людей). Выдающиеся советские историки спорят о цифрах погибших, о которых говорит Солженицын, пятьдесят миллионов погибло или больше (???): **13 миллионов** умерло с голоду в Поволжье, Два Голодомора на юге России и на Украине, неисчислимо число раскулаченных, а еще Большой и Малый Террор!!! Да **27 миллионов погибло в Отечественной войне** – уже и Политбюро вашей коммунистической партии признало цифру в **27 миллионов** – или уже и Политбюро продалось Западу?)

Но еще отвратительнее их подлое мародерство. Старый матрос (старо-служащий) говорит В.Г.: *Варвара! Ну что ты таскаешь узлы с пирогами?*

Я стыдил уже наших часовых, ну как вам не стыдно обманывать девицу? - а они только гогочут! Ну не ходи ты более сюды ради Бога! Уже две недели как утопили твоего брата на барже посередине Маркизовой лужи, *тыщи две там их было не менее*. И песню еще отсюда запели «Варяг»...

Оправдания Октябрьской Революции и Гражданской войны и всей Советской власти основаны на **подменах**. На Жестокости и Злобе вместо добра. На большой и на **мелочной** лжи вместо правды.

«Куняев прав, поддерживая мнение историка Роя Медведева, чей отец был расстрелян в 1937-м, что нельзя судить Ленина и Сталина по обычным человеческим меркам» – пишет неизвестный мне критик.

Но я и сужу по **необычным меркам**, то есть по **человеческим**.

Я не историк, но **СВИДЕТЕЛЬ**. Меня упрекают в том, что я не знаю *высоких* обстоятельств, *высоких* причин и следствий. Но именно моя удивительная судьба дала мне право **судить самому**. Я родился в последней среди деревень обширного края, за нами и деревень более не было, но то, о чем Ангел велел: **Иди и смотри**, я видел. Я видел, как муж избивал жену, и имею право судить русских пьяных мужей. В деревне таких было большинство. В 47-м году я видел стариков и детей, бредущих по нашей деревне и поющих Лазаря. Самому младшему было пять лет (как и мне). Это был один мальчик, не сто миллионов. Но великий ученый Менделеев пишет, что в 2022 году (по его расчетам) в России будет **триста миллионов** русского народа. Сейчас нас **не более 80-ти миллионов**, и ежегодно наше число уменьшается на миллион. *Это ради этого надо было произвести Революцию и топить неповинных кадетов в барже посреди Маркизовой лужи? А потом в 20-м году топить русских офицеров в Одессе и в Севастополе?*

В 33-м году в нашу деревню забрел молодой парень, комсомолец, бежавший из воспитого Маяковским города на Амуре, *Комсомольска*. Шесть тысяч верст. Наша деревня была в 15 километрах от Сибирского тракта – и он к нам забрел. Мама (ей было 14 лет) кормила поросенка, парень этот упал на колени и стал выхватывать из тазика кусочки размокшего хлеба...

Иногда в разговорах приходится обсуждать достоинства правителя или просто лица, наделенного властью, и когда перечислишь в его адрес упреки (видимые всем), собеседник обычно возражает: *А где найти других? И кто кроме него?* (Так это что, таков уже наш народ, что других уже нет?!)

И за 60 лет я *ни разу не услышал от собеседника*, что в великой стране, в которой создали водородную бомбу, построили и запустили в космос ракету, в пучины вод атомную подводную лодку, в Северный Ледовитый океан – Ледокол, построили БАМ – что в этой стране *все же можно было бы найти правителя лучше Брежнева, Черненко, Ленина, Сталина...* маршала лучше Жукова, охранника лучше Берии, агронома лучше Лысенко...

Я был знаком с десятками удивительных людей, пил шампанское с академиком Рыбаковым, чай пил с выдающимся министром Байбаковым, водку с агрономом и писателем Залыгиным, коньяк с председателем Российского комитета по печати (1994 г.) Борисом Мироновым.

Но это всё исключения. Россия, возможно, единственная страна в мире, в которой по непостижимым законам дельные люди остаются на тех уровнях власти, на которых обнаружилась их дельность, **НО неумелые, глупые, порочные и корыстные проходят в более высокую сферу.**

И тогда всё, что они делают, это повторение уже известного, о чем когда-то остроумно сказал премьер (сам вытолкнутый вверх потому, что **ниже он не пригодился**): **хотели, как лучше, а получилось как всегда.**

Человек, зажатый в шестернях тупой системы, естественно, начинает возмущаться, система реагирует на возмущение самым опасным для этого человека образом, в советское время его называли **врагом народа**, в наше время – **русофобом**. Итак, *кто такой русофоб? Это человек, недовольный устройством властной системы в государстве и обществе.*

И хотя на каждом уровне Российской системы встречаются и умелые, но когда бездарности преобладают, жить становится нелегко. Спасительна ли самодержавная власть? Российская история показала, что опричники выкорчевывали всех, кто хотя бы выглядел мыслящим человеком, по большей части так же вела себя советская власть. Девятнадцатое столетие не было, конечно, оазисом добра и света, но по крайней мере состояние литературы, культуры, науки, права и экономики позволяло существовать и подниматься вверх и достойным людям – надеюсь, читатель достаточно знает светлых личностей той эпохи. Так, может быть, Серебряный век был эпохой упадка или расцвета? Однако, в войне с Германией мы потеряли только *полтора миллиона человек* (а они – больше), что означает, что мы воевать все же умели, **СССР потерял в войне с Германией около тридцати миллионов.**

Смысл Русской катастрофы состоит в том, что крестьяне, свергнув «варяжско-русское иго», погубили Россию, потому что справиться разумными методами с управлением огромной страной они не умели!!!

И вот прошло уже столетие. **Нет, не научились!!!!**

Но мы неоднородны даже и в своей крестьянской половине, одни из нас хоть что-нибудь **понимают и видят**, другие живут в плену идеологических догм. Казалось бы, марксизм уже сгнил? **Нет, веруют.** Казалось бы, Сталин и Ленин – тленье и ржа – нет, **им сладостно Тление.**

Я уже устал обличать. Горькая надежда, что промотает потомок русских крестьян нашу прежнюю Русь до последней полушки, и уже некому и нечего будет ему подать и с горькой усмешкой спрошу я его, сам издыхающий с голоду: *Ну, что, довели тебя до страны обетованной твои яххи?... то есть, твои коммунисты...* да, впрочем, **ДАЖЕ** и я пойму уже, какому Богу ты молишься... Но как ни удивительно, сколько бы желчи ни излил я на этих страницах против своих крестьян (сам все же не «варяжский гость», не ромей и не фрязин, а тоже крестьянин), но есть умные и среди них.

И я решил, что приведу еще несколько строк от себя, а потом пусть **умные** спорят сами. Итак, сегодня прочитал в газете: в 1908 году, еще при благословенном государе императоре Николае Втором, крестьянам на реке Чусовой на Урале отдали во владение ЛЕС. И что же они сделали? Стали его сразу же продавать, и **не в распиЛ, а в распиВ**, и продавали его на вывоз по бутылке водки за каждое великолепное дерево (а неважные деревья отдавая и так).

И через год вся река Чусовая оголилась как бесстыдная девка.

И с горя от безысходности нашей общественно-государственной русской жизни я снова взялся за чтение книг.

Читаю Куняевых, отца и сына. Как восхищался до этого умным, тонким, гениальным Солоухиным, без всякого сомнения русским, без всякого сомнения любящим Россию и русскую культуру и русский дух, так с изумлением и счастьем не перестаю восхищаться Станиславом Юрьевичем и его сыном Сергеем. Тоже яблоко от яблочка недалеко упало. Я давно уже мечтал как-то *отмстить* неразумной Анне, походя оскорбившей трагическую русскую эмиграцию. **Это мстил ей** Станислав Юрьевич, я не знаю, но моя жажда мести была удовлетворена. А затем я прочитал Сергея Станиславовича, и была удовлетворена моя жажда прощения и милости.

И вот, сижу в ошеломлении за столом, и снова льются слезы. И я ей все простил. И я ее снова люблю. Ну, издевалась она над мужчинами, и так им и надо. Другого они не заслуживают, даже и Николай Гумилев (не буду и объяснять, почему). А какая изысканность построений, какая тонкость в прочтении стихов, какое понимание! Не так уж двадцатый век ниже девятнадцатого, а в отделке – даже выше. (В сердцах хотел собственное стихосложение бросить – но **вдруг что-нибудь** удастся и мне?)

Теперь читаю снова Ст. Куняева **"Мои печальные победы"**: «Но что случилось с нами, людьми одного поколения, в 1960–1990-е годы? Почему так разошлись за эти тридцать лет наши стёжки-дорожки? Я ведь помню, как мы улыбались друг другу, как читали в застольях стихи, как хвалили друг друга за талант, за гражданскую смелость, как выступали одной командой на вечерах в Лужниках, в зале Чайковского, в Политехническом...». Далее приведены автографы на подаренных автору книгах Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы, Роберта Рождественского, Василия Аксёнова, Бориса Слуцкого, Александра Межирова... – с душевными дружескими надписями».

*«...как это ни парадоксально, порой русские таланты, выраставшие в атмосфере «сословного», «кастового» воздуха, насыщенного вирусами социального расизма, легче сближались с родившимися в 20-30-х годах еврейскими сверстниками, нежели с родными по крови **Шукиными, Беловыми, Рубцовыми**. И вполне закономерно, что в наше «новорусское» время бывшие еврейские или космополитические диссиденты вроде Войновича или Аксенова и потомки дворянских родов **Глазуновы** и **Михалковы** стали людьми общей касты, которую, условно говоря, можно назвать новыми «детьми Арбата». Отныне их объединяет **общая неприязнь к русскому протонародью**. У одних социальная, у других – национальная.»*

Но **Илья Глазунов**, как написано выше, *исключение*, и относится к поколению Солоухина, это своеобразная личность, которая выпадает из всех объяснений. Возможно, он – реинкарнация здравомыслящего белого деятеля.

Что касается остальных шестидесятников, то **Шукин и Белов** не входят в когорту Войновича, Аксенова и Евтушенко, Вознесенского и Рождественского – а «**Дети Арбата**» не похожи на мое поколение (детей Войны) – мы – отлепились от коммунистической паранойи, от вируса строительства земного рая (да и было ли в самом деле это строительство, а не бесчинство банды бесноватых)? Они – **не столько Дети Арбата, сколько дети своих отцов**,

захвативших Россию даже не у белогвардейцев, а у крестьян, которые «землю, завоевав», тут же и потеряли. Я не хотел делить красных по национальному признаку, ранее они были для меня все одинаковы, но, оказывается, по горьким прозрениям Ст.Куняева, у бывших комсомольцев 60-х годов (которые, впрочем, в ту эпоху были уже не комсомольцами, а коммунистами) проявилось что-то другое, нежели *жажда строительства коммунизма.*

И верно. Они (то есть **их отцы**) завоевали Россию для себя. Потом потеряли. И детям она уже не досталась. За что боролись? Ст.Ю. им не союзник, а враг (человек-то многослоен? Во втором слое они – из разных лагерей. Он все еще мечтает **построить коммуноу**, а они ее и не строили). Что же делать?

Лишь время расставит контекст по местам.

Каждой игрушке – отдельная полка.

Каждой иголке – игольница. Сколько

Времени буквам по чистым листам?

Или зависит сие от контекста?

Мне ль исправлять и судьбу и сюжет,

Недобросовестность злачного места?!

Кто здесь жених, где друзья, где невеста?

Дай-ка, взгляну за подкладку манжет!

Время смешает нас всех, как в колоде.

Грозный редактор, "фильтруй" свой базар!

Надо одеться хотя б по погоде,

Рифмы оставить, сегодня не в моде...

Прячьте, что ценно, и ждите татар!

Мы – лишь мякина истлевшего мира.

Сор вдоль дороги, где танки прошли.

Чахлый верлибр от Перми до Памира,

Как сиротливо, печально, как сиро

Выросли мы из усталой земли!

Лишь время расставит бокалы на тризне

Алыми пятнами памятных вех.

Те – без вины. Те – за верность отчизне.

Многих не вспомнят, помянут не всех.

Что нам сегодня увядшие вздохи?

Все – из народа. Не все – из эпохи.

Не покаяние – горечь и смех...

В.И.

Кто для меня абсолютно чужие? Суррогат вместо подлинника, метанол и политура вместо питьевого спирта?

Живущие для жизни. Живущие для себя. Злые и преступные ужасны, но есть еще хуже. Некоторые из них как будто и не делают ничего плохого, **просто живут** – но эти хуже всего. Человек должен жить **для чего-то**, у него должна быть и есть цель – вне его самого – но большинство живут просто так. Почти как падающий. Падающий не падает для того, чтобы упасть, он даже сопротивляется падению, но ничего не может поделать. Значит, виновнее те, кои не учили его, не научили его, что у всякого человека должна быть более

высокая цель, чем просто жить, что всякий даже уже падающий должен быть научен, как избежать, как избегать падения, как суметь выправиться из него. Этому необходимо научить человека в школе, и я имею в виду всякое падение, и физическое, когда человек запнулся или поскользнулся, и нравственное.

Чужие для меня и «те, кто ни холоден и ни горяч», это о них и сказано в Апокалипсисе: «...так говорит **Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия. Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: "Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды", а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазной мазью помажь глаза твои, чтобы видеть. Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся. »**

Обличается в этих словах **равнодушие**. Чужие мне – **равнодушные**.

Но я говорю не только об этом, а о **просто живущих**, о тех, у которых нет другой цели, нежели удовольствие от самой жизни и приобретений ее. Если даже человек живет **страстно** и строит дом себе и копит богатство для себя, но нет у него внутреннего **страстного желания понять, в чем смысл жизни**, есть ли еще смысл кроме того смысла, который облекается на себя самого, то этот человек живет напрасно. Недостаточно отвергнуть равнодушных. Надо обличить и отвергнуть и тех, которые не пытаются понять ВСЮ естественную историю своей личности, связанной с народом, от самых первых прародителей рода, через череду всех предков; и тех, которые равнодушны и к метафизике своей личности, то есть к тому пути, который проходит монада, путешествуя даже между европейскими народами... Надо проникать взором в глубь веков и дать оценку добру и злу во всех поколениях, судить европейскую и тем более русскую историю от Гомера и Ликурга, от Брута и Тарквиния, от Ромула и Рема, от Рюрика и (согласно *Льву Гумилеву*) *его родственников (sine hus - Синеус) и дружинников (thru woring - Трувор)*.

И Stanislaw Юрьевич Куныев переходит в сведения счетов с шестидесятниками именно к этому:

«Как бы ни изошрялись авторы юбилейного номера “Знамени” в злопамятстве, в проклятиях по адресу эпохи, обманувшей их надежды, в конечном счёте, самый точный диагноз психического состояния мемуаристов выразил в стихах постаревший “шестидесятник” Игорь Волгин:

В памяти твёрдой и ясном уме,
не говоривший ни бе и ни ме,
я заявляю публично:
прошлое мне безразлично
Что там мутилось за гранью веков,
кто пробирался к царнице в альков –
я разбираться не стану:
мне это по барабану.

С кем А.С. Пушкин шампанское пил,
кто там геройствовал у Фермопил,
быстры ли струги у Стеньки –

мне это, в общем, до феньки.
Цезарь ли кем-то когда-то убит,
Ленин ли пестует Брестский гамбит,
Данте ль откуда-то выжит –
это меня не колышет.
Вправду ль крестили кого-то в Днепре,
что написали Мольер и Рабле –
вместе, а может, отдельно –
мне это всё параллельно.
Плачет ли сердце в гитарной струне,
тень ли мелькает в туманном окне
тютчево-блоково-фетово –
это мне всё фиолетово.
Сиюминутность цена одному,
я без оглядки отныне живу.
Кушаю рябчиков с градки,
ибо живу без оглядки.
Сонму тупых исторических лиц
предпочитаю смешливых девиц,
чей без сомнений и споров
ум занимает Киркоров.

Такого мертвенно холодного и цинично безразличного признания бессмысленности Слова, которое “было в начале”, нет даже у безнадежно отравленного “скепсисом бытия” Иосифа Бродского.»

Я читал Станислава Куняева сикось-накось, на днях начал перечитывать от альфы до омеги, последовательно, не пропуская и не перескакивая – увы, могу легко утонуть в этом океане, оказывается, и я – человек, и мне человеческое не чуждо, и не истина, оказывается, меня преимущественно привлекает, как я ни кланусь в верности истине, но красота.

ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ И ГУБИТЕЛЬНОСТЬ КРАСОТЫ

Так в 2004 году в своем «Последнем слове» на суде (на котором судья потом приговорила меня с сыном за издание РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ к пяти годам тюремного заключения, а прокурорша перед нею потребовала дать нам по семь лет... **НО УСЛОВНО** – так вот, в своем *последнем слове* я сказал: За все время процесса мне не дали возможности хоть одну тираду произнести до конца, меня лишали слова и угрожали вывести из зала или лишить права отвечать на вопросы, оставив это право только у назначенного судом адвоката, и кажется, что это «последнее слово» - это первая, наконец, и *единственная возможность высказаться именно так, как я хочу*.

И этим правом я попытаюсь воспользоваться вполне и высказаться о том, что я думаю и чувствую.

Я не ждал объективности и справедливости, ибо я достаточно уже пожил на этом свете, чтобы твердо сознавать, что в нашей **советской стране** их никогда не было и не будет (то был выпад против «Нашего современника», хотя я тогда об этом не подозревал).

Объективности и справедливости я от советского государства не видел, но в этой странной стране я видел многое, что уравновешивало вопиющую

несправедливость. Я видел достаточно много умных мужчин и чрезмерно много для одного меня (как будто намеренно они вырастали передо мною) красивых женщин и наивных светлоликих детей (как потом из них иногда вырастают чудовища, удивительно, но для этого существует достаточно мастеров своего дела). Я видел много добра, разнообразные люди мне помогали, меня защищали, не приходилось долго страдать без воды, а если я болел и страдал от боли, меня лечили – только не приписывайте это государству, государство аки лютый пес рвалось с цепи, чтобы меня покусать, но люди мне помогали уцелеть, врачи, стражники, надзиратели, следователи и прокуроры... Только судьбы были как гранит, но это правильно, *крыша может и протекать, но стропила должны быть неизблемы*.

Я не сомневаюсь, что теперь меня отправят в тюрьму, потому что в **первый раз** это произошло в 1970 году, меня сразу же привезли в тюрьму Большого дома (где ко мне относились, в отличие от сталинского или вообще большевистского обыкновения – *благодаря Хрущеву*, отменившему пытки и истязания) – и это тоже был выпад в сторону Ст.Куняева, героизирующего сталинскую эпоху, он, вероятно, и *эпоху инквизиции с их испанским сапогом героизирует* – через полгода отправили в Сумасшедший дом, но это была все же тюрьма, там сидели сошедшие с ума заключенные из тюрем и отправленные туда Судом подследственные – но по приговору суда, а не по решению врача. Во **второй раз** я попал в тюрьму в 2002 году, следовательно отправила меня на стационарную психиатрическую экспертизу – но не в гражданскую больницу, а в тюремную, охраняемую так же, как любая другая тюрьма, с решетками, замкнутыми дверями и прогулками в сопровождении охраны, и регламентированными свиданиями – но, конечно, это тюремное заключение, которое продолжалось один месяц, было похоже на пребывание в раю, потому что благодаря какой-то атмосфере чудес, меня там все любили, и если что-то велели, то не бездельничать, а продолжать писать **Учебник Высшей математики** (я его писал после этого еще четыре или пять лет).

И вот я стою перед вами в ожидании приговора и произношу Последнее слово. Я не сомневаюсь что меня отправят в тюрьму, но не потому, что это злая воля судьи (у нее нет своей воли) или воля системы или даже воля государства –ибо в данном случае даже государство не властно над моей судьбой, над нею властвует магия *троицы*.

Надобно и решено свыше, чтобы я побывал в тюрьме трижды, пусть даже не подолгу, вот меня и отправят в тюрьму в третий раз.

Но жаловаться мне (по большому счету) не на что, на судебные заседания я приезжаю из дому, в зале суда сидел не в клетке, как все, и после судебного заседания ехал куда хотел (когда в нашей **жестокой стране** 9 из 10 подследственных ждут приговора уже тюрьме!!!).

И здесь, в этом зале, хотя мы и спорили, я не чувствовал никакого серьезного стеснения, тем более что и мои друзья мне тоже не дают ничего договорить до конца, все время перебивают.

Ну а прокурорша... Возможно, специально для меня ее нашли и прислали, я ею любовался и все время чувствовал себя счастливым. Но для полного и окончательного счастья мне все же чего-то не хватало, вот если бы она

потребовала для меня смертного приговора, а потом именно ей поручили меня расстрелять – о, я бы сказал, что *быть застреленным прекрасной женщиной – это высшая милость господня!* Она, возможно, знает, что должна была потребовать для меня смерти, но не решилась.. *А я бы тогда смотрел на нее во все глаза и сердце бы мое ликовало.*

При этих словах она не выдержала и закричала: *«Надо было хорошо себя вести, думать, прежде чем поступать, тогда не надо было бы и расстреливать..»* – какая чудная оговорка!

У меня были удивительные учительницы, я в них во всех влюблялся, одна даже выкрала в директорском сейфе тот мой Дневник семиклассника, из-за которого на меня *воздвигли судилище* – мне показалось, что эта прокурорша – именно одна из моих учительниц и она думала что если бы я слушался старших и *правильно и хорошо себя вел*, то меня и не надо было бы расстреливать. Но Станислав Юрьевич должен знать, что в сталинское время были разнарядки по областям, сколько надо расстрелять, не имело значения, как попавший в список себя вел, его дело даже и пять минут не рассматривалось – крестьяне, свергшие иго проклятых варягов, шли до конца. **Если бы Хрущев в 1953 году не остановил эту безумную паранойю убийств, они русский народ добились бы до последнего.** (Тогда, конечно, не было бы проклятых шестидесятников, но не было бы и Куняева, бесстрашно их обличающего!)

Спор этот с инаковерующими, конечно, бессмыслен. Ибо верующий *не говорит, что Бог есть*, он просто *верит в него*, он, возможно, думает и знает, что Бога нет, но что это сделано потому, чтобы была доблесть и высший героизм в том, чтобы *верить, что Бог есть*, вопреки очевидности. (И Достоевский настаивает, что *останется с Христом даже если Христос не с истиной.*) **«И Куняев поддерживает мнение историка Роя Медведева, чей отец был расстрелян в 1937-м, что нельзя судить Ленина и Сталина по обычным человеческим меркам» (то есть, НЕЛЬЗЯ СУДИТЬ).** Крестьяне тысячу лет покорялись помещикам и ненавидели их, и вот, наконец, свершилось, они свергли помещичье татаро-монгольское иго, хуже даже татар. Свергли и стали жить по своему, как ученик чародея: чародей ушел и ученик разбушевался, стал жить по своей воле, вызвал чертей. Ну, черти разбушевались еще сильнее...

Свергли крестьяне помещиков и потешились вволю, сожгли их чертовы усадьбы, пооторвали ножки у пианинов (в усадьбе Менделеева, великого русского ученого, как пишет об этом Солоухин, ... а что для крестьянина эти слова, знал ли он, что такое *великий* и что такое *ученый*?)

Поручили и пожгли храмы, недавно еще сожгли заброшенный храм в моем селе Шегрино, уже ободранный, но крыша и купол были и стены и пол... теперь полуразвалины, радуясь, крестьянская душа!

Вдруг вспомнил из книги Куняева чье-то четверостишие:

«Через Атлантику опять / Летят за долларовой фигою.

Демократическая блядь / С коммунистическим расстригою.»

Очень хорошо. Убедительно. Только про Шегрино он промолчал...

Но я – не был комсомольцем **ни 60-х** ни каких еще годов, не вступал в партию и не собирался вступать. Правда, я прочитал Сталина, потом 55 томов Ленина, потом читал Хрущева (мне были интересны его речи), следил по газетам за романтической одиссеей Кастро в его борьбе с Батистой, читал речи Кастро, когда он сам стал диктатором, следил за передвижениями войск Конг Ле в Лаосе и за судьбой Че Гевары (кажется в Боливии), пил водку по ночам с переводчиком Кубинского посольства (забыл, как его зовут), окончившим Сорбонну (мы ходили в автобусный Автопарк, там продавалась водка ночью шоферам после смены) мне было уже 18 лет, уже здесь, на Васильевском Острове – дружили мы 63 года назад, но **30 лет** из этих 63 он провел (несколько позже) **в застенках Кастро**, где прошел через пытки (хотя некоторые, как я читал, прошли и через худшие пытки). Кастро был тоже из аристократов, причем мой товарищ был более высокородным, и их семейства даже были знакомы, и он вернулся на Кубу, чтобы спасти свою школьную подругу. Перед этим он пришел со мною проститься и ушел **в бездну**.

Жизнь удивительна. Его я увидел случайно в телепередаче, часть узников была **выкуплена** американцами у Кастро, который нуждался в долларах, их снимали на трапе корабля или самолета и я его сразу узнал, и даже, как мне показалось, *оттуда он взглянул на меня и узнал тоже и мне улыбнулся*.

[В те же годы случилась странная история, я редактировал роман русского автора, посвященный охраннику Кастро, потом его агенту в Австралии, зарабатывающему **для Кастро** доллары на незаконном бизнесе (автор был сам советским агентом на Кубе, сотрудником посольства, и хорошо знал Кастро), потом после отставки жил в Австралии, мы общались по интернету и у нас сложились добрые отношения, но я неудачно пошутил, что вводное слово «ведь» не okayмляется запятыми, он подал на меня в австралийский суд за оскорбление, хотя я относился к нему с симпатией. Австралийская судья отклонила иск на том основании, что в Австралии не найти эксперта достаточно высокого уровня, чтобы разрешить его претензии.]

Продолжаю. Из школы меня исключали три раза, первый раз в 7-м классе, за Дневник, в котором я писал что-то *неправильное*, в третий раз – за то, что целовался со студенткой.

Из университета меня исключали только один раз, виною всему была тоже любовь и увлечение христианством, через полгода меня простили, даже заботились о том, чтобы я закончил университет, но советская власть была тут не при чем, преподаватели меня ценили как человека хотя и странного, но достойного. В тюрьме в 2004 году меня тоже ценили и начальник тюрьмы *приходил ко мне в камеру, чтобы помирить с охранником* (что невероятно), а сам этот охранник потом поставил в тюремном храме свечку перед разбирательством моего дела по кассации (что еще невероятнее). Но все же общество и государство были против меня, я был им чужд по крови (?).

В девяностые годы я издавал журнал МЪра, в котором печатал и некоторые свои заметки, но *ни одно печатное издание Советского Союза и Российской Федерации ни одной строчки моих сочинений не напечатало*.

Я издавал свои книги в частных типографиях и предлагал их в книжные магазины для продажи – но ни один магазин мои книги продавать не стал. Правда, девушкам и знакомым я иногда свои книги дарю, но в последние 16 лет даже девушки и знакомые их уже у меня *не берут*.

Недавно маленький сборник стихов я подарил нескольким девушкам, которые на меня приветливо посмотрели, потом спросил, понравились ли им мои стихи – оказывается, они их еще не читали.

Игорь Ростиславович *прочитал мою книгу «Боль и любовь»*, а я читал его «Социализм», поэтому мы дружили. Солженицын считал меня хорошим поэтом и *ему нравились мои стихи, но он их не читал*.

В 2002 году Н.И.Тр. тоже прочитал мою книгу «Боль и любовь» (потом еще и Ленья Измайловский), и меня приняли в Союз писателей, но здесь меня тоже не читают, хотя относятся хорошо и считают талантливым литератором.

Но я не жалею о том, что меня не читают, а только на то, что не могу ни высказать свою точку зрения, ни сделать ее известной защитникам Русской революции и советской власти.

Из каких частей состоит наше общество, если только не принимать во внимание секретных сотрудников и официальные государственные ведомства, занимающиеся пропагандой, агитацией, охраной государства и очищением общества от тех лиц, которые *государству не нравятся*?

Общество состоит из славяно-русов (**советских**), из **русских** (дворянского, крестьянского, европейского происхождения), из **инородцев** и из **евреев**, а наша литература делится на **национально-почвенную**: Белов, Распутин, Солоухин; **государственно-патриотическую**; «**либеральную**»; **советскую и ленинско-сталинскую**, но в нашей литературе сегодня отсутствует диалог, поэтому каждый из нас существует сам по себе и спорит с самим собою. За Круглый стол нам не сесть. О Солоухине они не говорят, а о чем они спорят с Евтушенко, Окуджавой и Вознесенским (*с которыми они близки*), я не понял.

Я **народник**, сторонник **конституционной монархии** и **буржуазной республики** вместе. Я за то, чтобы все народы имели право на развитие своих **культур**, но при этом государственной (приоритетной) **культурой** должна быть **русская**. Как во Франции - французская.

Пропаганда экстремистских учений должна быть **запрещена**, в том числе *пропаганда коммунизма, сталинизма, ленинизма, марксизма и фашизма*. Необходимо исключить режим личной власти, главным государственным лицом должен быть Председатель общепартийного правительства, но *он не может занимать свой пост более пяти лет*.

Из названий улиц и площадей должны быть изгнаны все советско-коммунистические имена, Ленин и Сталин должны быть осуждены как уголовные преступники... **Возможно, даже повешены, как Кромвель**.

Памятники культуры в городах и селах необходимо восстановить, даже природные, потомкам дворянских родов надо помочь вернуться на родину и **восстановить их усадьбы и храмы**. Тогда прекратится и мой спор с наследием «**проклятого прошлого**».

Трезвый взгляд современника революционного пожара Иосиф Бикерман. Россия и русское еврейство

Русский человек твердит: «Жида погубили Россию». В этих трех словах и мучительный стон, и надрывный вопль, и скрежет зубовой. И стон этот отдается эхом по всему земному миру. Не только в Баварии или Венгрии, изведавших сладость коммунистического строя. Не только в государствах, частью или полностью образовавшихся из обломков великой прежде России... Но также в странах, смутой пощажённых, а от России отделённых целыми материками и океанами. Несколько времени тому назад я прочитал в немецких газетах, что в Германию приезжали японские ученые знакомиться с антисемитской литературой: и на далеких островах, где евреев почти нет вовсе, заинтересовались нами.

Нисколько не преувеличивая, отнюдь не изображая дела так, будто весь мир занят только нами, нельзя все-таки не видеть, что волны юдофобии заливают теперь страны, а близости отлива еще не заметно. Именно юдофобия: страх перед евреем, как перед разрушителем. Вещественным же доказательством, пугающим и ожесточающим, служит плачевная участь России. Еврей на все это отвечает привычным жестом и привычными словами: известное дело – мы во всем виноваты; где бы ни стряслась беда, будут искать и найдут еврея. Девять десятых из того, что пишется в еврейских повременных изданиях по поводу евреев и России, составляет только пересказ этой стереотипной фразы. Так как всегда и во всем мы виноваты, конечно, быть не можем, то еврей делает отсюда весьма лестный для нас и на первый взгляд житейски весьма удобный вывод, что мы всегда и во всем правы. Нет, хуже: он просто отказывается подвергнуть собственному суду свое поведение, отдать самому себе отчет в том, что он делает и чего не делает, но, может быть, должен был бы делать...

Итак, верно ли, что евреи несут ответственность за крушение русской державы и, следовательно, за бедствия, испытываемые русским народом? 27 февраля или 25 октября оборвана была историческая нить, ткавшаяся целое тысячелетие? Большевицкая или добольшевицкая революция ниспровергла державу русскую? Кто в еврее видит главного виновника русской беды, тот решает тем самым вопрос в пользу октября, для того большевики – губители России; ибо только через большевиков добираются до еврея, только слишком бросающееся в глаза участие евреев в большевицком **бесновании** приковывает к нам взор русского человека и взоры всего мира. Но такое понимание происшедшего идет вразрез с явным смыслом событий, очевидцами которых мы все были. Не большевики погубили Россию, а явились сами следствием ее погибели. Они устроились в развалинах ее, как всегда находят приют среди развалин бродяги, воры, грабители и убийцы.

До февральского переворота большевицкие атаманы, прославившиеся позже на весь мир, были отделены от России двумя фронтами, через которые и птица перелететь не могла. И все эти Ленины, Троцкие, Зиновьевы и Бухарины так и кончили бы дни свои где-нибудь на мансарде в Цюрихе или Берне, если бы в России очень почтенные люди и очень влиятельные группы не делали все, что могли, чтобы стало возможным и даже неизбежным пришествие **Нечистого**, – нечистого плотью, нечистого помыслами, нечистого духом. Большевицкие соблазны, все эти: земля – народу, власть – пролетариату, царство советов, – об этом никто не только говорить не смел, но и думать не мог.

Февральский переворот был необходимым условием большевицкого властвования, но также достаточным условием развала государства и порабощения страны и народа. Большевизм ли, смута ли старомосковского

образца, разиновщина ли, чужеземное ли господство, но Россия обречена была на хождение по мукам уже в ту роковую минуту, когда г. г. Родзянко и Миллюков вышли на крыльцо Государственной думы, чтобы приветствовать взбунтовавшуюся солдатчину.

Но истину, что Россию убила революция февральская, а не октябрьская, важно запомнить также еврею, каждому еврею, не воображающему, что нам море по колено, что среди крушения царств и гибели народов мы можем оставаться спокойны, раз владеем магической формулой, из вечной нашей обвиняемости выводящей вечную нашу невинность.

Большевистское государство, заполнившее собой безгосударственную пустоту, образовавшуюся после революции, совместило в себе начала, столь противоположные, что уже одно представление об их совместимости подавляет наше сознание: жгучую остроту мучений с мучительной длительностью, безмерность разрушения с нестерпимой узостью домашнего обихода: жизнь на протяжении двух материков мнется, гнется, ломается с невозмутимым спокойствием и будничной простотой, точно порошок в ступе готовят. И вот около этой дьявольской лаборатории, тут – наш грех, великий грех русского еврейства.

Нечего и оговаривать, что не все евреи – большевики и не все большевики – евреи, но не приходится теперь также долго доказывать непомерное и непомерно рыное участие евреев в истязании полуживой России большевиками. обстоятельно, наоборот, нужно выяснить, как это участие евреев в губительном деле должно отразиться в сознании русского народа. Русский человек никогда прежде не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Бывали и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно.

Теперь еврей – во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма **самоистребления**. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом; он встречает на каждом шагу евреев не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но все же распоряжающихся, делающих дело советской власти: она ведь всюду, от нее и уйти некуда. А власть эта такова, что, поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более **злой**, ни более **бесстыдной**. Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждает в мысли, что нынешняя власть еврейская и что потому именно она такая **осатанелая**. Что она для евреев и существует, что она делает еврейское дело, в этом укрепляет его сама власть...

Когда мы, бывало, говорим русскому правительству, что то или другое ограничение ведет только к отчуждению евреев или определенных еврейских групп, то в этом была своя относительная правда, ибо действия и той стороны могли, конечно, оказать влияние на результат. Но когда мы перед лицом мировой катастрофы и перед фактом непомерного участия евреев в варварском разрушении, ставя вопрос о себе, отвечаем все той же ссылкой на других, на чужое воздействие, то мы тем самым низводим себя на уровень пассивного материала человеческого, из которого лепи что хочешь, а это и есть самое крайнее проявление безответственности...

Первое место среди течений в еврействе должно отвести сионизму как по объему его влияния, так и по тому, что и фантастика, и притязательность, и порождаемое ими тяготение к смуте, как к родственной стихии, выражены в нем наиболее ярко. При всем различии и содержания и путей существуют глубокие формальные сходства между сионизмом и большевизмом.

Как большевик знает верное средство против зла: социализацию, так есть оно и у сиониста: Сион. Большевик ждать эволюции не хочет, и это именно для него характерно; сионист ждать не может, ибо ему приходится начинать сначала. Тому и другому чуждо представление о трагическом в жизни как таковой; оба с одинаковой решительностью отрекаются от старого мира, хотя мир одного – не мир другого; один и другой имеют каждый свою обетованную землю, которая течет млеком и медом. Это единство схем накладывает удивительную печать сходства на мышление, обороты речи и повадки сионистов и большевиков. Сионист как большевик не знает пропорций, степеней и мер; любая частность получает у него универсальное значение, горчичное зерно вырастает в баобаб, воображаемый полтинник в наличный миллиард...

Затем большевики не больше сионистов, разумеется, дорожат неприкосновенностью российской территории, хотя есть уже праздные идеологи, усматривающие в них новых собирателей земли русской. С чисто босяцкой щедростью они отказались от им не принадлежавшего, и на западе России возник целый ряд новых государств. Для сионистов – новый предмет забот и новая точка приложения для разлагающих Россию сил... есть самое крайнее проявление безответственности...

Дело не так обстоит, что была смута, гибли евреи и неевреи, а евреев истребляли и левые и правые. Нужно еще прибавить, что евреи были не только объектом воздействия во время этой тяжелой смуты. Они также действовали, даже чрезмерно действовали. Еврей вооружал и беспримерной жестокостью удерживал вместе красные полки, огнем и мечом защищавшие «завоевания революции»; по приказу этого же еврея тысячи русских людей, старики, женщины, бросались в тюрьмы, чтобы залогом их жизни заставить русских офицеров стрелять в своих братьев и отдавать честь и жизнь свою за злейших своих врагов.

Одним росчерком пера другой еврей истребил целый род, предав казни всех находившихся на месте, в Петрограде, представителей дома Романовых, отнюдь не различая даже причастных к политике и к ней непричастных. Пробираясь тайком с опасностью для жизни по железной дороге на юг, к Белой армии, русский офицер мог видеть, как на станциях северо-западных губерний по команде евреев-большевиков вытаскивались из вагонов чаще всего русские люди: евреи оставлялись, потому что сумели приспособиться к диким правилам большевиков о передвижении; русский офицер не мог этого не видеть, потому что это бросалось в глаза и евреям, которые мне об этом с горечью и с ужасом рассказывали...

Кто сеет ветер, пожинает бурю. Это сказал не французский остроумец, не буддийский мудрец, а еврейский пророк, самый душевный, самый скорбный, самый незлобивый из наших пророков. Но и это пророчество, как и многие другие, нами забыто; вместе со многими великими ценностями мы и эту потеряли. Мы сеем бури и ураганы и хотим, чтобы нас ласкали нежные зефиры. Ничего, кроме бедствий, такая слепая, попросту глупая притязательность принести не может.

Поднимется, я знаю, вопль: оправдывает погромы! Но кого судьба поставила врачом в дни народного мора, того не смутят крики: пускает в народ

холеру! Это – неприятность, связанная с призванием, с исполнением профессионального долга. Не смутит меня и то, что кричит и будет кричать о пускаемой в народ отраве не безграмотная, а полуграмотная чернь. Я знаю цену этим людям, мнящим себя солью земли, вершителями судеб и, во всяком случае, светочами во Израиле, светносоцами. Я знаю, что они, с уст которых не сходят слова: черная сотня и черносотенцы, сами черные, темные люди, подлинные *viri obscuri*, никогда не разумевшие ни величия творческих сил в истории, ни грозной мощи разрушительной стихии в человеке и человеках.

Три тысячи лет уже живет еврейский народ сознательной жизнью на земле, и где у нас хоть следы, хотя бы слабые признаки аристократизма, присущего обыкновенно древним родам? Мы – демократы, и все наше поведение согласуется с кодексом, составленным Ликургами из Психоневрологического института за Невской заставой; этого рода демократизм – начало и конец нашей мудрости. Но история прощает несоответственное поведение еще меньше светского общества: здесь «не принято», там не приемлется...

... Еврей и сейчас охотно идет за всяким блуждающим огоньком, поднимающимся над революционным болотом; тлетворная, разлагающая словесность о всеобщем братстве и всеобщем благополучии, та самая словесность, которая породила смуту и, следовательно, погромы, еврея и теперь мила; слова – отчество, порядок, власть – коробят ухо еврея, как реакционные, черносотенные; слова – демократия, республика, самоопределение – нежат его слух; вопреки всем жестоким урокам еврей продолжает думать, что в начале было слово, не творческое Слово Божье, а пустое слово красная... ..

Опыт истории, которую мы теперь уже знаем за семь тысяч лет, показывает, что человеческое общество никогда не жило наподобие пчелиного роя или муравьиной кучи. Человек либо выше животного, либо ниже его; он живет либо по инстинкту и разуму, либо вопреки разуму и вопреки инстинкту. ... В действительности **соответствие между поведением народа и его же интересами есть недостижимый идеал**, к которому народы медленно, медленно приближаются, то и дело возвращаясь вспять и расплачиваясь за дикость и знахарство жестокими страданиями, иной раз самим существованием своим. **Такой всплеск знахарства привел Россию к крушению...**

БИКЕРМАН Иосиф Менассиевич – историк, писатель и публицист. В 1909 году принял участие в знаменитом сборнике «Вехи» (статья «„Отщепенцы“ в квадрате»). С 1912 года под его редакцией выходила серия «Библиотека общественнознания: современное человечество» (издательство «Брокгауз и Ефрон»). После Октябрьской революции эмигрировал в Берлин, затем в Париж. Примыкал к правоконсервативной части эмигрантов. В 1923 году вместе с Даниилом Пасмаником и другими выпустил сборник статей «Россия и евреи», в котором высказывал опасения относительно грядущего всплеска антисемитизма как следствия выдвижения евреев на ответственные и общественно заметные должности, а также их отождествления с большевиками.

Эта книга о тех людях, с которыми меня (ВИ) близко свела судьба или кто меня сильно заинтересовал (из тех, кто связан все таки с русской историей).

в том числе о людях, согласно Бикерману, «делающих дело советской власти... А ВЛАСТЬ ЭТА ТАКОВА, ЧТО, ПОДНИМИСЬ ОНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ГЛУБИН АДА, ОНА НЕ МОГЛА БЫ БЫТЬ НИ БОЛЕЕ ЗЛОБНОЙ, НИ БОЛЕЕ БЕССТЫДНОЙ!».

СОТВОРЕНИЕ МИРА. (По итогам чтения Книги)

Мир уже существует, но создан он (**сотворен**) или существует всегда? Если мир **сотворен**, то это **Чудо** (ибо существует **Творец** – и это **Чудо**). Если он не возникал и существует всегда, сие предположить легче, чем примирить с возникающими недоумениями, и труднее, чем просто отвергнуть. Ведь, как ни странно, многое мы можем принять или отвергнуть без доказательства уже только в силу устройства сознания, так, например, мы не спорим по поводу того, не могла ли голова быть треугольной и нельзя ли спуститься с Эвереста вместе с лавиной. Но **не произошел ли мир случайно?** Случайностью называется ТО, что может произойти или нет. Мир изменяется, изменения могут происходить **случайно, по воздействию извне**, или по воле человека (*случайной или сознательной*). Я не знаю, **создан мир или произошел сам собою** – но если произошел **сам собою**, то и это уже является чудом.

И если хоть что-нибудь в мире может стать **ЛУЧШЕ** без воздействия **извне**, или **может само соединиться в РЯД бесконечных улучшений**, то есть мир не нуждается в *Творце* – *но и это является Чудом*. (Более того, **даже** я не смогу дать убедительного объяснения того, чем отличается чудо и чем отличается случайность от **причины** и **закономерности**, ибо это такой же необъясненный (или необъяснимый) термин как и **случайность** и **чудо**.)

(некоторые одеваются довольно небрежно, некоторые – правильно, я не думаю, что одно правильно, другое – нет).

0: (Нулевая аксиома). **НО** если сам собою **не** возникает даже роман, то «мир» тем более не может **возникнуть сам**, поэтому **Творец существует**. **1: (Аксиома).** Творец создал Небо и Землю, геологический мир и Человека (мужчину и женщину – с умыслом.) **2: Следствие.** *Грехопадения не было*, человек **плох**, потому что его еще надо учить и воспитывать. **3: Лемма.** Народ **народился**, поэтому **история** объясняется теорией почвенничества А.Григорьева – Данилевского. **4: Теорема.** Культура – это возделанная почва (тривиально). **5: Не все такие умные, как ВИ**, поэтому не всё так, как надо. **6: Постулат:** «(Но?) время расставит (?) контекст по местам...»

Или не расставит?

Октябрьская революция – это **зло** – так думали Солоухин и Глазунов.

Нет, это **добро** (или историческая необходимость) – так утверждает Кунаев (вместе с миллионами советского народа, который даже не понимает, что советской власти больше нет). И то и другое утверждение не исчерпывает «правду истории», если она существует – так иногда думаю я. Сказано же, что «надобно было, чтобы в мир пришло зло – только **горе тому, через кого оно приходит**». Возможно, и английская и французская революции были необходимы – но надо ли их восхвалять? Уже хотя бы поэтому я **свидетель обвинения** большевистской революции и большевистского господства, но не свидетель *оправдания* *целого* или поиска *«смягчающих обстоятельств»*. Советская власть начиналась и утвердилась как власть абсолютного и окончательного уничтожения эксплуататорских классов, убийства всех, от новорожденных младенцев до умирающих старцев включительно. **Это – преступление, и защитники его – соучастники преступления.**

Но дело не только в том, преступлением или благом является **разгром самодержавной России, уничтожение** и изгнание **правлящего класса** – ибо хотя хищение и отобрание чужой земли, имущества, власти, жен и дочерей (как при татаро-монгольском нашествии) – это, по современным оценкам – преступление, но по крайней мере разбойник, вор, завоеватель от завоеванного получает пользу – **какую пользу получили славянские крестьяне, разгромив варяжских и европейских русских господ?**

Без господина они не умели ни управлять страной, ни работать, поэтому они себе понаставили еврейских и из инородцев управляющих (как это делали и помещики, но те абсолютной воли другим не давали и проверяли их хоть изредка, а в случае воровства били на конюшне и отторгали от кормушки, а крестьяне своих управляющих, комиссаров, сделали *новыми господами*, вооружили и перешли к ним в рабство – но все равно плохо работали, и случился сначала голод и холод и мор в городах во время Гражданской войны, два миллиона погибло, остальные бежали, страшный голод в Поволжье (умерло 12 миллионов), потом раскулачивание и голод на юге и на Украине (от пяти до семи миллионов), потом Большой Террор, потом война с Финляндией и Вторая мировая война (погибло около тридцати миллионов человек), потом мы начали догонять убежавшие вперед страны, потом мы этот коммунистический режим и власть компартии свергли к едрене фене, десять миллионов опять бежало за границу (уже **внуков тех бывших коммунаров**)... и каков же итог столетнего господства *славян* в бывшей Российской империи?

Итог: Почему и для чего произошла Революция?

1. **Усталость** от многовековой зависимости в многословной империи, бремя содержания которой несли на себе податные сословия, **крестьяне**, дворовые, мещане, прислуга, ремесленники. **Ненависть и злоба** (вспомним Пугачева).

2. Строительство коммунизма кончилось крахом, и **революция, эта лавина убийств и разрушения старого мира оказалась бессмысленной.**

Интернациональная помощь народам мира. Мы вошли (русско-советские) в Монголию, в Корею, Китай, во Вьетнам, в Конго, в Мали, Эфиопию, Сирию, в Египет, на Кубу – где **крови после после этого стало литься меньше, где наступили процветание и свобода? Мы сеяли и посеяли только ЗЛО.**

(О центральной Европе говорить не буду, пусть о ней говорят ее жители, которые нас сегодня возненавидели за то, что мы их освободили, Но восточно-европейский вопрос еще существенно и не разрешался)

Евреев упрекают в жажде богатства. В НРЖ приводится история с вагонами барахла, которое вез из Германии к себе на дачу **Маршал Жуков**, «маршал Победы» – ну скажем мягко, не совсем еврей, но советско-еврейский негодяй.

Ну а советскую русскую, **Лидию Русланову**, обвиняли не в этом же (или ее мужа генерала)? Ну а **Надежда Плевицкая**, Русская из русских, – за что она служила большевикам (если все ее обвинения все таки справедливы)?

А мы не помним, как в девяностые годы **обдирали Советскую Россию**, выламывая кирпичи, шурупы, балки, вывинчивая лампочки и выдирая двери? Какой народ нас сможет превзойти в этом? Ферму в нашей деревне разломали голыми руками.. А от окрестного леса остались грязь и трущобы.

Что такое сталинизм и за что значительная часть нашего вымирающего народа любит Сталина?

1 некоторые любят потому что сумасшедшие, можно ли их излечить, я не знаю, поэтому о них больше не буду.

2. Другие любят Сталина, потому что он частично уничтожил тех, кто виноват в бедствиях России.

Если прав Солженицын, и действительно кулаки, которые выросли к 28 году, это те разнузданные **комитетчики бедноты**, которые в 18 году правили на селе, отбирали зерно у крестьян, забрали лучшие земли и во время НЭПа разбогатели, то они в 27 – 32 годах получили им причитающееся и Сталин был тем **карателем**, которого Бог послал в возмездие виновным. И тогда якобы это Бог повелел Сталину в 37-м расстрелять главарей большевистской банды, и большая часть их была расстреляна, в том числе Тухачевский, который истреблял крестьян в Тамбовской губернии.

А нынешний патриарх однажды высказался в том духе, что и Ленинградская Блокада была возмездием Петрограду за Революцию и за казнь царской семьи и аристократии.

Тогда Немецкое нашествие и гибель тридцати миллионов наших граждан, по большей части родившихся в эпоху Революции, которую совершили их отцы – это "*справедливое возмездие?*" – кому? Жене Владимира Солоухина, Розе (Рae) Заседательской (по матери Рукавковой), дед которой был городским головой города Козельска?

Роза 4 года была рабыней в Восточной Пруссии, учившаяся в балетной школе и мечтавшая танцевать Лебединое озеро. Записки ее называются "*На задворках Победы*". Они из дневника, который она вела в фашистской неволе в свои 14 лет. "Бумажные мешки из-под удобрений, комбикорма, не раз вымокавшие под дождем и высушенные на ветру, я разрезала на листы и сшивала тетради". У записей – подзаголовок: "**Хроника заклятых лет. Орел – Кенигсберг**". И даты: 1943–1945. "В утренних заморозках необозримое поле сахарной свеклы с синей ботвой, покрытой инеем, казалось океаном, который нужно переплыть вплавь. Корчевать свеклу начали в теплые дни, а сейчас вытягиваем ее из-под снега. Мерзнут ноги в колодках. До локтей стекает обтаивающий иней с листьев ботвы. На помощь пригоняют из соседнего концлагеря **русских военнопленных**. Они вгрызаются "в твердую массу бурака, торопливо глотая ее вместе с прилипшей землей. По подбородкам, по ртам стекала земля, перемешанная со свекольным соком. ...Когда в лагере объявили **набор в армию к генералу Власову**, выполз кто мог. Некоторые умирали, не успев доползти до калиток лагеря".

В первые недели войны в 41-м году в плен к немцам попали **три с половиной миллиона русских солдат**, те, кто выжил к 45-му году, прошли по большей части через советские лагеря... Много ли выжило в конце концов из этих трех с половиной миллионов? Или они все хуже Ст.Ю.Куняева, который по неизвестной причине **любит и Ленина и Сталина?** Но и многие и мои друзья любят тех же самых главарей большевизма, Октябрьскую революцию, уничтожение "*Белогвардейской нечисти*" и *строительство коммунизма*. **Может быть, Сталин – это Аттила, МОЛОТ БОЖИЙ для всех нас?**

Осю всех споров о Ленине, Сталине, Революции и строительстве коммунизма является вопиющее безразличие к судьбе **отдельного «маленького» человека**, не ненависть ли к нему? Все сторонники большевизма-сталинизма и строительства коммунизма плевать хотели на то, сколько этих маленьких людей *передохло* во время Гражданской войны, Голодоморов, Раскулачивания, Большого Тррора и Войны с Гитлером. **Какой Грандиозный исторический спектакль! – восклицают они.** Я подозреваю, что эти, спорящие со мной, и являются *советскими людьми, советским народом.* Их я не люблю, они мне чужие. А они, очевидно, никогда не любили ни дворян, ни крестьян, ни воинов Войны 1812 года или Куликовской битвы, никогда не знали Русской истории и никогда не любили Российской империю и никогда не гордились ею, только если находили в ней ЗЛОДЕЯ, сравнимого с Сталиным, например, Ивана Грозного или Петра Первого, то теми гордились и тех любили. Они – советские. *Как они могут отстаивать русских в спорах со мною?*

И вместо меня пусть спорят два писателя, Ст.Ю.Куняев, выдающийся писатель (почти безупречный как литературный мастер), *родившийся в Калуге*, и Вл.Солоухин, гениальный писатель, *родившийся в Владимирской деревне.* Послушайте, что говорит каждый из них (и не читайте пока Маркса и Ленина, **которые вас взрастили**), а я пока отстраняюсь, мне надо передохнуть, у меня собственная *блокада* (левого желудочка сердца ...надеюсь, это не навсегда).

Приключения поэта

Нет, я не Пушкин, я никто,
Я и не Лермонтов, я ниже,
Я даже в Агнии Барто
Сгожусь в каком-нибудь Париже -
И то воскликнут: Это кто?

Я и Козьмой, боюсь, не стану,
Намедни, в конке, в семь утра
Хватили мы с ним по стакану
И он сказал: *Тебе пора!*

Куда пора, мой друг сердешный?
А закусить? А по сто грамм
Еще, да с пивом пополам?!
Да нет, куда!? Ему ведь к графу!
Настала смутная пора,
И я порвал на нем рубаху,
А он сломал мне два ребра.

Теперь лежу. В участке сыро,
Стихи не пишутся совсем.
Вот, говорят, отпустят в семь...
Тут привезли *царицу ми-и-ра...* Ноябрь.
Тоска. Разбита лира...
Куда идти в такую темь?

Ну, если проводить? Согласен!...
Ах, осторожнее, ребро...
Сначала мы поспим в метро...
Да хоть куда! Нет, не опасен...
Я с вами выпью хоть ведро!
И мы еще по-спо-рим с миром!

Ведь мой приятель Саша Блок...
Заедем к Анне, даже к Мире...
Я подарю им пару строк...
Но все же больше пить не буду...
Царица, хоть не бей посуду!

После разговоров о «высоком» к чему тут ёрнические стихи, воскликнут моралисты. Да к тому, что сегодня властвует мировоззрение, навязанное детьми тридцатых годов (и Вознесенский, Окуджава, Евтушенко, Бэлла Ахмадулина – это не худшие друзья и попутчики Станислава Куняева). **А мне не выжить в чаду сталинизма!**

Но если в начале было Слово ("искони бе слово"), и Слово было у Бога, и Бог был Слово, то почему Оно мне не помогает противостоять злу?!

Станислав Юрьевич Куняев, Калуга, 1931

*Я один, как призрак коммунизма,
по пустынной площади брожу.*

Дед писателя по отцовской линии был известным врачом, общественным деятелем, педагогом. В 1913-ом году на пожертвования горожан он построил в Нижнем Новгороде больницу, которой и руководил. Дед и бабушка писателя, врачи этой больницы, умерли от тифа в 1920-ом году. Через 10 лет кладбище Печерского монастыря, где они покоились, было уничтожено. Подобная участь постигла и могилу деда писателя по материнской линии, крестьянина по происхождению, ставшего сапожником. Ст. Куняев в статье *«Его называли честью и совестью партии...»* (1989) так заканчивает свои рассуждения о Емельяне Ярославском, который инициировал антирелигиозную кампанию: *«Злая воля атейста и русофоба лишила меня добрых могил моих предков. Да только ли меня? ... и миллионы русских людей».*

Но подлинным *Призраком коммунизма* является не Ст. Юрьевич, и даже не Маркс, а Платон – (427 - 348 до н. э.) – афинский философ. Его книга *Государство* – диалог, посвященный идеальному государству, написан в 360 г. до н. э., предвосхищает идеи Маркса и Ленина.

«Так вот я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти.»

Его мать, Периктиона, происходящая, по преданию, от Солона, была писательницей, известны её труды «О гармонии в женщине» и «О мудрости».

В Сицилии, где он собирался основать **идеальное государство**, его даже продали в рабство. Но жители Афин собрали деньги для его выкупа (напрасно, его этот опыт *«идеальной жизни»* еще не вразумил).

Демократия. Главным составляющим демократического общества, по Платону, является ничем и никем не ограниченная *свобода*. Стираются грани дозволенного и неподозволенного. Отцы неуважаемы детьми, закон не уважаем гражданами... В обществе из недр человеческого характера выходят такие черты, как *распутство, отсутствие стыда, ощущение безнаказанности, проявления наглости и пр.* Такое общество настолько становится хаотичным, что трансформируется в – тиранию.

4. Тирания. Для Платона данное государство, возглавляемое тираном, является наихудшим.

Согласно Шафаревичу, коммунистические государства существовали и в древнем Китае и в Двуречье, и приводили к гибели до того цветущих цивилизаций. Достаточно прочитать сочинение Платона, чтобы понять и увидеть, что более гнусной и страшной идеи не было в истории философии. Но цветами на кладбище политической мысли являются идеи уже современных *коммунистического государства, фашизма и национал-социализма* (ленинско-сталинский «Русский коммунизм», итальянский фашизм Муссолини, Гитлеровский нацизм в Германии, военная тирания Франко в Испании). Российские девяностые годы продемонстрировали нам и слабость государства перед разнузданной силой криминальных сообществ – "тоже не изюм".

Это, впрочем, бывало в истории не раз – но нет **прописей**, следуя которым человек может устроиться в государстве и в истории идеально раз и навсегда, даже христианский **монастырский Устав** не является идеальным правилом и законом (а если и является, то лишь для монахов, отказавшихся от полноты жизни). Хотя, с другой стороны, поэтические строки Николая Заболоцкого можно считать и *прописями*: *«Не позволяй душе лениться! / Чтоб в ступе воду не толочь, / Душа обязана трудиться И день и ночь, и день и ночь!»*

Тяжело жить в эпоху *безвременья*, когда уже умерли все смелые, чистые, умные, просветленные, зрячие и слышашие, а **новые живые** еще не успели нарасти, возможно, они начнут свое служение лет через десять.

«Злая воля атеистов и русофобов лишила большую часть русского народа дорогих нам могил наших предков» – и не только могил, но и памяти о прошлом, прекрасных дворцов в городах и храмов и усадебных построек в сельской местности, изуродовала поверхность наших земель на всем российском пространстве. Вы, городские жители, родившиеся и выросшие на асфальте, и реки и озера видящие только по телевизору, меня не поймете – а ведь для **подлинного человека**, как я, русская природа – это плоть и кровь моего тела и моей души. И я причащаюсь не к «хлебу и вину, вкушая которые, верующий **причащается**, как он думает, Самого Тела и Крови Иисуса Христа во оставление грехов и в Жизнь Вечную», но я **приобщаюсь к культуре, истории и природе России** – вот без чего бессмысленно говорить о русскости. (И я хорошо понимаю, что советский человек, обзывая меня русофобом, защищает ТОЛЬКО дорогие его сердцу эксперименты над свободным человеком в древнем Китае, в древней Месопотамии, в нацистской Германии и большевистской России). Реки крови пролились и костями русских людей устелена русская земля – но по чьей вине, кто до этого довел и оставил безоружным русский народ в сорок первом году? Людоед Сталин, наследник такого же людоеда Ленина. **Без осуждения Коммунистической революции и чудовищного эксперимента над Россией мы не очнемся, не исправимся и у нас не будет достойного будущего.**)

Но не исчерпывается современная русская культура **коммунистической культурой и ее детьми**, являются ли они «детьми Арбата» как Анатолий Рыбаков и Булат Окуджава, или *простые* москвичи, как Андрей Вознесенский (1933 - 2010), или родились «на набережной» Москвы-реки, как Юрий Трифонов (1925 - 1981), или в Калуге, как Станислав Куняев, причисляющий себя неизвестно почему к «*детям победы*», 1931, – над кем и кого?

Есть еще и Владимир **Солоухин**, родившийся если не на *Владимирских проселках*, то, возможно, на краю крестьянского пшеничного поля, его жена Рая (Роза) Заседателева-Солоухина, родившаяся в Орловской деревне в учительской семье, петербуржец Илья Глазунов, возможно, родившийся в библиотеке Академии художеств, Владимир Тендряков, Василий Белов, Валентин Распутин, Александр Солженицын, Твардовский, Шафаревич, Астафьев, Валентин Иванов, Владимир Дудинцев, Шукшин, Борис Можжевельник... нас немало, но попрошусь и я в их компанию, возможно, они меня примут, а посему припишу и еще стихи... все равно русско-советских я не образумлю...

Философ глядит на мир и создает **зрительный образ мира**. А роман создается сознанием, опирается на *речь и слово, на слух, осязание и даже на ощущение вкуса* – разве роман не более полный образ мира?

Мы верим, что мир состоит из воображаемых (зрением?) атомов, но не вернее ли ему состоять из подлинно слышимых звуков? А уж представление о **Творце** не значительно ли больше образа дерева, облака, ручья, озера или леса?

Следовательно, рассуждая о мире, надо исходить из всего того, на что опирается наше рассуждение: а оно состоит из чувственных (во всей их разнообразности) впечатлений и образов, из воспоминаний и из представлений, которые возникают в сознании, но не даются непосредственно в ощущении, например, меньше-больше, дальше-ближе и так далее...

Ну и хватит философии, закончу я свою книгу, временами слишком печальную, стихами...

Ноябрь 23 года

Уныние, безвременье, печаль.
Всяк безучастен – но и мне не жаль
Ни каждого, ни всех, ни тех, кто ближе...
И ссадины, ушибы, чет-нечет,
Признание, удача, лесть, почет –
Мне все равно, что рядом, что в Париже...

Промерзшая засохшая земля...
Последние с листвою тополя...

Май 23 года

Завяли уж нарциссы, вчера их сорвал,
Были и пахучи, и юны.
Ветер с моря катит, двенадцатый вал...
Пыль летит с востока, монголы и гунны...
Все не так, как надо, поэзия врёт,
Сердце бьется слабо, слезятся глаза.
Воротник рубашки застегнутый жмет,
Кто-то, словно враг, стоит у ворот.
Душно. Сердце тянет. Будет гроза.
Но ведь жизнь не кончена? Все впереди?

Если бы мы не разговаривали, не спорили, не размышляли, не надеялись, не страдали, не верили и не заблуждались, то мир бы одичал – хотя и справедливо, что от наших разговоров, слез, надежд и даже от того, что мы пишем книги, мало что меняется в мире, чаще ничего не изменяется, гораздо меньше, чем от единоличного решения диктатора начать войну. Если он ее выигрывает, его носят на руках, не вспоминая погибших, если он ее проигрывает, его иногда заменяют на такого же бездарного – но народы никогда не винят себя за собственную глупость и ничему не хотят учиться у жизни и истории...

Дмитрий Сапрыкин. Большевики: развитие или регресс?

Существует мнение, что только в советское время Россия совершила решающий рывок в своем научно-техническом и промышленном развитии.

Надо понимать, что для того, чтобы добиться выдающихся достижений в области технологий, здравоохранения и образования, нужна работа в течение десятилетий. Подобные исторические достижения являются результатом не одномоментных действий государственной власти, а большой совместной работы тысяч людей и последовательной государственной политики на протяжении нескольких поколений. Тем не менее есть отдельные исторические периоды решающих рывков, когда развитие идет наиболее интенсивно и закладывается основа для дальнейшего движения страны на многие десятилетия вперед. И при Николае II Россия как раз и совершила такой рывок, или прорыв, – в науке, образовании и промышленности.

И русская наука возникла не в советские времена, и даже не при Николае II. К началу царствования Николая II в России уже были серьезные научные школы во многих областях. Но после восшествия Государя на престол в 1894 году началась волна преобразований в высших учебных заведениях и создание новых институтов. Была проведена реформа высшей школы, потом средней школы, а с 1906–1907 годов – и системы начального образования. В образование были вложены большие деньги, как государственные, так и частные. Было создано много новых институтов, лабораторий, школ. Все это, конечно, было результатом определенных политических решений, консенсуса государственной элиты и образованного слоя. именно этот период – царствование Николая II – как в науке, так и в промышленности был периодом наибольших достижений.

В научных областях, суливших наибольшие практические перспективы, развитие было наиболее быстрым.

Российская империя накануне революции была великой научной державой, одной из немногих стран, которая имела выдающихся представителей практически во всех научных областях. В тех научных областях, которые сулили наибольшие практические перспективы, развитие было наиболее быстрым: это и прикладная механика, и химия с наукой о материалах, и биология с приложениями к медицине и сельскому хозяйству. Успехи русских ученых в биологических науках были отмечены двумя Нобелевскими премиями – И.П. Павлову и И.И. Мечникову. Российская научная школа занимала сильные позиции и в большинстве бурно развивавшихся тогда направлений биологии, и в зарождавшейся тогда генетике и нейрофизиологии. кроме школы Павлова была школа Н.Е. Введенского, к которой принадлежал князь А.А. Ухтомский. В области генетики и селекции в 1910–1920-е годы едва ли в какой-то другой стране мира было такое выдающееся созвездие ученых: Н.И.Вавилов, А.С.Серебровский, С.С. Четвериков, Г.Д. Карпеченко, перед революцией только начавшие путь в науку, были учениками уже всемирно известных тогда ученых Н.К. Кольцова, С.И. Жегалова, Д.Н.Прянишникова.

В 1915 году в России должен был состояться Мировой химический конгресс. Это было признание достижений русской химии во всемирном

масштабе, во всех областях этой науки, в физической химии, науке о материалах и металловедении, кристаллографии и т.д. В это время только Германия превосходила Россию по числу выдающихся химиков.

В математике и механике русская научная школа тоже относилась к числу сильнейших в мире. Причем накануне Первой мировой войны в науку пришли чрезвычайно сильно, богатое прорывными идеями новое поколение.

В Москве сложилась школа Н. Н. Лузина и Д. Ф. Егорова, а Санкт-Петербург был крупнейшей математической столицей мира. Сильные математические школы были в Казани, Киеве, Харькове, Варшаве и других центрах империи. Основные школы «советской» физики – школы академика Д. С. Рождественского, А. Ф. Иоффе, Л. И. Мандельштама и московская школа Лебедева–Лазарева–Вавилова – сложились накануне Первой мировой войны.

Значительная часть русских ученых и инженеров (в их числе создатель вертолетов Игорь Сикорский и знаменитый химик Ипатьев) после революции эмигрировала, и их вклад в развитие математики, механики, биологии, химии и «прорывных» технологий в США, Англии, Франции весьма значителен.

Обществу навязано мнение, что промышленность у нас была создана при Сталине, в эпоху ускоренной индустриализации, будто бы *«Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой»*. Эту фразу приписывают Уинстону Черчиллю, но на самом деле *ее выдумал известный марксист Исаак Дойчер* [советский агент в Англии], ибо в действительности большевики приняли страну с мощной машиностроительной, кораблестроительной, военной, электротехнической, химической, пищевой и текстильной промышленностью и с интенсивно развивающимся сельским хозяйством.

К началу Первой мировой войны в обрабатывающей промышленности Российской империи было около 400 крупнейших обрабатывающих заводов. примерно столько же было в Германии и Великобритании, а во Франции и Австро-Венгрии гораздо меньше. И примерно половина из русских промышленных гигантов созданы или достигли такого уровня именно в царствование Николая II. Причем значительная часть из них принадлежала к наукоемким отраслям – машиностроению, электротехнике, радиотехнике, химической промышленности, кораблестроению, авиастроению. ***Промышленный потенциал сложных производств (машиностроение, электротехника, химия), с которым Советский Союз вступил в Отечественную войну, фактически был тем же самым, что при Николае Втором.*** Например, порох, пушки и корабли, которыми воевали в Великую Отечественную войну, были произведены или изготовлены на заводах, построенных до 1917 года.

Во время Николая II был создан огромный горнопромышленный район юга России – **Донбасс**. Если говорить о сталинской индустриализации, то новых мощных предприятий в обрабатывающей промышленности появилось лишь несколько, это возведенные с помощью американцев Сталинградский и Челябинский тракторный заводы, автозаводы в Москве и Нижнем Новгороде, еще несколько крупных предприятий. Но в основном стройки сталинской индустриализации были сосредоточены в металлургии и добывающей промышленности. **90% предвоенного (до 41 года) потенциала обрабатывающей промышленности было создано еще до революции 1917 года.**

Россия тогда развивалась по интенсивному, а не по экстенсивному пути, по которому потом пошел Советский Союз. Дореволюционная Россия принадлежала к европейскому типу развития науки и технологий: была очень сильная инженерная школа, которая ставила и решала сложные технические задачи. Скажем, Россия и США были наиболее крупными нефтяными державами уже в конце XIX века. Но Соединенные Штаты шли по пути все большего наращивания добычи нефти, а Россия была впереди в нефтепереработке. Но потом **советская власть нанесла сильный удар по специалистам и компаниям, которые этим занимались, и поменяла свой вектор на проамериканский**. Хотя Русский профессор Степан Прокофьевич Тимошенко недаром стал в 1920–1930-е годы своего рода «гуру» для молодых американских инженеров. Однако мы начали копировать американские методы и устаревшие американские технологии как раз тогда, когда великие русские ученые и инженеры – В.Н. Ипатьев, И.И. Сикорский, С.П. Тимошенко, В.К.Зворыкин, И.И. Остромысленский и другие – помогли американцам создавать новый технологический уклад...

«Структура всеобщего образования появилась именно при Николае II»

– Возьмем систему подготовки инженеров. Самые сильные инженерные вузы были созданы в России в **основном в конце XIX – начале XX века**. Они до сих пор составляют костяк системы качественной подготовки инженеров в России, на Украине, в Прибалтике и даже в Польше.

В итоге **к началу Первой мировой войны в двадцатке ведущих инженерных вузов мира 8–9 были из Российской империи**. Если вы возьмете наиболее крупных деятелей советской промышленности, то все они были выпускниками вузов в основном между **1900 и 1930 годами**. В 1930 году эта система была сломлена. Вузы были расформированы и разделены на узкоспециальные институты с коротким курсом подготовки. Их стало много, и они готовили инженеров невысокой квалификации. Но в 1940-х годах произошло частичное возвращение к принципам системы инженерного образования до 1930 года, были созданы МФТИ, МИФИ, чуть позже Новосибирский государственный университет, другие вузы.

Однако существующая структура всеобщего образования появилась именно при Николае II в результате реформы, которая началась в **1906** году по его личному распоряжению и согласно его воле. был осуществлен грандиозный национальный проект – создание школьной сети, обеспечивающей общедоступность образования во всей империи. Причем в России при Николае II число школ увеличилось в полтора раза – **с 70 тысяч до 105 тысяч**. Тогда была поставлена задача обеспечить общедоступность начального образования. И чтобы каждый имел возможность получать образование и дальше. Реформа Столыпина–Кауфмана, которая была осуществлена по указанию Николая II, создала сеть школ, чтобы каждый ребенок мог дойти пешком до школы. Закончить создание этой сети запланировали к 1925 году, причем в европейской России эта работа была практически **закончена к 1917 году**. Революция лишь приостановила его на 5–7 лет – так же, как она обрушила промышленность. **Промышленное производство к 1920 году сократилось в семь раз**. То есть те проблемы,

которые советская власть потом **героически решала**, она же во многом сама и создала в результате революции и гражданской войны. **Началась «индустриализация» в 1929 году с того, что расстреляли тысячи русских инженеров** ..наши опытные специалисты были подвергнуты травле а вместо них **привлекли немецких и американских...** В то же время множество русских инженеров и ученых оказались за границей, в эмиграции. в 1929–1930-х годах из страны сбежали крупнейшие русские химики **В.Н. Ипатьев** и **А.Е. Чичибабин**. Первый из них – царский генерал и академик – стоял во главе химической промышленности Российской империи, а потом СССР в решающий период ее становления. После эмиграции он помог и становлению американской нефтехимической и полимерной промышленности.

Советской власти досталась одна из величайших стран мира. Построен **Транссиб** и **дорога на Мурманск** [зимой **1916-1917 годов, трудом вольнонаёмных, а не заключенных**]. созданы институты и школы, и наша страна не только смогла несколько лет с успехом вести тяжелейшую Первую мировую войну, но победила и в Великой Отечественной, не перестала существовать еще в 20-е годы XX века. В эпоху войн и революций Россия, ее образование и промышленность показали колоссальную устойчивость, способность восстанавливаться в таких условиях, которые, казалось бы, просто невозможно выдержать. **В этом прямая заслуга Николая Второго как выдающегося руководителя нашей страны.** *Дм. Сапрыкин*

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ?

Я пытаюсь понять **русскую историю 20-го столетия**, с 1914 по 2000 год – но нет никакого, даже самого нелепого **смысла** у 86-ти лет, то есть у целой человеческой жизни, не только напрасной, но существующей **ПРОТИВ ЖИЗНИ**, во имя ее уничтожения, являющейся **АНТИЖИЗНЬЮ**.

Если в столетие входят четыре поколения (то и 86 лет в него тоже входят – или одна полная жизнь), и было в Русской истории *сорок поколений после Крещения Руси (пусть и с татаро-монгольским игом и правнуком Чингиза Грозным)*, и в них *росла и обновлялась жизнь духа и тела народа*. Но для «советской власти» единственной целью было **уничтожение и убийство максимального количества ЛУЧШИХ**: офицеров и белогвардейцев в 1917 – 1920 годах, русских крестьян в Поволжье в 22 году, интеллигенции в 20-30 годах, **раскулачивание, расказачивание, истребление духовенства** и храмов, **ГОЛОДОМОР, Большой и Средний Террор, «Расстреляние, расстреляние, расстреляние», убийства и чистки по разнарядкам**, даже в собственной партии в 37-39 годах после Съезда Победителей **убито из четырех миллионов два с половиной, затем ВОЙНА и 40 миллионов жертв. ДЛЯ ЧЕГО? Создание стандартных людей, жизнь в Концлагере, но при всеобщем равенстве...**

Расцветает Яблоня, *усыпается цветами*, наливаются яблоки, и *Бог правды, истины и справедливости* говорит цветам: *может быть вы хоть один день в неделю будете трудиться, ствол и корни уже ворчат и обещают революцию, сколько, мол, нам еще трудиться на эту цветочную аристократию? И я не знаю, что делать, ведь и всё мире устроил Я несправедливо, вода бежит по виноградной лозе годы, но в вино превращается за одно лето!*

Преображение и деградация. Когда Солоухин встретился с Глазуновым, он был типичным советским человеком, коммунистом, верящим в идеалы советской власти и строительства коммунизма. В его романе «**Последняя ступень**» изумительно глубоко и достоверно показано духовное преобразование наивного русского человека, еще не растленного советской властью.

Человек, как и общество, **изменяив**. Что с ним происходит? Во-первых, он получает образование в школе и в высшем учебном учреждении, то есть он становится человеком **просвещенным** – и *это необходимая часть духовного преобразования и возвышения личности*, если речь идет о том, чтобы получить возможность и право ответить на вопрос: **Что есть истина?**

Станислав Юрьевич Куняев сравнивает Российскую империю с Советским Союзом времени Сталина, сравнивая поэзию Серебряного века с Советской поэзией – это то же самое, что попытаться увидеть целую жизнь человека, взглянув на его потное, разгоряченное после кровавой схватки тело, в котором ему оторвало снарядом руки и ноги.

Я бродил по Петрограду 60 с лишним лет, был на лестнице около квартиры на Лиговке, где жил некогда Лев Толстой, а позже была грязная коммунальная квартира, был в квартирах на Каменноостровском проспекте с разбитыми витражами, в подъездах домов на Большой Морской, где выломан мрамор на стенах, в Русском музее, в Эрмитаже, в Александринском театре, в Марининской опере – это все **осколки** громадного зеркала, в которое смотрелась Российская империя, и по ней я проездил от Валаама, Кижей, Соловков и Байкала до Ужгорода, в наследие миру мы оставили непревзойденную музыку, только одно 20-е столетие поражает именами Рахманинова, Скрябина, Стравинского, Римского-Корсакова, Прокофьева, Шаляпина, Дмитрия Смирнова, Собинова, Липиковской, Неждановой, Ивана Ершова, Забелы-Врубель, Вяльцевой, Плевицкой, писателей Льва Толстого (1910), Розанова, Мережковского, Бунина, Шмелева, Иванова-Разумника, поэтов Зинаиды Гиппиус, Александра Блока, Георгия Иванова, Есенина, Марины Цветаевой, Гумилёва, Ахматовой, философов Н.О.Лосского (Обоснование интуитивизма), Бердяева, Франка, Карсавина, Павла Флоренского, Сергея Булгакова, художников Нестерова, Малевича, Репина, Сурикова, Билибина, Врубеля, балетмейстера Фокина (Против течения), танцовщиков и танцовщиц Нижинского, Анны Павловой, Кшесинской, ученых Менделеева, Павлова, Ухтомского, Вернадского... Отсталость советской России проявилась и в том, что мы воевали **оружием, артиллерией и порохом** еще царской России, нашим транспортом были лошади и солдаты (в отчетах о потерях автомобилей в числе потерь практически не встречались - их не было).

Потери вследствие Революции – потери Гражданской и Отечественной войн, Голодоморов и Блокады и тридцатилетнего сталинского Тррора. Но наибольшее следствие тирании большевиков – **духовная деградация народа, потеря им своей песенной культуры, нравственное унижение и страх, вошедший в личность почти каждого и ставший ее природой**. Какими стали русские крестьяне после большевистского рабства? Пролетариат в городах, «пьющий и несущий с заводов и фабрик, что ни попадет под руку», способен ли теперь к новой революции? **Или Революция, Тррор и растление – это творчество интеллигенции, ставшей МАЛЫМ НАРОДОМ?**

Жизнь и Искусство: Живопись, Театр, Музыка

Неверно, что жизнь дана для самой себя, и ее стремления – главная ее ценность, Смысл жизни состоит в **исправлении мира, в следовании Долгу, в Служении Искусству, Культуре, народу, в рождении детей и в Постижении бытия. Жизнь осмыслена только как жизнь для других и для другого** – для искусства, науки, помощи нуждающимся. **Жизнь оправдана Заботой и Любовью.**

ПРОСЛАВЛЕНИЕ МУЗ

Саркофаг муз (II в. н. э. Лувр, Париж). Слева направо: Каллиопа (со свитком), Талия (с маской в руке), Эрато, Эвтерпа (с духовым музыкальным инструментом), Полигимния, Клио, Терпсихора (с кифарой), Урания (с жезлом и глобусом), Мельпомена (с театральной маской на голове)

МУЗЫКА, Поэзия и ТЕАТР

В. Ч.

Посвящение Ольге Пудовой

"Ах, Ольга, ты меня не любишь!"

Даже время подвластно любви,
ей покорны характер и воля...
Я влюблён – ты ее назови –
только имя! – намеком, не боле –

И я снова и дерзок и смел,
Мне подвластны созвучья, катрены,
Я – вздыхающий раб Мельпомены, –
О, когда бы и петь я умел!

Да, она – несравненна! Ей звуки
Повинуются. Голос и взгляд, –
Всё ей служит. Блаженство и муки,
Словно злато, принесть ей я рад.

Что скажу я про нежные очи,
Опасаясь нескромности? Нет,
Меркнет всё пред «Царицею Ночи»,
Время сердце влюбленное точит,
Умолкает и гордый поэт.

Александр Пушкин

О. МАССОН

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцелуем сладострастья
Ты, тревожа сердце в нас,
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим – но в сотый раз
Слышим твой коварный шепот,
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.
Ради резвого разврата,
Приаписеских затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюбленный плач –
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наверное назначь.

Ольга Пудова

В Мариинке она исполняет партии Людмилы («Руслан и Людмила» М. Глинки), Снегурочки, Шемаханской царицы, Царевны Лебедь («Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова), Соловья («Соловей» И. Стравинского), Царицы ночи («Волшебная флейта» В. А. Моцарта. Поет также в Венской, Парижской и Берлинской операх.

На встрече в «Доме журналистов» певица рассказала нам о начале своей карьеры, оказывается, певицей она стать не хотела, преподавательница пения вместе с директрисой Академии молодых певцов чуть не на коленях умоляла её хотя бы придти на одно занятие и послушать, как оно проходит. Девочка согласилась, просидела в зале два часа и в ее жизни произошел переворот, она поняла, что она хочет быть только певицей. Она победитель многих конкурсов, и в частности Лауреат специальной премии «За лучшее исполнение французского романса» Международного конкурса Елены Образцовой (Москва, 2006).

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕЙ КНИГЕ, ПО НЕПОСТИЖИМЫМ ПРИЧИНАМ ПОСТАВЛЕННОЕ В ЕЁ КОНЕЦ

Предисловие (или послесловие), хоть что-нибудь проясняющее читателю в сложной и запутанной книге, ему без сомнения необходимо, но если я буду писать его так, как мне приходит на ум, то никакой читатель после него ни одной страницы у меня не прочтет, а саму книгу выбросит на помойку, несмотря на то, что она на три четверти составлена из текстов гениальных писателей. Но зачем оно мне, предисловие (послесловие)?

Оправдания.

В Сборниках даже авторы с близкими взглядами пишут каждый о своем, в разное время и в разное настроение и один автор спорит с самим собою, и верно ли я излагаю, передаю то, что они думали и говорили, кажется сомнительным. Имею ли я право размещать их всех в одном собрании, как будто за одним столом в моей комнате? Несомненно, в воспоминаниях Автор рассказывает о встречах и разговорах так, как ему видится, редко приводит документы и свидетельства в подтверждение, что ему можно верить или не верить, но перед каким арбитром оспорить его видение и воспоминание?

Даже переводы с другого языка подвергаются сомнению, и спорят по поводу переводов «Божественной комедии» Данте, «Фауста» Гете, драм и стихов Шекспира и Шелли, а перевод Бальмонта окрестили *Шельмóнтом!* – но ведь не пристают к переводчикам с судебными исками?!

Как появился сей Сборник? Я для себя начал составлять собрание отрывков и цитат из выдающихся сочинений и моих воспоминаний о гениальных или необыкновенно интересных людях, с которыми был знаком, дружил, встречался, или с кем меня несло в общем потоке, например, Литературно-музыкальные вечера у нас дома, Кружок «Музыкальных сред» Ю.Б. Перепелкина, в котором блистали знаменитые артисты, вечера «За круглым столом» у Людмилы Петровны Жуковой на Кронверкской и затем на Пионерской, где блистали и Юрий Борисович и Владимир Иванович Мусатов; посетители музыкальных встреч Вадима Дмитриевича Любославского, участники «**Второй культуры**» (этот термин предложил именно я, и он стал всеобщим), прежде всего в связи с Борисом Останиным и журналом «Часы»; Философское общество Н. П. Ильина и Н.И.Калягина, Музыкальные вечера в Университете под руководством Кискачи.

Я хочу понять наше прошлое, историю мира (Средиземноморья и Европы) и еще больше я хочу понять самого себя, книга эта прежде всего обо мне, хотя я начал и до самого конца пытался ее создать как некое **Собрание великих людей и великих текстов**, себя назвав **Свидетелем** – я свидетель их всех, они существовали каждый в своей собственной профессиональной или общественной группе, историк Борис Александрович Рыбаков существовал среди историков и не встречался с Ландау, Капицей или Сахаровым, диссиденты спорили до хрипоты друг с другом на кухнях и пили водку, но меня занесло в каждую кухню, где спорили (какого соглядателя так заносит?!), в 97 году по какому-то случаю в Московском Союзе писателей состоялась изумительная пьянка (это я дал денег на водку, тогда у меня еще они были), и

даже те, кто обо мне ничего не знал, со мной обнимался, но все же издание Радзивилловской летописи и «России и Европы» Данилевского что-то говорило и самым необразованным, и сколько раз за меня поднимали тост, и Костя ***, который вскоре от меня отрекся (когда от меня отхлынула слава) меня прославлял. Но каким ветром в Москву занесло Вику, мою бывшую ученицу (в которую, когда ей было еще 13 лет, я влюбился), с ее мужем, они верили в мою звезду, и вдруг увидели, что она засияла (хотя вскоре погасла, как всякая падающая звезда в августе – а это ее двухлетняя дочь мне позже сказала: *Вася, хватит пить, иди домой!* ...

Сегодня, перебирая Интернет в поисках *Сборника 1922 года* (следующего после ВЕХ), споткнулся о Юру Колкера, собравшего когда-то ВСЕ стихи Ходасевича («*Пробочка под йодом крепким, как ты скоро перетлела! Так вот и душа незримо Жжет и разъедает тело...*») - и он у меня в квартире проводил **первый свой вечер, посвященный Ходасевичу** – и вдруг именно он пишет о всех семи авторах Вех, исчерпывающе и остроумно... хотя он уже давно в Европе, признан и знаменит... И я окончательно понимаю, что вся эта книга была задумана не мною, а Высшие силы решили в конце концов прислать современным последним мыслящим русским людям **Чтения о современной Русской истории** с полным объяснением причин Русской революции и победы марксизма и псевдофилософского учения о Диктатуре и жизни в казарме и работе в военизированных коммунах как окончательном идеальном социалистическом (коммунистическом) обществе, превращенном в **машину** и разрешающем будто бы все мечты человечества о справедливости и счастье.

Колкер пишет о предпосылках этого эксперимента и его завершении.

«В 1991 году *единственно-правильное марксистско-ленинское учение* – словно ветром сдуло, и на его место, как Иванушка на печи, въехало русское православие. Почва была готова. Вчерашние кагэбешники с Лубянки, не отмыв рук от крови, но уже украв миллиарды, истово крестятся и бьют поклоны перед чудотворными иконами. Ханжество царит апокалиптическое. Комсомольцы стали богомольцами не моргнув глазом, не осознав перемены, на другой день после смены вывески. Все, как один, уверяют, что и раньше веровали. Осмысление Бога в массах воцерковленных недоучек с высшим образованием едва поднимается над таковым у русских крестьян царского времени, для которых Троица была Христос, Богородица и Никола Угодник. Главное – крест нацепить да свечку поставить, а еще важнее твердить: я – русский. Таковы оказались на проверку вчерашние интернационалисты, строители светлого будущего всего человечества.»

Истина, как это еще Мартин Лютер говорил, нелюбима, не льстит никому; но всё-таки мысль человеческая всегда занята тем, чтобы к истине приблизиться. Сделаем шагок и мы: скажем, что простонародье – всегда в своей массе хуже людей образованных. Справедливо это для любого народа, но урок нам преподала Россия. Пресловутый «русский народ» оказался в сто раз хуже дрянной «русской интеллигенции»: вот чего не понимали веховцы. ГУЛАГ не оставил в этом никаких сомнений. Измыслили ГУЛАГ революционеры, *выходцы* из интеллигенции, ее *детки-выродки*; осуществил ГУЛАГ,

принял в душу и поднял на свои богатырские плечи эту небывалую в истории подлость – тот самый «народ-богоносец», вольноотпущенник в третьем поколении. Он, а не интеллигенция, сладострастно упивался жестокостью, сделал пытку и убийство рутинной. Отличительной особенностью сталинских пыточных камер было как раз *издевательство черни над образованными людьми*; был же осужден человек как ассиро-вавилонский шпион; сидел с таким приговором; это не выдумка. На смену романтику, осужденному веховцами, пришел изувер-мещанин, изувер-обыватель, имя же ему легион. Народ-метафизик, мужик-христофор оказался не то что христо-продавцем, он не смог понять даже *азбуки любой метафизики: сострадания*.

Но этот «русский народ» – не был Россией. Гнилая, никчемная, завравшаяся, но совестливая и прекраснородушная русская интеллигенция – была, а он – не был. Не имел к России отношения. Гнилая интеллигенция стала черноземом для великой литературы, для прекрасной музыки и живописи. Она страдала. Она обнимала ноги «народу». Народ молчал, потому что *не понимал ни слова*. Когда в его темном сознании что-то зашевелилось, пинком ноги он столкнул интеллигенцию (читай: Россию) с обрыва, прошелся гоголем перед всем миром («я самый передовой и научный!») и принялся торговать нефтью и газом. У сегодняшних русских – столько же прав на Пушкина и Толстого, сколько у сегодняшних греков – на Парфенон.

Веховцы осудили лозунг «Долой самодержавие!», осторожно произнесли «Долой интеллигенцию!», но не могли и вообразить того, что вскоре сказала сама история: «Долой народ!» Без *народопоклонства* (спору нет, очень русского и славянофильского, но по происхождению – всё-таки французского, из 1789 года вынесенного, у Гюго вычитанного) не было бы ни большевизма... ни фашизма, ни нацизма. Народопоклонство – вот что сожгло Россию, оставив от нее рожки да ножки.»

«Россия не удалась» – сказал Владимир Вейдле, православный патриот, русский европеец, последний блистательный представитель России веховцев, которой больше нет. Сказал в советские времена, *когда еще была надежда* – в духе той, с которой носилась *гнилая интеллигенция веховцев: скинуть ярмо – и всё само собою наладится*. Сейчас, когда осталась только самодовольная чернь, *не видно ярма, которое следовало бы скинуть*. Нет и надежды.

Через всех тех, с кем столкнула меня судьба, я пытаюсь понять не столько Россию и Русский народ, сколько себя самого, главная моя особенность в том, что меня занесло во все кухни, во все щели, во все камеры и сумасшедшие дома, в Берлин и в Будапешт, в Прагу и в Варшаву, в келью средневекового монастыря в Кракове, в келью игумена Авраамия в Святодуховом монастыре Вильнюса, а котором отмолили Мицкевича, на заседание общества его имени в Минске, где я подарил им Летопись, а они меня поили самогонкой и Сашенька меня поцеловала... вот основная странность моей жизни: я оказался **сопричастен** всем выдающимся культурным событиям и движениям, всем подлинно выдающимся людям, создавшим сердцевину истории ... меня несло ветром и голос мне говорил: **Иди и смотри!** Всё я не запомнил, но вспоминая, я вспомнил достаточно, чтобы сама собою возникла эта КНИГА –

своеобразный литературно-философский **ПОЛИЛОГ ИСТОРИИ**. Почти все они уже умерли, спрашивал я у них разрешения их соединить, неуместно меня спрашивать, они рядом со мною спорили и писали, каждый из них, как и я, пытался понять, кто он сам и что такое Русский народ, среди которого мы живём и что такое Россия. Мы ею все болели или болеем, как брошенные мужья или отвергнутые любовники... нет, нет – как **ее дети, преданные и распятые**. У Израиля ОДИН такой был, Мессия Иисус, а мы, **несчастные русские дети**, преданы и прошли через Голгофу ВСЕ. Вот Игорь Ростиславович, академик математики, все его книги напечатаны, их читают, о них спорят, но **что его мучает?** То же, что и Иванова-Разумника за сто лет до него: **Жива ли еще «Большая Россия»,** выживет ли, встанет ли с смертного одра?

Мы сегодня делимся на две части, на *горестно страдающих русских* и на *верно-подданных патриотов*, которые своей родиной считали СССР, но кроме мудрого и великого Иосифа Сталина, принимали еще и Ивана Грозного, и Петра Первого, и без трепета вернулись в православный храм вместе с постсоветским царем.

Что Россия больна, что она может уже при нашей жизни испустить дух, они не верят, они думают, что на их жизнь нефти и газа хватит, и даже если мы станем провинцией Пекина или Вашингтона, это не важно, были монархией, стали *советией*, им хуже не было. Они же советские люди, ни русская кровь ни русская культура через них не протекали.

Если не надеяться на чудо, и если оно не случится, то уже через десять лет России не будет – так он тогда думал... и так и я иногда думаю. **И так как и ему и мне без России никакого иного не виделось в жизни смысла,** то оставалось воображать нечто совсем невероятное, как в моем романе «Боль и любовь» – жизнь после смерти (Второй Ледовый поход).

«ИЗ ГЛУБИНЫ. Сборник статей о русской революции» – заключительная часть «трилогии», в которую входят «Проблемы идеализма» и «Вехи».

Как и предшествующие сборники, является попыткой не только осмысления исторической ситуации, но и опытом критического самопознания видных представителей русской интеллигенции. Авторами сборника являются авторы «Вех»: Н.А.Бердяев («Духи русской революции»), С.Н.Булгаков («На пиру богов. Про и contra. Современные диалоги»), А.С.Изгоев («Социализм, культура и большевизм»), П.Б.Струве («Исторический смысл русской революции и национальные задачи»), С.Л.Франк («De profundis»). В сборнике приняли участие также С.А.Аскольдов (Алексеев) («Религиозный смысл русской революции»), Вяч. Иванов («Наш язык»), С.А.Котляревский («Оздоровление»), В.Н.-Муравьев («Рев племени»), П.И.Новгородцев («О путях и задачах русской интеллигенции») и И.А.Покровский («Перуново заклятье»). Инициатива издания сборника принадлежала Струве... Сборник находился в печати еще в августе 1918, но лишь в 1921 году рабочие типографии ... начали его печатать и пустили в продажу. Однако тираж был уничтожен, и лишь один экземпляр Бердяеву удалось в 1922 вывезти за границу – с него в 1967 сборник был переиздан в парижском издательстве «УМСА-Press».

Последнее издание сборн. «Из глубины» – «Вехи. Из глубины». М., 1991.

Сборник посвящен проблемам русской революции и – через нее – всей русской истории на протяжении почти десяти столетий. Авторы, как отмечает Струве в «предисловии издателя», исповедуют единые идеологические и религиозно-философские взгляды. Они подчеркивают преемственность с идеями, высказанными в «Вехах», считая, что *не услышанные в свое время предсказания «Вех» теперь сбылись*. Причина постигшей Россию катастрофы, по мнению авторов, заключается во всестороннем кризисе, который явственно ощущался в предыдущие 10–20 лет, а подготавливался всей предшествовавшей историей страны, причем особенно интенсивно в последние 100 лет. Прежде всего, это *кризис религиозный*, духовный, нравственный, культурный, социально-экономический. В конечном счете русская революция – это победа антихристианских сил, ... того языческого начала, которое в свое время было низвергнуто, но не побеждено ... т.е. загнано внутрь, в «подполье», и теперь пытается взять реванш. ... Из всего комплекса причин русской революции особо выделяются **1-я мировая война** и реакция на нее со стороны различных слоев русского общества (особенно интеллигенции). *В.В.Савов*

Игорь Ростиславович причины русского растления списывал на **Малый народ**, и надеялся, что *в Большом народе еще есть силы для воскресения*, но незадолго до смерти в интервью Холмогорову он сказал: ***А может быть и прав мой тварищ, который уверяет меня, что Большой русский народ еще хуже Малого?***

Жаль, что это я разрушал его последнюю иллюзию, тем более что я теперь думаю иначе, почти так же как он, и уверен, что Россию и впрямь ныне губит Малый народ, который не является ни русским, ни инородческим, ни еврейским, это тот народ, о котором писал французский историк Кошон, идею которого Шафаревич и использовал для объяснения гибели России в **1917** году, в **1991** и в Новейшее время. Повторю то, что я уже и ранее писал, но с точки зрения последнего усилия разглядеть загадочный Туман Истории и Философии, через которые мы пытаемся объяснить нашу жизнь и историю Европы и России, а теперь уже и мира в целом.

В своем объяснении нашего исторического и даже обыденного бытия я попробую рассуждать несколько иначе, чем нормально мыслящий человек, а именно – я вспоминаю, что я математик, и буду рассуждать так, словно я решаю математическую задачу, связанную с конфигурацией бытия и поведением времени. Для этого мне пришлось подвергнуть ревизии исторически сложившуюся Философию, от Демокрита до Ньютона, и сформулировать несколько своего рода Законов **Новой философии** – их я изложу несколько позже, в своей новой книге, которая пока витанцовывается на раскаленных углях истории. Пока же я обойдусь без философии, и ограничусь математикой и Учением Виноградова о языке, его основным понятием о Личности (о чем неоднократно, хотя и бессистемно) я уже писал..

Если только история XX-го столетия не была заранее придумана в заоблачных высях как страшный эксперимент для Европы или как План уничтожения России и русского народа? *И потому даже лучшие были бессильны сопротивляться этому дьявольскому плану.?*

Какие основные реальности предстают нашему Сознанию?

Само **сознание** и **размышление о нем**, то есть *сознание сознания*, то есть «**самосознание**».

Мир как совокупность предметов, предстающих сознанию: Земля, Быт (повседневность), Небо и Космос; и *Бытие как последовательность временных событий* в нашей личной и общественной жизни, в обществе, государстве, Европе, в Солнечной системе и в Космосе

Личность, Семья и Общество, Народ и Государство

Творец мироздания и Бытия, то есть Бог (он же Творец существования, сознания, человека, мира, времени, Природы, **смысла**).

Мы ищем смысл жизни, истину как некое центральное объяснение сущего (то есть его смысла). **Смысл – это лейтмотив сознания.**

Пока я знаю достоверно только то, что сказал Протагор, то есть что *Человек есть мера существования всех вещей, сущих – в том, что они существуют, и не сущих, в том, что они не существуют.*

Декарт добавил к этому, что «*Я мыслю, следовательно, я существую*». Так как «я мыслю» и является самосознанием, то мерой существования каждого Я является его самосознание, по крайней мере способность осознавать, существует он сам или не существует.

Кое что человек наблюдает во внешнем мире, то есть узнает при наблюдении, опытным путем, но многое еще более важное он формулирует через размышление, то есть находит в самосознании. Сознание (размышление) человек не изобретает, даже если он и узнает язык постепенно опытным путем (если), и если он и учится размышлять при взрослении, в разговорах, при чтении книг, то он учится тому, что уже является собственностью всех мыслящих, он не изобретает сознание, оно в него уже готовое вложено, он только учится им пользоваться. Так он научается пользоваться всем остальным: ползать, ходить, говорить, писать, читать, полоть грядки, готовить обед, косить, ездить на велосипеде, управлять автомобилем. Размышляя, человек узнает много нового, чего он даже еще не узнал в школе, Лицее, университете, учебниках наук, в философии и в математике. Все то, что он узнает, он находит в сознании, легко или более сложно (непосредственно или при помощи рассуждений и умозаключений). Но быть может, даже умозаключения он находит в сознании уже существующим и готовым, а не изобретает их, не создает (как он создает например из куска дерева, вырезая ножом, ложку).

Таким образом, и всё **содержание наук мы находим в сознании.**

Таким образом, Таблицу химических элементов Менделеев НЕ сочинил, не придумал, она и приснилась ему потому, что уже существовала в сознании.

Итак, **СОЗНАНИЕ** – это и **духовное основание бытия Личности** и, через личность, **духовное основание Бытия Народа, Мира и Бога (ибо человек – мера вещей)**. Разумеется, Бог-Творец и является основанием Мира, Природы, Человека и человеческого сознания – но **мышление** формирует (создает, изменяет, уточняет) **ЯЗЫК**, а изменения в языке позволяют понимать *сущее* более глубоко. Так и **сознание** восходит к *пониманию* (т.е. в конечном счете к созданию лично Бога, все более близкого к общему «подлиннику»).

28 дек., суббота. Вчера я ходил в «Новогоднюю баню», а потом сидел в метро с книгой Шафаревича *«Записки экстремиста»* и думал о том, что фильм Рязанова «С легким паром», который нас восхищал, все же *«руссофобский»* и пора знаменитую книгу Шафаревича мне прочитать, и вдруг рядом села *девушка* с смартфоном, я повернулся к ней и испытал нечто вроде *«вознесения»*, как Савл при встрече с Иисусом Христом по дороге в Дамаск.

«Однажды мимо меня в вестибюле Матмеха прошла красавица, – сказал я ей, – а каков я сам, я тогда даже и не думал, но верил, что когда она пойдет обратно, между нами вспыхнет какой-то необыкновенный *роман*. Так и случилось. И вот с тех пор прошло *шестьдесят лет*, сегодня я еду в метро пьяный и мокрый из бани, более неблагоприятных условий для начала разговора с красавицей ни черт ни Бог не могли бы мне предложить – *но ждать еще 60 лет я уже не могу*, придется броситься с обрыва или выброститься из вагона. Как сказали бы в Америке, *вы выглядите на сто миллионов долларов*, и если решитесь мне ответить, то начну с вопроса: *Вы уже не школьница?*

«Я уже окончила университет!» – удивленно ответила она.

«Если интеллигенция была *страшно далека от народа*, потому что народ был безграмотным, то мы уже рядом хотя бы в вестибюле университета, но если верить Тургеневу, что даже отцы и дети противоположны, то они ближе, чем мы, ибо нас разделяет целая эпоха. Может быть, мне не ходить в баню?

– *Попробуйте что-то сделать с лишней эпохой, разделяющей нас.*

– Значит, это задание на дом для переэкзаменовки, а чтобы вам было легче ждать моего возвращения, откройте сайт, на котором размещены мои книги.

Благодаря вам я обретаю уверенность, что и остальные задачи, которые предложила мне жизнь, *я сумею и успею решить* и мне рано впадать в отчаяние. Я знал, что женская красота – то же, что гениальность, именно поэтому не побоялся *с вами заговорить*. И надеюсь на встречу в Новом году...

Красавица помахала мне рукой и выпорхнула из вагона.

Конец декабря - начало января, надежды и сомнения во мне соединены словно бы поровну, я и здоров и не здоров, мне то хорошо, то плохо, иногда я надеюсь дописать свои философские романы и хотя бы отчасти повлиять на мир, но чаще всего понимаю, что ничего и нигде я уже не сумею изменить, ни в себе ни в мире. И даже мои сочинения не будут востребованы, их НЕ напечатают, не предложат для чтения, и ни один счастливый читатель не дочитает до конца ни одну мою книгу. Эта мысль наполняет меня ужасом.

Многое зависит от случая. Шафаревич стал знаменитым математиком, вошел в компанию известных диссидентов: Солженицына, Сахарова, Солоухина, Бородин... участвовал вместе с Солженицыным в издании сборника «Из под глыб», вошел в благоприятную эпоху так называемой «перестройки» (новой Оттепели), затем в эпоху передела власти и имущества, когда разрешили *и воровать и писать*... Точно так же Солженицын пришелся ко двору в первой Оттепели, затем вошел в круг диссидентов, включающий еще и Ростроповича, а Солоухин стал сначала знаменит как «почти советский писатель», потом тоже стал «диссидентом» и вошел вместе с ними в мой Круг «**Светочей Русского самосознания**»... Но изменить мир ни они, ни мы вместе, увы, не сумеем. Необходимо чудо! Но может ли человек подняться до **чуда и Бога?**

СВИДЕТЕЛЬ. Эта книга странная. Хорошо или плохо она написана, я не знаю, возможно, еще остались два-три **не** молодых читателя, которые ее в состоянии прочитать и оценить, но будут ли они не субъективны, я не знаю. Написана она десятками авторов, которых я цитирую, авторы эти пишут глубоко, сострадая человеку, стране, культуре и народу, но от того, как я соединил чужие тексты, зависит впечатление книги на читателя. Вот что я имею в виду, говоря, что мне не ясно, хорошо или плохо она написана.

Кроме того, трудно оценить мнение условного усредненного читателя.

Даже если их всего наберется десять человек, мне трудно их оценить.

Представим себе, что передо мною обычный класс средней школы или семинар группы студентов на МатМехе Петербургского университета, в котором я учился, когда он еще был университетом Ленинградским.

Россия, о которой я вспоминаю и о которой создал нечто вроде хрестоматии, в некотором отношении представляет собою или бело-гвардейского офицера (обычный читатель сочувствия к такому герою, как и к условному гитлеровцу, конечно не имеет). Или эта Россия – уже постаревшая барыня, пропившая или проигравшая свое наследство, некогда роскошное поместье (которое сгорело), некогда роскошная листовичная роща (которую давно вырубил и продал немцам или китайцам) – хотя сожгли и продали большевики и русские крестьяне, но читатель такими тонкостями пренебрегает; или это дворянские наследники, пришедшие на свое родовое пепелище, может быть, праправнуки Тургенева, Толстого, Мельникова-Печерского, Лескова, Пришвина, Бунина... Что они обнаружат на пепелище, о чем они вспоминают? Россия состояла *из людей* давнего прошлого, которые почти все исчезли и память о них исчезла, состояла из усадеб и городских дворцов или квартир в старых Петербургских домах, из множества предметов, которые в том числе составляли ту исчезнувшую жизнь: лестницы в домах, красивые, часто с мраморными интерьерами, с окнами и витражами, красивыми площадками и красивыми дубовыми дверями, ведущими в эти квартиры. Я побывал на **ТЫСЯЧАХ** лестниц и видел то, о чем пишу и что стоит оплакивать. Конечно, у крестьян и матросов и заводских рабочих не могло быть таких квартир, лестниц, дверей, стен, дворов, о которых стоило бы жалеть. Крестьяне были бедными, дворяне и аристократы, тем более купцы и члены императорских фамилий были богатыми. То, чем они владели, называется *матерьяльной культурой*, если бы все население бывших империй и даже мелких королевств состояло только из бедных (крестьян и рабочих, ямщиков и мастеровых, столяров и плотников), то сегодня у нас не было бы музеев и в них тех роскошных предметов, о которых я говорю. Не было бы и театров и музыкальных произведений, живописных полотен и толстых и тонких книг, предметов искусства, даже обычных медных подсвечников, с которыми ходила прислуга, не было бы ученых и философов, не было бы даже таких согладатаев и свидетелей, как я. Чудовищно то, что **хотя и Революция, и безумное уничтожение народов, людей и человеческих масс ВНЕ** подлинной исторической действительности, все произошедшее таково, что оно подобно только **СНУ ПАРАНОИКА**, но десятки миллионов подлинных людей **согласились в этом СНЕ участвовать вчера и оправдывают его сегодня!!!**

НО СВИДЕТЕЛЬ ЛИ Я? Я держал в руках подсвечники, которые нашел в подвалах утильсырья, куда сдавали старую бумагу (и иногда старые книги), медный и бронзовый хлам, иногда картины, старые пластинки, громадный рулон чертежей Днепрогэса, выполненный Бельгийской строительной фирмой (я его разворачивал) – но естественно, что я не смог этот рулон купить – да если бы и смог (не так уж и дорого, две копейки за килограмм, по такой цене я приобрел и Альбом Зинаиды Серебряковой и пластинки с записями Вари Паниной – но в какой шкаф я бы его засунул, если у меня и квартиры долго не было? Юрий Борисович таскал домой все то, что находил на улицах, у него были и записи Шалапина... И посетители Музыкальных Сред с трудом протискивались среди всего найденного, заполняющего его двухкомнатную квартиру). Я был в комнате (одной из комнат бывшей шикарной квартиры адвоката), где жила Варвара Георгиевна, брата которой, кадета, утопил Урицкий, любовник певицы Плевицкой.. Урицкий был евреем – но и Каннегисер, застреливший его (чтобы **искупить вину своей нации за содеянное евреями-большевиками**) тоже был евреем... **а русские искупляли вину своей нации за содеянное русскими-большевиками?**

Еще оставались старые квартиры и старая мебель (несмотря на **Блокаду**, не всю старую мебель сожгли) – и я однажды купил Книжный шкаф из двух частей, который привез в комнату на Литейном, *которую арендовал*, этот шкаф был вдвое больше Рояля!!! – и мы его подняли через окно на пятый этаж! А сколько девушек я провожал вечерами и стоял у окна на их лестницах! Петербург меня пропитал насквозь, все его улицы, мостовые, подъезды, лестницы, подоконники, паркетные полы, обои, фарфор, бронза, люстры, шторы, раздвижные перегородки, антресоли, даже полы, старинные замки и ключи, ... весь его старый быт вошел в меня, как входят в состав тела вода и вино... Я – исключение из всех правил, единицы еще остались из тех жителей, которые воистину вплетались в бытийную ткань города с его бесчисленными подробностями и деталями, **я – последний**. Я ведь и в старинный Монастырь в Кракове входил, открывая дверь в чугунной ограде бронзовым почти полуметровым ключом! А я там прожил целую неделю и по утрам меня будили на завтрак, не заставляя ходить на утреннюю молитву. О, святые отцы-монахи! Мне тогда было только тридцать лет, сомнительно, чтобы кто-то из тех еще был жив. (О, Боже, да ведь это было

Жаль, что безумная власть уничтожает старую архитектуру, дворцы и доходные дома – необъяснимая ненависть смердов к патрициям (и в мире вещей та же ненависть)... – но и старые вещи, особенно ручной работы, и одежду, и мебель, и предметы обихода – **жаль, жаль, жаль!!!**

Коллекционировать можно было бы многое, но я не был богат, пропадали люстры (кто их мог повесить в своей квартире?), большие живописные полотна, паркет, обычные кирпичи с монограммами, покрытия мостовых, цепи, ворота, калитки, ограды... Расстреляны были не только **десятки миллионов невиновых** и чаще всего достойнейших людей, **расстреляна** или просто умерла от небрежения **достойная среда обитания**, даже Природа, обычная дикая природа за окнами деревень почти вся уничтожена. **Я вчера тоже жил – НО Я НЕ МОГУ ПОДТВЕРДИТЬ, ЧТО БЫВШЕЕ ЯВЛЯЛОСЬ ЖИЗНЬЮ.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. Зинаида Серебрякова (Лансере)	3
Девичий альбом начала века	3
Счастье. Трагедия. Франция 1924 – 1957. Мистерия и жизнь	7
Заключение. Всемирная слава. Чудо как часть жизни	27
Часть 2 ОДА ПАМЯТИ	40
Н. И. Калягин. Последний романтик (Аполлон Григорьев.)	52
Памяти друзей (Н. И. Калягин. А. И. Михайлов. Г. Н. Ионин. Ильин Н. П.)	72
Г. М. Прохоров. Крестообразность времени Лихие девяностые	76
Сообщество друзей Радзивиловской Летописи.	84
М. П. Чернышева. Природа времени	89
В. И. Чернышев. Ю. Б. Перепелкин. Казимир Лавринович и «наши»...	96
В. И. Чернышев. Саша Михайлов и «оправдание лучших»	105
Т. А. Шумовский. И. Г. Шафаревич. Д. С. Лихачев.	114
М. В. Кукушкина. Предисловие к изданию Радзивиловской летописи	120
Д. В.. Чернышев. Отрывок из «Путешествия в страну снов! Стихи	121
ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ. Статьи из газет	125
«Криминальный вестник». Я верю в свою звезду. Интервью	129
Газета «Въра». Рентгенология русской души	132
Дополнения к истории. Метафизика девяностых	140
.....Часть 3 "ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ" МАЛЕВИЧА	153
4-33 и Черный квадрат.	157
Число как Мера Множества. Пустое множество	164
Полина, ее друзья и Новая музыка. Разговор о языках искусства	172
Часть 4. РУССКИЕ ГЕНИИ	176
Воспоминания и рассуждения на скользком льду	177
Шафаревич – великий русский.	199
Солженицын. На возврате дыхания и сознания	208
Часть 5. Светочи русского самосознания	223
Владимир Солоухин: «Я не хочу ...»	225
Художник Илья Глазунов	227
Владимир Солоухин. ("Последняя ступень") Встать, Суд идет!..	237
Агрессивный патриотизм. Размышления о русской истории	240
Олег Волков. Погружение во тьму.	252
Вл. Солоухин. Сергей Есенин. СТИХИ	258
Семён Бадаш. Открытое письмо Солженицыну.	260
Л. И. Бородин. (Памяти И. С. Глазунова). Глазунов и Солоухин	263
В.. Чернышев. Игорь Огурцов. ВСХСОН. (Жаль, слишком кратко. ВИ.).	271
Илья Глазунов и Владимир Солоухин. «Последняя Ступень»	278
Я (В.Чернышев) – как Свидетель	284
Роза Заседателева-Солоухина..	287
И. Глазунов. Нина Александровна Виноградова-Бенуа.	291
В.. Чернышев. Гибель Титаника и Подвода черту	292

. Время и вечность (Записки свидетеля)	296
Продолжение Записок свидетеля	298
Г. Н. Ионин.. Россия (отрывок из поэмы)	301
Вл. Солоухин и Илья Глазунов. Последняя ступень и Тайна времени	303
Вл. Дудинцев. Вл. Солоухин. В. Чернышев. СТИХИ	307
Вл. Солоухин. Роман «ЧАША. Есенин. Плевицкая. Николай Гедда.	310
Вл. Солоухин и Илья Глазунов. А не все ли уже кончено с Россией?	324
В.Чернышев. Бой часов	328
Вл. Солоухин. Реквием (Чаша)	329
В. Чернышев. Метаистория.	332
Эдуард Кузнецов и Виктор Файнберг	334
Красный террор в Крыму.	335
Роза Заседателева-Солоухина. На задворках победы.	343
Ю. Белов. По Владимирским проселкам с Вл. Солоухиным.	344
Статья И.А.Петракова о Вл. Солоухине.	349
В. Чернышев. «Любовь под открытым небом». «Рассказы о любви»	350
Часть 6. Суриков как свидетель	356
М. Чернышева. «Гости из Сибири В.Чернышев.	357
В.Чернышев. Вездесущий свидетель	358
Суриков. Чернышев. Кончаловская. С. Михалков. Павел Васильев	360
Часть 7. Пред лицом всевидящих	362
В. Чернышев. Почти последнее Послесловие (пред лицом Всевидящих)	363
К чему же мы пришли?	371
Небольшой антракт	376
Революция и внутренняя война в Российской империи	381
Больница всех скорбящих. Последнее развязывание узлов	385
В. Чернышев. <i>Восемь тезисов о правде, чуде и справедливости.</i>	392
Заметки вдогонку	394
<i>Культура как религия.</i>	400
<i>Культура как метафизика жизни</i>	402
<i>Последние споры и объяснения.)</i>	407
ВИРУС и ЖИЗНЬ	410
Заключительная философия.	411
<i>Посл. выяснение отношений</i>	415
Литерат-е встречи далекого прошлого	419
Шестидесятники	423
Притягательность и Губительность красоты	430
Иосиф Бикерман. Россия и русское еврейство	435
Сотворение мира .	439
За что любят Сталина?	441
Станислав Юрьевич Куняев – ПРИЗРАК КОММУНИЗМА	443
Сапрыкин. Развитие или регресс?	446
Уголок рекламы. Полина Осетинская. Ольга Пудова	451
Послесловие вместо Предисловия (или наоборот?)	453

Авторы и соавторы этой книги!

Простите меня за то, что я собрал вас вместе, моих отчасти воображаемых друзей и попутчиков, в когорту авторов сей **Хрестоматии по Русской истории XX-го столетия**; и хотя вы сольные мастера, я собрал вас в ХОР, да еще присвоил себе права дирижера. Но я ваш верный слушатель, читатель и поклонник, и если бы вас собрал вместе не я, то кто же?

Мой вывод о том (как и Шафаревича), что вина за разгром России лежит на Русской интеллигенции, ставшей *Малым Народом* (то есть третьим народом в России, после "варяго-русов" и славян) не распространяется ни на меня ни на вас, мы единственные **подлинно русские**, преодолевшие славяно-русский раскол, а последователи Маркса и Троцкого и Ленина-Сталина и большевиков – это советский народ, *Хомо-советикус*, и в своей центральной части (как устойчивое ядро) именно **Малый народ**. Возрождение России – это не возрождение или преобразование западного или восточного социализма, концлагеря, казармы, не единственно возрождение православия (христианства), не евразийство и не соединение с Западом – это **возрождение России как цели и смысла жизни русского человека**, в котором **русскость** – единство происхождения, истории, традиций, языка, культуры, телеологии (то есть замысла Божьего о нашем предназначении) – **трансцендентное этнокультурное единство, кровь и почва вместе - по Пушкину**: "всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык" (*включая и греков, немцев, шведов, французов... даже датчан, иудеев и мавров*). Тем паче что все мы – **народники**, представители Большого народа, а вспоминая, что «**народность**» как перевод «национальности» предложил замечательный поэт и умнейший человек П. А. Вяземский (как напомнил Н. П. Ильин), то мы суть то же, что **националисты** – в русском значении этого слова, не исключая *всемирности*, что важно...

=====

СВИДЕТЕЛЬ

**Важнейших лиц, идей и событий Русской ИСТОРИИ
и КУЛЬТУРЫ в течение 75 лет (1950 – 2024)**

книга первая: ВСТРЕЧИ и СУДЬБЫ

Автор, редактор и составитель В. Чернышев.

**Статьи, Стихи, Интервью, Воспоминания, Отрывки,
Рисунки и Фотографии**

**Подписано в печать 26.02.25
Формат 60х90 1/ 16 464 стр**

Редакция не несет ответственности за мнения авторов
Почта редакции email: mvnch@mail.ru

СПб, 2025